

147
Н. ЛЕНИН
В. УЛЬЯНОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XV

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

1918 год

46 — 91.500 экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

*Печатается по постановлению
IX Съезда Р. К. П. (б).*

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

25 октября 1917 г. — 31 декабря 1918 г.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ,

XV том «Собрания сочинений» Н. Ленина охватывает период времени с 25 октября 1917 г. до 31 декабря 1918 г.

25 октября 1917 г. Вл. Ил. впервые после июльских дней (3—5 июля 1917 г.) появился в конспиративных комнатах Смольного, а 26 октября—после почти четырехмесячного «подполья»—выступил с речью на открытом собрании Петроградского Совета. В течение того же дня Вл. Ил. предложил Центральному Комитету большевиков написанные им проекты декретов «о мире» и «о земле» и ночью огласил их на первом заседании II Всероссийского Съезда Советов, провозгласившего власть Советов и организовавшего Временное Рабоче-Крестьянское Правительство под председательством т. Ленина.

Четырнадцать месяцев, протекавшие с этого момента и освещенные в статьях и речах, вошедших в данный том, особенно важны для изучения теории и тактики коммунизма.

Всю эту эпоху — по характеру основных задач, требовавших решения от Советской власти и коммунистической партии — можно разбить на четыре периода.

Первый период — от ноября 1917 г. до марта 1918 г.: подавление первых попыток сопротивления контр-революции (Краснов, Духодин, Каледин, Корнилов); распространение Советской власти из центра на места; заключение мира с Германией; спор с «левыми коммунистами», неприемлющими Брестского мира (речи Вл. Ил. на VII съезде РКП и IV Съезде Советов. Статьи о «революционной фразе» и т. д.).

Второй период — от марта до июня 1918 г.; первая «передышка», возможность для Советской власти впервые сосредоточиться на организационно-хозяйственных вопросах; В. И. формулирует «основное

положение для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти»: «если бы мы захотели теперь продолжать прежним темпом экспроприировать капитал дальше, мы, наверное, потерпели бы поражение, ибо наша работа по организации пролетарского учета и контроля явно *отстала* от работы непосредственной экспроприации экспроприаторов» («Очередные задачи Советской власти», статья т. Ленина 29 апреля 1918 г.). Одновременно выдвигается идея «государственного капитализма» (та же статья). Спор с «левыми» переносится в область хозяйственно-организационных вопросов (статья Вл. Ил. О «левом» ребячестве и о «мелко-буржуазности», май 1918 г.).

Третий период — от июня до ноября 1918 г.: перелом; мятеж левых эс-эров; начало иностранной интервенции; восстание чехо-словаков; создание военных фронтов внутри страны; десант англичан в Архангельске, Скоропадский на Украине, Краснов на Дону, Алексеев на Юге; убийство Володарского и Урицкого; обострение голода в городах. Советская республика вооружается и вступает в борьбу за существование со всем капиталистическим миром; начало периода «военного коммунизма»; восстановление идейного единства в партии (письмо Вл. Ил. к питерским рабочим «О голоде», речь «Борьба за хлеб» и т. д.).

Четвертый период — от ноября до конца года: революция в Германии и Австрии; перемирие на фронтах империалистической войны (ноябрьские речи Вл. Ил. о мировой революции); колебания и разлад в рядах «демократической» контр-революции (статья Вл. Ил. «Ценные признания Питирима Сорокина», речь «О мелко-буржуазных партиях», ноябрь 1918 г.).

1918 год таким образом показал на деле все трудности, стоящие на пути пролетарской революции, и одновременно указал пути победы над этими трудностями.

В связи с этим, статьи и речи, собранные в данном томе, дают возможность изучить тактику коммунизма и ход строительства первого Советского государства в первый год его существования при круто меняющихся условиях международной обстановки и резких перегруппировках классовых сил внутри страны.

* * *

Что касается материала, включенного в данный том, то он требует некоторых пояснений и оговорок. Сохраняя общий принцип всего издания — хронологический метод расположения материала, — мы включили в этот том все, что было *написано* и опубликовано Вл. Ил. в 1918 г. в виде статей, брошюр и предисловий.

Кроме этого, не вызывающего никаких сомнений, материала мы включили в том также и *речи* Вл. Ил. Это — материал гораздо более сомнительный в смысле *текста*. Лишь меньшинство опубликованных речей Вл. Ил. подвергалось до их напечатания в современной прессе предварительному просмотру автора. Большинство воспроизводилось по стенограммам, которые очень далеки от точного воспроизведения сказанного. Наконец, некоторые речи сохранились только в хроникерской записи, т.-е. воспроизводится — более или менее точно — лишь скелет сказанного. Следовало ли воспроизводить весь этот материал? Не правильнее ли было бы ограничиться лишь тем, что Вл. Ил. *писал*?

Тов. Ленин сам несколько раз в печати слагал с себя ответственность за публикуемый в газетах текст его речей. Несмотря на это, мы все сохранившиеся в той или другой записи речи ввели в «Собрание сочинений», ибо они — несмотря на все неточности — представляют важнейший исторический материал для изучения политики нашей партии и Советской власти. Без них нельзя обойтись, между прочим, и потому, что ряд важнейших вопросов революции, затронутых в *печатных* работах т. Ленина, лишь в его *речах* находит себе более подробное и детальное освещение. Неудобства же, проистекающие из того, что опубликованные тексты речей нельзя — очень часто — считать аутентичным воспроизведением того, что было сказано, достаточно ослабляются тем, что речи эти напечатаны рядом с печатными статьями, и читатели таким образом получают полную и легкую возможность сравнения и сопоставления.

Воспроизведением статей и речей т. Ленина и ограничивается материал, введенный нами в этот том. Таким образом сознательно оста-

влены в стороне все материалы, не носящие *литературного* характера и связанные непосредственно с работой Вл. Ил., как представителя государственной власти (декреты, проекты и постановления СНК, СТО, различных советских комиссий, телеграммы и т. д., и т. д.).

Примечания составлены по тому типу, который установлен для всего издания и по поводу которого редакция не встретила в отзывах о вышедших томах каких-либо возражений. Весь материал, касающийся споров в ЦК большевиков в связи с Брестским миром, сохранившийся в архивах ЦК РКП (б.) (между прочим, речи и предложения т. Ленина), выделен — ввиду важности темы и ради большей ясности общей картины — из «примечаний» и сгруппирован в отдельном очерке, составленном т. Н. Овсянниковым. Кроме «примечаний» дана. «летопись важнейших событий» охватываемого XV томом периода

19 IV 22.

Л. Каменев.

Р. С. Ввиду предположенного Госиздатом выпуска второго издания уже вышедших томов, прошу товарищей, заметивших в последних какие-либо пропуски, сообщить мне о них.

Л. К.

**II ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД
СОВЕТОВ
и
РЕЧИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ
СОВЕТЕ.**

25—26 октября 1917 г.

Об Октябрьской революции.

(Речь *) в Петербургском Совете Р. и С. Д., 26 октября 1917 г.)

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спа-

*) Хроникерский, нестенографический отчет.

сение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

*«Известия Петербургского
Совета Р. и С. Д.» № 208
27 октября 1917 г.*

О мире.

(Речь на II Съезде Советов¹⁾ 26 октября 1917 г.)

Вопрос о мире есть жгучий вопрос, большой вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство *)...

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, должно немедленно начать переговоры о мире. Наше обращение должно быть направлено и к правительствам, и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны вышибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим, — это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного Собрания, которое уже будет властно решать, что можно и чего нельзя уступить. Мы боремся

¹⁾ См. декрет о мире на стр. 13.

против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии и будем действовать открыто перед всем народом. Мы не закрываем и не закрывали глаза па трудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне. Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободной измученная армия и, кроме того, во всех культурных странах необходимо созвать народные собрания, чтобы обсудить условия.

Предлагая немедленно заключить перемирие, мы обращаемся к сознательным рабочим тех стран, которые много сделали для развития пролетарского движения. Мы обращаемся к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавшим всю силу своего классового сознания, и к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах ²⁾ и создавшим могучие организации.

В манифесте от 14-го марта ³⁾ мы предлагали свергнуть банкиров, но сами своих не только не свергли, но даже вступили с ними в союз. Теперь мы свергли правительство банкиров.

Правительство и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. Советское движение в других странах, восстание германского флота, подавленное юнкерами палача Вильгельма, наконец, надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно.

Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму.

«II Всеросс. Съезд Советов

и первые шаги сов. правительства».

Изд. Кронштадтск. Ком. РС-ДРП (6.) 1917 г.

Декрет о мире.

(Принят на II Съезде Советов 26 октября 1917 г.)

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на Советы Р., С. и Кр. Депутатов, предлагает всем воюющим пародам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся

классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать, без малейшей оттяжки, тотчас же, все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.-е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром обсуждении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, с своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывает, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великоруссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключении мира, правительство с своей стороны выражает готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, при чем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее, как на 3 месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

* * *

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств — Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряда революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работы создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы

пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

*«Собрание узаконений и распоряжений.
Рабоче-Крестьянского правительства». 1918 г.*

Заключительное слово.

(Заседание 26 октября 1917 г.)

Я не буду касаться общего характера декларации. Правительство, которое ваш съезд создает, сможет внести и изменение несущественных пунктов.

Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей конспиривности.

Мы наше обращение разошлем повсюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя.

Нельзя скрыть о нашей рабоче-крестьянской революции, свергнувшей правительство банкиров и помещиков.

При ультимативности правительства могут не ответить, при нашей редакции они должны будут ответить. Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

Что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии, если из-за нашей конспиривности он не будет знать, что хочет другое правительство? Он скажет: товарищи, зачем вы исключили возможность предложений всяких условий мира? Я бы их обсудил, я бы их просмотрел, а затем бы наказал моим представителям в Учредительное Собрание, как им поступить. Я готов биться революционным

путем за справедливые условия, если правительства не согласятся, но могут быть такие условия для некоторых стран, что я готов предложить этим правительствам бороться самим дальше. Полное осуществление наших мыслей зависит только от свержения всего капиталистического строя. Вот что может сказать нам крестьянин, и он обвинит нас в излишней неуступчивости в мелочах, когда нам главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства.

Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это — капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата. Ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам. Мы все предложения мира внесем на заключение Учредительного Собрания.

Есть еще один пункт, на который вам, товарищи, надо обратить пристальное внимание. Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях. Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях.

Мы не связываем себя договорами. Мы не дадим себя опутать договорами. Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать. Мы предлагаем перемирие на срок в три месяца, мы выбираем длинный срок, потому что народы утомлены, народы жаждут отдыха от этой кровавой бойни, длящейся четвертый год. Мы должны понимать, что необходимо обсудить условия мира народам, выразить свою волю, при участии парламента, а для этого должен быть дан срок. Мы потому требуем длительного перемирия, чтобы отдохнула армия в окопах от этого кошмара вечных убийств, но мы не отвергаем предложений и более короткого перемирия, мы их рассмотрим и мы их должны будем принять, даже если нам предложат перемирие на месяц или на полтора. Наше предложение о перемирии тоже не должно быть ультимативным, ибо мы не дадим возможности нашим врагам скрыть всю правду от народов, спрятавшись за нашу непримиримость. Оно не должно быть ультимативным, ибо преступно правительство, не желающее пере-

мирия. Если же мы предложение наше о перемирии сделаем не ультимативным, то мы тем самым заставим правительства в глазах народа стать преступниками, а с такими преступниками народы не станут церемониться. Нам возражают, что наша неультимативность покажет наше бессилие, но пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинаясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бойни. Разве в Германии не происходит массовых демонстраций рабочих, на которых выбрасываются лозунги о прекращении войны? Разве не усталостью вызвано то восстание германского флота, которое так беспощадно подавлено палачом Вильгельмом и его прислужниками ⁴⁾? Если возможны такие явления в такой дисциплинированной стране, как Германия, где начинают говорить об усталости, о прекращении войны, то нам нечего бояться, если мы скажем открыто о том же, ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже не-воюющих стран.

*«II Всеросс. съезд Советов
и первые шаги сов. правит.».*

Изд. Кроншт. Комит. Р.С.-Д.Р.П.(б.) 1917 г.

О земле.

(Речь на II Съезде Советов 26 октября 1917 г.)

Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания второй Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предложениями оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию. Фальшью и

трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы волноваться? Но все меры правительства, одобряемые Авксентьевским и Дановским Советами⁵⁾, шли против крестьян и вынуждали их на восстание.

Вызвав восстание, оно стало кричать о погромах и анархии, которые само же вызвало. Оно хотело задавить его железом и кровью, но само было сметено вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, — вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. Я прочту вам те пункты декрета, которые должно выпустить ваше советское правительство. В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов Крестьянских Депутатов...

Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен с.-р. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за с.-р., и если они даже этой партии дадут на Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем:—пусть так. Жизнь—лучший учитель, — она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Старое правительство, свергнутое вооруженным восстанием, хотело разрешить земельный вопрос с помощью несменной старой царской бюрократии. Но вместо разрешения вопроса бюрократия только боролась против крестьян. Крестьяне кое-чему научились за время нашей 8-месячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эс-эровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уве-

ренность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь.

*«II Всеросс. съезд Советов
и первые шаги сов. прав.».
Изд. Кронштадтск. Ком.
Р. С.-Д. Р. П. (6.) 1917 г.*

Декрет о земле.

(Принят II Съездом Советов 26 октября в 2 часа ночи.)

1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно, без всякого выкупа.

2. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов, впредь до Учредительного Собрания.

3. Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4. Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием, должен повсюду служить крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петербург, 19 авг. 1917 г.).

*«Собрание узаконений и распоряжений
Рабоче-Крестьянского правительства». 1918 г.*

РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ

В. Ц. И. К.

4 ноября 1917 г.

*«Протоколы В. Ц. И. К. второго
созыва». Издание В. Ц. И. К. 1918 г.*

Речь о свободе печати *).

Тов. Карелин ⁶⁾ уверял нас, что тот путь, на который он становится, ведет к социализму, но идти так к социализму, это значит идти задом наперед. Троцкий ⁷⁾ был прав: во имя свободы печати было устроено восстание юнкеров ⁸⁾, объявлена война в Петербурге и Москве ⁹⁾. На этот раз с.-д. выступали не как социалисты-революционеры. На этой неделе все телеграфы были в руках Керенского. Викжель ¹⁰⁾ был на их стороне. Но войска у них не было. Оказалось, что армия за нас. Ничтожная кучка начала гражданскую войну. Она не кончена. К Москве подступают каледины, к Питеру — ударники. Мы не хотим гражданской войны. Наши войска проявили большое терпение. Они выжидали, не стреляли, и сначала ударниками было убито трое наших. К Краснову ¹¹⁾ были применены мягкие меры. Он был подвергнут лишь домашнему аресту.

Мы против гражданской войны. Если, тем не менее, она продолжается, то что же нам делать? Троцкий был прав, когда спрашивал, от чьего имени вы говорите. Мы спросили Краснова, подписывается ли он за Каледина ¹²⁾, что тот не будет продолжать войну. Он ответил, понятно, что не может. Как же мы прекратим меры преследования против врага, который не прекратил враждебных действий?

Когда нам предложат условия мира, мы пойдем на переговоры. Но пока нам предлагают мир те, от которых он не зависит. Это только хорошие слова. Ведь «Речь» ¹³⁾ есть орган калединцев. Мы вполне допускаем искренность с.-р., но за их спинами стоят, тем не менее, Каледин и Милюков ¹⁴⁾. Чем тверже будете вы, солдаты, — тем больше мы достигнем. Наоборот, нам скажут: «они не крепки еще, если выпустят Милюкова». Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет

*) Протоколы ВЦИК 2-го созыва не являются стенограммой, а представляют простую, далеко не точную секретарскую запись, чем объясняется краткость настоящей и последующих речей В. И. Ленина на заседаниях ВЦИК 2-го созыва, вошедших в настоящий том.

значит перестать быть социалистом. Тот, кто говорит: «откройте буржуазные газеты», не понимает, что мы полным ходом идем к социализму. Закрывали же ведь черносотенные газеты после того, как был свергнут царизм! Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы, — ее провозгласили члены Съезда Советов, — никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена. Буржуазия провозгласила свободу, равенство и братство. Рабочие говорят: «нам не это нужно». Нам говорят: «мы отстаем». Нет, товарищи, с.-р. пошли назад к Керенскому. Нам говорят, что в нашей резолюции есть новое. Конечно, мы даем новое потому, что мы идем к социализму. Когда с.-р. выступали в 1 и 2 Думах, их также встречали насмешками, что они говорят новое.

Частные объявления должны быть признаны монополией¹⁵⁾. Члены союза печатников смотрят с точки зрения куска хлеба. Мы дадим им его, но в другом виде. Мы не можем дать буржуазии клеветать на нас. Нужно сейчас же назначить комиссию для расследования зависимости буржуазных газет от банков. Мы должны выяснить, «какая свобода» наняла эти газеты. Не свобода ли покупать массу бумаги и нанимать массу писак? Мы должны уйти от этой свободы печати, зависящей от капитала. Этот вопрос имеет принципиальное значение. Если мы идем к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина прибавить бомбы лжи.

Недостатки в нашем законопроекте, конечно, есть. Но его будут применять везде Советы, сообразно условиям на своих местах... Мы не бюрократы и не хотим применять всюду буквально, как было в старинных канцеляриях. Я вспоминаю, как эс-эры говорили: «как бесконечно мало знают в деревне. Там черпают все из «Русского Слова»¹⁶⁾. Мы виноваты, что оставляли газеты в руках буржуазии. Нам надо идти вперед, к новому обществу, и относиться к буржуазным газетам так, как мы относились к черносотенным в феврале — марте.

Ответ на запрос левых эс-эров.

На запрос *), предъявленный левыми эс-эрами, отвечает Ленин. Он напоминает, что в первые дни переворота большевики предлагали

*) Текст запроса:

«Председателю Центрального Исполнит. Комитета II Съезда С. Р. и С. Д. Фракция левых с.-р. предлагает ЦИК обратиться к председателю Совета Народных Комиссаров Ульянову-Ленину со следующим спешным запросом:

На II Съезде С. Р. и С. депутатов было установлено, что ЦИК является верховным органом, перед которым в полной мере ответственно правительство,

представителям левых эс-эров войти в новое правительство, но сотрудничество с большевиками было отвергнуто самой фракцией левых эс-эров, не пожелавших разделить со своими соседями слева ответственность в эти тяжелые, критические дни.

Новая власть не могла считаться в своей деятельности со всеми рогатками, которые могли ей встать на пути при точном соблюдении всех формальностей. Момент был слишком серьезный и не допускал промедления. Нельзя было тратить время на то, чтобы сглаживать шероховатости, которые, придавая лишь внешнюю отделку, ничего не изменяли в существе новых мероприятий. Ведь и самый II Всероссийский Съезд Советов отбросил все формальные затруднения, приняв в одном большом заседании два закона мировой важности. Пусть с точки зрения буржуазного общества эти законы страдают формальными недочетами, но ведь власть в руках Советов, которые могут внести необходимые коррективы. Преступное бездействие правительства Керенского привело страну и революцию на край гибели, промедление, воистину, смерти подобно, и, издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс, новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни. Советы на местах, сообразно условиям местности и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные пожелания, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности. Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах, пусть снабжают они фабрикатами деревню, обменивают их на хлеб... Ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм — это прежде всего учет. Социализм не создается по указу сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой — есть создание самих народных масс.

Между тем за последние дни опубликован ряд декретов (от имени правительства) без всякого обсуждения и санкции ЦИК. В том же порядке проведены правительством действия, фактически отменявшие начала гражданских свобод.

Мы предлагаем запрос к председателю Совета Комиссаров:

1. На каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение ЦИК?

2. Намерено ли правительство отказаться от произвольно установленного ими совершенно недопустимого порядка — декретирования законов?

В. Карелин, В. Спиро, А. Шрейдер,
В. Дмитриевский-Александрович, И. Нетеров,
С. Котляровский, И. В. Балашов,
Петр Бухарцев, А. Прошьян, С. Зак,
Гр. Закс».

Реплика левому эс-эру.

Ленин указывает, что выражение «Запад позорно молчит» *) недопустимо в устах интернационалиста. Только слепой не может видеть того брожения, которым охвачены рабочие массы в Германии и на Западе. Верхи немецкого пролетариата, социалистическая интеллигенция там, как всюду, состоит в большинстве из оборонцев. Но пролетарские низы против воли своих верхов готовы отозваться на наш зов. Свирепая дисциплина, царящая в германской армии и во флоте, не помешала выступлению оппозиционных элементов. Революционные моряки немецкого флота, зная заранее, что их попытка обречена на неуспех, героически шли на верную гибель, лишь бы своей смертью пробудить еще дремлющий в народе дух восстания. Группа «Спартак» ¹⁷⁾ все интенсивнее развивает свою революционную пропаганду. Имя Либкнехта ¹⁷⁾, неумоимого борца за идеалы пролетариата, с каждым днем становится популярней в Германии.

Мы верим в революцию на Западе, мы знаем, что она неизбежна, но, конечно, нельзя по заказу ее создать. Разве мы в декабре прошлого года могли с точностью знать о грядущих февральских днях? Разве мы в сентябре знали достоверно о том, что через месяц революционная демократия в России совершит величайший в мире переворот? Мы знали, что старая власть находится на вулкане. По многим признакам мы угадывали о той великой подземной работе, которая совершалась в глубинах народного сознания. Мы чувствовали в воздухе накопившееся электричество. Мы знали, что оно неизбежно разразится очистительной грозой. Но пророчествовать о дне и часе этой грозы мы не могли. Ту же картину, что и у нас, мы видим сейчас в Германии.

Там нарастает то же глухое недовольство народных масс, которое неизбежно выльется в форму народного движения. Дискредитировать революцию мы не можем, но способствовать ей можем и мы. Мы поведем в окопах организованное братание, поможем народам Запада начать непобедимую социалистическую революцию. Тов. Закс далее говорит о дискредитировании социализма... Но разве теперешняя власть не призывает самые массы к творчеству лучших форм жизни? Обмен продуктов обрабатывающей промышленности на хлеб, строгий контроль и учет производства — вот начало социализма. Да, у нас будет республика труда. Кто не хочет работать, тот пусть не ест.

*) Во время обсуждения вопроса о конструкции ВЦИК левый эс-эр Закс произнес речь, где употребил выражение: «Запад позорно молчит», что вызвало настоящую реплику Ленина.

Далее, в чем же проявляется изолированность нашей партии? В том, что откладываются отдельные интеллигенты¹⁸⁾. Но с каждым днем мы все большую поддержку находим в крестьянстве. Только тот переборет и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества...

Далее тов. Ленин предлагает ЦИК следующую резолюцию:

«Поручая Сов. Нар. Ком. наметить к следующему заседанию кандидатуры народных комиссаров по внутренним делам и торговли и промышленности, ЦИК предлагает тов. Калегаяеву¹⁹⁾ занять пост народного комиссара земледелия».

«Протоколы ВЦИК

2-го созыва», Изд. 1918 г.

Разговор с ген. Духониным по прямому проводу.

(У аппарата Ленин, Сталин²⁰⁾, и Крыленко²¹⁾.)

— Здесь у аппарата верховный главнокомандующий Дитерихс.

— Будьте любезны, попросите исп. об. главковерха. Если генерал Духонин²²⁾ не несет этих обязанностей, то благоволите попросить лицо, которое его в настоящее время заменяет. Насколько нам известно, генерал Духонин своих обязанностей не слагал еще.

Ставка отвечает: — Исп. д. главковерха ген. Духонин поджидал вас до часу ночи, теперь спит.

— Аппарат не действовал, а затем был занят ставкой с генкварским проводом.

— Если можете, то скажите: получена вами радио-телеграмма Совета Народных Комиссаров, посланная в 4 часа, и что сделано во исполнение предписания Совета Народных Комиссаров?

Ставка отвечает: — Была получена телеграмма государственной важности без № и без даты, почему генерал Духонин запросил генерала Маниковского²³⁾ о необходимых гарантиях, подтверждающих подлинность телеграммы.

— Что же ответил на этот запрос Маниковский и в котором часу был послан этот запрос и каким образом: по радио, по телефону или телеграфу?

Ставка отвечает: — Ответа еще не получено, и час тому назад послана просьба ускорить ответ.

— Прошу вас указать, в котором часу и каким именно способом послан первый запрос? Нельзя ли поскорее?

Ставка отвечает: — Телеграмма была послана генералу Маниковскому по аппарату и по радио, — в котором часу, сейчас скажут.

Телеграмма передана в 19 ч. 50 мин.

— Почему одновременно не был послан этот запрос мне, как Народному Комиссару по военным делам, так как главковерху было известно из личного разговора со мной, что генерал Маниковский только лицо, на обязанности которого лежит преемственность технической работы снабжения и продовольствия, в то время как политическое руководство деятельностью военного министерства и ответственность за таковую лежит на мне.

Ставка отвечает: — По этому поводу ничего не могу ответить.

— Мы категорически заявляем, что ответственность за промедление в столь важном государственном деле возлагаем всецело на генерала Духонина и безусловно требуем: во-первых, немедленной посылки парламентаров, а, во-вторых, личной явки генерала Духонина к проводу завтра в 11 час. утра. Если промедление приведет к голоду, развалу или поражению, или анархическим бунтам, то вся вина лежит на вас, о чем будет сообщено солдатам.

Ставка отвечает: — Об этом я доложу генералу Духонину.

— Когда доложите? — Сейчас. — Тогда ждем Духонина.

Ставка отвечает: — Сейчас разбужу. — У аппарата вр. исн. об. главковерха генерал Духонин.

— Народные Комиссары у аппарата, ждем вашего ответа.

— Убедившись из поданной сейчас мне ленты разговора с вами главковерха, что телеграмма мне была послана вами прежде, чем принять решение по существу телеграммы за подписью Народных Комиссаров — Ульянова-Лепина, Троцкого и Крыленко, мне совершенно необходимо иметь следующие фактические сведения: 1) имеет ли Совет Народных Комиссаров какой-либо ответ на свое обращение к воюющим государствам с декретом о мире; 2) как предполагалось поступить о румынской армией, входящей в состав нашего фронта; 3) предполагается ли входить в переговоры о сепаратном перемирии и с кем, только ли с немцами или с турками или переговоры будут вестись нами за общее перемирие?

— Текст посланной вам телеграммы совершенно точен и ясен, в нем говорится о немедленном начале переговоров о перемирии со всеми воюющими державами, и мы, решительно отвергая право замедлить это государственной важности дело какими бы то ни было предварительными вопросами, настаиваем на немедленной посылке парламентаров и извещении нас каждый час о ходе переговоров.

Ставка отвечает: — Вопросы мои чисто технического характера, без разрешения которых невозможно ведение переговоров.

— Вы не можете не понимать, что против переговоров возникает много технических, вернее, детальных вопросов, на которые мы вам дадим ответ по мере того, как эти вопросы будут возникать или ставиться неприятелем; поэтому еще раз и ультимативно требуем немедленного и безоговорочного приступа к формальным переговорам о перемирии между всеми воюющими странами, как союзными, так и находящимися с нами во враждебных действиях. Благovolите дать точный ответ.

— Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для нас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность, для достижения результатов. Я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира.

— Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание?

— Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством. *Духонин.*

— Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не придет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко.

Подписали: Ленин, Сталин, Крыленко.

*«Протоколы ВЦИК 2-го созыва». Приложение к протоколу заседания 10 ноября 1917 г.
Издание ВЦИК 1918 г.*

Радио всем.

Всем полновым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота.

7 ноября ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях.

Эта радио-телеграмма была получена ставкой 8 ноября, в 5 часов 5 минут утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совету Народных Комиссаров ход переговоров и подписать акт перемирия только после утверждения его Советом Народных Комиссаров. Одновременно такое предложение — заключить перемирие — было формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петербурге.

Не получив от Духонина ответа до вечера 8 ноября, Совет Народных Комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления.

Переговоры велись от 2-х до 4-х с половиной часов утра 9 ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснений своего поведения и от дачи точного ответа на предписание правительства, но, когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Вы не дадите контр-революционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом

шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!

Именем правительства Российской республики, подписали:

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*.

Народный Комиссар по военным делам и верховный главнокомандующий *Н. Крыленко*.

«Протоколы ВЦИК 2-го созыва».

Приложение к протоколу заседания 10 ноября 1917 г.

Издание ВЦИК 1918 г.

О генерале Духонине.

(Речь на заседании В. Ц. И. К. 2 созыва 10 октября 1917 г.)

Полный текст наших переговоров с Духониным отпечатан, и я могу ограничиться небольшими заявлениями. Для нас было ясно, что мы имеем дело с противником народной воли и с врагом революции. Со стороны Духонина были разные увертки и уловки с целью затянуть дело. Выражали сомнение в подлинности нашей телеграммы и с запросом об ее подлинности обращались не к Крыленко, а к генералу Манюковскому. Таким образом генералы украли, по крайней мере, сутки в таком важном и насущном вопросе, как вопрос о мире. Только тогда, когда мы заявили, что обратимся к солдатам, у провода появился генерал Духонин. Мы заявили Духонину, что требуем от него немедленно вступить в переговоры о перемирии, и только. Мы не давали Духонину права заключить перемирие. Не только вопрос о заключении перемирия не подлежит компетенции Духонина, но и каждый шаг его в деле ведения переговоров о перемирии должен был находиться под контролем Народных Комиссаров. Буржуазная пресса ставит нам упрек в том, что будто мы предлагаем сепаратное перемирие, будто мы не считаемся с интересами румынской армии. Это сплошная ложь. Мы предлагаем немедленно начать мирные переговоры и заключить перемирие со всеми странами без изъятия. Мы имеем сведения, что наши радио-телеграммы доходят в Европу. Так, наша радио-телеграмма о победе над Керенским была перехвачена австрийским радио-телеграфом и передана. Германцы же посылали встречные волны, чтобы задержать ее. Мы имеем возможность сноситься с Парижем, и когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь воз-

возможность сообщить французскому народу, что он может быть подписан и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа. Увидим, что скажет тогда Клемансо. Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается. Эта борьба будет трудной и упорной. Международный империализм мобилизует все свои силы против нас, по как ни велики силы международного империализма, наши шансы весьма благоприятны; в этой революционной борьбе за мир и с борьбой за мир мы соединим революционное братание. Буржуазия желала бы, чтобы осуществился сговор империалистических правительств против нас.

«Протоколы ВЦИК 2-го созыва».

Издание ВЦИК 1918 г.

Реплика по тому же вопросу.

(Речь в В. Ц. И. К. 2-го созыва 10 ноября 1917 г.)

Тов. Чудновский ^(*) говорил здесь о том, что он позволил себе подвергнуть действия комиссаров резкой критике. Здесь не может быть речи о том, можно ли или нельзя позволить себе резкой критики; эта критика составляет долг революционера, и Народные Комиссары не считают себя непогрешимыми.

Тов. Чудновский говорил, что похабный мир для нас неприемлем, но он не мог привести ни одного слова, ни одного акта, который мог бы быть истолкован в смысле приемлемости для нас этого мира. Мы сказали: мир может быть подписан только Советом Народных Комиссаров. Когда мы шли на переговоры с Духониным, мы знали, что мы идем на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий. Результатов переговоров мы не знали. Но у нас была решимость. Необходимо было принять решение тут же, у прямого провода. В отношении к неповинующемуся генералу меры должны были быть приняты немедленно. Мы не могли созвать ЦИК по прямому проводу, и здесь нет никакого нарушения прерогатив ЦИК. В войне не дожидаются исхода, а это была война против контр-революционного генералитета, и мы тут же против него обратились к солдатам. Мы сместили Духонина, но мы не формалисты и бюрократы и мы знаем, что одного смещения мало. Он идет против нас, а мы апеллируем против него к солдатской массе. Мы даем ей право вступать в переговоры о перемирии. Но не заключать перемирия. Солдаты

получили предостережение: стеречь контр-революционных генералов. Я считаю, что любой полк достаточно организован для того, чтобы поддержать необходимый революционный порядок. Если момент, когда солдаты пойдут на переговоры о перемирии, будет использован для измены, если во время братания будет произведено нападение, то обязанность солдат—расстрелять изменников тут же без формальностей.

Говорить, что мы теперь ослабили наш фронт, на случай, если бы немцы перешли в наступление, — чудовищно. Пока Духонин не был изобличен и смещен, у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира. Сейчас эта уверенность есть: воевать с Духониным можно, только обращаясь к чувству организованности и самодеятельности солдатской массы. Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу. Без активного участия солдат мир, заключенный главнокомандующими, непрочен. Я против предложения Каменева²⁵⁾ не потому, что я в принципе против него, а потому, что того, что предлагает Каменев, недостаточно, это слишком слабо. Я ничего не имею против комиссии, но предлагаю не предрешать ее функций; я против слабых мер и предлагаю не связывать нам в этом отношении руки.

«Протоколы ВЦИК 2-го созыва»

Издание ВЦИК 1918 г.

Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами.

(Письмо в редакцию.)

Сегодня, в субботу, 18 ноября 1917 г., когда мне пришлось выступать на крестьянском съезде²⁶⁾, мне задан был публично вопрос, на который я тотчас же ответил. Необходимо, чтобы этот вопрос и мой ответ стали немедленно известны всей читающей публике, ибо, говоря формально от своего только собственного имени, я по существу дела говорил от имени всей партии большевиков.

Дело было так:

Касаясь вопроса о союзе рабочих-большевиков с левыми эс-эрами, которым сейчас доверяют многие крестьяне, я доказывал в своей речи, что союз этот *может* быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*. Социализм *вполне* может удовлетворить интересы тех и других. *Только* социализм может

удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость «честной коалиции» между пролетариями и трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Напротив, «коалиция» (союз) между трудящимися и эксплуатируемыми классами, с одной стороны, буржуазией, с другой стороны, не может быть «честной коалицией», вследствие коренного расхождения интересов этих классов.

Представьте себе,—говорил я,—что в правительстве будет большинство большевиков и меньшинство левых эс-эров, допустим даже, всего один левый эс-эр, комиссар земледелия. Могут ли большевики осуществить честную коалицию в таком случае?

Могут, ибо, будучи непримиримыми в борьбе с контр-революционными элементами (в том числе с право-эс-эровскими и оборонческими), большевики обязаны были бы *воздержаться* при голосовании таких вопросов, которые касаются чисто-эс-эровских пунктов земельной программы, утвержденной вторым Всероссийским съездом Советов. Таков, напр., пункт об уравнительном землепользовании и перделах земли между мелкими хозяевами.

Воздерживаясь при голосовании такого пункта, большевики ни капельки не изменяют своей программы. Ибо, при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие обязаны *согласиться* на переходные меры, предлагаемые трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, если эти меры *не вредят* делу социализма. И Каутский ²⁷⁾, когда он был еще марксистом (в 1899—1909 г.г.), неоднократно признавал,—говорил я,—что переходные меры к социализму не могут быть одинаковы в странах крупного и в странах мелкого земледелия.

Мы, большевики, обязаны были бы воздержаться в Совете Народных Комиссаров, или в ЦИК при голосовании подобного пункта, ибо при согласии левых эс-эров (а равно стоящих на их стороне крестьян) на рабочий контроль, на национализацию банков и т. д., уравнильное землепользование было бы лишь одной из *переходных* мер к полному социализму. Такие переходные меры пролетариату нелепо было бы *навязывать*; он обязан, в интересах победы социализма, *уступить* трудящимся и эксплуатируемым крестьянам в выборе этих переходных мер, *ибо вреда* делу социализма они не принесли бы.

Один левый эс-эр (если не ошибаюсь, это был товарищ Феофилактов) задал мне тогда следующий вопрос:

А как поступят большевики, если в Учредительном Собрании крестьяне захотят провести закон об уравнительном землепользо-

вании, буржуазия окажется против крестьян, решение же будет зависеть от большевиков?

Я ответил: союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами обяжет партию пролетариата в таком случае, когда дело социализма будет обеспечено введением рабочего контроля, национализацией банков и пр., голосовать за крестьян против буржуазии. Большевики, по моему мнению, вправе будут тогда при голосовании внести свое особое заявление, оговорить свое несогласие и т. п., но, воздержаться в таком случае значило бы предать своих союзников по борьбе за социализм из-за частного разногласия с ними. Никогда большевики при таком положении не предали бы крестьян. Никогда уравнилельное землепользование и т. п. меры не повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, если введен рабочий контроль, введена национализация банков, создано рабочее и крестьянское высшее экономическое учреждение, направляющее (регулирующее) все народное хозяйство и т. п.

Таков был мой ответ.

Написано 18 ноября 1918 г.

Издано отдельным листком.

О праве отзыва и перевыборов членов Учредительного Собрания.

(Речь в В. Ц. И. К. 2-го созыва 21 ноября 1917 г.)

Вопрос о перевыборах, это — вопрос действительного осуществления демократического начала. Во всех передовых странах принято и введено, что только выборные могут говорить государственным языком. Буржуазия умышленно не дала права призывать для ведения государственной машины, буржуазия умышленно не дала права отзыва, — права действительного контроля.

Однако во все исторические революционные времена, через все изменения конституции красной нитью проходит разрешение права отзыва.

Демократическое правительство существует и признано везде, где есть парламентский строй, но это право представительства ограничено тем, что народ имеет право раз в два года голосовать, но часто оказывается, что его голосами прошли те, кто помогает его же подавлять, а демократического права сместить, принять действительные меры пресечения — не имеет.

В странах же, где уцелели старые традиции революционного времени, когда они образовались — как, например, в некоторых кантонах Швейцарии и некоторых штатах Америки — уцелело и демократическое право отзыва.

Всякий крупный переворот ставит перед народами ясно не только использование существующих законоположений. Поэтому, накануне Учредительного Собрания, необходимо пересмотреть новые выборные положения.

Советы созданы самими трудящимися, их революционной энергией и творчеством, и только в этом лежит залог того, что они работают всецело на осуществление интересов масс. В Совете каждый крестьянин, посылая, может и отозвать, и в этом истинный народный смысл Советов.

У нас доминирующее положение занимали разные партии; последний раз переход влияния от одной партии к другой сопровождался переворотом, довольно бурным переворотом, тогда как при существовании права отзыва достаточно было бы простого голосования.

Мы говорим — свобода. То, что было раньше, что казалось свободой, это было свободой буржуазии надувать при помощи своих миллионов, свобода использования своих сил при помощи этого надувательства. С буржуазией и с такой свободой мы окончательно порвали. Государство, это — учреждение для принуждений. Раньше это было насилие всего народа кучкой толстосумов; мы же хотим превратить государство в учреждение для принуждения творить волю народа. Мы хотим организовать насилие во имя интересов трудящихся.

Непредоставление Учредительному Собранию права отзыва, это — невыявление революционной воли народа и узурпация прав Учредительного Собрания. Мы имеем пропорциональные выборы, действительно, наиболее демократические. Введение при них права отзыва несколько трудно, но трудности здесь чисто технические и весьма легко преодолимые. Противоречия между пропорциональными выборами и правом отзыва, во всяком случае, нет.

Народ голосует не за лиц, а за партию.

Партийность в России весьма великая, и перед народом партия имеет определенное политическое лицо. Поэтому, всякий раскол в партии должен внести хаос, если не предусмотрено право отзыва. Большим влиянием пользовалась партия с.-р. Но после представления списков произошел раскол ²³). Изменить списки нельзя, отсрочить Учредительное Собрание — также. И народ фактически голосовал за партию, которая уже не существовала. Это доказал левый второй крестьянский съезд ²⁴). Крестьянство оказалось обмануто не лично

стями, а партийным расколом. Такое положение требует корректива. Нужно осуществление прямого, последовательного и немедленного демократического начала — введение права отзыва.

Бояться нужно, что мы останемся перед неправильными выборами. Введение же права перевыборов при наличии высокой сознательности масс, о чем свидетельствует сравнение хода революций 1905 и 1917 г.г., — не страшно.

Народу говорили, что Совет—правомочный орган, — он верил и осуществил это. Нужно продолжить линию демократизации и сделать существующим право отзыва.

Право отзыва должно быть предоставлено Советам, как наиболее совершенным носителям идеи государственности, принуждения. И тогда переход власти от одной партии к другой будет происходить бескровно, путем простого перевыбора.

Протоколы ВЦИК 2-го созыва.

Изд. ВЦИК 1918 г.

Речь на Всероссийском съезде военного флота *).

(Заседание 22 ноября 1917 г.)

От имени Совета Народных Комиссаров тов. Ленин приветствует в лице съезда армию матросов, которая показала себя как передовой боец раскрепощения трудящихся классов.

Далее тов. Ленин переходит к характеристике текущего момента. Отметив, что политика соглашательского правительства Керенского, которая направлялась не по пути разрешения нужд широких народных масс, но в основе которой лежал принцип охранения в полной неприкосновенности интересов буржуазии, интересов класса угнетателей, неминуемо должна была привести к краху этого правительства, оратор продолжает:

— Но на-ряду с правительством существовали Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, которые явились продуктом революционного творчества восставшего народа и чем дальше, тем более широкие слои трудящихся масс сплачивали вокруг себя. Лишь благодаря Советам удалось в России то, что не удавалось ни в одной из европейских революций: народ выдвинул и дал спору подлинному народному правительству. Перед угнетенными массами встала в высшей степени

*) Речь приведена в «Известиях Петр. Совета» не стенографически, но является простой хроникерской записью.

трудная задача — самим строить государство. Вы видите, с какой силой обрушилось на нас сопротивление буржуазии, как стараются подорвать нашу деятельность саботажем ²⁹⁾, какими потоками лжи и клеветы обливают нас по каждому поводу и без повода.

Нас осыпают градом обвинений, что мы действуем террором и насилием, но мы спокойно относимся к этим выпадам. Мы говорим: мы не анархисты, мы — сторонники государства. Да, но государство капиталистическое должно быть разрушено, власть капиталистическая должна быть уничтожена. Наша задача — строить новое государство — государство социалистическое. В этом направлении мы будем неустанно работать, и никакие препятствия нас не устроят и не остановят. Уже первые шаги нового правительства дали доказательство этому. Но переход к новому строю — процесс чрезвычайно сложный, и для облегчения этого перехода необходима твердая государственная власть. До сих пор власть находилась — в руках монархов и ставленников буржуазии. Все их усилия, вся их политика направлялась на то, чтобы принуждать народные массы. Мы же говорим: нужна твердая власть, нужно насилие и принуждение, но мы его направим против кучки капиталистов, против класса буржуазии. С нашей стороны всегда последуют меры принуждения в ответ на попытки — безумные, безнадежные попытки — сопротивляться Советской власти. И во всех этих случаях ответственность за это падает на сопротивляющихся...

Буржуазия и интеллигентские буржуазные круги населения всемерно саботируют народную власть. Трудящимся массам надеяться, кроме как на самих себя, ни на кого не приходится. Без сомнения, задача, стоящая перед народом, неизмеримо трудна и велика. Но нужно верить в свои собственные силы, нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Массы беспомощны, если они разрознены; они сильны, если сплочены. Массы поверили в свои силы и, не смущаясь травлей со стороны буржуазии, начали приступать к самостоятельной работе по управлению государством. На первых шагах могут встретиться трудности, может сказаться недостаточная подготовленность. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии... В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя, как передовой отряд...

Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. ¹⁾ принял декрет о земле, в котором большевики целиком воспроизводят принципы, указанные в крестьянских наказах. В этом сказилось отступление

от программы социал-демократов, ибо наказания соответствуют духу программы эс-эров, но это же служит доказательством, что народная власть не хотела навязывать своей воли народу, а стремилась идти навстречу ей. Как бы ни разрешился земельный вопрос, какая бы программа ни легла в основу осуществления перехода земли к крестьянам, это не составит помехи для прочного союза крестьян и рабочих. Важно лишь то, что если крестьяне веками упорно добиваются отмены собственности на землю, то она должна быть отменена.

Указав далее на то, что с вопросом земельным тесно переплетен вопрос о промышленности, что, на-ряду с аграрной революцией, должна произойти коренная ломка в капиталистических отношениях, оратор подчеркивает чрезвычайную важность прочного союза рабочих и крестьян. Развитие русской революции показало, что политика рабского соглашения с помещиками и капиталистами разлетелась, как мыльный пузырь. Господствовать должна воля большинства; эту волю большинства и проведет союз трудящихся, их честная коалиция, на основе общих интересов. Партии меняются и гибнут, а трудящиеся остаются, и о прочности этого союза оратор призывает больше всего заботиться. Пусть флот,—говорит он,—посвятит все свои силы тому, чтобы этот союз остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, ничто не сломит дела перехода к социализму.

Обращаясь к национальному вопросу, следует отметить особо пестрый состав национальностей России, в которой великороссов только около 40 процентов, а остальное большинство принадлежит к другим национальностям. При царизме национальный гнет по отношению к последним, неслыханный по своей жестокости и нелепости, скапливал в неполноправных народностях сильнейшую ненависть к монархам. Нечего удивляться, что эта ненависть к тем, которые запрещали даже употребление родного языка и обрекали на безграмотность массы народа, переносилась и на всех великороссов. Думали, что великороссы хотели, как привилегированные, сохранить для себя те преимущества, которые свято сохраняли за ними Николай и Керенский. Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций.

Если финляндская буржуазия покупает у немцев оружие, чтобы направить его против своих рабочих, мы предлагаем последним союз с русскими трудящимися. Пусть буржуазия затевает презренную

жалкую грызню и торг из-за границ, рабочие же всех стран и всех наций не разойдутся на этой гнусной почве. Мы сейчас,—я употреблю нехорошее слово,—«завоевываем Финляндию», но не так, как это делают международные хищники-капиталисты. Мы завоевываем тем, что, предоставляя Финляндии свободу жить в союзе с нами или с другими, гарантируем поддержку трудящихся всех национальностей против буржуазии всех стран... Этот союз основан не на договорах, а на солидарности между эксплуатируемыми против эксплуататоров. Сейчас мы наблюдаем национальное движение на Украине и мы говорим: мы безусловно стоим за полную и неограниченную свободу украинского народа. Мы должны сломить то старое, кровавое и грязное прошлое, когда Россия капиталистов-угнетателей играла роль палача над другими народами. Это прошлое мы сметем, на этом прошлом мы не оставим камня на камне. Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии. Только социалистический союз трудящихся всех стран устранит всякую почву для национальной травли и грызни.

Перейду к вопросу о войне... С войной, вызванной столкновением хищников из-за добычи, мы начали решительную борьбу. Все партии до сих пор говорили об этой борьбе, но дальше слов и лицемерия не шли. Теперь борьба за мир начата. Борьба эта трудна. Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит лишь заикнуться о мире и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек. Кто приписывал этот взгляд большевикам, тот обманывал. Капиталисты сцепились в мертвой схватке, чтобы поделить добычу. Ясно: убить войну — значит победить капитал, и в этом смысле Советская власть начала борьбу. Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановят на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к движению к миру. Пусть она попытается повести народы на четвертый год войны друг против друга. Это ей не удастся. Не только у нас, но во всех воюющих странах назревает борьба против собственных империалистических правительств. Даже в Германии, которую империалисты десятки лет старались превратить в военный лагерь, где весь правительственный аппарат направлен к тому, чтобы малейшее проявление народного возмущения было пресечено в самом зародыше,

и там дошло до открытого восстания во флоте ⁴⁾). Нужно знать, как неслыханно велик полицейский произвол в Германии, чтобы знать, какое значение имеет это восстание. Но революция не заказывается; революция является как следствие взрыва негодования народных масс. Если было так легко справиться с шайкой жалких, полоумных людей, как Романов и Распутин ³⁰⁾, то зато неизмеримо труднее бороться с организованной и сильной кликой германских коронованных и некоронованных империалистов. Но можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало советское правительство, когда оно опубликовало тайные договоры и показало, что правители всех стран — разбойники. Это уже пропаганда не словом, а делом...

Когда немцы на наши требования не перебрасывать войск на западный и итальянский фронты ответили уклончиво, мы прервали после этого переговоры и возобновим их некоторое время спустя. И когда мы это сообщим открыто на весь мир, то не будет ни одного немецкого рабочего, который бы не знал, что не по нашей вине были прерваны мирные переговоры. Если же представить такой случай, что немецкий рабочий класс пошел бы вместе со своим правительством хищников-империалистов, и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная, зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения с удесятрефной энергией, с удесятренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия.

Но мы верим в международную солидарность трудящихся масс, которые одолеют все препятствия и все препоны на пути борьбы за социализм.

*«Известия Петербургского
Совета Р. и С. Д.» № 235
25 ноября 1917 г.*

Объявление кадетов врагами народа.

(Речь в В. Ц. И. К. 2-го созыва 1 декабря 1917 г.)

Если брат Учредительное Собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа. Но нельзя витать в области фантазий. Учредительному Собранию придется дей-

ствовать в обстановке гражданской войны. Начали гражданскую войну буржуазно-калединские элементы.

После попытки затянуть восстание в Москве ⁹⁾, после неудачной попытки Керенского двинуть войска на Петербург ²¹⁾, после бесплодной попытки организовать контр-революционные верхи командного состава армии, они теперь предпринимаят попытку организовать восстание на Дону. Эта попытка безнадежна, так как трудовое казачество против каледиинцев...

Нельзя отделять классовую борьбу от политического противника. Когда говорят, что кадетская партия не сильная группа,—говорят неправду. Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее к.-д. Все они поддерживают кадетскую партию.

Нам предлагают созвать Учредительное Собрание так, как оно было задумано. Нет-с, извините. Его задумывали против народа. Мы делали переворот для того, чтобы иметь гарантии, что Учредительное Собрание не будет использовано против народа, чтобы гарантии эти были в руках правительства. В нашем декрете ясно, недвусмысленно сказано, когда будет созвано Учредительное Собрание. В нем мы дали точный ответ на этот вопрос. Не занимайтесь чтением в сердцах, мы ничего не скрываем. Мы сказали, когда будут 400 человек, мы Учредительное Собрание созовем. Не мы виноваты, что выборы состоялись позже, чем были назначены. В некоторых местах Советы сами назначали более поздние сроки выборов. При одновременности выборов надо было определить, какое число депутатов достаточно для открытия Учредительного Собрания. Была попытка использовать то обстоятельство, что в законе это число не указано, чтобы созвать Учредительное Собрание при любом числе депутатов. В каком положении была бы власть, которая бы это допустила? Советская власть поступила правильно, постановив, при каком числе депутатов Учредительное Собрание будет считаться правильно созданным. Советская власть это сделала. Кто не согласен — должен критиковать декрет. Если вместо критики мы слышим намеки, общие догадки, то мы отбрасываем их.

Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают ему сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих теми средствами, которыми имущие подавляли пролетариат,—другие средства еще не изобретены.

Вы говорили, надо изолировать буржуазию. Но кадеты, прикрываясь формально-демократическим лозунгом, лозунгом Учредитель-

ного Собрания, — на деле открывают гражданскую войну. Они говорят: «Мы хотим и в Учредительном Собрании сидеть и в то же время организовать гражданскую войну», а вы на это отвечаете фразами об изоляции.

Мы не гоним только нарушителей формальности, мы выдвигаем прямое политическое обвинение против политической партии. Так поступали и французские революционеры. Это — наш ответ тем крестьянам, которые выбирали, не зная, кого выбирали. Пусть народ знает, что Учредительное Собрание соберется не так, как хотел Керенский. Мы ввели право отзыва, и Учредительное Собрание не будет таким, каким задумала его буржуазия. Когда созыв Учредительного Собрания отделен от нас несколькими днями, буржуазия организует гражданскую войну и увеличивает саботаж, срывая дело перемирия. Мы не дадим себя обманывать формальными лозунгами. Они желают сидеть в Учредительном Собрании и организовать гражданскую войну в то же время. Пусть разберут наше обвинение против партии кадетов по существу, пусть докажут, что партия к.-д. не штаб гражданской войны, заведомо безнадежной, заливающей страну кровью... Этого тов. Штейнберг ³²⁾ не постарался доказать. Он забыл все то, что было выяснено о связи кадетов с Корниловым ³³⁾: не мы, а Чернов, наш политический противник, изобличил эту связь. Нам предлагают ловить стрелочников. Мы не будем прятать политического обвинения против штаба целого класса за ловлей отдельных лиц...

После июльских дней нам грозили, что нас объявят врагами народа, но этого не сделали. Они не посмели этого сделать. Мы им говорили тогда: «Да, если вы это можете сделать, то попробуйте. Попробуйте сказать народу, что партия большевиков — как партия, как направление, враг народа». Они этого не смели сделать, они ловили отдельных лиц, клеветали. Мы им говорили: «Вы не можете объявить нас врагами народа, у вас нет и тени принципиальных возражений против большевиков, вы можете лишь сеять клевету». Наше обвинение против партии кладет конец мелким приемам политической борьбы. Мы скажем народу правду. Мы скажем народу, что его интересы выше интересов демократического учреждения. Не надо идти назад к старым предрассудкам, которые интересы народа подчиняют формальному демократизму. Кадеты кричат: «Вся власть Учредительному Собранию», а на деле это у них значит: «Вся власть Каледину» ¹²⁾. Надо это сказать народу, и народ нас одобрит.

«Протоколы ВЦИК 2-го созыва».

Издание ВЦИК 1918 г.

О национализации банков.

(Реплика в В. Ц. И. К. 2-го созыва 14 декабря 1917 г.)

Предыдущий оратор ³⁴⁾ пытался нас запугать, что мы идем и к верной гибели и в верную пропасть. Но эти запугивания для нас не новы. Та самая газета, которая выражает мнение фракции оратора — «Новая Жизнь», — перед октябрьскими днями писала, что из нашей революции не выйдет ничего, кроме погромов и анархических бунтов. Поэтому речи о том, что мы идем по ложному пути, есть отражение буржуазной психологии, с которой не могут порвать даже и незаинтересованные люди... (*Возглас со стороны интернационалистов: «Демагогия».*) Нет, это не демагогия, а вот ваши постоянные речи о топоре, это — уж настоящая демагогия.

Все меры, предлагаемые декретом, есть только действительное обеспечение контроля.

Вы говорите о сложности аппарата, о его хрупкости и о запутанности вопроса, — это азбучная истина и она всем известна. Если эта истина применяется только для тормоза всех социалистических начинаний, мы говорим, что тот, кто становится на этот путь, — демагог и вредный демагог.

Мы хотим начать ревизию сейфов, а нам говорят от имени ученых специалистов, что в них ничего, кроме документов и именных бумаг, не находится. Так что же худого, если представители народа их контролируют?

Если так, почему же эти самые критикующие ученые специалисты прячутся? При всех прениях Совета они нам заявляют, что согласны с нами, но лишь принципиально. Это — система буржуазной интеллигенции, всех соглашателей, которые своим постоянным согласием в принципе и несобланием на практике все губят.

Если вы умудрены во всех делах и опыты, почему же вы нам не помогаете, почему на нашем трудном пути мы от вас ничего, кроме саботажа, не встречаем?

Вы исходите из правильной научной теории, но для нас теория есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них, а не для мертвого страха. Конечно, начинания трудны, и мы часто подходим к хрупким вещам, однако мы с ними справлялись, справляемся и справимся.

Если бы книжка, кроме тормоза и вечной боязни нового шага, ничем не служила — она была бы неценна.

Никто, кроме социалистов-утопистов, не отрицал, что можно победить без сопротивления, без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир.

Вы принципиально и эту диктатуру принимали, но когда это слово переводят на русский язык и называют его «железной рукой», применяя это на деле, вы предупреждаете о хрупкости и запутанности дела.

Вы упорно не желаете видеть, что эта железная рука, разрушая, и созидает. Если мы от принципа переходим к делу, это наш несомненный плюс.

Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призывали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашли среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: «они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам». И мы поспешили

Мы знаем, что это сложная мера. Никто из нас, даже имеющий экономическое образование, за проведение ее не возьмется. Мы позове специалистов, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи у нас будут в руках. Тогда мы даже сумеем завести консультантов из бывших миллионеров. Кто хочет работать — милости просим, лишь бы не превращать всякий революционный почин в мертвую букву, — на эту удочку мы не пойдем. Слова — диктатура пролетариата — мы произносим серьезно и мы ее осуществим.

Мы хотели идти по пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами.

Товарищ левый с.-р.³⁵⁾ сказал, что они в принципе будут голосовать за немедленную национализацию банков, чтобы затем, в кратчайший срок, разработать практические мероприятия. Но это — ошибка, ибо наш проект ничего кроме принципов не содержит. С обсуждением ждет их уже Высший Совет Народного Хозяйства, но неутверждение декрета сейчас же приведет к тому, что банки примут все меры для сугубого расстройств хозяйства.

Проведение декрета неотложно, иначе нас погубят противодействия нам и саботаж.

«Протоколы ВЦИК 2-го созыва».

Издание ВЦИК 1918 г.

Тезисы об Учредительном Собрании ³⁶⁾.

1. Требование созыва Учредительного Собрания входило вполне законно в программу революционной социал-демократии, так как в буржуазной республике Учредительное Собрание является высшей формой демократизма и так как империалистическая республика с Керенским во главе, создавая парламент, готовила подделку выборов с рядом нарушений демократизма.

2. Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 г. неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным Собранием.

3. Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму.

4. Созыв Учредительного Собрания в нашей революции по спискам, предъявленным в половине октября 1917 года, происходит при таких условиях, которые исключают возможность правильного выражения воли народа вообще и трудящихся масс в особенности выборами в это Учредительное Собрание.

5. Во-первых, пропорциональная система выборов дает истинное выражение воли народа лишь тогда, когда партийные списки соответствуют реальному разделению народа действительно на те партийные группировки, которые отразились в этих списках. У нас же, как известно, партия, имевшая с мая по октябрь больше всего сторонников в народе и особенно в крестьянстве, партия социалистов-революционеров, дала единые списки в Учредительное Собрание в половине октября 1917 года, но раскололась после выборов в Учредительное Собрание, до его созыва ²⁸⁾.

В силу этого, даже формального соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное Собрание нет и не может быть.

6. Во-вторых, еще более важным, не формальным, не юридическим, а общественно-экономическим, классовым источником несоответствия между волей народа и особенно трудящихся классов, с одной

стороны, и составом Учредительного Собрания — с другой, является то обстоятельство, что выборы в Учредительное Собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения Октябрьской, советской, пролетарско-крестьянской революции, начавшейся 25 октября 1917 года, т.-е. после представления списков кандидатов в Учредительное Собрание.

7. Октябрьская революция, завоевавшая власть для Советов, вырывая политическое господство из рук буржуазии и передавая его в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, на наших глазах переживает последовательные этапы своего развития.

8. Она началась с победы 24—25 октября в столице, когда III Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, этот авангард пролетариев и наиболее политически действенной части крестьянства, дал преобладание партии большевиков и поставил ее у власти.

9. Революция охватывала затем в течение ноября и декабря всю массу армии и крестьянства, выражаясь прежде всего в смещении и в перевыборах старых верхушечных организаций (армейские комитеты, губернские, крестьянские комитеты, ЦИК Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и т. д.), которые выражали пережитую, соглашательскую полосу революции, ее буржуазный, а не пролетарский этап, и которые неизбежно должны были сойти со сцены под напором более глубоких и более широких народных масс.

10. Это могучее движение эксплуатируемых масс к пересозданию руководящих органов своих организаций не закончилось еще и сейчас, в половине декабря 1917 года, и незаконченный железнодорожный съезд является одним из его этапов.

11. Группировка классовых сил России в их классовой борьбе складывается, следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года, принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное Собрание половины октября 1917 года.

12. Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку классовых сил, идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской Рады, Финляндского Сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарско-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик — с другой.

13. Наконец, гражданская война, начатая кадетски-калединским контр-революционным восстанием против советских властей, против рабочего и крестьянского правительства, окончательно обострила

классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством.

14. Только полная победа рабочих и крестьян над буржуазным и помещичьим восстанием (нашедшим свое выражение в кадетско-калединском движении), только беспощадное военное подавление этого восстания рабовладельцев способно на деле обеспечить пролетарско-крестьянскую революцию. Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному Собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью, не считающийся с решением Второго Всероссийского съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов ¹⁾, Второго Всероссийского съезда Крестьянских Депутатов ²⁶⁾ и т. д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение Советской власти и что Учредительное Собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть.

15. К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире. Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября, и эта победа дала первые плоды в виде опубликования тайных договоров, заключения перемирия и начала гласных переговоров о всеобщем мире без аннексий и без контрибуций.

Широкие народные массы только теперь, на деле, полностью и открыто получают возможность видеть политику революционной борьбы за мир и изучать ее результаты.

Во время выборов в Учредительное Собрание народные массы лишены были этой возможности.

Ясно, что и с этой стороны дела несоответствие между составом выборных в Учредительное Собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно.

16. Совокупность вышеизложенных обстоятельств дает тот результат, что Учредительное Собрание, созываемое по спискам партий, существовавших до пролетарско-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания, даже если бы эти формальные права

не были подорваны отсутствием в законе об Учредительном Собрании признания права народа на перевыборы своих депутатов в любое время.

17. Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном Собрании с формальной, юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостеречь всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма, не умевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии.

18. Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное Собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного Собрания, присоединение самого Учредительного Собрания к закону Ц. И. Ком. об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного Собрания о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного Собрания к стану противников кадетско-калединской контр-революции.

19. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным Собранием может быть разрешен только революционным путем,—путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти против кадетско-калединской контр-революции, какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы и членством в Учредительное Собрание) эта контр-революция ни прикрывалась. Всякая попытка связать руки Советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контр-революции.

*«Правда» 26 декабря 1917 года,
без подписи автора.*

Перепечатано в книге

«Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

ЦИК постановляет следующие основные положения.

Учредительное Собрание постановляет ³⁷⁾:

I.

«1. Россия объявляется республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик.

II.

Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, Учредительное Собрание постановляет далее:

1. В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования.

Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, все поместья и с.-х. предприятия объявляются национальным достоянием.

2. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами, как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, жел. дорог и пр. средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской республики.

3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4. В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

б. В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

III.

1. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всей войн, Учредительное Собрание всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижений, во что бы то ни стало, революционными мерами демократического мира между народами без аннексий и контрибуций на основе свободного самоопределения наций.

2. В тех же целях Учредительное Собрание настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

Учредительное Собрание приветствует политику СНК, провозгласившего полную независимость Финляндии ³⁸⁾, начавшего вывод войск из Персии ³⁹⁾, объявившего свободу самоопределения Армении ⁴⁰⁾.

Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, Учредительное Собрание рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительствами царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

IV.

Будучи выбрано на основе партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ еще не мог всей массой встать против эксплуататоров, не зная всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за создание социалистического общества, Учредительное Собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставить себя Советской власти.

По существу Учредительное Собрание полагает, что теперь в момент решительной борьбы народа с его эксплуататорами, эксплуата-

торам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное Собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества.

Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, Учредительное Собрание ограничивается установлением коренных начал федерации Советских республик России. Предоставляя рабочим и крестьянам России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: «желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».

Приведенные выше основные положения должны быть немедленно опубликованы и прочтены официальным представителем Советской власти, открывающим Учредительное Собрание, с трибуны Учредительного Собрания и лечь в основу деятельности Учредительного Собрания.

«Правда» № 3.

5 января 1918 г.

Декларация фракции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков),

оглашенная на заседании Учредительного Собрания 5 января 1918 г.

Громадное большинство трудовой России, рабочие, крестьяне, солдаты предъявили Учредительному Собранию требование признать завоевания великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

ВЦИК, выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному Собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного Собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России.

В Учредительном Собрании получила большинство партия правых эс-эров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой

буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контр-революционной.

Учредительное Собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до великой Октябрьской революции. Нынешнее контр-революционное большинство Учредительного Собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению.

Прения в течение целого дня показали воочию, что партия правых эс-эров, как при Керенском, кормит народ посулами, на словах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против власти Рабочих, Кр. и Солд. Советов, против социалистических мер, против перехода земель и всего инвентаря без выкупа к крестьянам, против национализации банков, против аннулирования государственных долгов.

Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное Собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контр-революционной части Учредительного Собрания.

«Учредительное Собрание».

Стенографический отчет 1918 г.

Речь о роспуске Учредительного Собрания.

(Заседание В. Ц. И. К. 6 января 1918 г.)

Товарищи! Столкновение между Советской властью и Учредительным Собранием подготовлено всей историей русской революции, которая была поставлена перед неслыханными задачами социалистического переустройства общества. После событий 1905 года не подлежало никакому сомнению, что царизм доживает свои последние дни и лишь благодаря отсталости и невежеству деревни ему удалось выкарабкаться из бездны. Революция 1917 года сопровождалась тем явлением, что, с одной стороны, буржуазная империалистическая партия превратилась силою событий в республиканскую партию⁴¹⁾, а с другой стороны, возникли демократические организации—Советы, созданные еще в 1905 году, ибо уже тогда социалисты поняли, что организацией этих Советов создается нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции. Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это—форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран.

Революция выдвинула две силы — объединение масс с целью низвержения царизма и организации трудящегося народа. Когда я слышу от противников Октябрьской революции крики о несбыточности и утопичности идей социализма, я обыкновенно в таких случаях задаю им простой и ясный вопрос: что за явление Советы? Результатом чего является нарождение этих небывалых еще в истории развития мировой революции народных организаций? И на этот вопрос я ни от кого не получал и не мог получить определенного ответа. Из-за косной защиты буржуазного строя они идут против этих мощных организаций, возникновения которых не наблюдалось еще ни в одной из революций мира. Кто борется против помещиков, тот идет в Советы Крестьянских Депутатов. Советы обнимают всякого и каждого, кто, не желая бездействовать, идет по пути творческой работы. Они покрыли сетью всю страну, и чем гуще будет эта сеть народных Советов, тем менее будет возможна эксплуатация представителей трудового народа, ибо существование Советов несовместимо с процветанием буржуазного строя: в этом источник всех этих противоречий представителей буржуазии, ведущих свою борьбу против наших Советов исключительно во имя своих интересов.

Переход от капитализма к строю социалистическому сопровождается долгой и упорной борьбой. Российская революция, свергнув царизм, должна была неизменно идти дальше, не ограничиваясь торжеством буржуазной революции, ибо война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции, и поэтому нет ничего смешотворнее, когда говорят, что дальнейшее развитие революции, дальнейшее возмущение масс вызвано какой-либо отдельной партией, отдельной личностью или, как они кричат, волей «диктатора». Пожар революции воспламенился исключительно благодаря невсезвесту и неимоверным страданиям России и всем условиям, созданным войной, которая круто и решительно поставила вопрос перед трудовым народом: либо смелый, отчаянный и бесстрашный шаг, либо погибай — умирай голодной смертью...

И революционный огонь проявился в том, что Советы — эта опора трудовой революции — были созданы. Русский народ совершил гигантский скачок — прыжок от царизма к Советам. Это — неопровержимый и нигде еще не бывалый факт. И в то время, когда буржуазные парламенты всех стран и государств, связанные рамками капитализма и собственности, никогда и нигде не оказывали никакой поддержки революционному движению, — Советы, разжигая пожар революции, повелительно диктуют народу: борись, бери в свои руки все и орга-

низуйся. Нет сомнения, что в процессе развития революции, вызванного силою Советов, встретится ряд всевозможных ошибок и промахов — но ни для кого не тайна, что всякое революционное движение неизменно всегда сопровождается временным проявлением хаоса, разрухи и беспорядков... Буржуазное общество есть та же война, та же бойня, и это явление вызвало и обострило конфликт между Учредительным Собранием и Советами, и все, кто, указывая нам на то, что мы, когда-то защищая Учредительное Собрание, теперь его «разгоняем», — у тех мысли пет ни зерна и только пышные пустые фразы, ибо некогда, по сравнению с царизмом и республикой Керенского, Учредительное Собрание было для нас лучше их пресловутых органов власти. Но, по мере возникновения Советов, последние, конечно, как всенародные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира, и это явление я подчеркивал еще в апреле месяце. Советы, совершая коренную ломку буржуазной и помещичьей собственности, способствуя окончательному перевороту, сметающему все следы буржуазного строя, толкнули нас на путь, который привел народ к строительству своей жизни. Мы взялись уже за это великое строительство и прекрасно сделали, что взялись. Нет сомнения, что социалистическая революция не может сразу быть преподнесенной народу в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде, не может не сопровождаться гражданской войной и проявлением саботажа и сопротивления. И те, кто доказывает вам противное — те либо лгуны, либо человеки в футляре. События 20 апреля ⁴²⁾, когда народ самостоятельно, без каких бы то ни было указок со стороны «диктаторов» или партий, выступил один против соглашательского правительства, — это явление уже показало тогда всю слабость и беспочвенность устоев буржуазии. Массы почували свою силу, и в угоду им началась та знаменитая министерская чехарда с целью обмана народа, который, однако, вскоре прозрел, в особенности после того, когда Керенский, имея в обоих карманах грабительские тайные договоры с империалистами, двинул войска в наступление. Вся деятельность соглашателей была постепенно понята обманываемым народом, терпение которого начинало истощаться, и результат всего этого — Октябрьская революция. Народ учился на опыте, пройдя через пытки, смертные казни, массовые расстрелы, и напрасно палачи его уверяют, что в восстании трудящихся виновны большевики или какие бы то ни было «диктаторы». Это доказывает раскол в недрах народных масс, на съездах, собраниях, конференциях и т. д. Усвоение народом Октябрьской революции до сего времени не окончилось. Эта революция на деле показала, как народ должен приступать к переизятию в свои руки

земель и народных богатств из средств передвижения и производства в руки рабочего и крестьянского государства. Вся власть Советам — сказали мы, и за это мы боремся. Народ хотел созвать Учредительное Собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное Собрание. И теперь мы исполнили волю народа, — волю, которая гласит: вся власть Советам. А саботажников мы сломим. Когда я попал из бьющего ключом, полного жизни Смольного в Таврический Дворец, я почувствовал себя так, как будто бы я находился среди трупов и безжизненных мумий. Взяв для борьбы против социализма в помощь все имеющиеся средства, применяя силу, саботаж, они и великую гордость человечества — знание — превратили в орудие эксплуатации трудового народа, и хотя они этим несколько подорвали шаги к социалистической революции, но сорвать им ее не удалось и никогда не удастся, ибо слишком сильна мощь Советов, которые стали ломать старые отжившие устои буржуазного строя не по-барски, а по-пролетарски, по-крестьянски.

И передача всей власти Учредительному Собранию есть то же самое соглашательство со злокачественной буржуазией. Русские Советы ставят интересы трудящихся масс гораздо выше интересов предательского соглашательства, переодетого в новый костюм. Старой, древней, заплесневелой стариной повеяло от речей Чернова ⁴³⁾ и Церетели ⁴⁴⁾, этих отживших деятелей, попрежнему продолжающих все ныть о прекращении гражданской войны. Но пока существует Каледин ¹²⁾ и под лозунгом: вся власть Учредительному Собранию скрывается лозунг: долой Советскую власть, — мы гражданской войны не избежим, ибо ни за что на свете Советской власти не отдадим!.. И когда Учредительное Собрание опять изъявило готовность отложить все больные назревшие вопросы и задачи, предъявленные ему Советами, — мы им ответили, что не может быть ни одной минуты отсрочки. И по воле Советской власти Учредительное Собрание, не признавшее власть народа, распускается. Ставка Рябушинских ⁴⁵⁾ бита, и сопротивление последних только обострит и вызовет новый взрыв гражданской войны.

Учредительное Собрание распускается, и Советская революционная республика восторжествует во что бы то ни стало...

«Правда» № 6.

9 января 1918 г.

Декрет о роспуске Учредительного Собрания В. Ц. И. К. ³⁷⁾.

(Принят В. Ц. И. К. в 1 ч. 30 м. ночи 7 января 1918 г.)

Российская революция с самого начала своего выдвинула Советы Рабочих, С. и К. Д., как массовую организацию всех трудящихся и эксплуатируемых классов, единственную способную руководить борьбою этих классов за их полное политическое и экономическое освобождение. В течение всего первого периода российской революции Советы множились, росли и крепились, изживая на собственном опыте иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами, со всяким соглашательством. Таким образом явилась Октябрьская революция, передача всей власти в руки Советов.

Учредительное Собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты. Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эс-эров, делать выбор между правыми эс-эрами — сторонниками буржуазии и левыми — сторонниками социализма. Таким образом это Учредительное Собрание, которое должно было быть венцом буржуазно-парламентарской республики, не могло не стать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти. Октябрьская революция, дав власть Советам и через Советы трудящимся и эксплуатируемым классам, вызвала сопротивление эксплуататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя, как начало социалистической революции.

Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества.

Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного Собрания, был изменой всей Октябрьской рабочей крестьянской революции.

Открытое 5 января Учредительное Собрание дало в силу известных всем обстоятельств большинство партии правых эс-эров — партии Керенского ⁴⁰⁾, Авксентьева ⁴¹⁾ и Чернова. Естественно, что партия

отказалась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, недопускавшее никаких кривотолков предложение верховного органа Советской власти — ВЦИК, — признать программу Советской власти, признать декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа, признать Октябрьскую революцию и Советскую власть. Тем самым Учредительное Собрание разорвало всякую связь между собой и Советской республикой России. Уход с такого Учредительного Собрания фракций большевиков и левых эс-эров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Совете и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен.

А вне стен Учредительного Собрания партии большинства Учредительного Собрания — правые эс-эры и меньшевики — ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению ее, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров и препятствуя переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учредительного Собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контр-революции для свержения власти Советов.

Поэтому ВЦИК постановляет:

Учредительное Собрание распустить.

«Правда» № 5.

8 января 1918 г.

Тезисы о мире ⁴⁸⁾.

1. Положение русской революции в данный момент таково, что почти все рабочие и громадное большинство крестьян, несомненно, стоят на стороне Советской власти и начатой ею социальной революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен.

2. В то же время гражданская война, вызванная бешеным сопротивлением имущих классов, превосходно сознающих, что перед ними последний и решительный бой за сохранение частной собственности на землю, на средства производства, еще не достигла своего высшего пункта. Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуется немалое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной, — а с гражданской войной в особенности, пока сопротивление буржуазии будет подавлено.

3. Кроме того, это сопротивление всего менее активных и невоенных форм: саботаж, подкуп босяков, подкуп агентов буржуазии, втирающихся в ряды социалистов для того, чтобы погубить их дело, и т. д. и т. п.; это сопротивление оказалось таким упорным и способным

принимать столь разнообразные формы, что борьба с ним неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше, чем через несколько месяцев. А без решительной победы над этим пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников успех социалистической революции невозможен.

4. Наконец, организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их при обилии мелко-буржуазных попутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне требуется тоже довольно продолжительное время.

5. Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно вытекает необходимость для успеха социализма в России известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой организационной работы.

6. Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач новой Советской власти, ибо международная ситуация на 4 году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения каких-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братания в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок), или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки объективно свелись бы к слепой азартной игре.

7. Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент к 7/І—1918 г., что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир. т.-е. мир

на условии, что мы отдаем все занятые нами земли, германцы сохраняют *все* занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы на содержание пленных), контрибуцию размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

8. Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения по сути дела тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более не осуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы *уже* сделали все возможное и невозможное.

9. Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем прежде всего тот довод, что сепаратный мир будет теперь объективно соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п. и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды для части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Кто называет оборонительной и справедливой войной войну с германским империализмом, а на деле получает поддержку от англо-французских империалистов и скрывает от народа тайные договоры с ними, тот изменяет социализму. Кто, ничего не скрывая от народа, никаких тайных договоров с империалистами не заключая, соглашается подписать невыгодные для слабой нации, выгодные для империалистов одной группы условия мира, если в данный момент нет сил для продолжения войны, тот ни малейшей измены социализму не совершает.

10. Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта и миллионы пленных и т. д. Но и этот довод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас объективно агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главверху Крыленко ³¹⁾ по 100 руб. в месяц за каждого нашего солдата в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же объективно будем помогать им, отвлекая часть немецких войск.

С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась.

Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империалистов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны.

11. Говорят, что немецкие противники войны из с.-д. стали теперь «пораженцами» и просят нас не уступать германскому империализму. Но мы признавали поражение лишь по отношению к *собственной* империалистской буржуазии, а победу над чужим империализмом, победу, достигаемую в формальном или в фактическом союзе с «дружественным» империализмом, мы всегда отвергали, как метод принципиально недопустимый и вообще негодный.

Данный довод есть, следовательно, лишь видоизменение предыдущего. Если бы немецкие левые с.-д. предлагали нам оттянуть сепаратный мир на определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос мог бы встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а, напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можно, но решайте вопрос по соображениям положения дел в *русской* социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя».

12. Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили о необходимости «подготавливать и вести» революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционную войну без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент.

Мы и сейчас безусловно должны *готовить* революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполнили вообще все наши обещания, которые можно было сразу выполнить: расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколько раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам.

Но вопрос о том, можно ли *сейчас*, немедленно вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась.

13. Сведя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо прийти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребностям человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

14. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а, вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отражать немецкое наступление, во-первых, вследствие крайней усталости и истомления большинства солдат при неслыханной разрухе в деле продовольствия, смены переутомленных и пр., во-вторых, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию, в-третьих, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большей части наших войск с тыла, наконец, на взятие Петербурга.

15. Далее нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической революционной армии, влития в нее отрядов красной гвардии и проч. только-только начато.

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно-крепкой социалистической армии нужны по меньшей мере месяцы и месяцы.

16. Беднейшее крестьянство в России в состоянии поддержать социалистическую революцию, руководимую рабочим классом; оно не в состоянии немедленно в данный момент пойти на серьезную революционную войну. Это объективное соотношение классов по данному вопросу было бы роковой ошибкой игнорировать.

17. Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом:

Если бы германская революция вспыхнула в ближайшие 3—4 месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции.

Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, при чем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады ⁴⁹⁾ с черновцами или что-либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство.

18. При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права.

19. И германская революция вовсе не затруднится, по ее объективным основаниям, если мы заключим сепаратный мир. Вероятно, па время угар шовинизма ослабит ее, но положение Германии останется крайне тяжелым. Война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон.

Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух хищников, там — мир и социалистическая республика Советов.

20. Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного *момента* степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, затрудняющую их сделку против нас, используем известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем

мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии.

21. Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно выраженной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах. Между тем этой цели в *данный* момент мы себе *заведомо* не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польша, Литва, Курляндия и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше.

Поэтому тот, кто говорит: «мы не можем подписать позорного, похабного и проч. мира, предать Польшу и т. д.», не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только *еще более* усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и др. стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром, *с точки зрения России*, но нисколько не перестал бы быть миром с *аннекционистами*, с германскими империалистами.

Написано 7 января 1918 г.

«Правда» № 34, 24 февраля 1918 г.

III ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

11 — 18 января 1918 г.

„Третий Всероссийский Съезд
Советов“. Петербург 1918 г.

Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров ⁵⁰⁾.

(Заседание 11 января 1918 г.)

Товарищи! От имени Совета Народных Комиссаров я должен представить вам доклад о деятельности его за 2 месяца и 15 дней, протекших со времени образования Советской власти и Советского правительства в России.

2 месяца и 15 дней — это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной или над эксплуататорами и капиталистами, — власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года.

Эту власть рабочих мы должны вспомнить прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью, образовавшейся 25-го октября. И из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение, и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится Советская власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи.

Продержавшись 2 месяца и 10 дней, парижские рабочие, впервые создавшие Коммуну, которая представляет зачаток Советской власти, погибли под расстрелом французских кадетов, меньшевиков и правых эс-эров-калединцев... Французским рабочим пришлось заплатить небывало тяжелыми жертвами за первый опыт рабочего правительства, смысла и цели которого не знало громадное большинство крестьян во Франции.

Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах, потому что русские солдаты, рабочие и крестьяне сумели создать аппарат, который об их формах борьбы оповестил весь мир, — советское правительство. Вот что прежде всего изменяет положение русских рабочих и крестьян по сравнению с властью парижского пролетариата. Они не имели аппарата, их не поняла страна, мы сразу же

опирались на Советскую власть, и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс и что поэтому Советская власть непобедима.

Люди, которые относились скептически к Советской власти и часто сознательно или бессознательно продавали и предавали ее на соглашательство с капиталистами и империалистами, эти люди прокричали все уши про то, что в России не может удержаться власть исключительно одного пролетариата. Как будто кто-либо из большевиков и их сторонников забывал хоть на минуту, что в России может быть продолжительной только та власть, которая сумеет сплотить рабочий класс, большинство крестьян, все трудящиеся и эксплуатируемые классы в одну неразрывно связанную между собой силу, борющуюся против помещиков и буржуазии.

Мы никогда не сомневались в том, что только союз рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, о котором говорит наша партийная программа, может охватить в России большинство населения и обеспечить прочную поддержку власти. И нам удалось после 25-го октября в течение нескольких недель преодолеть все затруднения и основать власть на основе такого прочного союза.

Да, товарищи! Если партия эс-эров в ее старой форме, когда крестьяне еще не разбирались, кто в ней является действительным сторонником социализма, выставляла лозунг уравнительного землепользования, не желая знать, кем эта задача будет выполнена, в союзе с буржуазией или нет, то мы говорили, что это было обманом. Правая часть эс-эров, которая увидела теперь, что за ней нет народа, что она пустышка, она претендовала на то, что она может провести уравнительное землепользование в союзе с буржуазией; в этом был основной обман. А когда русская революция показала опыт сотрудничества трудящихся масс с буржуазией, величайшую минуту народной жизни, когда война и последствия ее показали на практике опыт соглашательства, когда этот опыт пережили, перечувствовали Советы сами, пройдя через школу соглашательства, тогда стало очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира.

И как только этот вопрос стал практически ясно и отчетливо перед крестьянством, случилось то, в чем никто не сомневался, как показали теперь крестьянские Советы и съезды: когда пришло время к осуществлению социализма на деле, крестьяне получили возможность ясно увидеть эти две основные политические линии — союз

с буржуазией или с трудящимися массами; они поняли тогда, что партия, выражающая истинные стремления и интересы крестьянства,— есть партия левых эс-эров... И когда мы заключили с этой партией наш правительственный союз, мы с самого начала поставили дело таким образом, чтобы он покоился на самых ясных и очевидных началах. Если крестьяне России хотят осуществлять национализацию банков и создать рабочий контроль, они—наши верные сотрудники, вернейшие и ценнейшие союзники. Нет ни одного социалиста, товарищи, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата и что этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает ли мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная. Понятно, что переход к социализму в Эстляндии, в этой маленькой, поголовно грамотной стране, состоящей из крупных сельских хозяйств, не может походить на переход к социализму в стране по преимуществу мелкобуржуазной, какой является Россия. С этим надо считаться.

Всякий сознательный социалист говорит, что социализм нельзя навязывать крестьянам насильно и надо рассчитывать лишь на силу примера и на усвоение крестьянской массой житейской практики. Как она считает удобным перейти к социализму? Вот та задача, которая теперь перед русским крестьянством поставлена практически. Как она сама может поддерживать социалистический пролетариат и начать переход к социализму? И крестьяне начали уже этот переход, и мы питаем к ним полное доверие.

Тот союз, который заключен с левыми с.-р., создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам... Если в первое время в Совете Народных Комиссаров мы могли опасаться, что фракционная борьба станет тормозить работу, то уже на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единоегласное...

Мы знаем, что только тогда, когда опыт показывает крестьянам, каков, например, должен быть обмен между городом и деревней, они сами снизу, на основании своего собственного опыта, устанавливают свою связь. С другой стороны, опыт гражданской войны указывает представителям крестьян воочию, что нет другого пути к социализму, кроме диктатуры пролетариата и беспощадного подавления господства эксплуататоров...

Товарищи! Каждый раз, когда нам приходится касаться этой темы на настоящем собрании или в ЦИК, мне случается от вре-

мени до времени слышать от правой части собрания возгласы: «диктатор». Да, «когда мы были социалистами», то тогда все признавали диктатуру пролетариата; они даже писали о ней в своих программах, они возмущались тем распространенным предрассудком, будто можно переубедить население, доказать ему, что не следует эксплуатировать трудящиеся массы, что это грешно и стыдно и что тогда водворится на земле рай. Нет, этот предрассудок давно разбит в теории, и наша задача — разбить его на практике.

Представлять себе социализм так, что нам господа социалисты преподнесут его на тарелочке, в готовеньком платице, нельзя,—этого не будет. Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров,—да, мы за такое насилие... И нас нисколько не смущают вопли людей, которые сознательно или бессознательно стоят на стороне буржуазии, или так ею напуганы, так угнетены ее господством, что, видя теперь эту классовую, неслыханную острую борьбу, растерялись, расплакались, забыли все свои теории и требуют от нас невозможного, чтобы мы, социалисты, без борьбы против эксплуататоров, без подавления их сопротивления достигли полной победы.

Господа эксплуататоры еще летом 1917 года поняли, что дело идет «о последних решительных битвах», что последний оплот буржуазии, этот главный и основной источник подавления ею трудящихся масс, будет вырван из их рук, если Советы получат власть.

Вот почему Октябрьская революция открыла эту систематическую неуклонную борьбу за то, чтобы эксплуататоры прекратили свое сопротивление и чтобы, как это ни трудно даже лучшим из них, не пришлось бы им примириться с мыслью, что не будет больше господства эксплуатирующих классов, отныне теперь простой мужик будет командовать и они должны его слушаться,—как это им ни неприятно, а придется.

Это будет стоить многих трудностей, жертв и ошибок, это дело новое, невиданное в истории, которое нельзя прочесть в книжках. Само собой разумеется, что это величайший, труднейший в истории переход, но иначе никоим образом этого великого перехода сделать нельзя было. И то обстоятельство, что в России создалась Советская власть, показало, что богаче всего революционным опытом является сама революционная масса, когда на помощь немногим десяткам партийных людей являются миллионы,—сама практически за горло берущая своих эксплуататоров.

Вот почему в настоящее время в России приобрела преимущество гражданская война. Против нас выдвигают лозунг—«да сгинет

гражданская война». Мне пришлось услышать это от представителей правой части так называемого «Учредительного Собрания». Да сгинет гражданская война... Что это значит? С кем гражданская война? С Корниловым ³³⁾, Керенским ⁴⁶⁾, Рябушинским ⁴⁵⁾, которые миллионы тратят на подкупы босяков и чиновников! С теми саботажниками, которые, все равно, сознательно или бессознательно, идут на этот подкуп? Нет сомнения, что из числа последних есть люди, из числа неразвитых, которые идут на это бессознательно, потому что они и представить себе не могут, что можно и должно разрушить до основания прежний буржуазный строй и на его обломках начать строить совершенно новое социалистическое общество. Нет сомнения, что есть такие люди,—но разве это меняет обстоятельства?

Вот почему представители имущих классов все ставят на карту, вот почему это для них последние и решительные битвы, и они не остановятся ни перед каким преступлением, лишь бы сломать Советскую власть. Разве вся история социализма, французская в особенности, которая так богата революционными стремлениями, не показывает нам, что, когда сами трудящиеся массы берут в свои руки власть, правящие классы идут на неслыханные преступления и расстрелы, когда дело идет об охране их собственных денежных мешков. И когда эти люди говорят нам о гражданской войне, мы отвечаем им усмешкой, когда же они несут свой лозунг в среду учащейся молодежи, мы говорим—вы обманываете их!..

Классовая борьба не случайно пришла к своей последней форме, когда класс эксплуатируемых берет в свои руки все средства власти, чтобы окончательно уничтожить своего классового врага — буржуазию, смести с лица русской земли не только чиновников, но и помещиков, как смели их в некоторых губерниях русские крестьяне.

Нам говорят, что саботаж ²⁹⁾, который встретил Совет Народных Комиссаров со стороны чиновников и помещиков, доказывает нежелание идти навстречу социализму. Как будто неясно было, что вся эта банда капиталистов и жуликов, босяков и саботажников представляет из себя одну, подкупленную буржуазией, банду, сопротивляющуюся власти трудящихся. Конечно, кто думал, что можно перепрыгнуть сразу от капитализма к социализму, или кто представлял себе возможным убедить большинство населения в том, что этого можно достигнуть посредством Учредительного Собрания, кто в эту буржуазно-демократическую сказку верил,—тот может спокойно продолжать в эту сказку верить, но пусть он пеняет на жизнь, если она эту сказку разобьет.

Тот, кто понял, что такое классовая борьба, что значит саботаж, который организовали чиновники, тот знает, что перескочить сразу к социализму мы не можем. Остались буржуа, капиталисты, которые имеют надежду вернуть свое господство и защищают свои денежные мешки, осталось босйчество, слой подкупных людей, совершенно раздавленных капитализмом и не умеющих возвыситься до идеи пролетарской борьбы. Остались служащие, чиновники, которые думают, что охрана старого порядка есть интересы общества. Как можно представить себе победу социализма иначе, как полным крахом этих слоев, иначе, как полной гибелью буржуазии и русской и европейской? Не думаем ли мы, что господа Рябушинские не понимают своих классовых интересов? Это они платят саботажникам для того, чтобы они не работали. Или они действуют врозь? Не действуют ли они с французскими, английскими и американскими капиталистами, скупая ценные бумаги? Посмотрим только, много ли им поможет это! И не окажутся ли горы ценных бумаг, которые они теперь получают, пустейшей, никому не годной старой бумагой?

Вот почему, товарищи, на все упреки и обвинения нас в терроре, диктатуре, гражданской войне, хотя мы далеко еще не дошли до настоящего террора, потому что мы сильнее их,—у нас есть Советы, нам достаточно будет национализации банков и конфискации имущества, чтобы привести их к повиновению,—на все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто,—ость правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы это скажем, тем скорее эта война кончится, тем скорее все трудящиеся и эксплуатируемые массы нас поймут, поймут, что Советская власть совершает настоящее, кровное дело всех трудящихся.

Я не думаю, товарищи, чтобы нам скоро удалось достигнуть победы в этой борьбе, но мы очень богаты опытом: в течение двух месяцев нам удалось достигнуть многого. Мы пережили попытку наступления Керенского против Советской власти и — полнейший крах этой попытки ³¹⁾; мы пережили организацию власти украинских Керенских,—там борьба еще не кончилась, но для всякого, кто ее наблюдает, кто слышал хоть несколько правдивых докладов от представителей Советской власти, ясно, что буржуазные элементы украинской Рады доживают последние дни... В победе Советской власти Украинской народной республики над украинской буржуазной Радой нет никакой возможности сомневаться ⁴⁹⁾.

А борьба с Калединым, — тут действительно все зиждется на основе эксплуатации трудящихся, на основе буржуазной диктатуры, — если есть какие-нибудь социальные основы против Советской власти. Крестьянский съезд ²⁶⁾ воочию показал, что дело Каледина — дело безнадежное, трудящиеся массы против него. Опыт Советской власти, пропаганда делом, примером советских организаций берет свое, и внутренняя опора Каледина на Допу теперь падает не столько извне, сколько изнутри.

Вот почему, смотря на фронт гражданской войны в России, мы можем с полной уверенностью сказать: тут победа Советской власти полная и совершенно обеспеченная. И победа этой Советской власти, товарищи, достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять истинные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству. Вот почему старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами — отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне... Полная демократизация армии проведена.

Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и, вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне».

Когда я это услышал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громким голосом кричат нам: «диктаторы», «насильщики» и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров... Вот что народ почувствовал, и вот почему та агитация, которую ведут простые, необразованные люди, когда они рассказывают о том, что красногвардейцы направляют всю мощь против эксплуататоров, — эта агитация непобедима. Она обойдет миллионы и десятки миллионов и прочно создаст то, что французская Коммуна XIX в. начала создавать, но создала лишь на короткий промежуток, потому что она была

буржуазной,— создаст социалистическую Красную армию, к чему все социалисты стремились.— всеобщее вооружение народа. Она создаст новые кадры Красной гвардии, которые дадут возможность воспитания трудящихся масс к вооруженной борьбе.

Если про Россию говорили: она не может воевать, потому что у нее не будет офицеров, то мы не должны забывать того, что говорили эти самые буржуазные офицеры, наблюдая борющихся рабочих против Керенского и Каледина: «да, эти красногвардейцы технически никуда не годятся, но если бы эти люди поучились несколько, то они имели бы непобедимую армию». Ибо в первый раз в истории всемирной борьбы в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные звания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская Республика будет непобедима...

Товарищи, этот путь, который прошла Советская власть в отношении к социалистической армии, она сделала также и по отношению к другому орудию господствующих классов, еще более тонкому, еще более сложному — к буржуазному суду, который изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка. Советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции,—она отдала его сразу на слом. Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества. Нет никакого сомнения в том, что сразу такого общества мы получить не можем.

Вот те главные шаги, которые сделала Советская власть, шедшая по пути, указанному всем опытом величайших народных революций во всем мире. Не было ни одной революции, в которой трудящиеся массы не начинали бы делать шаги по этому пути, чтобы создать новую государственную власть. К сожалению, они только начинали, но не могли довести до конца, не удалось создать нового типа государственной власти. Мы ее создали,—у нас уже существует социалистическая республика Советов.

Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период переходный к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть социалистическая республика Советов. Вы поступите так же правильно,

как те, кто называет многие буржуазные республики Запада демократическими, хотя всем и каждому известно, что нет ни одной из самых демократических республик, которая была бы демократической вполне. Они дают кусочки демократизма, на мелочах урезают право эксплуататоров, но трудящиеся массы в них так же угнетены, как и всюду.

Так и мы теперь... Мы далеки от того, чтобы закончить даже переходный период от капитализма к социализму. Мы никогда не обольщали себя надеждой на то, что сможем докончить его без помощи международного пролетариата. Мы никогда не заблуждались на этот счет и знаем, как трудна дорога, ведущая от капитализма к социализму, но мы обязаны сказать, что наша республика Советов есть социалистическая, потому что мы на этот путь вступили, и слова эти не будут пустыми словами.

Мы начали много мер, подрывающих господство капиталистов. Мы знаем, что деятельность всех учреждений наша власть должна была объединить одним началом, и это начало мы выражаем словами: «Россия объявляется социалистической республикой Советов». Это будет той правдой, которая опирается на то, что мы должны будем и начали уже делать, это будет лучшим объединением всей нашей деятельности, провозглашением ее программы, призывом к трудящимся и эксплуатируемым во всех странах, которые либо вовсе не знают, что такое социализм, либо — еще хуже — понимают под социализмом ту черновско-церетелевскую кашу буржуазных реформ, которую мы попробовали, испытали в течение 10 месяцев революции и убедились в том, что это есть подделка, а не социализм.

И вот почему «свободные» Англия и Франция употребляли все средства, чтобы в течение 10 месяцев нашей революции не пропустить ни одного номера газет большевиков и левых эс-эров. Они должны были поступать таким образом, потому что они видели перед собою во всех странах массу рабочих и крестьян, которые инстинктивно схватывали все то, что делалось русскими рабочими. Ибо не было ни одного собрания, где бы не встречались гром аплодисментов известия о русской революции и лозунг Советской власти. Трудящиеся и эксплуатируемые массы уже везде пришли в противоречие со своими партийными верхушками. Этот старый верхушечный социализм еще не похоронен, как у нас, в России, Чхеидзе ⁵²⁾ и Церетели ⁴⁴⁾, но он убит во всех странах мира, он уже мертв.

И против этого старого буржуазного строя стоит уже новое государство — республика Советов, где нет ни одного аппарата власти, основанной на принуждении, а есть только трудящиеся, только эксплуатируемые, ломающие старые буржуазные перегородки. Созданы

новые формы государства, в котором видна возможность подавления эксплуататоров, подавления сопротивления этой ничтожной кучки, сильной вчерашним денежным мешком, вчерашним запасом знаний. Они, профессора, учителя, инженеры, свое знание превращают в оружие эксплуатации трудящихся, говоря: я хочу, чтобы мое знание служило буржуазии, а иначе я не буду работать... Но их власть нарушена рабоче-крестьянской революцией, и против них возникает государство, в котором сами массы свободно выбирают своих представителей.

Именно теперь мы можем сказать, что мы имеем на деле такую организацию власти, которая ясно показывает переход к полной отмене всякой власти, всякого государства. Это будет возможно тогда, когда не будет ни следа эксплуатации, то-есть в социалистическом обществе.

Я кратко коснусь теперь тех мер, которые начало осуществлять социалистическое советское правительство России. Одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся,—была мера к переходу к национализации банков. Банки,—это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются неслыханные богатства и распределяются по всей громадной стране, здесь — нерв всей капиталистической жизни. Это тонкие и сложные органы, они выросли веками, и на них направлены были первые удары Советской власти, которая встретила сначала отчаянное сопротивление в Государственном банке. Но это сопротивление не остановило Советской власти. Нам удалось основное в организации Государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных мер, которые еще долго придется разрабатывать дальше, мы перешли к тому, чтобы наложить руку на частные банки.

Мы поступили не так, как это порекомендовали бы, вероятно, сделать соглашатели: сначала подождать Учредительного Собрания, потом выработать законопроект и внести его в Учредительное Собрание и этим оповестить господ буржуа о нашем намерении, чтобы они могли пайти лазейку, как им от этой неприятной вещи избавиться; тогда вы создадите государственные законы,—это был бы «государственный акт»... с точки зрения наших соглашателей.

Мы поступили иначе: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали:—у нас есть вооруженные

рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: «банки объявляются национальной собственностью»,— произошло огосударствление, обобществление банковского дела, передача его в руки Советской власти.

Не было ни одного человека из нашей среды, который представил бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банковского дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали. И когда ученые или якобы ученые люди кивали головою и пророчествовали, мы говорили: вы можете пророчить, что угодно. Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией—научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы нисколько не преуменьшаем трудности вашего пути, но основное нами уже сделано. Источник капиталистических богатств в их распределении подорван. Аннулирование государственных займов, свержение финансового гга,—это было совсем легким шагом после этого. Переход к конфискации заводов после рабочего контроля был также вполне легок. Когда нас обвиняли в том, что, вводя рабочий контроль, мы разбиваем производства на отдельные крупные цехи, мы отметили этот вздор. Вводя рабочий контроль, мы знали, что пройдет не мало времени, пока он распространится на всю Россию, но мы хотели показать, что признаем только один путь—преобразований снизу, чтобы рабочие сами выбирали снизу новые основы экономических условий. На эту выработку потребуется не мало времени.

От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего Совета Народного Хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог, которые будут проведены в ближайшие дни, даст нам возможность приняться за постройку нового социалистического хозяйства. Мы прекрасно знаем трудность нашего дела, но мы утверждаем, что социалистом на деле является только тот, кто берется за эту задачу, полагаясь на опыт и инстинкт трудящихся масс. Они наделают много ошибок, но основное сделано. Они знают, что, обращаясь к Советской власти, они встретят только поддержку против эксплуататоров. Нет ни одной меры, облегчающей их работу, которая бы целиком и полностью не была поддержана Советской властью. Советская власть не все знает и не может ко всему во-время поспеть, и сплошь и рядом ей приходится стоять перед трудными задачами. Очень часто к правительству присылаются делегации рабочих и

крестьян, которые спрашивают, как им поступить, например, с такой-то землей. И я говорил им: вы — власть, делайте все, что вы хотите делать, берите все, что вам нужно, мы вас поддержим, заботьтесь о том, чтобы производство было полезным. Переходите на полезные работы, вы будете делать ошибки, но вы научитесь. И рабочие начали учиться, они уже начали борьбу с саботажниками. Люди из образования сделали забор, мешающий трудящимся идти вперед; этот забор будет сметен.

Нет сомнения, что война развращает людей и в тылу и на фронте, оплачивая выше всякой нормы работающих на войну, привлекая всех, спрятавшихся от войны, босаяцкие и полубосаяцкие элементы, проникнутые одним желанием «хапнуть» и уйти. Но эти элементы, самое худшее, что осталось от старого капиталистического строя, которые болеют всеми его старыми пороками, мы должны выкинуть вон, удалить, включить в фабрично-заводские предприятия все лучшие пролетарские элементы и из них создать ячейки будущей социалистической России. Эта мера не легкая: она встречает много конфликтов, трений и столкновений. И нам, Совету Народных Комиссаров, и мне лично пришлось встречаться с их жалобами и угрозами, но мы к ним относимся спокойно, зная, что у нас есть теперь судья, к которому мы обращаемся. Этот судья — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов... Слово этого судьи непререкаемо, на него мы полагаемся всегда.

Капитализм нарочно расслаивает рабочих, чтобы сплотить с буржуазией ничтожную кучку верхушек рабочего класса, — с ними столкновения будут неизбежны. Без борьбы мы к социализму не придем. И мы готовы к борьбе. Если все, что мы делаем, выпести на суд перед лицом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, то любой вопрос будет разрешен легко. Ибо как бы ни была сильна группа привилегированных рабочих, но когда их ставят перед представительством всех рабочих, то такой суд, повторяю, для них будет непререкаем. Такая регулировка еще только начинается. Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху. Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий, чтобы выделить из своей среды элементы, которые были запуганы, придавлены, воображающие, что они должны пройти школу буржуазии. Этот буржуазный предрассудок еще держится, но скоро он должен погибнуть, и погибнет до конца. Мы убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин.

Организационной задачей и будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было Советской власти,—того аппарата, который может выдвигать людей.

У нас уже есть примеры самостоятельности рабочих, не только осуществление государственного закона о контроле, у нас есть более ценное—попытки пролетариата вступить в договоры с союзами фабрикантов, чтобы обеспечить рабочим управление целыми отраслями промышленности. Такой договор уже начали вырабатывать и почти заключили кожевники со всероссийским обществом фабрикантов и заводчиков кожевенного производства, и я придаю этим договорам особенно большое значение. Они показывают, что среди рабочих растет сознание своих сил.

Товарищи, я в своем докладе не касался особенно больных и трудных вопросов—вопросов о мире, о продовольствии, потому что эти вопросы значатся, как особые пункты порядка дня, и они будут обсуждаться специально.

Я задавался целью в своем кратком докладе показать, как представляется мне и всему Совету Народных Комиссаров в целом то, что мы за эти два с половиной месяца пережили, как сложилось соотношение классовых сил в этот новый период русской революции, как сложилась новая государственная власть, какие социальные задачи поставлены перед ней.

Россия вступила на верный путь к осуществлению социализма национализацией банков, передачей всей земли полностью в руки трудящихся масс. Мы прекрасно знаем, какие трудности лежат перед нами, но мы убеждены, из сравнения с прошлыми революциями, что достигнем гигантских успехов, и что мы стоим на таком пути, который обеспечивает полную победу.

И рядом с нами пойдут рабочие массы более передовых стран, разделенных грабительской войной, рабочие которых прошли более долгую школу демократизации. Когда нам изображают трудность нашего дела, когда нам говорят, что победа социализма возможна только в мировом масштабе, то в этом мы видим только попытку, особенно безнадежную, буржуазии и ее вольных и невольных сторонников извратить самую непреложную истину. Конечно, окончательная победа социализма в одной стране невозможна. Наш отряд рабочих и крестьян, поддерживающий Советскую власть, есть один из отрядов той всемирной армии, которая раздроблена теперь мировой войной, но она стремится к объединению, и каждая весть, каждый

обрывок доклада о нашей революции встречает горячее сочувствие, потому что они знают, что в России и делается их общее дело — дело восстания пролетариата и международной социалистической революции. Больше, чем всякие прокламации и конференции, действует живой пример, приступ к делу где-либо в одной стране, — вот что зажигает трудящиеся массы во всех странах.

Если октябрьская стачка в 1905 году, эти первые шаги победоносной революции, сразу же перекинулась в Западную Европу и вызвала тогда, в 1905 году, движение австрийских рабочих, если уже тогда мы на практике видели, чего стоит пример революции в одной стране, — то теперь мы видим, что во всех странах мира социалистическая революция зреет не по дням, а по часам.

Великие основоположники социализма, Маркс и Энгельс, наблюдая в течение ряда десятилетий развитие рабочего движения и рост мировой социалистической революции, видели ясно, что переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов, долгого периода ломки всего старого, беспощадного уничтожения всех форм капитализма, что для этого необходимо сотрудничество рабочих всех стран, которые должны слить все свои усилия, чтобы обеспечить победу до конца. И они говорили: «француз начнет, а немец доделает», — француз начнет потому, что в течение десятилетий революции он выработал в себе тот беззаветный почин в революционном действии, который сделал из него авангард социалистической революции.

Мы видим теперь иное сочетание сил международного социализма. Мы говорим, что легче всего начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих. Эти, якобы социалистические, почти все министерские, черновско-цетелевские партии Западной Европы ничего не осуществляют и не имеют прочных основ. Мы видели пример Италии, мы наблюдали на этих днях героическую борьбу австрийских рабочих против хищников-империалистов. Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем его нельзя, — оно непобедимо.

Пример Советской республики будет стоять перед ними на долгое время. Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов.

Дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплуатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал—немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит...

Заключительное слово по докладу *).

(Заседание 12 января 1918 г.)

Выслушав сегодня ораторов справа, выступавших с возражениями по моему докладу, я удивляюсь, как они до сих пор не научились ничему и забыли все то, что они все называют «марксизмом». Один из возражавших мне ораторов заявил, что мы стояли за диктатуру демократии, что мы признавали власть демократии. Это заявление столь нелепо, столь абсурдно и бессмысленно, что является сплошным набором слов. Это все равно, что сказать—железный снег, или что-либо вроде этого...

Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя,—мы стояли за демократию, но как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции,—мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата.

И странно, что люди, которые не могут или не хотят понять этой простой истины об определении смысла слов «демократия» и «диктатура пролетариата», осмеливаются выступать перед столь многочисленным собранием с таким старым, никуда не годным хламом, которым пестрят все речи господ возражателей. Демократия — формальный парламентаризм, а на деле — непрерывное жестокое издевательство, бездушный, невыносимый гнет буржуазии над трудовым народом. И возражать против этого могут только те, которые не являются истинными представителями рабочего класса, а жалкие люди в футляре, которые все время стояли далеко в стороне от жизни, спали и, заснув, под подушкой бережно держали старую, истрепанную, никому не нужную книжку, которая является для них путеводителем и учебником в деле насаждения официального социа-

*) Протокольная сокращенная запись.

лизма. Но ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение. Истинный революционный социализм откололся не только сегодня, а с начала войны. Нет ни одной страны, нет ни одного государства, в котором не было бы этого знаменательного раскола, этой трещины в учении социализма. И это прекрасно, что он раскололся!

В ответ на обвинение нас в том, что мы боремся против «социалистов», мы можем сказать только то, что в эпоху парламентаризма эти сторонники последнего больше уже ничего общего с социализмом не имеют, а загнили, устарели, отстали и перешли, в конце концов, на сторону буржуазии. «Социалисты», которые кричали во время войны, вызванной империалистическими побуждениями международных грабителей, о «защите родины» — это не социалисты, а прихвостни, прихлебатели буржуазии.

Те, кто так много говорят о диктатуре демократии,—те бросают только бессмысленные, нелепые фразы, в которых нет ни экономического знания, ни политического понимания.

Один из возражателей говорил здесь, что Парижская Коммуна может гордиться тем, что во время восстания парижских рабочих в их среде не было насилий и произвола,—но нет сомнения, что Коммуна пала только потому, что она недостаточно использовала в нужный момент вооруженную силу, хотя и осталась в истории бессмертной, ибо первой на деле осуществляла идею диктатуры пролетариата...

Касаясь в кратких чертах борьбы с представителями буржуазии, помещиков и капиталистов, оратор, под взрыв аплодисментов, твердо и решительно заявляет:—Что бы ни говорили, а, в конце концов, волей революционного народа буржуазия вынуждена будет или сдаться на капитуляцию, или погибнуть.

Проведя параллель между анархизмом и взглядами большевиков, Ленин заявляет, что теперь, в эпоху коренной ломки буржуазного строя, понятия об анархизме принимают, наконец, жизненные очертания. Но прежде, чем свергнуть гнет буржуазного строя, нужна твердая революционная власть трудящихся классов — власть революционного государства. В этом суть коммунизма, теперь, когда сама масса берет в свои руки оружие и начинает беспощадную борьбу с эксплуататорами, когда применяется новая власть народа, ничего не имеющая общего с парламентской властью,—в это время перед нами уже не старое, отжившее по своим традициям и формам государство, а нечто новое, основанное на творческой силе низов. И в то время, как одни анархисты с боязнью говорят о Советах, все еще находясь под влиянием устарелых взглядов, новое, свежее течение

анархизма определенно стоит на стороне Советов, в которых видит жизненность и способность вызвать в массах сочувствие и творческую силу.

Ваш грех и слепота в том, что вы не умели учиться у революции. Еще 4-го апреля ⁵³⁾ в этом зале я утверждал, что Советы—это высшая форма демократизма. Либо погибнут Советы—и тогда бесповоротно погибла революция,—либо Советы будут живы—и тогда смешно говорить о какой-то буржуазно-демократической революции, в то время как назревает полный расцвет социалистического строя и крах капитализма. О буржуазно-демократической революции большевики говорили в 1905 году ⁵⁴⁾, но теперь, когда Советы стали у власти, когда рабочие, солдаты и крестьяне в неслыханной по своим лишениям и ужасам обстановке войны, в атмосфере развала, перед призраком голодной смерти, сказали: мы возьмем всю власть и сами примемся за строительство новой жизни,—в это время не может быть и речи о буржуазно-демократической революции. И об этом большевиками на съездах, собраниях и конференциях резолюциями и постановлениями было сказано еще в апреле месяце прошлого года.

Тем, кто говорит, что нами ничего не сделано, что мы пребывали все время в бездействии, что господство Советской власти не принесло никаких плодов, мы можем только на это сказать: загляните в самые недра трудового народа, в толщу масс: там кипит организационная, творческая работа, там бьет ключом обновляющаяся, освященная революцией жизнь. В деревнях берут крестьяне землю, рабочие захватывают в свои руки заводы и фабрики, повсеместно возникают всевозможные организации.

Советская власть добывается конца войны, и мы уверены, что она добьется его раньше, чем обещали представители правительства Керенского. Ибо в окончание войны вошел революционный фактор, который расторгнул договоры и аннулировал займы. Война кончится в связи с международным революционным движением...

В заключение оратор касается в нескольких словах контр-революционных саботажников: это—отряды, купленные буржуазией, которая засыпает подачками саботирующих чиновников, объявивших борьбу Советской власти, во имя торжества реакции. То явление, что народ с плеча рубит крестьянским и рабочим топором буржуазию, это явление им кажется истинным светопредставлением и бесповоротной гибелью всего. Если мы виноваты в чем-либо, то это в том, что мы были слишком гуманны, слишком добросердечны по отношению к чудовищным, по своему предательству, представителям буржуазно-империалистического строя.

Ко мне на-днях явились писатели из «Новой Жизни» ⁵⁵⁾ с заявлением, что они пришли от имени банковых служащих, желающих поступить на службу и, прекратив политику саботажа, всецело подчиниться Советской власти. И я им ответил: давно бы так. Но, говоря между нами, если они воображают, что мы, вступив в эти переговоры, отступим хоть на йоту от своих революционных позиций, то они жестоко ошибаются.

Мир не видел ничего подобного тому, что происходит сейчас у нас в России, в этой огромной стране, разбитой на ряд отдельных государств, состоящей из огромного количества разнородных национальностей и народов. Колоссальная **организационная работа во всех уездах и областях, организация низов, непосредственная работа масс, творческая созидательная деятельность**, которая не встречает препятствий со стороны различных буржуазных представителей империализма. Они, эти рабочие и крестьяне, начали небывалую по своим титаническим заданиям работу и вместе с Советами сломят до конца эксплуатацию капитализма, и, в конце концов, гнет буржуазии будет раз-навсегда низвергнут.

Заключительная речь.

(Заседание 18 января 1918 г.)

Товарищи, перед закрытием III съезда Советов следует с полным беспристрастием установить ту историческую роль, которую сыграл этот съезд в истории международной революции, в истории человечества. Можно сказать с неоспоримым основанием, что III съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого съезда начинает сознаваться все более и более. Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил веки грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран ⁵⁶⁾.

У нас, в России, в области внутренней политики теперь окончательно признан новый государственный строй Социалистической Советской Республики, как федерации свободных республик разных наций, населяющих Россию. И теперь всем, даже, уверен, нашим врагам видно, что новый строй, власть Советов, не выдумка, не партийный прием, а результат развития самой жизни, результат стихийно складывающейся мировой революции. Вспомните, что все великие революции стремились всегда смести до основания старый капиталистический строй, стремились не только завоевать полити-

ческие права, но и вырвать само управление государством из рук господствовавших классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз-навсегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению. Великие революции именно и стремились сломить этот старый эксплуататорский государственный аппарат, но до сих пор это не удавалось завершить до конца. И вот Россия, в силу особенностей своего хозяйственного и политического положения, теперь первая достигла этого перехода государственного правления в руки самих трудящихся. Теперь мы на расчищенном от исторического хлама пути будем строить мощное, светлое здание социалистического общества, создастся новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства.

Теперь мы посмотрим, что дает новый социалистический принцип управления государством в области нашей внутренней политики. Товарищи, вы помните, как еще недавно буржуазная пресса не смущаясь доказывала, что мы разрушаем русское государство, что мы не умеем управлять, почему от нас и уходят все национальности — Финляндия, Украина и т. п. Буржуазная пресса, захлебываясь от злорадства, чуть ли не каждый день сообщала о таких «отложениях». Мы, товарищи, лучше, чем они, понимали основные причины этого явления, коренящиеся в недоверии трудящихся масс к соглашательско-империалистическому правительству г.г. Керенских и К^о. Мы молчали, твердо веря в то, что наши справедливые принципы, наше собственное управление лучше слов докажет всем трудящимся наши истинные цели и стремления.

И мы были правы. Мы видим сейчас, что наши идеи победили в Финляндии ⁵⁶⁾, на Украине и побеждают на Дону, пробуждают классовое сознание трудящихся и организуют их в твердый союз. Мы действовали без дипломатов, без старых способов, применяемых империалистами, но величайший результат налицо — победа революции и соединение с нами победивших в одну могучую революционную федерацию. Мы властвуем, не разделяя, по жестокому закону древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. И наш союз, наше новое государство прочнее, чем насильническая власть, объединяющая ложью и железом, и нужные для империалистов искусственные государственные образования. Только что стоило крестьянам захватить власть в свои руки, как они обратились к нам с выражением чувства верности мировой пролетарской революции, со словами приветия, в которых видна их непоколебимая решимость идти вместе

с нами по пути Интернационала. Вот основа нашей федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости—те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя. Сейчас вы только слышали закон о социализации земли. Разве этот закон не порука, что единение рабочих и крестьян ныне неразрывно, что мы при таком единении будем в состоянии победить все препятствия на пути к социализму?

А эти препятствия, я не скрываю, огромны. Буржуазия пустит все средства в ход, будет играть ва-банк, чтобы сокрушить наше единение. Найдутся лжецы, провокаторы, предатели, быть может, найдутся бессознательные люди, но нам ничего отныне не страшно, ибо мы создали свою новую государственную власть, ибо в наших руках самоуправление государством. Всею тяжестью нашей силы обрушимся мы на всякую контр-революционную попытку. Но главная основа прочности нового строя—это те организационные меры, которые мы будем осуществлять во имя социализма. Нам в этом отношении предстоит огромная работа. Вспомните, товарищи, что мировые разбойники-империалисты, втянувшие нации в войну, в корень расстроили всю хозяйственную жизнь мира. Нам они оставили тяжелое наследство—работы по восстановлению разрушенного ими.

Конечно, у трудящихся не было опыта управления, но это нас не пугает. Перед победившим пролетариатом открылась свобода, ныне ставшая общенародным достоянием, и он сумеет организовать новое производство и потребление на социалистических принципах. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого—просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем,—и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать все силы? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления.

Мы уже не одиноки. За последние дни произошли знаменательные события не только на Украине и Дону ⁵⁷⁾, но и в Западной Европе. Вы уже знакомы с телеграммами о положении революции в Гер-

мании ⁵⁸), огненные языки революционной стихии вспыхивают все сильнее и сильнее над всем противным мировым старым строем. Это не было теорией, отвлеченной от жизни, не было фантазией кабинетных людей, что мы, создав Советскую власть, вызвали к жизни такие же попытки и в других странах. Ибо, повторяю, иного выхода у трудящихся из этой кровавой бойни не было. Ныне эти попытки уже осуществляются в прочные завоевания международной революции. И мы закрываем исторической съезд Советов под знаком все растущей мировой революции, и недалеко то время, когда трудящиеся всех стран сольются в одно всечеловеческое государство, чтобы взаимными усилиями строить новое социалистическое здание. Путь этого строительства лежит через Советы, как одну из форм начинающейся всемирной революции.

Приветствуя вас, я призываю вас к строительству этого нового здания. Вы разойдетесь по местам и приложите все силы к организации, закреплению нашей величайшей победы.

Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию.

Товарищи, вы все знаете, что большинство рабочих, солдат и крестьян и Великороссии и других наций, которые составляли Россию — прежде по принуждению, а теперь части свободной Российской республики,—признали Советскую власть. И нам остается небольшая борьба с жалкими остатками контр-революционных войск Каледина, которому на своем Дону, кажется, приходится спасаться от революционного казачества ¹²⁾.

И вот, когда падает последний оплот контр-революции,—мы можем сказать уверенно, что Советская власть укрепляется. И она укрепитя. Это вполне понятно для всех, ибо наглядный опыт показал, что только эта власть, сами рабочие, солдаты и крестьяне в своих Советах могут вывести Россию на путь свободного сожительства всех трудящихся.

Перед нами 2 сильных врага: первый—это международный капитал. Он стоит пред нами, с бешенством наблюдая укрепление ненавистной ему Советской власти. Нет сомнения, что эти миллиардеры не могут вести войну не из-за обладания каким-нибудь лишним куском, захваченным у другого. Нет сомнений также и в том, что они еще пока сильнее Советской Республики, и существование поэтому рядом невозможно.

Но оказалось, что капиталисты хотя и сильнее нас, но уже посылают своих представителей к нашим комиссарам и, пожалуй, еще признают Советскую власть и даже уничтожение займов,—этот ужасный и самый больно удар по их туго набитому карману. И эти речи представителей международной финансовой олигархии показывают, что международные капиталисты попали в тупик. Они рады были бы выпутаться из войны и обрушиться всеми силами на ненавистную Советскую Республику, которая зажгла пожар во всей Европе и Америке,—но не могут.

Наша революция порождена войной; не будь войны, мы наблюдали бы **соединение капиталистов всего мира: сплочение на почве**

борьбы с нами. У них одна мысль: как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши. Но китайской стеной не отгородишься от России. Нет ни одной рабочей организации в мире, где не встречали бы с энтузиазмом наши декреты о земле, о национализации банков и т. д.

Может быть, в будущем нам придется выдержать упорную борьбу, но твердо знайте, товарищи, что в большинстве стран рабочие, угнетенные своими капиталистами, уже пробуждаются, и как бы календинцы всех стран ни бешенствовали, и если бы даже им удалось временно нанести удар России, их положение не упрочилось бы от этого. Наше положение же вполне прочное, ибо за нами стоят все рабочие всех стран...

Другой наш враг—это разруха. И тем более нужно бороться с разрухой, когда положение Советов упрочилось. Вот вы, товарищи, и должны развить эту борьбу. Ваша поездка, поездка агитаторов обеих правительственных партий, возглавляющих ныне Советскую власть, приобретает большое значение. И мне кажется, что в глухой провинции вам предстоит упорная, но благодарная работа по укреплению Советской власти, несению в деревню революционных идей, устранению разрухи и освобождению трудового крестьянства от деревенских кулаков.

Нам предстоит тяжелый и упорный труд: залечивание ударов, нанесенных войной. Буржуазия других европейских стран подготовилась больше нашего. Там существовало правильное распределение продуктов, вследствие чего им теперь легче, существовала правильно налаженная смена солдат на фронте. Ничего этого не дали ни царская власть, ни власть Керенского, колеблющаяся, буржуазно-соглашательская.

Вот почему Россия оказалась сейчас в особенно трудном положении. Ей предстоят задачи организации, задачи борьбы с теми уставшими и просто хулиганствующими элементами, которые для своей выгоды усиливают разруху, чтобы на развалинах устроить фундамент социалистического общества.

Вам, товарищи, предстоит трудная, но благодарная, как я уже сказал, работа: наладить хозяйство в деревне и укрепить Советскую власть. Но у вас есть помощники, ибо мы знаем, что каждому рабочему и крестьянину, живущему собственным трудом, сознание подсказывает, что вне Советской власти спасения от голода и гибели нет. А мы можем спасти Россию. Все данные говорят, что в России имеется хлеб, и он был бы, если бы был своевременно взят под учет и справедливо распределен. Если вы бросите взор на необъятную Россию

и разруху железнодорожную, то вы убедитесь, что нам необходим усиленный контроль и распределение имеющегося хлеба, ибо голод погубит и нас, и вас. Сладить же с этим можно только при одном условии: чтобы каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый гражданин понял, что он сам, и только он, сам, может себе помочь. Никто вам не поможет, товарищи. Вся буржуазия, чиновники, саботажники идут против вас, ибо они знают, что если народ это все-народное достояние, которое до сих пор находилось в руках капиталистов и кулаков, распределит между собой, то он очистит Россию от трутней и плевел. И поэтому они собрали все силы против трудящихся, начиная с Каледина и Дутова ⁵⁹⁾ и кончая саботажем, подкупом босых элементов и тех, кто просто устали и не могут сопротивляться, по старой привычке, эксплуататорской привычке буржуазии. Сегодня они подкупают бессознательных, темных солдат для устройства винных погромов. Завтра — правленцев железных дорог для задержки грузов, направленных в столицу; дальше — судовладельцев для задержания барж с хлебными грузами и т. д. Но когда народ поймет, что только организованность даст ему возможность сплочения, создания товарищеской дисциплины, — тогда никакие подвохи буржуазии не будут для него опасны.

Вот в чем ваша задача, вот куда вы должны понести объединение, организацию и установление Советской власти. Там, в деревне, вы встретите крестьян-«буржуев», кулаков, которые попытаются сорвать Советскую власть. С ними вам будет легко бороться, ибо масса будет за вами. Она увидит, что из центра идут в деревню не карательные экспедиции, а агитаторы, несущие свет в деревню; чтобы в каждой деревне сплотить тех, кто трудится сам, кто не жил на чужой счет.

Возьмем вопрос о земле: земля объявлена народным достоянием, и все виды собственности уничтожаются. Этим сделан великий шаг к уничтожению эксплуатации.

Здесь разгорится борьба между богатыми и трудящимися крестьянами, и надо помочь бедноте не книжкой, а опытом, собственной борьбой. Мы не для того отняли землю у помещиков, чтобы она досталась богатым и кулакам, а бедноте. Это вызовет симпатии и сочувствие к вам со стороны бедного крестьянства.

Необходимо позаботиться и о том, чтобы земледельческие орудия и машины не были в руках кулаков и богатеев. Они должны принадлежать Советской власти и временно отданы на пользование трудящимся массам, через волостные комитеты. И сами они должны следить за тем, чтобы эти машины не служили средством обога-

щения кулаков, а ими пользовались бы только для обработки своей земли.

Всякий крестьянин вам поможет в вашем трудном деле. Разъясните деревне, что кулаков и мироедов необходимо урезать. Необходимо правильное, равномерное распределение продуктов, чтобы продуктами народного труда пользовался трудящийся народ. И против одного богатея, который будет протягивать свою жадную лапу к народному добру, надо противопоставить десять трудящихся.

Возьмем вопрос о земле:

Доходы Советов равняются 8 миллиардам, а расходы—28 миллиардам. Конечно, при таком положении вещей мы с вами провалимся, если не сумеем вытащить эту телегу государственную, которую царская власть погрузила в болото.

Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрягав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего—мы отсидимся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить,—полиция убита и похоронена,—сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними.

Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм.

На вопрос казака: А правда ли, что вы, большевики, грабите?—старик ответил: Да, мы грабим награбленное.

Мы в этом море потонем, если не извлечем из тех кубышек все запрятанное, все награбленное за все годы бессовестной, преступной эксплуатации.

Мы скоро проведем в ЦИК закон о новом налоге на имущих, но вы это должны сами провести на местах, чтобы к каждой сотне, набитой во время войны, была бы приложена рука трудящегося. Не с оружием в руках вы должны это провести: война с оружием уже закончилась, а эта война начинается.

Нашу революцию сила эксплуататоров не опрокинет, если мы сейчас организованно возьмемся за дело, ибо за нами и с нами весь мировой пролетариат.

О революционной фразе.

Когда я на одном партийном собрании сказал, что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию, меня упрекали за резкость полемики. Но бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии и революции.

Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелко-буржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы. Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,—почвы под ними нет,—вот суть революционной фразы.

Рассмотрим хотя бы только важнейшие группы доводов за революционную войну теперь, в январе — феврале 1918 г. в России, и сопоставление объективной действительности с этим лозунгом даст ответ на вопрос о правильности употребленной мной характеристики.

1.

О необходимости готовить революционную войну в случае победы социализма в одной стране и сохранении капитализма в соседних странах говорила наша пресса всегда. Это бесспорно.

Спрашивается, как пошла на деле эта подготовка после нашей Октябрьской революции?

Эта подготовка пошла так, что нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреодолимыми, что не только не возникло «течения» или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет *подумать* о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской Социалистической Республики, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины

в социальном строе мелко-крестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на *добровольческих* началах Красной армии — таковы факты.

Сопоставьте с этими фактами слова о революционной войне в январе — феврале 1918 года, и вам станет ясна сущность революционной фразы.

Если бы «отстаивание» революционной войны, скажем, питерскою и московскою организацией не было фразой, то мы видели бы с октября по январь *иные факты*: мы видели бы решительную борьбу против демобилизации с их стороны. Ничего подобного не было и в помине.

Мы видели бы посылку питерцами и москвичами *десятков тысяч* агитаторов и солдат на фронт и ежедневные вести оттуда об их борьбе против демобилизации, об успехах этой борьбы, о приостановке демобилизации.

Ничего подобного не было.

Мы видели бы сотни известий о полках, формирующихся в Красную армию, террористически останавливающих демобилизацию, обновляющих защиту и укрепление против возможного наступления германского империализма.

Ничего подобного не было. Демобилизация в полном разгаре. Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться.

Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями, тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное *содержание* этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой.

Дела нашей собственной партии и всей Советской власти, дела питерцев и москвичей-большевиков показали, что дальше первых шагов к созданию Красной армии из добровольцев пойти *пока* не удалось. От этого неприятного факта, но факта, — скрываться под сень декламации и в то же время не только не препятствовать демобилизации, но и *не возражать* против нее, значит опьянять себя звуком слов.

Характерным подтверждением сказанного является тот факт, что, например, в ЦК нашей партии *большинство* виднейших противников сепаратного мира голосовало *против* революционной войны, голосовало против и в январе и в феврале. Что значит этот факт?

Он значит, что невозможность революционной войны общепризнана всеми, не боявшимися глядеть правде в лицо ⁴⁸⁾.

От правды отговариваются или пробуют отговариваться в таких случаях. Взглянем на отговорки.

2.

Отговорка первая. Франция 1792 года страдала не меньшей разрухой, но революционная война все излечила, всех воодушевила, вызвала энтузиазм, все победила. Только не верящие в революцию, только оппортунисты могут при нашей более глубокой революции высказываться против революционной войны.

Сопоставим эту отговорку или этот довод с фактами. Факт тот, что во Франции конца XVIII века создалась *сначала экономическая* основа нового, высшего способа производства, и уже результатом, надстройкой явилась могучая революционная армия. Франция раньше других стран скинула феодализм, смела его *после нескольких лет* победоносной революции, повела неуставший ни от какой войны, завоевавший свободу и землю, укрепленный устранением феодализма народ на войну против ряда экономически и политически отсталых народов.

Сопоставьте с этим фактом современную Россию. Неимоверная усталость от войны. Нового экономического строя, более высокого, чем организованный государственный капитализм превосходно оборудованной технически Германии, *еще* нет. Он только основывается. Наш крестьянин имеет лишь закон о социализации земли, но ни одного года свободной (от помещика и от мучений войны) работы. Наш рабочий начал сбрасывать капиталиста, но не мог еще успеть организовать производство, поставить продуктообмен, наладить снабжение хлебом, *повысить* производительность труда.

К этому мы пошли, на этот путь мы встали, но ясно, что нового более высокого экономического строя *еще нет*.

Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран,—вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области.

Мелко-крестьянская страна, голодная и измученная войной, только-только начавшая лечить ее раны, против технически и организационно высшей производительности труда,—вот объективное положение в начале 1918 года.

Вот почему всяческие воспоминания 1792 года и т. п.—одна революционная фраза. Повторяют лозунги, слова, боевые клики, а анализа объективной действительности боятся.

3.

Отговорка вторая. Германия «не сможет наступать», не позволит ее растущая революция.

Что германцы «не смогут наступать», этот довод миллионы раз повторялся в январе и начале февраля 1918 года противниками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли—примерно, конечно—вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25—33%.

Факты опровергли эти расчеты. Противники сепаратного мира очень часто и тут отмахиваются от фактов, боясь их железной логики.

В чем был источник ошибки, которую революционеры настоящие (а не революционеры чувства) должны уметь признать и продумать?

В том ли, что вообще мы маневрировали и агитировали *в связи* с переговорами о мире? Нет. Не в этом. Маневрировать и агитировать надо было. Но надо было также определить «свое время» как для маневров и агитации,—пока можно было маневрировать и агитировать,—так и для прекращения всяких маневров к моменту, когда вопрос стал ребром.

Источник ошибки был в том, что наше отношение революционного сотрудничества с германскими революционными рабочими было превращено в фразу. Мы помогали германским революционным рабочим и продолжаем помогать им всем, чем могли: братанием, агитацией, публикацией тайных договоров и пр. Это была помощь делом, деловая помощь.

Заявление же некоторых из наших товарищей: «германцы не смогут наступать» было фразой. Мы только что пережили революцию у себя. Мы знаем отлично, почему в России революции было легче *начаться*, чем в Европе. Мы видели, что мы не могли помешать наступлению русского империализма в июне 1917 г., хотя мы имели уже революцию не только начавшуюся, не только свергшую монархию, но и создавшую повсюду Советы. Мы видели, мы знали, мы разъясняли рабочим: войны ведут правительства. Чтобы прекратить войну буржуазную, надо свергнуть буржуазное правительство.

Заявление: «германцы не смогут наступать» равнялось поэтому заявлению: «мы знаем, что правительство Германии *в ближайшие недели* будет свергнуто». На деле мы этого не знали и знать не могли, и потому заявление было фразой.

Одно дело—быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию. по-сильно

служить *работой*, агитацией, братаньем,—чем хотите, только *работой* этому созреванию. В этом состоит революционный пролетарский интернационализм.

Другое дело—заявлять прямо или косвенно, открыто или прикрито, что немецкая революция *уже созрела* (хотя это заведомо не так), и основывать на этом свою тактику. Тут нет ни грана революционности, тут одно фразерство.

Вот в чем источник ошибки, состоявшей в «гордом, ярком, эффектном звонком» утверждении: «германцы не смогут наступать».

4.

Не более как вариантом той же фразистой бессмыслицы является утверждение: «мы помогаем германской революции, сопротивляясь германскому империализму, мы приближаем этим победу Либкнехта¹⁷⁾ пад Вильгельмом».

Конечно, победа Либкнехта—возможная и неизбежная тогда, когда германская революция созреет и назреет—избавит нас от всех международных трудностей, избавит и от революционной войны. Победа Либкнехта избавит нас от последней любой нашей глупости. Неужели это оправдание—глупости?

Всякое ли «сопротивление» германскому империализму помогает германской революции? Кто захочет немного подумать или хотя бы припомнить историю революционного движения в России, легко увидит, что только *целесообразное* сопротивление реакции служит революции. Мы знаем и видели за полвека революционного движения в России массу примеров нецелесообразного сопротивления реакции. Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра; очень часто мы осуждали, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления. В 1907 г. мы, на основании горького опыта, отвергли, как нецелесообразное, сопротивление участию в 3-й Думе⁶⁰⁾ и т. д. и т. п.

Чтобы помогать немецкой революции, надо либо ограничиться пропагандой, агитацией, братаньем, пока нет сил для твердого, серьезного, решительного удара в открытом военном или повстанческом столкновении, или идти на такое столкновение, *зная*, что не помо- жешь этим врагу.

Ясно для всех (кроме разве советом опьяненных фразой), что идти на серьезное повстанческое или военное столкновение *заведомо* без сил, *заведомо* без армии есть авантюра, не помогающая германским рабочим, а затрудняющая их борьбу, облегчающая дело их врагов и нашего врага.

5.

Тут еще является отговорка, которая так детски смешна, что я никогда бы не поверил в возможность такого аргумента, если бы не слышал его собственными ушами.

«Ведь вот и в октябре нам говорили оппортунисты, что у нас нет сил, нет войска, нет пулеметов, нет техники, а все это явилось в борьбе, когда началась борьба класса против класса. Явится все это и в борьбе пролетариата России против класса капиталистов Германии, явится на помощь нам немецкий пролетарий».

В октябре было дело так, что мы точно учили именно *массовые* силы. Мы не только думали, мы твердо *знали*, на основании опыта *массовых* выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве *уже* перешли на нашу сторону. Мы знали хотя бы из голосований на Демократическом Советании ⁶¹⁾, что и в крестьянстве коалиция провалена, значит наше дело *уже* выиграло.

Таковы были *объективные* предпосылки октябрьской повстанческой борьбы:

1) над солдатами уже нет палки: ее сверг февраль 1917 года (Германия еще не созрела до «своего» февраля);

2) солдаты уже пережили и закончили, как и рабочие, *отход* свой, сознательный, продуманный, прочувствованный, от коалиции.

Из этого, только из этого вытекла *правильность лозунга* «за восстание» в октябре (этот лозунг был бы неверен в июле, когда мы его и не поставили).

Ие в том ошибка оппортунистов октября, что они «заботились» об объективных предпосылках (только дети могут так думать), а в том, что они *факты* оценили *неверно*, брали мелочи, не видя *главного*: поворота Советов от соглашательства к нам.

Сравнивать военное столкновение с Германией (которая не пережила еще ни «своего» февраля, ни своего «июля», не говоря об октябре), с Германией *монархического* буржуазно-империалистского правительства и повстанческую борьбу в октябре против врагов Советов, — Советов, зреющих с февраля 1917 года и созревших

вполне в сентябре и октябре,—есть такое ребячество, что на него надо только пальцем указать. Вот до каких нелепостей доводит людей фраза!

6.

Отговорка иного вида: «Но Германия задушит нас экономически договором по сепаратному миру, отнимет уголь, хлеб, закабалит нас».

Премудрый довод: надо идти на военное столкновение, *без армии*, хотя это столкновение явно несет не только кабалу, но и удупление, отнятие хлеба, без всяких эквивалентов, положение Сербии и Бельгии,—надо идти на это, ибо *иначе* будет невыгодный договор, Германия возьмет с нас 6 или 12 миллиардов дапи в рассрочку, хлеба за машины и проч.

О, герои революционной фразы! Отвергая «кабалу» у империализма, они *скромно* умалчивают о том, что для полного избавления от кабалы надо *свергнуть* империализм.

Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что *теперь* мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, *если можно* получить архиневыгодный сепаратный мир, его *обязательно* *принять* в интересах социалистической революции, которая *еще* слаба (ибо к нам, русским, *еще* не пришла на помощь зреющая революция в Германии). Только при *полной* невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться—*не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора*. При такой невозможности не будет и возможности спора о той или иной тактике. Будет только неизбежность самого ожесточенного сопротивления. Но пока выбор есть, надо выбрать сепаратный мир и архиневыгодный договор, ибо это все же во сто раз лучше положения Бельгии.

Мы крепнем с каждым месяцем, хотя мы еще слабы теперь. Международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем, хотя она не назрела еще теперь. Поэтому... поэтому, рассуждают «революционеры» (унеси ты мое горе...), надо принимать бой тогда, когда *заведомо* сильнее нас империализм Германии, *слабеющий* с каждым месяцем (в силу медленного, но неуклонного созревания революции в Германии).

Великолепно рассуждают «революционеры» чувства, превосходно рассуждают!

Отговорка последняя и самая «бойкая», самая ходкая: «Похабный мир есть позор, предательство Латвии, Польши, Курляндии, Литвы».

Удивительно ли, что именно *буржуа* русские (и их прихвостни— новолучисты, делонародовцы, новожизненцы)⁶²) — всего усерднее разрабатывают этот якобы-интернационалистский довод?

Нет, неудивительно, ибо этот довод есть западня, в которую буржуазия тащит русских большевиков сознательно, а часть большевиков попадается бессознательно, из-за любви к фразе.

Теоретически рассмотрим этот довод: что выше—право наций на самоопределение или социализм?

Социализм выше.

Позволительно из-за нарушения права наций на самоопределение отдавать на съедение Советскую социалистическую республику, подставлять ее под удары империализма в момент, когда империализм заведомо сильнее, Советская республика заведомо слабее?

Нет. Не позволительно. Это не социалистическая, это *буржуазная* политика.

Далее. Был ли бы мир на условии возврата «нам» Польши, Литвы, Курляндии *менее* позорным, менее аннексионистским миром?

С точки зрения русского буржуа, *да*.

С точки зрения социалиста-интернационалиста, *нет*.

Ибо, освободив Польшу (чего хотели одно время некоторые *буржуа* в Германии), германский империализм *еще сильнее* душил бы Сербию, Бельгию и проч.

Что русская буржуазия вопит против «похабного» мира, это—правильное выражение ее классового интереса.

Взгляните на *факты* относительно поведения англо-французской буржуазии. Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы (в кредит... это не «кабала», не бойтесь! это «только» кредит!). Она хочет, чтобы мы *теперь* воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому, что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, восвать *теперь*, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на Востоке, дешевле уступят

на Западе, а кстати Советская власть полетит... Воюйте, любезные «союзыные» большевики, мы вам поможем!

И «левые» (унеси ты мое горе) большевики лезут в западню, декламируя самые революционные фразы...

Да, да, одно из проявлений следов мелко-буржуазности состоит в податливости на революционную фразу. Это—старая истина, старая история, слишком часто становящаяся новинкой...

8.

Летом 1907 года наша партия тоже пережила аналогичную, в некоторых отношениях, болезнь революционной фразы.

Питер и Москва, почти все большевики были за бойкот 3-й Думы, заменяли объективный анализ «чувством», лезли в западню.

Болезнь повторилась.

Время более трудное. Вопрос в миллион раз важнее. Заболеть в такое время—значит рисковать гибелью революции.

Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «Революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

«Правда» № 31.

21 февраля 1918 г.

За подписью Карпов.

К истории вопроса о несчастном мире ⁴⁸⁾.

Теперь не до истории, могут сказать, пожалуй. Да, если не разрывной непосредственной практической связи прошлого с настоящим по известному вопросу нет, тогда допустимо утверждение подобного рода. Но вопрос о несчастном мире, архитяжком мире, вопрос такой злободневный, что на выяснении его надо остановиться. И потому я печатаю тезисы, прочтенные мною по этому вопросу 8 января 1918 г. перед собранием около 60 виднейших питерских работников нашей партии *).

«Правда» № 34.

24 февраля 1918 г.

*) Тезисы напечатаны на 58-й стр.

Странное и чудовищное.

В резолюции, принятой 24 февраля 1918 г., Московское Областное бюро нашей партии вынесло недоверие ЦК, отказалось подчиняться тем постановлениям его, «которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией», и в «объяснительном тексте» к резолюции заявило, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время» *).

Во всем этом ничего не только чудовищного, но и странного нет. Совершенно естественно, что товарищи, резко расходящиеся с ЦК в вопросе о сепаратном мире, резко порицают ЦК и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно.

Но вот что странно и чудовищно. К резолюции приложен «объяснительный текст». Вот он полностью:

«Московское Областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, при чем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. *В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной.* Мы попрежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России».

Подчеркнуты здесь нами те слова, которые... странны и чудовищны.

В этих словах—гвоздь.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычной ясностью вскрывают корень их ошибки.

«В интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти»... Это странно, ибо нет

*) Вот полный текст резолюции: «Обсудив деятельность ЦК, Московское Областное бюро РС-ДРП выражает свое недоверие ЦК, ввиду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его пере-выборах. Сверх того, Моск. Областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией». Резолюция принята единогласно.

даже связи между посылками и выводом. «В интересах международной революции целесообразно идти на *военное поражение* Советской власти»—такой тезис был бы верен или неверен, но его нельзя было бы назвать странным. Это—первое.

Второе: Советская власть «становится теперь чисто формальной». Вот это уже не только странно, но прямо чудовищно. Ясно, что авторы зашли в дебри сугубой путаницы. Приходится распутывать.

По первому вопросу мысль авторов состоит, очевидно, в том, что в интересах международной революции целесообразно идти на возможность поражения в войне, которое ведет к утрате Советской власти, т.-е. к победе буржуазии в России. Высказывая эту мысль, авторы косвенно признают правильность высказанного мной в тезисах (от 8 янв. 1918 г., напечат. в «Правде» от 24 февр. 1918 г.) *), именно, что непринятие условий мира, предложенного нам Германией, приведет Россию к поражению и к свержению Советской власти.

Итак, *la raison finit toujours par avoir raison*—правда всегда берет верх! Мои «крайние» противники, москвичи, грозящие расколом, должны были—именно потому, что они открыто договорились до раскола—договорить также до конца свои *конкретные* соображения, те самые, которые предпочитают обходить люди, отделивающие общими фразами о революционной войне. Вся суть моих тезисов и моих доводов (как увидит всякий, кто пожелает внимательно прочесть мои тезисы от 8 января 1918 г.) состоит в указании на необходимость принять *архитязжкий мир сейчас*, в данную минуту, при одновременной серьезной *подготовке* революционной войны (а также именно *в интересах* этой серьезной подготовки). Всю суть моих доводов обходили или не замечали, не хотели замечать те, кто ограничивался общими фразами о революционной войне. И вот теперь я должен от всей души поблагодарить именно моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они сорвали «заговор молчания» по поводу *сущи* моих доводов. Москвичи *первые* ответили на них.

И каков же был их ответ?

Ответ состоял в *признании правильности* моего *конкретного* довода: да, признались москвичи, нам, действительно, предстоит поражение, если мы сейчас примем бой с немцами **). Да, это поражение действительно приведет к падению Советской власти.

*) Стр. 58—64 настоящего тома.

**) На контр-возражение, что уклониться от боя было все равно нельзя, ответ дан фактами: 8 января мои тезисы прочтены; к 15 янв. мы *могли* иметь мир. Передышка была бы обеспечена наверняка (а для нас и самая краткая

Еще и еще раз: от всей души благодарю моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они разорвали «заговор молчания» против сути моих доводов, т.-е. именно против моего *конкретного* указания на условия войны, в случае, если мы ее примем тотчас, и за то, что они безбоязненно признали правильность моего конкретного указания.

Далее. В чем же состоит опровержение моих доводов, правильность которых по существу москвичи вынуждены были признать?

В том, что в интересах международной революции *надо* идти на утрату Советской власти.

Почему этого требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни единого словечка. О том, что общеизвестно и бесспорно, составители резолюции нашли время и место поговорить—и о «беспощадном подавлении буржуазной контр-революции в России» (средствами и приемами такой политики, которая ведет к утрате Советской власти?), и о борьбе против всех умеренных оппортунистических элементов партии, а о том, что как раз является спорным, о том, что касается как раз существа позиции противников мира,—ни звука!

Странно. Чрезвычайно странно. Не потому ли умолчали об этом авторы резолюции, что они чувствовали по этому пункту свою особую слабость? Ясно высказать, *почему* (этого требуют интересы международной революции), значило бы, пожалуй, разоблачить себя...

Как бы там ни было, приходится нам *искать* тех доводов, которыми *могли* руководиться авторы резолюции.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто возражал против сепаратного мира. Ясно, что это мнение ведет к отрицанию целесообразности брестских переговоров и к отрицанию мира «даже» на условии возврата Польши, Латвии и Курляндии. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира) бьет в глаза.

передышка имела гигантское значение—как материальное, так и моральное, ибо *немец* должен бы был объявить *новую* войну), если бы... если бы не революционная фраза.

Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избрала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в *данной* стране,— такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает.

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами («утрата Советской власти»), *спасая* немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы часть сил германской контр-революции, и этим спасли бы германскую революцию.

Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только «целесообразно» (как выразились авторы резолюции), но и прямо *обязательно* было бы идти на возможность поражения и на возможность утраты Советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а *помогали*, «идя на возможность утраты Советской власти». Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году.

Как ни верти, логики в рассуждениях автора не найти. Разумных доводов за то, что в «интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти», нет.

«Советская власть становится теперь чисто формальной» — вот то чудовищное положение, до которого договорились, как мы видели, авторы московской резолюции.

Раз, дескать, германские империалисты будут брать с нас дань, раз они будут запрещать нам пропаганду и агитацию против Германии, то и Советская власть теряет значение, «становится чисто формальной», таков, вероятно, ход «мысли» авторов резолюции. Говорим: «вероятно», ибо ничего ясного и точного в подкрепление рассматриваемого тезиса авторы не дали.

Настроение глубочайшего, безвыходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облекают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно — погибать!

Чувство, понятное при том архитяжком положении, в котором Россия находится. Но «понятно» оно не в среде сознательных революционеров. Характерно оно именно, как доведение до абсурда взглядов москвичей. Французы 1793 года никогда не сказали бы, что их завоевания, республика и демократизм, становятся чисто формальными, что надо идти на возможность утраты республики. Они были полны не отчаяния, а веры в победу. Звать же к революционной войне и в то же самое время в официальной резолюции говорить «идти на возможность утраты Советской власти», значит разоблачать себя до конца.

Пруссия и ряд других стран в начале XIX века, во время наполеоновских войн, доходили до несравненно, неизмеримо больших тяжестей и тягот поражения, завоевания, унижения, угнетения завоевателем, чем Россия 1918 года. И, однако, лучшие люди Пруссии, когда Наполеон давил их пятой военной сапога во сто раз сильнее, чем смогли теперь задавить нас, не отчаивались, не говорили о «чисто формальном» значении их национальных политических учреждений. Они не махали рукой, не поддавались чувству: «все равно — погибать». Они подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем брестский, умели выжидать

потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и *освободились в конце концов* (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями) ⁶³).

Почему не могла бы подобная вещь повториться в нашей истории?

Почему бы нам впадать в отчаяние и писать резолюции — ей же ей — более позорные, чем самый позорный мир, резолюции о «становящейся чисто формальною Советской власти»?

Почему тягчайшие военные поражения в борьбе с колоссами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?

Почему должны мы впадать в отчаяние от первого же неслыханно тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия?

Стойкость ли пролетария, который знает, что приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало, подниматься снова и снова, накапливая силы при *всяких* условиях, — стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас, в лице партии левых эс-эров, побил рекорд фразы о революционной войне?

Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не *становится* и не *станет* чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не сделает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а Советская власть *не* только политическое учреждение, во много раз более высокое, чем виданные когда-либо историей). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если... если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание неизмеримо более тяжкого и позорного мира, чем брестский, бывало в истории (примеры указаны выше) и не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, *учило* народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно трудном положении под пятой сапога завоевателя.

Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что иная эпоха, — как была эпоха наполеоновских войн, — будет эпохой освободительных *войн* (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями советской России. Это возможно.

И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне *серьезно*. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

«Правда» № 37.

28 февраля 1918 г.

Серьезный урок и серьезная ответственность.

Наши горе-«левые», выступившие вчера с собственной газетой «Коммунист» ⁶⁴⁾ (надо еще добавить: коммунист до-марксовской эпохи), увертываются от урока и уроков теории, увертываются от своей ответственности.

Напрасные увертки. Увернуться им не удастся.

Увертывающиеся из кожи лезут вон, производят газетные столбцы без числа, трудятся в поте лица своего, не жалеют даже типографской краски, чтобы представить «теорию» «передышки» беспочвенной и плохой «теорией».

Увы! Их потуги бессильны опровергнуть факт. Факты — упрямая вещь, как говорит справедливая английская пословица. Факт тот, что с 3 марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5 марта, 7 час. вечера, когда я пишу эти строки, мы имеем передышку, и мы уже воспользовались этими двумя днями для деловой (не фразами, а делами проявляющей себя) защиты социалистического отечества. Это — факт, который будет становиться с каждым днем все более и более очевидным для массы. Это — факт, что в момент, когда физически бежит, бросая пушки и не успевая

взрывать мостов, фронтовая армия, неспособная воевать, защитой отечества и *повышением* его обороноспособности является не болтовня о революционной войне (болтовня при таком паническом бегстве армии, ни *одного* отряда которой сторонники революционной войны не удержали, — прямо позорная), а отступление в порядке для спасения остатков армий, использования в этих целях каждого дня передышки.

Факты — упрямая вещь.

Наши горе-«левые», увертываясь от фактов, от их уроков, от вопроса об ответственности, стараются *скрыть* от читателя недавнее, совсем свежее, имеющее историческую важность, прошлое и *замазать* его посредством ссылок на давно прошедшее и несущественное. Пример: К. Радек ⁶⁵⁾ вспоминает в своей статье про то, как он писал в декабре (в декабре!) о необходимости помочь армии продержаться, писал в «докладной записке Сов. Нар. Ком.». Я этой записки не имел возможности прочесть, и я спрашиваю себя: отчего же не печатает ее *целиком* Карл Радек? Отчего не разъясняет он точно и прямо, что именно понимал он тогда под «компромиссным миром»? Отчего не вспоминает он более близкого прошлого, когда он писал в «Правде» о своей (худшей из всех) иллюзии насчет возможности заключения мира с германскими империалистами при условии возврата Польши?

Отчего?

Оттого, что горе-«левые» вынуждены затупевать факты, вскрывающие *их*, «левых», ответственность за сеяние иллюзий, которые на деле *помогли* германским империалистам и *помешали* росту и развитию революции в Германии.

Н. Бухарин ⁶⁶⁾ пытается теперь даже отрицать тот факт, что он и его друзья утверждали, будто немец не сможет наступать. Однако очень и очень многие знают, что это — факт, что Бухарин и его друзья утверждали это, что, сея такую иллюзию, они *помогли* германскому империализму и *помешали* росту германской революции, которая ослаблена теперь тем, что у великороссийской Советской республики отняли, при паническом бегстве крестьянской армии, тысячи и тысячи пушек, сотни и сотни миллионов богатств. Я это предсказал ясно и точно в тезисах от 8 января. Если Н. Бухарин вынужден теперь «отпираться», тем хуже для него. Все, кто помнит слова Бухарина и его друзей насчет невозможности наступления для немцев, пожмут плечами по поводу того, что Н. Бухарину пришлось «отпираться» от своих собственных слов.

А для тех, кто их не помнит, для тех, кто их не слышал, сошлемся на документ, немножечко более ценный, интересный и поучительный

сейчас, чем декабрьские писания К. Радека. Этот документ, к сожалению, скрытый «левыми» от их читателей, есть результат голосований 21 I—1918 на совещании ЦК нашей партии с теперешней «левой» оппозицией и голосования ЦК 17/II—1918 ⁴⁸).

21 января 1918 г. по вопросу о том, разорвать ли переговоры с немцами немедленно, *за* голосовал (из сотрудников горе-левого «Коммуниста») один Стуков ⁶⁷). Против — все остальные.

По вопросу, *допустимо* ли идти на подписание аннексионистского мира в случае разрыва германцами переговоров или ультиматума их, *против* голосовали только Оболенский ⁶⁸) (когда же напечатаны будут «его» тезисы? отчего молчит о них «Коммунист»?) и Стуков. *За* голосовали все остальные.

По вопросу о том, *надо* ли в таком случае подписать предложенный мир, *против* голосовали только Оболенский, Стуков, остальные «левые» *воздержались*!! Факт.

17 февраля 1918 г. по вопросу о том, кто за революционную войну, Бухарин и Ломов ⁶⁹) «в такой обстановке отказываются от участия в голосовании». *За* не голосует никто. Факт!

По вопросу о том, надо ли «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере (именно так!) не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на немецкое рабочее движение», *за* голосуют Бухарин, Ломов и Урицкий ⁷⁰) из нынешних сотрудников «левой» газеты.

По вопросу о том, «заключаем ли мы мир, если мы будем иметь, как факт, немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит», *воздержались* Ломов, Бухарин и Урицкий.

Факты — упрямая вещь. А факты говорят, что Бухарин отрицал возможность германского наступления, сеял иллюзии, которыми *на деле*, вопреки своему желанию, *помогал* германским империалистам, *мешал* росту германской революции. В этом и состоит суть революционной фразы. Шел в комнату, попал в другую.

Н. Бухарин упрекает меня в том, что я не разбираю конкретно условий теперешнего мира. Однако нетрудно понять, что для моей аргументации и по сути дела в этом не было и нет никакой надобности. Достаточно было доказать, что действительной, несфантазированной дилеммой для нас является одна: либо *такие* условия, оставляющие хотя бы на несколько дней передышку, либо положение Бельгии и Сербии. И этого Бухарин не опроверг хотя бы для Питера. Это его коллега М. Н. Покровский ⁷¹) признал.

А что новые условия хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий, *в этом виноваты*, по отношению

к великой российской Советской республике, *наши горе-левые* Бухарин Ломов, Урицкий и К°. Это исторический факт, доказанный вышеприведенными голосованиями. От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам *давали* брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, *доводя* до худших условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете⁷²⁾.

В моих тезисах от 8 янв. 1918 г. *) предсказано с полнейшей ясностью, что в силу состояния нашей армии (которое не могло измениться от фразерства «*против*» усталых крестьянских масс) Россия *должна будет* заключить *худший* сепаратный мир, если не примет брестского.

«Левые» попались в ловушку буржуазии российской, которой *надо* было втянуть нас в войну, *наиболее* для нас невыгодную.

Что «левые эс-эры», высказываясь за войну *сейчас*, заведомо разошлись с крестьянством, это факт. И этот факт говорит за *несерьезность* политики левых эс-эров, как несерьезна была кажущаяся «революционной» политика всех эс-эров летом 1917 г.

Что наиболее сознательные и передовые рабочие быстро сбрасывают с себя угар революционной фразы, показывает пример Питера и Москвы. В Питере уже отрезвились лучшие рабочие районы: Выборгский и Василеостровский. Петербургский Совет Раб. Депутатов не стоит за войну *сейчас*, он понял необходимость *готовить* и готовить ее. В Москве на городской конференции большевиков 3 и 4 марта 1918 года уже победили противники революционной фразы.

До каких чудовищных самообольщений договорились «левые», видно из одной фразы в статье Покровского, в которой говорится: «Если воевать, то воевать нужно *теперь*» (курсив Покровского)... «когда, — слушайте! слушайте! — когда еще не демобилизована российская армия вплоть до вновь образованных частей».

А кто не отмахивается от фактов, тот знает, что величайшей помехой для отпора немцам и в Великороссии, и на Украине, и в Финляндии в феврале 1918 г. была *наша недемобилизованная армия*. Это факт. Ибо она не могла не бежать панически, увлекая за собой и красноармейские отряды.

Кто хочет учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них, тот вспомнит хотя бы войны Наполеона I с Германией.

Много раз Пруссия и Германия заключали с завоевателем *вдесятеро* более тяжелые и унижительные (чем наш) мирные договоры,

*) См. стр. 58 настоящего тома.

вплоть до признания иноземной полиции, вплоть до обязательства давать свои войска на помощь завоевательным походам Наполеона I. В своих договорах с Пруссией Наполеон I терзал и дробил Германию вдесятеро сильнее, чем Гинденбург и Вильгельм придавили нас теперь. И тем не менее в Пруссии находились люди, которые не фанфаронили, а подписывали архи-«позорные» мирные договоры, подписывали их в силу неимения армии, подписывали вдесятеро более угнетательские и унижительные условия, а потом *все же* поднимались на восстание и на войну. Так было не раз, а много раз. История знает таких несколько мирных договоров и несколько войн. Несколько случаев передышки. Несколько новых объявлений войны завоевателем. Несколько случаев союза угнетенной нации с угнетающей, которая была конкурентом завоевателя и такой же завоевательницей, (к сведению сторонников «революционной войны» без взятия помощи от империалистов! ⁷³).

Так шла история.

Так было. Так будет. Мы вступили в эпоху *ряоа* войн. Мы идем к новой *отечественной* войне. Мы придем к ней в условиях назревающей социалистической революции. И на этом тяжелом пути русский пролетариат и русская революция сумеют излечиться от фанфаронства, от революционной фразы, сумеют принимать и архитяжкие мирные договоры, сумеют подниматься снова.

Мы заключили *Тильзитский мир*⁶³). Мы придем и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807—1810 годов пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее.

Долой фанфаронство! За серьезную работу дисциплины и организации!

*Написано 5 марта;
напечатано в «Правде» № 42.
6 марта 1918 г.*

VII СЪЕЗД Р. К. П.

6—8 марта 1918 г.

*Неизданные стенограммы
Архив Ц. К. Р. К. П.*

Доклад по вопросу о Брестском мире ⁷⁴⁾.

(Заседание 7 марта 1918 г.)

Несколько строк начала речи не застенографировано.

...ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было, во что бы то ни стало, перейти поскорее к активной политике мира, необходимо взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев ⁴⁷⁾, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. Эта политика, эти лозунги: «власть Советам», насаждаемые нами в сознании широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратив последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. Стало фактом то, что мы предсказывали в начале революции и даже в начале войны, на что отвечали тогда в значительной части социалистических кругов с недоверием или даже с насмешкой, а именно, превращение империалистской войны в войну гражданскую. Эта война с 25 октября 1917 года для одной из самых больших, из самых отсталых стран, участвовавших в войне, стала фактом. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они появлялись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, а соглашательские элементы оказались лишенными всякой экономической опоры в среде населения. Война с ними неизбежно завершалась переходом широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, на сторону большевиков. Это мы видели в Питере на гатчинском фронте ³¹⁾, где казаки, которых Керенский и Краснов ¹¹⁾ пытались вести против красной столицы, заколебались; это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей

России пробежала волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел; потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги Советской власти стали неизбежными потому, что их практически проверили массы долгим историческим опытом.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть к октябрю, так как успех зависит от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства, — Российскую Советскую Республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше, чем какая бы то ни была партия успела провозгласить даже этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот что создало эту форму пролетарской власти.

У нас не было и быть не могло сомнения, что социальная революция стояла перед задачами гигантской трудности. (Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. В результате—республика Советов родилась сразу.) Оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция.

Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на «ура», того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны. Этого решения не допускала суть дела. Если мы легко побеждали калединцев¹²⁾ и создали Советскую Республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий объективным предыдущим развитием был предрешен, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо: «Совет существует, как организация профессиональная» написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», то этот метод совсем не годился по отношению к задачам организационным. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал бы вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы преодолеть это разложение и те элементы этого разложения, которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвать с нее что можно. Эти элементы должны были неизбежно возникнуть в большом числе в мелко-крестьянской стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая,—

борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоит тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не ограничимся триумфальным шествием с развернутыми знаменами. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом, как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

То же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся триумфальным шествием молодых товарищей, когда перед русской революцией конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи. Эта вторая задача — решение вопроса международной революции. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм, который обладает мощностью всего объединенного капитала и всею мощностью военной техники, представляет гигантскую реальную силу, который ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской республикой не мог и по своему объективному положению, и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь — величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема — необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой. Эта задача стояла перед нами со всеми невероятными трудностями.

Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство почему, в течение недель и месяцев величайшего триумфа после октября, мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу. Между тем, это было легко только потому, что специально сложившаяся международная империалистическая атмосфера временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. Отдельным же империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мертвой схватки, попали

в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре, наша революция случилась как раз — это парадоксально, но справедливо — в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей; на четвертом году войны, когда она измучила народ неслыханными бедствиями; когда воюющие страны подошли к тупику, к распутию; когда стал объективный вопрос, смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы. Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно броситься ни друг на друга, ни соединиться против нас. Только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие по Европейской России, перекинуться в Финляндию ⁵⁸), начать завоевывать Кавказ, Румынию ⁷⁵). Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии интеллигенты, сверхчеловеки из партийных работников, которые, дав себя увлечь этим триумфальным шествием, сказали: «С международным империализмом мы справимся, там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет». За пределами России также росло революционное движение, но во всех без исключения империалистических странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать; у нас же неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать; в Европе — наоборот: там будет гораздо легче продолжать уже начавшуюся революцию. Это объективное положение создало то обстоятельство, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом истории.

От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами, как это ни приятно было бы, конечно, нельзя, **ибо мы имеем** в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие **массы, которые** дошли до такого положения, когда воевать никоим

образом нельзя, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к большевикам, которые не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние создало гигантский кризис. Страна мелко-крестьянская в своем составе, дезорганизованная войной до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение. У нас армии нет, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который все еще остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций принять нельзя. Лежит смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждает его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций! Последнее может быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки наших партий, интеллигенция и часть рабочих организаций, попытались отделаться прежде всего фразами и отговорками. Этот мир был слишком невероятен, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с открытыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы должны были уступить, приняв унижительные условия. Никогда! Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать!».

Это было первой отговоркой, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится при помощи неслыханно трудной организационной работы пройти через ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов — в конце концов, а не в начале начал, — какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; созреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, — то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая рево-

люция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это мы слышали и набили на этом оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы откинули, потому что, как несомненно, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяками является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, созреет, — совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение и могу делать какие угодно глупости».

«Либкнехт ¹⁷⁾ выручит потому, что он все равно победит!» Он нас выручит потому, что мы знаем, что он победит. Он даст такую великолепную организацию так, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение Западной Европы, благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев тогда, когда на его победу требовались десятки лет на Западе.

Итак, совершенно никчемна авантюра перенесения в новый исторический период старого ~~метода~~ решения вопросов борьбы триумфальным шествием, ибо новый период поставил перед нами не гнилушки Керенского и Корнилова ³³⁾, а преподнес могучего международного хищника, ибо на Западе революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантурой было решение вопроса, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что оно может раздробиться сейчас. Нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Они не хотят понять, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, хотя несколько не забывали, что рядом с нашим смирным домашним зверем лежит тигр. Односторонним приказом втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация не были против этой демобилизации? Что же мы совершенно с ума сошли? Абсолютно несколько. Офицеры не-большевики говорили еще до октября, что армия не может воевать, что

ее даже на несколько недель на фронте не удержать. Это после октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт непритяжной действительности, а не прятаться за гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно было сделать,— скорее демобилизовать ее. Эта больная часть организма, которая с неслыханными мучениями терпела лишения войны, на которую пошла технически-неподготовленной, вышла из нее в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, которые вынесли эти неслыханные страдания. Мы в сотнях резолюций с полной откровенностью даже в течение первого периода русской революции говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать, можно было проделывать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу.

Армия — теперь больная часть русского государственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее ее демобилизуем, тем скорее она рассосется, среди частей еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста, принимали решение, с точки зрения внешних событий нелепое,— демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что надежда удержать армию — легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать ее, тем скорее начнется оздоровление всего организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни война, ни подписание мира». Но если немец наступит? — «Нет, он не может наступать!» А вы имеете право ставить на карту даже не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Вы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, ибо мы все с 25 октября стали оборонцами, признающими защиту отечества, мы все знаем, что порвали с империалистами, не на словах, а на деле разорвали тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир так, что народы могли увидеть на деле наши намерения! Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской Республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла теперь свои плоды?

Таков факт. Тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней левой оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией

Этот кризис будет изжит. Никким образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в один момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы на нем шеи не ломаем, является то обстоятельство, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, который состоял в необыкновенном количестве литературы и всяких дискуссий, в создании достаточного числа расколов, события принесли нам новый способ, как людям учиться. Это — способ проверки спора фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать? Из вашей тактики вытекало то, что можно объявить состояние войны прекращенным? Но вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хочется, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, когда мы приходили в любой город и провозглашали Советскую власть, и девять десятых рабочих примыкали к нам. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. Кто же с кем должен считаться? Мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это — урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступать, до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петербурга до Москвы, но во всяком случае, при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, мы погибнем. Тем не менее, это ни капли не колеблет нашей обязанности суметь вынести самое трудное положение без фанфоронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала. Это надо уметь взять, как факт. Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как в России, где громадной части населения было совершенно все равно, какие там па окраинах живут народы, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко; это значило поднять перышко, а начать без труда и подготовки революцию в стране, где пышно развился капитализм, дать демократическую культуру и организованность последнему человеку, — нелепая мечта. Там мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Мы не знаем, как не знает никто, возможно ли, что она

победит через несколько недель, даже через несколько дней. Но этого нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра. Когда же начнется, конечно, нас не будут больше мучить сомнения, не будет больше вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она очень больно нас побила, но — за битого двух небитых дают! После того, как история на этой падежде, что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», нас очень больно побила, я уверен, что этот урок быстро пройдет в сознание революционных масс благодаря нашим советским организациям. Эти массы шевелятся, обсуждают, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас идут не старые революционные споры, которые остаются внутри партийных кругов, а выносятся на обсуждение масс, которые требуют проверки опытом, делом, когда никогда не дают себя увлечь легкими речами, никогда не дают сбить с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от этого можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика. Он умеет разными революционными заклинаниями отговориться от того простого факта, что армии нет, и от того, что революция в Германии еще не наступила. Миллионные массы — а политика начинается там, где миллионы, не там, где тысячи, а только там, где миллионы, начинается серьезная политика, — миллионы знают, что такое армия, ибо видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, что воевать мы не можем, что всякий человек все, что мыслимо было, вынес. Масса уже поняла ту истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший мирный договор. Это неизбежно! Пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее, до тех пор больной не выздоровеет. Но этих задач мы «на ура» не возьмем; этих затруднений не скинем, как скинули Керенского или Корнилова. Вот урок, который массы усвоили без оговорок, которые пытались некоторые преподнести им, чтобы отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие с октября по январь, потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником. Да, повороты истории очень тяжелы, тяжелы особенно потому, что Октябрьский переворот не все поняли. Когда в 1907 г. мы подписали неслыханный, позорный внутренний договор со Столыпиным⁶⁰⁾, мы переживали то же самое в маленьком масштабе по сравнению с тепе-

решим. Тогда люди, принадлежавшие к лучшему авангарду революции, говорили: «Мы — гордые революционеры; мы верим русской революции: мы в подполье никогда не пойдем!». Пойдете. Жизнь масс, жизнь истории сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, — так вас история заставит. Это были очень левые, от которых ничего, как от фракции, не осталось, кроме дыма, при первом же повороте истории. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создавалась оттого, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Надо уметь отступать! Невероятно горькой действительности фразой не закрыть. Надо сказать: «дай бог отступить в полупорядке». Мы в порядке отступить не можем; дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы большая часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров, он преодолет болезнь. Нельзя требовать, чтобы он преодолел ее моментально, чтобы остановил бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: «Товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии», это было принято за обидное предложение: «Нас хотят послать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны!». Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку, это было предложением лично удостовериться, что армия начала пелыханно бежать. Мы и раньше это знали, и раньше нельзя было закрывать глаз на то, что разложение дошло там до неслыханных фактов: до продажи солдатами за гроши наших орудий немцам. Это мы знали, как знаем и то, что их нельзя удержать. И отговорка, что немец не станет наступать, была величайшей авантюрой! Нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить нельзя сразу. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать, на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет, потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно.

Гражданская война началась, как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что подымаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка. Я вполне понимаю, что детям свой-

ственно любить красивые сказки, но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть момент действительности; если бы вы детям преподнесли сказку где петух и кошка не разговаривают правдоподобным человеческим языком, они не стали бы интересоваться!.. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить, а вы измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра — тогда что? Тогда масса скажет вам: «Вы поступили, как эгоисты, вы ставили карту на счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными в том положении, которое оказалось вместо ожидаемой международной революции, которая придет несомненно, но которая еще не созрела».

Наступил период тяжчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая должна была демобилизовать армию. То, что я предсказывал, наступило целиком. Вместо Брестского мира мы получили мир гораздо более унижительный по вине тех, кто не брал его. Мы сидели в Бресте за столом рядом с Гофманом⁷⁶⁾, а не с Либкнехтом. Этим мы тогда помогали немецкой революции, а теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали им свои миллионные богатства: пушки, снаряды, продовольствие. Случилось то, что должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы, действительно, оказались добычей неприятеля в несколько дней. Получивши этот урок, мы наш раскол и кризис изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник — всемирная революция. Когда нам говорят по вопросу о ратификации нового Тильзитского мира⁶³⁾, неслыханного, более грабительского, чем Брестский, я отвечаю: — «Безусловно, да». Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения октябрьской и ноябрьской тактики, испробованной внутри одной нашей страны, тактики триумфального периода революции с помощью нашей фантазии на весь ход революции, оказалась битой историей. Когда говорят, что передышка это — фантазия; когда газета называется «Коммунист»⁶⁴⁾, должно быть, от Парижской Коммуны; когда эта газета наполняет столбец за столбцом опровержениями теории передышки, — тогда я вижу ясно (мне много пришлось пережить фракционных столкновений и расколов, так что

я имею большую привычку), но вижу ясно, что старым способом фракционных расколов эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро; здесь она действует великолепно; история гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере уже разочаруется в ее идеях, потому что жизнь в это время показывает, что передышка — факт.

Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем войной, потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли потому, что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армии не могут и не остановили бы. Эта большая армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов, а между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединиться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться и создавать армии, способные не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась, и нельзя ручаться, что она родится завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петербург будет потерян нами в несколько дней, когда идущие на него войска находились в нескольких переходах, а лучшие матросы и путиловцы⁷⁷⁾ при своем великом энтузиазме оказывались одинокими, когда получились неслыханный хаос и паника, заставившие нас добежать до Гатчины, и когда мы, наконец, опомнившись, брали назад отданное, послав телеграфиста вперед, который приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из министерства путей сообщения: «Занята следующая станция. Мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет». В действительности только телеграфист занимал свое место. Вот что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны. Ес опишут вам матросы и путиловцы, которых надо пригласить на съезд Советов.

Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унижительная правда, но она в 100 раз полезнее, чем ваш «Коммунист»...

Я предоставляю вам увлекаться международной революцией, потому что она все же наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие хоть один час в течение суток учились сражаться. Это немного потруднее, чем написать прекрасную сказку. Этим вы поможете немецкой и международной революции. Сколько нам дадут дней передышки, мы не знаем, но она дана. Надо скорей демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции.

Да, конечно, мы нарушили договор, мы его 30—40 раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительно долгий период освобождения, которое только что создало Советскую власть, подняло на высшую степень ее развития, только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба. Позорный мирный договор подымает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, у них, в сущности, только апелляция к чувству: «Позорный, неслыханный, унижительный мир!». Они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки, и кровавые мальчики были перед глазами. Что они, в сущности, говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого и не пойдет на этот позор». Эта газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «Мир — это позор, война — это честь!». Они смотрят с точки зрения шляхтича, но я подхожу с точки зрения крестьянина.

Если я иду на мир, когда армия бежит и не может не бежать, не теряя тысячи людей, я беру его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор! Да меня оправдают всякий серьезный крестьянин и рабочий, потому что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История скажет, кто прав. На нее я ссылаюсь не раз, такова история освобождения немцев от Наполеона. Я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что было там, когда немцам пришлось давать свои войска на помощь завоевателю для подчинения других народов. До этого история однажды уже доходила и дойдет вновь, если мы будем надеяться только на международную революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до такой формы военного рабства. А пока социалистическая революция не победила во всех

странах, Советская Республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханным позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман — Наполеон ловил на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтоб он поймал не скоро. Последняя вспышка войны дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу, заставив его организовываться, дисциплинироваться, уметь подчиняться, создавать образцовую дисциплину. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать распростертыми в рабстве.

Так и только так шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру победенного, но не унижительному. Псковское соотношение сил ⁷⁸⁾ соответствовало миру позорному, более унижительному, а в Питере и в Москве на следующем этапе нам предпишут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья; мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: «Пусть русский народ найдет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все Тильзитские миры». История освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, — освобождение наступало быстро. Мы говорим, если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, перейдя вновь к войне, и это, может быть, предстоит на-днях. Каждый должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы готовят за Нарвой, — если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах, — не в Нарве, а под Нарвой, не в Пскове, а под Исковым немцы собирают свою растянувшуюся армию, чинят свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петербург. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал, и он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в 20 раз, в 100 раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, когда немец займет его; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха, ружей и проч., которые нужны для меня, потому что я оборонец, потому что я стою

за подготовку армии, пусть в самом дальнем тылу, где можно лечить демобилизо- а- шуюся больную армию.

Мы не знаем, скоро ли это будет, будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать, потому что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на несколько фронтов. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что необходимо разбить Советскую Республику, а с другой стороны, тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны, тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, и поэтому он не может сию минуту, как утверждают, взять Питер, взять Москву. Он может это сделать завтра—это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда фактически больна армия, когда мы пользуемся этим моментом во что бы то ни стало, хотя бы для одного дня передышки, всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, должен подымать ее для новой войны. Всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо он—в интересах пролетарской революции и обновления России путем освобождения от больного органа стихийно демобилизующейся армии. Когда мы подписываем этот мир, а это понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции, всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей борьбы. Мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными. Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву—пойдем и на это испытание; в ответ на несприятельскую армию двинем нашу армию если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, который, может быть, возьмет много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир, потому что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, все почувствуют это. Но пока надо воздержаться. Этот лозунг нужно провести, в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов. Надо научиться работать на новом пути. Это неизмеримо тяжело, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советской власти, если только глупейшей авантюрой мы сами не сорвали ее. Нет, когда народ скажет, что я не позволю больше мучить себя, тогда они должны заговорить о войне, и правы будут, когда заговорят. Мы сейчас не пойдем на авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унижительном договоре, который мы подписали на-днях, ибо одной

войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Народы были связаны своей монархической организацией в 1807 г., когда подписали свой Тильзитский мир, после нескольких унижительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг один: учиться военному делу, дисциплинироваться, настоящим образом ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок, и нужно создать всю ту энергию и всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, которую вам дали хотя бы на час, чтобы поддерживать контакт с дальним тылом и создавать там новые армии. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений. Она уже налицо. С пей надо уметь считаться; для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев, — этого нечего прикрашивать, ибо это — действительно Тильзитский мир.

Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражение, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим.

Из архива ЦК РКП.

Заключительное слово по докладу *).

(Заседание 8 марта 1918 г.)

Товарищи, позвольте мне начать с замечаний сравнительно мелких, с конца. Товарищ Бухарин ⁶⁶⁾ в конце своей речи дошел до того, что он говорил по отношению к Раде ⁴⁹⁾. Если это так, то как же можно меня оставить в одной партии с ним? Разве это не фраза? Конечно, если бы это было так, мы не сидели бы в одной партии. То, что мы вместе, доказывает, что па девять десятых мы с Бухариным согласны, потому что он сказал, что сейчас надо было наступление. Правда, он прибавил немного революционных фраз на ту тему, что мы хотели предать Украину. Я уверен, что таких заведомых пустяков повторять не стоит.

Я вернусь к товарищу Радеку ⁶⁵⁾, и здесь я хочу отметить, что ему удалось печально сказать серьезную фразу. Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Радека получилась

*) Подлинная стенограмма крайне неточна и местами совершенно лишена смысла, вследствие чего некоторые фразы редакцией выпущены, и весь текст отредактирован заново.

совершенно серьезная фраза, в которой вся суть: пространство, которое я предлагал фактическому победителю. Я хочу уступить пространство, чтобы выиграть время. В этом вся суть и только в этом. Все остальное — только разговоры: необходимость революционной войны, подъем крестьянства и проч.

Когда тов. Бухарин изображает дело так, что будто о войне не может быть другого мнения, спросите любого военного. Этим любым военным оказался французский офицер, с которым мне пришлось беседовать. Конечно, французский офицер, смотря на меня какими-то злыми глазами, — дескать, он продал немцам, довел Россию до позора, — говорил: «Я — роялист, я — сторонник монархии и во Франции, сторонник поражения Германии, не думайте, что я сторонник Советской власти (как же подумаешь, если он монархист!), но я был за то, чтобы вы подписали договор в Бресте, потому что это необходимо». Вот, вы спросите любого военного! Любой военный вам скажет то, что я говорил: надо было подписать договор в Бресте. Если теперь из речи Бухарина вытекает, что наши разногласия очень уменьшились, то это потому, что главный пункт разногласий его сторонники спрятали.

Когда теперь Бухарин громит нас за то, что деморализовали массы, он абсолютно прав, — только он себя громит, а не нас. Кто произвел эту кашу в ВЦИК? Вы, тов. Бухарин! (Как вы ни кричите, что нет, а правда возьмет верх!) Теперь мы в своей семье, мы на своем собственном съезде, скрывать нечего, и придется говорить правду, а правда состоит в том, что в ВЦИК было три течения. Я просил голосование воспроизвести и размножить, всякий член партии зайдет в секретариат, если пожелает, и возьмет цифры голосования. Это историческое голосование, которое показывает, что колебались они, а мы несколько не колебались и говорили: возьмем мир в Бресте, ибо лучшего не получите, чтобы готовить революционную войну. Сейчас мы уже выиграли 5 дней, чтобы эвакуировать Питер. Сейчас выпущено воззвание Крыленко ²¹⁾ и Подвойского ⁷⁹⁾, которые не были в числе левых, которых Бухарин третировал, говоря, что вытаскивают Крыленко, так как будто мы выдумали то, что Крыленко докладывал. Мы с этим абсолютно согласны.

Вот как обстоит дело. Ведь это военные доказывали то, что я говорил, а вы отговариваетесь тем, что немец не станет наступать. Разве можно это положение сравнить с октябрём, когда дело было не в технике? Нет, если вы хотите считаться с фактами, так считайтесь с фактом, что разногласия касались того мнения, что нельзя начать войну, когда она заведомо невыгодна, но тов. Бухарин начал заключительное слово громовым вопросом, — возможна ли война в ближайшем будущем?

Он меня очень удивил, но я отвечаю без колебаний: «Возможна, а сейчас надо принять мир». Тут никакого противоречия нет.

После этих коротких замечаний я перейду к детальным ответам оппонентам. По отношению к Радеку я должен сделать исключение. Но было другое выступление — тов. Урицкого ⁷⁰⁾. Что у него в речи было, кроме выкриков: «Каносса, предательство, отступили, приспособились»?.. Ну, что это такое? Разве это не из бульварной газеты? Тов. Бубнов ⁸⁰⁾ читал нам заявление, поданное цекистами ⁸¹⁾, считающими себя очень левыми, которые сами демонстрировали свою негодность перед всем миром, — заявление, где говорится: «Поведение ЦК наносит удар международному пролетариату!». Разве это не фраза? «Демонстрировать перед всем миром бессилие»! Чем мы демонстрируем? Тем, что предложили мир? Тем, что армия побежала? Разве мы не доказали, что начать войну с Германией сейчас, не приняв Брестского мира, значит показать миру, что наша армия больна и не желает идти на бой? Совершенно пустое, когда Бубнов утверждает, что это колебание целиком было создано нами. Это было только потому, что наша армия больна. Когда бы то ни было передышку надо было дать. Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправильной, — мы имеем только пять дней передышки, но и это хорошо: военная история говорит, что для армии, которая бежит в панике, достаточно иногда бывает даже нескольких дней, чтобы остановить ее. Кто не берет, не подписывает сейчас дьявольский мир, тот человек фразы, а не стратегии. Вот в чем горе. Когда мне цекисты пишут о демонстрации бессилия, предательстве, — это вреднейшая, пустейшая, ребячья фраза! Демонстрировали мы бессилие тем, что попробовали воевать, когда нельзя было демонстрировать сил, когда наступление на нас было неизбежным... Давайте, привезем псковских крестьян на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевшие паническим бегством солдаты выздоровеют и скажут: «Да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, это новая война против Советской власти».

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности две стороны. Когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавляю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, — после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из 7 дней он украл 5, а так как в конце маневр был неправилен, то мы не знали, что он уже начал считать семидневный срок. Тактика Троцкого, поскольку она шла

на затягивание, была верна, — неверной она была в том, что было объявлено состояние войны прекращенным, и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать! Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отметила это, об этом не стоит вспоминать, но смешно, что Бухарин говорит, что жизнь покажет, что они были правы. Прав был я, потому что я писал еще в 1915 году: «Надо готовиться вести революционную войну, она неизбежна, она идет, она придет». А то, что надо было мир взять, а не хорохориться зря, и что тем более надо было это сделать, что все же война придет; что мы, по меньшей мере, сейчас облегчаем эвакуацию Питера, и уже облегчили, это — факт.

Когда тов. Троцкий выдвигает новые требования: общайтесь, что не подпишете мира с Винниченко ⁸²⁾, — я говорю, что ни в каком случае обязательства не возьму. Если бы съезд взял обязательство, ни я, ни один из моих единомышленников, — никто ответственности не возьмет... Это значит вместо ясной линии маневрирования: отступая, тогда можно, иногда наступая, вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военных историй, не знать того, что договор есть средство собирать силы. Я сослался на прусскую историю. Некоторые, как дети, думают: подписал договор, значит — проданся сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил. В истории бывали случаи, когда войны следовали одна за другой. Все это мы забыли, мы видим, как старая война превращается в... *(Несколько слов не застенографировано.)*

Не связывайте себя формальными соображениями навсегда, а если свяжете, то отдайте ответственные посты левым эс-эрам. Мы на себя ответственности не возьмем. Тут нет ни тени желаний раскола. Я убежден, что жизнь нас научит. К 12 марта, когда назначен съезд Советов, вы получите большой материал.

Тов. Троцкий говорит, что мир будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверный способ рассуждения, когда люди впадают в фразу. Чтобы показать это конкретно, я возьму пример. Два человека идут. На них нападают десять. Один борется, другой бежит. Это предательство. Две армии по 100 тысяч; против них пять таких же армий. Одну армию окружили 200 тысяч; другая должна идти на помощь, но она вдруг узнает, что 300 тысяч подготовили ей на пути ловушку. Можно ли идти на помощь? Нет, нельзя! Это уже не предательство и не трусость.

Простое увеличение числа изменило все понятие. Каждый военный знает, что, поступая так, я сберегаю свою армию. Пусть ту возьмут в плен, я свою обновлю: у меня есть союзники. Я выжду — союзники подойдут. Только так можно рассуждать, но когда к военным соображениям припутываются другие, то ничего, кроме фразы, не получится.

Так политику делать нельзя.

Все, что может быть сделано, мы сделали. Подписывая договор, мы сберегли Питер, хотя на несколько дней. В договоре приказано вывести войска из Финляндии, — эти войска, кстати, никуда не годны... *(Несколько слов не застенографировано.)*

Если бы Питер пал несколько дней тому назад, паника охватила бы город, и мы бы ничего не вывезли, а за эти пять дней мы помогли нашим финским товарищам, сколько — я не скажу, это они сами знают.

Слова, что мы предали Финляндию, являются самой ребяческой фразой. Мы ей помогли прежде всего тем, что во-время отступили перед немцем. «Не погибнет никогда Россия, если провалится Питер». Тут тысячу раз прав Бухарин, но если маневрировать по-бухарински, можно хорошую революцию загубить.

Мы ни Финляндии, ни Украины не предали. Мы помогаем, чем можем. Мы из наших войск там ни одного хорошего солдата не увели и не уведем. Ели вы говорите, что Гофман поймает, накроет, конечно, он это может сделать, но во сколько дней он это сделает, я не знаю, и никто не знает. Соображение, что Гофман накроет, касается политического соотношения сил, о котором речь идет впереди.

Выяснив, почему я не мог принять предложение Троцкого, ибо так политику вести нельзя, я должен указать, насколько некоторые товарищи на съезде уже успели отойти от фразы, которая еще остается у тов. Урицкого и других; лучшим примером является тов. Радек. Я его никоим образом не могу обвинить в погоне за фразой. Он был прав, когда признал, что ни тени предательства или позора нет в подписании договора, когда пришлось отступить перед подавляющей военной силой. Эта оценка разбивает всю позицию Троцкого. Когда Радек сказал: «Стиснув зубы, надо готовить силы», вся правда тут, под которой я целиком подписываюсь, именно: не хорохорясь, а стиснув зубы, готовиться.

Касаясь речи тов. Бухарина, я уже отмечал, что, когда у него не хватает аргументов, он выдвигает нечто от Урицкого и пробует нас шельмовать. Тут аргументы не нужны, если мы ошельмованы, тут нам надо собирать бумаги и бежать, но я не думаю, чтобы наши позиции от бухаринского «шельмования» оказались поколебленными. Бухарин пытался анализировать нашу классовую позицию, но вме-

сто этого рассказал анекдот о покойном экономисте-москвиче. Он ухитрился найти связь нашей тактики с мешечничеством, но, ей богу, он стал смешон, ибо забыл, что отношение класса в целом — класса, а не мешечников — показывает нам, что русская буржуазия и все ее прихвостни из делонародовцев и новожизненцев втравливают нас в эту войну всеми силами. Этот факт вы обходите. Объявлять сейчас войну Германии, значит поддаваться на провокацию русской буржуазии. Это не ново, но это вернейший (я не говорю абсолютно верный, ничего абсолютно верного не бывает!) путь сбросить нас.

Когда тов. Бухарин уверял, что жизнь — за него, все кончится тем, что мы признаем революционную войну, он праздновал легкую победу, ибо неизбежность революционной войны мы предсказали еще в 1915 году. В свое время революционная война придет, мы будем за нее неизбежно, как были за нее раньше. Наши разногласия были в другом. Мы спорили, может ли сейчас немец наступать или нет, объявить ли состояние войны прекращенным, надо ли мир, в интересах ли, наконец, самой революционной войны фактическое отогупление, отдающее врагу пространство, но дающее нам необходимое для нас время. Мы утверждали, что стратегия и политика предписывают самый, что ни на есть, гнусный договор. Мы спорили, пока мы его не подписали, но наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признали и еще раз признаем на этом съезде. В этом споре разберется историк, но ему нелегко будет подыскать оправдание для тактики: «войны не прекращать!».

Из архива ЦК РКП.

Доклад об изменении партийной программы и названия партии.

(Заседание 8 марта 1918 г.)

Товарищи, по вопросу об изменении названия партии ⁸³⁾, как вы знаете, с апреля 1917 года в партии развернулась довольно обстоятельная дискуссия, и поэтому в Центральном Комитете сразу удалось достигнуть не вызывающего, кажется, больших споров, а может быть, даже почти никаких, решения, именно: Центральный Комитет предлагает вам переменить название нашей партии, назвав ее Российской Коммунистической Партией (большевиков). Это добавление мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело права гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России

хотя бы в общих чертах (а настолько следит вся заграничная пресса). Что название «социал-демократическая партия» — научно неправильно, это уже достаточно было разъяснено в нашей прессе. Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократии, буржуазной демократии, оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде еще не существовал. Он имел свои права только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс говорил, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию в ее старой форме мы не можем стоять.

С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно: цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, по идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно-правильным. Возражение, что оно может подать повод к смешению нас с анархистами, в Центральном Комитете было сразу отвергнуто, потому что анархисты никогда не называют себя просто коммунистами, но всегда с известными добавлениями. В самом деле, имеются различные разновидности социализма, которые не ведут к смешению социал-демократов с социал-реформистами или с социал-национальными и т. п. партиями.

Важнейшим доводом за перемену названия партии является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того утара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху официального европейского социализма. Так, до сих пор почти все официальные социалистические партии являлись настоящим тормозом рабочего революционного социалистического движения, настоящей помехой ему. Наша партия, симпатии к которой в массах трудящихся во всех странах в настоящее время безусловно чрезвычайно велики, наша партия обязана выступить с возможно более решительным, рез-

ким, ясным, недвусмысленным заявлением, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, а для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели.

Гораздо более трудным вопросом явился вопрос о теоретической части программы, а также о практической и политической частях ее ⁸⁴⁾. Что касается до теоретической части программы, то мы имеем некоторые материалы, а именно: московский и петербургский сборники о пересмотре партийной программы. В двух главных теоретических органах нашей партии: «Просвещение» ⁸⁵⁾, выходившем в Петербурге, и «Спартаке» ⁸⁶⁾, выходившем в Москве, были помещены статьи, обосновывавшие то или иное направление изменений теоретической части программы. В этом отношении известные материалы имеются. Намечались две основные точки зрения, которые, на мой взгляд, не расходятся, по крайней мере коренным образом, принципиально. Одна точка зрения, которую я защищал, состоит в том, что нам выкидывать старую теоретическую часть нашей программы нет оснований, и это было бы даже неправильно. Нужно только дополнить ее характеристикой империализма, как высшей ступени развития капитализма, и затем характеристикой эры социалистической революции, исходя из того, что эта эра уже началась. Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, впутавшихся в эту войну, доведшую до голода, разорения и одичания самые передовые страны,—положение объективно-безвыходное. И тут надо сказать то, что 30 лет тому назад, в 1887 году, говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он рассказывал о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их; он говорил о том, какая неимоверная разруха станет судьбой европейских стран, и как конечным результатом ужасов европейской войны может стать лишь одно, он выразился так: «Либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой». На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лжеумствования, утверждая, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что всякая война, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучение, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови... Он говорил, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, но что это будет «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих

эту победу возможной и необходимой». То-есть, следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому положению, когда он возьмет в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры, их вычеркнуть из исторической жизни нельзя, эту культуру будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, но трудности будут в ее возобновлении.

Вот одна точка зрения. Мы должны старую программу оставить, дополнив ее характеристикой империализма и начала социальной революции. Я эту точку зрения выразил в проекте программы, которая мною была напечатана ⁸⁷⁾.

Другой проект был напечатан тов. Сокольниковым ⁸⁸⁾ в московском сборнике. Эта точка зрения выражена была в наших беседах, в частности, тов. Вухариным и в печати тов. Вл. М. Смирновым ⁸⁹⁾ в том же московском сборнике. Эта точка зрения состояла в том, что надо либо совершенно вычеркнуть, либо почти удалить старую теоретическую часть программы и заменить новой, характеризующей не историю развития товарного производства и капитализма, как делала наша программа, а современную стадию высшего развития капитализма — империализм и непосредственный переход к эре социальной революции.

Мне не думается, чтобы эти две точки зрения расходились коренным образом или принципиально, но я буду отстаивать свою точку зрения.

Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, он пришел к империализму. Это общая всемирно-историческая перспектива, и основ социализма забывать не следует. Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы ни были, как бы много частных зигзагов нам ни пришлось преодолеть (а их будет очень много: мы видим на опыте, какие гигантские изломы делает история революции и даже у нас, но дело куда как пойдет сложнее и быстрее, темп развития будет более бешеным, и повороты будут более сложными, когда революция превратится в европейскую) для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу

к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой,— а мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец; в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной,—чтобы не затеряться в этих изломах, чтобы в периоды отступлений, временных поражений, или когда нас история или неприятель отбросят назад; чтобы тогда не затеряться, важно, на мой взгляд, и теоретически единственно правильно будет, старую основную программу нашу не выкидывать, ибо мы находимся сейчас только на первой ступени, переходной от капитализма к социализму у нас, в России. История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу увидели, как гражданская война много затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и акушеркой при родах социалистического общества. Это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эпохой самых разнообразных войн — войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами или различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных, насильственных решений, кризисов,— она началась, мы ее ясно видим, это только начало. Поэтому выбросить все, что относится к характеристике товарного производства и вообще капитализма, мы не имеем оснований. Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и начать переход к социализму. Сколько еще будет переходных этапов к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, как легко, быстро или медленно справится она со всеми врагами и выйдет на торную дорогу социального развития. Этого мы не знаем, а программа марксистской партии должна исходить из абсолютно точно установленных фактов. Только в этом сила нашей программы, которая подтвердилась всеми перипетиями революции. Только на этом базисе марксисты должны строить свою программу. Мы должны исходить из абсолютно точно установленных фактов, состоящих в том, что развитие обмена и товарного производства во всем мире стало преобладающим историческим явлением, привело к капитализму, а капитализм перерос в империализм. Этот абсолютно

непреложный факт нужно прежде всего установить в программе. Что этот империализм начинает эру социальной революции, это — тоже факт, который для нас очевиден, который мы должны ясно сказать. На виду всего мира констатируя этот факт в своей программе, мы подымаем знамя социальной революции не только как агитационный призыв, мы поднимем его как новую программу, говоря всем народам Западной Европы: «Вот то, что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития; вот каков был капитализм; вот как он пришел к империализму и вот та эра социальной революции, которая начинается и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю». Мы выступим перед всеми цивилизованными странами с этим манифестом, который не будет только горячим призывом, но который будет абсолютно точно обоснованным, построенным на фактах, всеми социалистическими партиями признаваемых; тем яснее будет противоречие между тактикой этих партий, теперь изменивших социализму, и теми теоретическими посылками, какие все мы разделяем, которые в плоть и кровь каждого сознательного рабочего перешли, а именно: развитие капитализма и переход его в империализм. Накануне империалистских войн съезды в Хемнице и в Базеле ⁹⁰⁾ дали в резолюциях такую характеристику империализма, противоречие между которой и теперешней тактикой социал-предателей вопиюще. Мы должны поэтому это основное повторить, чтобы тем яснее показать трудящимся массам Западной Европы, в чем мы обвиняем их руководителей.

Вот то основное, почему я считаю такое построение программы единственно теоретически правильным. Отбросить, как будто старый хлам, характеристику товарного производства и капитализма, — это не вытекает из исторического характера происходящего, ибо дальше первых ступеней перехода от капитализма к социализму мы не пошли, и наш переход усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет. Следовательно, не только возможно, но и неизбежно, что в Европе эти переходные стадии будут иными, и поэтому фиксировать все внимание на тех национальных специфических переходных ступенях, которые для нас необходимы, а в Европе могут не стать необходимыми, — будет теоретически неправильно. Мы должны начать с общей базы, развития товарного производства, затем характеризовать переход к капитализму и перерождение капитализма в империализм. Этим мы теоретически занимаем, укрепляем позицию, с которой нас никто, не изменивший социализму, не собьет. Из этого дается столь же неизбежный вывод: эра социальной революции начинается. Делаем это мы, оставаясь на почве непреложно установленных фактов.

Следующей нашей задачей является характеристика советского типа государства. Я по этому вопросу старался изложить теоретические взгляды в книге «Государство и революция» ⁹¹). Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени был искажен господствовавшим в Западной Европе официальным социализмом, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и созданием Советов в России. В наших Советах еще масса грубого, недоделанного,— это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто присматривался к их работе,— но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма, это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне новый тип просуществовал несколько недель, в одном городе и притом без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, ибо они творили при помощи чутья гениально проснувшихся масс, но ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в других условиях: благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и благодаря многолетнему развитию немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что является отражением мелко-крестьянского характера нашей страны, несмотря на все это, народными массами новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране. Этот новый тип власти себя оправдал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет Советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский. Это — доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что Советская власть есть новый тип государства, без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного бюрократизма новой демократией — демократией, которая выдвигает в авангард трудящиеся массы, делая из них и законодателей, и исполнителей, и военную охрану, создавая аппарат, который может перевоспитать самые массы. В России это едва только начато и пока начато плохо.

Начали мы плохо, по почему плохо? Если мы сознаем, что плохо сумели начать, мы плохое преодолеем, если история даст нам возможность поработать над этой Советской властью сколько-нибудь порядочное время. Поэтому, мне кажется, что характеристика нового типа государства должна занять выдающееся место в нашей программе. К сожалению, нам пришлось работать теперь над программой в условиях такой невероятной спешки, что не удалось даже созвать комиссию

и выработать официальный проект программы. То, что роздано делегатам, названо лишь черновым наброском, и всякий это ясно увидит. Там вопросу о Советской власти посвящено довольно много места, и мне кажется, что тут международное значение нашей программы должно сказаться. Было бы крайне ошибочным, мне кажется, если бы мы международное течение нашей революции ограничивали призывами, лозунгами, демонстрациями, воззваниями и тому подобным. Этого мало. Мы должны конкретно показать европейским рабочим, за что мы взялись, как взялись, как это понимать, а все это вместе патолкнет их на конкретный вопрос, как социализма добиться. Они рассудят: русские берутся за хорошую задачу, а если берутся плохо, мы сделаем лучше. Для этого как можно больше нужно дать конкретного материала и сказать, что нового мы попытались создать. В Советской власти мы имеем новый тип государства; постараемся обрисовать его задачи, конструкцию, постараемся объяснить, почему это — новый тип демократии, в котором пока так много хаотического, несуразного, что составляет в нем живую душу — и именно: переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации и отсутствие особого аппарата для подавления. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса, аппарат должен быть связан с массами, должен их представлять, как представляют их Советы. Они связаны с массами, они дают возможность стоять ближе к ней, они дают возможность воспитывать эту массу.

Мы знаем прекрасно, что русский крестьянин стремится к тому, чтобы учиться, но мы хотим, чтобы он учился не из книг, а из собственного опыта. Советская власть есть аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной страны, но и при деятельном участии европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь. Им легче сделать то, что делаем мы, при чем центр тяжести с формальной точки зрения переносится на конкретные условия. Если в старое время было особенно важно такое требование, как гарантия права собраний, то наша точка зрения на право собраний состоит в том, что теперь никто не может мешать собраниям пролетариев, а Советская власть должна обеспечить

только зал для собраний. Для буржуазии важно общее прокламирование широковещательных принципов: «Все граждане имеют право собираться, но собираться под открытым небом, помещений мы вам не дадим». А мы говорим: «Поменьше фраз и побольше сути». Необходимо отобрать дворцы и не только Таврический ⁹²⁾, но и многие другие, а о праве собраний мы молчим. И это надо распространить на все остальные пункты демократической программы. Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это гигантски трудная задача. Социализма не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами. Свою заслугу мы видим в стремлении к тому, чтобы помочь массе немедленно взяться за это самой, а не учиться этому из книг, из лекций. Вот почему, если мы эти наши задачи конкретно и ясно выскажем, мы толкнем все европейские массы на обсуждение этого вопроса и на практическую его постановку. Мы, может быть, делаем плохо то, что необходимо делать, но мы толкаем массы на то, что они должны делать. Если то, что делает наша революция, не случайность,—а мы в этом глубоко убеждены,—не продукт решения нашей партии, а неизбежный продукт всякой революции, которую Маркс назвал народной, т.-е. такой, которую творят народные массы сами своими лозунгами, своими стремлениями, а не повторением программы старой буржуазной республики, если мы это ставим так, мы достигнем самого существенного.

Здесь мы подходим к вопросу, следует ли уничтожать различие между программами максимум и минимум? И да, и нет. Я не боюсь этого уничтожения, потому что та точка зрения, которая была еще летом, теперь не должна иметь места. Я говорил «рано» тогда, когда мы еще не взяли власти, теперь, когда мы эту власть взяли и ее испытывали, это не «рано». Мы должны теперь вместо старой программы писать новую программу Советской власти, нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад,—утопия. Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую Республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад,—если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию,—не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, мы будем идти к тому, что опытом завоевано,—к Советской власти, к государству типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе.

Ясно, что мы сейчас не можем выработать программы. Мы должны выработать основные ее положения и сдать в комиссию или

в Центральный Комитет для выработки формулировок. Даже проще, разработка возможна на основании той резолюции о брест-литовской конференции, которая дала уже тезисы. На основании опыта русской революции должна быть сделана характеристика Советской власти и затем предложение практических преобразований. Здесь, мне кажется, в исторической части нужно заметить, что сейчас начата экспроприация земли и производства. Мы здесь ставим конкретную задачу организации потребления, универсализации банков, превращения их в сеть государственных учреждений, всю страну охватывающих и дающих нам общественное счетоводство, учет и контроль, проведенный самим населением,— вот задачи, лежащие в основе дальнейших шагов социализма. Я думаю, что эта часть, наиболее трудная, должна быть формулирована в виде конкретных требований к нашей Советской власти, рисуя, что мы сейчас же хотим сделать, какие реформы намерены провести в области банковской политики, в деле организации производства продуктов, организации обмена, учета и контроля, введения трудовой повинности и проч. Когда удастся, мы дополним, какие шаги, пажки и полушажки мы сделали в этом отношении. Тут должно быть совершенно точно, ясно определено то, что у нас начато, и то, что не доделано. Мы все прекрасно знаем, что громадная часть начатого нами не доделана. Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно надо сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся. Эту правду мы покажем европейскому пролетариату и скажем: «Это надо делать», чтобы рабочие в Европе говорили: то-то и то-то русские делают плохо, а мы сделаем лучше.

Когда это стремление увлечет массы, тогда социалистическая революция будет непобедима. На глазах у всех совершается империалистическая война, насквозь грабительская. Нужно обнажать это, обрисовывать войну, как объединение империалистов против социалистического движения.

Вот те общие соображения, которыми я считаю необходимым поделиться с вами и на основании которых я делаю практическое предложение сейчас обменяться основными взглядами по этому вопросу и затем выработать, может быть, несколько основных тезисов здесь же, а сейчас, если это будет признано трудным, отказаться от формулировок и сдать вопрос о программе в Центральный Комитет или особой комиссии, которой поручить, на основании имеющихся материалов и на основании стенографических или подробных секретарских отчетов съезда, составить программу нашей партии, которая должна сегодня же изменить свое название. Мне кажется, мы можем осуществить это в настоящее время, и я думаю, что все согласится с тем,

что при той неподготовленности нашей программы в редакционном отношении, на которой застали нас события, сейчас ничего другого сделать нельзя. Я уверен, что за несколько недель мы можем программу написать. У нас достаточно теоретических сил во всех течениях нашей партии, чтобы в несколько недель получить программу. В ней, конечно, может быть много ошибочного, не говоря уже о редакционных и статистических неточностях, потому что у нас нет месяцев для того, чтобы за эту работу засесть со спокойствием, необходимым для редакторской работы. Все эти ошибки мы исправим в процессе нашей работы в полной уверенности, что мы даем возможность Советской власти осуществить эту программу. Если мы по крайней мере формулируем точно, не отходя от действительности, что Советская власть есть новый тип государства, есть форма диктатуры пролетариата, что демократии мы поставили иные задачи, что задачи социализма мы перевели из общей абстрактной формулы «экспроприации экспроприаторов» в такие конкретные формулы, как национализация банков и земель,—это и будет существенною частью программы.

Постановку земельного вопроса придется преобразовать в том, смысле, что мы здесь видим первые шаги того, как мелкое крестьянство, желающее стать на сторону пролетариата, желающее помочь ему в социалистической революции, как оно при всех своих предрассудках, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу перехода к социализму. Мы не навязываем этого другим странам, но это факт. Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм. Напрасно приписывают нам, что мы хотим пассивно ввести социализм. Мы будем «справедливо» делить землю с точки зрения мелкого хозяйства. При этом мы даем предпочтение коммунам и крупным рабочим артелям. Мы поддерживаем монополизацию торговли хлебом. Я думаю, нужно издать основной закон о социализации земли на всех языках. Это издание состоится, если уже не состоялось. Эту мысль выскажем конкретно в программе, но ее нужно выразить и теоретически, не отходя ни на шаг от конкретно констатированных фактов.

Мы обращаемся к европейскому пролетариату с просьбой помочь нам в нашей работе.

Нашу программу мы можем таким образом разработать в несколько недель, и ошибки, которые мы сделаем, поправит жизнь,—мы их сами исправим. Все они будут легки, как перышко, по сравнению с теми положительными результатами, которые будут достигнуты.

Из архива ЦК РКП.

Черновой набросок проекта программы ⁹⁵⁾.

(Внесено Н. Лениным на VII съезд РКП.)

Взять за основу мой проект *) (см. 2 ч. XIV т. «Собр. сочин.», стр. 452). Теоретическую часть оставить, выкинуть последний абзац первой части (ibid., стр. 454), со слов «На очередь дня» до слов: «Содержание социальной революции», т.-е. 5 строк вон.

В следующем абзаце (стр. 454), начинающемся со слов «Выполнение этой задачи», внести изменение, указанное в статье «К пересмотру партийной программы» (2 часть XIV тома, стр. 165).

В этом же абзаце два раза поставить вместо 1) «социал-шовинизма» «оппортунизма и социал-шовинизма», 2) «между оппортунизмом и социал-шовинизмом, с одной стороны, и революционно-интернационалистической борьбой пролетариата за осуществление социального строя, — с другой».

Дальше придется переделать все, примерно, следующим образом: Революция 25 октября (7 ноября) 1917 года осуществила в России диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством или полупролетариатом.

Эта диктатура ставит перед коммунистической партией в России диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, или полупролетариатом.

Эта диктатура ставит перед коммунистической партией в России задачу довести до конца, завершить начатую уже экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик и заводов, железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и обращения в собственность Советской Республики.

Использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян, давший уже отмену собственности на землю и закон о той переходной форме от мелкого хозяйства к социализму, которую современные идеологи ставшего на сторону пролетариев крестьянства называли социализацией земли, для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию.

Закрепить и развить дальше федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий на основании опыта Парижской Коммуны

*) Название партии просто: «Коммунистическая партия» (без добавления «Российская»), а в скобках: («партия большевиков»).

1871 года, а равно опыта русских революций 1905 и 1917 — 1918 годов, переходному периоду от капитализма к социализму, т.-е. периоду диктатуры пролетариата.

Всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы, парализуя попытки империалистических буржуазных государств вмешаться во внутренние дела России или объединиться для прямой борьбы и войны против социалистической Советской Республики, перенести революцию в более передовые и вообще во все страны.

10 тезисов о Советской власти.

Укрепление и развитие Советской власти, как формы, опытом уже проверенной массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев).

Укрепление и развитие должны состоять в осуществлении (более широком, всеобщем и планомерном осуществлении) тех заданий, которые исторически на эту форму государственной власти, на этот новый тип государства ложатся, именно:

1) Объединение и организация угнетенных капитализмом трудящихся и эксплуатируемых масс и только их, т.-е. только рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, при автоматическом исключении эксплуататорских классов и богатых представителей мелкой буржуазии.

2) Объединение наиболее деятельной, активной, сознательной части угнетенных классов, их авангарда, который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически.

3) Уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством.

4) Более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма.

5) Создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы — вооруженные рабочие и крестьяне). Организация всенародного вооружения, как один из первых шагов к полному осуществлению вооружения всего народа.

6) Более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва.

7) Тесная связь (и непосредственная) с профессиями и с производственными, экономическими единицами (выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам). Эта тесная связь даст возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования.

8) (Отчасти, если не целиком, входит в предыдущее.) Возможность устранить бюрократию, обойтись без нее; начало реализации этой возможности.

9) Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободной (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения.

10) Дальнейшее развитие Советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях Совета, а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления.

Выполнение этих задач требует:

а) В области политической:

Развить Советскую Республику.

Преимущество Советов («Просвещение», стр. 13—14, шесть пунктов).

Распространение Советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплуататоров, на все население.

Федерация наций, как переход к сознательному и более тесному единству трудящихся, научившихся добровольно подниматься выше национальной розни.

Обязательно беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров; нормы «общей» (т.-е. буржуазной) демократии подчиняются этой цели, уступают ей; «свободы» и демократия не для всех, а для трудящихся и эксплуатируемых масс в интересах их освобождения от эксплуатации; беспощадное подавление эксплуататоров.

Центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме), к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров, напр., от признания свободы собраний к передаче всех лучших зал и помещений рабочим, от признания свободы слова к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и так далее.

Краткий перечень этих «свобод» из старой программы-минимум:

Вооружение рабочих и разоружение буржуазии.

Переход через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством.

б) В области экономической:

Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе — управляют рабочие организации (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и так далее) под общим руководством Советской власти, единственно суверенной.

Тоже транспорт и распределение (сначала государственная монополия «торговли», затем замена, полная и окончательная, торговли планомерно организованным распределением через союзы торгово-промышленных служащих) под руководством Советской власти — принудительное объединение всего населения в потребительско-производительные коммуны.

Не отменяя (временно) денег и не запрещая отдельных сделок купли-продажи отдельными семьями, мы должны прежде всего сделать обязательным, по закону, проведение всех таких сделок через потребительско-производительные коммуны.

Немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности, с наиболее осторожным и постепенным распространением ее на мелкое, живущее своим хозяйством без наемного труда крестьянство.

Первой мерой, первым шагом к всеобщей трудовой повинности должно быть введение потребительско-рабочих (бюджетных) книжек (обязательное введение) для всех богатых лиц с доходом свыше определенной суммы 500 рублей в месяц, затем для владельцев предприятий с наемными рабочими и для семей с прислугой и пр.

Купля-продажа допустима и не через свою коммуну (при поездках, на базарах и т. п.), но с обязательной записью сделки (если она выше известной суммы) в потребительско-рабочие книжки.

Полное сосредоточение банковского дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках. Универсализация банковых текущих счетов: постепенный переход к обязательному ведению текущих счетов в банках; обязательное держание денег в банках и переводы денег только через банки.

Универсализация учета и контроль за всем производством и распределением продуктов, при чем учет и контроль должны осуществляться сначала рабочими организациями, затем — поголовно всем населением.

Организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях.

Неуклонные, систематические меры к переходу, к замене индивидуального домашнего хозяйства, хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей.

в) В области педагогической:

Старые пункты.

г) В области финансовой:

Замена косвенных налогов прогрессивным подоходным налогом, а равно отчислением (определенного) дохода от государственных монополий. В связи с этим перевод натурой хлеба и др. продуктов рабочим, занятым за счет государства определенными видами общественно-необходимых работ.

Международная политика.

Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах и в первую голову.

Пропаганда. Агитация. Братание.

Беспощадная борьба с оппортунизмом и социал-шовинизмом.

Поддержка демократического и революционного движения во всех, вообще, странах, особенно в колониях и в зависимых.

Освобождение колоний. Федерация как переход к добровольному слиянию.

Газета «Коммунист» № 5,

9 марта 1918 г.

Главная задача наших дней.

*Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
— Матушка-Русь!*

История человечества продельывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездны страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашательства с буржуазией, изживания мелко-буржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подыняли к свободе и самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили

Советскую Республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран.

И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унижительный мир — дань за то, что мы посмели вырваться, хотя бы на самое короткое время, из железных тисков империалистической войны. Хищник давит и душит и рвет на части Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед ним призрак рабочей революции в его собственной стране.

Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир ⁶³⁾. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянёт каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Итти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производ-

ством и распределением продуктов, — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической.

Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние. Неправда, будто у нас нет выхода, и остается только выбирать между «бесславной» (с точки зрения шляхтича) смертью, каковой является тягчайший мир, и «доблестной» смертью в безнадежном бою. Неправда, будто мы продали свои идеалы или своих друзей, подписав «Тильзитский» мир. Мы ничего и никого не продали, ни одной лжи не осятели и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли, всем, что было в нашем распоряжении. Полководец, который уводит в глубь страны остатки разбитой или заболевшей паническим бегством армии, который защищает это отступление, в случае крайности, тягчайшим и унижительнейшим миром, не совершает измены по отношению к тем частям армии, которым он помочь не в силах и которые отрезаны неприятелем. Такой полководец исполняет свой долг, выбирая единственный путь к спасению того, что можно еще спасти, не соглашаясь на авантюры, не прикрашивая перед народом горькой правды, «отдавая пространство, чтобы выиграть время», пользуясь *всякой* хотя бы даже минимальной передышкой, чтобы собрать силы, чтобы дать вздохнуть или полечиться армии, которая заболела разложением и деморализацией.

Мы подписали «Тильзитский» мир. Когда Наполеон I принудил Пруссию, в 1807 году, к Тильзитскому миру, завоеватель разбил все армии немцев, занял столицу и все крупные города, ввел свою полицию, принудил побежденных давать вспомогательные корпуса для ведения новых грабительских войн завоевателем, раздробил Германию, заключая с одними немецкими государствами союзы против других немецких государств. И тем не менее, даже после *такого* мира, немецкий народ устоял, сумел собраться с силами, сумел подняться и завоевать себе право на свободу и самостоятельность.

Для всякого, кто хочет думать и умеет думать, пример Тильзитского мира (который был лишь одним из многих тяжелых и унижительных договоров, навязывавшихся немцам в ту эпоху), показывает ясно, как ребячески наивна мысль, будто при всяких условиях тягчайший мир есть бездна гибели, а война — путь доблести и спасения. Эпохи войн учат нас, что мир играл нередко в истории роль передышки и собиранья сил для новых битв. Тильзитский мир был величайшим унижением Германии и в то же время поворотом к величайшему национальному подъему. Тогда исторически обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству. Тогда, сто

с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов, при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма.

И потому, если Россия идет теперь — а она бесспорно идет — от «Тильзитского» мира к национальному подъему, к великой отечественной войне, то выходом для этого подъема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции. Мы — оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм как отечество, за Советскую Республику как *отряд* всемирной армии социализма.

«Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т.-е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они *придут* на помощь к нам».

Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, на-ряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо научиться. Это как раз то, чего нехватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд тяжелых испытаний, к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной.

*Написано 11 марта,
напечатано в «Известиях ВЦИК» № 84,
12 марта 1918 г.*

Годовщина февральской революции ⁹⁴⁾.

(Речь 13 марта 1918 г. в Московском Совете Р., К. и Кр. Д.)

Нам приходится справлять годовщину в тяжелые часы революции, но, разобравшись во всем, мы придем к заключению, что социалистическая революция одержит победу. Год назад, в феврале, в течение нескольких дней, было покончено с самодержавием, и вслед за этим буржуазия взяла власть в свои руки. Затем пришел Керенский, назвавший себя социалистом, а сам державший в карманах тайные договоры, за исполнение которых его правительство приносило в жертву международному империализму русских солдат. Но подумайте, как много выиграла бы революция, если бы в марте прошлого года власть прямо перешла к Советам, и соглашатели пришли бы на помощь революционной армии. Тогда наш солдат твердо стоял бы в окопах, держа в одной руке разорванный договор, а в другой — винтовку. Не было бы этого бессмысленного нелепейшего империалистического наступления ⁹⁶⁾, предпринятого Керенским.

Только в октябре нам удалось сбросить иго соглашателей, и власть перешла к истинным носителям революционных идей. Не нытики из интеллигенции должны указывать нам путь, ибо мы видели то, чего они не видят.

Теперь нам дали передышку, но с запада и востока на нас нападают империалистические хищники. Только теперь, когда в деревню пришли с фронта солдаты революционной армии, революция вместе с ними перешла в каждую самую захолустную деревню, только теперь деревенское население видит, что у власти стоит правительство бедняков, которое поведет Россию и дальше

Как бы глубоко ни охватывало отчаяние некоторые круги, в народных массах идет процесс самодисциплины. Враги, с которыми нам приходилось иметь дело до сих пор, — Романовы, Керенский, мелко-буржуазные соглашатели, наша тупая, трусливая, неорганизованная буржуазия — разве это враги! Ныне мы вступаем в борьбу с действительно опасным врагом, хорошо организованным, обладающим завоеваниями высокой техники, — с буржуазией международной. Теперь мы должны перенести неслыханный позор, но мы перенесем его, нисколько не уступая своих позиций. Мы вправе ожидать помощи от нашего союзника, пролетариата всех стран, который не может не понять, что мы теперь стали оборонцами, но — оборонцами, защищающими позиции социализма. Необходимо, чтобы миллионы и десятки

миллионов населения России поняли это. Необходимо побороть наш хаос и нашу дряблость, иначе нам никогда не победить такой силы, как международная буржуазия. Как ни нагло и бесстыдно насильнически наступает теперь германская буржуазия, но эта наглость и это бесстыдство увеличивают ряды нашего союза. Когда международный пролетариат подоспеет к нам на помощь, тогда мы победим!..

«Коммунист» № 8

14 марта 1918 г.

IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ
ВСЕРОССИЙСКИЙ
СЪЕЗД СОВЕТОВ
(14—16 марта 1918 г.)

«Стенографический отчет
IV Чрезвычайного Съезда Советов».
Гос. Изд. 1920 г.

Доклад о Брестском мире ⁹⁵⁾.

(Заседание 14 марта 1918 г.)

Товарищи! Нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт во всем ходе не только российской, но и международной революции последнего периода. Чтобы правильно, безошибочно решить этот исторический вопрос, чтобы понять его—необходимо вникнуть в главные особенности нашей революции и ясно и определенно и трезво отдать себе отчет в происходящих событиях нашей бурной эпохи. До сих пор революция шла победно и успешно к своей цели, не встречая на своем пути тяжких ударов и препятствий, и тем острее вспыхивает вопрос—где кроется причина последних неслыханных испытаний и поражений нашей революции? Разногласия, происходящие среди нас, вызываются людьми, которые легко поддаются отчаянию и, не отдавая себе ясного отчета, делают поспешные выводы, только на основании чувства и личных переживаний, а не в результате трезвого и хладнокровного анализа происходящих событий. Весь прошлый опыт прежних революций определенно говорит нам о том, что когда мы имеем дело с великим массовым движением,—то мы должны рассматривать аналитически весь предыдущий ход развития революционного шествия и выяснить, почему дальнейшее развитие революции изменилось в сторону, для нас невыгодную.

Путь нашей революции—с конца февраля 1917 года по 11 февраля текущего года—это путь легких быстрых успехов, если даже мы взглянем на последнюю революцию в международном масштабе.

Русская революция пережила три периода. В течение первого периода мы имеем дело с фактом сравнительно легкого и успешного для революции низвержения монархии. Успех февральских событий прошлого года объясняется тем, что массы уже в 1905 году были достаточно закалены в огне революции. Кроме этого победе ее в февральские дни способствовала неслыханная разруха, вызванная мучительной для трудового народа войной, а также подгнившие старые устои бездарной власти режима прошлых лет.

После низвержения монархии мы наблюдаем в жизни революции долгие месяцы переходного периода, когда власть буржуазии старательно поддерживалась правыми эс-эрами и меньшевиками, когда эти прихвостни империалистов с готовностью шли за ними, защищая грудью хищнические договоры, скрывавшиеся от народа, и маскировали громкими фразами неслыханный мировой грабеж — войну, направленную против угнетенного трудового народа. Но, несмотря на всю тяжесть периода, в процессе развития переходной эпохи нашей революции, закалили свои силы Советы.

Этот период, о котором я говорю, является периодом чрезвычайно непродолжительным с точки зрения международной революции. В этот период мы переживаем апрельское возмущение обманутого народа ⁴²⁾, мы переживаем грабительское и кровавое наступление 18 июня ⁹⁶⁾, мы терпим жестокое июльское поражение ⁹⁷⁾, мы боремся с контр-революционной гидрой корниловщины ³³⁾. И только после того как трудовой народ, как массы из собственного горького опыта путем долгой политической подготовки окончательно поняли всю предательскую политику контр-революционных соглашателей — только после этого созрела благоприятная почва для октябрьской революции, которая ознаменована наиболее быстрыми и крупными триумфами и побдами над буржуазией революционного народа, ибо для всех ясно, что октябрьские дни — это победное триумфальное шествие русской социалистической революции.

В этот период начинаются гражданские войны, в которых силы врагов народа оказались, в сравнении с революционной мощью пролетариата, чрезвычайно ничтожными. Гражданская война — это триумф Советской власти.

Слой за слоем, масса за массой, от рабочего до крестьянина, от солдата вплоть до трудового казачества, — все эти силы революции постепенно откалываются от контр-революционной буржуазии. Советская власть окончательно упрочилась в России. Власть, создавшая неслыханный в истории тип государственного самоуправления, являющаяся продолжением Парижской Коммуны и создавшая подлинный демократизм для трудовых масс, с неслыханной силой отметая эксплуататоров и угнетателей пролетариата, является наиболее совершенным видом государственной революционной организации.

Всемирный империализм и рядом с ним победное шествие социальной революции ужиться вместе не могут. Настал период тячайших испытаний и даже поражений революции в тот момент, когда она предстала перед силой восставшего международного империализма и капитала. Нам пришлось встретиться лицом к лицу не с таким про-

тивником, как Романов или как Керенский, но с железной мощью всего капитала и вооруженного до зубов милитаризма. И результат столкновения революции с этой могучей стеной мировой контр-революции — наше тягчайшее поражение.

Нет сомнения, что небывало тяжелы эти поражения, для всех ясно, что мы переживаем эпоху отступления революции, но тем с большей готовностью мы должны предпринять все зависящее от нас для сохранения хотя бы части наших позиций, в ожидании восстания международного пролетариата, которому, несомненно, гораздо труднее, чем нам, низвергнуть превосходно организованный аппарат самодержавия западно-европейских стран.

Европейский пролетариат должен будет пройти иную кривую на пути развития революции на Западе. Нет сомнения, что первые ступени будут чрезвычайно тяжелы для них, и весь дальнейший ход революционного движения будет значительно легче и победнее. Таким образом, учитывая все это, необходимо встать на историческую точку зрения хладнокровного и беспристрастного анализа, а не поддаваться мимолетному чувству возмущения и декламации.

Весь предыдущий опыт всемирного революционного движения определенно указывает, что в среде революционеров некоторая часть их, поддавшись отчаянию, или заболев революционной фразой, наносит всей своей деятельностью неслыханный вред дальнейшему развитию революционного движения.

Необходимо понять в данный момент, что мы перешли теперь от эпохи легких побед и триумфов внутри к периоду тяжелых поражений, нанесенных извне мировым империализмом.

Продолжение при данных условиях влечет за собою только новые, неслыханные бедствия для мелко-крестьянской трудовой страны, которая, в силу сложившихся обстоятельств, временно не в состоянии оказать сопротивление вооруженному до зубов империализму. Дальнейшее продолжение войны приведет нас к полному разгрому и поражению.

Вот почему элемент, враждебный революции, представители буржуазии, так называемые «правые», втравливают нас в войну, толкают нас на путь разгрома, влекут нас в бездну гибели.

Вот почему так кричат все эти контр-революционные сторонники новой бойни со своими делонародовскими⁶²⁾, меньшевистскими, чертелевскими⁴⁴⁾, черновскими⁴³⁾ подголосками,—этого требуют от них их классовые интересы, их личные выгоды,—это для них шкурный вопрос. Вот почему в этом смысле они отстаивают свою точку зрения в своих контр-революционных писаниях. (*Возглас «Наша газета*

закрты!».) Конечно, но, к сожалению, не все еще! Скоро будут закрыты все... (*Бурные аплодисменты*). Диктатура пролетариата уничтожит в корне эту позорную продажу буржуазного опиума⁹⁸). (*Бурные аплодисменты*).

Для нас теперь вполне понятны их истерические вопли о похабном мире, вопли тех, кто с восторгом встречает германских империалистов, вторгающихся в пределы революционной республики. Отстаивая точку зрения продолжения войны, они стремятся к тому, чтобы Советская власть попала в западню.

Последние события с беспощадной ясностью доказали нам, что при данных условиях о продолжении войны не может быть и речи. Война невозможна: глубоко ошибаются все те, кто выступает с возражениями, вольно или невольно толкая народ и революцию на путь полного разгрома.

Глубоко ошибается партия социалистов-революционеров, которая так безнадежно поддалась влиянию чувства. В трагический момент напряженнейшей борьбы мировой революции с реакцией, в момент неслыханных поражений и отступлений—декламация и революционные фразы являются гибелью для нашего дела. Мы не скрываем от народа неслыханно тяжелого положения, которое создается подписанием нами грабительского мирного договора.

Да, этот мир—тягчайшее наше поражение, да, этот мир—неслыханное унижение Советской власти, но историю перехитрить мы не в состоянии. Передышка нам нужна, плохая, короткая, непрочная передышка, но все же будет время, за которое произойдет новое накопление сил революции, оздоровление армии от отчаяния и утомления.

Если бы тогда, в первые дни революции, интеллигенция, вместо оказания помощи Керенскому, восстала бы вместе с народом против буржуазии, вручила бы власть Советам, пошла бы навстречу нуждам истстрадавшейся армии, организовала бы защиту отечества—не отечества барыша и тайных договоров, а отечества крестьян и рабочих,—если бы эта интеллигенция протянула руку помощи активным участием в организации защиты революции разутому, раздетому и голодному солдату,—только тогда были бы шансы к безболезненному переходу к тактике защиты отечества и подавления буржуазии.

Таким образом, из всего видно, что армию «разложили» вовсе не большевики, а она, задолго еще до революции, таяла и подвергалась систематической демобилизации. Вот почему теперь фанфаронством звучат эти истерические призывы к войне в то время, когда у нас нет армии, в то время, когда демобилизация—единственный выход из создавшегося положения. Вот до чего довели все те, кто теперь,

разбрасывая пустейшие революционные фразы, призывает нас податься на провокацию международного империализма.

Наша революция подняла на неслыханную высоту массы: некогда темная деревня завершает теперь свою деревенскую революцию, и если мы ставим интересы этих трудовых масс выше интересов буржуазных вояк, театрально размахивающих шпагой, мы должны с беспощадной трезвостью взглянуть горькой истине в глаза. При всей тяжести создавшегося положения, мы неизменно верим в торжество международной революции, мы отлично знаем, что Либкнехт победит неизбежно ¹⁷⁾.

После передышки, после некоторого промедления—мы приблизимся к новому периоду в нашей истории, к эпохе революционных войн трудового народа, восставшего против международных империалистов-хищников. Не считаясь с психологией дворянчика-дуэлянта, истерически призывающего к войне, мы должны учесть то обстоятельство, что при полном отсутствии армии, единственный шанс на спасение—это отступить и выиграть время для излечения армии.

С точки зрения массовых отношений, а не дворянчиков-дуэлянтов, война при данных условиях есть сплошной самообман. И хотя мы сознаем, что нет ничего ужаснее этого архитяжелого договора, который мы подпишем, и хотя мы знаем, что Финляндия и Украина гибнут, наш долг—взглянуть отважно трагической правде в глаза и пойти на путь подписания мира. И мы пойдем.

Когда подписывался Тильзитский мир ⁶³⁾, условия были гораздо тяжелее и безвыходнее, нежели те, при которых приходится нам склоняться в сторону подписания договора. Захвачены были все столицы, народ был унижен, ограблен и угнетен, армия отступила по всем фронтам, и, между тем, в результате уступок, слабая сторона, в конце концов, восторжествовала.

Период старых империалистических войн окончен. Наступает историческая эпоха войн освободительных, победа которых несомненна. Народ Англии и Америки с величайшим энтузиазмом называет имена и лозунги революционных Советов. Пролетариат всего мира понимает, что здесь, в России, делается их собственное дело. Наш союзник, трудовой народ всех других стран, с нами и за нас, кто бы что ни говорил. Ему приходится бороться в неслыханно тяжелых условиях. Он загнан в подполье, он заточен в военно-каторжные тюрьмы, но он отлично понимает смысл всех последних событий.

Мы будем отступать, наши силы окрепнут, империализм встал на путь гибели, и нет сомнения, что победы будут, великие победы международной революции. Мы сумеем не только в порыве храбрости и гордости наступать, но и, в случае неизбежности, начать отсту-

пление, которое, в конце концов, приведет нас к эпохе когда мы, с новыми, окрепшими силами, объединившись с международным пролетариатом, начнем вторую октябрьскую революцию, но только в мировом масштабе!

*«Стенографический отчет
IV Чрезвычайного Съезда Советов».
Госиздат. 1920 г.*

Заклучит. слово по докладу о Брестском мире.

(Заседание 15 марта 1918 г.)

Товарищи! Если бы я хотел найти подтверждение тому, что было сказано в первой моей речи относительно характера предлагаемой нам революционной войны, то доклад представителя левых эс-эров дал бы мне самое лучшее и наглядное подтверждение. Тов. Камков ⁹⁹⁾ в своей речи спрашивал, чем отличается наша политика от политики Церетели ⁴⁴⁾ и Чернова ⁴³⁾. Есть ли хоть капелька мысли в этом вопросе! После этого нельзя не сказать, что люди заучили обрывки слов, а не умеют их продумать. Люди повторяют то, чему большевики учили левых эс-эров, когда они еще были в среде правых, но они, очевидно, не все поняли.

Церетели и Чернов были оборонцами, а теперь нас называют оборонцами. Да, мы оборонцы. Но всякий рабочий прекрасно понимает цели того оборончества, которым руководились Церетели и Чернов, и те побуждения, которые заставляют нас быть оборонцами. Если мы поддержим русских капиталистов, которые хотели получить Дарданеллы, Армению, Галицию, как было написано в их тайном договоре, то это было бы оборончеством в духе Церетели и Чернова. Но это было тогда, когда Россия вела империалистическую войну, и тогда слово «оборонцы» было позором, а теперь почетом.

И когда я рядом с подобными доводами встречаю в речи Камкова, что большевики—это приказчики германского империализма, то, не возражая обыкновенно против резких слов, хочу только указать,—чтобы быть резким, нужно иметь на это право, а право на резкость дает то, чтобы слово не расходилось с делом. Но мы ведь знаем прекрасно, что они, левые эс-эры, сидели в партии правых эс-эров до октября, когда те участвовали в дележе выгоды, когда те были приказчиками, потому что им было обещано место министра ~~за то~~, что ты молчишь о всех тайных договорах.

Но никак нельзя назвать приказчиками империализма людей, которые провозгласили империалистическую войну делом грабежа, порвали царские договоры ¹⁰⁰⁾, затягивали всячески Брестские переговоры, перенесли военное наступление и ряд неслыханных поражений и никогда ничего не скрывали от народа!.. Но я вам скажу, что если партия левых эс-эров знает прекрасно, что мы уступаем насилию, нами же полностью разоблаченному, что мы делаем это сознательно, открыто говоря, что мы сейчас не можем сражаться и вынуждены уступать, а история ведь знает ряд позорнейших договоров и ряд войн,—когда люди в ответ на это преподносят слово приказчика, то эта резкость их разоблачает.

И когда они уверяют, что снимают ответственность, то разве это не лицемерие, и напрасно они это говорят. Я утверждаю, что это им не удастся, это не волостной сход, это все то, что есть лучшего и честного среди трудящихся масс, и здесь ответственности снимать им не удастся. Это вам не буржуазный парламент, куда раз или два в год выбирали людей, чтобы они сидели на местах и получали жалование. Это люди, посланные с мест, завтра они будут на местах, завтра они расскажут крестьянству, как ведет себя партия левых эс-эров.

И если голоса партии левых эс-эров тают, то это вполне заслуженно потому, что такая партия, которая ведет себя так, окажется таким же мыльным пузырем в крестьянстве, каким оказалась в рабочем классе.

Я остановлюсь еще на одном месте из речи т. Камкова, где он указал, что и мы так же, как и Церетели и Чернов, участвовали в разложении армии. Воистину попал пальцем в небо. Он слышал, что мы были пораженцами, и вспомнил об этом тогда, когда мы пораженцами быть перестали. Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в «Правде» воззвание, которое Крыленко ²¹⁾, тогда еще преследуемый и маленький военный чин, опубликовал по армии: «Почему я еду в Питер». Он сказал: «К бунтам мы вас не зовем».

Это не было разложением армии, а разлагали армию те, кто объявил эту великую войну. Разлагали армию Церетели и Чернов потому, что говорили народу великолепные слова, а слова имеют легкий вес, а русский народ в волостных сходах привык продумывать слова и брать в серьез. И спасение армии было бы в том, если бы мы взяли власть в марте или апреле, и если бы вместо бешеной ненависти эксплуататоров, за то что мы их подавили,—а они ведь совершенно законно нас ненавидят,—если бы вместо этого они интересы отечества и трудящихся и эксплуатируемых поставили выше интересов отечества Керенского и тайных договоров Рябушинского ⁴⁵⁾ и видов на Арме-

нию, Галицию, Дарданеллы, то в этом было бы спасение. И я утверждаю, что мы, начиная с этого воззвания Крыленко, которое не было первым и которое я вспоминаю потому, что оно особенно запомнилось мне, мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт, чем скорее вы возьмете власть, тем легче его удержите. И говорить теперь, что мы против гражданской войны, а за восстание, как это недостойно, и какая это презренная болтовня людей! Когда это пойдет в деревни, когда там солдаты, которые войну видали не так, как интеллигенты, и которые знают, что это не так легко, как махать картонным мечом, когда они скажут, что им, разутым, раздетым и страдающим, в критический момент помогли тем, что погнали в наступление,—они теперь им говорят, что ничего, что не будет армии, а будет восстание. Гнать народ против регулярной армии с высшей техникой—преступно. Ведь война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины. Без дисциплины жить в современном обществе нельзя: или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным. И когда всякий со своими речами пойдет в волостные сходы, когда представители левых эс-эров пойдут туда, то они понесут вполне заслуженное наказание.

Тов. Камков в своей речи задал еще вопрос о том, что такое передышка, на какой срок и т. д. Удивительно легко иногда бывает вопросы ставить, но и нетрудно на них и ответить. Есть одно изречение,—оно невежливо и грубо, но слова из песни не выкипешь,—оно говорит: один дурак может больше спрашивать, чем десять умных ответить.

Спрашивают, продлится ли передышка неделю, две или больше. Я утверждаю, что на всяком волостном сходе и на каждой фабрике человек, который от имени серьезной партии будет выступать с подобным вопросом к народу, его народ прогонит вон, потому что на всяком волостном сходе поймут, что нельзя задавать вопросы о том, чего нельзя знать. Это поймет любой рабочий и крестьянин. Если же вы хотите ответ непременно получить, то я вам скажу, что, конечно, любой из пишущих в газетах или выступающий на митингах левый эс-эров знает, от чего зависит этот срок: от того, когда выступит Япония, с какими силами, какое встретит сопротивление, от того, насколько увязнет немец в Финляндии и в Украине, от того, когда придет наступление на всех фронтах, от того, как оно разовьется, от того, как внутренний конфликт в Австрии и Германии пойдет дальше, и еще от многих других причин...

И одно можно с уверенностью сказать, что после мучительной трехлетней войны всякая неделя передышки есть величайшее благо.

И вся ругань, которая раздается по нашему адресу от правых, почти правых и около правых, от левых эс-эров, — кадетов, меньшевиков и т. д. — имеет для меня вес не больше перышка. И так же, как у нас в большевистской фракции $\frac{9}{10}$ ее представителей сказали, что эта короткая передышка уже внесла некоторое оздоровление в нашу больную армию, — на каждом крестьянском собрании $\frac{9}{10}$ крестьян скажут то же самое и, я уверен, не будут ругать за то, что мы получили возможность передохнуть, хотя бы даже на двенадцать дней, благодаря той политике, которая пошла против революционной фразы и общественного мнения. И напрасно здесь говорил один сверх-левый эс-эр, кажется, максималист, что здесь объявляют фразой все сколько-нибудь честное и революционное.

Я ведь привел в подтверждение своих обвинений о революционной фразе два примера и взял их не из вымысла, а из живой истории: вспомните, в 1907 году разве представители эс-эров не оказались в том же положении, когда давали подписку Столыпину в том, что они будут служить всей правдой монарху Николаю II ¹⁰¹). Я надеюсь, что я за долгие годы революции кое-чему научился. И знаю, что историю не убедишь речами, и когда мы хотели повернуть историю, оказалось, что повернулись мы, а историю не двинули. История покажет, что мы были правы в великую Октябрьскую революцию 1917 года, что мы вынесли рабочие организации. Но только благодаря тому, что мы пошли выше фразы и сумели смотреть на факты, учиться у них.

И когда теперь 14—15 марта выяснилось, что, если бы мы воевали, мы помогли бы империализму, мы добились бы транспорт, потеряли бы Петербург, то видим, что бросать слова и махать картонным мечом бесполезно. И естественно, что отвечать тов. Камкову на его вопрос: сколько продолжится передышка, нельзя. Был период, когда революция шагала вперед, и мы вместе с ней шагали впереди, а за нами петушком попевали левые эс-эры. (*Рукоплекания.*) А теперь наступил период, когда приходится отступать перед подавляющей силой. Эта характеристика совершенно конкретная, и исторический анализ это должен утвердить. И я понимаю, что если бы дитя трех лет, а не взрослый Камков спрашивал бы меня о том, а будете ли вы соблюдать договоры или нет, то это было бы и мило и наивно, но когда взрослый Камков из партии левых эс-эров задает такой вопрос, то не многие взрослые рабочие и крестьяне скажут, что это наивность, а скорее скажут, что это лицемерие. И исторический пример, который я привел, говорит яснее ясного, что освободительные войны народов, потерявших армию, — а это бывало не раз, — народов, задавленных до полной потери всей земли,

задавленных до того, что они вспомогательные корпуса отдавали завоевателю для новых завоевательных походов,—это из истории вычеркнуто быть не может, и вы не выскоблите этого ничем.

Указания тов. Камкова на революционные войны Испании и Германии только меня подтверждают. Бывали периоды, когда Германия и Испания, заключая мирные договоры, нарушали их через несколько месяцев и по нескольку раз.

Вот почему я говорю вам, товарищи: я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное $\frac{9}{10}$ нашей большевистской фракции, будет вынесено $\frac{9}{10}$ всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России. И я скажу в заключение: не поддавайтесь на провокацию, буржуазия знает, что она делает, будьте тверды. Уезжая на места, расскажите местным Советам и везде принимайте местные решения.

*«Стенографический отчет
II' Чрезвычайного Съезда Советов».
Госиздат. 1920 г.*

Резолюция Съезда о Брестском договоре.

(Принята 15 марта 1918 г.)

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3 марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий ВЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения сил народа, получавшего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную очередную и необходимую задачу текущего момента: повышение деятельности и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, ведение беспощадной борьбы с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как наследие мучи-

тельной войны, но которые в то же время являются первой помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

Теперь, после октябрьского переворота, после свержения политической власти буржуазии в России, после разрыва и опубликования нами всех тайных империалистических договоров, после аннулирования иностранных займов, после предложения рабочим и крестьянским правительством справедливого мира всем без изъятия народам, Россия, вырвавшись из тисков империалистической войны, вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран.

Российская Советская Федеративная Республика, единодушно осуждая отныне все грабительские войны, признает свое право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает поэтому безусловным долгом трудящихся масс напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным знаниям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советской властью, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против капитала за социализм, будет делаться и впредь все, что в наших силах, для содействия международному движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Съезд глубочайше убежден, что международная рабочая революция не за горами и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то, что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения.

*«Стенографический отчет
IV Чрезвычайного Съезда Советов.
Госиздат. 1920 г.»*

Речь в Московском Совете Рабоч. и Крест. Депутатов.

(Заседание 23 апреля 1918 г.)

Товарищи! Позвольте мне прежде всего приветствовать новый состав Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов ¹⁰²). Вам пришлось выбирать новый состав в чрезвычайно тяжкую минуту, в тот трагический момент, когда процесс развития нашей революции вступает в наиболее опасный и тяжелый фазис. Элементы, враждебные революции, все, кто поддерживает врагов народа, все, кто волочится за буржуазией,—возлагали большие надежды на перевыборы нашего Совета, ибо в данное время мы переживаем чрезвычайно трудную эпоху, когда кончилось победоносное шествие революции, вступившей в полосу тягостных переживаний и даже поражений. И в этот момент пролетариат предстал опять перед нами со всей силой своей сознательности. Рабочие, учитывая всю трудность переживаемого периода, ясно понимают, что устранение великих страданий, которые выпали ныне на долю трудового народа, зависит не от нас, а от всего хода исторических событий. И рабочие с героической решимостью вынесут на плечах новые лишения, лишь бы отстоять великие завоевания Октябрьской революции.

Нет сомнения, что, на-ряду с тяжелыми испытаниями, революция все же вступила в полосу новых, незаметных, не бросающихся в глаза побед, не менее важных, чем блестящие победы эпохи октябрьских баррикад. Перед нами во весь рост стоят два наших смертельных врага: перед нами во всеоружии готовы растерзать революцию внешний и внутренний враги, выжидающие удобный момент для нанесения окончательного удара. Внешним врагом является вооруженный до зубов, богатый техническими силами международный империализм, который хочет выждать момент для нового разбойничьего нападения на Советскую Россию. Помня это, необходимо с беспощадной ясностью взглянуть прямо в глаза грозной истине. В результате реакционнейшей из войн, какую пришлось пережить нашей истерзанной стране,

мы в данный момент не имеем достаточных сил для активной вооруженной борьбы с мировой реакцией, мы не имеем армии, у нас нет сил, которые мы могли бы противопоставить блестяще организованным отрядам международной контр-революции, в руках которой имеется мощь передовой техники и идеальной дисциплины. Мы одиноки пока и окружены смертельными врагами. В эпоху октябрьского восстания трудового народа, когда мы перед рабочими развернули красное знамя социалистической революции, в эту эпоху мы переживали период легкого, ослепительного успеха. И рабочие других стран, прислушиваясь к отдаленному гулу российской революции, понимали, что происходит в России, сознавали, что российский пролетариат делает их собственное кровное дело. Тогда мы легко справлялись с реакционными бандами, тогда мы легко подавляли восстающие против народа остатки меньшевистских банд, которые шли против нас не открытой борьбой с оружием в руках, а с грязным оружием лжи, клеветы и неслыханного предательства. В результате нашей борьбы с контр-революцией мы видим такую крупную победу, как тот факт, что первый по смелости контр-революционер Корнилов ³³⁾ убит своими же собственными, возмущившимися солдатами. Ведя широкую борьбу с отечественной контр-революцией по всем фронтам, мы воспользовались заминкой международной буржуазии и нанесли во-время мощный удар по телу раздавленной ныне контр-революции. Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена. Конечно, отдельные стычки будут, в некоторых городах вспыхнут кое-где на улицах перестрелки, вызванные частичными попытками реакционеров опрокинуть силу революции — Советскую власть, но нет сомнения, что на внутреннем фронте реакция бесповоротно убита усилиями восставшего народа. Таким образом мы пережили первую эпоху развития революции, начало которой идет с октябрьских дней, эпоху опьяняющего и кое-кого опьянившего успеха. Я опять повторяю, что теперь наступила наиболее трудная, наиболее тяжелая полоса в жизни нашей революции. Перед нами задача — стальное напряжение всех сил для применения их к новой творческой работе, ибо только железная выдержка и трудовая дисциплина помогут революционному российскому пролетариату, столь одинокому пока в своей титанической революционной работе, дожидаться избавительного времени, когда международный пролетариат придет к нам на помощь. Мы являемся одним из революционных отрядов рабочего класса, выдвинувшимся вперед, не потому, что мы лучше других рабочих, не потому, что российский пролетариат стоит выше рабочего класса иных стран, но только и только потому, что мы были одной из самых отсталых стран

в мире. Мы придем к окончательной победе только тогда, когда нам удастся сломить, наконец, окончательно международный империализм, опирающийся на грандиозную силу техники и дисциплины. Но мы придем к полной победе только вместе со всеми рабочими других стран, рабочими всего мира.

Волею истории нам пришлось подписать тяжелый мир в Бресте, и мы не скрываем, что этот мир в любую минуту может быть предательски опрокинут многочисленными врагами революции, наступающими на нас со всех сторон, врагами, к активной борьбе с которыми мы приступить в данный момент бессильны. И знайте, что тот, кто звал бы вас сейчас к этой активной вооруженной открытой борьбе с международным хищным империализмом, — тот совершал бы акт предательства народа, тот являлся бы вольным или невольным провокатором и слугой той или иной кучки империалистов. И тот, кто выступает против тактики, которой мы придерживались в последнее время, тот — пусть он называется даже самым «левым», даже сверх-левым коммунистом — тот плохой революционер, — скажу больше — тот совсем не революционер.

Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощной поддержки со стороны восставших рабочих других стран. Наша задача — неустанное продолжение нашей тактики пролетарской борьбы.

Мы имеем одного чрезвычайно опасного врага, который опаснее многих открытых контр-революционеров, этот враг — смертельный враг социалистической революции и Советской власти, которая является небывалым еще нигде народным парламентом нового типа для бедных — враг, каким является стихия мелкого собственника. Нет сомнения, что мы подошли к преодолению наиболее трудных препятствий на пути развития социалистической революции. Перед нами в первую очередь предстоит задача — осуществление в полной мере диктатуры пролетариата во всех областях, в организации трудовой дисциплины, в производстве, в распределении продуктов производства. Враг, о котором я говорил, это стихия мелкого собственника, живущего одной мыслью: «урвал, что можно, а там — хоть трава не расти» — этот враг сильнее всех Корниловых, Дутовых ⁵⁹⁾ и Калединских ¹²⁾, взятых вместе. Эти мелкие кулаки, мелкие хозяйчики, собственники, говорят: «Нас все время угнетали, нас давили все время — ну, как же нам не воспользоваться ныне столь удобным моментом». Это явление является серьезным препятствием, без преодоления которого победить невозможно, ибо из каждого мелкого хозяйчика, из каждого алчного хапателя растет новый Корнилов. Наряду с этой

опасностью перед нами грозным призраком встают перспективы надвигающегося голода и массовой безработицы, но мы видим, что всякий сознательный рабочий,—а их становится все больше и больше не по дням, а по часам,—всякий сознательный рабочий, говорю я, учитывает и понимает, что в данный момент единственным средством для борьбы с грозными опасностями является стальное напряжение всех сил и мощная выдержка; и пусть помнят те, кем в минуты тяжелых переживаний нашей революции овладевает отчаяние и упадок духа и энергии, что мы всегда говорили, что от капитализма до полной победы социализма бескровным и легким путем убеждений и соглашения нам не дойти и что только в результате бешеной борьбы мы можем достигнуть своей цели. Диктатура пролетариата стоит за насилье пад эксплуататорами. Наша дорога — выдержка, пролетарское сплочение, железная диктатура трудового народа. Нет сомнения, что Советская власть во многих случаях не проявляла достаточной решимости в борьбе с контр-революцией, и в таком виде она была не железо, а кисель, на котором социализма не построишь. Мы не победили мелкобуржуазной стихии. Положение разоренной, обескровленной страны, ходом истории выдвинутой впереди всех на поле мировой революции,—чрезвычайно тяжело,—и нас раздавят, если мы развалу, дезорганизации и отчаянию не противопоставим железную диктатуру сознательных рабочих. Мы будем беспощадны как к нашим врагам, так и по отношению ко всем колеблющимся и вредным элементам из нашей собственной среды, которые осмелятся внести дезорганизацию в нашу тяжелую творческую работу по строительству новой жизни трудового народа. Мы приступили к разрешению задачи, преодоление которой несет за собою полное обеспечение и укрепление социализма. Для преодоления всех трудностей, для успешной борьбы с голодом и безработицей мы будем творить невидимую, скромную, но тяжелую работу государственной важности, и кто будет идти против нас, тот явится жестоким врагом мирового пролетариата. Выборы в Московский Совет показали, насколько отдают себе отчет в происходящих событиях рабочие, которые поняли, что Советская власть является не парадным украшением, а их собственным кровным делом. Последним актом, актом перевыборов в наш Совет, побеждены все, кто возлагал большие надежды на эти перевыборы, побеждены колеблющиеся элементы, и это дает мне уверенность и надежду в том, что мы стоим на верном пути, который приведет нас к полной победе социализма...

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

*Статья и речи в В. Ц. И. К.
29 апреля 1918 г.*

Очередные задачи Советской власти.

Благодаря достигнутому миру, — несмотря на всю его тягость и всю его непрочность, — Российская Советская Республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной.

Эта задача ясно и точно поставлена перед всеми трудящимися и угнетенными массами в 4-м абзаце (4-й части) резолюции, принятой 16 марта 1918 года на московском чрезвычайном съезде Советов, — в том же абзаце (или в той же части) резолюции, где говорится о самодисциплине трудящихся и о беспощадной борьбе с хаосом и дезорганизацией ¹⁰³).

Непрочность достигнутого Российской Советской Республикой мира обуславливается, конечно, не тем, чтобы она помышляла теперь о возобновлении военных действий; кроме буржуазных контр-революционеров и их подголосков (меньшевиков и пр.), ни один вменяемый политик не думает об этом. Непрочность мира обуславливается тем, что в граничащих с Россией с запада и с востока империалистических государствах, обладающих громадной военной силой, может взять верх с минуты на минуту военная партия, соблазненная моментальной слабостью России и подталкиваемая ненавидящими социализм и охочими до грабежа капиталистами.

При таком положении дела реальной, не бумажной, гарантией мира для нас является исключительно разрыв между империалистическими державами, достигшая высших пределов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновлении империалистской бойни народов на Западе, а с другой стороны — в крайне обостренном империалистическом соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем.

Понятно, что защищенная столь шаткой охраной нация Советская Социалистическая Республика находится в чрезвычайно непрочном, безусловно критическом международном положении. Необходи-

димое крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам течением обстоятельств передышку для излечения тягчайших ран, нанесенных всему общественному организму России войной, и для экономического подъема страны, без чего не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном повышении обороноспособности.

Понятно также, что серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу.

Основным условием успешного разрешения стоящей перед нами в первую очередь организационной задачи является полное усвоение политическими руководителями народа, т.-е. членами Российской Коммунистической Партии (большевиков), а затем и всеми сознательными представителями трудящихся масс, коренного различия между прежними буржуазными и настоящей социалистической революцией в рассматриваемом отношении.

В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивление эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный.

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, инициативности, самоотверженности, настоя-

чивости,— победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, советский тип государства, открывающий возможность для трудящихся угнетенных масс принять деятельное участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, новысить производительность труда, *обобществить* производство *на деле*.

Развитие партии большевиков, которая является ныне правительственной партией в России, особенно наглядно показывает, в чем состоит переживаемый нами и составляющий своеобразие настоящего политического момента исторический перелом, требующий новой ориентации Советской власти, т.-е. новой постановки новых задач.

Первой задачей всякой партии будущего является — убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики. Эта задача стояла на первом плане как при царизме, так и в период соглашательства Черновых и Церетели с Керенским и Кишкиным ¹⁰⁴). Теперь эта задача, которая, конечно, далеко еще не завершена и которая никогда не может быть исчерпана до конца, в главном решена, ибо большинство рабочих и крестьян России, как показал бесспорно последний съезд Советов в Москве, заведомо стоит на стороне большевиков.

Второй задачей нашей партии было завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплуататоров. И эта задача отнюдь не исчерпана до конца, и ее невозможно игнорировать, ибо монархисты и кадеты, с одной стороны, их подголоски и прихвостни,— меньшевики и правые эс-эры—с другой, продолжают попытки объединиться для свержения Советской власти. Но в главном задача сопротивления эксплуататоров уже решена в период от 25 октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г., или до сдачи Богаевского ¹⁰⁵).

На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача — организовать *управление* Россией. Разумеется, эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25 октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления *не могла стать главной, центральной*.

Теперь она стала таковой. Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* у богатых для бедных, у эксплуататоров — для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убе-

ждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*.

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить в главных чертах дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела подойти *вплотную* к задаче *управления*. Надо, чтобы мы оказались достойными исполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо *продумать*, что для успешного управления необходимо, *кроме* уменья убедить, *кроме* уменья победить в гражданской войне, уменье практически *организовать*. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это — самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой.

Очерченное выше объективное положение, созданное крайне тяжелым и непрочным миром, мучительнейшей разрухой, безработицей и голодом, которые оставлены нам в наследство войной и господством буржуазии (в лице Керенского и поддерживавших его меньшевиков с правыми эс-эрами), — все это неизбежно породило крайнее утомление и даже истощение сил широкой массы трудящихся. Она настоятельно требует — и не может не требовать — известного отдыха. На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил; излечение ран, нанесенных войной, поражением в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров; экономический подъем страны; прочная охрана элементарного порядка. Может показаться парадоксом, но на самом деле, в силу указанных объективных условий, является совершенно несомненным, что Советская власть в данный момент может упрочить переход России к социализму только в том случае, если практически решит, вопреки противодействию буржуазии, меньшевиков и правых эс-эров, именно эти самые элементарные и элементарнейшие задачи сохранения общественности. Практическое решение этих элементарнейших задач и преодоление организационных трудностей первых шагов к социализму является теперь, в силу конкретных особенностей данного положения и при существовании Советской власти с ее законами о социализации земли, рабочем контроле и проч., двумя сторонами одной медали.

Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде, — именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными

пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класс эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента. И практическое проведение в жизнь этих лозунгов массой трудящихся является, с одной стороны, *единственным* условием спасения страны, до полусмерти истерзанной империалистской войной и империалистскими хищниками (с Керенским во главе), а, с другой стороны, практическое проведение в жизнь этих лозунгов *Советскою* властью, ее методами, на основании *ее* законов, является *необходимым* и *достаточным* для окончательной победы социализма. Этого-то и не умеют понять те, кто презрительно отмахивается от выдвигания на первый план столь «избитых» и «тривиальных» лозунгов. В мелко-крестьянской страхе, только год тому назад свергнувшей царизм и менее чем полгода тому назад освободившейся от Керенских, осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну; создалось немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления; если добавить к этому провокаторскую политику лакеев буржуазии (меньшевиков, правых эс-эров и пр.), то станет вполне понятно, какие длительные и упорные усилия лучших и сознательнейших рабочих и крестьян необходимы для полного перелома настроений массы и перехода ее к правильному, выдержанному, дисциплинированному труду. Только такой переход, осуществленный массой бедноты (пролетариев и полупролетариев), и способен завершить победу над буржуазией и в особенности над наиболее упорной и многочисленной крестьянской буржуазией.

Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что эта задача неизмеримо более высокая и что без разрешения ее социализма еще нет.

Если взять масштаб западно-европейских революций, мы стоим сейчас, приблизительно, на уровне достигнутого в 1793 году и в 1871 году. Мы имеем законное право гордиться, что поднялись на этот уровень и в одном отношении пошли, несомненно, несколько дальше, именно: декретировали и ввели по всей России высший *тип* государства — Советскую власть. Но удовлетвориться достигнутым ни в каком случае мы не можем, ибо мы только начали переход к социализму, но решающего в этом отношении *еще не осуществили*.

Решающим является организация строжайшего в всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов. Между тем в тех предприятиях, в тех отраслях и сторонах хозяйства, которые мы отняли у буржуазии, учет и контроль нами *еще не* достигнут, а без этого не может быть и речи о втором, столь же существенном, материальном условии введения социализма, именно о повышении в общенациональном масштабе производительности труда.

Поэтому нельзя было бы определить задачу настоящего момента простой формулой: продолжать наступление на капитал. Несмотря на то, что капитал нами, несомненно, не добит, и что продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо, такое определение было бы не точно, не конкретно, в нем не было бы учета *своеобразия* данного момента, когда в интересах успешности *дальнейшего* наступления надо «приостановить» *сейчас* наступление.

Пояснить это можно, сравнив наше положение в войне против капитала с положением того победоносного войска, которое отняло, скажем, половину или две трети территории у неприятеля и вынуждено приостановить наступление, чтобы собраться с силами, увеличить запасы боевых средств, починить и подкрепить коммуникационную линию, построить новые склады, подвести новые резервы и т. д. Приостановка наступления победоносного войска в подобных условиях является необходимой именно в интересах отвоевания у неприятеля остальной территории, т.-е. в интересах полной победы. Кто не понял, что именно такова предписываемая нам объективным положением дела в настоящий момент «приостановка» наступления на капитал, тот не понял ничего в переживаемом политическом моменте.

Разумеется, о «приостановке» наступления на капитал можно говорить только в кавычках, т.-е. только метафорически. В обыкновенной войне можно дать общий приказ о приостановке наступления, можно на деле остановить движение вперед. В войне против капитала движения вперед остановить нельзя, и о том, чтобы мы отказались от дальнейшей экспроприации капитала, не может быть и речи. Речь идет об изменении *центра тяжести* нашей экономической и политической работы. До сих пор на первом *плане* стояли мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на первом плане становится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах.

Если бы мы захотели теперь продолжать прежним темпом экспроприовать капитал дальше, мы, наверное, потерпели бы поражение, ибо наша работа по организации пролетарского учета и контроля

явно, очевидно для всякого думающего человека, *отстала* от работы непосредственной «экспроприации экспроприаторов». Если мы наляжем теперь изо всех сил на работу организации учета и контроля, мы сможем решить эту задачу, мы наверстаем упущенное, мы выиграем нашу «кампанию» против капитала.

Но признание того, что приходится наверстывать упущенное, не равносильно ли признанию в некоей содеянной ошибке? Нисколько. Приведем опять военное сравнение. Если можно разбить и оттеснить неприятеля одними отрядами легкой кавалерии,—это надо сделать. А если это можно с успехом сделать лишь до известного предела, то вполне мыслимо, что за этим пределом возникает необходимость подвоза тяжелой артиллерии. Признавая, что надо теперь наверстывать упущенное в подвозе тяжелой артиллерии, мы вовсе не признаем ошибкой победоносную кавалерийскую атаку.

Нас часто упрекали лакеи буржуазии в том, что мы вели «красногвардейскую» атаку на капитал. Упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка. Ибо «красногвардейская» атака на капитал *в свое время* предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал сопротивлялся по-военному, в лице Керенского и Краснова ¹¹⁾, Савинкова ¹⁰⁶⁾ и Гоца ¹⁰⁷⁾ (Гегечкори ¹⁰⁸⁾ и сейчас так сопротивляется), Дутова ⁵⁹⁾ и Богаевского ¹⁰⁵⁾. Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров.

Во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план метод управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть. В-третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники, ибо они либо сражались в рядах Богаевских, либо имели еще возможность оказывать систематическое и упорное пассивное сопротивление *саботажем* ²⁹⁾. А теперь мы саботаж сломали. «Красногвардейская» атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала, и саботажническое сопротивление капитала.

Значит ли это, что *всегда уместна*, при *всяких* обстоятельствах уместна «красногвардейская» атака на капитал, что у нас нет иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять,

когда изменяются обстоятельства. Мы ни на минуту не откажемся от «красногвардейского» подавления господ Савинковых и Гегечкори, как и всяких других помещичьих и буржуазных контр-революционеров. Но мы не будем так глупы, чтобы на первое место ставить «красногвардейские» приемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена победоносно) и когда в дверь стучится эпоха использования пролетарскою государственною властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия.

Это — своеобразная эпоха, или, вернее, полоса развития, и, чтобы победить капитал до конца, надо уметь приспособить формы нашей борьбы к своеобразным условиям такой полосы.

Без руководства специалистов различных отраслей знания техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом. Социализм должен *по-своему*, своими приемами — скажем конкретнее, *советскими* приемами — осуществить это движение вперед. А специалисты неизбежно являются в массе буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами. Если бы наш пролетариат, овладев властью, быстро решил задачу учета, контроля, организации во всенародном масштабе (это было неосуществимо вследствие войны и отсталости России) — тогда, сломив саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себе полностью буржуазных специалистов. В силу значительного «опоздания» с учетом и контролем вообще, мы, хотя и успели победить саботаж, но обстановки, дающей в наше распоряжение буржуазных специалистов, *еще не* создали; масса саботажников «идет на службу», но лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-старому по-буржуазному (т.-е. за высокую плату), либо по-новому, по-пролетарски (т.-е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собой подчинила и привлекла бы специалистов).

Нам пришлось бы теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов. Все, знакомые с делом, видят это, но не все вдумываются в значение подобной меры со стороны пролетарского государства. Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, тре-

бующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом.

Мало того. Ясно, что такая мера есть не только приостановка — в известной области и в известной степени — наступления на капитал (ибо капитал есть не сумма денег, а определенное общественное отношение), но и шаг назад нашей социалистической, советской, государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего.

Конечно, лакеи буржуазии, особенно мелкого разбора, вроде меньшевиков, новожиизненцев ⁶²⁾, правых эс-эров, будут хихикать по поводу признания того, что мы делаем шаг назад. Но нам нечего обращать внимание на хихикание. Нам надо изучать особенности в высшей степени трудного и нового пути к социализму, не прикрывая наших ошибок и слабостей, а стараясь во-время доделывать недоделанное. Скрывать от масс, что привлечение буржуазных специалистов чрезвычайно высокими заработками есть отступление от принципов Коммуны, значило бы опуститься до уровня буржуазных политиков и обманывать массы. Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие имеются средства наверстать упущенное, — это значит воспитать массы и на опыте вместе с ними учиться строительству социализма. Едва ли был хоть один победоносный военный поход в истории, когда бы победителю не случилось делать ошибок, терпеть частичные поражения, временно отступать кое в чем и кое-где назад. А предпринятый нами «поход» против капитализма в миллион раз труднее самого трудного военного похода, и впадать в уныние по поводу частного и частичного отступления было бы глупо и позорно.

Подойдем к вопросу с практической стороны. Допустим, Российской Советской Республике необходимо 1.000 первоклассных ученых и специалистов разных областей знания, техники, практического опыта, для руководства народным трудом в целях возможно быстрого экономического подъема страны. Допустим, что эти «звезды первой величины» приходится оплачивать по 25 тысяч рублей в год — большинство из них, конечно, тем развращеннее буржуазными нравами, чем охотнее оно кричит о развращенности рабочих. Допустим, что эту сумму (25 миллионов рублей) надо удвоить (предполагая выдачу премий за особенно успешное и быстрое выполнение важнейших из организаторски-технических заданий) или даже учетверить (предполагая привлечение нескольких сот более требовательных заграничных специалистов). Спрашивается, можно ли признать чрезмерным или

непосильным для Советской Республики расход пятидесяти или ста миллионов рублей в год на переорганизацию народного труда по последнему слову науки и техники? Конечно, нет. Подавляющее большинство сознательных рабочих и крестьян одобрит такой расход, зная из практической жизни, что наша отсталость заставляет нас терять миллиарды, а такой степени организованности, учета и контроля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участие «звезд» буржуазной интеллигенции в нашей работе, мы еще не достигли.

Разумеется, вопрос имеет также другую сторону. Развращающее влияние высоких жалований неоспоримо и на Советскую власть (тем более, что при быстроте переворота к этой власти не могло не примкнуть известное количество авантюристов и жуликов, которые вместе с бездарными или бессовестными из разных комиссаров не прочь попасть в «звезды»... казнокрадства) и на рабочую массу. Но все, что есть мыслящего и честного среди рабочих и беднейших крестьян, согласится с нами, признает, что сразу избавиться от дурного наследия капитализма мы не в состоянии, что освободить Советскую Республику от «дани» в 50 или 100 миллионов рублей (дани за нашу собственную отсталость в деле организации *всенародного* учета и контроля *снизу*) можно не иначе, как организуясь, подтягивая дисциплину среди самих себя, очищая свою среду от всех «хранящих наследство капитализма», «соблюдающих традиции капитализма», т.-е. от лодырей, туеядцев, казнокрадов (теперь вся земля, все фабрики, все железные дороги есть «казна» Советской Республики). Если сознательные передовики-рабочие и беднейшие крестьяне успеют, при помощи советских учреждений, в один год организовать, дисциплинировать, подтянуться, создать могучую трудовую дисциплину, тогда мы через год скинем с себя эту «дань», которую можно сократить даже раньше... ровно в меру успехов нашей рабоче-крестьянской трудовой дисциплины и организованности. Чем скорее мы сами, рабочие и крестьяне, научимся лучшей трудовой дисциплине и высшей технике труда, используя для этой науки буржуазных специалистов, тем скорее мы избавимся от всякой дани этим специалистам.

Наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Это положение является основным для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти. Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономиче-

ской и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности.

С социалистическими преобразованиями в этих областях мы крайне отстаем (а это весьма и весьма существенные области), и отстаем именно потому, что недостаточно организованы учет и контроль вообще. Разумеется,—эта задача из самых трудных, и при разрухе, созданной войною, она допускает лишь длительное решение, но нельзя забывать, что как раз здесь буржуазия — в особенности же многочисленная мелкая и крестьянская буржуазия — дает нам серьезнейший бой, подрывая налаживающийся контроль, подрывая, напр., хлебную монополию, отвоевывавая позиции для спекуляции и спекулятивной торговли. То, что мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом *осуществлении* основ тех преобразований, которые уже стали законом, но не стали еще реальностью.

Чтобы продолжать дальше национализацию банков и итти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного Банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении «хвостов», в поимке и *расстреле* взяточников и жуликов и т. д. Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное,—а затем уже подготавливать более сложное.

Укрепить и упорядочить те государственные монополии (на хлеб, на кожу и пр.), которые уже введены,—и тем подготовить монополизацию внешней торговли государством; без такой монополизации мы не сможем отделаться от иностранного капитала платежом «дани». А вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

С взиманием налогов вообще, а поимущественного и подоходного налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстаем. Наложение контрибуций на буржуазию — мера принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения — показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоева-

ния (России) от богатых для бедных, чем к приемам управления. Но, чтобы стать сильнее и чтобы стать на ноги, мы должны перейти к этим последним приемам, мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянно и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст *больше* пролетарскому государству и который требует от нас именно *большей организованности*, *большего налажения учета и контроля*.

Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз, что на очередь дня выдвигается именно подготовительно-организационная работа, с одной стороны, долженствующая окончательно закрепить отвоеванное, а с другой стороны, необходимая, чтобы подготовить операцию, которая «окружит» капитал и заставит его «сдаться». Начать введение трудовой повинности нам следовало бы немедленно, но вводить ее с большой постепенностью и осмотрительностью, проверяя каждый шаг практическим опытом и, разумеется, первым шагом делая введение трудовой повинности *для богатых*. Введение рабочей и потребительско-бюджетной книжки для всякого буржуа, в том числе и деревенского, было бы серьезным шагом вперед к полному «окружению» неприятеля и к созданию действительно всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

Государство, бывшее веками органом угнетения и ограбления народа, оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему государственному. Преодолеть это — очень трудная задача, посильная только Советской власти, но и от нее требующая продолжительного времени и громадной настойчивости. На вопросе об учете и контроле — этом коренном вопросе для социалистической революции на другой день после свержения буржуазии — такое «наследство» сказывается особенно остро. Пройдет неизбежно известное время, пока массы, впервые почувствовавшие себя свободными после свержения помещиков и буржуазии, поймут — не из книжек, а из собственного, *советского* опыта — поймут и *почувствуют*, что без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться *не может*, возврат под иго капитализма *неизбежен*.

Все навыки и традиции буржуазии, и мелкой буржуазии особенно, идут также против *государственного* контроля, за неприкосновенность «священной частной собственности», «священного» частного предприятия. Нам теперь особенно наглядно видно, до какой степени правильно марксистское положение, что анархизм и анархо-синдикализм суть *буржуазные* течения, в каком непримиримом противоречии стоят они к социализму, пролетарской диктатуре, к коммунизму. Борьба за вне-

дрение в массы идеи *советского* государственного контроля и учета, за проведение этой идеи в жизнь, за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается», — эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности. Рабочий контроль введен у нас, как закон, но в жизнь и даже в сознание широких масс пролетариата он едва-едва начинает проникать. О том, что безотчетность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство — ибо все имущество принадлежит казне, а казна — это и есть Советская власть, власть большинства трудящихся, — что нерадивость в учете и контроле есть прямое пособничество немецким и русским Корниловым, которые могут скинуть власть трудящихся *только* при условии, что мы не одолеем задачи учета и контроля, и которые при помощи всей мужицкой буржуазии, при помощи кадетов, меньшевиков, правых с.-р. «подкарауливают» нас, выжидая момент, — об этом мы недостаточно говорим в своей агитации, об этом недостаточно думают и говорят передовики рабочих и крестьян. А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики-рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или беззаботных насчет контроля, — до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, то-есть перейти к рабочему регулированию производства.

Социалистическое государство может возникнуть лишь, как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный, всеобъемлющий учет и контроль *хлеба и добычи хлеба* (а затем и всех других необходимых продуктов), тут не обойтись. Капитализм оставил нам в наследство массовые организации, способные облегчить переход к массовому учету и контролю распределения продуктов, — потребительные общества. В России они развиты слабее, чем в передовых странах, но все же охватили больше десяти миллионов членов. Изданный на днях декрет о потребительных обществах представляет из себя чрезвычайно знаменательное явление, которое наглядно показывает своеобразие положения и задачи Советской Социалистической Республики в данный момент.

Декрет является соглашением с буржуазными кооперативами и с рабочими кооперативами, остающимися на буржуазной точке зрения. Соглашение или компромисс состоит, во-первых, в том, что представители названных учреждений не только участвовали в обсуждении декрета, но и получили фактически право решающего голоса, ибо части декрета, встретившие решительную оппозицию этих учреждений, были отброшены. Во-вторых, по сути дела, компромисс состоит в отказе Советской власти от принципа бесплатного вступления в кооператив (единственно последовательно пролетарский принцип), а равно от объединения всего населения данной местности в *одном* кооперативе. В отступление от этого единственно социалистического принципа, отвечающего задаче уничтожения классов, было дано право оставаться «рабочим классовым кооперативам» (которые называются в этом случае «классовыми» только потому, что они подчиняются классовым интересам буржуазии). Наконец, предложения Советской власти исключить совершенно буржуазию из правлений кооперативов было тоже весьма ослаблено и запрещение входить в правление распространено только на владельцев торговых и промышленных предприятий частного-капиталистического характера.

Если бы пролетариат, действуя через Советскую власть, успел наладить учет и контроль в обще-государственном масштабе или хотя бы основы такого контроля, то надобности в подобных компромиссах не было бы. Через продовольственные отделы Советов, через органы снабжения при Советах мы объединили бы население в единый, пролетарски руководимый кооператив без содействия буржуазных кооперативов, без уступок тому чисто-буржуазному принципу, который побуждает рабочий кооператив оставаться рабочим *на-ряду* с буржуазным *вместо того*, чтобы подчинить себе всецело этот буржуазный кооператив, слив оба, взяв *себе все* правление взяв *себе* в руки надзор за потреблением богатых.

Заклячая такое соглашение с буржуазными кооперативами, Советская власть конкретно определила свои тактические задачи и своеобразные методы действий для данной полосы развития, именно: руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения вперед, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим укреплением завоеванных позиций. Советы могут (*и должны*) теперь измерять свои успехи в деле социалистического строительства, между прочим, мерами чрезвычайно ясными, простыми, практическими: в каком именно числе общин (ком-

мун или селений, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитие кооперативов к тому, чтобы охватывать все население.

Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача:—экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация. Наша Советская власть находится именно в таком положении, когда, благодаря победам над эксплуататорами, от Керенского до Корнилова, она получила возможность непосредственно подойти к этой задаче, вплотную взяться за нее. И тут становится видно сразу, что если центральной государственной властью можно овладеть в несколько дней, если подавить военное и саботажническое сопротивление эксплуататоров даже по разным углам большой страны можно в несколько недель, то прочное решение задачи поднять производительность труда требует, во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны), нескольких лет. Длительный характер работы предполагается здесь безусловно объективными обстоятельствами.

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская Республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива (в Западной Сибири), каменного угля (в центре и на юго-востоке), нефти (на Кавказе), торфа, гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил.

Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, неспособные понять, сколько порыва к свету и инициативности разворачивается теперь в народных «низах», благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации.

С этой стороны дело обстоит у нас особенно плохо и даже безнадежно, если поверить людям, давшим себя запугать буржуазии

или корыстно служащим ей. Эти люди не понимают, что не было и быть не может революции, когда бы сторонники старого не вопили о развале, об анархии и т. п. Естественно, что в массах, только что сбросивших невиданно-дикий гнет, идет глубокое и широкое кипение и брожение, что выработка новых основ трудовой дисциплины — процесс очень длительный, что до полной победы над помещиком и буржуазией такая выработка не могла даже и начаться.

Но, несколько не поддаваясь тому часто поддельному отчаянию, которое распространяют буржуа и буржуазные интеллигенты (отчаявшиеся отстоять свои старые привилегии), мы никоим образом не должны прикрывать явного зла. Напротив, мы будем раскрывать его и усиливать советские приемы борьбы против него, ибо успех социализма немислим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелко-буржуазной анархией, этого настоящего залога возможной реставрации керенщины и корниловщины.

Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачу повышения трудовой дисциплины. Например, в центральном комитете союза металлистов и в центральном совете профессиональных союзов начата разработка соответствующих мероприятий и проектов декретов. Эту работу надо поддержать и двинуть ее вперед из всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д., и т. д.

Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора, — как и всякий прогресс капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская Республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее. Надо

вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были положены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти.

К числу бессмыслиц, которые буржуазия охотно распространяет про социализм, принадлежит та, будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм, уничтожая классы и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе. И именно советская организация, переходя от формального демократизма буржуазной республики к действительному участию трудящихся масс в *управлении*, впервые ставит широко соревнование. В политической области это гораздо легче поставить, чем в экономической, но для успеха социализма важно именно последнее.

Возьмем такое средство организации соревнования, как гласность. Буржуазная республика обеспечивает ее только формально, на деле подчиняя прессу капиталу, забавляя «чернь» пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, торговых сделках, в поставках и пр. под покровом «коммерческой тайны», ограждающей «священную собственность». Советская власть отменила коммерческую тайну, вступила на новый путь, но для использования гласности в целях экономического соревнования мы еще почти ничего не сделали. Надо систематически взяться за то, чтобы, на-ряду с беспощадным подавлением насквозь лживой и нагло-клеветнической буржуазной прессы, велась работа создания такой прессы, которая бы не забавляла и не дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их. Каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения («по-своему» не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов. При капитализме это было «частным делом» отдельного капиталиста, помещика, кулака. При Советской власти это — не частное дело, а важнейшее государственное дело.

И мы еще почти не приступили к громадной, трудной, но зато и благодарной работе организовать соревнование коммун, ввести

отчетность и гласность в процесс производства хлеба, одежды и пр., превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры — как отталкивающие, так и привлекающие. При капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем, какой-либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелко-буржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении» капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений. После перехода политической власти в руки пролетариата, после экспроприации экспроприаторов дело меняется в корне, и согласно тому, что многократно указывалось виднейшими социалистами, — сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие. Образцовые коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями остальных коммун. Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомя во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, «на черную доску» те коммуны, которые упорно хранят «традиции капитализма», т.-е. анархии, лодырничанья, беспорядка, спекуляции. Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов, — мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать, — чтобы сравнение деловых итогов хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно (сокращением на известный период рабочего дня, повышением заработка, предоставлением большего количества культурных или эстетических благ и ценностей и т. п.).

Когда новый класс выдвигается в качестве вождя и руководителя общества на историческую сцену, это никогда не обходится без периода сильнейшей «скачки», потрясений, борьбы и бурь, с одной стороны, а с другой стороны, без периода неуверенных шагов, экспериментов, колебаний, шатаний насчет выбора новых приемов, отвечающих новой объективной обстановке. Гибнущее феодальное дворянство мстило побеждающей и вытесняющей его буржуазии не только заговорами, попытками восстания и реставрации, но и потоками насмешек над неумелостью, неловкостью, ошибками «выскачек», «наглецов», дерзающих брать в руки «священное кормило» государства без вековой подготовки к этому князей, баронов, дворян, знати — точь-в-точь так, как мстят теперь рабочему классу в России за его «дерзкую» попытку взятия власти Корниловы ³³) и Керенские, Гоцы

и Мартовы ¹⁰⁹), вся эта братия героев буржуазного гешефтмахерства или буржуазного скепсиса.

Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задушенный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов. Понятно, что у руководящей революционным пролетариатом партии не могло сложиться опыта и навыка больших, на миллионы и десятки миллионов граждан рассчитанных организационных предприятий, что переделка старых, почти исключительно агитаторских навыков—дело весьма длительное. Но невозможного тут ничего нет, и раз у нас будет ясное сознание необходимости перемены, твердая решимость осуществить ее, выдержка в преследовании великой и трудной цели,—мы ее осуществим. Организаторских талантов в «народе», т.-е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть—мы. Но мы этому научимся, если примемся со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций, учиться этому.

Ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены, без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных «вождей» братья за 20 дел и ни одного не доводить до конца. Пусть моськи буржуазного общества, от Белорусова ¹¹⁰) до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. *Только* таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления. Мы этому еще не научились. Мы этому научимся.

Резолюция последнего Московского съезда Советов ¹⁰³) выдвигает, как первейшую задачу момента, создание «стройной организации» и повышение дисциплины. Такого рода резолюции теперь все охотно «голосуют» и «подписывают», но о том, что проведение

их в жизнь требует принуждения — и принуждения именно в форме диктатуры, — в это обычно не вдумываются. А между тем было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму. Теория Маркса против этого мелко-буржуазно-демократического и анархического вздора выступала очень давно и с полнейшей определенностью. И Россия 1917—1918 годов подтверждает теорию Маркса в этом отношении с такой наглядностью, осязательностью и внушительностью, что только люди, безнадежно тупые или упорно решившие отвернуться от правды, могут еще заблуждаться в этом отношении. Либо диктатура Корнилова (если взять его за русский тип буржуазного Кавеньяка)¹¹¹), либо диктатура пролетариата — об ином выходе для страны, прodelьвающей необычайно быстрое развитие с необычайно крутыми поворотами, при отчаянной разрухе, созданной мучительнейшей из войн, *не может быть и речи*. Все средние решения — либо обман народа буржуазией, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость мелко-буржуазных демократов, Черновых, Церетели и Мартовых, с их болтовней об единстве демократии, диктатуре демократии, общедемократическом фронте и т. п. чепухе. Кого даже ход русской революции 1917—1918 годов не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть рукой.

С другой стороны, нетрудно убедиться, что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а, следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т. е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, означающей тысячи и миллионы случаев колебания и перелетов с одной стороны на другую, означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса. И разумеется все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения *не могут* иначе, как увеличением

преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*.

Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления. Беда прежних революций состояла в том, что революционного энтузиазма масс, поддерживающего их напряженное состояние и дающего им силу применять беспощадное подавление элементов разложения, хватало не надолго. Социальной, т.-е. классовой, причиной такой непрочности революционного энтузиазма масс была слабость пролетариата, который *один только* в состоянии (если он достаточно многочислен, сознателен, дисциплинирован) привлечь к себе большинство трудящихся и эксплуатируемых (большинство бедноты, если говорить проще и популярнее) и удержат власть достаточно долгое время для полного подавления и всех эксплуататоров, и всех элементов разложения.

Этот исторический опыт всех революций, этот всемирно-исторический — экономический и политический — урок и подтвердил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата. И что русская революция правильно подошла к осуществлению этой всемирно-исторической задачи, это *доказало* победное шествие по всем народам и языцам России советской организации. Ибо Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя.

Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо. Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелко-буржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савиновых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых с.-р. и меньшевиков, с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разло-

жения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелко-буржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов,— борьбу надо вести и принуждением.

По мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление,—типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд. И в этом отношении революционные массы после 25 октября 1917 г. вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои рабочие и крестьянские суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-демократического судебного аппарата. Но наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое. Нет достаточного сознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления),—что суд есть *орган* власти пролетариата и беднейшего крестьянства,—что суд есть *орудие воспитания к дисциплине*. Нет достаточного сознания того простого и очевидного факта, что если главными бедами России являются голод и безработица, то победить эти бедствия нельзя никакими порывами, а только всесторонней, всеобъемлющей, всенародной организацией и дисциплиной, чтобы увеличить производство хлеба для людей и хлеба для промышленности (топлива), во-время подвезти и правильно распределить его,—что поэтому *виноват* в мучениях голода и безработицы *всякий*, кто нарушает трудовую дисциплину в любом хозяйстве, в любом деле,—что виноватого в этом надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно. Мелко-буржуазная стихия, с которой нам предстоит теперь вести самую упорную борьбу, сказывается именно в том, что слабо сознание народно-хозяйственной и политической связи голода и безработицы с распушенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины,—что держится прочно *мелко-собственный взгляд*: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти.

На железнодорожном деле, которое всего, пожалуй, нагляднее воплощает хозяйственные связи созданного крупным капитализмом организма, эта борьба мелко-буржуазной стихии распушенности с пролетарской организованностью сказывается особенно выпукло.

Элемент «управленский» поставляет саботажников, взяточников в большом обилии; элемент пролетарский в его лучшей части борется за дисциплину; но среди того и другого элементов, конечно, много колеблющихся, «слабых», неспособных противостоять соблазну спекуляции, взятки, личной выгоды, покупаемой ценой порчи всего аппарата, от правильной работы которого зависит победа над голодом и безработицей.

Характерна борьба, которая разворачивалась на этой почве вокруг последнего декрета об управлении железными дорогами, декрета о представлении диктаторских полномочий (или «неограниченных» полномочий) отдельным руководителям. Сознательные (а большей частью, вероятно, бессознательные) представители мелко-буржуазной распушенности хотели видеть отступление от начала коллегиальности и от демократизма и др. принципов Советской власти в предоставлении отдельным лицам «неограниченных» (т.-е. диктаторских) полномочий. Среди левых с.-р. кое-где развивалась прямо хулиганская, т.-е. апеллирующая к дурным инстинктам и к мелко-собственному стремлению «урвать», агитация против декрета о диктаторстве. Вопрос встал действительно громадного значения: во-первых, вопрос принципиальный, совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облачаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами Советской власти; во-вторых, в каком отношении стоит этот случай — этот прецедент, если хотите — к особым задачам власти в данный конкретный момент. И на том и на другом вопросе надо очень внимательно остановиться.

Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории. С буржуазным демократизмом диктатура отдельных лиц совмещалась несомненно. Но в этом пункте буржуазные хулители Советской власти, а равно их мелко-буржуазные подголоски, проявляют всегда ловкость рук: с одной стороны, они объявляют Советскую власть просто чем-то нелепым, анархически диким, старательно обходя все наши исторические параллели и теоретические доказательства того, что Советы суть высшая форма демократизма, даже более: начало *социалистической* формы демократизма; с другой же стороны, они предъявляют нам требование более высокого, чем буржуазный, демократизма и говорят: с вашим большевистским (т.-е. не буржуазным, а *социалистическим*) советским демократизмом личная диктатура абсолютно несовместима.

Рассуждения из рук вон плохие. Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, т.-е. *принуждения*

для перехода от капитализма к социализму. Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии или мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.-е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет. Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства, затем в том, что первую осуществляют—и через *отдельных* лиц—не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно такие массы будить, поднимать к историческому творчеству (советские организации принадлежат к этого рода организациям).

По второму вопросу, о значении именно единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента, надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия — т.-е. именно материальный производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна и всеми думавшими о социализме всегда признавалась, как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напомнить больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но так или иначе *беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, *по внешности* на нее совсем непохожей, составляет оригинальность переживаемого момента. Революция только что разбила самые старые, самые прочные, самые тяжелые оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера, а сегодня та же революция, и именно в интересах социализма, требует *беспрекословного повиновения* масс единой воле руководителей трудового процесса. Понятно, что такой переход немислим сразу. Он осуществим лишь ценою величайших толчков, потрясений, возвратов к ста-

рому, громаднейшего напряжения энергии пролетарского авангарда, ведущего народ к новому. Над этим не размышляют те, кто впадает в обывательскую истерику «Новой Жизни» ⁵⁵⁾, «Вперед», «Дела Народа» ⁶²⁾ и «Нашего Века» ¹¹³⁾.

Возьмите психологию среднего рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы, сопоставьте эту психологию с объективными, материальными условиями его общественной жизни. До Октябрьской революции он *не* видал еще на деле, чтобы имущие эксплуататорские классы действительно чем-нибудь для них действительно серьезным пожертвовали, поступились в его пользу. Он не видел *еще*, чтобы ему дали много раз обещанную землю и волю, дали мир, поступились интересами «великодержавности» и великодержавных тайных договоров, поступились капиталом и прибылями. Он увидел это только после 25 октября 1917 года, когда он сам взял это силой и силой же должен был отстаивать взятое от Керенских, Гощов, Гегечкори, Дутовых ⁶⁹⁾, Корниловых. Понятно, что известное время все его внимание, все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага жизни, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры. Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидел сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто «взять», хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели, к возврату Корниловых. Соответственный перелом в условиях жизни (а следовательно, и в психологии) рядовой трудящейся массы только-только начинается. И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению, — осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, *во время* работы.

Над «митингованием» смеются, а еще чаще по поводу его злобно шипят буржуа, меньшевики, новожизненцы, видящие только хаос, бестолочь, взрывы мелко-собственнического эгоизма. Но без митингования масса угнетенных никогда не смогла бы перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной. Митингование — это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (экспло-

ататоров, империалистов, помещиков, капиталистов) и которое они сами хотят научиться налаживать по-своему, для себя, на началах своей «Советской», а не чужой, не барской, не буржуазной власти. Нужна была именно октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти во время работы.

Этот переход начался теперь.

Мы успешно решили первую задачу революции, мы видели, как трудящиеся массы выработали в себе основное условие ее успеха: объединение усилий против эксплуататоров для их свержения. Такие этапы, как октябрь 1905 г. ¹¹⁴⁾, февраль и октябрь 1917 г., имеют всемирно-историческое значение.

Мы успешно решили вторую задачу революции: пробудить и поднять те именно общественные «низы», которые эксплуататоры столкнули вниз и которые лишь после 25 октября 1917 г. получили всю свободу свергать их и начать осматриваться и устраиваться по-своему. Митингование именно наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение ею везде и повсюду своей советской организации,— вот второй великий этап революции.

Начинается третий. Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы декретировали, узаконили, обсудили, наметили,— закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*. Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся.

Реставрация буржуазной эксплуатации грозила нам вчера в лице Корниловых, Гоцов, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелко-буржуазной распущенности и анархизма, мелко-собственнического «моя хата с краю», в виде будничных,

мелких, но зато многочисленных наступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию мелко-буржуазной анархии должны победить, и мы ее победим.

Социалистический характер демократизма советского, то-есть *пролетарского*, в его конкретном, данном применении состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов при полной свободе отзыва выбранных; в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупно-промышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять.

Таковы главные отличительные признаки получившего применение в России демократизма, являющегося более высоким типом демократизма, разрывом с буржуазным искажением его, переходом к социалистическому демократизму и к условиям, позволяющим начать отмирать государству.

Разумеется, стихия мелко-буржуазной дезорганизованности (которая при всякой пролетарской революции в той или иной мере неизбежно себя проявит, а в нашей революции, в силу мелко-буржуазного характера страны, ее отсталости и последствий реакционной войны проявляется особенно сильно) не может не накладывать своего отпечатка и на Советы.

Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать. Есть мелко-буржуазная тенденция к превращению членов Советов в «парламентариев» или, с другой стороны, в бюрократов. Бороться с этим надо, привлекая *всех* членов Советов к практическому участию в управлении. Отделы Советов превращаются во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами. Целью нашей является *поголовное* привлечение *бедноты* к практическому участию в управлении, и всяческие шаги к осуществлению этого — чем разнообразнее, тем лучше — должны тщательно регистрироваться, изучаться, систематизироваться, проверяться более широким опытом, узаконяться. Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе

залог окончательного упрочения социализма. Новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать, ощупью, обилие ошибок, колебания,— без этого никакого резкого движения вперед быть не может. Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»). О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории, и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали. Естественно, что пресловутая «интеллигенция» поставляет в такие времена бесконечное количество плакальщиц по покойнику: одна плачет по Учредительному Собранию, другая—по буржуазной дисциплине, третья—по капиталистическому порядку, четвертая—по культурному помещику, пятая—по империалистической великодержавности и так далее, и тому подобное.

Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи.

Борьба с бюрократическим извращением советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с народом, в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи.

Буржуазных парламентов, даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики, беднота никогда не считает «своими» учреждениями. А Советы — «свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян. Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана ¹¹⁵⁾ или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному Собранию, как Тургенева ¹¹⁶⁾ 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова ¹¹⁷⁾ и Чернышевского ¹¹⁸⁾.

Именно близость Советов к «народу» трудящихся создает особые формы отзыва и другого контроля снизу, которые должны быть теперь особенно усердно развиваемы. Напр., Советы народного образования, как периодическая конференция советских избирателей и их делегатов для обсуждения и контроля за деятельностью советских властей в данной области, заслуживают полнейшего сочувствия и поддержки. Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы*, в определенные моменты *чисто-исполнительских функций*, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма.

Необыкновенно тяжелое, трудное и опасное положение в международном отношении: необходимость лавировать и отступать; период выжидания новых взрывов революции, мучительно долго зреющей на Западе; внутри страны период медленного строительства и беспощадного «подтягивания», длительной и упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелкобуржуазной распушенности и анархичности, — таковы вкратце отличительные черты особой переживаемой нами полосы в социалистической революции. Таково то звено исторической цепи событий, за которое нам сейчас приходится изо всех сил уцепиться, чтобы оказаться на высоте задачи впредь до перехода к следующему звену, привлекающему к себе особой яркостью, яркостью побед международной пролетарской революции.

Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распушенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они

слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелко-буржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное.

Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма, не достает понимания того особого и «особо неприятного» состояния, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной, начавшая социалистическую революцию задолго раньше более передовых стран,—недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода. Естественно, что «официальную» оппозицию *такого* рода чинит нашей партии партия «левых с.-р.». Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются. В стране с громадным преобладанием мелко-собственнического населения над чисто пролетарским неизбежно будет сказываться — и от времени до времени крайне резко сказываться — различие между революционером пролетарским и мелко-буржуазным. Этот последний колеблется и шатается при каждом повороте событий, переходит от ярой революционности в марте 1917 г. к воспеванию «коалиции» в мае, к ненависти против большевиков (или к оплакиванию их «авантюризма») в июле, к опасливому отстранению от них в конце октября, к поддержке их в декабре,—наконец, в марте и апреле 1918 г. такие типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «Я не из тех, кто поет гимны органической работе, практицизму и постепенности».

Социальный источник таких типов, это — мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасения, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого социализма построить нельзя. Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата.

*Написано в марте-апреле,
напечатано в «Известиях ВЦИК» № 85
29 апреля 1918 г.*

Доклад об очередных задачах Советской власти.

(Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.)

Товарищи! Тезисы настоящего доклада уже изложены мною в статье «Об очередных задачах Советской власти», которая в воскресенье появилась в печати и знакомство с которой я позволю себе предполагать у большинства присутствующих. Поэтому в настоящий момент мне нет надобности повторяться. Я ограничусь лишь дополнениями и пояснениями к докладу, наиболее подходящей формой которых, я думаю, будет полемика, потому что вопрос, который был мною затронут в этих тезисах об очередных задачах Советской власти, есть не что иное, как развитие резолюции, принятой уже Всероссийским Чрезвычайным Съездом Советов в Москве 16 марта,— резолюции, которая не ограничилась, злободневным тогда, вопросом о мире, а отметила также главную задачу текущего момента, задачу организационную, задачу самодисциплины и борьбы с дезорганизацией¹⁰³).

На этой почве, как мне кажется, обрисовались за последнее время довольно отчетливо главные направления наших политических течений, и поэтому в полемической форме, я думаю, можно наиболее наглядно подтвердить то, что я старался в форме положительной обрисовать в статье об очередных задачах.

Товарищи! Чтобы не ошибиться в оценке, постараемся окинуть взглядом все политические течения в целом, ибо только при этом условии мы можем обезопасить себя от ошибок при извлечении отдельных примеров. Понятно, что примеров можно найти сколько угодно в подтверждение какого угодно положения. Но только при том условии мы можем попытаться выяснить связь между судьбами политических течений в стране и судьбами классовых интересов, которые всегда проявляют себя в больших, серьезных и крупных политических течениях, если мы рассмотрим эти течения в целом, во всей их совокупности.

И вот, бросая взгляд на крупные политические течения в России, я вижу, что они делятся явственно и бесспорно на три большие группы. В первой мы имеем всю буржуазию, сплотившуюся целно и крепко, как один человек, на самой решительной, можно сказать бесшабашной, оппозиции против Советской власти. Конечно, слово «оппозиция», в применении к данному примеру, можно употребить только в кавычках, потому что на самом деле здесь мы имеем бешеную борьбу, привлекающую сейчас на сторону буржуазии все те мелко-

буржуазные партии, которые были в согласии с Керенским в течение всей революции. Меньшевики, новожи́зненцы⁵⁵⁾ и правые с.-р. перешагнули даже буржуазию в ярости своих нападков на нас. Известно, однако, что очень часто ярость нападков и звучность лая бывают обратно пропорциональны силе того политического элемента, от которого они исходят.

Вся буржуазия со всеми своими подголосками и слугами типа Чернова и Церетели — все они слились в одно целое в своих бешеных нападках на Советскую власть, все они тоскуют по той приятной перспективе, которую уже проводят в жизнь их друзья и политические единомышленники на Украине, — заключить такой мир, который бы позволил им, при помощи немецкого штыка и отечественной буржуазии, подавить влияние большевиков. Это слишком хорошо известно. Прекрасный пример подобных друзей мы имеем в лице Чхенкели¹¹⁹⁾ на Кавказе.

Но это понятно. Ясно, что пролетариат, взявший власть и начавший осуществлять диктатуру трудящихся против угнетателей и эксплуататоров, не мог рассчитывать на что-либо иное. Здесь мы имеем один план, единый дружный фронт. И если преподносят мечтания об едином демократическом фронте, то, по крайней мере, в те минуты, когда имеешь удовольствие читать такие газеты, как «Наш Век»¹¹³⁾, «Дело Народа»⁶²⁾ и т. д., даже при беглом просмотре этих газет я всегда думаю: чего же вам нужно еще для «единого демократического фронта»? Вы здесь имеете самое настоящее единство, и мы можем только порадоваться этому, ибо это единство фронта от Милюкова¹⁴⁾ до Мартова заслуживало бы того, чтобы ему к 1 мая преподнесли похвальный лист за прекрасную пропаганду в пользу большевиков...

Если вы возьмете теперь, товарищи, другой противоположный лагерь, то в нем вы увидите только нашу партию — партию коммунистов-большевиков. События сложились так, что наши союзники в течение большей части послеоктябрьского периода, левые с.-ры, в настоящее время отошли от формального участия во власти. Их последний съезд нагляднее, чем когда-либо, выявил крайние колебания и растерянность в партии.

Если бы вы вздумали составить кривую, показывающую — конечно до раскола с.-р. на левое и правое крыло — от февраля 1917 года месяц за месяц, на чью сторону становилась эта партия, — пролетариата или буржуазии, то получилось бы нечто в виде скорбного листа, просматривая который, всякий говорил бы себе: а лихорадка здесь удивительно упорная!

В самом деле, едва ли какая-либо другая партия в истории революции претерпевала столь крутые и непрерывные колебания.

Если мы взглянем на эти три основных течения, то для нас станет ясным, что это не случайная группировка, что она полностью подтверждает то, на что нам, большевикам, приходилось указывать еще в 1915 году из-за границы, когда стали приходить первые известия о том, что революция в России нарастает, что она неизбежна, и когда нам приходилось давать ответ на вопросы, в каком положении окажется партия, если еще во время войны события поставят ее у власти. И мы тогда говорили: возможно, что революция одержит решительную победу, если в решающие минуты в решающих пунктах руководящие элементы мелкой буржуазии склонятся на сторону пролетариата; так буквально и вышло, так шла и идет сейчас история русской революции.

Из этих колебаний мелко-буржуазных элементов мы ни малейшим образом не можем подчеркнуть никаких оснований для пессимизма или отчаяния, но понятно, что революция в стране, составшей против империалистической войны раньше других стран, в стране, которую события, в значительной степени благодаря ее отсталости, поставили, на короткое время и в ряде частных вопросов, впереди остальных стран, более передовых, эта революция неизбежно осуждена на то, что ею будут переживаться моменты самые трудные, самые тяжелые и в ближайшем будущем возможно самые безотрадные. И полагать, что в такие моменты она в своих рядах не будет знать колеблющихся, было бы совершенно противоестественно; это значило бы совершенно не считаться с классовым характером переворота, с природой партий и политических группировок.

И вот, если мы посмотрим теперь на сумму политических течений в России с точки зрения очередных задач момента, задач организации, дисциплины, учета и контроля, то тут мы увидим, что группировка эта получается столь же определенная, и мы увидим, что в лагере, который объединяет единый «демократический фронт» от Милюкова до Мартова, нет ни малейшей попытки оценить эту задачу по существу. Там существует одно только злобное желание, чем более злобное, тем более почетное для нас, найти какую-либо возможность, намек или мечту на свержение Советской власти,— больше ничего.

К сожалению, как раз те представители партии левых с.-р., которые больше всего проявили громадную преданность революции, люди с большой энергией и инициативой, обнаружили колебания по этому вопросу, именно по вопросу об очередных задачах текущего

момента, задачах пролетарской дисциплины, учета, организации и контроля,—тех задач, которые для социалистов стали естественными с момента завоевания рабочими и крестьянами власти, с того момента, когда военные атаки Керенских, Красновых ¹¹⁾, Корниловых, Гегечкори и Алексеевых ¹²⁰⁾ были отбиты.

Теперь, когда мы впервые вошли в сердцевину хода революции, речь идет о том, победит ли пролетарская дисциплина и организованность, или же победит стихия мелко-буржуазных собственников, которая в России особенно сильна.

Главным полем борьбы против нас для наших противников из мелко-буржуазного лагеря является поприще внутренней политики и экономического строительства; их орудие — подрыв всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства. Здесь мелко-буржуазная стихия — стихия мелких собственников и разнузданного эгоизма — выступает решительным врагом пролетариата. И в той кривой, которую мелкая буржуазия дала за все события революции, мы видим самый резкий отход ее от нас; естественно, здесь, в этом лагере, мы имеем главную оппозицию проведению очередных задач момента в более точном смысле слова; тут — оппозиция людей, которые не отказывают в принципиальном согласии с нами, которые поддерживают нас по более существенным вопросам, чем те, по которым критикуют, — оппозиция, соединенная с поддержкой...

Затем тов. Ленин приводит две цитаты: одну — из лево-эс-эровского «Знамени Труда», мечущего гром и молнии на Советскую власть за ее «капитуляторскую» политику, и другую — из газеты «Коммунист» ⁶⁴⁾ (органа лев. коммунистов), ополчающейся на ту же власть за явное ее «правение» (тезисы газеты «Коммунист», данные в ее характеристике этой власти, оказываются по сути тезисами Исува ¹²¹⁾ из меньшевистского «Вперед» ¹¹²⁾). Отвечая на эти выпады — выпады «бесстрашных вояк» по адресу «правеющих капитуляторов», — тов. Ленин продолжает ¹²²⁾:

— Вот, товарищи, когда нам приходится наблюдать такого рода политические явления, как солидарность «Знамени Труда» с особым течением большевизма («коммунистами») или с какими-нибудь формулированными меньшевистскими тезисами, тезисам той самой партии, которая вела политику блока с Керенским, — то становится ясным, что тут что-то не так, что тут что-то, проливающее свет на действительное значение этих нападок, а на нападки эти стоит обратить внимание уже потому, что здесь мы имеем возможность оценить главные задачи Советской власти в спорах с людьми, с ко-

торыми спорить интересно. Интересно потому, что мы имеем здесь и марксистскую теорию, и несомненное желание людей доискаться правды. Тут основная почва для спора по существу дается преданностью социализму и бесспорным решением стать на сторону пролетариата против буржуазии, какие бы ошибки, по мнению тех или иных лиц, групп или течений, ни делались при этом борющимися против буржуазии пролетариатом.

Если я говорю, что интересно спорить с ними, то я понимаю, конечно, под интересным спором с ними не полемику самое по себе, а то, что тема спора затрагивает существенные, коренные вопросы современности. Не случайно то, что именно в этой линии ведутся споры. В этой линии объективно пролегал сейчас коренная задача, задача революционной борьбы пролетариата, которая продиктована настоящими условиями России и которая должна всемерно проводиться при всем обилии самых разнообразных мелко-буржуазных течений. Совершенно ясна необходимость для пролетариата, несмотря на все трудности, окружающие его, сказать себе в этом пункте, что он никакой уступки сделать не может, ибо социалистическая революция, начавшаяся с того, что власть у буржуазии отнята, и продолжившаяся тем, что всякое сопротивление буржуазии сломано, решительно выдвигает в первую голову вопросы пролетарской дисциплины и организации трудящихся и умение подходить к работе со строгой деловитостью и знанием интересов крупной промышленности. Эти вопросы пролетариат должен решить практически, ибо иначе он потерпит поражение. Тут, в области этих задач, и заключается главная, настоящая трудность социалистической революции; именно поэтому так интересно, так важно, в историческом и политическом значении слова, спорить с представителями групп левых коммунистов, несмотря на то, что, рассматривая их положение, их теорию, мы не видим в ней — я повторяю это и сейчас это докажу — решительно ничего, кроме тех же мелко-буржуазных шатаний. Товарищи из группы левых коммунистов, как бы они себя ни называли, ударяют прежде всего по своим тезисам. Я предполагаю, что и громадному большинству собравшихся это известно, потому что я в большевистских кругах мы их тезисы обсуждали, начиная с начала марта, а те, кто не интересовался большой политической литературой, не могли не знать про них в связи со спорами, развернувшимися на последнем Всероссийском съезде Советов.

В их тезисах ¹²³), как и в тезисах левых с.-р., мы видим прежде всего то самое, что видим и в правом лагере, в лагере буржуазии от Милюкова до Мартова, которым особенно тяжело переживать

теперешние несчастья России с точки зрения потери ее великодержавности, с точки зрения превращения ее из нации и государства угнетающих в страну угнетенную,—с той точки зрения, где приходится решать уже не на бумаге, а на деле вопрос о том, стóит ли тяжесть пути к социализму, тяжесть начавшейся социалистической революции того, чтобы страна пережила даже самые тяжкие поражения в смысле ее государственности, в смысле ее национальной независимости.

Здесь всего глубже наше расхождение. Для нас ясно, что социалистическая революция в эпоху бешеной бойни империалистов за раздел мира без тягчайшего поражения для многих наций, считавшихся прежде угнетательскими, обойтись не может, и что как бы тяжело это ни было для человечества, но на все такие испытания социалисты, сознательные социалисты, должны пойти и пойдут. На этой почве всего более колебались левые с.-р., и на этой же почве мы видим всего больше шатаний у левых коммунистов.

Самое усиленное внимание они уделяют оценке вопроса о мире. Они тщатся доказать, что мир этот был проявлением психологии усталой и деклассированной массы. Они все напоминают, что при голосовании вопроса о мире 12 было против и 28 за заключение мира. Но не следует ли, вспоминая голосования, бывшие месяца полтора тому назад, брать цифры поближе? Если придавать политическое значение этому голосованию, то не следует ли припомнить голосование Всеукраинского съезда Советов? Прежде, чем говорить, что здоровый юг был против мира, а вот усталый, деклассированный, промышленно-ослабленный север был за мир, не следует ли припомнить голосование большинства фракций Всероссийского съезда Советов, на котором и десятой доли голоов не нашлось против мира. Если, припоминать цифры и придавать им политическое значение, то нужно принимать в целом политические голосования, и тогда сразу увидите, что партии, которые известные лозунги заучили, которые из этих лозунгов сделали себе фетиш, оказались на стороне мелкой буржуазии, а масса трудящихся и эксплуатируемых, масса рабочих, солдат и крестьян, не отвергала мира. Если говорить о деклассированном элементе, то именно деклассированная интеллигенция была против мира. Но массы трудящихся оказались в вопросе о мире с нами.

Разумеется, тот мир, к которому мы пришли, непрочен в высшей степени, та передышка, которую мы получили, может быть сорвана каждый день и с Запада и с Востока, в этом нет сомнений; наше международное положение настолько критическое, что мы должны напрягать все силы, чтобы продержаться как можно дольше, пока

зреет западная революция, нарастающая гораздо медленнее, чем мы того ждали и желали, но, несомненно, зреющая; она, несомненно, впитывает и захватывает все больше и больше горючего материала.

Если мы, как отдельный отряд мирового пролетариата, первые выдвинулись вперед, то не потому, что этот отряд сильнее организован. Нет, он хуже, слабее, менее организован, чем другие, но величайшей нелепостью и педантизмом было бы рассуждать, как многие: ну да, если бы начал дело самый организованный, а за ним пошел менее организованный, а затем третьестепенно организованный, тогда мы все охотно явились бы приспешниками социалистической революции. Но раз вышло не по книжке, раз оказалось, что передовой отряд не поддерживался другими отрядами, то наша революция осуждена на гибель. А мы говорим: нет, наша задача — видоизменение всеобщей организации; наша задача, поскольку мы одиноки, в том, чтобы революцию удержать, сохранить за нею хоть некоторую крепость социализма, каких бы слабых и умеренных размеров она ни была, пока назревает революция в других странах, пока подходят другие отряды. Но ждать от истории, что она двинет социалистические отряды разных стран в строгой постепенности и планомерности, — значит понятия не иметь о революции или, по глупости своей, отречься от поддержки социалистической революции. В тот момент, когда мы имеем прочную позицию в России и не имеем сил для борьбы против международного империализма, наша задача и наша тактика одна: она определяется, как тактика лавирования, выжидания и отступления. Я очень хорошо знаю, что эти слова на популярность претендовать не могут, что, если их соответствующим образом вывернуть и ставить в связь со словом «коалиция», то тут для пикантных сопоставлений, для всевозможных попреков и всякого зубоскальства открыта самая широкая дорога; но, сколько бы наши противники — буржуа — справа и наши вчерашние друзья слева — левые с.-ры — и наши, я уверен, вчерашние, сегодняшние и завтрашние друзья — левые коммунисты, — сколько бы на это они ни направляли стрел своего остроумия и какие бы доказательства разумности своих мелко-буржуазных шатаний ни приводили (потому что фактов опровергать они не могут), — это будет совершенно бесполезно, ибо нас подтвердили события. Мы получили передышку только потому, что на западе империалистская бойня все еще продолжается, а на Дальнем Востоке империалистское соревнование разгорается все шире; только этим и объясняется существование Советской Республики. Конечно, нас не бумажка и не мирный договор защитят, как и не то обстоятельство, что с Японией мы не желаем воевать:

если ей нужно будет, она будет грабить, не стесняясь никакими ни договорами, ни формальностями. Нас защитит, конечно, не бумажный договор или «мирное состояние», нас защитят продолжающаяся на Западе схватка между двумя «гигантами» империализма и наша выдержка. Мы не забыли основного марксистского урока, который так наглядно подтвердила русская революция: надо учитывать силы в десятки миллионов, меньшие в политике не считаются, меньшие политика отбрасывает, как величину, не имеющую никакого значения. Если с этой стороны взглянуть на международную революцию,— дело станет яснее ясного: отсталая страна может скорее восстать, потому что гнил ее противник, неорганизована ее буржуазия, но, чтобы продолжать революцию, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки. В Западной Европе это будет иначе, там неизмеримо труднее начать, но там неизмеримо легче будет идти дальше. Это и не может быть иначе, потому что там организованность и сплоченность пролетариата неизмеримо более велики. А пока мы одиноки, мы, учитывая силы, должны сказать себе: пока не вспыхнула европейская революция, которая от всех трудностей нас избавит, у нас один шанс на дальнейшее существование: продолжение борьбы международных гигантов-империалистов. Этот шанс мы учли правильно, заключая мир. Он может лопнуть завтра же. Пока же он сохраняется, мы в нашей внешней политике должны продолжать тактику, начатую в марте, формулируемую словами: лавировать, отступать, выжидать. Когда в устах «левых» коммунистов раздаются слова: «активная внешняя политика», когда берут выражение «защита социалистического отечества» в качестве, как долженствующее быть ироническим, тогда я говорю себе: эти люди ровно ничего не поняли в положении западного пролетариата; они сбиваются на точку зрения мелкой колеблющейся буржуазии, которая в революции видит обеспечение своеобразного порядка. Соотношения международные говорят яснее ясного: тот русский, который вздумал бы, исходя только из русских сил, ставить задачу свержения международного империализма, был бы человеком, сошедшим с ума. А пока на Западе революция зреет, и теперь зреет быстрее, чем вчера, наша задача только такова: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди вопреки нашей слабости, должны все делать, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях. Все остальные соображения должны подчиниться этому одному: использовать полностью обуславливающий наше существование шанс, чтобы во всякий момент, когда международный империализм объединится против нас, мы смогли отдалить удар на

несколько недель. Если мы будем так делать, мы будем идти по пути, который всякий сознательный рабочий в европейских странах одобрит, ибо он знает, что тому, чему мы стали учиться с 1905 года, Франция и Англия учились столетиями; он знает, как медленно нарастает революция в свободном обществе объединившейся буржуазии, он знает, что против таких сил мы сможем бороться, когда будем стоять рядом с восставшим немецким, французским, английским пролетариатом. До тех пор, как бы это ни было печально, как бы ни претило это революционным традициям, тактика одна и только одна — выжидать и отступать.

И когда говорят, что у нас нет внешней международной политики, я говорю: всякая другая политика сознательно или бессознательно сбивается на то, чтобы сыграть роль провокации и сделать из России орудие союза с империалистами типа Чхенкели ¹¹⁹⁾ или типа Семенова ¹²⁴⁾. И мы говорим: лучше пережить и претерпеть, перенести бесконечно большие национальные и государственные унижения и тягости, но остаться на своем посту, как социалистическому отряду, оказавшемуся в силу событий одиноким и вынужденным переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет к нему на помощь. И она идет к нам на помощь! Медленно, но идет! И та война, которая на Западе теперь разыгрывается, революционизирует массы больше, чем прежде, и приближает час восстания.

Я остановился на вопросе внешней политики дольше, чем хотел, но мне кажется, что именно здесь наглядно вырисовываются перед нами две основные линии: линия пролетарская, которая говорит, что социалистическая революция дороже всего и выше всего, и надо учесть, скоро ли возникнет движение на Западе, и другая линия — буржуазная — говорит, что для меня государственная великодержавность и национальная независимость дороже всего и выше всего.

По вопросам внутренним мы встречаем со стороны группы левых коммунистов доводы, которые повторяют доводы против нас из лагеря буржуазии. Например, основным доводом группы левых коммунистов против нас является то, что в нашей политике замечается право-большевистский уклон, который грозит революции тем, что последняя направится по пути государственного капитализма.

Эволюция в сторону государственного капитализма — вот зло, вот враг, с которым нас приглашают бороться.

И вот, когда я читаю эти ссылки на подобных врагов в газете левых коммунистов, я спрашиваю, что сделалось с этими людьми,

как они могут из-за обрывков книжки забыть действительность? Действительность говорит, что государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы нашей победой. Как они могли не видеть, что мелкий собственник, мелкий капитал — вот кто наш враг! Как они могли в государственном капитализме видеть главного врага! При переходе от капитализма к социализму наш главный враг, это — мелкая буржуазия, ее на-
зыки, ее привычки, ее экономическое положение. Мелкий собствен-
ник прежде всех боится государственного капитализма, потому что у него одно желание — урвать, получить себе побольше, разорить, добить крупных помещиков, крупных эксплуататоров. И в этом мел-
кий собственник охотно поддерживает нас. Тут он революционер больше, чем рабочие, потому что у него и озлобления больше. И по-
тому на то, чтобы добить буржуазию, он идет охотно, но не как со-
циалист, чтобы, слолив сопротивление буржуазии, начать строитель-
ство социалистического хозяйства на принципах твердой трудовой дисциплины, в рамках строгой организации, при условии правиль-
ного контроля и учета, а чтобы, урвав себе побольше, использовать для себя и в своих целях плоды победы, нимало не интересуясь ин-
тересами обще-государственными, интересами класса трудящихся в целом.

Что такое государственный капитализм при Советской власти? В настоящее время осуществлять государственный капитализм, это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который осуществляли раньше капиталистические классы. Мы имеем образец государствен-
ного капитализма в лице Германии и мы знаем, что она оказалась выше нас. И если подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы зна-
чило в России, Советской России, обеспечение основ такого государ-
ственного капитализма, то всякий, не сошедший с ума и не забивший себе голову обрывками книжных истин человек должен был бы ска-
зать, что в государственном капитализме для нас спасение. Если бы мы имели его в России, тогда переход к полному социализму был бы
легок, он был бы в наших руках, потому что государственный капи-
тализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое и обобществленное, а нам-то и нехватает как раз этого, нам гро-
зит стихия мелко-буржуазного разгильдяйства, которая больше всего историей России, ее экономикой подготовлена и которая как раз
этого шага, от которого зависит успех социализма, нам не дает сделать. Я позволю себе напомнить вам, что я писал о государственном капи-
тализме за несколько дней до переворота ¹²⁵), когда имелось в виду

революционно - демократическое государство — государство Керенского, Чернова, Церетели, Кишкина¹⁰⁴) и пр. братии — государство, которое на буржуазной почве стояло и с нее не сходило и не могло сойти. Я говорил тогда, что государственный капитализм есть шаг к социализму; я писал это в сентябре 1917 года и теперь, в апреле 1918 года, после того, как в октябре пролетариат взял власть. Многие фабрики и заводы конфискованы, предприятия и банки национализированы, сопротивление воинствующей буржуазии и саботажников сломлено. И теперь, после всего этого, пугать нас капитализмом, это — такая смехотворная, настолько архимахровая нелепость и выдумка, что становится удивительно и спрашиваешь себя, как могли люди к такой нелепости притти! Они забыли ту мелочь, что в России мы имеем массу мелкой буржуазии, которая, сочувствуя уничтожению крупной буржуазии всех стран, не сочувствует учету, обобществлению и контролю у себя внутри, и в этом кроется опасность для революции. Мелкая буржуазия всю общественную атмосферу пропитывает мелко-собственническими тенденциями, стремлениями, которые попросту выражаются в том, что я-де у богатых взял, а то других мне дела нет. В этом — серьезная опасность. Если бы мелкие буржуа были подчинены другим классовым элементам, были подчинены государственному капитализму, то всякий сознательный рабочий должен был бы приветствовать это, потому что государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при Советской власти был бы тремя четвертями социализма.

Когда я сказал, что нужно, если правильно понимать свои задачи, учиться социализму у организаторов трестов — левые коммунисты ужасно возмутились. Да, мы не их учить хотим, а сами учиться у них. Мы, большевики, правы. Мы хотим учиться у организаторов трестов, а вот левые коммунисты хотят учить. Но чему же вы хотите их учить? Может быть, социализму? Это купцов-то, делят-то учить социализму? Нет, занимайтесь, если хотите, вы этим делом, но мы вам пособлять не станем, это — дело пустое. Нам их, этих инженеров, дельцов, купцов, учить нечему. Если бы мы имели буржуазную революцию, то нам учиться у них было бы нечему, разве только тому, как ухватить и что можно, и только, а больше нам учиться у них было бы нечему.

Помещиков надо скинуть, буржуазию надо скинуть, и миллионы раз правы перед историей и будут оправданы все действия большевиков, вся их борьба, насилие против помещиков и капиталистов: экспроприация, насильственное подавление их сопротивления. В общем и целом это была величайшая историческая задача, но это был только первый шаг. Теперь мы будем учиться у них, потому что у нас нехва-

тает знаний. Знание социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания организации и распределения продуктов и т. д.—этого у нас нет. Этому старые большевистские руководители не учили нас. Этим партия большевиков в своей истории похвалиться не может. Этому курса мы еще не проходили. И мы говорим: пусть данный человек будет хоть архи-жуликом, но раз он организовал трест, раз это купец, который имел дело с организацией производства и распределения для миллиона и десятков миллионов, раз он обладал опытом — мы должны у него учиться, и, если этому мы у них не научимся, тогда мы социализма не получим, тогда революция останется на той ступени, до которой она дошла. Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет.

Нам нечего братья за смешную задачу учить организаторов треста — их учить нечему. Их нужно экспроприировать. За этим дело не стоит. В этом никакой трудности нет, это мы достаточно показали и доказали. И всякой рабочей делегации, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, декрет мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки, вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано. Лучше всего обстоит дело у тех рабочих, которые принципы государственного капитализма проводят: у кожевников, текстилей, сахарного производства, потому что они с трезвостью пролетария учитывают и знают свое производство и хотят сохранить его, сделать более крупным и развить. Они говорят: я сейчас с такой задачей один еще не слажу, я капиталистов посажу, $\frac{1}{3}$ мест предоставляю им и научусь у них. И, когда я читаю у левых коммунистов иронические слова: еще неизвестно, кто кого использует, то мне становится странной их недалекость... Конечно, если, после взятия власти в октябре и после победного похода против всей буржуазии с октября по апрель, мы можем сомневаться в том, кто кого использует, рабочий — организаторов треста, или деляга и выжига использует рабочих, то, разумеется, нужно складывать пожитки и убираться восвояси, предоставляя место Милоковым и Мартовым. Но это не так. И сознательный рабочий вам не поверит, да и смешна подобная боязнь при существовании дикта-

туры трудящихся. Конечно, трудности организационные велики, но ни тени, ни малейшего основания для отчаяния и уныния не вижу я в том, что русская революция, решив сначала более легкую задачу — сшибить помещика и буржуазию, — стала теперь перед более трудной задачей социалистической — организовать всенародный учет и контроль, той задачей, с которой настоящий социализм начинается и неизбежность которой разделяет и понимает большинство рабочих и сознательных трудящихся. Да, большинство рабочих, организованных лучше, прошедших школу профессиональных союзов, стоит с нами вполне. Те вопросы, что пытаются издевательски отбросить г.г. из «Впереда», — о сдельной плате и о системе Тейлора, — большинство рабочих уже давно поставило в советах профессиональных союзов; раньше еще, чем пришла Советская власть, они поднялись и взялись за работу, чтобы выработать нормы трудовой дисциплины. Эти люди показали, что они знали обстановку фабричного труда, они схватили суть социализма лучше тех, кто швырялся революционными фразами, а на деле сознательно или бессознательно спускался на уровень мелкой буржуазии, которая стояла на точке зрения: «богатого готов сшибить, но себя мне не интересно поставить под учет и контроль»; это мелким собственникам излишне, это им ненужно, а в этом только и лежит залог прочности и победы нашей революции: в самодисциплине и организации.

Товарищи, я не буду касаться дальнейших подробностей, а в двух словах скажу: впору кричать, когда люди договорились до того, что введение трудовой дисциплины будет шагом назад, и я должен сказать, что усматриваю в этом такую неслыханную реакционную вещь, такую угрозу революции, что, если бы я не знал, что это говорит группа без влияния и что на любом собрании сознательных рабочих это опровергнут, то я сказал бы: погибла русская революция. Левые коммунисты пишут: «введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением капитализма, не может увеличить производительности труда, наоборот, оно понизит классовую самостоятельность, активную организованность пролетариата, оно грозит закрепить рабочий класс, возбудить недовольство самых отсталых слоев». Это неправда. Если бы это было так, наша русская революция, в ее социалистических задачах, в ее социалистической сущности, стояла бы у краха. Но это неправда. Деклассированная мелко-буржуазная интеллигенция не понимает того, что для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда. Об этом социалисты писали давно, об этом в далеком прошлом больше всего думали социалисты, на это направляли наибольшую заботливость и анализ, они понимали,

что тут для социалистической революции начинаются действительные трудности. И до сих пор неоднократно бывали революции, которые отбрасывали беспощадно буржуазию, не менее энергично, чем мы. Но мы дошли и до того, что создали Советскую власть; мы этим самым показали, что делаем практический переход от экономического раскрепощения к трудовой самодисциплине, что наша власть, это есть власть, которая должна быть действительно властью труда. Диктатура пролетариата вовсе не в том только, чтобы свергнуть буржуазию или свергнуть помещиков,— это бывало во всех революциях,— наша диктатура пролетариата преследует обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учета и контроля, пролетарской Советской власти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя. Необходимо всех сознательных рабочих и крестьян заставить на это направить все свои главные силы. Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, мы расчистили дорогу, но не построили здания социализма. Ибо на расчищенной от одного буржуазного поколения почве постоянно в истории являются новые поколения, лишь бы почва рожала, а рождает она буржуев сколько угодно. И те, кто смотрит на победу над капиталистами, как смотрят мелкие собственники,—«они урвали, дай-ка и я воспользуюсь»,—ведь каждый из них является источником нового поколения буржуев. Когда нам говорят, что введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов, есть будто бы угроза революции, я говорю: эти люди не поняли как раз социалистического характера нашей революции, они повторяют как раз то, что их легко объединяет с мелкой буржуазией, которая боится дисциплины, организации, учета и контроля, как чорт ладана. У буржуазных специалистов есть знания, каких у нас нет. Сознательный рабочий никогда не побоится такого руководителя, потому что он знает, что Советская власть — его власть, что эта власть будет твердо стоять на его защите, и, принимая руководство капиталистов, он знает, что стремится научиться практике организации.

Мы организовались при царе в пределах тысяч, при Керенском — в сотнях тысяч. Но это ничего, это в политике мелочь,— она не считается. Это была подготовительная работа, это был подготовительный класс. И пока передовые рабочие не научатся организовывать в широком масштабе, до тех пор они не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут. Путь организации — путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной, продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и

ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму.

Припомните, что писали прежние социалисты о будущей социалистической революции. Они учитывали всю трудность того, чтобы можно было перейти к социализму, не учась у организаторов треста, ибо последние занимались этим производством в крупном масштабе и обладают богатым опытом. Нам нужно не учить их социализму, нам нужно их экспроприировать, сломить их саботаж, — эти две задачи мы выполнили. Надо заставить их подчиниться рабочему контролю. И, если наши критики из левых коммунистов упрекали нас в том, что мы в нашей тактике не ведем к коммунизму, а движемся назад, то их упреки смешны: они забывают, что мы отстали с учетом и контролем, потому что очень трудно было сломить сопротивление капиталистов и повести к себе на службу буржуазию, ее технику, ее буржуазных специалистов. А их знания, их опыт и труд нам нужны, без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась, как материальный базис социализма. Если левые коммунисты этого не заметили, то потому, что они действительной жизни не видят, а сочиняют свои лозунги из противопоставления идеальному социализму государственного капитализма. А мы должны сказать рабочим: да, это — шаг назад, но мы должны помочь себе найти средство. Средство одно: организуйтесь до последнего человека, организуйте учет над производством, организуйте учет и контроль над потреблением и сделайте то, чтобы мы не бросили сотен миллионов денег из-под печатного станка и ни одна сторублевка, неправильно попавшая в чьи-либо руки, не миновала назад государственной казны. Этого нельзя сделать никаким порывом революции, никаким добыванием буржуазии. Это можно сделать только самодисциплиной, только организацией рабочего и крестьянского труда, только учетом и контролем. Этого еще у нас нет, и за это мы платили дань более высоким жалованием, чем организаторы-капиталисты платили вам. Этому мы не научились, но должны учиться, это есть путь к социализму, единственный путь обучать рабочих практическому делу управления колоссальными предприятиями, организации крупного производства и распределения.

Товарищи, я очень хорошо знаю, как легко, когда об учете, о контроле, дисциплине и самодисциплине говорит человек, занимающий известное общественное положение, черпать материал для остроумия и говорить: «Когда ваша партия не была у власти, тогда она рабочим сулила молочные реки в кисельных берегах, а когда эти люди оказались у власти, то с вами произошло обычное превращение: вы

начинаете говорить об учете, о дисциплине, о самодисциплине, о контроле и пр.». Я очень хорошо знаю, какой это благодарный материал для публицистов типа Милюкова и Мартова. Я хорошо знаю, какой это богатый материал для людей, которые интересуются построчными эффектами и склонны пользоваться внешне легко уязвимыми местами, чтобы развивать свои теории, которые среди сознательных рабочих встречаются, однако, мало сочувствия...

Тов. Ленин читает несколько цитат из своей книги «Государство и Революция», в которых высказываются те взгляды, какие теперь Советская власть стремится претворить в жизнь. По поводу рецензии на эту книгу тов. Бухарина тов. Ленин говорит ¹³⁶):

— В газ. «левых» «Коммунист» ⁶⁴) я встретил рецензию такого выдающегося публициста, как Бухарин ⁶⁶), на мою книжку, и притом, рецензию сочувственную, но все, что было в ней ценного, потеряло для меня всякую ценность, когда я прочитал рецензию до конца; я увидел, что Бухарин не увидел того, что нужно было увидеть, и это случилось потому, что он писал свою рецензию в апреле, а брал в цитатах то, что для апреля устарело, что является вчерашним,— именно то, что нужно разбить старое государство. Это мы уже сделали, это — задача вчерашнего дня, и надо идти вперед,— смотреть не на прошлое, а на будущее и создавать государство-коммуну. Он писал о том, что уже воплощено в советских организациях, а умолчал о том, что касается учета, контроля, дисциплины. До чего, однако, умоначертание этих людей, их психология совпадает с настроениями мелкой буржуазии: «богатого нужно скинуть, но контроля не надо»!

Это их и отделяет от сознательного пролетария; а то, что отделяет сознательного пролетария от мелкой буржуазии, даже крайне революционных ее элементов, это — лозунг пролетария: организуемся и подтянемся. Тут сознательный пролетарий расходится с мелким буржуа, здесь революция отходит от мелкой буржуазии. Мы показали свою силу в деле подавления помещиков и буржуазии, теперь надо показать свою силу в деле самодисциплины и организации, это должно быть ясно для нас из прошлого тысячелетнего опыта и это надо сказать народу: «Да, только в организации и самодисциплине — сила нашей Советской власти, рабочей диктатуры, нашего пролетарского авторитета». А мелкие буржуа от этой истины прячутся за щит революционной фразеологии.

Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы над пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они — враги ее. И в этом смысле нам с этими собственниками, с этими хозяй-

чиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу. Ибо здесь, в области организации, и начинается для нас социалистическое строительство. И когда я возражаю тем людям, которые указывают, что они-де социалисты, дадут рабочим сколько угодно и чем угодно пользоваться, я говорю, что коммунизм предполагает не теперешнюю производительность труда. Наша производительность слишком низка — это факт. Капитализм нам оставляет в наследство, особенно в отсталой стране, тьму таких привычек, что на все государственное, на все казенное смотрят как на материал для того, чтобы зло его попортить. Эта психология мелко-буржуазной массы чувствуется на каждом шагу. И в этой области борьба очень трудна. Только организованный пролетариат может все выдержать. Я и писал: «До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социализм требует строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства». Это я писал до октябрьского переворота и на этом настаиваю теперь.

В настоящее время пришла пора, когда, подавив буржуазию, сломив саботаж, мы получили возможность заняться этим делом. Пока этого не было, героями дня и героями революции были красногвардейцы, которые делали свое большое историческое дело. Они брали ружье, вопреки согласию имущих классов. Они делали это великое историческое дело. Они взяли ружье для того, чтобы скинуть эксплуататоров и обратить свое ружье в орудие для защиты рабочих, чтобы следить за мерой производства, труда и мерой потребления. Но организации мы пока не имеем, а в ней — гвоздь и основа социализма. Если кому-нибудь кажется такая работа скучной и неинтересной, так это для представителей мелко-буржуазной лени. Повторяю, что за это дело нельзя было взяться, пока Алексеевы, Корниловы, Керенские не были подавлены. Теперь военное сопротивление буржуазии подавлено. Наша задача — всех саботажников разместить на работы под нашим контролем, под контролем Советской власти, создать органы управления, чтобы учет и контроль были строго налажены. Страна гибнет оттого, что после войны в ней нет элементарных условий для нормального существования. Наши враги, идущие на нас, страшны нам только потому, что мы не следили с учетом и контролем. Когда слышишь сотни тысяч жалоб на голод, когда видишь и знаешь, что эти жалобы правильны, что у нас есть хлеб, но мы не можем его подвезти, и в то же время встречаешь насмешки и возражения со стороны левых коммунистов на такие меры, как, например, железнодорожный декрет, то хочется их спросить: «Дайте ваш проект декрета, ведь, вы — граждане Советской республики, члены советских учреждений, вы не критики из подворотни, как буржуи, купчики и

саботажники, которые критикуют, чтобы излить свою злобу. Вы, я повторяю, руководители советских организаций, попробуйте дать ваш проект декрета». Но они дать его не смогут и никогда не дадут, потому что наш железнодорожный декрет правильный, потому что, введя диктатуру, он встречает сочувствие всех масс сознательных тружеников железнодорожного дела, а встречает оппозицию тех управленцев, кто хапает и взятки берет, потому что с колебанием к нему относятся все те, кто колеблется между Советской властью и ее врагами,—а пролетариат, который учился дисциплине у крупного производства, знает, что социализм не может быть, пока более крупное производство не будет организовано и пока не будет еще более строгой дисциплины. Этот пролетариат за нас в железнодорожном движении; он пойдет на бой со стихией мелких собственников и покажет, что русская революция, умеющая одерживать блестящие победы, сумеет также победить свою собственную неорганизованность. И из лозунгов первого мая, с точки зрения задач момента, первым лозунгом должен был бы быть: мы победили капитал, мы победим и свою собственную неорганизованность, и только тогда мы придем к полной победе социализма!

*«Протоколы заседаний ВЦИК
4-го созыва». Госиздат. 1920 г.*

Заключительное слово по докладу об очередных задачах.

(Заседание 29 апреля 1918 г.)

Мне прежде всего приходится сказать по поводу речи тов. Бухарина ⁶⁶⁾: я отметил уже в первой речи, что мы на девять десятых с ним согласны, и потому я думаю, что печален факт, что на одну десятую мы с ним расходимся; он на одну десятую находится в таком положении, что ему приходится в половине своей речи отгораживаться и открепиваться решительно от всех, кто выступал против него. И как бы ни были превосходны намерения его и группы, а фальшь их положения тем и доказывается, что ему приходится всегда тратить время на оправдания и на то, чтобы отгораживаться насчет государственного капитализма.

Товарищ Бухарин неправ совершенно; я и скажу в печати об этом, потому что вопрос этот чрезвычайно важен. Сейчас скажу в двух словах о том, что левые коммунисты упрекали нас в том, что у нас замечается уклон в сторону государственного капитализма; теперь же неправильно тов. Бухарин говорит, что при Советской власти

не может быть государственного капитализма. Таким образом, он сам себе противоречит, когда говорит, что при Советской власти государственного капитализма быть не может,—это явная нелепость. Целый ряд предприятий и заводов, находящихся под контролем Советской власти и принадлежащих государству, это одно уже показывает переход от капитализма к социализму, и тов. Бухарин не хочет конкретно остановиться на этом, а вспоминает о том, как мы в левом Циммервальде ¹²⁷⁾ сидели и писали против него, но это было время царя Гороха, и вспоминать это теперь, полгода спустя после основания Советской власти, и после опытов, что мы сделали, после того, как экспроприировали, конфисковали и национализировали, после этого вспоминать, что мы писали в 1915 г.,—это смешно... Теперь мы не можем ставить вопроса о государственном капитализме и социализме, о том, как вести себя в переходной эпохе,—тут у Советской власти кусочек капитализма и социализма существует рядом. Этого вопроса тов. Бухарин не хочет понять,—и мне думается, что мы не можем выкинуть его сразу, и тов. Бухарин не предлагает выкинуть и не отрицает, что этот государственный капитализм выше того остатка мелко-собственнических настроений и экономических условий жизни и быта, которые очень велики, и чего не опроверг тов. Бухарин,—да этого нельзя опровергнуть, не забыв слова: марксист.

И стоять на точке зрения Ге ¹²⁸⁾ смешно, что пролетариат зачумлен в Европе, что в Германии пролетариат испорчен. Эта точка зрения национальной дикости, такой тупости, что уже и не знаю, куда идти дальше. Пролетариат в России несколько не больше зачумлен, чем в Европе, а трудней там начало революции потому, что там нет во главе власти ни идиотов, вроде Романова, ни хвастунов, вроде Керенского, а есть серьезные руководители капитализма, чего в России не было.

Я перейду, наконец, к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и на мою речь. Попало здесь особенно лозунгу: «грабь награбленное»,—лозунгу, который, как я к нему ни присматриваюсь, не могу признать неправильным, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то—почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов?

И я думаю, что история нас полностью оправдает, а еще раньше истории становятся на нашу сторону трудящиеся массы; но если лозунг «грабь награбленное» проявил себя без всяких ограничений в деятельности Советов, и если окажется, что в таком практическом и коренном вопросе, как голод и безработица, мы натываемся на величайшие трудности, то тут своевременно сказать, что после слов

«грабь награбленное» начинается расхождение. Пролетарская революция говорит: награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...

И вот, когда против этого начинают вопить, крича о диктатуре, начинают вопить о Наполеоне III, о Юлии Цезаре, говорят, что это несерьезность рабочего класса, когда обвиняют Троцкого, тут есть та каша в головах, то политическое настроение, которое выявляется именно мелко-буржуазной стихией, которая не протестовала против лозунга «грабь награбленное», а против лозунга: считай и распределий правильно. Голода не будет в России, если мы посчитаем хлеб, проверим наличность всех продуктов и за нарушение установленного порядка будет следовать самая жестокая кара. Вот где расхождение. Это зависит от того положения вещей, что за социалистическую революцию всерьез идет только пролетариат, а что мелкая буржуазия идет к ней колеблясь, что всегда видели, что всегда учитывали, и в этом колебании они против нас. Это нас не заставит колебаться, и мы будем продолжать идти своей дорогой в уверенности, что половина пролетариата пойдет за нас, потому что они прекрасно знают, как фабриканты награбленное грабили только для того, чтобы беднота им не пользовалась.

Все это — словесные кунштюки: диктатура, Наполеон III, Юлий Цезарь и т. д. Здесь можно на этот счет пускать песок в глаза, но на местах, на каждой фабрике, в каждой фабрике превосходно знают, что мы в этом отстали, никто оспаривать этого лозунга не будет, каждый знает, что он означает. И что мы направим все наши силы на организацию подсчета, контроля и правильного распределения, в этом также не может быть сомнений.

Бухарин нам говорил: «Я отмежевываюсь от тех, кто меня целует», а их так много, что тов. Бухарину не развязаться. Нам не говорят, что предлагают, потому что не знают, что предложить. А вы знаете, что предложить? Я вам делал упреки и в печати и в речах. В вопросе о железнодорожном декрете мы имели удовольствие вспомнить 4 апреля, что в вашем журнале ⁶⁴⁾ имеется ссылка, и я говорил, если вы не совсем довольны этим декретом, так дайте нам новый декрет. Но об этом ни звука в номере первом, и во втором номере, корректуру которого мне любезно предоставили на просмотр, — ни звука, и в речи тов. Бухарина тоже ни звука, а совпадение полнейшее. И тов. Бухарин и тов. Мартов садятся на конька, — железнодорожный декрет, — и треплют этого конька. Говорят о диктатуре Наполеона III, Юлии Цезаре и т. д., давая материал для ста номеров, которых не будут

читать. Вот это поближе немножко. Это касается рабочих и железных дорог. А без железных дорог не только социализма не будет, а просто околеют все с голоду, как собаки, в то время как хлеб лежит рядом. Все это отлично знают. Почему не дали ответа? Вы глаза закрываете. Вы бросаете песок в глаза рабочих — новожизненцы⁵⁵⁾ и меньшевики сознательно, тов. Бухарин по ошибке, — вы заслоняете от рабочих главный вопрос, когда говорите о строительстве. Что можно строить без железных дорог? И когда я вижу купца, который говорит мне при каких-нибудь встречах или приеме делегации, что на такой-то железной дороге замечается улучшение, то мне такая похвала в миллион раз ценнее, чем 20 резолюций коммунистов и каких угодно других и чем их речи.

И когда деловые люди — инженеры, купцы и т. д. — говорят, что если эта власть хоть немножко, хоть сколько-нибудь сладит с железными дорогами, то мы признаем, что это власть. И эта оценка власти всего важнее. Ибо железные дороги — это гвоздь, это одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм. Чтобы соединить это для планомерной деятельности в интересах всего населения, нужны железные дороги.

Все эти фразы о диктатуре и т. д., в которых все эти Мартовы и Карелины⁶⁾ сходились, которые два раза пережевываются кадетской печатью, все они ни к чему.

Я вам назвал в пример те рабочие организации, которые это делают, и государственный социализм других предприятий, других отраслей промышленности; у табачников, кожевников больше государственного капитализма, чем у других, и больше порядка, и у них более обеспечен путь к социализму. И этого скрыть нельзя, нельзя пускать также такие нелепые фразы, как это делает Ге, насчет того, что винтовкой он заставит каждого. Ведь это полная нелепость и непонимание того, к чему винтовка служит. После этого можно подумать, что винтовка — плохая вещь, если не плохая вещь голова анархиста Ге. Винтовка очень хорошая вещь, когда нужно было капиталиста, ведущего против нас войну, расстреливать, когда нужно было поймать на воровстве воров и расстреливать. Но когда тов. Бухарин говорил, что есть люди, которые получают 4.000, что их надо поставить к стене и расстреливать. Да где они, их надо найти. Ведь у нас не очень много мест, где получают они по 4.000. Их тянут здесь и там, — специалистов у нас нет, вот в чем гвоздь дела, вот почему нужно привлечь 1.000 людей, первоклассных специалистов в своих отраслях, которые ценят свое дело, которые любят крупное произ-

водство, потому что они знают, что тут повышение техники. И когда здесь говорят, что социализм можно взять без выучки у буржуазии, так я знаю, что это психология обывателя центральной Африки. Мы не представляем себе другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой. Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза. Но сразу нельзя выместить буржуазную обстановку и буржуазные привычки, им нужна та организация, на которой стоит вся современная наука и техника. Для этого дела поминать винтовки есть величайшая глупость. От всенародной организованности зависит, чтобы все население платило подходящий налог, чтобы была введена трудовая повинность, чтобы каждый был зарегистрирован; пока он не зарегистрирован, надо, чтобы ему мы платили. Когда Бухарин говорил, что не видит принципа, то это сюда не относится. Маркс предполагал выкуп буржуазии, как класса. Он в Англии писал, когда у Англии не было империализма, когда был возможен мирный переход к социализму, — это совсем не является ссылкой на прежний социализм... Речь идет сейчас не о буржуазии, а о привлечении специалистов. Я назвал пример, можно привести тысячи. Тут просто привлечение людей, которых можно привлечь либо покупкой за высокую плату, либо идейной организацией, ибо вы тут же вычеркнете, что вся плата платится им. Мы знаем из примера, который я привел, — ведь до сих пор вы критиковали лишь молча и ведь левые эс-эры великолепно знают, что жалованье платится высокое, знают это левые коммунисты и новожизненцы.

И тут они не критикуют. Вот какая у них истинная критика Советской власти! Когда они наблюдали, что их инженерам начинают платить по полторы тысячи, они об этом — молчок. Гораздо полезнее таким инженерам платить. И тут нет ни Юлия Цезаря, ни диктатуры. Это как раз политическое воспитание народных масс. А если я говорю, что мы начинаем платить по полторы-две тысячи в месяц, это — шаг назад. И тогда на сцену выступают и Юлий Цезарь, и Наполеон III, и Брест-Литовский мир — все что угодно; а о ваших специалистах, о ваших инженерах ни звука, молчок. И когда говорят, и когда Бухарин говорит, что это не есть нарушение принципа, я говорю, что здесь есть нарушение принципа Парижской Коммуны. Государственный капитализм состоит не в деньгах, а в общественных отношениях.

Тов. Бухарин говорил, что я нападаю на мелко-буржуазную стихию.

Я не нападал на трудовое крестьянство, говоря о мелко-буржуазной стихии. Оставим трудовое крестьянство — не о нем речь.

Но среди крестьянства есть трудовое крестьянство и крестьянство мелко-буржуазное, которое живет как мелкий собственник на чужой счет, трудовое же крестьянство эксплуатируется другими, но оно хочет жить на свой собственный счет. Поэтому, если стали обрушиваться на трудовое крестьянство, то тов. Карелин неправ. Беднота крестьянская, которая ничего не выигрывает от грабежей награбленного, она на нашей стороне. Там наши лозунги пройдут. Мы превосходно знаем и наблюдаем, как в деревнях понимают лозунг—грабь награбленное. Если туда пойдут с агитацией о диктатуре и с фразами о Брестском мире и т. д., то люди, возражающие против нас, останутся одинокими и поддержки не получают. Пролетариат, масса крестьянства, разоренного и безнадёжного в смысле хозяйства индивидуального, будет на нашей стороне, потому что прекрасно понимает, что простым грабежом Россию удержать нельзя. Нам всем это хорошо известно, и каждый у себя на месте видит это и чувствует это.

Здесь мы идем с экономической потребностью и настроением трудящихся масс. И поэтому, когда деклассированная интеллигенция левых коммунистов разражается своими громами против нас, то мы должны быть уверенными, что, как бы они нас ни ругали, этот лозунг социалистической революции—единственно правильный лозунг, который трудящимся массам нужно понять и использовать для того, чтобы мы социалистическую революцию укрепили и завершили. От этого вопроса не отвертись на любом рабочем собрании; вас будут преследовать этим декретом, этим вопросом, мы не претендуем на непогрешимость, у нас много декретов плохих. Исправьте: у вас есть различные журналы и группы литераторов,—скажите, что в железнодорожном декрете есть плохого; мы предлагали это сделать на совещании 4 апреля, а сегодня уже 29 апреля,—прошло 25 дней, а целая группа великолепных литераторов молчит, потому что они сказать ничего не могут.

Вы знаете, что наш железнодорожный декрет ухватил, при всех его ошибках, которые мы готовы исправить, ухватил самую сущность того, что нужно; он опирается на ту массу рабочих, которая верна самой строгой дисциплине, которую нужно объединить единоличной властью, которую Советы назначают и которую Советы смещают, и требуют во время работы, во время труда беспрекословного исполнения в процессе, когда нужно, чтобы крупное производство работало, как машина, и чтобы в это время тысячи людей руководились одной только волей, подчинялись бы приказу одного советского руководителя... И по этому поводу вспоминать Наполеона и Юлия Цезаря это значит—либо сойти с ума, либо окончательно потеряться

в строчках литературы цензовой, которая и состоит в том, что ругают большевиков. Железнодорожный декрет, товарищи, это шаг, который показывает, что мы стали на правильный путь, что мы вышли на дорогу. И в своей речи я сообщал вам, почему мы на эту дорогу стали; мы не рассуждали в Совете Народных Комиссаров о Наполеоне великом и Юлии Цезаре, а сотни раз рассуждали о том, как железную дорогу поправить, и мы знаем отзывы с мест, и мы знаем из массы бесед с железнодорожными организациями, что пролетарский элемент за нас, что он ищет дисциплины и ожидает порядка, он видит, как голодают люди в центре России, а хлеб есть, но вследствие беспорядочности провоза его доставить трудно.

Но если есть колеблющиеся люди, сбитые с толку, с мелко-буржуазным настроением, которых испугала единоличная власть, которые впадают в истерику и не идут с нами, то почему? Потому ли, что есть правое крыло, потому ли, что впали в истерику, особенно левые эс-эры, тут полная каша, которую никто не разберет,— и чтобы не вести бесполезных споров, мы говорим: берите коренной вопрос и конкретно к нему подходите.

Когда здесь говорят о примирении с буржуазией, как говорят Карелин и Мартов, то это пустяки. Я напоминаю вам из авторитетной брошюры Каутского, как он представлял себе жизнь на другой день после социальной революции. Скажу приблизительно, что он писал: организаторам треста не придется сидеть без дела. Это писал человек, понимающий, что организовать десятки миллионов людей для производства и распределения продуктов — это штучка! Мы этому не учились и учиться негде, а организаторы треста знают, что без этого социализма не будет. И нам нужно знать. И поэтому все фразы о примирении и соглашении с буржуазией — пустая болтовня. Вы не сможете опровергнуть положения Каутского, что крупное производство нужно знать из опыта.

«Протоколы заседаний

ВЦИК 4-го созыва».

Госиздат. Москва. 1920 г.

**О „ЛЕВОМ“ РЕБЯЧЕСТВЕ
И О МЕЛКО-БУРЖУАЗНОСТИ**
(Написано 5 мая 1918 г.)

О „левом“ ребячестве и о мелко-буржуазности¹²⁹).

Выпуск маленькой группой «левых коммунистов» своего журнала «Коммунист» ⁶⁴⁾ (№ 1, 20/IV, 1918) и своих «тезисов» ¹²³⁾ дает превосходное подтверждение сказанному мною в брошюре «об очередных задачах Советской власти». Более наглядного подтверждения — в политической литературе — всей наивности той защиты мелко-буржуазной распушенности, которая иногда прячется под «левыми» лозунгами, нельзя было бы и желать. На рассуждениях «левых коммунистов» полезно и необходимо остановиться, ибо они характерны для переживаемого момента; они выясняют необыкновенно отчетливо, с отрицательной стороны, — «гвоздь» этого момента; они поучительны, ибо перед нами лучшие из непонявших момента люди, которые и по знаниям и по преданности стоят много, много выше дюжины представителей одинаковой ошибки, именно, левых с.-р.

I.

Как политическая — или претендующая на политическую роль — величина, группа «левых коммунистов» дала нам свои «тезисы о текущем моменте». Это — хороший марксистский обычай, давать связанное и цельное изложение основ своих взглядов и своей тактики. И этот хороший марксистский обычай помог разоблачить ошибку наших «левых», ибо одна уже попытка аргументировать — а не декламировать — вскрывает несостоятельность аргументации.

Прежде всего бросается в глаза обилие кивков, намеков, уверток по поводу старого вопроса о том, правильно ли было заключение Брестского мира. Прямо поставить этот вопрос «левые» не решились, и барахтаются комично, громоздя один довод на другой, вылавливая соображения, разыскивая всяческие «с одной стороны» и «с другой стороны», растекаются мыслью по всем предметам, и многим прочим, стараясь не видеть, как они побивают сами себя. Цифру 12 голосов

на съезде партии против мира, при 28 за мир, «левые» заботливо приводят, а о том, что из многих сотен голосов на большевистской фракции съезда Советов они собрали менее одной десятой, скромно умалчивают. Создают «теорию», что мир проводили «усталые и деклассированные», против мира «были рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга»... Как не посмеяться над этим? О голосовании Всеукраинского съезда Советов за мир — ни звука, о социальном и классовом характере типично мелко-буржуазного и деклассированного политического конгломерата в России, бывшего против мира (партии левых с.р.), — ни словечка. Чисто ребяческая манера забавными объяснениями «под научность» прикрывать свой крах, прикрывать факты, простая сводка которых показала бы, что именно деклассированные, интеллигентские партийные «вершки» и верхушки оспаривали мир лозунгами революционной мелко-буржуазной фразы, именно *массы* рабочих и эксплуатируемых крестьян провели мир.

Через все указанные заявления и увертки «левых», по вопросу о войне и мире, простая и ясная правда пробивает себе все же дорогу. «Заключение мира, — вынуждены признать авторы тезисов, — ослабило пока что стремление империалистов к международной сделке» (это изложено не точно у «левых», но останавливаться на неточностях здесь не место). «Заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами».

Вот это — факт. Вот это имеет *решающее* значение. Вот почему противники заключения мира были объективно игрушкой в руках империалистов, были в их западне. Ибо пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, *не* принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою *еще более* ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах. Этой простой истины не поняли в январе, феврале и марте наши «левые», они боятся признать ее открыто, и теперь она пробивает себе дорогу сквозь все их сбивчивые: «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться».

«В течение ближайшей весны и лета — пишут «левые» в своих тезисах — должно начаться крушение империалистской системы, которое, в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны, может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах».

Формулировка здесь еще более ребячески-неточная, несмотря на всю игру в научность. Детям свойственно «понимать» науку так, будто она может определить, в каком году, весной и летом, или осенью и зимой «должно» «начаться крушение».

Это смешные потуги узнать то, чего узнать нельзя. Ни один серьезный политик никогда не скажет, *когда* «должно начаться» то или иное крушение «системы» (тем более, что крушение *системы* уже началось, а речь идет о моменте взрыва в *отдельных* странах). Но через детскую беспомощность формулировки пробивает себе дорогу бесспорная истина: взрывы революции в других, более передовых странах *ближе* к нам теперь, месяц спустя после открывшейся с момента мира «передышки», чем они были месяц, полтора тому назад.

Значит?

Значит, были вполне правы и оправданы уже историей сторонники мира, втолковывавшие любителям эффектного, что надо уметь рассчитывать соотношение сил и *не помогать* империалистам, облегчая им бой с социализмом, когда социализм еще слаб и когда шансы боя для социализма заведомо *не* выгодны.

Но о соотношении сил, об учете соотношения сил наши «левые» коммунисты, — которые любят также называть себя «пролетарскими» коммунистами, ибо у них особенно мало пролетарского и особенно много мелко-буржуазного, — не умеют думать. В этом гвоздь марксизма и марксистской тактики, а они проходят мимо «гвоздя» с «горделивыми» фразами, вроде следующей:

«... Закрепление в массах бездеятельной «психологии мира» есть объективный факт политического момента...».

Ведь это же прямо перл! После трехлетней мучительнейшей и реакционнейшей из войн, народ получил, благодаря Советской власти и ее правильной, не сбивающейся на фразерство, тактике, маленькую-маленькую, совсем маленькую, непрочную и далеко не полную передышку, а «левые» интеллигентки с великолепием влюбленного в себя Нарцисса, глубокомысленно изрекают: «закрепление (!!!) в массах (???) бездеятельной (!!!??) психологии мира». Разве не прав я был, когда сказал на партийном съезде, что газете или журналу «левых» следовало бы называться не «Коммунист», а «Шляхтич»?

Разве может коммунист, сколько-нибудь понимающий условия жизни и психологию трудящихся, эксплуатируемых масс, скатываться до этой точки зрения типичного интеллигента, мелкого буржуа, деклассированного, с настроением барича или шляхтича, которая «психологию мира» объявляет «бездеятельной», а маханье картонным мечом считает «деятельностью»? Ибо это именно есть маханье картонным

мечом, когда наши »левые« обходят общеизвестный и еще раз доказанный войной на Украине факт, что измученные трехлетней бойней народы воевать без передышки не могут, что война, если ее нет сил организовать в национальном масштабе, порождает сплошь да рядом психологию мелко-собственнического развала, а не пролетарской железной дисциплины. Мы видим из журнала «Коммунист» на каждом шагу, что наши «левые» понятия не имеют о пролетарской железной дисциплине и ее подготовке, что они насквозь пропитаны психологией деклассированного мелко-буржуазного интеллигента.

II.

Но, может быть, фразы «левых» о войне просто ребяческий задор, обращенный притом к прошлому и потому ни тени политического значения не имеющий? Так защищают некоторые наших «левых». Но это не верно. Если претендовать на политическое руководство, надо уметь *продумать* политические задачи, а отсутствие этого превращает «левых» в бесхарактернейших проповедников шатания, имеющего объективно только одно значение: своими шатаниями «левые» *помогают* империалистам провоцировать Российскую Советскую Республику на заведомо невыгодный для нас бой, *помогают* империалистам затащить нас в западню. Слушайте:

«... Российская рабочая революция не может «сберечь себя», сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая перед натиском международного капитала, делая «уступки» «отечественному капиталу». С этой точки зрения **необходимы**: решительная классовая международная политика, соединяющая международную революционную пропаганду словом и делом, и укрепление органической связи с международным социализмом, а не международной буржуазией...».

Об имеющихся здесь выпадах в область внутренней политики будет речь особо. Но посмотрите на этот разгул фразы — вместе с робостью на деле — в области политики внешней. Какая тактика *обязательна* для всякого, кто не хочет быть орудием империалистской провокации и лезть в западню, в *данный* момент? На этот вопрос всякий политик должен дать ясный, прямой ответ. Ответ нашей партии известен: в *данный* момент *отступить*, избегать боя. Наши «левые» не решаются сказать обратного и стреляют в воздух: «Решительная классовая международная политика»!!

Это — обман масс. Хотите воевать сейчас, так говорите это прямо. Не хотите *отступить* сейчас, так говорите прямо. Иначе вы — орудие

империалистской провокации, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология» есть психология взбесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает, но прекрасно чувствует, что пролетарий *прав*, отступая и стараясь отступить организованно;— пролетарий прав, рассчитывая, что, пока сил еще нет, надо отступать (перед западным и восточным империализмом) хотя бы до Урала, ибо это *единственный* шанс выигрыша для периода назревания революции на Западе, революции, которая не «должна» (вопреки болтовне «левых») начаться «весной или летом», но которая *с каждым месяцем* становится все ближе и вероятнее.

«Своей» политики у «левых» нет; объявить отступление *сейчас* ненужным они *не смеют*. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя, на место вопроса об избегании боя *в данный момент*. Они пускают мыльные пузыри: «Международная революционная пропаганда делом»!! Что это значит?

Это может значить только одно из двух: либо это ноздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спасаться от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозвучающих и пустейших фраз: авось, дескать, невнимательный читатель не заметит, что это собственно такое значит: «Международная революционная пропаганда делом».

Швыряться звонкими фразами—свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать, наверное, не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста. Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо: возможно и даже вероятно, что военная партия возьмет еще раз верх в Германии (в смысле перехода тотчас в наступление на нас) и что Германия вместе с Японией, по формальному или молчаливому соглашению, будут делить и душить нас. Наша тактика, если мы не хотим слушать крикунов: выжидать, оттягивать, избегать боя, отступать. Если мы отбросим прочь крикунов и «подтянемся», создав действительно железную, действительно пролетарскую, действительно коммунистическую дисциплину, то мы имеем серьезные шансы выиграть много месяцев. И тогда, отступая даже (на худой из худых концов) до Урала, мы *облегчаем* нашему союзнику (международному пролетариату) возможность притти к нам на помощь, возможность «покрыть» (выражаясь спортивным языком) расстояние, отделяющее начало революционных взрывов от революции.

Такая и только такая тактика на деле укрепляет связь одного, оказавшегося на время изолированным, отряда международного

социализма с прочими отрядами, а у вас, любезные «левые коммунисты», получается, по правде сказать, только «укрепление органической связи» одной звонкой фразы с другой звонкой фразой. Плохая это «органическая связь»!

И я вам объясню, любезные, почему это несчастье с вами случилось: потому, что вы лозунги революции более заучиваете и запоминаете, чем продумываете. От этого вы слова «оборона социалистического отечества» ставите в кавычки, которые, вероятно, должны означать ваше покушение на иронию, но которые, на деле, показывают именно кашу в голове. Вы привыкли считать «оборончество» вещью гнусной и гадкой, вы запомнили и заучили это, вы твердили это наизусть до того усердно, что некоторые из вас договаривались до нелепости, будто защита отечества в империалистскую *эпоху* есть вещь недопустимая (на деле она недопустима лишь в империалистской, реакционной войне, ведомой буржуазией). Но вы не продумали, почему и когда гнушно «оборончество».

Признавать защиту отечества, это значит признавать законность и справедливость войны. Законность и справедливость с какой точки зрения? Только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем. Если войну ведет класс эксплуататоров в целях укрепления своего господства, как класса, это — преступная война, и «оборончество» в *такой* войне есть гнусность и предательство социализма. Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна».

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 г. Я говорил это не раз с полной определенностью, и оспорить этого вы не решаетесь. Именно в интересах «укрепления связи» с международным социализмом *обязательно* оборонять *социалистическое* отечество. Разрушает связь с международным социализмом тот, кто стал бы относиться легкомысленно к обороне страны, в которой победил уже пролетариат. Когда мы были представителями угнетенного класса, мы не относились легкомысленно к защите отечества в империалистской войне, мы принципиально отрицали такую защиту. Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего организовывать социализм, мы требуем от всех *серьезного* отношения к обороне страны. Серьезно относиться к обороне страны, это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является *отступление вглубь страны* (тот, кто увидал бы в этом, на данный только случай, притянутую формулу, может прочесть у старика Клаузевица¹³⁰), одного из великих воен-

ных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у «левых коммунистов» нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса в соотношении сил.

Когда мы были принципиально врагами оборончества, мы имели право высмеивать тех, кто хотел «сберечь» своё отечество в интересах будто бы социализма. Когда мы получили право быть пролетарскими оборонцами — вся постановка вопроса в корне меняется. Нашим долгом становится осторожнейший учет сил, тщательнейшее взвешивание того, успеет ли подойти наш союзник (международный пролетариат). Интерес капитала — разбить врага (революционный пролетариат) по частям, пока еще не соединились (на деле, т.-е. начав революцию) рабочие всех стран. Интерес наш — сделать все возможное, использовать даже малейший шанс, чтобы оттянуть решительный бой до момента (или «до после» момента) такого объединения революционных отрядов одной великой международной армии.

Вопрос

III.

Переходим к заключениям наших «левых» коммунистов в области внутренней политики. Трудно без улыбки читать такие фразы в тезисах о *текущем* моменте:

«... Планомерное использование уцелевших средств производства мыслимо только при самом решительном обобществлении»... «не капитуляция перед буржуазией и ее мелко-буржуазными интеллигентскими приспешниками, а добивание буржуазии и окончательная ломка саботажа...».

Милые «левые коммунисты», как много у них решительности... и как мало размышления! Что это значит: «самое решительное обобществление»?

Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода *от* национализации и конфискации к обобществлению. В том-то и беда наших «левых», что они этим наивным ребяческим сочетанием слов: «самое решительное... обобществление» обнаруживают полное непонимание ими гвоздя вопроса, гвоздя «текущего» момента. В том-то и злоключение «левых», что они не заметили самой сути «текущего момента», перехода от конфискаций (при проведении коих главным качеством политики является решительность) к обобществлению (для проведения коего требуется от революционера *иное* качество).

Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать бур-

жуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого уменья нельзя*.

Нашей исторической заслугой было то, что мы были вчера (и будем завтра) решительны в конфискациях, в добывании буржуазии, в ломке саботажа. Сегодня писать об этом в «тезисах текущего момента» значит повернуться лицом к прошлому и не понять перехода к будущему.

«Окончательная ломка саботажа». Нашли задачу! Да саботажники у нас совершенно достаточно «сломаны». Не хватает нам совсем, совсем иного: *подсчета* того, куда и каких саботажников поставить должно, организации *своих* сил для надзора, скажем, одного большевистского руководителя или контролера за сотней идущих к нам на службу саботажников. При таком положении дел швыряться фразами «самое решительное обобществление», «добывание», «окончательная ломка» значит попадать пальцем в небо. Мелко-буржуазному революционеру свойственно не замечать, что для социализма недостаточно добывания, ломки и пр.,— этого достаточно для мелкого собственника, взбесившегося против крупного,— но пролетарский революционер никогда не впал бы в такую ошибку.

Если слова, приведенные нами, вызывают улыбку, то прямо уже гомерический смех вызывает открытие, сделанное «левыми коммунистами», будто Советской Республике, при «право-большевистском уклоне», грозит «эволюция в сторону государственного капитализма». Вот уже подлинно, можно сказать, напугали! И с каким усердием повторяют «левые коммунисты» и в тезисах, и в статьях это грозное открытие...

А того не подумали, что государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской Республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется «левый коммунист» от этих слов, и какую «убийственную критику» направит он перед рабочими против «право-большевистского уклона». Как? В Советской *Социалистической* Республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед? Это ли не измена социализму?

Именно здесь лежит корень *экономической* ошибки «левых коммунистов». Именно на этом пункте надо поэтому подробнее остановиться.

Во-первых, «левые коммунисты» не поняли, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться Социалистической Республикой Советов.

Во-вторых, они обнаруживают свою мелко-буржуазность именно тем, что *не видит* мелко-буржуазной стихии, как *главного* врага социализма у нас.

В-третьих, выдвигая пугало «государственного капитализма», они обнаруживают непонимание советского государства, в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

- 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян их тех, кто продает хлеб);
- 3) частно-хозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелко-буржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас

то здесь, то там *спекулянты*, и главным предметом спекуляции является *хлеб*.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий вроде «государственный капитализм»? Между 4 и 5 ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это — совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень экономической ошибки «левых коммунистов». Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярым и самым искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами декламации, то теперь чисто-фразерское отношение к вопросу у каких-нибудь левых с.-р. возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелко-собственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частно-хозяйственный капитализм, который в *каждом* мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелко-буржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция *вместо государственной монополии* врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелко-буржуазными предрассудками. Именно таковы наши «левые коммунисты», которые на словах (и в своем искреннейшем убеждении, конечно) беспощадные враги мелкой буржуазии, а на деле ей только и помогают, ей только и служат, ее только точку зрения и выражают, воюя — *в апреле 1918 года!!* — против... «государственного капитализма»! Попали пальцем в небо!

Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных «правдами» и особенно неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный, как основа спекуляции и частно-хозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких

собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря, «отсиживаясь» от пролетарской бурж. Либо мы подчиним *своему* контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т.-е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки ¹¹¹), именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Одни левые с. р. за фразерством о «трудовом» крестьянстве не видят этой простой и ясной правды, но кто же берет всерьез потопивших в фразерстве левых с.-р.?

Мелкий буржуа, хранящий тысячепк, — враг государственного капитализма, и эти тысячки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тысячек дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство. Допустим, что известное число рабочих дает в несколько дней сумму ценностей, выражаемую цифрой 1.000. Допустим, далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и мелко-собственнического «обхода» советских декретов и советских распоряжений. Всякий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи, ценою создания большего порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьшить потом эту «дань», скажем, до ста или до пятидесяти, будет совсем легкой задачей, раз порядок и организации будут налажены, раз мелко-собственнический срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломен.

Этим простым цифровым примером, — который умышленно упрощен до последней степени для популярного изложения, — поясняется соотношение теперешнего положения государственного капитализма и социализма. У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность «взять» всю тысячу, т.-е. ни копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма. Но многими путями мелко-собственническая и частно-капиталистическая стихии подрывают юридическое положение, протаскивают спекуляцию, срывают выполнение советских декретов. Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, *даже если бы* (и я нарочно взял такой цифровой пример, чтобы резко показать это) мы заплатили *больше*, чем теперь, ибо заплатить «за науку» стоит ибо это полезно для рабочих, ибо победа над бесдо-

рядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелко-собственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) *безусловно*, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму. Рабочий класс, научившийся тому, как отстоять государственный порядок против мелко-собственнической анархичности, научившийся тому, как палатить крупную, общегосударственную организацию производства, на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда, — извините за выражение, — все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено.

Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это во-первых.

А, во-вторых, в нем нет для Советской власти ничего страшного, ибо советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты. «Левые коммунисты» не поняли этих бесспорных истин, которых, конечно, не понять никогда «левому с.-р.», не умеющему связать в голове вообще никаких мыслей по политической экономии, по которые *вынужден* будет признать всякий марксист. С левым с.-р. не стоит и спорить, на него достаточно показать пальцем, как на «отталкивающий пример» пустомели, но с «левым коммунистом» спорить *надо*, ибо тут ошибку делают марксисты, и разбор их ошибки поможет *рабочему классу* найти верный путь.

IV.

Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерски-буржуазному империализму*. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место *государства* военного, юнкерского, буржуазного, империалистского, *тоже государство*, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство *советское*, т.-е. пролетарское, и вы получите *всю ту сумму* условий, которая дает социализм.

Социализм немислим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и

с людьми, которые *даже* этого не поняли (анархисты и добрая половина левых с.-р.), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немислим, вместе с тем, без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. История (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что *родила* к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий *всякого...* цыпленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями, — конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — учиться государственному капитализму у немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых с.-р. (я нечаянно вспомнил речи Карелина ⁶⁾ и Ге ¹²⁸⁾ в ЦИК), которые способны по-нарциссовски рассуждать, что-де не пристало нам, революционерам, «учиться» у немецкого империализма, то надо сказать одно: погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая всерьез таких людей.

В России преобладает сейчас как раз мелко-буржуазный капитализм, от которого *и* к государственному крупному капитализму *и* к социализму ведет *одна и та же дорога*, ведет путь *через одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов». Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением «капитализма» «социализму» и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас. В скобках будь сказано, это та же самая

теоретическая ошибка, которая сбивала с толку лучших из людей лагеря «Новой Жизни»⁵⁵⁾ и «Вперед»¹¹²⁾: худшие и средние из них по тупости и бесхарактерности плетутся в хвосте буржуазии, запуганные ею; лучшие — не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, при чем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя идти вперед, не проходя через то, *что обще* и государственному капитализму и социализму (всенародный учет и контроль), пугать других и самих себя «эволюцией *в сторону* государственного капитализма» («Коммунист» № 1, стр. 8, столб. 1), есть сплошная теоретическая нелепость. Это значит как раз растекаться мыслью «в сторону» от действительной дороги «эволюции», не понимать этой дороги; на практике же это равносильно тому, чтобы тянуть назад к мелко-собственническому капитализму.

Дабы читатель убедился, что «высокая» оценка государственного капитализма дается мной вовсе не теперь только, а давалась и до взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанную в сентябре 1917 г.:

«...Попробуйте подставить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства государство революционно-демократическое, т.-е. революционно-разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм. Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

«...Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии.

«...Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [«Собр. сочин.», т. XIV, ч. 2, стр. 207—209].

Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь *не* о диктатуре пролетариата, *не* о социалистическом государстве, а о «революционно-демократическом». Неужели не ясно, что *чем выше* мы поднялись над этой политической ступенькой, *чем полнее* мы вопло-

тили в Советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, *тем менее* нам позволительно бояться «государственного капитализма»? Неужели не ясно, что *в материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие» в дверь социализма не войдешь?

С какой стороны ни подходишь к вопросу, вывод один и тот же: рассуждение «левых коммунистов» о грозящем нам будто бы «государственном капитализме» есть сплошная экономическая ошибка и явственное доказательство полного их пленения именно мелко-буржуазной идеологией.

У О V.

Крайне поучительно еще следующее обстоятельство.

Когда мы спорили в ЦИК с товарищем Бухариным, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам «мы» (очевидно: мы, «левые коммунисты») «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды» (именно от банды капиталистов, т.-е. *выкупить* у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства).

Это чрезвычайно интересное замечание вскрывает, во-первых, что Бухарин двумя головами выше левых эс-эров и анархистов, что он вовсе не безнадежно погряз во фразах, а, напротив, старается вдуматься в *конкретные* трудности перехода — мучительного и тяжелого перехода — от капитализма к социализму.

Во-вторых, это замечание вскрывает еще нагляднее ошибку Бухарина.

В самом деле. Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде до-монополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как *часто и сильно* будет она меняться в ходе переворота.

Ну, а в Советской России, *после* взятия власти пролетариатом, *после* подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров, — неужели не очевидно, что *некоторые* условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полным преобладанием рабочих, пролетариев, в населении вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первой в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии — тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии) — к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности *мирного* подчинения капиталистов Англии ее рабочим.

У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными коренными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов). У нас, *вместо* полного преобладания рабочих, пролетариев, в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством. У нас, наконец, нет ни высокой культуры, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь *соединения* приемов беспощадной расправы *) с капиталистами некультурными, ни на какой «государственный капитализм» не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, *с приемами компромисса или*

*) Надо и здесь посмотреть правде в лицо: беспощадности, необходимой для успеха социализма, у нас все еще мало, и мало не потому, что нет решительности. Решительности у нас довольно. А нет умения *поймать* достаточно быстро достаточное количество спекулянтов, мародеров, капиталистов — нарушителей советских мероприятий. Ибо это «умение» создается лишь организацией учета и контроля! Во-вторых, нет достаточной твердости в судах, которые, вместо расстрела взяточников, назначают им полгода тюрьмы. Оба недостатка наши имеют один социальный корень: влияние мелко-буржуазной стихии, ее дряблость.

выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов *крупнейших* предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятков миллионов людей.

Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, *если* (в виде исключения: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа.

По Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, — момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма. Не ясно ли, что из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного «выкупа», который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать налажению крупного и крупнейшего «государственного» производства? Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по-своему мелко-буржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власть. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества, что только путем ряда попыток — из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием — создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революцион

ностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы революционную работу не способны.

К счастью, история развития революционных партий и борьбы большевизма с ними оставила нам в наследство резко очерченные типы, из коих левые эс-эры и анархисты иллюстрируют собой тип плохоньких революционеров достаточно наглядно. Они кричат теперь — до истерики захлебываясь, криком кричат — против «соглашательства» «правых большевиков». Но подумать они не умеют, *чем* плохо было *и за что* по справедливости осуждено историей и ходом революции «соглашательство».

Соглашательство времен Керенского отдавало власть империалистической буржуазии, а вопрос о власти есть коренной вопрос о всякой революции. Соглашательство части большевиков в октябрь-ноябре 1917 года либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело *делить* власть поровну не только с «ненадежными попутчиками» вроде левых эс-эров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном, в разгоне Учредилки, в беспощадном сокрушении Богаевских, в полном проведении советских учреждений, в каждой конфискации.

Теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии, партии пролетариата, даже без «ненадежных попутчиков». Говорить теперь о соглашательстве, когда нет и быть не может даже речи о разделе *власти*, об отказе от диктатуры пролетариата против буржуазии, значит просто повторять, как сорока, заученные, но непонятые слова. Называть «соглашательством» то, что, придя в положение, когда мы можем и должны управлять страной, мы стараемся привлечь к себе, не жалея денег, культурнейшие из капитализмом обученных элементов, их взять на службу против мелко-собственнического распада, это значит вовсе не уметь думать об экономических задачах строительства социализма.

И потому — как ни хорошо аттестует товарища Бухарина то обстоятельство, что он сразу «устыдился» в ЦИК той «услуги», которую оказали ему Карелины и Ге, — все же по отношению к *течению* «левых коммунистов» остается серьезным предостережением указание на их политических соратников.

Вот вам «Знамя Труда», орган левых эс-эров, в № от 25 апреля 1918 г., гордо заявляющее: «Нынешняя позиция нашей партии солидаризируется с другими течением в большевизме (Бухариным, Покровским ⁷¹) и др.». Вот вам меньшевистский «Вперед» от того же числа, содержащий, между прочим, следующий «тезис» небезызвестного меньшевика Исува ¹²¹):

«Чуждая с самого начала истинно-пролетарского характера, политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно анти-рабочий характер. Под флагом национализации промышленности проводится политика насаждения промышленных трестов, под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения восьмичасового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тэйлора, черных списков и волчьих паспортов. Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Не правда ли, великолепно?

Друзья Керенского, ведущие вместе с ним империалистическую войну во имя тайных договоров, обещавших аннексии русским капиталистам, коллеги Церетели, собравшегося 9 июня обезоружить рабочих ¹³¹⁾, Либерданы ¹³²⁾, которые власть буржуазии прикрывали звонкими фразами, они, они избобличают Советскую власть в «соглашении с буржуазией», в «насаждении трестов» (т.-е. именно в насаждении «государственного капитализма»!), в введении системы Тэйлора!

Да, Исуву надо поднести медаль от большевиков, а его тезис выставить в каждом рабочем клубе и союзе, как образчик *провока-торских речей буржуазии*. Рабочие знают теперь хорошо, по опыту знают повсюду Либерданов, Церетели, Исувов, и внимательное размышление о том, почему *подобные лакеи буржуазии* провоцируют рабочих на сопротивление системе Тэйлора и «насаждению трестов», будет архи-полезно для рабочих.

Сознательные рабочие будут вдумчиво сопоставлять «тезис» друга господ Либерданов и Церетели, Исува, с следующим тезисом «левых коммунистов»:

«Введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве, не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Оно грозит закрепощением рабочего класса, возбудит недовольство как отсталых слоев, так и авангарда пролетариата. Для проведения этой системы в жизнь, при господствующей в пролетарской среде ненависти против «сабатажников капиталистов», коммунистической партии пришлось бы опереться на мелкую буржуазию против рабочих и тем погубить себя, как партию пролетариата».

Вот нагляднейшее доказательство того, как «левые» попали в ловушку, поддались на провокацию Исувов и других иуд капита-

лизма. Вот — хороший урок рабочим, знающим, что именно авангард пролетариата стоит за введение трудовой дисциплины, что именно мелкая буржуазия больше всего лезет из кожи для разрушения этой дисциплины. Такие речи, как приведенный тезис «левых», есть величайший позор и полное отречение от коммунизма на деле, полный переход на сторону именно мелкой буржуазии.

«В связи с восстановлением руководства капиталистов», вот какими словами думают «защищаться» «левые коммунисты». Никуда не годная защита, ибо «руководительство» капиталистам дается Советской властью, во-первых, при наличии рабочих комиссаров или рабочих комитетов, следящих за каждым шагом руководителя, учащихся на его руководительском опыте, имеющих возможность не только обжаловать распоряжения руководителя, но и сместить его через органы Советской власти. Во-вторых, «руководительство» капиталистам дается для исполнительных функций на время работы, условия которой определены именно Советской властью и ею же отменяются и пересматриваются. В-третьих, «руководительство» капиталистам дается Советской властью не как капиталистам, а как специалистам-техникам или организаторам за высшую оплату труда. И рабочие прекрасно знают, что организаторы действительно крупных и крупнейших предприятий, трестов или других учреждений, на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов, как и первоклассные техники, — но именно их мы, пролетарская партия, должны брать в «руководители» процесса труда и организации производства, ибо иных, знающих это дело из практики, из опыта, людей *нет*. Ибо рабочие, вышедшие из младенческого возраста, когда их могла сбивать «левая фраза» или мелко-буржуазная распушенность, идут к социализму именно через капиталистическое руководство трестами, через крупнейшее машинное производство, через предприятия с оборотами в несколько миллионов в год, — только через такие производства и предприятия. Рабочие — не мелкие буржуа. Они не боятся крупнейшего «государственного капитализма», они его ценят, как их *пролетарское* орудие, которое их Советская власть употребит в дело против мелко-собственнического распада и развала.

Этого не понимают лишь деклассированные и потому насквозь мелко-буржуазные интеллигенты, типом которых в группе «левых коммунистов» и в их журнале выступает Осинский, когда он пишет:

«... Вся инициатива в деле организации и руководства предприятием будет принадлежать «организаторам трестов»: ведь мы не *учить* их хотим, не делать их рядовыми работниками, а *учиться* у них» («Комм.» № 1, стр. 14, столб. 2),

Потуги на иронию в этой фразе направлены против моих слов: «учиться социализму у организаторов трестов».

Осинскому ⁶⁸⁾ это смешно. Он хочет организаторов трестов сделать «рядовыми работниками». Если бы это писал человек такого возраста, про который поэт сказал: «Пятнадцать только лет, не более того?..» — тогда бы удивляться было нечему. Но от марксиста, учившегося тому, что социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом, слышать такие речи несколько странно. От марксизма тут не осталось ничего.

Нет. Коммунистами достойны называться лишь те, кто понимает, что создать или ввести социализм, *не учаь* у организаторов треста, *нельзя*. Ибо социализм не есть выдумка, а есть усвоение пролетарским авангардом, завоевавшим власть, усвоение и применение того, что создано трестами. Нам, партии пролетариата, *неоткуда* взять умение организовать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, — *неоткуда*, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма.

Их нам учить нечему, если не задаваться ребяческой целью «учить» буржуазных интеллигентов социализму: их надо не учить, а экспроприровать (что в России достаточно «решительно» делается), их саботаж надо *сломать*, их надо, как слой или группу, *подчинить* Советской власти. У них же пам — если мы коммунисты не ребяческого возраста и не ребяческого понимания, — у них нам надо учиться, ибо *опыта* самостоятельной работы по налажению крупнейших, десятки миллионов населения обслуживающих, предприятий у партии пролетариата и у авангарда пролетариата *нет*.

И лучшие рабочие России поняли это. Они начали учиться у капиталистов-организаторов, у инженеров-руководителей, у техников-специалистов. Они начали твердо и осторожно с более легкого, постепенно переходя к труднейшему. Если в металлургии и в машиностроении дело идет медленнее, то это потому, что оно труднее. А рабочие текстиля, табачники, кожевники не боятся, как деклассированные мелко-буржуазные интеллигенты, «государственного капитализма», не боятся «учиться у организаторов трестов». Эти рабочие в центральных руководящих учреждениях, типа «главки» или «центротекстиля», сидят рядом с капиталистами, *учатся у них*, налаживают тресты, налаживают «государственный капитализм», при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма.

Такая работа передовых рабочих России, на-ряду с их работой по введению трудовой дисциплины, пошла и идет, не шумно, не ярко, без звона и треска, необходимого для некоторых «левых», с громадной

осторожностью и постепенностью, с учетом уроков практики. В этой тяжелой работе, работе практического *ученья* строить крупнейшее производство, залог того, что мы на верном пути, — залог того, что сознательные рабочие России ведут борьбу против мелко-собственнического развала, против мелко-буржуазной недисциплинированности*), залог победы коммунизма.

VI.

В заключение — два замечания.

Когда мы спорили с «левыми коммунистами» 4 апреля 1918 г., я в упор поставил им вопрос: попробуйте объяснить, чем вы недовольны в железнодорожном декрете, дайте *ваши* исправления его. Это — ваш долг, как советских руководителей пролетариата, иначе ваши слова сводятся к фразе.

Вышел 20/IV 1918 г. «Коммунист» № 1 — в нем *ни слова* о том, как бы надо, по мнению «левых коммунистов», изменить или исправить ж.-д. декрет.

Этим молчанием «левые коммунисты» осудили себя сами. Они ограничились вылазками-намеками *против* ж.-д. декрета (стр. 8 и 16 в № 1), но ничего членораздельного на вопрос: «Как же исправить декрет, если он неверен?» *не дали*.

Комментарии излишни. *Такую* «критику» ж.-д. декрета (образца нашей линии, линии твердости, линии диктатуры, линии пролетарской дисциплины) сознательные рабочие назовут либо «исуовской», либо фразой.

Другое замечание. В № 1 «Коммуниста» напечатана очень лестная для меня рецензия тов. Бухарина ⁶⁶⁾ на мою брошюру «Государство и Революция». Но, как ни ценен мне отзыв людей вроде Бухарина, я должен по совести сказать, что *характер* рецензии обнаруживает печальный и знаменательный факт: Бухарин смотрит на задачи пролетарской диктатуры, повернувшись лицом к *прошлому*, а не к будущему. Бухарин заметил и подчеркнул то, что может быть общего в вопросе о государстве у пролетарского и мелко-буржуазного революционера. Бухарин «не заметил» как раз того, что отделяет первого от второго.

*) Крайне характерно, что у авторов тезисов нет ни звука о значении *диктатуры* пролетариата в *экономической* области жизни. Они говорят только «об организованности» и т. п. Но это признает и мелкий буржуа, чурающийся именно *диктатуры* рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма

Бухарин заметил и подчеркнул, что старый государственный аппарат надо «разбить», «взорвать», что буржуазию надо «додушить» и т. п. Вzbесившийся мелкий буржуа тоже может хотеть этого. И это, в главных чертах, *уже* сделала революция наша с октября 1917 г. по февраль 1918 г.

Но чего не может хотеть даже самый революционный мелкий буржуа, чего хочет сознательный пролетарий, чего *еще не* сделала наша революция, об этом также говорится в моей брошюре. И об этой задаче, задаче завтрашнего дня, Бухарин промолчал.

А я тем более имею оснований об этом не молчать, что, во-первых, от коммуниста следует ждать большего внимания к задачам завтрашнего, а не вчерашнего дня, а, во-вторых, моя брошюра писана до взятия власти большевиками, когда большевиков нельзя было угощать вульгарно-мещанским соображением: «Ну, *после* того, как захватили власть, *конечно*, запели о дисциплине»...

«...Социализм будет перерастать в коммунизм... ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без принуждения» («Собр. сочин.», т. XIV, ч. 2, стр. 364. Об «элементарных условиях» речь шла, следовательно, до взятия власти).

«...Только тогда демократия начнет отмирать»... когда «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» (там же, стр. 369; о «прописях» речь шла до взятия власти).

«... Высшая фраза развития коммунизма» (каждому по потребностям, от каждого по способностям) «предполагает и не-теперешнюю производительность труда и не-теперешнего обывателя, способного зря, вроде как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного» (там же, стр. 376).

«... До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления...» (там же).

«... Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества» (там же, стр. 379). И контроль этот надо наладить не только за «ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки», но и за теми из

рабочих, которые «глубоко развращены капитализмом» (там же, стр. 380), и за «тунеядцами, баричами, мошенниками и тому подобными хранителями традиций капитализма» (там же).

Знаменательно, что *этого* Бухарин *не* подчеркнул.

Написано 5 мая.

напечатано в «Правде» №№ 84—86,

9—11 мая 1918 г.

Предисловие к брошюре „Карл Маркс“.

Выходящая ныне отдельным оттиском статья о Карле Марксе написана была мною в 1913 г. (насколько помню) для словаря Граната. В конце статьи было приложено довольно подробное указание литературы о Марксе, преимущественно иностранной. Это в настоящем издании выпущено. Затем редакция словаря, с своей стороны, по цензурным соображениям, выбросила конец статьи о Марксе, посвященный изложению его революционной тактики. К сожалению, я лишен возможности воспроизвести здесь этот конец, ибо черновик остался где-то в моих бумагах в Кракове или Швейцарии. Помню только, что в этом конце статьи я приводил, между прочим, то место из письма Маркса к Энгельсу от 16 марта 1856 г., где Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности подкрепить пролетарскую революцию своего рода вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело будет отлично». Вот чего не поняли с 1905 года наши меньшевики, докатившиеся теперь до полной измены социализму, до перехода на сторону буржуазии.

Написано 14 мая 1918 г.

Напечатано в брошюре «Карл Маркс».

Издан. «Прибой» 1918 г.

О международном положении.

(Речь на заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 года.)

Товарищи, позвольте познакомить вас с теперешним положением дел во внешней политике.

Вы знаете, что за последние дни во многих отношениях наше международное положение осложнилось. На почве этого осложнения буржуазная пресса и ее подголоски занялись умышленным сеянием паники, делая свое черное, грязное дело восстановления корниловщины.

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, чем определяется в своей основе международное положение Советской Республики, чтобы затем перейти к внешним юридическим формам, определяющим это положение. Только таким путем нам удастся очертить тот переломный пункт, к которому мы подошли и который послужил основой обострения политического положения.

Товарищи, вы все знаете — и опыт двух русских революций подтверждает это знание, — что самые глубокие корни внутренней и внешней политики определяются экономическими интересами господствующих классов. Эту аксиому, которая является основой всего мирозерцания марксистов, не следует ни на минуту упускать из виду, чтобы не потеряться в дебрях и лабиринте дипломатических ухищрений, — в лабиринте, часто искусственно создаваемом и запутываемом людьми, классами, партиями и группами, любящими ловить рыбу в мутной воде. Недавно мы переживали, и в известной степени переживаем сейчас, как раз такой момент, когда наши контр-революционеры — кадеты — и их первые подголоски правые с.-р. и меньшевики пытались использовать осложнившееся международное положение.

В силу известных вам причин экономического и политического характера, в силу иного темпа развития, иных условий у нас, чем на Западе, наша Социалистическая Республика остается, пока, оазисом среди бушующего моря империалистического хищничества. Основным фактором на Западе остается по-прежнему империалистическая война, истерзавшая и измучившая человечество. Это она породила такие сложные, запутанные и острые конфликты, когда, сплошь и рядом, решение вопроса в пользу войны и мира, в пользу той или иной группировки, висит на волоске.

Мы переживали именно такое положение в последние дни. Противоречия, порожденные бешеной схваткой между империалистическими державами, втянутыми в войну, явившуюся результатом экономических условий развития капитализма в течение целого ряда десятилетий, привели к тому, что сами империалисты бессильны уже остановить эту войну. Благодаря этим противоречиям вышло так, что общий союз империалистов всех стран — союз естественный и неизбежный для защиты капитала, не знающего отечества (многими крупнейшими эпизодами мировой истории доказано, что высшие интересы отечества, народа, чего угодно, капитал приносит в жертву ради охраны своих привилегий), — этот союз ныне не является движущей силой политики.

Конечно, он по-прежнему остается основной экономической тенденцией капиталистического строя, которая, в конце-концов, должна

проявить себя с неизбежной силой. Но, как исключение из этой основной тенденции капитализма, является тот факт, что империалистическая война, разделив империалистические державы на враждебные друг другу половины и заставив их сцепиться в мертвой схватке, сделала временно, под известным условием, этот союз империалистов всех стран невозможным. Мы присутствуем при таком положении, когда бушующие волны империалистической реакции, которые готовы, кажется, вот-вот затопить маленький островок Социалистической Советской Республики, — эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую.

Два главных противоречия определяют международное положение нашей Советской Республики в данный момент: во-первых, достигшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на Западном фронте. Мы слышали не раз, как представители то одного, то другого из воюющих лагерей давали обещания и заверения своему и другим народам, что, вот-вот, еще одно последнее усилие, и враг будет сломлен, отечество будет защищено и интересы культуры и освободительной войны навсегда будут обеспечены. Но, чем дальше затягивается эта неслыханная борьба, тем дальше отходит конец войны. Ожесточенность этой схватки и делает крайне затруднительным, почти невозможным, союз величайших империалистических держав против Советской Республики, завоевавшей, за какие-нибудь полгода своего существования, горячие симпатии и самое безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран мира.

Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран, в течение нескольких десятилетий, подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России. Поход, начатый против Советской Республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семёнова)¹²⁴), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну.

Конечно, мы не должны забывать, что группировки между империалистическими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того потребуют интересы

«священной частной собственности», «священные права» на концессии и т. п., и, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой.

Но сейчас охарактеризованное положение объясняет, почему наш социалистический остров может сохраняться среди бушующей бури, и, вместе с тем, объясняет, почему это положение столь неустойчиво и порой кажется, что к великому восторгу буржуазии и панике мелкой буржуазии волны, вот-вот, захлеснут его.

Внешней оболочкой, внешним выражением этого положения являются — Брестский договор, с одной стороны, и обычаи и законы, касающиеся нейтральных стран, с другой

Вы знаете, чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как «ключок бумаги». Эти слова принято цитировать и вспоминать, как образец цинизма внешней политики империалистов. Но цинизм заключается не в этих словах, а в той беспощадно жестокой и мучительной империалистической войне, которая все мирные договоры и все законы о нейтральности попирает и будет попирает, — пока будет существовать капитализм.

Если мы хотим твердо стоять на своих социалистических ногах и не хотим дать себя сбить с толку происками провокации контрреволюционеров, какими бы социалистическими ярлыками они ни прикрывались, мы не должны забывать ни на одну минуту экономической основы всех мирных переговоров, в том числе и Брест-Литовского, экономической основы всякой нейтральности, в том числе и нашей. Мы не должны забывать, с одной стороны, о противоречии между империалистическими группами, а с другой стороны, об отношении международного империализма к тому классу, который растет и который, рано или поздно, — пусть даже позднее, чем мы этого хотим, — все же станет наследником капитализма

Выяснив это положение, мы поймем без труда, какое значение имеют те дипломатические частности, подробности, даже иногда мелочи, которые больше всего привлекали наше внимание за последние дни, поддерживаемые интересами тех, кто стремился во что бы то ни стало сеять панику. Понятно, что непрочность международного положения является основой для паники. Нисколько не закрывая глаз на всю опасность и трагичность положения, анализируя экономические отношения в международном масштабе, мы должны сказать: да, вопрос о войне и мире висит на волоске, как на Западе, так и на Дальнем Востоке, потому что существуют две тенденции: одна, делающая

неизбежной союз всех империалистов, другая, противопоставляющая одних империалистов другим, — две тенденции, из которых ни одна не имеет под собой прочной основы.

Да, сейчас Япония не может решиться наступать целиком, чтобы взять, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию, — то, что она могла бы взять: мы не знаем, какой формальный или неформальный ультиматум о войне ставит Японии американская буржуазия, но мы знаем, что завтра эта буржуазия может столкнуться с буржуазией японской, а английская буржуазия — с германской. Ибо у всех их есть общий интерес — интерес раздела земного шара, общий интерес капитала, «обеспечения», как они выражаются, своего «национального достоинства», своих «национальных интересов». Этот язык достаточно известен тем, кто имеет несчастье или привычку читать буржуазные газеты или газеты вроде право-эс-эровских: они часто говорят о национальных достоинствах, и мы понимаем, что под этим скрывается империалистический грабеж.

Наша задача заключается в том, чтобы укрепить Советскую власть прстих тех элементов капитализма, которые стремятся поглотить ее. Мы должны трезво смотреть на противоречия обще-мирового политического положения и помнить, что прочность Советской Республики с каждой неделей и с каждым месяцем возрастает и, вместе с тем, растет сочувствие к нам среди трудящегося и эксплуатируемого населения всех стран.

И, вместе с тем, с минуты на минуту, со дня на день надо быть готовыми и ждать перемены международной политики в пользу политики крайних военных партий.

Положение германской коалиции для нас ясно. Большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит на соблюдении Брестского мира. Но, конечно, они не прочь «улучшить» его еще несколькими аннексиями за счет России. Но, исходя из соображений «национальных», как говорят, — а попросту говоря, империалистических, — они предпочитают мир на Востоке, чтобы иметь развязанными руки на Западе, где уже много раз германский империализм обещал немедленные победы, но на деле, чем больше он одерживал частичных побед, тем дальше победа уходила в необозримую даль. С другой стороны, в Германии имеется военная партия, которая говорит, что силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями. Партия эта неоднократно проявляла себя в Бресте. Из истории Германии нам известны стремления этой партии: в 1866 году крайняя военная партия Германии требовала полного разгрома Австрии, в то время как более благоразумная буржуазия

хотела подготовить мир на одной стороне, чтобы усилить свою борьбу на другой.

Итак, вы видите, что с этой стороны дело висит на волоске: буржуазное большинство в германском парламенте предпочитает оставаться на почве Брестского договора, не отказываясь в то же время от его «улучшения»; с другой стороны, с минуты на минуту нужно ожидать перемены в пользу крайней военной партии. Отсюда понятна та осмотрительность и выдержка хладнокровия, которая требуется от Советской власти, чтобы ясно определить свою задачу.

Пусть русская буржуазия мечется от ориентации французской к ориентации германской¹³³). Недавно они называли изменниками тех, кто раскрывал глаза народных масс на сущность империалистической войны, а теперь они сами готовы в несколько недель переменить свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перейти к союзу с хищниками германскими против Советской власти. Пусть мечется мелкая буржуазия всех оттенков от право-эс-эро-меньшевистских до лево-эс-эровских. Это ей так и полагается. Пусть она сеет панику, потому что она сама в панике, колеблясь между той и другой ориентацией и между нелепыми фразами, не будучи в силах учитывать того, что в революции, когда она достигает больших размеров, приходится переживать самые различные группировки и переходы от одного этапа к другому. Мы, русские революционеры, имеем опыт двух революций, мы видели, как выступают в этом движении различные классы, каким путем — иногда долгим и мучительным — идет подготовка зрелости новых классов.

Я знаю, что есть мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран. Наша задача заключается в выдержке и осторожности; мы должны лавировать и отступать, пока к нам не подойдут подкрепления. Переход к этой тактике неизбежен, как бы над ней ни смеялись называющие себя революционерами, но ничего не смыслящи в революции.

Заканчивая общие положения, я перехожу к тому, что создало в последние дни тревогу и панику и дало возможность контр-революционерам вновь начать работу, направленную к подрыву Советской власти.

Я уже сказал, что внешней юридической формой создавшегося положения является Брест-Литовский договор, с одной стороны, а с другой стороны, — законы и обычаи, определяющие положение нейтральной страны среди других воюющих стран.

Из Брест-Литовского договора вытекало, само собой, заключение полного мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, а между тем, с каждой из этих стран мы имеем продолжение войны. Это является не результатом внутреннего развития указанных стран, а объясняется влиянием и интересами господствующих классов другой страны.

Передышка, полученная при подписании Брестского мира, о которой говорилось так много пустых и ненужных слов, якобы доказывающих ее невозможность, в действительности все-таки оказалась возможной — мы пользуемся ею в течение двух месяцев — и она уже дала свои результаты: дала возможность большинству русских солдат вернуться к себе домой, воспользоваться завоеваниями революции, воспользоваться землей, осмотреться и почерпнуть новые силы для новой предстоящей борьбы.

Но понятно, что — при обострении положения в Финляндии, Украине и Турции — эта временная передышка стала казаться подходящей к концу, вопреки мирным намерениям Советской власти, вопреки даже готовности пожертвовать так называемой великодержавностью, т.-е. правом заключать тайные договоры, прятать их при помощи Черновых, Керенских и Церетели от народа и вести империалистическую грабительскую войну; все-таки, вместо полного мира, мы получили только краткую отсрочку того же острого вопроса о войне и мире.

В связи с этим вопросом, отношения на финляндской границе характеризуются словами: «Форт Ино, Мурман».

Форт Ино, защита Петрограда, на территориальном положению своему входит в состав финляндского государства. Заключая мир с рабочим правительством Финляндии, мы, представители социалистической России, признали полное право Финляндии на всю ее территорию, но, с обоюдного согласия обоих правительств, форт Ино был оставлен России «для защиты совместных интересов социалистических республик», как сказано в заключенном договоре. Понятно, что буржуазия Финляндии не могла не поднять бунта из-за этого пункта и предъявила претензии на форт Ино. Этот вопрос обострялся не раз и продолжает стоять остро, и из-за него дело висит на волоске.

Еще большее обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов на постройку порта, чтобы обеспечить свой военный тыл в империалистической войне против Германии. Они так великолепно уважают нейтральность, что пользуются всем, что плохо лежит, при чем достаточным основанием для захватов служит то, что у них есть броненосец, а у нас нет того, чем его прогнать. Понятно, что вопрос не мог не обостриться из-за этого. Есть юридическое положение, согласно которому на нейтральную территорию не может вступить никакая вооруженная сила воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной. Англичане высадили на Мурмане свои военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близкий к ультиматуму: если вы не можете сохранить своего нейтралитета, то мы будем воевать на вашей территории.

Теперь о положении на Украине. Завоевание Украины, которое рисовалось германской военной партии в розовом свете и представлялось таким легким, принесло неимоверные затруднения именно этой военной партии, хотя, в то же время, окрылило российских к.д., меньшевиков и правых с.-р., восплаивших любовью к тому, что несет Украине Скоропадский ¹³⁴), и надеющихся, что дескать, теперь такой же переворот легко совершить и в России. Эти господа ошибутся, и надежды их разлетятся прахом... Потому что даже военная партия в Германии, которая слишком привыкла ставить ставку на силу меча, даже она в этом случае оказалась в положении неподдержанной большинством буржуазных империалистических кругов, убедившихся в неслыханной трудности борьбы за подчинение целого народа.

Военная партия, вообразившая, что достаточно двинуть войска и получить хлеб, очутилась перед необходимостью произвести сначала государственный переворот. А это, в свою очередь, вызывает отвлечение военных сил и отодвигает осуществление задач на Западе.

В непрекращающейся борьбе Россия не успела еще создать своей армии, поэтому терпит все новые ущербы, и понятно, что мирные переговоры с Украиной ведут к новым тягостным условиям и прикрытым контрибуциям. Остается неясным вопрос, по какому универсалу желают определить границу Украины. Вместо Рады, подписавшей универсал, появился помещик-гетман. На почве этой неопределенности возник целый ряд вопросов, показывающих, что война и мир остаются в прежнем положении.

В столь же остром положении находится и кавказский вопрос. Там мы имели долгую борьбу с кавказскими меньшевиками, которые

готовы были вступить в союз с турецкими войсками против большевиков. Они пожнут то, что пожала Рада. Если эти дельцы кавказской рады получают поддержку иноземных войск, подобно украинской Раде, то это принесет новые трудности.

Находятся люди, которые жалуются на непереносимую тяжесть этого состояния неопределенности между войной и миром, которые думают, что выйти из неопределенного положения легко, — надо только потребовать соблюдения Брестского договора. Они забывают, что сначала надо победить, а потом можно что-нибудь требовать. Если вы не победили, — враг получает возможность затягивать ответ и даже вовсе не отвечать на требования. Таков закон империалистской войны. Вы не довольны этим — так умейте же защищать ваше отечество!

На Кавказской границе создалось неопределенное положение в силу преступного колебания правительства Гегечкори¹⁰⁸), сначала не признавшего Брест-Литовского мира, а потом объявившего независимость Кавказа, без указания, на какую территорию эта независимость распространяется.

Мы запросили многочисленными радиотелеграммами: сообщите, на какую территорию претендуете. Объявлять независимость, это — ваше право, но, говоря о независимости, ваша обязанность сказать о территории, какую вы представляете. Это было неделю тому назад. Ни одного ответа мы не получили. На этом играет германский империализм. Это дает возможность Турции и Германии двигаться и двигаться, говоря: мы возьмем то, что сможем взять, и мы не нарушаем Брестского договора, потому что Кавказ его не признает и потому что Кавказ независим.

Конечно, от Советской Республики кавказская рада независима, но от немецкого империализма она немножечко зависима.

Вот то положение, которое дает наглядное подтверждение правильности тактики нашей партии. Из опыта революции мы научились тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда это позволяют объективные условия. Но приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному сбиранию сил, когда нет возможности дать беспощадный отпор.

И на минуту мы не забывали и не забываем слабости русского рабочего класса по сравнению с другими отрядами международного пролетариата.

Исторические обстоятельства, последствия царского режима, дряблость русской буржуазии — вот что привело к тому, что этот отряд выдвинулся на передовой пост. Но мы должны остаться на этом

посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат, который неизбежно подойдет, хотя и с неизмеримо большей медленностью, чем мы того хотели бы.

Мы должны держаться нашей тактики выжидания, использования конфликтов и противоречий между империалистами, медленного накопления сил и удержания оазиса Советской власти среди бушующего империалистического моря.

Вот почему мы говорим себе, что если крайняя военная партия победит в какой-либо из империалистических коалиций и будет искать предлога к походу против нас, — мы ни в каком случае не облегчим ей этой задачи. Мы сделаем все немногое, что от нас зависит, на что способна дипломатия, чтобы оттянуть этот момент, мы сделаем все, чтобы та короткая непрочная передышка, которую мы получили в марте, стала более долгой, ибо мы твердо убеждены, что имеем за собой десятки миллионов рабочих и крестьян, черпающих с каждой недели, с каждым месяцем в этой передышке новую силу и укрепляющих Советскую власть, которые закаляют в себе готовность идти на последний решительный бой, когда на Социалистическую Советскую Республику обрушится внешняя сила.

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры: мы их расторгли и обнаружили перед всем миром; мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великобритании, — не национальные интересы, ибо для нас интересы мирового социализма выше интересов национальных, мы — оборонцы социалистического отечества.

Но для обороны нужна крепкая и твердая армия, нужен крепкий тыл и, в первую очередь, твердая постановка продовольственного дела. А для этого необходимо утвердить диктатуру пролетариата.

Взять центральную власть, это — первый ход; распространить власть Советов во всех углах России, это — второй шаг, но и только. Нужно идти дальше, нужна настоящая пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, проведенная на деле, чтобы ни один кулак, ни один богатый не посмел отказаться от исполнения наших декретов и знал, что всюду его найдет железная рука пролетариата.

Говоря о защите отечества, мы обязаны сделать все, чтобы отдалить момент войны, продлить передышку. Мы обещали рабочим и крестьянам сделать все для мира — и мы это сделаем. Пусть господа буржуа и их подголоски, думающие, что, совершив легкий переворот на Украине, они также смогут сделать его и у нас, народив новых Скоропадских, пусть не забывают они, что германская военная партия

р Советской России встретит достаточное противодействие. Уже создается рабоче-крестьянская армия; она в усадьбах и деревнях, это — крестьянское население, вернувшееся к своей земле, вырванной у помещиков. Им есть что защищать, и, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек.

«Правда» № 101.

24 мая 1918 г.

Речь на съезде комиссаров труда.

(Заседание 22 мая 1918 г.)

Товарищи! Позвольте мне прежде всего от имени Совета Народных Комиссаров приветствовать съезд комиссаров труда. На вчерашнем заседании Совета Народных Комиссаров товарищ Шляпников ¹³⁵⁾ сообщил о том, что ваш съезд присоединился к резолюции профессиональных союзов относительно трудовой дисциплины и норм производительности. Товарищи, я думаю, что этим решением вы сделали весьма крупный шаг, касающийся не только производительности труда и условий производительности, но чрезвычайно важный принципиальный шаг с точки зрения современного положения вообще. Вы имеете постоянную деловую, а неслучайную связь со всеми широкими массами рабочих, и вам известно, что наша революция переживает один из самых важных и критических моментов своего развития. Вы прекрасно знаете, что наши враги — западные империалисты — подкарауливают нас, и, может быть, будет момент, когда они обрушат на нас свои полчища. Теперь к этим внешним врагам присоединяется опасный враг — внутренний: разложение, хаос и дезорганизации, усиливаемые буржуазией вообще и мелкой в частности и разными приспешниками и прихвостнями буржуазии. Вы знаете, товарищи, что после мучительнейшей войны, в которую ввел нас царский режим и соглашатели с Керенским во главе, нам непосредственно достались в наследие разложение и крайняя разруха. Теперь подходит самый критический момент, когда голод и безработица стучатся в дверь все большего числа рабочих, когда сотни и тысячи людей терпят муки голода, когда положение обострено тем, что хлеба нет, но он мог бы быть, когда мы знаем, что правильное распределение его зависит от правильного подвоза. Недостаток топлива, после того как от нас отрезан богатый топливом край, катастрофа ж. д., которым, может быть, грозит приостановка движения, — вот те положения, которые создают трудности для революции, вот положения, которые наполняют ликованием сердца корниловцев всех сортов и всех цветов. Они сейчас

ежедневно, может быть, ежечасно, сталкиваются, как бы использовать трудности Советской Республики и пролетарской власти, чтобы снова возвести на престол Корнилова ³³). Спор у них идет о том, какой национальности будет этот Корнилов, но он должен быть таким, который выгоден для буржуазии, — с короной ли на голове или Корнилов-республиканец. Теперь рабочие уже знают, в чем дело, и после того, что пережила русская революция после Керенского, — это нисколько их не удивит. Но сила рабочей организации, рабочей революции и была в том, чтобы, никогда не закрывая глаза, давать себе самый точный отчет в положении дел. Мы говорили, что война в тех размерах и в той неслыханной мучительности грозит полной гибелью европейской культуре. Единственное спасение может быть только в переходе власти в руки рабочих для организации железного порядка. Наш российский пролетариат, ходом российской революции и особого исторического положения, после 1905 года оказался на известное время далеко впереди других международных армий пролетариата. Мы сейчас переживаем ту полосу, когда во всех западно-европейских странах революция зреет, когда выясняется полная безвыходность положения для рабочих армий Германии. Мы знаем, что там, на Западе, против трудящихся стоит не гнилой режим Романова и пустых хвастунов, а поголовная организованная буржуазия, опирающаяся на все завоевания современной культуры и техники. Вот почему нам революцию было так легко начать и труднее продолжать, и вот почему там, на Западе, революцию труднее начать, но будет легче продолжать. Наша трудность зависит от того, что мы должны все проделать усилиями российского пролетариата и удерживать положение, пока достаточно окрепнут наши союзники — международный пролетариат всех стран. С каждым днем чувствуется, что иного выхода нет. На нашу долю приходится испытывать главные трудности, потому что, не имея подкрепления, мы еще стоим лицом к лицу с разрухой железнодорожной, транспортной и продовольственной. Здесь должен быть вопрос поставлен ясно для всех. Я надеюсь, что съезд комиссаров труда, который имеет больше, чем другие, непосредственное соприкосновение с рабочими, что этот съезд будет этапом не только в деле непосредственного улучшения тех порядков труда, которые мы должны положить в основу социализма, но что этот съезд послужит этапом для прояснения сознания рабочих по отношению к переживаемому моменту. Перед рабочим классом стоит трудная, но благодарная задача, от которой зависит решение судьбы социализма в России, а может быть, и в других странах. Вот почему так важна резолюция о трудовой дисциплине. Теперь, когда власть укреплена в руках рабочих, теперь

все дело зависит от пролетарской дисциплины и пролетарской организованности. Вопрос идет о дисциплине и диктатуре пролетариата, о железной власти. Власть, которая встречает самое горячее сочувствие, самую решительную поддержку бедноты, эта власть должна быть железной, потому что надвигаются неслыханные бедствия. Масса рабочих живет под впечатлением старого и надеется, что мы как-нибудь вырвемся из этого положения.

Но с каждым днем эти иллюзии рушатся, и становится все более очевидным, что мировая война грозит голодом и вырождением целых стран, если рабочий класс своей организованностью не победит этой разрухи. Мы видим на-ряду с сознательным элементом рабочего класса, всю деятельность направившим на то, чтобы новая дисциплина была положена в основу товарищества, многомиллионную массу мелко-собственнического и мелко-буржуазного элемента, который смотрит на все с точки зрения своих узких интересов. Нельзя бороться с голодом и катастрофой, которые надвигаются на нас, иначе, как установлением железного порядка сознательных рабочих, — без этого мы ничего сделать не сможем. Вследствие гигантского расположения России мы живем в таких условиях, что в одном конце страны много хлеба, а в другом ничего нет. Нечего думать, что не будет оборонительной войны, которую нам могут навязать. Нечего думать о том, чтобы прокормить города и огромные промышленные центры без правильного подвоза. Нужно каждый пуд хлеба взять на учет, чтобы ни один пуд хлеба не пропал. Но мы знаем, что этот учет в действительности не проводится в жизнь, а остается только на бумаге. В жизни мелкие спекулянты только развращают деревенскую бедноту, внушая ей, что частной торговлей можно пополнить недостаток. При таких условиях из кризиса выйти нельзя. В России может хватить хлеба для людей и хлеба, т.-е. топлива, для промышленности при самом строгом разделе всего, что у нас есть, между всеми гражданами, чтобы никто не мог взять ни одного лишнего фунта хлеба, чтобы ни один фунт топлива не оставался неизрасходованным. Только так можно спасти страну от голода. Этот урок коммунистического раздела, чтобы все было на учете, чтобы был хлеб для людей и топливо для промышленности, этот урок не из книжки — мы дошли до него путем горького опыта. Может быть, не сразу широкая рабочая масса поймет, что мы стоим перед катастрофой. Нужен крестовый поход рабочих против дезорганизации и против укрывания хлеба. Нужен крестовый поход для того, чтобы трудовая дисциплина, о которой вы принимали решение, о которой говорили в пределах фабрик и заводов, чтобы она распространилась по всей стране, чтобы самые широкие массы поняли,

что другого выхода нет. Сила сознательных рабочих в истории нашей революции всегда состояла в том, чтобы совершенно прямо смотреть в лицо самой горькой опасной действительности, не делая иллюзий, а точно учитывая силы. Мы можем рассчитывать только на сознательных рабочих, — остальная масса, буржуазия и мелкие хозяйчики, против нас, они не верят в новый порядок, они ловят всякий случай обострения народной нужды. Примером может служить то, что мы видим на Украине и в Финляндии: неслыханные зверства и моря крови, которыми буржуазия и ее сторонники от кадетов до эс-эров заливают города, побеждая их при помощи своих союзников. Все это показывает, что ждет впереди пролетариат, если он не выполнит своей исторической задачи. Мы знаем, как невелики в России слои передовых и сознательных рабочих. Мы знаем также цену народной нужды, мы знаем, что дойдем до того, что широкие массы поймут, что полумерами не выйти из положения и без пролетарского переворота обойтись нельзя. Мы живем в такое время, когда разоряют страны и миллионы людей осуждают на гибель и обращают в военное рабство. Вот тот переворот, который история навязала нам не по злой воле отдельных лиц, но потому, что весь капиталистический строй ломится и трещит в основании. Пользуйтесь, товарищи комиссары труда, своим каждым свиданием на любом заводе и фабрике, своими свиданиями с любой делегацией рабочих, пользуйтесь возможностью объяснить это положение, чтобы они знали, что нам предстоит либо гибель, либо возможность защищаться, что нам предстоит возвращение корниловцев — русских, японских или немецких — которые несут одну восьмую фунта хлеба в неделю, если сознательные рабочие не организуют крестового похода во главе со всей беднотой против хаоса и дезорганизации, которую мелкая буржуазия всюду усиливает и которую мы должны победить. Вопрос состоит в том, чтобы сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность. Сознательный рабочий должен знать, что он представитель класса. Он должен победить, если станет во главе движения против буржуазии и спекулянтов. Сознательный рабочий поймет, в чем основная задача социалиста, и тогда мы победим. Тогда найдутся силы, и мы сможем бороться.

О голоде.

(Письмо к питерским рабочим.)

Товарищи! У меня был на-днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода ⁷⁷⁾. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом верном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «Кто не работает, тот да не ест».

«Кто не работает, тот да не ест», — это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Но в этом-то и суть, что одно дело — расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело — уметь провести ее в жизнь. Когда сотни тысяч и миллионы мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве) — в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами, — в стране, которая зовет себя Социалистической Советской Республикой, — тогда есть над чем серьезно и глубоко пораздуматься всякому сознательному рабочему и крестьянину.

«Кто не работает, да не ест», — как провести это в жизнь? Ясно, как ясный божий день, что для проведения этого в жизнь необходима, во-первых, государственная хлебная монополия, т.-е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было. Во-вторых, для этого необходим строжайший учет всех излишков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. В-третьих, для этого необходимо правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ богатому, распределение хлеба между всеми гражданами государства, под контролем рабочего, пролетарского государства.

Достаточно хоть капельку подумать над этими условиями победы над голодом, чтобы понять всю бездну тупоумия презренных пустомель анархизма, которые отрицают необходимость государственной власти (беспощадно суровой к буржуазии, беспощадно твердой по отношению к дезорганизаторам власти) для перехода от капитализма к коммунизму, для избавления трудящихся от всякого гнета и всякой эксплуатации. Именно теперь, когда наша революция подошла вплотную, конкретно, практически — и в этом ее неистребимая заслуга — к задачам осуществления социализма, именно теперь, и как раз на вопросе о главном, на вопросе о голоде, яснее ясного видна необходимость железной революционной власти диктатуры пролетариата, организации сбора продуктов, подвоза и распределения их в массовом, общенациональном масштабе, с учетом потребностей десятков и сотен миллионов людей, с расчетом условий и результатов производства на год и на много лет вперед (ибо бывают неурожайные годы, бывают необходимы для увеличения сбора хлебов мелиорации, требующие многолетних работ и т. д.).

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, — страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то-есть топлива, тоже крайний недостаток, — станут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь всех сил для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август.

Государственная хлебная монополия существует у нас по закону, но на деле ее на каждом шагу срывает буржуазия. Деревенский богатей, кулак, мироед, грабивший всю округу десятки лет, предпочитает наживаться на спекуляции, на самогонке; это, ведь, так выгодно для его кармана, а вину за голод он сваливает на Советскую власть. Точно так же поступают политические защитники кулака, кадеты, правые эс-эры, меньшевики, открыто и тайно «работающие» против хлебной монополии и против Советской власти. Партия бесхарактерных, т.-е. левые эс-эры, бесхарактерна и здесь: она поддается корыстным крикам и воплям буржуазии, она кричит против хлебной монополии, она «протестует» против продовольственной диктатуры, она дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаками и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и тому подобное.

Эта партия бесхарактерных отражает в политике нечто подобное тому, что бывает в жизни, когда кулак науськивает бедноту против Советов, подкупает ее, дает, например, какому-нибудь бедному крестьянину пудик хлеба не за шесть, а за три рубля, с тем, чтобы этот развращенный бедняк сам «попользовался» спекуляцией, сам «поживился» спекулятивной продажей этого пудика за 150 рублей, сам превратился в крикуна против Советов, запрещающих частную торговлю хлеба.

Кто способен думать, кто хочет хотя бы капельку подумать, тому ясно, по какой линии идет борьба.

Либо сознательные передовики рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе, — либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и пустых людей (анархистов и левых эс-эров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, массовые расстрелы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности.

Кто вдумывается в политическую жизнь, тот не может не видеть, что кадеты с правыми эс-эрами и с меньшевиками сговариваются меж собой о том: русско-немецкий или русской-японский Корнилов «приятнее», коронованный или республиканский Корнилов лучше и вернее раздавит революцию.

Пора стовориться всем сознательным, всем передовым рабочим.

Пора им встряхнуться и понять, что каждая минута промедления грозит гибелью страны и гибелью революции.

Полумерами не поможешь. Жалобы ни к чему не приведут. Попытки добыть хлеба или топлива «в розницу» себе, т.-е. «своему» заводу, «своему» предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело.

И вот почему я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи, питерские рабочие. Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги

У нас было сорок тысяч на Путиловском, — говорил мне делегат питерских рабочих, — но из них большинство было «временные» рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди. Теперь осталось пятнадцать тысяч, но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе.

Вот такой-то авангард революции — и в Питере и во всей стране — должен кликнуть клич, должен *подняться массой*, должен понять, что в его руках спасенье страны, что от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре 1905 г., в феврале и октябре 1917 г., что надо организовать великий *«крестовый поход»* против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий *«крестовый поход»* против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин.

Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов, — настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекал от себя и расстреливать всякого, кто «соблазнился» бы — бывает — соблазнами спекуляции и из борца за народное дело превратился в грабителя, — настолько твердых и преданных революции, чтобы организованно вынести все тяжести *похода* во все концы страны для водворения порядка, для укрепления местных органов Советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива.

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идя в поход, ограничиваясь норывом-восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки Керенского. Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний. Но силу рабочих партий и рабочего класса составляло всегда то, что он смело, прямо, открыто смотрит в лицо опасности, не боится признать ее, трезво взвешивает, какие силы стоят в «его» и в «чужом», эксплуататорском, лагере. Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим *со стороны рабочих* и в общегосударственном масштабе, это—настоящее и главное преддверие социализма, это—уже не «общереволюционная», а именно *коммунистическая* задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму.

На этот бой стоит отдать все силы: велики его трудности, но велико и то дело уничтожения гнета и эксплуатации, за которое мы боремся.

Когда народ голодает, когда безработица свирепствует все более грозно,—каждый, кто укрывает лишний пуд хлеба, каждый, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником.

В такое время—а для истинно-коммунистического общества это верно всегда—каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо *овладеть ею практически*, надо добиться *на деле* правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо *очистить всю страну* от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Нужен массовый «крестовый» поход передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удешевления ее энергии, для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, неряшливости. Эта задача не нова. Новых задач, собственно говоря, история не выдвигает,—она только

увеличивает размер и размах старых задач по мере того, как увеличивается размах революции, растут ее трудности, растет величие ее всемирно-исторической задачи.

Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского—Советского—переворота состоит в том, что передовой рабочий, *как руководитель бедноты, как вождь* деревенской трудящейся массы, *как строитель государства труда*, пошел в «народ». Тысячи и тысячи лучших работников отдал деревне Питер, отдал и другие пролетарские центры. Отряды борцов с Калединым и Дутовым, продовольственные отряды— не новость. Задача только в том, что близость катастрофы, тяжесть положения обязывает сделать *вдесятеро* больше прежнего.

Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заразился болезнями мелко-буржуазного развала. Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелко-собственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего.

Начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить—*и, наверное неминуемо победит, в конце концов*—старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут выдвигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих.

Так, именно так стоит дело теперь в России. В одиночку и в разброд не победить голода и безработицы. Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно *вдесятеро больше железных отрядов* сознательного и бесконечно-преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистских хищников.

Написано 22 мая.

Напечатано в «Правде» № 101.

24 мая 1918 г.

Речь на съезде съветов народного хозяйства.

(Заседание 26 мая 1918 года.)

Товарищи! Позвольте мне прежде всего приветствовать съезд советов народного хозяйства от имени Совета Народных Комиссаров.

Товарищи! На Высший Совет Народного Хозяйства легла теперь одна из трудных и одна из самых благодарных задач. Нет никакого сомнения, что, чем дальше будут двигаться завоевания октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться завоевания социалистической революции и упрочение социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управление. Этому аппарату суждено, после того как сломлено будет окончательно сопротивление эксплуататоров, после того как трудящиеся научатся организовывать социалистическое производство,—этому аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего Совета Народного Хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества.

Поэтому, товарищи, когда я смотрю на опыт нашего Высшего Совета Народного Хозяйства и местных советов, с деятельностью которых он тесно и неразрывно связан, то, несмотря на многое незаконченное, незавершенное, несорганизованное, я думаю, у нас нет и тени основания к каким-нибудь пессимистическим выводам. Ибо задача, которую ставит себе Высший Совет Народного Хозяйства, и задача, которую ставят себе все областные и все местные советы,—задача такая гигантская, такая всеобъемлющая, что решительно нет ничего внушающего опасения в том, что мы все наблюдаем. Очень часто,—конечно, с нашей точки зрения, может быть, и слишком часто,—пословица «семь раз примерь и один раз отрежь» не применялась. Так просто, как обстоит дело по этой пословице, к сожалению, не обстоит дело с организацией хозяйства на социалистических началах. С отходом всей власти,—на этот раз не только политической (и, главным образом, даже не политической), а экономической, т.-е. повседневной, самых глубоких основ жизни человеческой касаю-

щейся,—к новому классу, притом к такому, который ведет за собою впервые в истории человечества громадное большинство населения, всю массу трудящихся и эксплуатируемых, наши задачи усложняются. Само собою понятно, что тут при величайшей важности и величайшей трудности организационных задач, когда нам надо совершенно по-човому организовать самые глубокие основы человеческой жизни сотен миллионов людей, совершенно понятно, что здесь так просто налаживать дело, как это можно было по пословице «семь раз примерь, один раз отрежь», нет возможности. Нам, действительно, нельзя произвести предварительные многочисленные примерки, а потом отрезать и закрепить то, что окончательно примерено, прилажено. Нам нужно в самом ходе работ, испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте, проверяя их коллективным общим опытом трудящихся и, главное, опытом результатов работы, нам нужно тут же в самом ходе работы, и притом в состоянии отчаянной борьбы и бешеного сопротивления эксплуататоров, которые становятся тем более бешеными, чем ближе мы подходим к тому, чтобы окончательно вырвать последние испорченные зубы капиталистической эксплуатации, строить наше экономическое здание. Понятно, что при таких условиях нет ни тени основания для пессимизма, хотя, конечно, это большое основание для злобных выхонок буржуазии и обиженных в своих лучших чувствах господ эксплуататоров, если нам, даже за короткое время, приходится иногда переделывать по несколько раз типы, уставы, органы управления различными отраслями народного хозяйства. Конечно, тому, кто слишком близко и слишком непосредственно участвует в этой работе, иногда в трехкратной переделке уставов, норм, законов управления, ну, скажем, хотя бы Главоду, конечно, бывает иногда очень невесело, и удовольствия от этого рода работы не могут быть велики. Но если немножечко отвлечься от непосредственной неприятности чрезмерно частой переделки декретов и если посмотреть чуточку поглубже и подальше на то гигантское, всемирно историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных систем управления, различных норм налаживания дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества. Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического обще-

ства, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью, и мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования; но ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до тех пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом. Мы не можем так делать именно потому, что мы рассчитываем на совместный опыт и что это—опыт миллионов трудящихся.

Поэтому мы знаем, что дело организационное, которое составляет главную коренную и основную задачу Советов, что оно неизбежно несет нам массу опытов, массу шагов, массу переделок, массу трудностей, в особенности относительно того, как поставить каждого человека на свое место, ибо здесь нет опыта, здесь приходится каждый такой шаг вырабатывать самим, и, чем тяжелее ошибки на таком пути, тем тверже растет уверенность, что с каждым новым приростом числа членов профессиональных союзов, что с каждой новой тысячей, с каждой новой сотней тысяч людей, переходящих из лагеря трудящихся, эксплуатируемых, которые до сих пор жили по традициям, по привычке, в лагерь строителей советских организаций, растет число людей, которые должны удовлетворять и поставить дело на правильные рельсы. Возьмите одну из второстепенных задач, на которую совет народного хозяйства, Высший Совет Народного Хозяйства, особенно часто натывается,—задачу использования буржуазных специалистов. Мы все знаем, но крайней мере те, которые стоят на почве науки и социализма, что эта задача может быть осуществима лишь тогда и в той мере, в какой международный капитализм развил материальные, технические предпосылки труда, осуществленного в гигантском размере, покоящегося на рамках науки, а поэтому на выработку громадного кадра научно-образованных специалистов. Мы знаем, что без этого социализм невозможен. Если мы перечитаем сочинения тех социалистов, которые в течение последнего полувека

наблюдали развитие капитализма и приходили к выводу еще и еще раз, что социализм неизбежен, то они все без исключения указывали на то, что только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грозного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его.

Мы должны осуществить это, опираясь на элементы, ему враждебные. Когда власть оказалась в руках пролетариата и беднейшего крестьянства, когда власть ставит себе задачи при поддержке этих масс, нам приходится осуществлять эти социалистические преобразования при помощи буржуазных специалистов, тех специалистов, которые в буржуазном обществе воспитывались, которые другой обстановки не видели, которые другой общественной обстановки не могут себе представить, и поэтому даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу,—даже в этих случаях они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом. Эти трудности задачи и достижения для нас скрыты не могут быть. Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,—превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это—задача величайшего труда. Если в этой области происходят эксперименты, если мы делаем неоднократные исправления частичных ошибок, это неизбежно, когда не удастся сразу в той или иной области народного хозяйства превратить специалистов из служителей капитализма в служителей трудящихся масс, в их советчиков. Если нам это не

удается сразу, это не может вызвать ни капли пессимизма, потому что задача, которую мы себе ставим, это—задача всемирно исторической трудности и значения. Мы не закрываем глаза, что нам одним социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны,—в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить. Тот, кто отворачивается от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, тот похож на застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы с ростом революции. Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется. Этого опыта у рабочих, которые сейчас соединены в профессиональные союзы и местные организации и берутся практически за дело обще-национального налаживания всего производства, этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание.

Я позволю себе указать еще на одну и, быть может, самую трудную задачу, практически решать которую приходится Высшему Совету Народного Хозяйства. Это—задача трудовой дисциплины. Собственно говоря, когда указываем на эту задачу, мы должны признать и с удовольствием подчеркнуть, что именно профессиональные союзы, их самые крупные организации—центральный комитет союза металлистов, всероссийский совет профессиональных союзов—высшие профессиональные организации, объединяющие миллионы трудящихся, что они первые самостоятельно взялись за решение этой задачи, а эта задача имеет всемирное историческое значение. Чтобы ее понять, нужно отвлечься от тех частных маленьких неудач, от невероятных трудностей, которые кажутся, если взять их отдельно, непреодолимыми. Нужно подняться выше и посмотреть на историческую смену укладов общественного хозяйства. Лишь с этой точки зрения станет ясным, какую гигантскую задачу мы на себя взяли и какое гигантское значение имеет то, что на этот раз самый передовой представитель

общества—трудящиеся и эксплуатируемые массы—берет на себя, на свой почин задачу, до сих пор всегда ему навязываемую, которую всецело в крепостной России до 1861 года решала кучка помещиков,— которую она считала своим делом. Тогда было их делом создание общегосударственной связи и дисциплины. Мы знаем, как крепостники-помещики создавали эту дисциплину. Это были гнет, надругательство и неслыханные каторжные муки для большинства народа. Припомните весь этот переход от крепостного права к буржуазному хозяйству: то, что вы наблюдали, хотя большинство из вас наблюдать не могло, и то, что вы знаете от старших поколений,—этот переход после 1861 года к новому буржуазному хозяйству, переход от старой крепостной дисциплины, палки, от дисциплины бессмысленнейшего, самого наглого и грубого надругательства и насилия над человеком,—к дисциплине буржуазной, к дисциплине голода, так называемого вольного найма, которая на самом деле была дисциплиной капиталистического рабства. Этот переход исторически казался легок, потому что от одного эксплуататора человечество переходило к другому эксплуататору, потому что одно меньшинство грабителей и эксплуататоров народного труда уступало место другому меньшинству тоже грабителей и тоже эксплуататоров народного труда, потому что помещики уступили это место капиталистам,—одно меньшинство другому меньшинству при подавлении широких масс трудящихся и эксплуатируемых классов. И даже эта смена одной эксплуататорской дисциплины другой дисциплиной стоила годов, если не десятилетий, усилий, стоила годов, если не десятилетий, переходного времени, когда старые помещики-крепостники совершенно искренне считали, что все гибнет, что хозяйничать без крепостного права нельзя, когда и новый хозяин-капиталист на каждом шагу встречал практические трудности и махал рукой на свое хозяйство, когда материальным знаком, одним из вещественных доказательств трудности этого перехода, было то, что Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказывалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей, и во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине.

И вот, если вы так посмотрите на дело, товарищи, если вы не будете давать сбивать себя с толку тем людям, тем классам, той буржуазии, тем приспешникам буржуазии, вся задача которых состоит в сеянии паники, в сеянии уныния, в наведении полного уныния на всю работу и изображении ее безнадежной, которые указывают на

каждый отдельный случай недисциплинированности и разложения и по этому случаю махают рукой на революцию, точно бывала на свете, точно бывала в истории хотя бы одна, действительно, великая революция без разложения, без потери дисциплины, без мучительных шагов опыта, когда масса вырабатывает новую дисциплину,—то мы не должны забывать, что впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых. На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху. Мы начали ту историческую эпоху, когда в стране буржуазной еще мы разбиваем дисциплину капиталистического общества, разбиваем и гордимся тем, что все сознательные рабочие, все решительно трудовое крестьянство всемерно помогает разрушению, и когда в массах добровольно, по их собственному почину, растет сознание того, что они эту основанную на эксплуатации и рабстве трудящихся дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта, заменить новой дисциплиной объединенного труда, дисциплиной объединенных организованных рабочих и трудовых крестьян всей России—страны с десятками и сотнями миллионов населения. Эта задача гигантской трудности, но зато—и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим ее практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества.

*«Труды Всероссийского Съезда
Советов Народного Хозяйства».
Изд. 1918 г.*

Борьба за хлеб.

(Речь на соединенном заседании ВЦИК 4-го созыва и Московского Совета Раб., Ир. и Кр. Деп., 4 июня 1918 г.)

Товарищи! Темой, о которой мне приходится говорить сегодня, является величайший кризис, обрушившийся на все современные страны, и который в настоящий момент всего тяжелее, пожалуй, давит Россию и, во всяком случае, неизмеримо тяжелее ощущается в ней, чем в других странах.

И об этом кризисе, о голоде, который надвинулся на нас, мне надо сказать сообразно поставленной перед нами задаче в связи с общим положением. А, где идет речь об общем положении, нельзя, конечно,

ограничиваться одной Россией, тем более, что в настоящее время тяжелее, чем прежде, мучительнее, чем прежде, связаны между собою все страны современной капиталистической цивилизации.

Везде, как в воюющих, так и в нейтральных странах, война, империалистическая война двух групп гигантских хищников несла с собою полное истощение производительных сил. Разорение и обнищание дошло до того, что в самых передовых, цивилизованных и культурных странах, не только в течение десятилетий, но и столетий не знавших, что такое голод, война довела до голода в самом подлинном, в самом буквальном значении слова. Правда, в передовых странах, особенно в тех, в которых самый крупный капитализм давно приучил население к наиболее возможному при этом способу хозяйственной организации, в таких передовых странах голод удалось правильно распределить, долгие оттянуть, сделать его менее острым, но от голода, от самого подлинного голода страдают, например, Германия и Австрия, не говоря уже о разбитых и поработанных странах—в течение долгого времени. Теперь мы едва ли можем открыть хоть один помер газеты, не натываясь на целый ряд известий из целого ряда передовых, культурных, не только воюющих, но и нейтральных стран, вроде Швейцарии, вроде некоторых Скандинавских стран, без того, чтобы не встретить известий о голоде, о страшных бедствиях, обрушившихся на человечество в связи с войной.

Товарищи, для тех, кто наблюдал развитие европейского общества, уже давно было несомненно, что капитализм не сможет изжить себя мирно, что он ведет либо непосредственно к восстанию против ига капитала в широких массах, либо он ведет к тому же результату через гораздо более тяжелый, мучительный и кровавый путь войны.

Однако уже за много лет до войны социалисты всех стран указывали и торжественно заявляли на своих конгрессах, что война между передовыми странами будет не только величайшим преступлением, что эта война из-за дележа колоний, из-за дележа добычи капиталистов будет не только полным разрывом с приобретениями новейшей цивилизации и культуры, что она может повести и что она неминуемо поведет к подрыву самых условий существования человеческого общества, потому что, действительно, первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней, и происходит такое обращение всех производительных средств на служение делу войны. Отсюда мы видим, что исполняется самое горькое предсказание, и что одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил охватывают все большее и большее количество стран.

Мне вспоминается поэтому, как прав был один из великих основателей научного социализма, Энгельс, когда в 1887 году, за 30 лет до русской революции, писал, что европейская война приведет не только к тому, что короны, как он выразился, дюжинами полетят с голов коронованных особ и некому будет поднимать эти короны, но что эта война поведет за собой неслыханное озверение, одичание и отсталость всей Европы, а вместе с тем война повлечет за собой либо господство рабочего класса, либо создание условий, делающих это господство необходимым. Основатель марксизма выражался на этот раз с удвоенной осторожностью, ибо он ясно видел, что если история пойдет таким путем, то это приведет к краху капитализма, к расширению социализма, и более мучительного, более тяжелого перехода, более острой нужды и более крутого кризиса, подрывающего все производительные силы, нельзя будет себе и представить.

И вот мы видим теперь наглядно, что значат последствия затянувшейся на четвертый год империалистической бойни народов, когда чувствуется во всех, даже передовых странах, что война зашла в тупик, что из нее на почве войны, на почве капитализма выхода нет, что она поведет к мучительному разорению. И если нам, товарищи, если русской революции,—которая вовсе не особой заслугой русского пролетариата, а ходом общего шествия исторических событий вызвана, и этот пролетариат поставлен волей истории временно на первое место и сделан на время авангардом мировой революции,—если нам приходится переживать особенно тяжело, особенно остро мучения голода, который обрушивается на нас все тяжелее и тяжелее, то мы должны твердо усвоить себе, что эти бедствия являются прежде всего и больше всего наследством этой проклятой империалистической бойни, которая во всех странах привела к неслыханным бедствиям и где эти бедствия только временно скрываются еще от масс и от осведомления громадного большинства народов.

Пока продолжается военный гнет, пока сохраняется еще война, пока она связана еще, с одной стороны, с надеждами на победу и на возможность выйти из этого кризиса путем победы одной из империалистических групп и, с другой стороны, определяется бешенством военной цензуры и опьянением всего народа военным утаром, только это и скрывает от массы населения большинства стран, в какую пропасть они вваливаются, в какую пропасть они наполовину свалились. И нам теперь приходится особенно остро это чувствовать, потому что нигде, как в России, нет такого вопиющего противоречия между громадностью задач, поставленных себе восставшим пролетариатом, который понял, что нельзя победить войны, всемирной войны самых

могучих империалистических гигантов всего света, нельзя победить без самой могучей, столь же охватывающей весь мир, пролетарской революции.

И когда нам ходом событий пришлось занять одно из выдающихся мест в этой революции и на долгое время, по крайней мере с октября 1917 г., остаться отрезанным отрядом, которому события не позволяют с достаточною быстротою прийти на помощь другим отрядам международного социализма,—нам приходится теперь переживать в 10 раз более тяжелое положение. Когда мы сделали все, что было в силах непосредственно восстающего пролетариата и поддерживающего его беднейшего крестьянства для свержения своего главного противника, для того, чтобы встать на страже социалистической революции, и когда мы видим в то же время, как на каждом шагу гнет империалистических держав-хищников, окружающих Россию, и наследство войны пригнетает нас все больше и больше,—полностью эти последствия войны еще не сказались,—перед нами теперь, летом 1918 г., может быть, один из самых трудных, из самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции. Это—самый трудный переход не только с точки зрения международной, где мы неминуемо осуждены на политику отступлений, пока наш верный и наш единственный союзник, международный пролетариат, только готовится к восстанию, только назревает к нему, но не в состоянии еще выступить открыто и целостно. Но все события Западной Европы, все бешеное озлобление последних битв на Западном фронте, весь кризис, который усиливается внутри воюющих стран, показывает, что до восстания европейских рабочих недалеко, что, как бы оно ни оттягивалось, оно придет неминуемо.

Именно в таком положении приходится испытывать величайшие трудности внутри страны, вследствие которых больше всего возбуждает ряд колебаний мучительный продовольственный кризис, мучительнейший голод, который на нас надвинулся, который ставит перед нами задачу, требующую максимума напряжения сил, наибольшую организованность, и который в то же время не позволяет нам идти к решению этой задачи старыми способами. К решению этой задачи мы пойдем с тем классом, с которым мы шли против империалистической войны, с тем классом, с которым мы свергли империалистическую монархию и империалистическую республиканскую русскую буржуазию, с тем классом, которому приходится выковывать свое оружие, развивать свои силы, создавать свою организацию в ходе растущих трудностей, растущих задач и размаха революции.

Перед нами сейчас стоит самая основная задача всего человеческого общежития—победить голод, уменьшить, по крайней мере, немедленно непосредственный мучительный голод, которым охвачены обе столицы и десятки уездов в земледельческой России. И приходится решать эту задачу в обстановке гражданской войны, самого бешеного, отчаянного сопротивления эксплуататоров всех рангов, всех мастей, всех цветов и ориентаций и всего политического союза против революции. Эти элементы эксплуататоров политических партий, которые не могут порвать со старым и поверить в новое, оказываются в положении участников мировой войны, использованной для одной цели: для цели восстановления эксплуататоров.

К этому вопросу, к этой связи голода с борьбой против эксплуататоров и против поднимающей голову контр-революции нас приглашает любое известие из любого конца России. Перед нами задачей стоит необходимость победить голод или, по крайней мере, уменьшить тяжесть до нового урожая, отстоять хлебную монополию, отстоять право советского государства, отстоять право пролетарского государства. Все излишки хлеба мы должны собрать и добиться того, чтобы все запасы были свезены в те места, где нуждаются, правильно распределить. Это основная задача—сохранение человеческого общества, и в то же время невероятный труд, который решается лишь одним путем: общим, усиленным повышением труда.

В тех странах, где задача эта решается путем войны, она решается путем военного рабства, введением военного рабства для рабочих и крестьян, решается путем предоставления новых усиленных выгод для эксплуататоров. Вы не найдете, напр., в Германии, где такая общественная задавленность, где подавляется всякая попытка протестовать против войны, где все-таки еще осталось представление действительности и чувство социалистической вражды к войне,—вы не найдете там более обычного приема сохранения положения, как быстро вырастающих и наживающихся новых миллионеров, нажившихся на войне.

Голод масс служит теперь во всех империалистических странах лучшим полем для развития самой бешеной спекуляции, для наживы неслыханных богатств на нужде и голоде.

Империалистические страны это поощряют. Например, в Германии лучше всего организован голод. И недаром говорят, что там—центр организованного голода, где лучше всего пайки и корки хлеба распределены между населением. Мы видим, что там новые элементы миллионеров становятся бытовым явлением империалистического государства. Иначе, они не могут бороться с голодом. Они

дают наживу вдвое, втрое, вчетверо тому, у кого хлеба много и кто умеет спекулировать и превращать организацию, нормировку, регулировку, распределение в спекуляцию.

Итти по этому пути мы не желаем, кто бы нас на этот путь ни толкал сознательно или бессознательно. Мы стояли и будем стоять рука об руку с тем классом, с которым мы выступали против войны, вместе с которым свержали буржуазию и вместе с которым переживаем все тяжести настоящего кризиса. Мы должны стоять за хлебную монополию до конца, но не так, чтобы узаконять капиталистическую спекуляцию в крупных или мелких размерах, а чтобы бороться с сознательным мародерством.

И здесь мы видим большие трудности, более тяжелые опасности борьбы, чем когда перед нами стоял вооруженный до зубов против народа царизм или вооруженная до зубов русская буржуазия, которая не считала преступлением проливать кровь тысяч и сотен тысяч русских рабочих или крестьян на июньском наступлении прошлого года, с тайными договорами в кармане, с участием в дележе добычи, и которая считает преступлением войну трудящихся против угнетателей, единственную справедливую, священную войну, о которой мы говорили в самом начале империалистической бойни и которую теперь неизбежно все события на каждом шагу связывают с голодом.

Мы знаем, как царское самодержавие установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило. Еще бы! Оно оставалось верным своим союзникам—хлебным торговцам, спекулянтам, банковским воротилам, которые наживали на этом миллионы.

Мы знаем, как соглашатели из кадетской партии, вместе с эсерами и меньшевиками, и Керенский вводили хлебную монополию, так как вся Европа говорила, что без монополизации удержаться дольше нельзя, и как тот же Керенский в августе 1917 г. обходил тогдашний демократический закон. И мы знаем, как тот же Керенский в августе эти цены удвоил, и тогда социалисты всех цветов против этой меры протестовали и возмущались этим фактом.

Тогда не было ни одного органа печати, который не возмущался бы этим поведением Керенского и который не разоблачал бы, что тут за спиной министров-республиканцев, кабинета меньшевиков и с.-р., были проделки спекулянтов, что им уступили, повысив хлебные цены вдвое, что ничего больше, кроме уступки спекулянтам, тут не было; мы знаем эту историю.

Мы сравниваем теперь, как шло дело с хлебной монополией и борьба с голодом в капиталистических странах Европы, как шло оно у нас. Мы видим, как пользуются этим теперь контр-революционеры.

Мы должны из этого урока сделать себе твердые и непреклонные выводы. Да, ход событий привел к тому, что кризис, дошедший до мучительного голода, привел только к еще большему обострению гражданской войны, повел только к разоблачению таких партий, как партия правых с.-р. и меньшевиков, отличающихся от открытой капиталистической партии к.-д. тем, что к.-д. партия—партия прямых черносотенцев. К.-д. нечего говорить и не нужно обращаться к народу, им не нужно прикрывать своих целей, а этим партиям, которые с Керенским соглашались и делили власть и тайные договоры, им нужно к народу обращаться. И им приходится поэтому время от времени, вопреки их желанию и их плану, разоблачать себя.

Когда мы видим, как на почве голода вспыхивают, с одной стороны, восстания и бунты измученных голодом людей, а с другой стороны, бежит огоньком с одного конца России в другой полоса контр-революционных восстаний, заведомо питаемых и денежками англо-французских империалистов, и усилиями правых эс-эров и меньшевиков, тогда мы говорим себе: «картина ясна, пускай, кто хочет, продолжает мечтать о каких-то единых фронтах». Мы видим теперь особенно наглядно, что даже после поражения русской буржуазии в открытом военном столкновении, после того как с октября 1917 года и до февраля и марта 1918 года все открытые стычки революционных и контр-революционных сил показали контр-революционерам, даже главарям донских казаков, на которых больше всего рассчитывали, что их дело потеряно, потому что большинство народа везде против них, что и всякая новая попытка, даже в местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых, как казаки,—везде, без исключения, всякая попытка контр-революции приводила только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле.

Уроки гражданской войны с октября по март доказали, что трудящиеся массы российского рабочего класса и беднейшего крестьянства поголовно во всех концах России в гигантском большинстве стоят за Советскую власть.

Буржуазия увидала себя побежденной. И тут начинается раскол российской мелкой буржуазии: одни тянут к немцам, другие—к англо-французской ориентации, и оба направления сходятся в том, что голодная ориентация их объединяет...

Чтобы показать вам, товарищи, наглядно, как не наша партия, а ее враги и враги Советской власти объединяют спор между немецким ориентированием и англо-французским ориентированием на одной программе: при помощи голода свергнуть Советскую власть,—чтобы

вам показать, как это происходит, я позволю себе вкратце продитировать отчет о последнем совещании меньшевиков. Этот отчет был помещен в газете «Жизнь».

Из этого отчета, помещенного в газете «Жизнь» в 26 номере, мы узнаем, как докладчик по вопросу об экономической политике—Череванин ¹³⁶⁾, критикуя политику Советской власти, предлагал компромиссное решение вопроса, именно привлечение, в качестве практических деятелей, представителей торгового капитала на особо выгодных для них комиссионных началах. Мы узнаем из этого же отчета, как присутствующий на заседании председатель северной продовольственной управы Громан ¹³⁷⁾, пользуясь, как сказано там, огромным запасом личных наблюдений и опытом всяческих наблюдений,—я добавлю от себя, только в буржуазных кругах,—делал такие выводы: надо, он говорил, два средства применить: первое—нынешние цены должны быть повышены, второе—должна быть назначена особая премия за срочную доставку хлеба и т. д. (*Голос*: «Почему же это плохо?») Да, придется услышать, как это плохо, хотя оратор и не получивший слова, но пользующийся им из этого угла, думает нас убедить в том, что ничего плохого нет; но он, должно быть, забыл ход меньшевистской конференции по этой же газете «Жизнь», где говорится, как после Громана выступал с такой точкой зрения делегат Колокольников ¹³⁸⁾. Напоминаю вам ту резолюцию конференции, которую предлагал там небезизвестный Мартов ¹⁰⁹⁾ и которая по вопросу о Советской власти другими словами и другими оборотами говорит буквально то же самое: представители меньшевиков, в связи с продовольственным отчетом, Советскую власть называют непролетарской и негодной организацией.

В такой момент, когда восстание контр-революционеров в связи с голодом и в использование голода стало на очередь дня, тут никакие опровержения и никакие хитросплетения не помогут, а факт остается налицо. Перед нами политика в указанном вопросе, прекрасно развитая и Череваниным, и Громаном, и Колокольниковым. Перед нами оживление гражданской войны, перед нами поднимающая голову контр-революция, и я уверен, что девяносто девять сотых русских рабочих и крестьян свой вывод из этих событий, не всем еще известный, делают и сделают, и что этот вывод будет именно таков, что, только разбивая на-голову контр-революцию, что, только продолжая политику социалистическую в вопросе о голоде, в борьбе с голодом, мы победим и голод и контр-революционеров, пользующихся этим голодом.

Товарищи, мы теперь как раз подходим к тому времени, когда Советская власть после долгой и тяжелой борьбы с тяжелыми и крупными контр-революционными противниками победила их в ходе откры-

тых схваток и теперь могла взяться и взялась вплотную,—победив и военное сопротивление эксплуататоров и саботажническое сопротивление всех,—взялась вплотную за работу организационную. И вся трудность борьбы с голодом, вся гигантская тяжесть этой задачи тем и объясняется, что мы здесь вплотную подошли непосредственно к задаче организационной.

Победа в восстании неизмеримо легче. Победа над сопротивляющейся контр-революцией в миллион раз легче победы над задачей организационной, особенно там, где мы решили задачу, в которой и восставший пролетарий и мелкий собственник, широкие слои мелкой буржуазии могли идти в значительной степени вместе, в которой много еще было элементов обще-демократических, общетрудовых. Мы подошли теперь от этой задачи к другой. Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической.

Тут мы столкнулись лицом к лицу с осуществлением задачи революционно-социалистической, здесь встали перед нами необычайные трудности.

Мы этих трудностей не боимся, мы их знали, мы никогда не говорили, что легко перейти от капитализма к социализму. Это—целая эпоха ожесточеннейшей гражданской войны, мучительные шаги, когда к одному отряду восставшего пролетариата одной страны подойдет отряд другой страны исправлять совместными усилиями ошибки. Здесь перед нами задачи организационные, захватывающие продукты всеобщего потребления, захватывающие самые глубокие корни спекуляции, захватывающие верхушки буржуазного мира и верхушки капиталистической эксплуатации, которые снять не легко одним массовым напором. Здесь перед нами мелкие и глубоко по всем странам рассыпанные корни и корешки этой буржуазной эксплуатации в лице мелких собственников, в лице всего этого уклада жизни, привычек и настроений мелко-собственнических, мелко-хозяйских, когда перед нами встает мелкий спекулянт, непривычка к новому строю жизни, неверие в него, отчаяние.

Ибо это—факт, что очень многие представители трудящихся масс впали в отчаяние при ощущении необыкновенных трудностей, поставленных перед нами революцией. Мы этого не боимся. Не бывало ни разу, ни в одной революции, чтобы известными слоями не овладевало отчаяние.

Если масса выделяет известный авангард дисциплины, наученный десятилетиями эксплуатации, если авангард знает, что эта диктатура, что эта твердая власть может привлечь всю бедноту, но что это—долгий процесс, трудная борьба, то это и есть начало социалистической рево-

люции. Когда видим, что объединенные рабочие, массы бедноты, организовавшиеся, было, против богатеев, спекулянтов, против людей, для которых бессознательная или сознательная масса интеллигентов повторяет спекулянтские лозунги, когда эти рабочие, сбитые с толку, говорят о свободной продаже хлеба и ввозе гужевым транспортом, мы отвечаем, что это значит пойти на выручку кулакам. На этот путь мы не станем. Мы будем опираться на трудовой элемент, с которым мы одержали октябрьскую победу, будем добиваться своего решения только введением пролетарской дисциплины среди слоев трудового народа. Перед нами историческая задача, мы решим ее!

Когда нам приходится переживать гигантские трудности, произвести сборы всех излишков и запасов, правильно распределить, правильно организовать подвоз на миллионы людей, необходимо поставить абсолютно регулярную работу, чтобы работа шла, как часы, и победила разруху, поддерживаемую спекулянтами и неуверенными, сеющими панику. Эту задачу организации способны выполнить лишь сознательные рабочие, стоящие лицом к лицу с практическими затруднениями. На эту задачу стоит отдать все силы и принять решительный и последний бой. И в этом бою мы победим...

Товарищи, последние декреты о мероприятиях Советской власти показывают нам, что это—путь пролетарской диктатуры, и для каждого социалиста, не в насмешку называющего себя социалистом, ясно и бесспорно, что перед нами путь тяжелых испытаний.

Самый коренной вопрос жизни, о хлебе, поставили последние декреты. Они все имеют три руководящие идеи: первая—идея централизации, или объединения всех вместе в одну общую работу под руководством центра; показать себя серьезными и победить всякое уныние, отбросить отдельные услуги всяких мешечников, слить все пролетарские силы,—ибо в вопросе о борьбе с голодом мы опираемся на те же угнетенные классы и видим выход только в их энергичной борьбе против эксплуататоров, в объединении всей их деятельности.

Да, нам указывают, как на каждом шагу рушится хлебная монополия посредством мешечничества и спекуляции. Все чаще приходится слышать от интеллигенции: но ведь мешечники оказывают им услугу, и они все ими кормятся. Да. Но мешечники кормят по-кулацки, они действуют именно так, как нужно действовать, чтобы укрепить, установить, увековечить власть кулака, чтобы тот, кто имеет власть, распространял ее на окружающих через отдельных лиц. А мы утверждаем, что, если бы силы тех лиц, которые в настоящее время повинны большей частью только в неверии, если бы их силы соединились, борьба была бы значительно легче. Если где-нибудь существовал такой

революционер, который надеялся бы без затруднения перейти к социалистическому строю, то мы могли бы сказать, что такой революционер, такой социалист не стоит ломаного гроша.

Мы знаем, что переход от капитализма к социализму есть в высшей степени трудная борьба. Но мы готовы перенести тысячи затруднений и совершить тысячи попыток, и после тысячи попыток мы приступим к тысяча первой. Мы привлекаем теперь все советские организации к новой творческой жизни, к подъему новых сил. Мы рассчитываем победить новые трудности привлечением новых слоев, организацией деревенской бедноты, и здесь я подхожу ко второй основной задаче.

Я сказал, что первая наша мысль, это—проводимая во всех декретах мысль о централизации. Только собрав весь хлеб в общие мешки, мы можем поделить его, и все равно хлеба будет только в обрез; прежнего избытка в России не осталось, и надо, чтобы коммунизм проник глубоко в сознание каждого, чтобы все относились к излишку хлеба, как к народному достоянию, проникались сознанием интересов трудящихся. А для того, чтобы это было достигнуто, необходим только тот способ, который предлагается Советскою властью.

Когда нам говорят о других способах, мы отвечаем, как сделали мы это в заседании ЦИК, когда нам говорили о других путях: идите к Скоропадскому ¹³⁴), к буржуазии. Учите их таким методам, как повышение хлебных цен, как блок с кулаками,—там вы встретите уши, желающие вас слышать. А Советская власть скажет одно: трудности неизмеримы, на каждую трудность отвечайте новыми и новыми усилиями организации и дисциплины. Такие трудности не преодолеваются в месяц. В истории народов бывали десятилетия, посвященные преодолению меньших трудностей, и эти десятилетия вошли в историю, как самые великие и самые плодотворные десятилетия. Никогда неудачами первого полугодия и первого года величайшей революции вы не посеете в нас уныния. Мы будем осуществлять наш старый лозунг централизации, объединения, пролетарской дисциплины в общеевропейском масштабе.

Когда нам будут указывать, как указывает Громан в своем докладе: ваши отряды, которые идут собирать хлеб, спиваются и сами превращаются в самогонщиков, в грабителей, мы скажем, что мы прекрасно знаем, как часто это бывает в таких случаях, мы это не прикрываем, не прикрашиваем, не отмахиваемся от этого якобы левыми фразами и намерениями. Да, рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества, и, когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносятся вон. Когда гибнет старое общество, труп его

нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, он гниет и заражает нас самих.

Иначе на свете не происходило ни одной великой революции и не может происходить. Именно то, с чем мы должны бороться за сохранение и развитие ростков нового в атмосфере, пропитанной миазмами разлагающегося трупа, та литературная и политическая обстановка, та игра политических партий, которые, от кадет до меньшевиков, этими миазмами разлагающегося трупа пропитаны, все это собирается бросать нам палки под колеса.

Иначе социалистическую революцию никогда родить нельзя, и иначе как в обстановке разлагающегося капитализма и мучительной борьбы с ним ни одна страна от капитализма к социализму не перейдет. И поэтому мы говорим: наш первый лозунг — централизация, наш второй лозунг — объединение рабочих. Рабочие, объединяйтесь и объединяйтесь! Это старо, это не кажется эффектным, новым, это не обещает тех шарлатанских успехов, которыми малят вас люди, как Керенский, удвоивший цены в августе 1917 г., как их удвоили и удесатерили германские буржуа, люди, которые вам обещают немедленные и непосредственные успехи, вот только окажите еще новые и новые поправки кулакам. Конечно, на этот путь мы не пойдем, а говорим наше второе средство, оно старое, но в то же время вечное средство: объединяйтесь!

Мы в трудном положении: Советская Республика переживает, может быть, один из тяжелых своих переходов. Новые слои рабочих придут к нам на помощь. У нас нет полиции, у нас не будет особой военной касты, у нас нет иного аппарата, кроме сознательного объединения рабочих. Они выведут Россию из отчаянного и гигантски трудного положения. Объединение рабочих, организация рабочих отрядов, организация голодных из неземледельческих голодных уездов, — их мы зовем на помощь, к ним обращается наш комиссариат продовольствия, им мы говорим: в крестовый поход за хлебом, крестовый поход против спекулянтов, против кулаков, для восстановления порядка.

Крестовый поход, это был такой поход, когда к физической силе прибавлялась вера в то, что сотни лет тому назад пытки заставляли людей считать святым. А мы хотим и думаем, и мы убеждены, и мы знаем, что Октябрьская революция сделала то, что передовые рабочие и передовые крестьяне из беднейшего крестьянства считают теперь святым сохранение своей власти над помещиками и над капиталистами.

Они знают, что недостаточно физической силы для воздействия на массы населения; но физическая сила нам нужна, так как мы строим диктатуру, мы строим насилие по отношению к эксплуататорам.

И всякого, кто этого не понимает, мы с презрением отбрасываем от себя, чтобы не тратить слов на разговоры о форме социализма.

Но мы говорим: перед нами новая историческая задача. Нам нужно дать самосознание этому новому историческому классу. Нам нужны отряды агитаторов из рабочих. Нам нужны рабочие из различных уездов непроизводящих губерний. Нам нужно, чтобы они шли туда, как сознательные проповедники Советской власти, и чтобы нашу продовольственную войну, нашу войну с кулаками, нашу войну с беспорядками они освящали, они узаконяли и делали возможным проведение социалистической пропаганды, чтобы они несли в деревню то различие между беднотой и богатыми, которое каждому крестьянину понятно, и в котором глубочайший источник нашей силы, источник, который поднять и заставить бить, бить полной струей, вещь трудная, потому что мы имеем эксплуататоров многочисленных, мы имеем подчинение себе этими эксплуататорами массы приемами разнообразнейшими, начиная с подкупа бедноты, чтобы они, представители бедноты, нажились на самогонке или продали путем спекуляции, нажив на рубль по несколько рублей. Вот какими средствами действуют кулаки и буржуазия в деревне на массы.

Бедноту мы не можем обвинять в этом, потому что знаем, что десятилетия, тысячелетия она была в рабстве, что она испытывала и крепостное право и была при тех порядках, которые оставила Россия после крепостного права. Мы должны идти к ней не только с оружием, направленным против кулаков, но и с проповедью сознательных рабочих, которые свою силу организации понесли бы туда. Объединяйтесь, представители бедноты,—вот наш третий лозунг. Это не заигрывание с кулаками и не нелепая мера повышения цен. Если мы удвоим цены, они скажут: «нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят».

Это—дорога торная, дорога угождения кулакам и спекулянтам, на нее легко стать и нарисовать заманчивую картину. Интеллигенция, называющая себя социалистами, готова малевать нам такие картины, а этой интеллигенции хоть пруд пруди. А мы вам говорим: кто хочет идти за Советскою властью, кто ценит ее и считает ее властью трудящихся, властью эксплуатируемого класса, того мы зовем на другой путь. Эта новая историческая задача—вещь трудная. Разрешить ее—значит поднять новый слой, дать новую форму организации тем представителям трудящихся и эксплуатируемых, которые в большинстве забиты, темны и которые меньше всего объединены и которым предстоит еще объединиться.

Во всем мире передовые отряды рабочих городских, рабочих промышленных объединились, объединились поголовно.

Но почти нигде в мире не было еще систематических, беззаветных и самоотверженных попыток объединить тех, кто по деревням, в мелком земледельческом производстве, в глуши и темноте отуплен всеми условиями жизни. Тут стоит перед нами задача, которая сливается в одну цель не только борьбу с голодом, а борьбу и за весь глубокий и важный строй социализма. Здесь перед нами такой бой, на который стоит отдать все силы и поставить все на карту, потому что это—бой за социализм, потому что это—бой за последний строй трудящихся и эксплуатируемых. Будем смотреть на них, как на своих сторонников на этом пути. На нем нас ждут прочные завоевания, и не только прочные, но и неотъемлемые. Вот третий знаменательный наш лозунг...

Вот эта централизация продовольственного дела, объединение всех усилий, наше обращение, обращение нашего комиссариата продовольствия к каждому профессиональному союзу, к каждому заводскому комитету:

«Вам тяжело, товарищи, так помогайте нам, соединяйте с нашими ваши усилия, преследуйте каждое нарушение порядка, каждое отступление от хлебной монополии. Это—трудная задача; но вместе с тем еще и еще раз, в сотый и тысячный раз, выступайте против мешечничества, спекуляции и кулачества, и мы победим, потому что большинство рабочих всем ходом своей жизни и всеми тяжелыми уроками наших продовольственных неудач и продовольственных испытаний приводится к этому пути.

«Они знают, что если в то время, пока в России еще не было абсолютного недостатка хлеба,—если тогда недочеты продовольственных организаций выкупались посредством изолированных индивидуальных действий, то этого дальше не будет. Только общие усилия, только объединение всех, кто больше всего страдает в голодных городах и губерниях, нам помогут, и это—тот путь, на который вас зовет Советская власть, объединение рабочих, их передовых отрядов для агитации на местах, для войны за хлеб против кулаков».

И недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем, по расчету осторожных специалистов, еще теперь до 10 миллионов пудов избытка хлеба. Мы далеко не в состоянии эти избытки собрать в государственные запасы и соединить.

Давайте браться за это дело с большими усилиями. Пусть на каждом заводе, где временно берет верх отчаяние, где люди готовы от мучений голода метаться и бросаться к шарлатанским лозунгам

людей, которые возвращаются назад к приемам Керенского, к повышению твердых цен, пусть идет сознательный рабочий и говорит: «Мы видим людей, которые отчаялись в Советской власти. Идите в наш отряд боевых агитаторов, не смущайтесь тем, что так много примеров, когда эти отряды распадались и спивались. Каждым таким примером мы будем доказывать не то, что рабочий класс не годен, а то, что рабочий класс не избавился пока от недостатков старого грабительского общества и избавится от них не сразу. Давайте соединим наши усилия, создадим десятки отрядов, соединим действия их и покончим с этими недостатками».

Товарищи, в связи с продовольственным кризисом, в связи с мучением голода, который охватывает собой все города, нам приходится наблюдать, говоря словами поговорки: хорошее слово лежит, а плохое бежит. Пусть трубят во все трубы, пусть сеют панику с Череванино-Громановской колокольни голоса, призывающие к уничтожению и сношению Советской власти.

Кто занят работой, этим сеянием паники будет меньше всего обеспокоен: он будет останавливаться на фактах, будет видеть, что работа идет и что новые ряды объединяются, что такие ряды есть.

Образовывается новая форма борьбы против кулаков, форма союза бедноты, которой нужно помочь, которую нужно объединить. Мы должны помочь, когда предлагают нам премии за подвоз хлеба. Бедноте мы согласны дать эту премию, и мы на это уже пошли. К кулакам, преступникам, мучающим население голодом, из-за которых страдают десятки миллионов, к ним мы применяем насилие. Деревенской бедноте даем всякие премии, она имеет право на это. Когда при переходе от империализма к социализму, вопрос стоит для громадного трудового большинства о равенстве заработка, чувство несправедливости для страждущих неизмеримо больше, чем страдают рабочие на фабрике. Чувство справедливости отчасти ощущается, и мы идем навстречу крестьянам. Крестьянская беднота впервые получила доступ к благам жизни, и мы видим, что жизнь скуднее у них, чем у рабочих. Этой деревенской бедноте мы дадим всяческие премии, мы поможем, если они нам помогут организовать ссышку хлеба, получение хлеба от кулаков, и, чтобы стало это в России реальностью, мы не должны жалеть никаких средств.

Мы на этот путь уже вступили. Всякий опыт сознательных рабочих новые отряды будут развивать все дальше и дальше.

«Протолы ВЦИК 4-го созыва».

Издание 1918 г.

Заключительное слово.

(Заседание ВЦИК 4 июня 1918 г.)

Товарищи, речи фракционных ораторов показали, на мой взгляд, то, что и следовало ожидать.

Несмотря на различие, существующее между коммунистами и представителями некоторых других партий и групп, мы убедились, что громадный подъем в массах сплывает в борьбе с голодом не только рабочих-коммунистов. И мы не сомневаемся, что, чем дальше пойдет борьба с голодом и чем дальше обнаружит себя прячущаяся за спину чехо-словацких¹³⁹⁾ и других банд контр-революция, тем сильнее пойдет размежевание сторонников большевиков,—трудовых рабочих и крестьянских масс,—и тех врагов, как бы они ни назывались, с доводами которых мы спорим. Враги эти по-прежнему приводят те же старые, избитые доводы о Брестском мире и о гражданской войне, точно за те месяцы, которые прошли со времени Брестского мира, события не показали убедительно правоту тех, которые говорили, что только тактика коммунистов даст народу мир и освободит его для работы по организации и сплочению, для подготовки новых и великих войн, имеющих наступить уже в другой обстановке. События показали полностью, что европейский пролетариат, который тогда еще не мог пойти на помощь, с каждым месяцем, без преувеличения можно сказать теперь, с каждым месяцем подходит к тому положению, при котором восстание сознается вполне и станет неизбежным. События показали вполне, что был лишь один выбор, который называется насильническим, грабительским миром.

Всякий думающий чувствовал, что на III съезде Советов⁵⁰⁾ правые эс-эры внесли контр-революционную резолюцию; всякий думающий должен чувствовать то же о резолюции меньшевиков, до сих пор кричащих: долой Брестский мир, и делающих вид, что как будто бы не знают на практике, что этим самым они хотят втянуть в войну германскую буржуазию посредством чехо-словацких бунтарей и нанимания агентов для втягивания нас в эту войну.

Не стоит останавливаться на обвинениях против коммунистов, будто это они виноваты в голоде. Точно так же было и в Октябрьскую революцию. И не сошедший с ума социалист или анархист, как угодно называйте, не может решиться сказать, перед любым собранием, что можно прийти к социализму без гражданской войны.

Вы можете пересмотреть всю литературу всех сколько-нибудь ответственных социалистических партий, фракций и групп, и вы не

найдете ни у одного ответственного и серьезного социалиста такой нелепости, будто когда-нибудь социализм может наступить иначе, как через гражданскую войну, и что помещики и капиталисты могут уступить свои привилегии. Это—наивность, граничащая с глупостью, особенно теперь, после ряда поражений буржуазии и ее сторонников, когда нам приходится слышать такие признания, как, например, Богаевского ¹⁰⁵), имевшего на Дону лучшую в России почву для контр-революции, который также признал, что большинство народа против них, а потому никакие подкобы буржуазии без иностранных штыков им не помогут. А здесь на большевиков обрушиваются за гражданскую войну. Это значит переходить на сторону контр-революционной буржуазии, какими бы лозунгами при этом ни прикрывались.

Как до революции, так и теперь мы указываем, что, когда международный капитал бросает в порядок истории войну, когда гибнут сотни тысяч людей, когда война пересоздает нравы и приучает людей решать вопросы военной силой, в это время думать, что можно выйти из войны иначе, как превратив ее в гражданскую войну,—более чем странно. И то, что назревает в Австрии и в Италии, и в Германии, показывает, что гражданская война произойдет там в еще более резких чертах, будет еще более острой.

Иного пути для социализма нет.

Кто ведет войну против социализма, тот изменяет социализму полностью.

Нам сейчас приходится решать практические задачи. Мы знаем, особенно товарищи-рабочие знают, как на каждом шагу практической жизни, на каждом заводе, на каждом собрании, на каждом случайном собрании на улице все более остро ставится вопрос о голоде. И поэтому наша главная задача должна быть в том, чтобы и это собрание, где мы вместе с представителями ВЦИК, Московского Совета и профессиональных союзов,—чтобы и оно послужило исходным пунктом для переворота во всей нашей практической работе. Все остальное целиком надо подчинить тому, чтобы наша пропаганда, агитация, органическая работа были успешны, чтобы на первый план целиком был поставлен вопрос о борьбе с голодом, целиком был объединен вопрос о пролетарской и беспощадной твердой войне с кулаками и спекулянтами.

Наш комиссариат продовольствия уже обратился к фабрично-заводским комитетам, профессиональным союзам и тем крупным пролетарским центрам, в которых приходится нам непосредственно действовать, к тем тесным и многочисленным связям, объединяющим

московских рабочих с сотнями тысяч организованных фабрично-заводских рабочих всех громадных промышленных районов.

Положение критическое. Голод не только угрожает, он пришел. Надо, чтобы каждый рабочий, каждый партийный работник сейчас же практически поставил своей задачей переменить основное направление своей деятельности.

Все на заводы, все к массам, все должны практически взяться за работу сейчас. Она нам даст массу практических указаний, гораздо более богатых приемами, и вместе с тем она наметит и выдвинет новые силы. С этими новыми силами мы широко развернем работу, и мы твердо убеждены, что три месяца, гораздо более трудные, чем предыдущие, послужат к тому, что мы свои силы закалим, и они приведут нас к полной победе над голодом и облегчат проведение всех планов Советской власти.

«Протоколы ВЦИК 4-го созыва».

Издание 1918 г.

**РЕЧИ НА IV КОНФЕРЕНЦИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ
КОМИТЕТОВ МОСКВЫ**

27—28 июня 1918 г.

*«Протоколы IV конференции
фабр.-зав. комитетов и профе
с. Москвы». Изд. ВЦСПС 1918 г.*

Доклад о текущем моменте.

(Заседание 27 июня 1918 г.) ¹¹⁰).

Товарищи! Вы все, конечно, знаете, как надвинулось на нашу страну теперь величайшее бедствие—голод. Нам приходится прежде, чем перейти к вопросу о мерах борьбы с этим бедствием, которое как раз теперь обострилось всего более, нам приходится прежде всего поставить вопрос о том, чем в основных причинах вызвано это бедствие. Если мы ставим этот вопрос, то мы должны сказать себе и запомнить, что не только на Россию, но и на все, даже наиболее культурные, передовые, цивилизованные страны надвинулось теперь это бедствие.

В России в течение ряда последних десятилетий, в особенности теперь, в революцию, бывало не раз, что голод обрушивался на целые области нашей земледельческой страны, где разрознено и придавлено было гнетом царей, помещиков и капиталистов громадное большинство русского крестьянства. Но и в западно-европейских странах царит то же бедствие. Многие из этих стран не только в течение десятилетий, но и в течение столетий забыли уже о том, что такое голод, настолько высоко развилось в них земледелие, настолько обеспечены были громадным количеством привозного хлеба те из европейских стран, которым не хватало своего собственного хлеба, а теперь, в XX веке, на-ряду с еще большим прогрессом техники, на-ряду с чудесами изобретений, на-ряду с громадным применением машин и электричества, новых двигателей внутреннего сгорания в земледелии,—на-ряду со всем этим мы, во всех без исключения европейских странах, видим теперь надвинувшееся на народы то же самое бедствие—голод. Как будто с цивилизацией, с культурой страны опять возвращаются к первобытному варварству, опять переживают такое положение, когда дичают нравы, звереют люди в борьбе за кусок хлеба. Чем вызван этот поворот к варварству в целом ряде европейских стран, в большинстве их? Мы все знаем, что вызвано это империалистической войной,—войной, которая уже четыре года терзает человечество, которая стоит народам уже больше, значительно больше 10 милл. молодых жизней, войной, кото-

рая вызвана корыстными капиталистами, войной, которая ведется из-за того, кто, какой величайший хищник—английский или немецкий—будет господствовать над миром, приобретать колонии, душить малые народы.

Эта война, которая охватила почти весь земной шар, которая не меньше 10 миллионов жизней унесла, не считая миллионов изуродованных, искалеченных и больных, война, которая оторвала от производительного труда, кроме того, миллионы самых здоровых и самых лучших сил,—эта война привела к тому, что человечество стоит теперь в положении совершенного варварства. Исполнилось то, что предвидели, как самый худший, самый мучительный, самый тяжелый конец капитализма, многочисленные писатели социалистического направления, которые говорили: капиталистическое общество, основанное на захвате частной собственности, земли, фабрик, заводов и орудий кучкой капиталистов, монополистов, превратится в общество социалистическое, одно только имеющее возможность положить конец войне, ибо цивилизованный, «культурный», капиталистический мир идет к неслыханному краху, который способен порвать и неминуемо порвет все основы культурной жизни. Не только в России, повторяю, но и в наиболее культурных передовых странах, как Германия, в которой производительность труда несравненно выше, которая с громадным избытком может снабжать мир техническими средствами и, еще свободно сносясь с далекими странами, может снабдить население пищевыми продуктами, мы видим голод, несравненно лучше организованный, чем в России, растянутый на более долгое время, но голод еще более тяжелый, еще более мучительный. Капитализм привел к такому тяжелому и мучительному краху, что теперь совершенно ясно для всех, что настоящая война не может окончиться без ряда наиболее тяжелых и наиболее кровавых революций, из которых русская революция была только первой, явилась только началом.

Если вы слышите теперь известия о том, как, например, в Вене второй раз основывается Совет Рабочих Депутатов, второй раз охватывает трудящееся население почти всеобщая массовая стачка, если мы слышим, как в городах, бывших до сих пор образцами капиталистического порядка, культуры и цивилизации, вроде Берлина, становится опасно выходить в темное время на улицу потому, что, несмотря на самые свирепые меры преследования и самую строгую охрану, война и голод довели и там людей до состояния полной дикости, довели до такой анархии, до такого возмущения, что не только продажа, но прямой грабеж, прямая война из-за куска хлеба становится на очередь для всех культурных, цивилизованных государств.

Товарищи, если поэтому мы наблюдаем у себя теперь в нашей родине, какое мучительное, тяжелое положение создалось в связи с голодом, то мы должны разъяснить тем немногим, но все же имеющимся еще, совершенно слепым, темным людям основные и главные причины голода. Можно встретить еще людей у нас, которые рассуждают: при царе хлеб все-таки был, а революция пришла, и хлеба нет, и понятно, что, может быть, действительно для каких-либо деревенских старух все развитие истории за последние десять лет к этому сводится, что прежде хлеб был, а теперь нет. Это понятно, потому что голод есть такое бедствие, которое все остальные вопросы сметает, отводит прочь и только его ставит во главу угла и подчиняет ему все прочее. Но понятно, что наша задача, задача сознательных рабочих в том, чтобы разъяснить наиболее широким массам, разъяснить поголовно всем представителям трудящихся масс города и деревни, в чем замечается основная причина голода, потому что, не разъяснив этого, мы не можем создать ни в себе, ни в представителях трудящихся масс правильного отношения, не можем создать правильного понимания вреда его, не можем создать твердой решимости и настроения, необходимого для того, чтоб с этим бедствием бороться. А если мы вспомним, что это бедствие создано империалистической войной, что теперь даже самые богатые страны испытывают неслыханный голод и неимоверно мучается громадное большинство трудящихся масс, если мы вспомним, что эта империалистическая война уже 4 года заставляет рабочих различных стран проливать кровь из-за выгод, из-за корысти капиталистов, если мы вспомним, что, чем дальше тянется эта война, тем меньше из нее выхода, тогда мы поймем, какие гигантские, неизмеримые силы должны быть приданы движению.

Война тянется уже скоро 4 года. Россия вышла из войны и, благодаря тому, что она вышла одна, она оказалась между двумя стаями империалистических хищников, из которых каждый рвет, душит и пользуется временной беззащитностью и безоружностью России. Война тянется уже 4 года. Германские империалистические хищники одержали ряд побед и продолжают обманывать своих рабочих, часть которых подкуплена буржуазией, перешла на их сторону, повторяет гнусную кровавую ложь о защите отечества, так как на самом деле немецкие солдаты защищают корыстные грабительские интересы немецких капиталистов, которые обещают им, что Германия принесет мир, даст благосостояние, а мы видим на деле, что победы Германии, чем шире они становятся, тем больше обнаруживают ее безнадежное положение.

Германия хвятилась во время Брестского мира, когда заключала насильственный эксплуататорский, основанный на насилии, на угнетении народов, Брестский мир, германские капиталисты хвалились, что он даст хлеб и мир рабочим. А теперь понижают хлебный паек в Германии. Продовольственная кампания в богатой Украине оказалась по общему признанию крахом¹⁴¹), а в Австрии дело доходило опять до голодных бунтов, до всенародного массового возмущения, потому что, чем дальше одерживает свои победы Германия, тем яснее становится для всех, даже для многих представителей из крупной буржуазии Германии, что война безысходна, что если даже немцы смогут сопротивляться на Западном фронте, то это несколько не приблизит их к концу войны, но создаст еще новую поработленную страну, которую нужно оккупировать, занять немецкими отрядами и вести дальше войну, и разложение немецкой армии, которая превращается и превратится из армии в шайку грабителей, людей, производящих насилие над чужими народами, над безоружными народами, выкачивающих оттуда последние остатки съестных припасов и сырых материалов при громадном сопротивлении населения. Чем дальше подходит Германия к окраинам Европы, тем яснее становится, что перед ней стоят Англия и Америка, что они гораздо более развиты, с большими производительными силами, которые находят время отправлять десятки тысяч лучших новых сил в Европу, чтобы все машины, все фабрики и заводы превратить в средство разрушения. Война вновь приходит, и это значит, что каждый год, больше того, каждый месяц несет расширение этой войны. Из этой войны нет иного выхода, как революция, как гражданская война, как превращение войны между капиталистами из-за их прибылей, из-за дележа добычи, из-за удущения мелких стран, в войну угнетенных против угнетателей, единственную войну, которая сопровождает всегда в истории не только войну, но и сколько-нибудь значительные революции, единственную войну, которая из этих войн является одна только законной и справедливой, священной войной с точки зрения интересов трудящихся, угнетенных, эксплуатируемых масс. Без такой войны из империалистического рабства не выйти. Мы должны дать ясный отчет в том, какие новые бедствия несет гражданская война для всякой страны. Эти бедствия будут тем тяжелее, чем культурнее страна. Представим себе страну с машинами, железными дорогами в гражданской войне, которая прерывает сообщение между областями страны. Представьте себе, в каком положении будут области, десятки лет приспособившиеся к тому, чтобы жить обменом промышленности, и вы поймете, что всякая гражданская война несет еще новые тяжелые бедствия, которые

и представляли себе величайшие социалисты. Империалисты обрекают на бедствие, муки и вымирание рабочий класс. Перед новым социалистическим обществом, как ни тяжелы, мучительны эти муки всего человечества, с каждым днем становится яснее, что войны, которую начали империалисты, эти империалисты не кончат, а кончат другие классы, рабочий класс, который во всех странах с каждым днем приходит во все большее движение, негодование и возмущение, и это обстоятельство независимо от чувств и настроения силою вещей принуждает свергнуть господство капиталистов. Нам в России, когда бедствия голода особенно чувствуются, приходится переживать такой период, который когда-либо революции предстоял, а на немедленную помощь западно-европейских товарищей рассчитывать нельзя. Вся тяжесть русской революции состоит в том, что нам, русскому рабочему и русскому революционному рабочему классу, было гораздо легче начать, чем другим западно-европейским классам, но нам труднее продолжать. Там, в западно-европейских странах, начать революцию труднее, потому что против революционного пролетариата стоит высшая мысль культуры и рабочий класс находится в культурном рабстве.

В это время нам, уже в силу нашего международного положения, приходится переживать неимоверно трудное время, и нам, представителям трудящихся масс, рабочим, сознательным рабочим—надо во всей своей агитации и пропаганде, в каждой речи, в каждом призыве, беседе на фабрике, в каждой встрече с крестьянами объяснять им, что бедствие, которое на нас обрушилось, есть бедствие международное, что выхода из него, кроме международной революции, нет. Если нам пришлось пережить такой мучительный период, когда мы временно остались одни, то все наши силы должны быть направлены к тому, чтобы этот тяжелый период вынести стойко, зная, что мы, в конце концов, не одни, что бедствия, которые мы переживаем, подкрадываются к каждой европейской стране, и что ни одна из этих стран без ряда революций не найдет выхода.

В России на нас надвинулся голод, обостренный тем, что насильственный мир отнял у России самые хлебные, самые плодородные губернии; он обострился еще тем, что мы подходим к концу старой продовольственной кампании. До нового урожая, отличающегося несомненным богатством, остается еще несколько недель, которые потому представляют самый трудный переход, а этот переход, будучи труден вообще, обострился тем, что в России свергнутые эксплуататорские классы помещиков и капиталистов делают все усилия, напрягают все силы к тому, чтобы снова и снова попытаться вернуть себе власть. Это—одна из основных причин того, что как раз сибирские

хлебородные губернии оказываются теперь отрезанными от нас благодаря восстанию чехо-словаков. Но мы хорошо знаем, как чехо-словацкие солдаты заявляют представителям наших войск и наших рабочих и наших крестьян, что они не хотят воевать с Россией и русской Советской властью, что они хотят только пробиться с оружием в руках на окраину, а во главе их стоят те же вчерашние генералы, помещики, капиталисты, работающие на англо-французские денежки, пользующиеся поддержкой российских социал-предателей, перешедших на сторону буржуазии.

Вся эта теплая компания пользуется голодом, чтобы сделать еще попытку вернуть к власти помещиков и капиталистов. Товарищи, на опыте нашей революции подтверждаются те слова, которые всегда отличают представителей научного социализма, Маркса и его последователей, от социалистов-утопистов, от социалистов мелко-буржуазных, от социалистов-интеллигентов, от социалистов-мечтателей; мечтатели-интеллигенты, мелко-буржуазные социалисты — они думали, может быть, думают, мечтают о том, что социализм удастся ввести путем убеждения. Убедится большинство народа, и когда оно убедится, — меньшинство послушается, большинство проголосует, и социализм будет введен. Нет, так счастливо земля не устроена; эксплуататоры, звери-помещики, капиталистический класс убеждению не поддаются. Социалистическая революция подтверждает то, что видели все — величайшее сопротивление эксплуататоров. Чем сильнее нажим угнетенных классов, чем ближе подходят они к тому, чтобы свергнуть всякое угнетение, всякую эксплуатацию, чем решительнее развертывают почин угнетенное крестьянство и угнетенные рабочие, тем бешенее становится сопротивление эксплуататоров.

Мы переживаем самый тяжелый, самый мучительный период перехода от капитализма к социализму — период, который неизбежно, во всех странах, будет долгим, очень долгим периодом, потому что, повторяю, на каждый успех угнетенного класса угнетатели отвечают новыми и новыми попытками сопротивления, свержения власти угнетенного класса. Чехословацкий мятеж ¹³⁹⁾, явно поддерживаемый англо-французским империализмом, ведущим политику свержения Советской власти, указывает, чего стоит это сопротивление. Мы видим, как этот мятеж усиливается, естественно, голодом. Понятно, что широкие массы трудящихся заключают в себе очень много людей, которые (вы это особенно хорошо знаете: каждый из вас на фабрике наблюдает это) просвещенными социалистами не являются и не могут быть ими, потому что им нужно каторжно работать на фабрике, и не остается у них ни времени, ни возможности стать социалистами. Понятно, что

эти люди сочувствуют, когда видят, как на фабрике поднимаются рабочие, которые получают возможность начать самим учиться делу управления предприятиями, трудному, тяжелому делу, в котором неизбежны ошибки, но единственному делу, на котором рабочие могут, наконец, осуществить свое постоянное стремление к тому, чтобы машины, фабрики, заводы, лучшая совершенная техника, лучшие завоевания человечества служили не эксплуатации, а улучшению жизни, облегчению жизни громадного большинства. Но когда они видят, как империалистические хищники с запада, с севера и востока—пользуются беззащитностью России, чтобы рвать душу из нее, и пока они не знают, как станет дело с рабочим движением в других странах, понятно, ими руководит отчаяние. Иначе быть не может. Смешно ожидать и нелепо было бы думать, чтобы от капиталистического общества, основанного на эксплуатации, сразу могло явиться полное сознание необходимости социализма и его понимание. Этого быть не может. Ясное понимание вырабатывается только в конце и только той борьбой, которую приходится переживать таким мучительным периодом, когда одна революция оказалась впереди других, а другие не помогают, и когда надвигается голод. Естественно и неизбежно слоями трудящихся овладевает отчаяние, негодование, является настроение махнуть рукой на что бы там ни было,—и понятно, что контр-революционеры, помещики и капиталисты и их прикрыватели и пособники этим моментом пользуются для того, чтобы производить новый и новый натиск на социалистическую власть.

Мы видим, к чему это приводило во всех городах, где не было помощи иностранных штыков. Мы знаем, что Советскую власть удавалось побеждать только тогда, когда люди, кричавшие так много о защите отечества и о своем патриотизме, показывали свою капиталистическую натуру и стали заключать сделки сегодня с немецкими штыками, чтобы вместе с ними резать украинских большевиков, завтра с турецкими штыками, чтобы наступать на большевиков, послезавтра—с чехо-словацкими штыками, чтобы свергать Советскую власть и резать большевиков в Самаре. Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России штыкам японским, немецким, турецким, только она давала до сих пор хоть тень успеха соглашателям капитализма и помещикам. Но мы знаем, что когда восстание подобного рода, на почве голода и отчаяния масс, подымалось, когда охватывало местность, где иностранные штыки нельзя было вызвать на помощь, как это было в Саратове, в Козлове, Тамбове, власть помещиков, капиталистов их и друзей, прикрывающихся прекрасными лозунгами Учредительного Собрания, эта власть

измеряла продолжительность своего существования днями, если не часами. Чем дальше были отряды советских войск от того центра, которым временно овладела контр-революция, тем решительнее было движение среди городских рабочих, тем больше самостоятельности проявляли эти рабочие и крестьяне в том, чтобы идти на помощь Саратову, Пензе, Козлову и свергать немедленно установившуюся власть контр-революции ¹⁴²).

Товарищи, если вы посмотрите на эти события с точки зрения всего происходящего в мировой истории, если вы вспомните, что ваша задача, наша общая задача—разъяснить самим себе и постараться разъяснить массам, что эти величайшие бедствия обрушились на нас не случайно, а в силу империалистической войны, во-первых, и в силу бешеного сопротивления помещиков, капиталистов и эксплуататоров, во-вторых, если мы уясним себе это, то можно ручаться, что это истинное сознание, как бы это ни было трудно, прососется все более и более в широкие массы, и нам удастся организовать дисциплину, победить недисциплинированность на наших фабриках и помочь народу пережить этот мучительный период, особенно тяжелый, который измеряется, может быть, одним, двумя месяцами, рядом недель, остающимися до нового урожая.

Вы знаете, что у нас в России положение теперь, в связи с чехословацким контр-революционным мятежом, отрезавшим от нас Сибирь, в связи с постоянным возмущением на юге, в связи с войной,—особенно тяжело, но понятно, что чем труднее положение страны, на которую надвигается голод, тем более решительны, тем более тверды должны быть наши меры борьбы с этим голодом. Основной мерой борьбы является установление хлебной монополии. На этот счет вы все прекрасно знаете и наблюдаете вокруг себя на опыте, как кулаки, богатеи кричат против хлебной монополии на каждом шагу. Это понятно, потому что там, где на время свергали хлебную монополию, как сделал Скоропадский ¹³⁴) в Киеве,—там оказалось, что спекуляция достигает неслыханных размеров, там цены на пуд хлеба поднимаются до 200 р. Это понятно, что когда нет продукта, без которого нельзя жить, каждый владелец продукта может стать богатеем, — цены достигают неслыханных размеров. Понятно, что ужас, паника перед голодной смертью делают то, что цены взвинчиваются до неслыханных размеров, и в Киеве пришлось думать о том, чтобы монополию вернуть назад. У нас давно, еще до большевиков, правительству, несмотря на все богатства России хлебом, пришлось убедиться в необходимости хлебной монополии. Против нее могут говорить только или люди совершенно невежественные, или прямо продавшиеся интересам денежного мешка.

Но, товарищи, когда мы говорим о хлебной монополии, мы должны подумать о том, какие громадные трудности осуществления заключаются в этом слове. Легко сказать: хлебная монополия, но надо подумать о том, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству; это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина, не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева,—что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен. Откуда взять крестьянину, сознание которого сотни лет отупляли, грабили, заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая ему никогда наесться досыта,—откуда ему взять в несколько недель или в несколько месяцев сознание того, что такое хлебная монополия; откуда может явиться у десятков миллионов людей, которых до сих пор питало государство только угнетением, только насилием, только чиновничьим разбоем и грабежом, у этих, заброшенных вглубь деревни и осужденных там на разорение, крестьян—откуда взять понятие того, что такое рабоче-крестьянская власть, что власть в руках бедноты, что тот, кто имеет хлеб в своих руках в избыточном количестве и не передает его государству, кто его удерживает—разбойник, эксплуататор, виновник мучительного голодания рабочих Питера, Москвы и т. д.? Откуда ему знать, когда его до сих пор держали в невежестве, когда в деревне его дело было только продать хлеб; откуда взять это сознание? Не удивительно, что если мы поставим перед собой вопрос поближе к жизни, взглядымся в нее, то перед нами встанет вся невероятная трудность такой задачи, как задачи провести хлебную монополию в стране, в которой большинство крестьян царизм и помещики держали в темноте,—в стране крестьянства, которое первый год после многих столетий посеяло хлеб на своей земле.

Но чем больше эта трудность, чем больше она становится перед внимательным и вдумчивым отношением к делу, тем более ясно мы должны сказать себе то, что мы всегда говорили, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Мы всегда говорили: освобождение трудящихся от угнетения не может быть принесено извне: они должны сами, своей борьбой, своим движением, своей агитацией, научиться решать новую историческую задачу, и, чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, число миллионов которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этой задачи. Чтобы хлеб продать любому купцу, любому торгашу, для этого ника-

кого сознания, никакой организации не нужно. Для этого нужно жить так, как заказала жить буржуазия: нужно жить только послушным рабом, представить себе и признать мир великолепным, в таком виде, как его устроила буржуазия. А вот для того, чтобы победить этот капиталистический хаос, чтобы осуществить хлебную монополию, чтобы добиться того, чтобы каждый излишек, каждый лишний пуд хлеба принадлежал государству, нужна долгая, трудная, тяжелая организационная работа, не организаторов, не агитаторов, а самих масс.

Нужные люди есть в русской деревне; большинство крестьян принадлежат к числу беднейших и бедных крестьян, которые не могут торговать избытками хлеба, излишками хлеба и превращаться в разбойников, которые держат у себя, может быть, сотни пудов хлеба, когда другой голодает. Теперь положение такое, что всякий крестьянин, называющий себя, может быть, трудовым крестьянином (это слово некоторые очень любят), но если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по 6 руб., а продаст спекулянтам или продаст измученному, истерзанному голодом, городскому рабочему, который пришел с голодной семьей, который даст 200 руб. за пуд,—такой крестьянин, который прячет сотни пудов, который выдерживает их, чтобы повесить цену и получить даже по 100 руб. за пуд, превращается в эксплуататора—хуже разбойника. Как быть при таком положении, на кого можно опереться в нашей борьбе? Мы знаем, что советская революция и Советская власть отличаются от других революций и другой власти тем, что они не только свергнули власть помещиков и капиталистов, что они не только государство крепостническое, самодержавное разрушили,—мало того, они восстали против всяких чиновников, они создали новое государство, в котором должна принадлежать власть рабочим и крестьянам и не только должна, но уже принадлежит. В этом государстве полиции и чиновников нет, нет и постоянной армии, которая на долгие годы была бы забираема в казармы, отделялась бы от народа и обучалась бы стрелять в народ.

Мы вооружаем рабочих и крестьян, которые должны учиться военному делу. Есть отряды, которые поддаются соблазну и порокам и преступлениям, потому что китайской стеной они от мира угнетения, от мира голода, в котором, кто сыт, желает нажиться на своей сытости,—не отрезаны. Мы наблюдаем поэтому, сплошь да рядом, те явления, что отряды сознательных работников, которые выходят из Питера и Москвы, часто на местах сбиваются, превращаются в преступников.

Мы наблюдаем, как буржуазия бьет в ладоши и наполняет столбцы своей продажной прессы всяческими запугиваниями народа: смотрите, каковы ваши отряды, какой это беспорядок, как много лучше были отряды «честных» капиталистов.

Благодарю покорно, г. г. буржуи! Нет, вы нас не запугаете! Вы очень хорошо знаете, что исцеление от бедствий и язв капиталистического мира не придет сразу. А мы знаем, что исцеление явится только в борьбе, что каждый такой случай мы будем выставять не для злобствования и не для поддержки контр-революционных улыбок меньшевиков и кадет, а чтобы учить более широкие народные массы: раз наши отряды не выполняют своего назначения,—дайте более сознательные, более широкие отряды по числу преданных своему классу рабочих, во много раз превышающих число тех, которые поддались соблазну. Их нужно организовать, надо просветить, надо объединить вокруг каждого сознательного рабочего несознательных трудящихся, эксплуатируемых и голодных. Надо поднять деревенскую бедноту, надо ее просветить, надо ей показать, что ей на помощь все, что только можно, даст и сделает Советская власть, чтобы только осуществить хлебную монополию. И вот, когда мы подошли к этой задаче, когда Советская власть ясно поставила эти вопросы, когда она сказала: товарищи рабочие, организуйтесь, объединяйте продовольственные силы, боритесь с каждым случаем, когда такие отряды оказываются не на высоте призвания, организуйтесь более крепко и исправляйте свои недочеты, объединяйте вокруг себя деревенскую бедноту. Кулаки знают, что приходит их последний час, когда противник выступает не только с проповедью, со словами и фразами, а с организацией деревенской бедноты—если мы ее организуем, то одержим победу над кулаками. Кулаки знают, что тут приходит момент самой решительной, самой последней, самой отчаянной борьбы за социализм. Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле, это—борьба за социализм. Если рабочие научатся решать самостоятельно такие задачи,—на помощь им никто не придет,—если научатся объединять вокруг себя деревенскую бедноту, тогда будет и победа, и хлеб, и правильное распределение хлеба, даже правильное распределение труда, потому что, распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда, во всех областях промышленности.

Вот, предвидя это, кулаки неоднократно пытались подкупить бедноту. Они знают, государству надо продать хлеб по 6 руб.; они продают соседу, обнищавшему крестьянину, за 3 рубля и говорят ему: «Ты можешь пойти к спекулянтам и можешь продать за 40 руб.; наши интересы общие, мы должны быть вместе против государства, которое

нас грабит; нам хотят дать по 6 руб., ты возьми пудика три и можешь выгадать 60 руб., а сколько я выгадаю—об этом тебе знать не следует это мое дело».

Вот на этой почве, я знаю, бывает неоднократно, что доходит дело до военного столкновения крестьян, и на это злорадствуют и хихикают враги Советской власти и прилагают все усилия, чтобы свергнуть Советскую власть. А мы говорим: «это потому, что отряды пошли недостаточно сознательными, но чем больше бывали отряды, тем чаще наблюдались случаи,—а они наблюдались неоднократно,—что хлеб давали без единого случая насилия, потому что сознательные рабочие обращают внимание на то, что они не насильники, что главная их сила в том, что они представители бедноты организованной, просвещенной, а в деревне масса тьмы, бедноты не просвещенной. Если к ней уметь подойти, если сказать ей языком без книжных слов, просто по-человечески объяснить, что в Питере, Москве, в десятках уездов голодают и доходят до голодного тифа, до голода, смерти десятки тысяч русских крестьян и рабочих, что несправедливо хлеб задерживали богатые, спекулировали на народном голоде, то тогда удастся организовать бедноту, сделать то, что излишки хлеба будут собраны и что это будет сделано не насилием, а организацией деревенской бедноты». Против деревенских кулаков мне приходится выслушивать неоднократно доклады товарищей, приезжающих на места с продовольственными отрядами и борющихся против контр-революции. Я позволю себе привести тот пример, который особенно жив в моей памяти, потому что мне пришлось рассказать вчера о том, что было в Елецком уезде. Там, благодаря организации Совета, благодаря тому, что там нашлись сознательные рабочие и беднейшие крестьяне в достаточном количестве, удалось закрепить власть бедноты. Когда у меня были с докладом первый раз представители Елецкого уезда, я не поверил им, я думал, что люди прихвастнули, но мне подтвердили товарищи, специально посланные из Москвы в другие губернии, что только можно приветствовать их постановку дела, подтвердили, что в России есть такие уезды, где местные Советы оказались на высоте задачи, сумевшие добиться полного устранения из Советов кулаков и эксплуататоров и организовать трудящихся, организовать бедноту. Кто пользуется своим богатством для наживы, тот пусть идет прочь от Советской власти.

Когда они выгнали кулаков, они пошли в г. Елец, торговый город, и там для осуществления хлебной монополии не ждали декрета, а помнили, что Советы есть власть, близкая к народу, что каждый должен, если он революционер, если он социалист и, действительно,

сторонник трудящихся, действовать быстро и решительно. Они организовали всех работников и беднейших крестьян и выдвинули такое количество отрядов, что по всему Ельцу были произведены обыски; они впускали в дома только доверенных и ответственных руководителей отрядов; ни одного человека, в котором они не были убеждены, они не впускали, зная, как часто бывает колебание, зная, что никто так не позорит Советскую власть, как эти случаи грабежа со стороны представителей и недостойных слуг Советской власти. Они собрали громадные излишки хлеба; не осталось ни одного дома в торговом Ельце, где бы буржуазия могла пользоваться выгодой от спекуляции.

Конечно, я знаю, что сделать это в маленьком городе значительно легче, чем в таком городе, как Москва, но не надо забывать и того, что такой пролетарской силы, какая есть в Москве, не может быть ни в каком уездном городе.

Вот в Тамбове недавно победила контр-революция на несколько часов; она даже выпустила меньшевистский и право-эс-эровский номер газеты, которая звала к Учредительному Собранию, к свержению Советской власти и говорила, как прочна победа новой власти, до тех пор, пока не пришли из уезда красноармейцы и крестьяне и в один день не согнали эту новую, прочную, будто бы опирающуюся на Учредительное Собрание власть.

Так же, товарищи, дело обстояло в других уездах Тамбовской губернии—губернии громадных размеров. Северные ее уезды примыкают к неземледельческой полосе, уезды южные необычайно плодородны; там урожай очень велик. Там много крестьян, у которых избыток хлеба есть, и там надо уметь подойти с особенной энергией, с особенно твердым и ясным сознанием, чтобы опереться на беднейших крестьян, чтобы побороть кулаков. Там кулаки чувствуют вражду ко всякой рабочей и крестьянской власти, там приходится ждать на помощь питерских и московских рабочих, которые всякий раз, поддерживаемые оружием своей организованности, изгоняют кулаков из Советов, организуют бедноту и переживают, вместе с местным крестьянством, опыт борьбы за государственную монополию, опыт организации деревенской бедноты и трудящихся города, такой организации, которая даст нам последнюю полнейшую победу. И тут, товарищи, я позволил себе рассказать вам в этих примерах, как обстоит дело в продовольственном отношении, потому что мне кажется, что характеристика борьбы за хлеб, с точки зрения трудящихся, против кулаков, важна для нас, для рабочих, для сознательного пролетариата, не теми отдельными цифровыми данными тех расчетов, сколько миллионов пудов можно получить. Это дело я должен оставить спе-

циалисту-продовольственнику, но должен сказать, что если бы удалось получить излишки хлеба из тех губерний, которые примыкают к московской неземледельческой полосе и хлебородной Сибири, даже тут на эти тяжелые недели, которые нам остались до нового урожая, мы нашли бы достаточно хлеба, чтобы спасти голодные неземледельческие губернии от голодной смерти. Для этого нужно организовать еще большее число сознательных передовых рабочих. Это—основной урок всех бывших революций, это основной урок и нашей революции. Чем больше будет организация, чем она шире проявится, чем лучше сумеют рабочие на заводах и фабриках понять, что сила только в организации их и деревенской бедноты, тем вернее будет дело борьбы с голодом и дело борьбы за социализм, ибо, повторяю, наша задача не в том, чтобы выдумать новую власть, а чтобы каждого представителя деревенской бедноты, в глухой деревне, поднять, просветить, организовать для самостоятельных действий. Нетрудно объяснить нескольким сознательным городским рабочим, питерским и московским, даже в глухой деревне, как несправедливо удерживать хлеб, спекулировать на нем, превращать в средство для самогонки, когда сотни тысяч гибнут в Москве. Чтобы этого добиться, рабочие питерские, московские, вы, товарищи, в особенности,—представители ф.-з. комитетов, представители самых различных профессий, фабрик и заводов,—вы должны только твердо усвоить себе и уяснить, что к вам на помощь никто не придет, что из другого класса к вам идут не помощники, а враги, что у Советской власти нет на службе преданной интеллигенции. Интеллигенция свой опыт и знания, высшее человеческое достоинство несет на службу эксплуататорам и пользуется всем, чтобы затруднить нам победу над эксплуататорами; она добьется того, что сотни тысяч людей будут гибнуть от голода, но она не сломит сопротивления трудящихся. У нас нет никого, кроме того класса, с которым мы добились революции, с которым мы пойдем через предстоящие нам самые величайшие трудности, самую тяжелую полосу, это — фабрично-заводской, городской и деревенский пролетариат, который говорит между собой языком, друг другу понятным, который и в городе и в деревне сумеет победить всяких врагов — кулаков и богачей.

Но, чтобы сделать это, надо помнить, как часто забывают рабочие основное положение социалистической революции: чтобы сделать социалистическую революцию, чтобы совершить ее, избавить народ от угнетения, для этого нужно уничтожить классы, власть должны взять в свои руки самые сознательные и организованные рабочие. В государстве должны стать господствующим классом рабочие. Вот истина, которую большинство из вас читало уже в «Коммунистическом

манифесте» Маркса и Энгельса, который написан более 70 лет тому назад и обошел все страны и все языки. Везде обнаружилась истина: чтобы победить капиталистов, нужно, чтобы господствующим классом на время борьбы с эксплуатацией, пока темно, пока не верят еще в новые порядки, стали организованные городские фабрично-заводские рабочие. Когда вы в своих ф.-з. комитетах собираетесь, чтобы решать свои дела, помните, что революции не удержать ни одного из своих завоеваний, если вы будете заниматься в своих фабрично-заводских комитетах техническими или чисто финансовыми рабочими интересами. Бывало не раз, что рабочим и угнетенным классам удавалось взять в свои руки власть, но не бывало ни разу, чтобы им удавалось удержать ее. Для этого нужно, чтобы рабочие обладали не только способностью подняться на героическую борьбу и свергнуть эксплуатацию, но и способностью к организации, к дисциплине, к выдержке, способностью обсуждать, когда кругом все шатается, колеблется, когда на тебя нападают, когда растут нелепые бесконечные слухи,—вот в это время на ф.-з. комитетах, которые во всем тесно связаны с широкой миллионной массой, лежит величайшая государственная задача стать, в первую очередь, органом управления государственной жизни. Основной государственный вопрос Советской власти: как нам обеспечить правильное распределение хлеба. Если Елец сумел обуздать местную буржуазию, то в Москве это сделать труднее, но здесь организация неизмеримо больше, и здесь вы легче можете выдвинуть десятки тысяч людей честных, которых ваши партии, ваши проф. союзы дадут и смогут гарантировать, которые будут в состоянии руководить отрядами с полной ответственностью за то, что они остаются идейными преданными людьми, несмотря ни на какие трудности, несмотря ни на какие соблазны, с одной стороны, и муки голода,—с другой. Другого класса, который мог бы теперь взяться за это дело, который был бы способен руководить народом, часто впадающим в отчаяние, другого класса, кроме ф.-з. городского пролетариата, нет. Ваши ф.-з. комитеты должны перестать быть только заводскими комитетами, они должны стать основными государственными ячейками господствующего класса. От вашей организованности, от вашей сплоченности, от вашей энергии зависит то, что тяжелый переход мы выдержим так стойко, как должна выдерживать Советская власть. Беритесь за дело сами, беритесь с каждой стороны, разоблачайте каждый день злоупотребления, поправляйте своим собственным опытом каждую сделанную ошибку,—их много делается теперь, потому что рабочий класс еще неопытен, но важно, чтобы он взялся за дело сам, чтобы он сам исправлял ошибки. Если мы будем

так действовать, если каждый комитет поймет, что он представляет из себя руководителя величайшей в мире революции,—тогда мы завоюем социализм для всего мира.

*«Протоколы IV Конференции фабр.-зав.
комитетов и профсоюзов Москвы».
Издание ВЦСПС 1918 г.*

Заключительное слово.

(Заседание 28 июня 1918 г.)

Товарищи, позвольте мне прежде всего остановиться на нескольких положениях возражавшего мне содокладчика Падерина ¹⁴³). Из стенограммы я вижу, что он говорил: «Мы должны сделать все возможное, чтобы пролетариат английский и германский, в первую голову, имели возможность выступить против своих угнетателей; а что для этого надо сделать? Разве мы должны способствовать этим угнетателям? Тем, что мы разжигаем вражду внутри себя, тем, что мы разрушаем, ослабляем страну, мы бесконечно укрепляем позиции империалистов английских, французских и германских, которые, в конце концов, сплотятся между собой, чтобы задушить рабочий класс России». Вот рассуждения, которые показывают, до какой степени не тверды всегда были меньшевики в своей борьбе и в своей оппозиции против империалистической войны, потому что это рассуждение, прочтенное мною, можно попятить только в устах человека, называющего себя оборонцем, который становится целиком на позицию империализма, человека, оправдывающего империалистическую войну, повторяя буржуазные уловки, будто рабочие в этой войне защищают свое отечество. Если, в самом деле, стоять на той точке зрения, что рабочие не должны разрушать и ослаблять страну в этой войне, то это значит призывать рабочих защищать отечество в империалистической войне, а вы знаете, что сделало большевистское правительство, которое первой своей обязанностью сочло опубликовать, разоблачить, предать публичному позору тайные договоры. Вы знаете, что из-за тайных договоров вели войну союзники, и что тайные договоры правительство Керенского, существовавшее помощью и поддержкой меньшевиков и правых эс-эров, не только не отменило, а даже и не опубликовало, что русский народ вел войну из-за тайных договоров, в которых русским помещикам и капиталистам был обещан, в случае победы, захват Константинополя, проливов, Львова, Галиции и Армении. Таким образом, если мы стоим на точке

зрения рабочего класса, если мы против войны, каким образом могли бы мы терпеть эти тайные договоры. Пока мы терпели тайные договоры, пока мы терпели у себя власть буржуазии, до тех пор у немецких рабочих мы поддерживали шовинистические убеждения, что в России нет сознательных рабочих, что Россия вся идет за империализмом, что войну Россия ведет с целью ограбить Австрию и Турцию. Наоборот, чтобы ослабить немецких империалистов, оторвать от них немецких рабочих, рабоче-крестьянское правительство сделало столько, сколько не сделало ни одно правительство в мире, потому что, когда эти тайные договоры были опубликованы и разоблачены перед всем миром,—даже немецкие шовинисты, даже немецкие оборонцы, даже те рабочие, которые идут за своим правительством, в своей газете «Вперед», которая является центральным органом, должны были признать, что «это—акт социалистического правительства, являющийся настоящим революционным актом». Они должны были признать это, потому что ни одно из всех империалистических правительств, запутанных в войну, не сделало этого, и только одно наше правительство сорвало тайные договоры.

Конечно, в душе у каждого немецкого рабочего, как бы он ни был загнан, забит, подкуплен империалистами, шевелится мысль: а разве у нашего правительства нет тайных договоров? (Голос: «Скажите нам про Черноморский флот!») Хорошо, я скажу, хотя это не относится к теме. У всякого немецкого рабочего шевельнулась мысль: если русский рабочий дошел до того, что сорвал тайные договоры, разве у немецкого правительства тайных договоров не существует? Когда дело дошло до брестских договоров, тогда перед всем миром выступили разоблачения т. Троцкого, и разве не эта политика привела к тому, что во враждебной стране, находящейся в страшной империалистической войне с другими правительствами, политика наша вызвала не озлобление, а поддержку народных масс? Единственным таким правительством было наше. Наша революция добилась того, что во время войны во враждебной стране возникает громадное революционное движение, которое вызвано лишь тем, что мы сорвали тайные договоры, что мы сказали,—мы не остановимся ни перед какими опасностями. Если мы знаем, если мы говорим—и не на словах, а на деле,—что спасение от международной войны, империалистической бойни народов, может дать только международная революция, то мы в своей революции должны идти к этой цели, не глядя ни на какие трудности, ни на какие опасности. И когда мы вступили на этот путь, впервые в мире во время войны в самой империалистической, в самой дисциплинированной стране—в Германии разгорелась и вспыхнула в январе

массовая стачка ⁵⁸⁾). Конечно, есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди либо безумцы, либо провокаторы. Мы пережили за последние 12 лет две революции. Мы знаем, что их нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя. Мы знаем, каких трудностей стоило рождение революции в 1905 г. и 1917 г., и мы никогда не ожидали, что одним ударом, по одному призыву, революция разразится и в других странах, и в том, что она начинает расти в Германии и Австрии, есть большая заслуга русской октябрьской революции. Сегодня мы читаем в наших газетах, что в Вене, где хлебный паек еще ниже нашего, где никакой украинский грабеж не может помочь, где население говорит, что оно никогда не испытывало такого ужасного голода, появился Совет Рабочих Депутатов. В Вене опять уже возникают всеобщие забастовки.

И мы говорим себе: вот вам второй шаг, вот вам второе доказательство, что когда русские рабочие сорвали империалистические тайные договоры, когда прогнали свою буржуазию, они сделали последовательный шаг сознательных рабочих интернационалистов, они помогли росту революции в Германии и Австрии, как никогда еще не помогала ни одна революция в мире враждебному государству, находящемуся в состоянии войны, в состоянии величайшего озлобления.

Предсказать, когда она вырастет, обещать, что она придет завтра, это значит вас обманывать. Вы помните, в особенности те из вас, кто пережил обе русские революции, кто из вас мог ручаться в ноябре 1904 г., что через два месяца сто тысяч питерских рабочих пойдут к Зимнему Дворцу и откроют великую революцию ¹⁴⁴⁾.

Припомните, как могли мы в декабре 1916 года ручаться, что через два месяца в несколько дней будет свалена царская монархия. Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя. Поэтому ни в каком случае мы не позволим себе обманывать массы, говорить: немецкие рабочие помогут завтра, они взорвут своего кайзера послезавтра. Этого говорить нельзя.

Тем труднее наше положение, что русская революция оказалась впереди других революций, но что мы не одиноки, это показывают нам приходящие почти каждый день известия о том, как за больше-

виков высказываются все лучшие немецкие соц.-демократы, как за большевиков в открытой немецкой печати высказывается Клара Цеткин ¹⁴⁵), потом Франц Меринг, который теперь в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно поняли социализм только большевики, как недавно в Вюртембергском ландтаге один соц.-демократ Фошка определенно заявил, что он только в большевиках видит пример последовательности и правильно ведущейся революционной политики. Вы думаете, что такие вещи не находят себе отклика среди десятков, сотен, тысяч немецких рабочих, которые к ним заранее присоединятся? Когда в Германии и Австрии дело доходит до образования Совета Раб. Депутатов и до второй массовой стачки, тогда мы должны сказать, ни капли не преувеличивая, нисколько не обольщаясь, что это означает момент наступления революции. Мы говорим себе с совершенной точностью: наша политика и наш путь были правильной политикой и правильным путем, мы помогли австрийским и немецким рабочим почувствовать себя не врагами, которые душат русских рабочих из-за интересов кайзера, из-за интересов немецких капиталистов, а мы помогли им почувствовать себя братьями русских рабочих, которые ведут такую же революционную работу.

Я еще хотел бы указать на одно место в речи Падерина, которое по-моему тем более заслуживает внимания, что оно совпадает отчасти с мыслью предыдущего оратора. Вот это место: «Мы видим, что теперь война гражданская ведется внутри рабочего класса. Разве мы можем это допустить?» Вот видите, война гражданская называется войной среди рабочего класса или называется, как назвал предыдущий оратор, войной с крестьянами. А мы прекрасно знаем, что и то, и другое неправда. Гражданская война является в России войной рабочих и беднейших крестьян против помещиков и капиталистов, война эта удлиняется, затягивается, потому что помещики и капиталисты русские побеждены в октябре и ноябре сравнительно с малым жертвами, побеждены подъемом народных масс в таких условиях, когда им сразу было очевидно, что поддержать их народ не может, когда дело дошло до того, что даже на Дону, где больше всего богатых казаков, живущих эксплуатацией наемного труда, где больше всего надежд на контр-революцию, даже там Богаевский ¹⁰⁵), руководитель контр-революционного восстания, должен был признать и признал публично: наше дело проиграно, потому что за большевиков громадное большинство населения даже у нас.

Вот как было дело, как в своей игре, как в своей контр-революционной игре проиграли в октябре и ноябре помещики и капиталисты.

Вот какова получилась их авантюра, когда они пытались из юнкеров, из офицеров, из сынков помещиков и капиталистов образовать белую гвардию против рабоче-крестьянской революции. А теперь разве вы не знаете,—прочтите сегодня в газетах,—что чехо-словацкая авантюра ¹³⁹⁾ питается денежками англо-французских капиталистов, которые подкупают войска на то, чтобы втянуть нас снова в войну; разве вы не читали, как чехо-словаки говорили в Самаре: мы соединимся вместе с Дутовым ⁵⁹⁾, Семеновым ¹²⁴⁾ и заставим рабочих России и российский народ воевать снова против Германии вместе с Англией и Францией, восстановим те же самые тайные договоры и бросим вас, еще, может быть, на 4 года в эту империалистическую войну в союзе с буржуазией. Вместо этого мы ведем теперь против буржуазии нашей и против буржуазии других стран войну, и только тем, что мы эту войну ведем, мы привлекли к себе сочувствие и поддержку рабочих других стран. Если рабочий одной воюющей страны видит, что в другой воюющей стране создается тесная связь между рабочими и буржуазией, то это раскалывает рабочих по нациям, сливает их со своей буржуазией; это есть величайшее зло, это есть крах социалистической революции, крах и гибель всего Интернационала.

В 1914 году погиб Интернационал, потому что рабочие всех стран соединились со своей национальной буржуазией и раскололись между собой, и теперь этот раскол приходит к концу. Вы читали, может быть, недавно о том, как в Англии шотландский народный учитель и работник профессиональных союзов Маклин ¹⁴⁶⁾ был во второй раз посажен в тюрьму на 5 лет (в первый раз он попал на 1½ года) за то, что разоблачал войну и говорил о преступности английского империализма. Когда он был освобожден, в Англии был уже представитель советского правительства Литвинов ¹⁴⁷⁾, он тотчас же назначил Маклина консулом, представителем в Англии Советской Российской Федеративной Республики, и шотландские рабочие ответили на это назначение восторгом. Английское правительство второй раз открыло преследование против Маклина, не только как шотландского народного учителя, но и как консула Федеративной Советской Республики. Маклин сидит в тюрьме за то, что выступил открыто, как представитель нашего правительства, а мы никогда не видели этого человека, он никогда не принадлежал к нашей партии, он—любимый вождь шотландских рабочих, и мы с ним соединились, русский и шотландский рабочий соединились против английского правительства, несмотря на то, что оно покупает чехо-словаков и ведет бешеную политику втягивания в войну Российской Республики. Вот доказательства, что во всех странах, независимо от их положения в войне,—и в Гер-

мании, которая воюет против нас, и в Англии, которая хочет оттянуть себе Багдад, додуть до конца Турцию,—рабочие сплываются с русскими большевиками, с русской большевистской революцией. Когда здесь оратор, слова которого я цитировал, говорил, что гражданская война ведется рабочими и крестьянами против рабочих и крестьян, то мы прекрасно знаем, что это неправда. Одно дело—рабочий класс, а другое дело группы, маленькие прослойки рабочего класса. Германский рабочий класс от 1871 года до 1914 г. почти полвека был образцом социалистической организации для всего мира. Мы знаем, что он имел партию в миллион человек, что он создал профессиональные союзы с 2—3—4 милл., а, тем не менее, в течение этого полвека оставались сотни тысяч немецких рабочих, объединенных в клерикальный поповский союз и стоящих горой за попа, за церковь, за своего кайзера. Кто же представлял действительно рабочий класс: гигантская немецкая с.-д. партия и профессиональные союзы или сотни тысяч клерикальных рабочих? Одно дело рабочий класс, который объединяет громадное большинство сознательных передовых, думающих рабочих, а другое дело—одна фабрика, завод, местность, несколько групп рабочих, продолжающих оставаться на стороне буржуазии.

Рабочий класс России в своем гигантском, подавляющем большинстве,—это вам показывают все выборы в советы, в фабрично-заводские комитеты, конференции,—в 99% из 100 стоит на стороне Советской власти, зная, что эта власть ведет войну против буржуазии, против кулаков, а не против крестьян и рабочих. Это большая разница. Если находится ничтожная группа рабочих, которые продолжают оставаться в рабской зависимости от буржуазии, мы ведем войну не с ними, а с буржуазией, и тем хуже для тех ничтожных групп, которые до сих пор остаются в союзе с буржуазией.

Есть вопрос, который мне здесь был задан на записке; этот вопрос гласит: «Почему до сих пор выходят контр-революционные газеты?». Одна из причин та, что есть также элементы среди печатных рабочих, которые подкуплены буржуазией. (*Шум, крики: «Неправда!»*) Вы можете кричать, сколько угодно, но вы не помешаете мне сказать правду, которую все рабочие знают, которую я только что начал объяснять. Когда рабочий ставит высоко свой личный заработок в буржуазной печати, когда он говорит: «я хочу сохранить свой личный высокий заработок за то, что я помогаю буржуазии продавать яд, отравлять народ ядом», тогда я говорю: эти рабочие все равно что подкупленные буржуазией, не в том смысле, чтобы кто-нибудь из них, отдельное лицо было нанято... Я хотел сказать не в этом смысле, а в том смысле,

в каком все марксисты говорили об английских рабочих, заключающих союз со своими капиталистами. Вы все, читавшие профессиональную литературу, знаете также пример, что там бывают союзы не только рабочих, а там организованы между рабочими и капиталистами той же самой профессии союзы для того, чтобы повышать цены, грабить всех остальных. Все марксисты, все социалисты всех стран указывают пальцами на такие примеры и, начиная с Маркса и Энгельса, говорят о рабочих, подкупленных буржуазией по бессознательности, по своим цеховым интересам. Оно продали свое право первородства, право на социалистическую революцию тем, что вошли в союз со своими капиталистами против громадного большинства рабочих и угнетенных трудящихся слоев в собственной стране, своего собственного класса. То же самое у нас. Когда у нас находятся отдельные группы рабочих, говорящих: «Какое нам дело до того, что то, что мы набираем, является опиумом, ядом, несущим ложь и провокацию. Я получу свой высший заработок, на других мне наплевать». Таких рабочих мы будем клеймить, таким рабочим мы всегда говорили во всей нашей литературе и говорили открыто: такие рабочие отходят от рабочего класса и переходят на сторону буржуазии.

Товарищи! Я сейчас перейду к рассмотрению тех вопросов, которые мне задали, но сначала, чтобы не забыть, отвечу на вопрос о Черноморском флоте, который задан был как будто для того, чтобы нас изобличить. А я вам скажу, что там действовал т. Раскольников¹⁴⁸⁾, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе. Товарищ Раскольников сам будет здесь и расскажет вам, как он агитировал за то, чтобы мы лучше пошли на уничтожение флота, чем на то, чтобы на нем двинулись немецкие войска против Новороссийска. Вот как было дело с Черноморским флотом, и народные комиссары—Сталин²⁰⁾ и Шляпников¹³⁵⁾ и Раскольников приезжают скоро в Москву и расскажут нам, как было дело. Вы увидите, что наша политика была единственная, которая так же, как и политика Брестского мира, принесла нам массу тяжелых бедствий, но которая дала возможность Советской власти и рабоче-социалистической революции держать свое знамя перед рабочими всех стран. Если теперь в Германии с каждым днем растет число рабочих, которые старые предрассудки о большевиках отбрасывают и понимают правильность нашей политики, то в этом заслуга той тактики, которую мы ведем, начиная с Брестского договора.

Из тех вопросов, которые мне заданы, я остановлюсь на втором, касающемся подвоза хлеба. Отдельные рабочие говорят: почему вы запрещаете подвоз хлеба отдельным рабочим, когда они везут его для

своей семьи? Ответ на это простой: подумайте, что бы вышло, если бы тысячи пудов, необходимые для данной местности, для данной фабрики, для данного района, для данного квартала, провозились тысячами людей. Если бы мы пошли на это, начался бы полный развал продовольственных организаций. Мы вовсе не виним того голодного измученного человека, который в одиночку едет за хлебом и достает его какими угодно средствами, но мы говорим—мы существуем, как рабоче-крестьянское правительство, не для того, чтобы узаконять и поощрять распад и развал. Для этого правительства не нужно. Оно нужно, чтобы объединить их, чтобы организовывать, чтобы спланировать сознательно в борьбе против бессознательности. Нельзя винить тех, кто по бессознательности бросает все, закрывает глаза на все, чтобы выручить себя какими угодно средствами—достать хлеба, но можно винить тех, кто является партийным человеком и, проповедуя хлебную монополию, недостаточно поддерживает сознательность и сплоченность действий. Да, борьба с мешечниками, с отдельным провозом хлеба,—трудная борьба, потому что это есть борьба с темной, с бессознательностью, с неорганизованностью широких масс, но от этой борьбы мы никогда не откажемся. Каждый раз, когда люди бросаются на отдельные заготовки, мы снова будем звать их к пролетарским социалистическим приемам борьбы с голодом: объединившись вместе, давайте новыми силами заменим заболевшие продовольственные отряды, заменим свежими, более сильными, более честными, более сознательными, более испытанными людьми, и мы то же самое количество хлеба, те же тысячи пудов привезем, которые разрозненными усилиями 200 человек тащат по 15 пудов, поднимая цены, усиливая спекуляцию. А мы объединим этих 200 чел., мы создадим сплоченную сильную рабочую армию. Если нам не удастся сразу, мы повторим наши усилия; мы будем на каждом заводе, на каждой фабрике добиваться того, чтобы сознательные рабочие давали больше сил, более надежных людей для борьбы со спекуляцией, и мы уверены, что сознание, дисциплина и организованность рабочих, в конце концов, победят все тяжелые испытания. Вот когда люди на своем собственном опыте убедятся, что в результате отдельного мешечничества спасти сотни тысяч голодных нельзя, мы увидим, что дело организованности и сознательности победит и что мы организуем путем сплочения борьбу с голодом и добьемся правильного распределения хлеба.

Меня здесь спрашивают: «А почему не введена монополия на другие продукты промышленности, столь же необходимые, как и хлеб?» На это я отвечаю: к этому все меры Советская власть принимает. Вы знаете, что существует тенденция организовать, объединить текстиль-

ные фабрики, текстильное производство. Вы знаете, что в этой организации в большинстве руководящих центров сидят рабочие, вы знаете, что Советская власть приступает к национализации всех отраслей промышленности, вы знаете, что трудности, которые стоят на пути к этому делу, громадны, что тут надо много сил, чтобы создать все это организованно. И мы беремся за это дело не так, как берутся правительства, которые опираются на чиновников. Так легко управлять: пусть один человек получает 400, пусть другой—повыше, по тысяче рублей, наше дело приказать, и они должны исполнять. Так управляют все буржуазные страны, они нанимают себе чиновников за высокую плату, нанимают тех же сынков буржуазии и им поручают управление. Советская Республика так управлять не может. Чиновников у нее нет, чтобы управлять и руководить делом объединения всех текстильных фабрик, делом взятия на учет, делом введения монополии на все предметы первой необходимости и правильного распределения их. Для этого мы зовем тех же рабочих, мы зовем представителей профессиональных союзов текстилей и говорим: вы должны составлять большинство руководящей коллегии Центротекстиля и вы составляете большинство в них, как вы составляете большинство в руководящих коллегиях в В. С. Н. Х. Тов. рабочие, беритесь сами за это важнейшее государственное дело, мы знаем, что это труднее, чем ставить деловых чиновников, но мы знаем, что другого пути нет, нужно дать власть в руки рабочего класса и научить передовых рабочих, несмотря на все трудности, тому, чтобы они на своем опыте, на своей спине, своими руками доходили до того, как надо распределять все предметы, всю мануфактуру в интересах трудящихся.

Вот почему для того, что ввести государственную монополию, назначить твердые цены, Советская власть делает все, что может сделать при данном положении, делает это через рабочих, вместе с рабочими. дает им большинство в каждом правлении, в каждом отдельном центре, будь то В. С. Н. Х., будь то объединение металлистов или национализированных в несколько недель сахарных заводов. Этот путь представляет из себя путь трудный, но, я повторяю,—без трудностей не достигнуть того, чтобы рабочие, привыкшие раньше и приученные буржуазией в течение сотен лет только рабски исполнять ее приказания, чтобы они перешли на другое положение, чтобы они почувствовали, что власть—это мы, хозяин промышленности, хозяин хлеба, хозяин всех продуктов в стране—это мы. Вот когда это сознание проникнет в рабочий класс глубоко, когда он своим опытом, своей работой удесятирит свои силы,—только тогда все трудности социалистической революции будут побеждены.

Я кончаю призывом фабрично-заводской конференции еще раз к тому, чтобы в гор. Москве, где трудности особенно велики, ибо это громадный центр торговли и спекуляции, где десятки тысяч людей только тем и существуют в течение многих лет, что на торговле и спекуляции добывают себе средства к жизни, тут трудности особенно велики, но тут, зато, есть и такие силы, каких нет ни в одном маленьком городе. Пусть только эти рабочие организации, пусть только фабрично-заводские комитеты помнят хорошенько и твердо примут во внимание то, чему учат все теперешние события, чему учит теперешний голод, охвативший трудящихся России. И спасти от возвращения власти к помещикам и капиталистам могут только новые и новые организации, более широкие организации сознательных и передовых рабочих. Таких рабочих сейчас большинство, но этого недостаточно,—надо, чтобы они больше брались за общегосударственную работу. В Москве бездна случаев, когда спекулянты играют на голоде и наживаются на голоде, разрушают хлебную монополию, когда богатые имеют все, чего только пожелают. В Москве 8.000 членов партии коммунистов, в Москве профессиональные союзы дадут 20—30 тысяч людей, за которых союзы могут ручаться, которые будут надежными, стойкими выразителями пролетарской политики. Объедините их, создайте сотни тысяч отрядов людей, боритесь за продовольственное дело, за обыски всего богатого населения,—и вы добьетесь того, что вам нужно.

Я вам рассказал прошлый раз, какого успеха достигли в этом деле в г. Ельце, но в Москве это сделать труднее. Я сказал, что Елец является городом, наилучше поставленным, есть много городов, гораздо хуже поставленных, потому что это дело трудное, потому что тут не в недостатке оружия дело,—его сколько угодно,—а трудности заключаются в том, чтобы выдвинуть на руководящие, ответственные посты сотни и тысячи рабочих, безусловно надежных, способных понять, что они делают не свое местное дело, а дело всей России, которые способны стоять на своем посту, как представители всего класса, и организовать по стройному определенному плану работу, исполнить то, что предписано, то, что решит Московский Совет, Московские организации всей пролетарской Москвы. Вся трудность в том, чтобы организовать пролетариат, в том, чтобы он был более сознательным, чем до сих пор. Посмотрите на питерские выборы—и вы увидите, как, несмотря на то, что там свирепствует голод еще больший, чем в Москве, что там бедствия обрушились с еще большей тяжестью, там растет преданность рабочей революции, там растет организованность и сплоченность, и вы тогда скажете себе, что вместе с ростом тех бедствий, ко-

торые на нас обрушились, растет решимость рабочего класса все эти трудности победить. Становитесь на этот путь, усиливайте вашу энергию, двигайте новые тысячные отряды на этот путь, на помощь продовольственному делу, и мы вместе с вами, опираясь на вашу поддержку, победим голод и добьемся правильного распределения.

*«Протоколы IV Конференции фабрично-
завод. комитетов и профсоюзов Москвы».
Издание ВЦСПС 1918 г.*

Резолюция по докладу.

IV Московская конференция фабрично-заводских комитетов, всецело поддерживая продовольственную политику Советской власти, особенно одобряет (и настаивает на необходимости для всех рабочих поддерживать) политику объединения деревенской бедноты.

Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих, и только теснейший союз городских рабочих с деревенской беднотой в состоянии победить сопротивление буржуазии и кулаков, взять в свои руки все излишки хлеба и правильно распределить их между нуждающимися как города, так и деревни.

Конференция призывает все фабрично-заводские комитеты направлять все усилия, чтобы организовать более широкие массы рабочих в продовольственные отряды и двинуть их под руководством надежнейших товарищей на активную всестороннюю поддержку продовольственной политики рабочего и крестьянского правительства ¹⁴⁹⁾.

*«Протоколы IV Конференции фабрично-
завод. комитетов и профсоюзов Москвы».
Издание ВЦСПС 1918 г.*

Пророческие слова.

В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно напомнить одно оправдавшееся научное пророчество.

Фридриху Энгельсу случилось в 1887 году писать о грядущей всемирной войне в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма: «На память немецким убийцам-патриотам 1806—1807 годов» («Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807»). (Эта брошюра составляет выпуск XXIV «Соц.-дем. библиотеки», выходившей в 1888 году в Геттингене-Цюрихе.)

Вот как судил, свыше тридцати лет тому назад, Фридрих Энгельс о грядущей всемирной войне:

«...Для Пруссии—Германии невозможна уже теперь никакая пная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до девяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени до-чиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной ¹⁵⁰),—сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространенное на весь континент,—голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите;—все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы,—только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

«Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привели ваша мудрость старую Европу. И, если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец,—мы не заплачем (*uns kann es recht sein*). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки (*doch*) неизбежна».

Фридрих Энгельс.

Лондон, 15 декабря 1887 г.

Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого

империалистского развития! Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние.

«...Может быть, война на время отбросит нас на задний план...» Дело пошло именно по этой линии, но еще дальше и еще хуже: часть «отброшенных назад» социал-шовинистов и их бесхарактерных «полупротивников», каутскианцев, стали восхвалять свое попятное движение, превратились в прямых изменников и предателей социализма.

«...Может быть, война отнимет у нас некоторые завоеванные уже позиции...» Целый ряд «легальных» позиций был отнят у рабочего класса. Зато он закален испытаниями и получает жестокие, но полезные уроки нелегальной организации, нелегальной борьбы, подготовки своих сил к революционному штурму.

«...Короны валяются дюжинами...» Несколько корон уже свалились, и их них одна такая, какая стоит дюжины других: корона самодержца всероссийского Николая Романова.

«...Абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится...» После четырех лет войны эта абсолютная невозможность, если позволительно так сказать, еще абсолютнее.

«...Безнадежная путаница нашего искусственного механизма торговли, промышленности и кредита...» В конце четвертого года войны это сказалось полностью на одном из самых больших и самых отсталых государств, втянутых капиталистами в войну,—на России. Но разве растущий голод в Германии и Австрии, недостаток одежды, сырья, изнашивание средств производства не показывают, что с громадной быстротой такое же положение надвигается и на другие страны?

Энгельс рисует последствия, вызываемые только «внешней» войной; он не касается внутренней, т.-е. гражданской, войны, без которой не обходилась еще ни одна великая революция в истории, без которой не мыслил себе перехода от капитализма к социализму ни один серьезный марксист. И если внешняя война может еще известное время тянуться, не вызывая «безнадежной путаницы» в «искусственном механизме» капитализма, то очевидно, что гражданская война без такого последствия совсем уже немыслима.

Какое тупоумие, какую бесхарактерность,—если не говорить о корыстном услужении буржуазии,—обнаруживают те, кто, продолжая себя называть «социалистами», подобно нашим новожизнцам, меньшевикам, правым эс-эрам и т. п., с злобой указывают на проявление этой «безнадежной путаницы», вина во всем революционный пролетариат, Советскую власть, «утопию» перехода к социа-

лизму. «Путаница», разруха—по прекрасному русскому выражению—вызвана войной. Тяжелой войны без разрухи быть не может. Гражданской войны, необходимого условия и спутника социалистической революции, без разрухи быть не может. Отрекаться от революции, от социализма «по случаю» разрухи значит только проявлять свою безыдейность и переходить на деле на сторону буржуазии.

«...Голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой...»

Как просто и ясно делает Энгельс этот бесспорный вывод, очевидный для всякого, кто хоть немного способен подумать над объективными последствиями многолетней тяжелой, мучительной войны. И как поразительно неумны те многочисленные «социал-демократы» и горе-«социалисты», которые не хотят или не умеют вдуматься в это простейшее соображение.

Мыслима ли многолетняя война без *одичания* как войск, так и народных масс? Конечно, нет. На несколько лет, если не на целое поколение, такое последствие многолетней войны безусловно неизбежно. А наши «человеки в футляре», хлюпики из буржуазной интеллигенции, называющие себя «социал-демократами» и «социалистами», подпевают буржуазии, сваливая проявления одичания или неизбежную жестокость мер борьбы с особенно острыми случаями одичания на революцию,—хотя ясно, как день, что создано это одичание империалистской войной и что никакая революция без долгой борьбы, без ряда жестоких репрессий освободиться от *таких* последствий войны не в состоянии.

Они готовы «теоретически» допустить революцию пролетариата и других угнетенных классов, наши сладенькие писатели «Новой Жизни» ⁵⁵⁾, «Впереда» ¹¹²⁾ или «Дела Народа» ⁶²⁾, только чтобы эта революция свалилась с неба, а не родилась и не росла на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистской бойне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой бойне.

Они слышали и признавали «теоретически», что революцию следует сравнивать с актом родов, но, когда дошло до дела, они позорно трусили, и свое хныканье дрянных душонок превратили в перепев злых выходок буржуазии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе, те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например Эмиля Золя «La joie de vivre» («Радость жизни») или «Записки врача» Вересаева ¹⁵¹⁾. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный,

истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании за-рекался бы от любви и от деторождения?

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше—добавим от себя—вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов.

В ясном сознании этого факта, Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим во всемирной войне капиталистическим обществом. «Только один результат (всемирной войны),—говорит он,—абсолютно несомненен: всеобщее истощение и *создание* условий для окончательной победы рабочего класса».

Еще яснее эта мысль выражена в конце предисловия, разбираемого нами:

«...В конце трагедии вы (капиталисты и помещики, короли и государственные мужья буржуазии) будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна».

Трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болезни или смертельного исхода во много раз. Но если отдельные люди гибнут от родов, новое общество, рождаемое старым укладом, не может погибнуть, и его рождение станет лишь более мучительным, более затыжным, рост и развитие более медленным.

Конец войны еще не наступил. Всеобщее истощение уже наступило. Из двух *непосредственных* результатов войны, предсказанных Энгельсом условно (либо уже завоеванная победа рабочего класса, либо создание условий ее неизбежности, *вопреки всем трудностям*), из этих двух условий налицо теперь, к половине 1918 года, *оба*.

В одной, наименее развитой из капиталистических стран, победа рабочего класса *уже завоевана*. В остальных, с неслышанным усилием неслышанных мук, создаются условия, делающие эту победу «все ж таки неизбежной».

Пусть каркают «социалистические» хлюпики, пусть злобствует и бешенствует буржуазия. Только люди, закрывающие себе глаза, чтобы не видеть, и затыкающие уши, чтобы не слышать, могут не за-

мечать того, что во всем мире для старого капиталистического общества, беременного социализмом, начались родовые схватки. На нашу страну, ходом событий выдвинутую временно в авангард социалистической революции, падают теперь особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов. У нас есть все основания с полной твердостью и с абсолютной уверенностью смотреть на будущее, готовящее нам новых союзников, новые победы социалистической революции в ряду более передовых стран. Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания, и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства.

*Написано 29 июня,
напечатано в «Правде» № 133,
2 июля 1918 г.*

V ВСЕРОССИЙСКИЙ
СЪЕЗД СОВЕТОВ
4—10 июля 1918 г.

•

*Пятый Всероссийский Съезд
Советов. Стенографический
Отчет. Изд. ВЦИК. 1918 г.*

Доклад Совета Народных Комиссаров ¹⁵²⁾.

(Заседание 5 июля 1918 года).

Товарищи, позвольте мне, несмотря на то, что речь предыдущего оратора местами была чрезвычайно возбужденной ¹⁵³⁾, предложить вам свой доклад от имени Совета Народных Комиссаров в общем порядке, касаясь главных принципиальных вопросов, как они этого заслуживают, и не вдаваться в ту полемику, которой так желал бы предыдущий оратор и от которой я, конечно, полностью отказываться не собираюсь. Вы знаете, что со времени последнего съезда главным фактором, определившим наше положение, изменившим нашу политику и определившим нашу тактику и отношение с некоторыми другими партиями в России, был Брестский договор. Вы помните, что на прошлом съезде ⁹⁵⁾ нам бросалось так много упреков, сыпалось на нас так много обвинений и раздавалось так много голосов по поводу того, что пресловутая передышка России не поможет, что союз международного империализма, все равно, заключен и что практически отступление, к которому мы ведем, ни к чему привести не может. Этот основной фактор определил собою все положение капиталистического государства, и на этом факторе, естественно, приходится остановиться. Я думаю, что за истекшие 3¹/₂ месяца становится совершенно бесспорным, насколько ясна наша правота, и мы можем сказать, что крестьяне и пролетариат, который не эксплуатирует других, который не наживается на народном голоде, он весь стоит безусловно за нас, и во всяком случае, против тех неразумных, кто втягивает его в войну, кто против Брестского договора.

Девять десятых стоит за нас, и чем яснее вырисовывается положение, тем более бесспорно, что сейчас, когда западно-европейские империалистические партии, две главные империалистические группы находятся в смертельной схватке между собою, когда они с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем все ближе и ближе толкают друг друга к пропасти, очертания которой мы ясно видим,—это осо-

бенно хорошо знают те, кто войну пережил, кто войну видал, кто о войне говорит не в легких фраззах,—для нас особенно ясно, что, пока каждая из групп сильнее нас и пока тот основной перелом, который позволит рабочим и трудящемуся народу России воспользоваться результатами революции, оправиться от нанесенного удара и подняться во весь рост, так, чтобы создать новую организованную, дисциплинированную армию, на новых началах ее построить, пока этот перелом еще не пришел, мы должны ждать. Поэтому, чем глубже спуститься в народные массы, чем ближе подойти к рабочим фабрикам и заводов и трудящемуся народу—крестьянству, не эксплуатирующему наемного труда, не защищающему спекулянтских интересов кулака, прячущего свой хлеб и боящегося продовольственной диктатуры—тем вернее можно сказать, что и там мы встретим, а теперь, с полным убеждением можно сказать, встретили полное сочувствие и единодушие. Да, сейчас народ воевать не хочет, не может и не будет, как бы люди но бессознательности, в увлечении фраззами, ни толкали его на эту войну, какими бы они словами ни прикрывались. Да, кто теперь прямо или косвенно, открыто или прикрито, толкуя о войне, кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам в России накидывают г. г. Керенский и помещики, капиталисты и кулаки... (*Голос: «Мирбах». Шум*). Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе. (*Рукоплескания.*) Меня несколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и выходками, когда нет других доводов... (*Голос: «Есть доводы». Шум*). Девяносто девять сотых русских солдат знает, каких невероятных мук стоило одолеть войну; они знают, что для того, чтобы построить войну на новом социалистическом и экономическом базисе, надо было одолеть войну разбойничью; они, зная, что бешеные силы империализма продолжают бороться, находясь уже три месяца на несколько шагов ближе к пропасти, они не войдут в эту войну после того, как мы исполнили свой долг перед всеми народами, поняв значение декларации мира и доведя это значение через нашу брестскую делегацию, с тов. Троцким во главе, до сведения рабочих всех стран. Когда мы открыто предложили честный демократический мир, это предложение было сорвано злобствующей буржуазией всех стран. Наше положение не может быть иное, как дожидаться, и народ дожидется того, что эти бешеные группы империалистов, сейчас еще сильные, свалятся в ту пропасть, к которой они теперь подходят,—это все видят... Это все видят, кто не закрывает себе нарочно глаза. Это пропасть за три с половиной месяца, когда обезумевшая империалистическая

партия стоит за то, чтобы тянуть войну, несомненно, подошла ближе. Это мы знаем, чувствуем и осязаем; это говорят солдаты, воины, испытавшие войну на деле, а те крики, которые призывают скинуть брестскую петлю теперь, идут от меньшевиков, правых с.-р. и сторонников Керенского. Вы знаете, где остались сторонники помещиков, капиталистов, где остались прихвостни правых с.-р., кадетов, там, как и в речах левых с.-р., все клонится к немедленной войне. Левые с.-р., как указали предыдущие ораторы, попали в неприятное положение: шли в комнату, попали в другую.

Мы знаем, что великая революция поднимается самой народной толпой из своей глубины, что на это надо месяцы и годы, и мы не удивляемся, что партия лев. с.-р. за время революции пережила невероятные колебания. Здесь Троцкий говорил,—а мне остается добавить,—о том, чем эта партия была после Октябрьской революции, при организации трудящихся масс, и 26 октября, когда позвали членов Ц. И. К. в комнату нижнего этажа в Смольном институте, а она отказалась ¹⁵⁴); да, эта партия пережила очень многое. Но есть мера во всем!

Мы знаем, что революция есть такая штука, которая изучается опытом и практикой, что только тогда революция становится революцией, когда поднялись десятки миллионов людей. (*Аплодисменты, заглушающие речь тов. Ленина, крики: «Да здравствуют советы!»*) Эта борьба, поднимающая к новой жизни, начата 115 миллионами людей; надо к этой великой борьбе присматриваться... До октября, когда основалась Советская власть, до 26 октября 1917 года, когда... (*шум, крики, аплодисменты*) наша партия и ее представители в ЦИК предложили партии лев. с.-р. войти в правительство,—она отказалась. Я напому вам, что те люди, которые колебались, которые сами не знают, чего хотят, отказываются идти с нами, слушают других, которые рассказывают сказки. Я вам сказал, как солдат, бывший на войне... (*Шум, аплодисменты.*) Когда говорил предыдущий оратор, наше громадное большинство на Съезде ему не мешало. Да это и понятно. Если же эти люди предпочитают со Съезда уходить, то скатертью дорога.

Наша правота в деле заключения Брестского мира доказана была всем ходом событий, и те, кто на предыдущем съезде Советов пробовал отпускать плохие острофы насчет передышки, научились и увидели, что мы получили, хотя и с неимоверным трудом, отсрочку, но за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству, и наоборот, державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя этой войны.

Поэтому только полной растерянностью я могу объяснить себе поведение тех людей и те нападки, которые сыплются на нашу тактику. Я повторяю, что достаточно сослаться на последний период трех с половиною месяцев. Я напомню тем, кто был на этом съезде, слова, которые были там сказаны, и предлагаю тем, кто там не был, прочесть протокол или газетные статьи о прошлом съезде, чтобы убедиться, как события нашу тактику оправдали полностью. От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани в начавшихся взрывах в других странах. Для того, чтобы их ускорить, мы делали в Брестский период все возможное.— Кто пережил революции 1905 и 1917 г.г., кто думал над ними и кто отпосился серьезно к ним, тот знает, что в нашей стране эти революции рождались с невероятным трудом. За два месяца перед январем 1905 г. и февралем 1917 г. ни один, какой угодно опытности и знания, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию. Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к войне, это — политика людей совершенно растерявшихся, потерявших голову, и, чтобы привести доказательство этой растерянности, я приведу вам пример из слов человека, в искренности которого ни я, ни кто другой, не сомневается,— из слов т. Спиридоновой, из той речи, которая была напечатана в газ. «Трудовое Крестьянство»¹⁵⁵) и о которой не было опровержения. В этой речи тов. Спиридонова поместила три, ничего не говорящие, строчки, будто бы немцы предъявили нам ультиматум—отправить им на три миллиарда мануфактуры.

Т. т., партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в это болото обмана и лжи, такая партия—погибшая партия. Нельзя не знать рабочим и крестьянам, каких невероятных усилий, каких переживаний стоило нам подписание Брестского договора. Неужели нужны еще сказки и вымыслы, к которым прибегают даже наиболее искренние люди из этой партии? Но мы знаем, где народная правда, и ею мы руководствуемся, в то время как они мечутся в истерических выкриках. И с этой точки зрения подобные вещи хуже всякой провокации, особенно, если мы сопоставим сумму всех партий в России, а этого требует научное отношение к революции. Никогда нельзя забывать смотреть в целом на отношение всех партий вместе. Отдельные лица, отдельные группы могут ошибаться, но посмотрите на соотношение всех партий вместе—ошибка быть не может. И посмотрите, что говорят теперь, слыша подобные призывы, правые с.-р., Керенский, Савинков¹⁰⁶) и прочие... Да

они в настоящую минуту хлопают, как бешеные. Они рады втянуть Россию в войну теперь, когда это нужно Милюкову ¹⁴⁾. И сейчас так говорить о Брестской петле—значит на русского крестьянина надевать помещичью петлю. И когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечаю: нет, т. т., это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто этими выкриками выполняет чужую работу, работу провокаторов.

Я кончаю первую часть моего доклада. За три с половиной месяца империалистической бешеной войны империалистические государства приблизились к той пропасти, в которую они толкают народ. У нас этот истекающий кровью зверь оторвал массу кусков живого организма. Наши враги так быстро приближаются к этой пропасти, что, если бы даже им было предоставлено больше трех с половиной месяцев и если бы империалистическая бойня нанесла нам снова такие же потери,—погибнут они, а не мы, потому что быстрота, с которой падает их сопротивление, быстро ведет их к пропасти, а у нас за эти три с половиной месяца, несмотря на гигантскую тяжесть, о которой мы открыто перед всем народом говорим, несмотря на все это, имеются здоровые ростки здорового организма, и в промышленности и всюду строительная мелкая работа, может быть, не эффективная, нешумная, идет вперед. Она дала свои плодотворнейшие результаты, и мы, имея еще 3 месяца, еще 6 месяцев, еще зимнюю кампанию такой работы, будем идти вперед, а западно-европейский империалистический зверь, уставая от борьбы, такого состязания не выдержит, потому что внутри его растут силы, до сих пор еще не верящие в себя, а то, что уже там начато, коренным образом начато, не будет иметь возможности быть измененным за три с половиной месяца. Об этой строительной, мелкой, созидательной работе говорят слишком мало, и я думаю, что на ней нам нужно остановиться больше. Я со своей стороны не имею возможности скрывать этого хотя бы в силу того обстоятельства, что необходимо принять во внимание нападки предыдущего оратора. Сошлюсь на резолюцию ЦИК от 29 апреля 1918 г. ¹⁵⁶⁾. Я делал тогда доклад и подчеркнул, что, наряду с неимоверной трудностью нашего положения, у нас внутри страны творческая работа должна быть поставлена на первое место, и тут, не делая себе иллюзий, мы должны сказать, что на эту работу, при всей ее трудности, мы должны отдать все свои силы. Тот опыт, которым я могу поделиться с вами, показывает, что в этом отношении мы, несомненно, далеко ушли вперед. Правда, если ограничиться внешними результатами, как это делает буржуазия,

выхватывая отдельные примеры ошибок,—берут какое-нибудь управление речного флота и указывают, сколько раз мы принимались его переделывать, злорадствуют и говорят, что Советская власть не может справиться,—то я отвечу: да, мы много раз переделывали наше управление речным флотом, управление железными дорогами, и мы теперь принимаемся за большую еще переделку. В этом—значение переворота; социализм из области догмы, из области книжки, программы перешел в область, которую творят своей рукой рабочие и крестьяне.

Прошли и для России, уверен, безвозвратно прошли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. О них можно говорить только по опыту. В том и значение переворота, что он в первый раз отбросил старый аппарат буржуазного чиновничества, буржуазной системы управления, создав такие условия, когда рабочие и крестьяне берутся сами за дело, невероятно трудное, что скрывать было бы смешно,—за дело, когда десятки миллионов людей, которых капиталисты и помещики веками гнали и преследовали за одну только мысль об управлении землей, должны теперь в несколько недель, в несколько месяцев, при отчаянной, бешеной разрухе, когда война изранила все тело России, так что народ похож на избитого до полусмерти человека,—в такое время, когда в наследство нам цари, помещики и капиталисты оставили величайшую разруху,—за новое дело, новое строительство должны браться новые классы, рабочие и те крестьяне, которые не эксплуатируют наемных рабочих и не наживаются на спекулянтском хлебе. Да, это дело невероятно трудное и невероятно благодарное. Каждый месяц такой работы и такого опыта стоит 10, если не 20 лет вашей истории. Да, мы нисколько не боимся признаться перед вами в том, на что указывает ознакомление с нашими декретами, что нам приходится постоянно переделывать их; мы еще ничего готового не создали, мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем; если Советская конституция может быть предложена, так потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали, а мы через полгода после Октябрьской революции, почти через год после I Всероссийского Съезда Советов, могли ее написать. В области хозяйства, там, где социализм строится, где должна строиться новая дисциплина, там переделка и перестройка может быть основана только на опыте. Это—наша главная задача; мы говорим: от всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина. Было время, когда без крепостной дисциплины нельзя было вести хозяйства, когда была одна дисциплина—палка, это было время господства капитали-

стов, когда силой дисциплины был голод. Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе. Всякий, кто прибегает к старым капиталистическим приемам, кто во время нужды и голода по-старому, по-капиталистически рассуждает: если я в одиночку продам хлеб, то больше наживу, если в одиночку отправлюсь добывать хлеб, то легче добуду,—остается в старой полосе привычных капиталистических отношений. Новый путь требует от нас, требует от всего народа большой сознательности, большой организованности, требует больше времени, вызывает большие ошибки. Но не ошибается тот, кто ничего практического не делает.

Если период, о котором я дам вам отчет, включает, с точки зрения собрания, доклад, в котором встречаются часто поправки, исправления, возвращение к старому, то не в этом состоит главная задача, главное содержание, главная ценность переживаемого периода. Старый аппарат управления чиновниками, которому достаточно приказывать повысить жалование, отошел, нам приходится столкнуться—и мы сталкиваемся—с жел.-дор. пролетариатом, который был хуже поставлен, чем другие, и он имеет законное право на свои требования; завтра пролетариат речной предъявит свои требования, послезавтра средний крестьянин, о котором я буду говорить подробнее, который чувствует себя часто хуже рабочего, к которому мы относимся с величайшим вниманием, интересам которого посвящены все декреты, чего абсолютно не понял предыдущий оратор, предъявит требования,—все это вызывает невероятные трудности, по это те трудности, при которых рабочие и беднейшие крестьяне в первый раз после столетий сами организуют все народное хозяйство России своими собственными руками. И когда рядом с примерами и случаями неудачи, провалов,—случаями, которые выхватываются буржуазной прессой, которые, конечно, многочисленны, мы видим настоящих представителей идей, тогда мы говорим себе: всеми тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч рук рабочие и трудящиеся крестьяне взялись за постройку нового социалистического здания. Теперь начинается глубочайший переворот в деревне, и там задача иная. Приходится организовать заводы, металлическую промышленность, а после военной разрухи—распределить производство, распределить сырье, материал—проведение этой задачи очень трудно. Там рабочий учится, там создаются органы центрального управления, там нам приходится переделывать

Высший Совет Народного Хозяйства, вследствие того, что старые законы, изданные в начале нового года, ввиду того, что рабочее движение идет вперед; профессиональные союзы в большинстве случаев сделали очень многое, сделали зачатки органов управления всей промышленностью. Повторяю, мы не можем в этой области похвастаться блестящим успехом. Мы знаем, что в этой области буржуазные элементы, капиталисты, помещики, кулаки, получают возможность еще долго агитировать, говоря, что, как всегда, изданный декрет не проведен в жизнь, что через три месяца исправляют его, что спекуляция, как была, так и есть.

На опыте мы знаем, что переделка декретов является необходимой, ибо встречаются новые трудности, из которых переделка черпает новые силы. И если в вопросе о продовольствии мы пришли к организации деревенской бедноты и если теперь прежние товарищи со всей искренностью, в которой нельзя сомневаться, говорят, что наши дороги разошлись, то мы твердо отвечаем им, что тем хуже для вас, ибо вы ушли от социализма.

Вопрос продовольственный—это главный вопрос, это тот вопрос, которому мы больше всего уделяем внимания в нашей политике. Масса мелких мер, которых не видно со стороны, но которые приняты Советом Народн. Комиссаров: улучшение транспорта водного и ж.-д., чистка интендантских складов, борьба со спекуляцией,—все было направлено к тому, чтобы поставить дело продовольствия. Не только наша страна, но и все те самые культурные страны, которые до войны не знали, что такое голод, теперь все они в самом бедственном положении, которое создали империалисты, борясь за господство той или иной группы. Десятки миллионов людей испытывают муки голода. Все поставлены войной в такое положение, что социальная революция выражается не в догмах, не в программе, а в том, что десятки миллионов людей говорят: жить и голодать мы не будем, лучше умереть, творя революцию. Вы знаете, какие гигантские трудности выдвигает продовольственный вопрос, какое ужасное бедствие надвинулось на нас и как приходится постоянно слышать о восстающих против Советской власти капиталистах! Вы знаете, что чехо-словацкий мятеж ¹³⁹⁾—это мятеж людей, купленных десятками миллионов англо-французских империалистов. Вы знаете, что ген. Краснов ¹¹⁾, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни. Я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова! Не было ни

одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов.

Наше продовольственное положение было доведено до положения почти катастрофического. Мы пришли в такую полосу, которая является самым тяжелым периодом в нашей революции. Перед нами стоит самый трудный период,—не было еще более трудного периода в рабоче-крестьянской России,—именно период, который остался до урожая. Меня, выдавшего виды партийных разногласий, революционных споров, удивляет, что в такой трудный период увеличивается число людей, которые впадают в истерику и кричат: я уйду из советов. Товарищи, чем больше надвигается на нас голод, тем яснее становится, что против этого отчаянного бедствия нужны и отчаянные меры борьбы. Социализм, повторяю, перестал быть догмой, как он перестал, может быть, и быть программой. В нашей партии пока еще не написано новой программы, а старая уже никуда не годится. Раздобыть хлеб—вот в чем основа социализма сегодня... Война, которая нам оставила в наследство разруху, усилиями Керенского и помещиков-кулаков, говорящих: «после нас хоть потоп», была доведена до того положения, что говорят: «чем хуже, тем лучше». Война оставила нам такие бедствия, что теперь мы на вопросе о хлебе переживаем самую сущность всего социалистического устройства и должны взять этот вопрос в руки и решить его практически. Тут говорим мы себе: как быть с хлебом, когда, по-старому, по-капиталистически, крестьяне, пользуясь случаем и наживая тысячи рублей на хлебе, называют себя трудовым крестьянством—бывает и так,—и даже левые эс-эры рассуждают, как и крестьяне, что если народ голодает—значит, цены на хлеб повышаются, если голод в городах—значит, у меня туга мощна, а если будут голодать еще больше—значит, я наживу еще лишние тысячи. Но я прекрасно знаю, что не вина отдельных лиц в этом рассуждении. Все старое наследие помещичьего и капиталистического общества научило людей так мыслить, так думать и жить, а переделать жизнь десятков миллионов людей страшно трудно, для этого нужно долго и упорно работать, а эту работу мы только что начали. У нас никогда не было в мыслях обвинять тех людей, кто в одиночку, мучимый голодом и не видя пользы в организации социалистического распределения хлеба, бросается помогать себе в одиночку, махая на все,—таких нельзя винить. Но мы говорим: когда выступают представители партий, когда мы видим людей, примкнувших к определенной партии, когда видим большие группы народа,—от них мы требуем, чтобы они посмотрели на это дело не с точки зрения измученного, истерзанного и голодного

человека, на которого ни у кого не поднимется рука, а с точки зрения строения нового общества.

Да, социализм никогда не удастся устроить в такое время, когда все гладко и спокойно, социализм никогда не удастся осуществить без бешеного сопротивления помещиков и капиталистов; тем более радостно поднимают они руки, чем труднее положение; тем более поднимаются они на мятеж, чем труднее, чем больше у нас саботажников, тем охотнее они бросаются в чехо-словацкие и красновские истории. И мы говорим: вот это надо преодолеть не по-старому, как бы трудно ни было тащить телегу вперед, а не назад, под гору; мы великолепно знаем, что не проходило недели или даже дня, когда мы в Совете Народов. Комиссаров не были бы заняты вопросом о продовольствии, когда тысячи предположений, распоряжений, декретов исходили от нас и когда мы не ставили бы вопроса, как бороться с голодом. Говорят: не нужно никаких особых цен, таксированных цен, хлебных монополий. Торгуй, как влезет. Богачи наживут еще больше, а что бедняки перемрут, так они ведь и всегда умирали с голоду. И вот мы говорим себе: в этот момент, когда гора стала самой крутой и телегу приходится перетаскивать через самые большие крутизны,—вопрос о капитализме перестал быть вопросом партийных разногласий, а стал вопросом: устоите ли вы в борьбе с кулаками, в союзе с крестьянами, не спекулирующими хлебом, устоите ли вы теперь, когда надо бороться, когда предстоит самая тяжелая работа? Нам говорили о союзах бедноты ¹⁵⁷). Для тех, кто на деле видел муки голода, для тех ясно, что для того, чтобы сломить и беспощадно подавить кулаков, нужны самые крутые, беспощадные меры. Приступая к организации союзов бедноты, мы шли на это с полным сознанием всей тяжести и жестокости этой меры, потому что только союз городов и деревенской бедноты и тех, кто имеет запасы, но не спекулирует, тех, кто хочет решительно преодолеть трудности и достигнуть того, чтобы излишки хлеба шли государству и распределялись между трудящимися,—только такой союз является единственным средством этой борьбы, и борьба эта должна вестись не в программах и речах; в этой борьбе с голодом должно сказаться, кто идет прямым путем, несмотря на все испытания, к социализму и кто поддается на уловки и обманы кулаков. Если найдутся из партии лев. с.-р. люди, которые скажут, как предыдущий оратор, один из наиболее искренних и поэтому часто увлекающихся, часто меняющих свои мнения,—если они скажут: «мы с большевиками работать не можем, мы уходим»,—мы не пожалеем об этом ни на одну минуту. Те социалисты, которые уходят в такую минуту, когда десятки и тысячи людей гибнут от голода, в то время,

как другие имеют такие большие излишки хлеба, что не продали их до августа прошлого года, когда удвоили твердые цены на хлеб, против чего вся демократия восставала, кто знает, что народ терпит несказанные муки голода, но не хочет продавать хлеб по ценам, по которым продают средние крестьяне, те—враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те—друзья капиталистов. Война им и война беспощадная! И тысячу раз будет неправ тот, тысячу раз ошибается тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это—борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или невдумчивые из лев. с.-р. Нет, это борьба за то, чтобы спасти социализм и разделить хлеб в России правильно. Тогда мы победим и увидим, что такое социализм; так говорит теперь каждый европейский рабочий, так говорит нам здоровый инстинкт всякого простого человека, может быть, и не знающего, что такое социализм, но знающего, что он всю жизнь трудился, и знающего, что хлеб доставался трудной ценой. Он нас поймет. Такой человек будет с нами. Кулакам, имеющим излишки хлеба и способным в момент величайшего бедствия народа скрывать хлеб, в момент, когда все завоевания революции поставлены на карту, когда Скоропадские ¹³⁴⁾ всех оттенков и со всех концов, оккупированных и не оккупированных, вытягивают шеи и поджидают, нельзя ли на голоде свалить крестьянскую и рабочую власть и вернуть помещиков,—в такой момент объявить этим кулакам беспощадную войну—это наш первый социалистический долг; кто в этот труднейший момент величайших испытаний для голодного народа и величайших испытаний для социалистической революции умывает руки и повторяет рассказы буржуазии—тот плохой социалист.

Неверно, и тысячу раз неверно, что это есть борьба с крестьянством. Я читал сотни раз со страниц кадетских газет об этом, и меня не удивляет, когда там кричат, что рабочие раскололись с крестьянством. Когда там истерически пишут: крестьяне, очнитесь, одумайтесь и бросьте большевиков! Когда я слышу и читаю там об этом, меня это не удивляет. Там оно подстать. Там они служат тому хозяину, которому служить предназначены, но я не желал бы быть в шкуре социалиста, упавшего до таких речей. Товарищи, мы превосходно знаем, каких невероятных трудностей стоит решение продовольственного вопроса. Тут предрассудки самые глубокие. Тут интересы самые коренные, интересы кулаков, тут деление, застой, распыленность деревни, темнота, во многих случаях все объединяются против нас, и мы говорим: несмотря на эти трудности, отказаться нельзя, с голодом не шутят, и народные массы, если в голоде им не помочь, с голода способны метнуться даже к Скоропадскому. Неправда, что это борьба с крестья-

нами; кто это говорит—тот величайший преступник, и величайшее несчастье случилось с тем человеком, кто истерически дал увлечь себя до таких речей. Нет, не только с крестьянами беднейшими, но и с средними мы не боремся. Крестьяне средние имеют во всей России ничтожные излишки хлеба. Крестьяне средние жили десятки лет до революции в условиях худших, чем живет рабочий. С этими средними крестьянами мы идем путем соглашения. Революции социалистической не может быть, если во всех трудящихся массах не будет равенства классового; несправедливо, если каждый городской рабочий получает больше, а крестьянин живет и видит больше нужды и угнетения, а живет еще хуже его; понятно, нам предстоит борьба, на которую мы и вступили. Нет организации, нет профессионального союза, который не занимался бы этим вопросом. Нам приходится на желдор. собраниях устраивать десятки заседаний по вопросу об уравнении платы между профессиями. И все же установить не можем; всякий разумный рабочий знает, что для этого необходим долгий период. Разве мало жалоб вы найдете в Комиссариате Труда? Вы увидите, что каждая профессия поднимает голову. А мы не хотим жить по-старому, мы не хотим жить по-рабски. Мы хотим в стране бедной, стране нищей, залечить те раны, которые ей нанесены. Нам необходимо стараться кое-как удержать хозяйство, развалившееся почти до конца. Мы издали декрет об организации бедняков, против которого могут быть только враги социализма. Мы говорили, что считаем справедливым понизить цену на мануфактуру. Мы берем на учет, национализируем решительно все.

Мы говорили: спустите беднякам цены на мануфактуру наполовину, среднему крестьянину спустите на 25⁰/. Может быть, это неверная ставка. Мы не претендуем на то, что решили вопрос правильно. Мы не утверждаем этого. Чтобы решить вопрос, идите решать его вместе. Если сидеть в главном управлении и бороться со спекуляцией, ловить жуликов, устраивающих тайком свои дела, этим не решишь вопроса.

Только тогда, когда Комиссариат Продовольствия, вместе с Комиссариатом Земледелия, национализировал все товары, установил цены,—только тогда мы подходим к социализму, к нему подходят только трудящиеся и деревенская беднота, все те, кто трудится, чужого не загребает, чужого труда не эксплуатирует ни в форме найма, ни в форме спекуляции, ибо тот, кто берет по 100 и больше за хлеб, не менее спекулянт, чем если он нанимает наемных рабочих; может быть, он еще худший, если более горький спекулянт. И вот, когда мы к этому делу подошли, хотя через полгода трудного советского управ-

вления,—жалко, что не через полнедели, вот это наша вина, и если бы нас за то упрекали, что декрет об организации деревенской бедноты и продовольственной диктатуры на полгода опоздал, мы были бы рады этому порицанию,—мы говорим: вот только теперь, когда мы на этот путь вступили, социализм перестал быть бойкой фразой и становится живым делом. Может быть, наши ставки неверны. Откуда мы могли взять их? Только из вашего опыта. Сколько раз мы переделывали ставки железнодорожников, **хотя у них есть союзы**, а союзов средней бедноты нет; давайте проверять вместе, правильны ли ставки, назначенные в декрете о бедноте, что беднейшим спускается полцены, **средним спускается** четверть цены, а у **богатого бери все**,—правильны ли эти ставки **или нет?**

Если будет бой, то на этот бой мы пойдем смелыми декретами и ни капли не колеблясь, это будет настоящий бой за социализм,—не за догму, не за программу, не за партию, не за фракцию, а за социализм **живой**, за распределение хлеба между голодными сотнями тысяч людей в передовых районах России, чтобы, когда хлеб есть, его взять и правильное распределить. И повторяю: здесь у нас нет ни тени сомнения, что девяносто девять сотых крестьян, когда они правду узнают, когда декрет получают, проверят, примерят, когда скажут нам, как его надо исправить, и мы его исправим, эти ставки переделаем, когда они за эту работу возьмутся, когда приценятся к ее трудности практической,—⁹/₁₀ крестьян будут с нами и скажут: мы проявляем здоровый **инстинкт** всякого трудового человека, что здесь и только здесь решается вопрос настоящий, коренной, жизненный вопрос о социализме. Мы установим правильные ставки на товары, установим монополию на хлеб, на мануфактуру, на все продукты, и тогда народ скажет: да, распределение труда, распределение хлеба и продуктов, которые нам дает социализм, лучше, чем ваши, а это народ начинает говорить. Мы умеем преодолевать препятствия рядом с массой трудностей, рядом с массой ошибок, рядом **со случаями**, которые мы несколько не прикрываем, а вытаскиваем на свет, на позор,—теми случаями, когда наши отряды сами впадают в спекуляцию, в ту скользкую пропасть, в которую тащат все привычки, все навыки капиталистов,—да, эти случаи бывают повсюду, мы знаем, что переделать людей сразу нельзя, что внушить десяткам миллионов людей сразу веру в социализм нельзя: откуда они возьмут эту веру? Из своей головы, из своего опыта? Рядом со всем этим начинают говорить, что хлеб делить можно не путем спекуляции, что спасти от голода можно только путем союза городских и фабрично-заводских и промышленных рабочих с союзом деревенской бедноты, так как только деревенская

беднота хлебом не спекулирует. Да, средний крестьянин сразу, когда увидит наши декреты, когда прочтет их сам, когда сравнит их с теми фразами и наветами прав. с.-р. и защитников кулаков, скажет: если люди устанавливают одну ставку для бедняков, другую—для средних и даром берут хлеб у кулаков,—они поступают справедливо; он, может быть, не скажет, что они поступают, как социалисты, он, может быть, не знает этого слова, но он—наш вернейший союзник, ибо он хлебом не спекулирует, он поймет и согласится, что спекулировать хлебом в момент величайшей опасности для социалистической революции—есть величайшее преступление против народа.

Хлеб нельзя распределить декретом. После долгой, упорной работы налаживания, исправления, — союза фабричных, городских рабочих и деревенской бедноты, трудящихся крестьян, не нанимающих никаких рабочих, никакие истерические выкрики против нашей партии не разорвут этого союза.

Этому крестьянству мы обещали, когда ввели социализацию земли, мы этим сделали уступку, но мы понимали, что национализации сразу провести нельзя. Мы знаем, что это, может быть, и ошибка, что мы вапу «социализацию земли» поставили в наш закон 26 октября. Это была уступка лев. с.-р., которые отказались от власти и сказали, что останутся только тогда, если будет проведен этот закон. Тысячу раз неправа Спиридонова ¹⁵³), когда подносила нам отдельные факты о том, как она была у меня, унижалась и просила. Т. т., многие были на приеме; должно быть, плоха эта партия, если лучшие ее представители унижаются до сказок; у меня лежит письмо тов. Спиридоновой,—она очень часто обращалась ко мне письменно,—это письмо я завтра же найду и передам. Она пишет: Почему вы не хотите дать два миллиона для сельско-хозяйственной коммуны? И это в тот самый день, когда наркомзем Середа, деятельности которого она не понимает, внес доклад об ассигновании 10 миллионов на сельско-хозяйственную коммуну. Вы слышали это из речи т. Спиридоновой, но плоха та партия, в которой даже искреннейшие люди в своей агитации падают до сказок. Я повторяю: как плоха партия, лучшие, искреннейшие представители которой доходят до таких сказок про Советскую власть! Тем хуже для них! Каждый крестьянин, который придет в Комиссариат Земледелия, прочтет, что ассигновано 10 миллионов на сельско-хозяйств. коммуны, тогда он увидит, поверит своим глазам и своим ушам больше, чем чужим речам, поймет, что эти люди дошли до сказок, и от партии этой отвернется. Повторяю, перед нами до нового урожая, до подвоза этого урожая в голодные местности Петрограда и Москвы, перед нами стоит тяжелый период русской революции. Са-

мый тесный союз городских рабочих с деревенской беднотой, с деревенской трудящейся массой, которая не спекулирует хлебом, — вот что спасет революцию.

Съезд нам показывает, что этот союз, несмотря ни на что, крепнет, ширится и растет не только в России, но и во всем мире. Знают за границей про нашу революцию до смешного, до ужаса мало. Там военная цензура, которая ничего не пропускает. Товарищ, приехавший из-за границы, это говорил, и, несмотря ни на что, все же по одному инстинкту рабочие стоят на стороне большевистского правительства. И все множатся и множатся голоса, которые показывают, что сочувствие к социалистической революции в Европе крепнет в тех странах, где продолжается империалистическая война. От германских социалистов и других людей, имена которых знает всякий сознательный рабочий и крестьянин, как Клара Цеткин ¹⁴⁵⁾ и Франц Меринг ¹⁵⁸⁾, большевистское правительство получает выражение признательности и выражение сочувствия и поддержки. В Италии старый секретарь партии Ладзари ¹⁵⁹⁾, который в Циммервальде ¹⁶⁰⁾ относился к большевикам с недоверием, сидит теперь в тюрьме за выражение сочувствия нам.

Понимание революции растет. Во Франции те товарищи и рабочие, которые на конференции в Циммервальде с величайшим недоверием относились к большевикам, теперь выпустили воззвание, в котором горячо высказываются за поддержку большевистского правительства и против авантюр каких-либо партий.

И поэтому, товарищи, как ни труден, и как ни тяжел период, который нам предстоит, мы обязаны сказать всю правду и открыть глаза на это, ибо только он, народ, своей инициативой и своей организацией, выдвигая новые и новые условия и защищая социалистическую республику, поможет нам. И мы говорим: товарищи, нет ни тени сомнения, что если мы пойдем по тому пути, который избрали и который события подтвердили, если мы будем твердо и неуклонно идти по этому пути, если мы не дадим ни фразам, ни иллюзиям, ни обману, ни истерике сбить себя с правильного пути, то мы имеем величайшие в мире шансы удержаться и помочь твердо победе социализма в России, а тем самым помочь победе всемирной социалистической революции.

*«Пятый Всероссийский Съезд Советов». Стенографический отчет.
Изд. ВЦИК. 1918 г.*

Заключительное слово по докладу.

Когда здесь говорили о том, будто большевики делают уступки и будто в отчетах они ничего делового не заявили, я вспоминаю слова, сказанные здесь одним с.-р., кажется, максималистом, что в Совете Высшего Народного Хозяйства переходят от контроля к управлению производством. Разве это не деловое заявление? Что же делают те рабочие, которые своими силами через профессиональные союзы стали от хозяев учиться делу управления предприятиями? Вы говорите, что управлению научиться ничего не стоит, между тем мы в В. С. Н. Х. ежедневно решаем тысячи конфликтов и случаев, которые говорят, что рабочий научился многому, и, делая выводы, мы приходим к тому, что рабочие начинают учиться медленно, правда—с ошибками, но одно дело сказать фразу, а другое—видеть месяц за месяцем, как постепенно рабочий входит в свою роль, начинает терять свою робость и начинает чувствовать себя правителем. Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельско-хозяйственной коммуне. Время показывает, что рабочий должен был научиться управлению промышленностью, а все остальное есть пустейшая фраза, которой цена грош. Если мы через полгода Советской власти дошли до того, что теперь подходим к устарелости контроля—это уже громадный шаг вперед. Здесь кричали, что мы топчемся на месте и отступаем. Ничего подобного. Вы в этом можете убедить кулака, но не простого рабочего; он знает, когда мы говорим: давайте людей лучше тех, которых вы послали, заставьте их учиться лучше, чем учишься ты. Поэтому, когда нам кричат здесь о концессии, позвольте тогда спросить любого рабочего и крестьянина, что они предпочитают: заплатить ли по тому долгу, который немцы на нас возложили концессиями, или воевать? Когда мы Брестский мир заключали, мы говорили об империалистах: пока их не победила международная социалистическая революция, мы не можем защищаться иначе, как отступлением. Это неприятно, но факт, пока мы не построили армии, которую можно создать десятками лет, пока не будет создано правильное распределение хлеба, чтобы для армии был запас хлеба, собранного и ссыпанного. В каком уезде, в какой губернии сделали это лев. с.-р.? Ничего подобного они не сделали. До тех пор, пока этого не сделано, мы говорим, что все ваши крики есть пустейшая фраза, а когда мы делаем какие-либо шаги в рабочем управлении, мы делаем шаг вперед. Здесь неверно цитировали мою фразу. Я сказал, что плоха партия искренних людей, в которой вынуждены опускаться до таких фраз.

что мы миллиард дали нашему Комиссариату Продовольствия—это ли не шаг вперед? Многое еще не налажено, и, если вы пожелаете, сможете это наладить, через кого только—не знаю. Конечно, не через старых чиновников. У нас учатся этому делу рабочие и крестьяне из Советов, и потому закупка мануфактуры и ассигнование делают свое дело. Мы сотни раз в Совете Народн. Комиссаров разбирали вопрос: через кого покупать ее, как проводить контроль, как помочь скорейшему ее распространению? И мы знаем, что из недели в неделю с успехом разрабатывали меры борьбы со спекуляцией, меры ловли спекулянтов, и что рабочие в этом деле с каждым месяцем становятся все тверже, и этого нашего успеха ни один человек отрицать не может. Мы идем вперед, а не топчемся на месте. Мы произвели 28 июня социализацию, может быть, на несколько сот тысяч, а вы еще возражаете и опять повторяете слова буржуазной интеллигенции. Социализм—это работа, которая производится не в несколько месяцев. Мы не топчемся на месте, а продолжаем идти к социализму и после Брестского договора подошли к нему ближе. У рабочих есть опыт из ряда ошибок, сознание ответственности, трудности бороться, а у крестьян есть опыт в деле социализации земли, и, несомненно, более опытные и разумные крестьяне говорят: мы в первую весну брали землю сами, а осенью возьмем в свои руки все дело, дело распределения земли. Ведь мы даем крестьянам мануфактуру по 50⁰/₀, т.е. за полцены, а кто крестьянской бедноте стал бы давать мануфактуру за эту цену? И мы будем идти к социализму через путь хлеба, мануфактуры и орудий, недостающих спекулянтам, а идущих в первую голову бедноте. Это есть социализм... После полугода социалистической революции люди, которые думают по книжкам, ничего не понимают. Мы пришли к такому положению, когда от конкретного шага распределения хлеба и обмена мануфактуры на хлеб делаем так, чтобы выиграла беднота, а не богатые спекулянты, мы—не буржуазная республика, так как для этого не нужно Советов; от распределения хлеба и мануфактуры надо, чтобы выиграла беднота, а этого не пробовала сделать ни одна республика в мире, а мы пробуем теперь... Мы делаем дело благородное, у нас есть опыт, и мы делаем все, чтобы беднота организовалась; случаи грабежа и хулиганства почти уничтожаются, на один такой случай приходится десять случаев, когда крестьяне бедные, средние говорят: надо освободиться от кулака и помещика. Со времени Брестского мира мы сделали громадные шаги вперед в деле обучения крестьян, и они теперь не новички в деле борьбы за социализм.

«Пятый Всероссийский съезд Советов Р. К. и К. Д.».

Стеногр. отчет. Изд. ВЦИК. 1918 г.

Речь в В. Ц. И. К. по поводу предложения Германского правительства о вводе батальона солдат для охраны посольства.

(Заседание 15 июля 1918 г.)

Товарищи, на недостаток политических кризисов и быстрых политических изменений наша Советская Республика пожаловаться ни может. Как ни просты, как ни элементарно просты все теоретические силы, которые не могут, конечно, чувствовать себя спокойно рядом с Социалистической Советской Республикой, но в момент, подобный переживаемому нами, при условии ведения войны в прежнем размере, явно руководящие силы, комбинация двух империалистических групп, продолжают вызывать политический кризис и его подобия. По поводу одного такого события, подобия политического кризиса, или настоящего кризиса, я имею дать вам сообщение. Вчера, 14 июля, в 11 час. вечера, народного комиссара по иностранным делам посетил исполняющий должность германского дипломатического представителя доктор Рицлер и сообщил ему содержание только что полученной им из Берлина телеграммы, в которой германское правительство поручает ему просить о согласии русского правительства на допущение батальона германских солдат в военной форме для охраны германского посольства и о скорейшей доставке этих солдат в Москву.

При этом было прибавлено, что всякие оккупационные цели далеки от германского правительства.

Народный комиссар по иностранным делам, по соглашению с председателем Совета Народных Комиссаров, ответил, что народные массы России желают мира, что русское правительство готово дать германскому посольству, консульству и комиссиям вполне достаточную и надежную охрану из своих собственных войск, но что оно не может ни в коем случае согласиться на допущение в Москву иностранной военной части, твердо надеясь при этом, что германское правительство, одушевленное тем же желанием мира, не будет настаивать на своем пожелании ¹⁶¹).

Действительно, обращение к русскому правительству находится в полном противоречии с заявлением имперского канцлера в рейхстаге о том, что несчастное убийство гр. Мирбаха не поведет к ухудшению отношений между обеими странами. Противоречит оно и хорошо известному нам пожеланию руководящих торговопромышленных кругов Германии наладить и развить к выгоде обеих стран тесные

экономические отношения и успешно подвигающимися вперед переговорам. Об этом свидетельствуют и многочисленные заявления, сделанные нашему представителю в Берлине о политическом положении и об отношении к России

Мы имеем еще полное основание надеяться, что этот неожиданный инцидент удастся благополучно разрешить, но каждый раз, когда наступает в наших международных отношениях обострение, мы считаем нужным сообщать об этом открыто и ставить вопросы прямо.

Я считаю своим долгом поэтому сделать следующее правительственное заявление: «Правительство Советской республики прекрасно зознавало, заключая Брестский мир, какую тяжелую задачу пришлось рабочим и крестьянам России, ввиду сложившегося международного положения, взять на себя. Воля подавляющего большинства IV съезда Советов была вполне ясна: трудящиеся классы требовали мира, нуждаясь в отдыхе для работы, организации социалистического хозяйства, для собирания и укрепления сил, надорванных мучительной войной.

Исполняя волю съезда Советов, правительство строго выполняло условия Брестского мира, и в последнее время довольно далеко подвинулись уже наши переговоры с германским правительством о самом точном определении размеров тех платежей, какие падают на нас, и о способах расплаты, которую мы решили произвести в кратчайший возможный срок.

Но точнейшим образом выполняя Брестские условия и охраняя волю рабочих и крестьян иметь мир, правительство Советской Республики никогда не упускало из виду, что есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой».

Бессмысленная и преступная авантюра левых эс-эров привела нас на волосок от войны. Отношения наши к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания.

Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссий-

ского Цетрального Исполнительного Комитета, что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России чужеземными войсками.

На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехо-словаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всяких изъятий, путем сожжения складов и, в особенности, продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, но эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут руку об руку с Советской властью до последнего издыхания.

Внутренняя политика Советской власти, строго следуя решениям, V съезда Советов, так же, как и внешняя, остается прежней. Преступная авантюра левых эс-эров, оказавшихся пособниками белогвардейцев, помещиков и капиталистов, теперь, когда слущаются тучи и усиливается опасность войны, будет еще преступнее в глазах народа, и мы всецело, всемерно поддержим и проведем беспощадную расправу с предателями, осужденными бесповоротно волею V съезда Советов. Если война, вопреки всем нашим усилиям, станет фактом, мы не сможем питать ни тени доверия к шайке левых эс-эровских предателей, способных срывать волю Советов, итти на военную измену и тому подобное. Мы почерпнем новые силы для войны из беспощадного подавления как безумно-авантюристических лево-эс-эровских, так и сознательно классовых, помещичьих, капиталистических, кулацких деятелей контр-революции.

К рабочим и крестьянам всей России обращаемся мы: тройная бдительность, осторожность и выдержка, товарищи! Все должны быть на своем посту. Все должны отдать жизнь, если понадобится, для защиты Советской власти, для защиты интересов трудящихся, эксплуатируемых, бедных, для защиты социализма.

«Протоколы ВЦИК 5-го созыва».
Издание ВЦИК. Москва. 1919 г.

Речь на Съезде председателей губисполкомов *).

(Заседание 28 июля 1918 г.)

Товарищи! Вам приходится заниматься административной работой, которая у нас в Совнаркоме занимает доминирующее положение. Совершенно естественно, что вам предстоит много трудностей. В большинстве в Губисполкомах замечается, что народная масса, наконец-таки, берется сама за работу управления. Трудности, конечно, неизбежны. Одним из главных недостатков было то, что мы мало еще черпали практических работников из рабочей среды. Но мы никогда не думали приспособить старый аппарат к новому управлению и мы не жалеем, что с упразднением старого приходится строить с такими трудностями все наново. Рабоче-крестьянские массы обладают большими талантами строительства, чем это можно было ожидать. Мы ставим заслугой революции именно то, что она смела старый аппарат управления, но в то же время мы должны сознать, что главным недостатком массы является робость и нежелание взять работу в свои руки.

В некоторых губсовдепах до сих пор замечается беспорядок; теперь же работа все больше и больше налаживается, так что из многих мест приходят известия, что никаких недоразумений и конфликтов в работе нет. Русская революция, несмотря на то, что прошло только 8 месяцев, доказала, что новый класс, взявший управление в свои руки, способен справляться с этой задачей. Несмотря на недостаток работников, административный аппарат все больше и больше налаживается. Наша постройка еще в такой стадии, что не видно ее определенных результатов, на что враги часто и указывают; но, несмотря на это, уже много сделано. Переход земли и промышленности в руки трудящихся, продуктообмен и продовольственное снабжение, несмотря на необыкновенную трудность, проводятся в жизнь. Необходимо выдвинуть трудящиеся массы на самостоятельную работу управления и строительства социалистического государства. Только на практике массы убедятся, что со старым эксплуататорским классом все покончено.

Наша главная насущная задача—управление, организация и контроль. Эта работа не благодарная и невидная, но именно в ней хозяйственные и административные силы рабочих и крестьян будут развертываться все более и более успешно.

Рабоче-крестьянские массы, призванные правительством к управлению страной и долгое время находившиеся вдали от этого, не могли

*) По газетному, хроникерскому отчету, далеко не полному.

отказаться от желания строить государство путем собственного опыта. Лозунг «вся власть Советам» привел к тому, что на местах хотели прийти к опыту государственного строительства путем собственных ошибок. Такой переходный период был необходим и оказался благотворным. В этом стремлении сепаратизма было много здорового, доброго, в смысле стремления созидания. Советская конституция выявила отношение волостной власти к уездной, уездной к губернской и этой последней к центру.

С момента утверждения конституции и проведения ее в жизнь, начнется в государственном нашем строительстве более легкий период. Но, к сожалению, нам трудно в данный момент заняться экономической, хозяйственной и земледельческой политикой. Нам приходится отвлекаться и направлять все свое внимание на элементарные задачи, — продовольственный вопрос. Положение рабочего класса в голодающих губерниях поистине тяжелое. Необходимо так или иначе употребить все усилия, чтобы преодолеть продовольственные затруднения и связанные с ними трудности до нового урожая.

К этому присоединяются также задачи военного характера. Вы знаете, как чехо-словацкое движение, подкупленное и разожженное англо-французским империализмом, полукольцом охватил Россию. Вы также знаете, как к этому движению примыкает контр-революционная буржуазия и крестьянское кулачество. С мест мы получаем сведения, что поражения, которые имела за последнее время Советская Россия, на опыте убедили рабочих и революционное крестьянство, что помимо контроля, помимо государственного строительства, необходим также контроль и в военной области.

Я уверен, что в дальнейшем дело пойдет лучше. Я уверен, что губернские исполкомы, вводя в жизнь при помощи крестьянства организацию контроля над командным составом, создадут крепкую социалистическую армию. Уроки революции научили, наконец, классы рабочих и эксплуатируемых крестьян необходимости взяться за оружие. Крестьяне и рабочие, помимо завоевания земли, контроля и т. д., научились сознанию необходимости управлять армией. Направляя свою работу в области военного дела, они добьются того, что армия, созданная ими, заслужит в полной мере названия социалистической и будет успешно бороться с контр-революционной буржуазией и империалистами до того момента, когда придет на выручку международный революционный пролетариат.

О положении Советской Республики.

(Речь на заседании ВЦИК 29 июня 1918 г.)

Товарищи, не раз нам приходилось указывать и в партийной печати, и в советских учреждениях, и в агитации перед массами, что время перед новым урожаем является самой трудной, тяжелой и критической полосой для начавшейся в России социалистической революции. Теперь, я думаю, мы должны сказать, что высший пункт этого критического положения достигнут. Так произошло в силу того, что сторонники империалистического мира, империалистических стран, с одной стороны, и сторонники Советской Социалистической Республики, — с другой, теперь определились полностью и окончательно. Прежде всего надо сказать, что в военном отношении только теперь положение Советской Республики окончательно определилось. На чехословацкое восстание ¹³⁹⁾ многие сначала смотрели, как на эпизод контр-революционных бунтов. Мы недостаточно оценивали сведения из газет об участии англо-французского капитала, об участии англо-французских империалистов в этом восстании. Теперь следует припомнить, как развернулись события на Мурмане ¹⁶²⁾, в Сибирских войсках, на Кубани ¹⁶³⁾, как англо-французы в союзе с чехо-словаками, при ближайшем участии английской буржуазии, стремились свергнуть Советы. Все эти факты показывают теперь, что чехословацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов, с целью втягивания России снова в кольцо империалистических войн. Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами Советской России, так как он встал перед нами теперь, как борьба за сохранение Советской Социалистической Республики не только от чехо-словаков, как от контр-революционного покушения, не только от контр-революционных покушений вообще, но как борьба против натиска всего империалистического мира.

Я хотел бы прежде всего напомнить тот факт, что давно уже установилось прямое и непосредственное участие англо-французского империализма в чехословацком мятеже; я напому статью от 27 июня, которая была пропущена в центральном органе чехословацкой коммунистической партии «Прокопник Свободы» и была воспроизведена в нашей печати:

«7 марта Отделение Национального Совета получило первый взнос от французского консула в сумме 3 миллионов рублей.

«Эти деньги выданы были некоему г-ну Шип, сотруднику Отделения Национального Совета.

«9 марта тому же Шип уплачены были еще 2 миллиона. 25 марта Шип получил 1 миллион, 26 марта тов. председателя Национального Совета г. Богумил-Чермак получил 1 миллион и 3 марта г. Шип опять получил 1 миллион.

«Итого французским консулом уплачено было Отделению Национального Совета с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов.

«Без обозначения числа было уплачено: г. Шип 1 миллион, г. Богумил-Чермак 1 миллион, г. Шип вторично 1 миллион.

«Кроме того, неизвестному лицу уплачено было 188.000 руб. Итого 3.188.000. С указанными выше 8 миллионами получается 11 миллионов 188.000, которые французское правительство уплатило Отделению Национального Совета.

«От английского консула Отделение приняло 70.000 фунтов стерлингов. Итак, от 7 марта до дня выступления вожди Национального Чешского Совета получили от французского и английского правительства около 15 миллионов, и за эти деньги была продана чехо-словацкая армия французским и английским империалистам».

Конечно, большинство из вас читало в свое время это известие в газетах; конечно, мы не сомневались никогда, что империалисты и финансовые дельцы Англии и Франции постараются сделать все возможное и невозможное для свержения Советской власти, для причинения ей всяческого рода трудностей. Но тогда еще не развернулась вся цепь событий, показывающих, что мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманном, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контр-революционным походом на Советскую Республику. Теперь, когда мы берем события в целом, сопоставляем чехо-словацкое контр-революционное движение с Мурманским десантом, знаем, что англичане высадили там свыше 10.000 солдат, что они, под предлогом защиты Мурмана, на самом деле стали продвигаться вперед и заняли Кемь и Сороки и пошли к востоку от Сорок, перешли к расстрелам наших советских деятелей, читаем в газетах, что многие тысячи железнодорожных рабочих и вообще рабочих дальнего Севера бегут от этих спасителей и избавителей, т.-е., говоря правду, от этих новых империалистских насильников, рвущих Россию с другого конца, то, сопоставляя все эти факты, нам становится ясной общая связь событий. А между тем, в последнее время получились новые подтверждения, показывающие характер англо-французского наступления на Россию.

Уже по причинам географическим понятно, что форма этого наступления империализма на Россию не может быть такая, как в Германии. Границы смежной с Россией, как у Германии, нет, такого количества войск нет. Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться главным образом отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия. В последнее время из сообщений, которое мы имеем, выяснилось, что несомненно помощью англо-французского империализма воспользовался Алексеев ¹²⁰), давно известный русским солдатам и рабочим, захвативший в последнее время станицу Тихорецкую. Там восстание приняло более определенные формы, и опять-таки, очевидно, потому, что англо-французский империализм приложил свою руку.

Наконец, вчера получены известия, что в Баку англо-французскому империализму удался очень эффектный ход ¹⁶⁴). Им удалось получить в Бакинском Совете большинство, около 30 голосов, против нашей партии, против большевиков, и тех лев. эс-эров, к сожалению, очень немногих, которые не пошли за гнусной авантюрой и предательской изменой московских лев. эс-эров, а остались с Советской властью против империализма и войны. Вот против этого, верного Советской власти, до сих пор бывшего большинством в Бакинском Совете ядра, англо-французский империализм получил на этот раз перевес в 30 голосов, благодаря перешедшей против нас на их сторону громадной части партии Дашнакцутюн, армян, полусоциалистов, как это вы постоянно наблюдаете и в наших фракциях, которые, называя себя социалистами, никогда не порывали связи с буржуазией; и там на этот раз высказались за приглашение английских войск для защиты Баку. Мы уже знаем слишком хорошо, что значит такое приглашение на защиту Советской Республики империалистических войск. Мы знаем, каково это было приглашение, произведенное буржуазией, частью эс-эрами и меньшевиками. Мы можем теперь сказать, что единственной партией, которая империалистов не приглашала и в грабительский союз с ними не вступала, а лишь отступала от них тогда, когда насильниками наступали,—единственной партией была партия большевиков-коммунистов. Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии.

Вы все хорошо знаете, что эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман,—на самом деле есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян, и поэтому тысячу раз правы были бакинские товарищи, которые, нисколько не закрывая глаз на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом с штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность. Если же вопрос стоит так, что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить державу, которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т.е. отдаться англо-германскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле; решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами—единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны; поэтому у нас нет никакого сомнения, какое значение имеет бакинское происшествие в общей сети происшествий Средней Азии. Вчера получено сообщение, что часть городов охвачена контр-революционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападения на Советскую Россию. И вот теперь, когда эти отдельные звенья стали ясны для нас, вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение нашей Республики. Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке—мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой. Мы прекрасно видим теперь, что помещики, капиталисты и кулаки, которые все, конечно, по причинам, для них довольно законным, пылают ненавистью к Советской власти, выступили теперь и здесь,—чуть в других формах, чем помещики, капиталисты и кулаки выступили на Украине и в других, оторванных от России местах. Как лакеи англо-французского империализма,

они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против Советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями, в духе г.г. Мартовых, а прибегли к более крупным приемам борьбы, к военным действиям. И на это обстоятельство более всего надо обратить ваше внимание; на этом нам надо сосредоточить всю нашу агитацию, всю пропаганду и соответственно этому передвинуть центр тяжести всей нашей советской работы.

Это основной факт, что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее. Если до сих пор географическое положение мешало им напасть прямым путем на Россию, то теперь, обходным путем, англо-французский империализм, который уже 4 года заливает кровью весь мир из-за господства над всем миром, подошел непосредственно к России для удушения Советской Республики и для того, чтобы ввергнуть Россию в империалистическую войну. Вы прекрасно знаете, что с начала Октябрьской революции мы ставили себе главной целью прекращение империалистской войны, но мы никогда не делали себе иллюзий, что силой пролетариата и революционных масс какой-либо одной страны, как бы героически ни были они настроены, как бы ни были организованы и дисциплинированы,—силами пролетариата одной страны международной империализм можно свергнуть; это можно сделать только совместными усилиями пролетариата всех стран. Но мы сделали то, что в одной из стран были порваны все связи с капиталистами всего мира. У нашего правительства нет ни одной нити, связывающей его с какими бы то ни было империалистами, и их никогда не будет, каким бы путем ни пошла далее наша революция; мы сделали то, что революционное движение против империализма за 8 мес. нашей власти сделало громадный шаг вперед, что в одном из главных центров империализма, в Германии, дело дошло в январе 1918 года до вооруженной стычки и кровавого подавления этого движения⁵⁸). Мы сделали свое революционное дело, как ни в одной стране, ни одно революционное правительство, в международном всемирном масштабе, но мы не обманывали себя, что добиться этого можно силами одной страны. Мы знали, что наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции и что окончить войну, начатую империалистическими правительствами, силами этих правительств нельзя. Она может быть окончена только усилиями всего пролетариата, и нашей задачей, когда мы оказались у власти, как социалистическая пролетарская коммунистическая партия, в момент, пока еще в других странах оставалось капитали-

стическое буржуазное господство,—ближайшей нашей задачей было, повторяю, удержать эту власть, этот факел социализма для того, чтобы он возможно больше искр продолжал давать для усиливающегося пожара социальной революции. Всюду эта задача была чрезвычайно трудна, и эту задачу мы решили благодаря тому, что пролетариат стоял как раз на защите завоеваний Социалистической Республики. Эта задача привела к положению, особенно тяжелому и критическому, ибо социалистическая революция, в прямом смысле этого слова, ни в одной стране еще не наступила, хотя в таких странах, как Италия и Австрия, она стояла несравненно ближе. Но так как она все еще не наступила, то мы имеем перед собой новый успех англо-французского империализма, а стало-быть и мирового. Если с запада германский империализм продолжает стоять, как военная захватная империалистическая сила, то с северо-востока и с юга России англо-французский империализм получил возможность укрепляться и наглядно, воочию показывает нам, что эта сила готова снова втянуть Россию в империалистическую войну и готова задушить Российское самостоятельное государство, которое продолжает свою социалистическую работу и пропаганду в размерах, до сих пор невиданных еще миром,—против этого англо-французского империализма, окружившего нас кольцом, готова направить все усилия, чтобы подавить Советскую Россию. Мы прекрасно знаем, что этот успех англо-французского империализма стоит в неразрывной связи с классовой борьбой. Мы всегда говорили,—и революции это подтверждают,—что когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающей возможность бесграничной наживы,—когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости; мы прекрасно знаем, что кадеты, правые эс-эры и меньшевики по части союза с империалистическими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд. Пример—Украина и Тифлис. Союз меньшевиков, правых эс-эров с чехо-словаками достаточно для этого показателен. И выступление лев. эс-эров, которые вздумали втягивать в войну ради интересов ярославских белогвардейцев ¹⁶⁵⁾ Российскую Республику, достаточно ясно показывает, что, когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше

сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах. Поэтому нисколько не удивительно, что теперешние обострения международного положения Советской Республики связаны с обострением классовой борьбы внутри страны.

Мы уже много раз говорили, что период перед новым урожаем в этом отношении, в отношении обострения продовольственного кризиса, самый тяжелый. На Россию надвинулся бич голода, который обострился неслыханно, потому что как раз план империалистических хищников состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности. В этом отношении их стремления рассчитаны вполне правильно и зависят от того, чтобы как раз в хлебобродных окраинах они нашли себе социально-классовую опору, нашли себе местности с преобладанием кулаков, богатых крестьян, нажившихся на войне, живущих чужим трудом, трудом бедноты. Вы знаете, что эти элементы накопили десятки и сотни тысяч рублей и у них имеются громадные запасы хлеба. Вы знаете, что эти люди, которые наживались на народном бедствии, которые имели тем больше оснований грабить и увеличивать свои прибыли, чем больше бедствовал народ в столице,—эти кулацкие элементы и составили из себя главную и самую серьезную опору контр-революционного движения в России. Здесь классовая борьба подошла к самой глубине источника. Не осталось ни одной деревни, куда бы не проникла классовая борьба между деревенской беднотой и частью среднего крестьянства, у которого нет излишков хлеба, которое давно их проело и которое в спекуляции не участвовало; где бы не развилась классовая борьба между этим громадным большинством трудящихся и ничтожной кучкой кулаков, классовая борьба эта проникла в каждую деревню. Когда мы определяли свои политические планы и опубликовывали свои декреты, — конечно, громадному числу присутствующих они известны, — когда, повторяю, мы писали и проводили декреты об организации деревенской бедноты, мы ясно видели, что дело подходит к самому решительному и коренному вопросу всей революции, к самому решительному и коренному вопросу о власти между пролетариатом и буржуазией, к вопросу о том, будет ли власть в руках пролетариата, присоединит ли он к себе всю деревенскую бедноту, с которой у него никаких различий нет, сумеет ли он привлечь на свою сторону крестьян, у которых нет расхождения с ним, и объединит всю эту массу, разбросанную, разединенную, распыленную по деревням, в этом отношении стоящую ниже городского рабочего, объединит ли против другого лагеря, лагеря помещиков, империалистов и кулаков? Говорят, что революция

учит. Классовая борьба учит, действительно, на практике, что всякая фальшь в позиции какой-нибудь партии приводит эту партию немедленно к месту по ее заслугам. Мы наглядно видели политику партии левых эс-эров, которые в силу бесхарактерности и безголовости, заколебались в тот момент, когда продовольственный вопрос был поставлен чрезвычайно как остро, и она исчезла, как партия, превратившись в пешку в руках ярославских белогвардейцев.

Это обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, когда новый урожай в своем богатстве определен, но реализован быть не может, и когда жителей в Петрограде и Москве толкают на голод кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят в самых отчаянных усилиях: «либо теперь, либо никогда»—от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России. Появилось ярославское восстание, и мы видим влияние англо-французов. Мы видим расчет контр-революционных помещиков и буржуазии; там, где поднимался вопрос о хлебе, мешали осуществить монополию на хлеб, а без этого не может быть социализма. Как раз в этом должна буржуазия сплотиться, в этом у буржуазии более глубокая опора, чем у деревенского мужика. Решительный бой между силами социализма и буржуазным обществом будет во всяком случае так или иначе, сегодня или завтра, по тому или другому поводу; всякие колебания могут быть только у социалистов в кавычках, как, например, у наших левых эс-эров. Когда в этом вопросе, в этом коренном вопросе, замечаются колебания у социалистов, это показывает, что они—социалисты в кавычках, которым цена грош. Революция приводит таких социалистов к тому, что они на деле превращаются в простые пешки, которыми играют французские генералы, те пешки, роль которых показал бывший ЦК бывшей партии левых эс-эров ¹⁵²).

Товарищи, из этого соединенного усилия, англо-французского империализма и контр-революционной русской буржуазии, вытекло то, что война гражданская у нас теперь с той стороны, с которой не все ожидали и не все ясно сознавали, и она слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание ¹⁴²), чехо-словацкий мятеж, мурманское движение,—это одна война, надвигающаяся на Россию. Мы вырвались из войны с одной стороны, понеся громадный ущерб, заключив невероятно тяжелый мир, мы знали, что заключаем мир насильнический, но говорили, что сумеем продолжать свою пропаганду и свое строительство, и этим разлагаем империалистический мир. Мы сумели это сделать. Германия ведет теперь переговоры о том, сколько миллиардов взять с России на основании Брестского мира, но она признала все те национализации, которые у нас были проведены

декретом 28 июня. Она не подняла вопроса о частной собственности на землю в Республике, это надо подчеркнуть в противовес не только неслыханной лжи, которую распространяла Спиридонова ¹⁵³) и тому подобные деятели левых эс-эров, лжи, которая пошла на пользу помещикам и повторится теперь самыми темными и неразвитыми элементами из черносотенцев; эта ложь должна быть огровергнута и разоблачена.

На самом деле, мы, при всей тяжести мира для нас, свободное внутреннее социалистическое строительство завоевали и сделали на этом пути такие шаги, которые теперь становятся известными Западной Европе и представляют элементы пропаганды, неизмеримо больше могущие, чем прежде.

И вот дело обстоит таким образом, что, выйдя, с одной стороны, из войны с одной коалицией, сейчас же испытали натиск империализма, с другой стороны. Империализм есть явление всемирное, это есть борьба за раздел всего мира, всей земли и за подчинение той или иной кучке хищников; другая, англо-французская, группа хищников бросается на нас и говорит: «мы вас втянем снова в войну». Их война с войной гражданской сливается в одно длинное целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента, когда на сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции. В этом вся трудность, потому что народ устал от войны, измучен войной, как никогда. Это состояние крайней истерзанности, измученности войной русского народа хочется сравнить с человеком, которого избили до полусмерти, от которого нельзя ждать ни проявления энергии, ни проявления работоспособности, как и в русском народе естественно эта почти 4-летняя война, обрушившаяся на страну, которую расхитили, истерзали, изгадили царизм, самодержавие, буржуазия и Керенский, вызвала по многим причинам отвращение, установила величайший источник трудностей, которые мы переживаем.

С другой стороны такой переворот событий все свел к определенной войне. Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская с кулаками, помещиками, капиталистами, которые объединились против нас,—теперь уже стоит против нас англо-французский империализм, он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы даст на помощь нашим врагам. Мы находимся в состоянии войны и эту войну мы можем решить победоносно; но тут приходится бороться с одним из самых труднопреодолеваемых противников: нужно бороться

с состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне, это состояние мы должны преодолеть, потому что иначе мы не решим вопроса, который не зависит от нашей воли, — вопроса военного. Наша страна попала опять в войну, и исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне, главными представителями которой являются чехо-словаки, а на самом деле руководителями, двигателями, толкателями в этой войне являются англо-французские империалисты. Весь вопрос о существовании Русской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос Российской революции свелся к вопросу военному. В этом источник громадной трудности, особенно при том состоянии народа, которое он вынес из империалистической войны. Трудность задачи для нас совершенно ясна. Всякий обман был бы величайшим вредом; скрывать от рабочих и крестьян эту тяжелую правду мы считаем преступлением. Напротив, пусть каждый, как можно яснее и рельефнее, эту правду знает. Да, у нас были примеры, когда наши войска показывали преступную слабость, например, при взятии Симбирска чехо-словаками, когда наши отступили: мы знаем, что войска устали в войне, имеют отвращение к ней, но естественно и неизбежно также и то, что, пока империализм не потерпел поражения в мировом масштабе, он будет делать попытки втянуть Россию в империалистическую войну, будет стремиться превратить ее в бойню. Хотим мы этого или нет, но вопрос так поставлен: мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать порывом и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности. Мы сделали так много за короткое время, но надо довести сделанное до конца. Наша деятельность должна быть подчинена целиком и всецело тому вопросу, от которого теперь зависит судьба революции и исход ее, судьба русской и международной революции. Конечно, из теперешней войны империализму всего мира из ряда революций не выйти; иначе как конечной победой социализма эта война не кончится. Но наша задача сейчас — эту силу социализма, этот социалистический факел, этот источник социализма, активно действующий на весь мир, поддержать, отстоять и сохранить; эта задача, при теперешнем положении событий, является задачей военной.

Мы не раз переживали такое положение, и многие говорили, что как ни тяжело достался нам мир, как ни много жертв он от нас потребовал, как ни силится враг отнять у нас еще и еще территории, но все же Россия пока, несмотря ни на что, пользуется миром и может укреплять свои социалистические завоевания. На этом пути мы пошли даже далее, чем многие из нас себе представляли. Например, наш

рабочий контроль далеко ушел от тех форм, в какие он вылился вначале, и в настоящее время мы стоим у превращения государственного управления в социалистический порядок. Мы далеко ушли вперед на почве нашей практической работы; у нас уже полное управление рабочих промышленностью, но обстоятельства не дали нам возможности мирно продолжать далее эту работу, они снова призвали нас к военному положению, и нам необходимо напрячь все наши силы и призвать всех к оружию. Если бы мы встретили какие-либо колебания в этом вопросе в среде коммунистов, это было бы позором. Колебание среди крестьян нас не удивляет. Крестьянская масса не прошла такой жизненной школы, какую прошел пролетариат, который привык десятилетиями видеть в капиталисте своего классового врага и который сумел сплотить свои силы для борьбы с ним. Мы знаем, что крестьяне такого университета не прошли. Одно время они шли вместе с пролетариатом, теперь у них наблюдается период колебания, когда крестьянская масса раскалывается. Мы знаем массу случаев, когда кулаки продают крестьянам хлеб ниже твердых цен, для того, чтобы представить, будто кулаки защищают их интересы. Нас все это не удивляет, но рабочий-коммунист не поколеблется, рабочая масса явится незыблемой, а если крестьянская среда настроена по-кулацки, то это легко объяснимо. Там, где нет большевиков и господствуют чехо-словацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехо-словаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехо-словаков к Советской власти, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном Собрании означают только одно: «власть помещиков и капиталистов». Наша задача: еще теснее сплотить пролетарские ряды и создать такую организацию, чтобы в ближайшие недели все было посвящено решению военного вопроса. Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну. Вопрос стоит так, что на карту поставлены все завоевания рабочих и крестьян. Мы должны быть уверены, что в пролетариате мы встретим широкое сочувствие и поддержку и опасность будет полностью отражена и новые ряды пролетариата выйдут на защиту своего класса, для спасения социалистической революции. Сейчас вопрос поставлен так, что борьба идет из-за двух основных пунктов, все основные партийные различия в огне революции сгладились. Левый с.-р., усиленно подчеркивающий, что он левый, скрывающийся за революционной фра-

зой, а на деле восстающий против Советской власти,—такой же наймит ярославских белогвардейцев, вот что он перед историей и революционной борьбой! Сейчас на арене борьбы только два класса, идет классовая борьба между пролетариатом, который отстаивает интересы трудящихся, и между теми, кто отстаивает интересы помещиков и капиталистов. Все фразы об Учредительном Собрании, о независимом государстве и пр., которыми пытаются обманывать несознательные классы, разоблачены опытом чехо-словацкого движения и движения кавказских меньшевиков. За всеми этими фразами стоят одни и те же силы помещиков и капиталистов и точно так же, как немецкая оккупация несет за собою власть помещиков и капиталистов, несет ее и чехо-словацкое восстание. Вот из-за чего идет война!

Ряды пролетариата должны сомкнуться теснее и дать в этой борьбе образец организованности и дисциплины. Россия должна остаться попрежнему единственной страной, которая разорвала все связи с империалистами. Правда, мы истекаем кровью от этих тяжелых ран. Мы отступили перед империалистским зверем, выгадывая время, давая ему то там, то тут частные удары, но мы, как Социалистическая Советская Республика, оставались самостоятельны. Совершая нашу социальную работу, мы шли против империализма всего мира, и эта борьба становится понятнее рабочим всего мира и все больше и больше их настоящее возмущение приближает к грядущей революции. Из-за этого именно и идет борьба, потому что наша республика—единственная страна в мире, которая не шла рука об руку с империализмом, не давала избивать миллионы людей из-за господства французов или немцев над миром. Наша республика—единственная страна, которая вышла насильственным и революционным путем из мировой империалистической войны, которая подняла знамя социалистической революции, но ее снова втягивают в империалистическую войну, снова желают поставить ее на фронт. Пусть чехо-словаки воюют с немцами, пусть российская буржуазия выбирает, пусть Милюков ¹⁴⁾ решает, может быть, даже в согласии с Спиридоновой и Камковым ⁹⁹⁾, вопрос, с какими империалистами им идти вместе. Но мы заявляем, что для того, чтобы помешать решению этого вопроса, мы должны быть готовыми отдать нашу жизнь, ибо дело идет о спасении всей социалистической революции. Я знаю, что среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губ., где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти в военные действия, замечается перелом. Они, испытав нашествие казаков и чехо-словаков, испробовав на деле, что такое Учредительное Собрание, или крики: «долой Брестский мир»,—узнали, что все это ведет к тому, что возвра-

щается помещик, капиталист садится на трон,—и они становятся теперь самыми яркими защитниками власти Советов. У меня нет и тени сомнения, что пролетарские массы Петрограда и Москвы, шествуя впереди революции, поймут обстоятельства, поймут, какой мы переживаем сейчас грозный момент, они будут еще решительнее, и пролетариат свергнет и англо-французское и чехо-словацкое наступление в интересах социалистической революции.

«Протоколы ВЦИК 5-го созыва».

Издание ВЦИК. Москва. 1919 г.

Письмо к американским рабочим.

Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проводивший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам. Я с тем большим удовольствием принял его предложение, что американские революционные пролетарии призваны именно теперь сыграть особенно важную роль, как непримиримые враги империализма американского, самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию во всемирной войне народов из-за дележа прибылей капиталистов. Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие—все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно прикрытое—на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики.

История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан¹⁶⁶), угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира.

С тех пор прошло около 150 лет. Буржуазная цивилизация принесла все свои роскошные плоды. Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производитель-

ных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты — с другой. Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их ¹⁶⁷⁾, а в 1918 г. душил Российскую Социалистическую Республику, под предлогом «защиты» ее от немцев.

Но четыре года империалистской бойни не прошли даром. Обман народа негодьями обеих групп разбойников — и английской и немецкой — разоблачен до конца неоспоримыми и очевидными фактами. Четыре года войны показали на результатах ее общий закон капитализма, в применении к войне между разбойниками из-за дележа их добычи: кто был всех богаче и всех сильнее, тот нажился и награбился больше всех; кто был всех слабее, того грабили, терзали, давили, душили до конца.

Разбойники английского империализма были сильнее всех по количеству их «колониальных рабов». Английские капиталисты не потеряли ни пяди «своей» (т.-е. награбленной ими в течение столетий) земли, а заграбили все германские колонии в Африке, заграбили Месопотамию и Палестину, придушили Грецию и начали грабить Россию.

Разбойники германского империализма были всех сильнее по организованности и дисциплинированности «их» войск, но слабее колониями. Они потеряли все колонии, но ограбили половину Европы, задушили наибольшее число маленьких стран и слабых народов. Какая великая «освободительная» война с обеих сторон! Как хорошо «защищали отечество» разбойники обеих стран, капиталисты англо-французские и германские, вместе с их лакеями, социал-шовинистами, т.-е. социалистами, перешедшими на сторону «своей» буржуазии!

Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче, и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажались больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу

в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе—ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови—из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, освободительной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся *первыми* из душителей слабых народов всего мира.

Если германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия. Именно теперь англо-французская и американская буржуазная пресса распространяет в миллионах и миллионах экземпляров ложь и клевету про Россию, лицемерно оправдывая свой грабительский поход против нее стремлением «защитить», будто бы, Россию от немцев.

Чтобы опровергнуть эту гнусную и подлую ложь, не надо тратить много слов: достаточно указать на один общеизвестный факт. Когда в октябре 1917 года рабочие России свергли свое империалистское правительство, Советская власть, власть революционных рабочих и крестьян, открыто предложила справедливый мир, без аннексий и контрибуций, мир с полным соблюдением равенства прав для всех наций, предложила такой мир *всем* воюющим странам.

Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню!

Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннексионистский и насильственный Брестский мир.

Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает «вину» за Брестский мир на нас. Как раз капиталисты тех стран, от которых зависело превратить Брест во всеобщие переговоры о всеобщем мире, они же и выступают «обвинителями» нас! Стервятники англо-французского империализма, нажившиеся на грабеже колоний и на бойне народов, протянули войну вот уже скоро на целый

год после Бреста, и они же «обвиняют» нас, большевиков, предложивших справедливый мир всем странам, нас, разорвавших, опубликовавших, предавших всеобщему позору тайные преступные договоры между бывшим царем и англо-французскими капиталистами.

Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы порвали железные кольца империалистских связей, империалистских грязных договоров, империалистских цепей,—за то, что мы вырвались на свободу, пойдя на самые тяжелые жертвы ради этого,—за то, что мы, как социалистическая республика, хотя бы и истерзанная, ограбленная империалистами, остались *вне* империалистской войны и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма.

Неудивительно, что банда международных империалистов ненавидит нас за это, что они «обвиняют» нас, что все лакеи империалистов, в том числе наши правые эс-эры и меньшевики, тоже «обвиняют» нас. В ненависти к большевикам этих сторожевых псов империализма, как и в сочувствии сознательных рабочих всех стран, мы почерпаем новую уверенность в правоте нашего дела.

Тот не социалист, кто не понимает, что ради победы над буржуазией, ради перехода власти к рабочим, ради начала международной пролетарской революции, можно и должно *не* останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе перед жертвой частью территории, перед жертвой тяжелых поражений от империализма. Тот не социалист, кто не доказал *делами* своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперед.

Ради «своего» дела, т.-е. ради завоевания мирового господства, империалисты Англии и Германии не остановились перед полным разорением и удушением целого ряда стран, начиная от Бельгии и Сербии, продолжая Палестиной и Месопотамией. Ну, а социалисты ради «своего» дела, ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны выжидать, пока найдется путь без жертв, они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех, они должны ставить выше безопасность и целостность «своего», буржуазией созданного, «отечества», по сравнению с интересами всемирной социалистической революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают.

Хищные звери англо-французского и американского империализма «обвиняют» нас в «соглашении» с немецким империализмом.

О, лицемеры! О, негодяи, которые клеветают на рабочее правительство, дрожа от страха перед тем сочувствием, с которым относятся к нам рабочие «их» собственных стран! Но их лицемерие будет разоблачено! Они притворяются, будто не понимают разницы между соглашением «социалистов» с буржуазией (своей и чужой) *против рабочих*, против трудящихся, и соглашением *для охраны* победивших свою буржуазию рабочих, с буржуазией одного цвета *против буржуазии* другого национального цвета, ради использования пролетариатом противоположности между разными группами буржуазии.

На самом деле всякий европеец прекрасно знает эту разницу, а американский народ, как я сейчас покажу, особенно наглядно «пережил» ее в своей собственной истории. Есть соглашения и соглашения, есть *fagots et fagots*, как говорят французы.

Когда хищники германского империализма в феврале 1918 г. повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела международная революция, тогда я нисколько не колебался вступить в известное «соглашение» с французскими монархистами. Французский капитан Садуль ¹⁶⁸), на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму, привел ко мне французского офицера де-Люберсака. «Я монархист, моя единственная цель—поражение Германии»,—заявил мне де-Люберсак. «Это само собою»,—ответил я (*cela va sans dire*). Это нисколько не помешало мне «согласиться» с де-Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва жел.-дор. путей в интересах помехи нашествию немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев *мы* использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контр-интересы *других* империалистов ⁷³).

Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали пролетариат и ослабляли буржуазию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во *всякой* войне маневрирование, лавирование, отступление в ожидании того момента, когда *дозреет* быстро назревающая пролетарская революция в ряде передовых стран.

И, как бы ни были от злобы акулы англо-французского и американского империализма, как бы ни клеветали они на нас, какие бы миллионы ни тратили на подкуп право-эс-эровских, меньшевистских и прочих социал-патриотических газет, я *ни секунды не поколеблюсь* заключить *такое же* «соглашение» с хищниками немецкого империализма, в случае, если наступление на Россию англо-французских войск того потребует. И я превосходно знаю, что мою тактику одобрит сознательный пролетариат России, Германии, Франции, Англии, Америки, словом, всего цивилизованного мира. Такая тактика облегчит дело социалистической революции, ускорит ее наступление, ослабит международную буржуазию, усилит позиции побеждающего ее рабочего класса.

Американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику. Когда он вел свою великую освободительную войну против угнетателей англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей-французов и испанцев против угнетателей-англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев.

«Историческая деятельность не тротуар Невского проспекта», говорил великий русский революционер Чернышевский¹¹⁸). Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживать в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам,—тот не революционер, тот не освободил себя от педантизма буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контр-революционной буржуазии, как наши правые эс-эры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эс-эры.

Вслед за буржуазией эти господа любят обвинять нас в «хаосе» революции, в «разрушении» промышленности, в безработице и бесхлебьи. Как лицемерны эти обвинения со стороны тех, кто привет-

ствовал и поддерживал империалистскую войну или «соглашался» с продолжавшим эту войну Керенским! Именно империалистская война виновата во всех этих бедствиях. Революция, которая порождена войной, не может не пройти через невероятные трудности и мучения, оставшиеся в наследство от многолетней, разорительной, реакционной бойни народов. Обвинять нас в «разрушении» промышленности или в «терроре» значит лицемерить или обнаруживать тупое педанство, неспособность понять основные условия бешеной, обостренной до крайности классовой борьбы, которая называется революцией.

В сущности, «обвинители» подобного рода, если они «признают» классовую борьбу, ограничиваются словесным признанием, на деле же впадают постоянно в мещанскую утопию «соглашения» и «сотрудничества» классов. Ибо в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны. Только слащавые попы—все равно христианские или «светские» в лице салонных, парламентарных социалистов—могут не видеть, не понимать, не осязать этой необходимости. Только мертвые «человеки в футляре» способны отстраняться из-за этого от революции вместо того, чтобы со всей страстью и решительностью бросаться в бой тогда, когда история требует решения борьбой и войной величайших вопросов человечества.

В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция—война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке ¹⁶⁹⁾. В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла *позади* 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *таком* основании стал бы отрицать величайшее всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!

Представители буржуазии понимают, что свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной. Но теперь, когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения *наемного*, капиталистического рабства, свержения власти буржуазии,—теперь

представители и защитники буржуазии, а равно (социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чужающиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны.

Американские рабочие не пойдут за буржуазией. Они будут с нами за гражданскую войну против буржуазии. Меня укрепляет в этом убеждении вся история всемирного и американского рабочего движения. Я вспоминаю также слова одного из самых любимых вождей американского пролетариата Евгения Дебса ¹⁷⁰⁾, который писал в «Призыве к разуму» («Appeal to Reason») — кажется, в конце 1915 года — в статье «What shall I fight for» («За что я буду сражаться») — (я цитировал эту статью в начале 1916 года на одном публичном рабочем собрании в Берне, в Швейцарии), — что он, Дебс, дал бы себя скорее расстрелять, чем вотировать кредиты на теперешнюю, преступную и реакционную войну; что он, Дебс, знает лишь одну священную, законную, с точки зрения пролетариев, войну, именно: войну против капиталистов, войну за освобождение человечества от наемного рабства.

Меня не удивляет, что Вильсон, глава американских миллиардеров, прислужник акул-капиталистов, заключил в тюрьму Дебса. Пусть зверствует буржуазия против истинных интернационалистов, против истинных представителей революционного пролетариата. Чем больше ожесточения и зверства с ее стороны, тем ближе день победоносной пролетарской революции.

Обвиняют нас в разрушениях, созданных нашей революцией... И кто же обвинители? Прихвостни буржуазии, — той самой буржуазии, которая за четыре года империалистской войны, разрушив почти всю европейскую культуру, довела Европу до варварства, до одичания, до голода. Эта буржуазия требует теперь от нас, чтобы мы делали революцию не на почве этих разрушений, не среди обломков культуры, обломков и развалин, созданных войной, не с людьми, одичавшими от войны. О, как гуманна, справедлива эта буржуазия!

Ее слуги обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 16.9, французы свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищем и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии. Террор был справедлив и законен, когда его применяли в интересах замены одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством. Террор стал чудовищем и преступен, когда его стали применять в интересах свержения всякого эксплуататорского меньшинства, в интересах действительного огромного большинства, в интересах пролетариата и полупролетариата, рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Буржуазия международного империализма перебила 10 миллионов человек, искалечила 20 миллионов на «своей» войне, войне из-за того, английским или немецким хищникам господствовать над всем миром.

Если наша война, война угнетенных и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров будет стоить полумиллиона или миллиона жертв во всех странах,—буржуазия скажет, что первые жертвы законны, вторые преступны.

Пролетариат скажет совсем другое.

Пролетариат усваивает себе теперь, среди ужасов империалистской войны,—вполне и наглядно ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта истина—та, что не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплуататоров. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это.

Мы знаем, что во всех странах бешеное сопротивление буржуазии против социалистической революции неизбежно и что оно будет *расти* по мере роста этой революции. Пролетариат сломит это сопротивление, он созреет окончательно к победе и к власти в ходе борьбы против сопротивляющейся буржуазии.

Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричат па весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эс-эры, в том числе), приходится 10.000 великих и героических актов—тем более великих и героических, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир.

Но если бы даже дело обстояло наоборот,—хотя я знаю, что такое допущение не верно,—если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10.000 ошибок, все-таки наша революция была бы, и *она будет перед всемирной историей*, велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, своим опытом решают труднейшие вопросы социалистической организации.

* Каждая ошибка в такой работе, в этой добросовестнейшей и искреннейшей работе десятков миллионов простых рабочих и крестьян по переустройству всей их жизни,—каждая такая ошибка стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплуататорского меньшинства, успехов в деле надувания и обьегоривания трудящихся. Ибо только через такие ошибки *научатся* строить новую жизнь, научатся обходиться без капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь,—через тысячи препятствий—к победоносному социализму.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши крестьяне, которые одним ударом в одну ночь с 25-го на 26 октября (ст. ст.) 1917 года отменили всякую частную собственность на землю и теперь, месяц за месяцем, преодолевая необъятные трудности, исправляя сами себя, практически решают труднейшую задачу организации новых условий хозяйственной жизни, борьбы с кулаками, обеспечения земли за *трудящимися* (а не за богатыми), перехода к *коммунистическому* крупному земледелию.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши рабочие, которые национализировали теперь, за несколько месяцев, почти все крупнейшие фабрики и заводы и учатся тяжелым, ежедневным трудом новому делу управления целыми отраслями промышленности, налаживают национализированные хозяйства, преодолевая гигантское сопротивление косности, мелко-буржуазности, эгоизма, кладут камень за камнем фундамент *новой* общественной связи, *новой* трудовой дисциплины, *новой* власти профессиональных союзов рабочих над их членами.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши советы, созданные еще в 1905 году могучим подъемом масс. Советы рабочих и крестьян,—это новый тип государства, новый высший тип демократии, это—форма диктатуры пролетариата, способ управления государством *без буржуазии и против буржуазии*. Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся, перестав быть демократией для богатых, каковой остается демократия во всех бур-

жуазных, даже самых демократических республиках. Впервые народные массы решают в масштабе для сотни миллионов людей задачу осуществить диктатуру пролетариев и полу-пролетариев,—задачу, без решения которой *не может быть* и речи о социализме.

Пусть педанты или люди, неизлечимо напичканные буржуазно-демократическими или парламентарными предрассудками, недоуменно качают головой по поводу наших Совдепов, останавливаясь, например, на отсутствии прямых выборов. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились за время великих переворотов 1914—1918 годов. Соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся,—гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику,—такое соединение не дается сразу и не укладывается в избитые формы рутинного парламентарного демократизма. Новый мир, мир социализма, вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская Республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера.

Когда старые буржуазно-демократические конституции расписывали, например, формальное равенство и право собраний,—наша пролетарская и крестьянская, советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республиканцы свергали троны, тогда не разбирались в формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии. Грош цена «свободе собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания и в городах и в деревнях у богачей, *передав все* эти здания рабочим и крестьянам под их союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний—для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей советской, нашей социалистической конституции!

И вот почему так глубоко уверены все мы, что, какие бы беды ни обрушились на нашу Республику Советов, *она непобедима*.

Она непобедима, ибо каждый удар бешеного империализма, каждое поражение, наносимое нам международной буржуазией, поднимая к борьбе новые и новые слои рабочих и крестьян, обучая их ценой величайших жертв, закаляя их, рождает новый массовый героизм.

Мы знаем, что помощь от вас, товарищи-американские рабочие, придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе). Мы знаем, что европейская пролетарская революция

может и не разгореться еще в ближайшие недели, как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции *в определенный короткий срок*. Мы видели две великих революции, 1905 и 1917 г.г., в своей стране и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению. Мы знаем, что обстоятельства выдвинули вперед *наш*, российский отряд социалистического пролетариата, не в силу наших заслуг, а в силу особой отсталости России, и что до взрыва международной революции возможен ряд поражений отдельных революций.

Несмотря на это, мы твердо знаем, что мы непобедимы, ибо человечество не сломится от империалистской бойни, а осилит ее. И первой страной, которая *сломала* каторжную цепь империалистской войны, была *наша* страна. Мы принесли тягчайшие жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но мы *сломали* ее. Мы стоим *вне* империалистских зависимостей, мы подняли перед всем миром знамя борьбы за полное свержение империализма.

Мы находимся в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, они *многочисленнее*, чем наши, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма. Рабочие рвут со своими социал-предателями Гомперсами, Реннерами. Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической большевистской тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция.

*Написано 20 августа 1918 г.,
напечатано отдельной брошюрой
в издании ВЦИК. 1918 г.*

Речь на I Всероссийском Съезде по народному образованию *).

(Заседание 28 августа 1918 г.)

На долю Комиссариата Народного Просвещения ныне выпадает одна из величайших задач по перевоспитанию всего русского народа.

Во всех государствах, как бы они ни были свободны, все же школа является одним из средств буржуазных классов в деле достижения своих захваченных целей. Русская же школа отныне освобождается от этой опеки буржуазии и вместе с своим освобожденным от цепей рабства народом вступает в новую жизнь на началах социализма, братства и равенства.

Мы уже приступили к строительству своей новой школы и новой жизни, но еще нами не пройдены все этапы испытания, нам еще предстоит борьба, в которой исход один—наша победа.

Буржуазия всех стран мобилизует все силы, чтобы задушить русскую революцию, а с нею и разрушить все те наши планы и предположения, уничтожить проекты, что нами составлены во всех областях нашей будущей свободной жизни.

Ее захватнические инстинкты оставляют под ружьем миллионы рабочих и крестьян вот уже пятый год. Пятый год льется кровь рабочих и крестьян нескольких наций, и ясно, что из того тупика, в который зашла международная буржуазия, ей самой не выйти. Ей не заключить мира. Мир заключат только сами рабочие и крестьяне всех стран. Иного выхода нет. И буржуазия пугается этого страшного для нее конца, пытается подавить русскую революцию—источник заразы, устраивая заговоры, восстания и посылая свои войска для борьбы с русским революционным народом.

Буржуазия всех стран страшно боится пропаганды идей большевизма. Всюду запрещены газеты большевистского направления: печать куплена вся, кончая печатью социалистических партий; там нет свободы для агитации, и несмотря на это, все же рабочие массы заражаются идеями большевиков. В Австро-Венгрии и в Италии уже чувствуется форменное разложение в рядах армии, и власть все более и более теряет свой авторитет.

Германские войска, усмиряя Украину и Латвию, уже потеряли свой прежний казарменный дух. Здесь уже сказывается естественный

*) По газетному, далеко не полному отчету.

ход мировой революции: сначала падает дисциплина в войсках, а затем и само правительство.

То же замечается во Франции и в Англии. Но здесь рабочие и крестьяне еще поддаются обману буржуазии и продолжают вести эту кровавую бойню. До сих пор французские и английские рабочие верили лживым заверениям буржуазии, что они ведут оборонительную, а не наступательную войну. Но поход англо-французской буржуазии против русской революции раскрыл им глаза, они увидели, с какой целью высаживается десант на Мурманс¹⁶²). И мы видим, как в Англии расторгнут гражданский мир.

Поход на русскую революцию со стороны всемирной буржуазии—это ее последняя ставка, и нет сомнений в том, что и эта карта будет бита русским революционным пролетариатом.

Как бы широко ни распространялись ложь и клевета на русскую революцию во Франции и в Англии—в Советской России нет силы для борьбы с большевизмом, как нет их и во всем мире.

Правда, мы еще так недавно были свидетелями наших поражений на контр-революционных фронтах. Мы отдали Самару, сдали Казань, Сызрань... Но эти наши поражения нужно рассматривать, как нашу победу. Эти наши поражения учат наших рабочих и крестьян бороться своими собственными силами. Массы убеждаются, что залог их успеха только в них самих. Им неоткуда ждать помощи. И эти наши поражения уже сказываются на наших рабочих и беднейшем крестьянстве. Мы видим усиленное стремление к обучению. Они познают уже, что, чтобы побеждать своего собственного врага, нужно быть не менее умным и ловким, чем противник.

Сейчас все земли, фабрики и заводы переданы рабочим и крестьянам. Рабочие ныне призваны не только стоять у станка и ходить за сохой, а и управлять имениями и орудиями производства—фабриками и заводами. И весьма естественно теперь стремление к науке, проснувшееся среди рабочих. Рабочие тянутся к науке и школе, и наша задача теперь дать им эту науку и школу.

Иные нас упрекают в том, что школу мы делаем классовой. Но школа и была таковой во все время своего существования. Если сейчас мы видим саботаж со стороны учителей высшей школьной ступени, так это показывает, что эти учителя хотят монополизировать нашу школу, сделать ее орудием классовой борьбы, сделать ее оружием, направленным против рабочих и крестьян. Да чем же собственно и вызвана хотя бы эта, продолжающаяся уже пятый год, бойня, как не тем, что школа была использована врагами трудового народа в своих целях. В школах старого типа ребенку неминуемо внушаются нацио-

нальные предрассудки; разжигается ненависть к другим народам, к рабочим другой национальности; юная мысль затемняется глупыми предрассудками. Школы в буржуазных странах насыщены ложью и клеветой в угоду буржуазии. Чувство ненависти к отдельным национальностям буржуазия как нельзя лучше использует в своих целях именно во время войны, которая дает им колоссальные барыши.

Взять хотя бы наше время. Сейчас у нас тысячи миллионов, которые во время войны выросли, как грибы после хорошего дождя. Им нужна война, чтобы обогащаться, а потому и школу они, не задумываясь, использовали бы в своих чисто империалистических целях. Но мы не должны допустить до этого. Мы говорим, что и наша школа будет классовой, но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения.

Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобных той, что продолжается уже пятый год,

«Правда» № 184.

30 августа 1918 г.

О характере наших газет ¹⁷¹⁾.

Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы,—политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни,—фактам и фактам на этот счет.

Почему бы, вместо 200—400 строк не говорить в 20—10 строках о таких простых общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала, как лясканье зубами американских миллиардеров против Германии и т. д., и т. п. Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не статьи писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, в «телеграфном стиле» клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики.

Буржуазная пресса в «доброе старое буржуазное время» не касалась «святого святых»—внутреннего положения дел на частных фабриках, в частных хозяйствах. Этот обычай отвечал интересам буржуазии. От него нам надо радикально отделаться. Мы от него не отделались. Тип газет у нас не меняется еще так, как должен бы он меняться в обществе, переходящем от капитализма к социализму.

Поменьше политики. Политика «прояснена» полностью и сведена на борьбу двух лагерей: восставшего пролетариата и кучки рабовладельцев-капиталистов (с их сворой вплоть до меньшевиков и пр.). Об этой политике можно, повторяю, и должно говорить, совсем коротко.

Побольше экономики. Но экономики не в смысле «общих» рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и т. п. дребедени, которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, тщательной проверки и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли на деле успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т. п. шарлатанские планы, на которые «мы» такие мастера)? Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?

Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она? Ее нет. А такие фабрики есть. Мы не умеем выполнять своего долга, не ведя войны против этих «хранителей традиций капитализма». Мы не коммунисты, а тряпичники, пока мы, *молча, терпим такие фабрики*. Мы не умеем вести *классовой борьбы в газетах* так, как ее вела буржуазия. Припомните, как великолепно травила она в прессе классовых врагов, как издевалась над ними, как позорила их, как сживала их со света. А мы? Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на Советское государство попрежнему: дать *ему* работы поменьше и похуже,—содрать с *него* денег побольше? Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков *Советских типографий*, среди сормовских и путиловских рабочих и т. д.? Сколько из них мы поймали, скольких изобличили, скольких притводили к позорному столбу?

Печать об этом молчит. А если пишет, то *по казенному, по чиновничьи*, не как революционная печать, не как орган диктатуры класса, доказывающего своими делами, что сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев будет сломлено железной рукой.

То же с войной. Травим ли мы трусливых полководцев и разинь, очернили ли мы перед Россией полки, никуда не годные? «Поймали»

ли мы достаточное количество худых образцов, которых надо бы с наибольшим шумом удалить из армии за негодность, за халатность, за опоздание и т. п.? У нас нет деловой, беспощадной, истинно-революционной войны с конкретными носителями зла. У нас мало *воспитания масс на живых, конкретных примерах* и образцах из всех областей жизни, а это—главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму. У нас мало внимания, огласки общественной критики, *травли негодного*, призыва учиться у хорошего.

Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. *Поближе к жизни*. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько коммунистично это повое.

«Правда» № 200,
20 сентября 1918 г.

О германской революции.

(Письмо ВЦИК ¹⁷²).

В Германии разразился политический кризис ¹⁷³). Паническая растерянность и правительства и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом. Безнадежность военного положения и отсутствие всякой поддержки господствующих классов трудящимися массами обнаружены сразу. Этот кризис означает либо начало революции, либо во всяком случае то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию.

Правительство морально подало в отставку и истерически мечется между военной диктатурой и коалиционным кабинетом. Но военная диктатура в сущности испробована уже с начала войны, и как раз теперь она перестала быть осуществимой, так как армия сделалась ненадежной. Привлечение же в кабинет Шейдеманов ¹¹⁵) и К^о только ускорит революционный взрыв, сделает его более широким, более сознательным, более твердым и решительным после того, как разоблачится до конца все жалкое бессилие этих лакеев буржуазии, этих продажных людшек, таких же, как наши меньшевики и с.-р., как Гендерсоны ¹⁷⁴) и Сидней Уэббы ¹⁷⁵) в Англии, Альберы Тома ¹⁷⁶) и Ренодели ¹⁷⁷) во Франции и т. п.

Кризис в Германии только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата. Российский пролетариат с величайшим вниманием и восторгом следит за

событиями. Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы. Теперь даже самые темные поймут, какую безмерно подлую измену социализму совершали меньшевики и с.-р., идя на союз с грабительской англо-французской буржуазией, ради будто бы отмены Брестского мира. И уже, разумеется, Советская власть не подумает помогать немецким империалистам попытками нарушить Брестский мир, взорвать его в такой момент, когда внутренние анти-империалистические силы Германии начинают кипеть и бурлить,—в такой момент, когда представители германской буржуазии начинают оправдываться перед своим народом в заключении такого мира, начинают изыскивать средства «переменить» политику.

Но пролетариат России не только со вниманием и восторгом следит за событиями. Он ставит вопрос о том, чтобы напрячь все силы для *помощи немецким рабочим*, которым предстоят самые тяжелые испытания, самые тяжкие переходы от рабства к свободе, самая упорная *борьба и со своим и с английским империализмом*. Поражение германского империализма будет означать на известное время и рост наглости, зверства, реакционности и завоевательных попыток со стороны англо-французского империализма.

Большевистский рабочий класс России был всегда интернационалистским не на словах, а на деле, в отличие от тех мерзавцев, героев и вождей 2 Интернационала, которые либо прямо изменяли, вступая в союз со своей буржуазией, либо старались отделяться фразами, выдумывая (подобно Каутскому²⁷), Отто Бауэру¹⁷⁸) и К^о) отговорки от революции, выступая против всякого смелого, великого революционного действия, против всякой жертвы узко-национальными интересами во имя движения вперед пролетарской революции.

Российский пролетариат поймет, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма. Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма.

Начнем же немедленно готовиться. Докажем, что русский рабочий умеет гораздо более энергично работать, гораздо более самоотверженно бороться и умирать, когда дело идет не об одной только русской, но и о международной рабочей революции.

Прежде всего удесятим свои усилия по заготовке запасов хлеба. Постановим, что в каждом крупном элеваторе создается запас хлеба для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в труд-

ное положение в их борьбе за освобождение от чудовищ и зверей империализма. Пусть каждая партийная организация, каждый профессиональный союз, каждая фабрика, мастерская и т. д. свяжутся специально с несколькими избранными ею волостями для укрепления союза с крестьянами, для помощи им, для просвещения их, для победы над кулаками, для полной очистки всех излишков хлеба.

Пусть таким же путем удесятерится наша работа по созданию пролетарской Красной армии. Перелом наступил,—мы все это знаем, видим и чувствуем. Рабочие и трудящиеся крестьяне передохнули от ужасов империалистической бойни, они поняли и на опыте увидели необходимость войны с угнетателями для защиты завоеваний их революции, революции трудящихся, их власти, Советской власти. Армия создается,—Красная армия рабочих и бедных крестьян, готовых на все жертвы для защиты социализма. Армия крепнет и закаляется в битвах с чехо-словаками и белогвардейцами. Фундамент заложен прочно,—надо спешить с возведением самого здания.

Мы решили иметь армию в 1.000.000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь.

Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег во всемирной рабочей революции. Возможны самые быстрые перемены, возможны попытки союза германского и англо-французского империализма против Советской власти.

Ускорить работу подготовки должны и мы. Удесятерим же наши усилия.

Пусть станет это лозунгом годовщины великой Октябрьской революции пролетариата!

Пусть станет это залогом грядущих побед всемирной пролетарской революции!

*Написано 4 октября 1918 г.,
напечатано в «Протоколах ВЦИК
5-го созыва». Изд. ВЦИК. 1919 г.*

Пролетарская революция и ренегат Каутский.

Под этим заглавием я начал писать брошюру, посвященную критике только что вышедшей в Вене брошюры Каутского: «Диктатура пролетариата». Но, ввиду того, что моя работа затягивается, я решил просить редакцию «Правды» дать место краткой статье на ту же тему.

Более чем четырехлетняя изнурительная и реакционная война сделала свое дело. В Европе чувствуется дыхание нарастающей про-

летарской революции,—и в Австрии, и в Италии, и в Германии, и во Франции, даже в Англии (крайне характерны, напр., в июльской книжке архи-оппортунистического «Социалистического Обозрения», редактируемого полулибералом Рамсэем Макдональдом¹⁷⁹), «Признания капиталиста»).

И в такой момент вождь II Интернационала, господин Каутский²⁷), выпускает книгу о диктатуре пролетариата, т.-е. о пролетарской революции, книгу во сто раз более позорную, более возмутительную, более ренегатскую, чем знаменитые «Предпосылки социализма» Бернштейна¹⁸⁰). Почти 20 лет прошло со времени издания этой ренегатской книги, и теперь является повторение, усугубление ренегатства Каутским!

Ничтожная часть книги посвящена собственно русской большевистской революции. Каутский повторяет целиком меньшевистские премудрости, так что русский рабочий встретил бы это только гомерическим хохотом. Представьте себе, например, что «марксизмом» называется пересыпанное цитатами из полулиберальных сочинений полулиберала Маслова¹⁸¹) рассуждение о том, как богатые крестьяне стараются прибрать себе землю (ново!), как им выгодны высокие цены на хлеб и т. п. А рядом с этим пренебрежительное, совсем уже либеральное, заявление нашего «марксиста»: «Бедный крестьянин признается здесь» (т.-е. большевиками в Советской Республике) «постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы «диктатуры пролетариата» (стр. 48 брош. К.).

Не правда ли, хорошо? Социалист, марксист, старается нам доказать *буржуазный* характер революции, и при этом высмеивает, совершенно в духе Маслова, Потресова¹⁸²) и *кадетов*, организацию бедноты в деревне.

«Экспроприации богатых крестьян вносят лишь новый элемент беспокойства и гражданской войны в процесс производства, который для своего оздоровления настоятельно требует спокойствия и безопасности» (стр. 49).

Невероятно, но факт! Это буквально сказано Каутским, а не Савинковым¹⁰⁶) и не Милюковым¹⁴)!

В России мы столько уже раз видали, как «марксизмом» прикрываются защитники кулаков, что Каутский нас не удивит. Может быть, для европейского читателя придется подробнее остановиться на этом подлом прислужничестве буржуазии и либеральной боязни гражданской войны. Русскому рабочему и крестьянину достаточно указать пальцем на это ренегатство Каутского—и пройти мимо.

Едва ли не девять десятых книги Каутского посвящены общему теоретическому вопросу первейшей важности: вопросу об отношении диктатуры пролетариата к «демократии». И тут-то всего яснее полный разрыв Каутского с марксизмом.

Каутский уверяет своих читателей — с совершенно серьезным и чрезвычайно «ученым» видом, — что под «революционной диктатурой пролетариата» Маркс разумел не «форму правления», исключаящую демократию, а состояние, именно: «состояние господства». Господство же пролетариата, как большинства населения, возможно при строжайшем соблюдении демократии, и, напр., Парижская Коммуна, которая была как раз диктатурой пролетариата, была выбрана всеобщим голосованием. А что Маркс не имел в виду, говоря о диктатуре пролетариата, «формы правления» (или формы правительства, *Regierungsform*) это де «доказывается уже тем, что он, Маркс, считал возможным для Англии и Америки переход (к коммунизму) мирным, т. е. демократическим путем» (20—21 стр.).

Невероятно, но факт! Каутский рассуждает именно так и громит большевиков за нарушение «демократии» в их конституции, во всей их политике, проповедует изо всех сил, по всем поводам, «демократический, а не диктаторский метод».

Это — полнейший переход на сторону тех оппортунистов (вроде немецких Давида ¹⁸³), Кольба ¹⁸⁴) и других стойков социал-шовинизма, или английских фабианцев ¹⁸⁵) и независимцев, или французских и итальянских реформистов), которые говорили прямее и честнее, что не признают учения Маркса о диктатуре пролетариата, ибо оно де противоречит демократизму.

Это — полное возвращение к тому взгляду до-марксистского немецкого социализма, что де мы стремимся к «свободному народному государству», взгляду мещанских демократов, не понимавших, что всякое государство есть машина для подавления одного класса другим классом.

Это — полное отречение от революции пролетариата, на место которой ставится либеральная теория «завоевания большинства», «использования демократии»! Все, что сорок лет, с 1852 по 1891 год, проповедывали и доказывали Маркс и Энгельс о необходимости для пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, целиком забыто, извращено, выкинуто за борт ренегатом Каутским.

Разбирать подробно теоретические ошибки Каутского значило бы повторять то, что сказано мной в «Государстве и Революции». В этом здесь нет надобности. Укажу лишь вкратце:

Каутский отрекся от марксизма, забывши, что *всякое* государство есть машина подавления одного класса другим и что самая *демократи-*

ческая буржуазная республика есть машина для угнетения пролетариата буржуазией.

Не «формой правления», а *государством иного типа* является диктатура пролетариата, пролетарское государство,—машина для подавления *буржуазии пролетариатом*. Подавление необходимо потому, что буржуазия окажет всегда бешеное сопротивление экспроприации.

(Ссылка на то, что Маркс в 70-х годах допускал возможность мирного перехода к социализму в Англии и Америке, есть довод софиста, то-есть, проще говоря, мошенника, который жульничает при помощи цитат и ссылок. Во-первых, эту возможность Маркс и тогда считал исключением. Во-вторых, тогда не было еще монополитического капитализма, т.-е. империализма. В-третьих, именно, в Англии и Америке не было тогда—(теперь есть)—военщины, как главного аппарата буржуазной государственной машины.)

Где есть подавление, там не может быть свободы, равенства и проч. Поэтому Энгельс и говорил: «Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников; а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать».

Буржуазная демократия, ценность которой для воспитания пролетариата и обучения его к борьбе бесспорна, всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией для богатых, обманом для бедных.

Пролетарская демократия подавляет эксплуататоров, буржуазию—и потому не лицемерит, не обещает им свободы и демократии,—а трудящимся дает *настоящую демократию*. Только Советская Россия дала пролетариату и всему гигантскому трудящемуся большинству России невиданную, невозможную и немыслимую ни в одной буржуазной демократической республике *свободу и демократию*, отняв, напр., дворцы и особняки у буржуазии (без этого свобода собраний—лицемерие), отняв типографии и бумагу у капиталистов (без этого свобода печати для трудящегося большинства нации есть ложь), заменив буржуазный парламентаризм демократической организацией *советов*, в 1.000 раз более близких к «народу», более «демократичных», чем самый демократичный буржуазный парламент. *И так далее.*

Каутский выкинул за борт... «классовую борьбу» в применении к демократии, Каутский стал форменным ренегатом и лакеем буржуазии.

Мимоходом нельзя не отметить нескольких перлов ренегатства.

Каутский вынужден признать, что советская организация имеет не только русское значение, а мировое, что она принадлежит к «важ-

нейшим явлениям нашего времени», что она обещает приобрести «решающее значение» в грядущих великих «битвах между капиталом и трудом». Но—повторяя премудрость меньшевиков, благополучно перешедших на сторону буржуазии против пролетариата—Каутский «умо-заключает»: советы хороши как «организация борьбы», а не как «государственные организации».

Великолепно! Организуйтесь в советы, пролетарии и беднейшие крестьяне! Но—боже упаси!—не смейте побеждать! Не вздумайте победить! Как только вы победите буржуазию, так вам тут и капнут, ибо «государственными» организациями в пролетарском государстве вы быть не должны. Вы должны, именно после вашей победы, распуститься!!

О, великолепный «марксист» Каутский! О, бесподобный «теоретик» ренегатства!

Перл номер второй. Гражданская война есть «смертельный враг социальной революции», ибо она, как мы уже слышали, «нуждается в спокойствии» (для богатых?) «и в безопасности» (для капиталистов?).

Пролетарии Европы! Не думайте о революции, пока вы не найдете такой буржуазии (упаси, боже! это, пожалуй, не для вас, а для героев гражданской войны Савинкова и Дана ¹⁸⁶), Дутова ⁵⁹) и Краснова ¹¹), чехо-словаков и кулаков)!

Маркс в 1870 году писал: «главная надежда, что война обучила французских рабочих владеть оружием». «Марксист» Каутский от четырехлетней войны ждет не применения рабочими оружия против буржуазии (упаси, боже! это, пожалуй, не совсем «демократично»), а... заключения добренького мира добренькими капиталистами!

Перл номер третий. Гражданская война имеет еще одну неприятную сторону: тогда как в «демократии» есть «охрана меньшинства» (которую — заметим в скобках — так хорошо испытали на себе французские защитники Дрейфуса ¹⁸⁷) или Либкнехты ¹⁷), Маглины ¹⁴⁶), Деббсы ¹⁷⁰) в последнее время), — гражданская война (слушайте! слушайте!) «грозит потерпевшему поражение полным уничтожением».

Ну, разве же не настоящий революционер этот Каутский? Он всей душой за революцию... только такую, чтобы не было серьезной борьбы, грозящей уничтожением! Он вполне «преодолеl» старые ошибки старого Энгельса, который с восторгом воспевал воспитательное действие насильственных революций. Он, как «серьезный» историк, вполне отрекся от заблуждений тех, кто говорил, что гражданская война закаляет эксплуатируемых, учит их создавать новое общество без эксплуататоров.

Перл номер четвертый. Была ли исторически велика и полезна диктатура пролетариев и мещан в революции 1789 года? Ничего подобного. Ибо пришел Наполеон. «Диктатура низших слоев выравнивает путь к диктатуре сабель» (стр. 26).—Наш «серьезный» историк—как и все либералы, в лагерь коих он перешел,—твердо уверен, что в странах, не выдавших «диктатуры низших слоев»,—например, в Германии—диктатуры сабли не было. Германия никогда не отличалась от Франции более грубой, более подлой диктатурой сабли,—это все клевета, придуманная Марксом и Энгельсом, которые бессовестно лгали, говоря, что до сих пор в «народе» Франции больше свободолюбия и гордости угнетенных, чем в Англии или Германии, и что Франция обязана этим именно своим революциям.

... Но довольно! Надо бы написать особую брошюру, чтобы перебрать все перлы ренегатства у подлого ренегата Каутского.

На «интернационализме» господина Каутского нельзя не остановиться. Нечаянно Каутский пролил на него яркий свет—именно тем, что изобразил в самых сочувственных выражениях интернационализм меньшевиков, которые ведь тоже интернационалисты,—уверяет сладенький Каутский,—которые ведь «братья» большевиков—не шутите!

Вот это сладенькое изображение «циммервальдизма» меньшевиков:

«Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. Пока этого не достигнуто, русская армия должна была, по их мнению, стоять в боевой готовности»... А худые большевики «дезорганизовали» армию и заключили худой Брестский мир... И Каутский говорит яснее ясного, что надо было оставить учредилку, не надо было брать власть большевикам.

Итак, интернационализм состоит в том, что надо поддерживать «свое» империалистическое правительство, как поддерживали меньшевики и эс-эры Керенского, прикрывать его тайные договоры, обманывая народ сладенькой фразой: мы де «требуем» от зверей, чтобы они стали добрыми, мы «требуем» от империалистических правительств, чтобы они «приняли лозунг без аннексий и контрибуций».

По мнению Каутского, в этом состоит интернационализм.

А по нашему мнению, это полное ренегатство.

Интернационализм состоит в разрыве со своими социал-шовинистами (т.-е. оборонцами) и со своим империалистским правительством, в революционной борьбе против него, в свержении его, в готовности идти на величайшие национальные жертвы (даже и на Брестский мир), если это полезно развитию интернациональной рабочей революции.

Мы прекрасно знаем, что Каутский и его компания (вроде Штребеля, Бернштейна и т. п.) были очень «возмущены» заключением Брестского мира: еще бы они хотели, чтобы мы сделали «жест»... отдающий в России моментально власть в руки буржуазии! Эти тупоумные, но добренькие и сладенькие немецкие мещане руководились не тем, чтобы пролетарская советская республика, первая в мире революционно свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах (мещане боятся пожара в Европе, боятся гражданской войны, нарушающей «спокойствие и безопасность»). Нет. Они руководились тем, чтобы во всех странах держался мещанский социализм, объявляющий себя «интернационализмом» за свою «умеренность и аккуратность». Пусть бы русская республика оставалась буржуазной и... дожидалась... Тогда бы все на свете были добрыми, умеренными, незавоевательными мещанами-националистами, а в этом как раз состоял бы интернационализм!

Так думают каутскианцы в Германии, лонгетисты во Франции, независимцы (I. L. P.) в Англии¹⁸⁹), Турати¹⁹⁰) и его братья по ренегатству в Италии и так далее и тому подобное.

Теперь уже лишь круглые дураки могут не видеть, что мы были не только правы, свергая свою буржуазию (и ее лакеев—меньшевиков и эс-эров), но были правы также, заключая Брестский мир *после того*, как открытый призыв к общему миру, поддержанный публикацией и разрывом тайных договоров, был отклонен буржуазией согласия (Антанты). Во-первых, если бы мы не заключили Брестского мира, мы сразу отдали бы власть русской буржуазии и тем повредили величайшим образом всемирной социалистической революции. Во-вторых, ценою национальных жертв мы сохранили такое интернациональное революционное влияние, что теперь вот прямо подражает нам Болгария, кипят Австрия и Германия, ослаблены оба империализма, мы окрепли и начали создавать настоящую пролетарскую армию.

Из тактики ренегата Каутского вытекает, что немецкие рабочие должны теперь защищать отечество вместе с буржуазией, и бояться больше всего немецкой революции, ибо англичане могли бы ей навязать новый Брест. Это и есть ренегатство. Это и есть мещанский национализм.

А мы говорим: завоевание Украины было величайшей национальной жертвой, а пролетариев и беднейших крестьян Украины оно закалило и усилило, как революционных борцов за интернациональную рабочую революцию. Украина пострадала—интернациональная революция выиграла, «развратив» немецкое войско, ослабив немецкий империализм, сблизив немецких, украинских и русских рабочих революционеров.

Было бы, конечно, «приятнее», если бы мы простой войной могли свергнуть и Вильгельма и Вильсона. Но это—бредни. Свергнуть их внешней войной мы не можем. А двинуть вперед их внутреннее разложение мы можем. Мы достигли этого советской, пролетарской революцией в *громадных* размерах.

Еще больше достигли бы такого успеха немецкие рабочие, если бы пошли на революцию, *не считаясь* с национальными жертвами (только в этом и состоит интернационализм), если бы они сказали (и *делом* подтвердили), что для них интерес международной рабочей революции выше целостности, безопасности, спокойствия того или другого, и именно своего, национального государства.

* * *

Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Уэббов и К^о или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной.

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью.

Поэтому всячески надо разоблачать ренегатов, вроде Каутского, поддерживая этим революционные *группы* действительно интернационалистских пролетариев, которые есть во всех странах. Пролетариат отвернется быстро от предателей и от ренегатов и пойдет за этими группами, воспитает себе из них своих вождей. Недаром воет буржуазия всех стран о «мировом большевизме».

Мировой большевизм победит мировую буржуазию.

Написано 9 октября 1918 г.,

напечатано в «Правде» № 219

11 октября 1918 г.

О международной революции.

(Речь 22 октября 1918 г. на соед. заседании ВЦИК 5-го созыва, Московск. Совета и профсоюзов.)

Товарищи! Мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть определено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, как теперь. Вот на этих двух положениях, особенно на втором из них, мне хотелось бы остановиться сегодня по-

дробнее. Я думаю, что широкие массы едва ли сознают всю опасность, которая на нас надвигается, а так как мы можем действовать, только опираясь на широкие массы, то главная задача представителей Советской власти состоит в том, чтобы передать этой массе всю правду теперешнего положения, как бы оно тяжело временами ни было. Что мы близки к международной социалистической революции, то об этом говорилось не раз, и я буду краток. На самом деле, один из главных упреков, который бросали против Советской власти не только буржуазия, но и мелко-буржуазные слои, изверившиеся в социализме, а также и многие так называемые социалисты, которые привыкли к мирным временам, которые не верили в социализм,—все они бросали Советской власти упрек в том, что мы социалистический переворот в России сделали на авось, рассчитывая на революцию на Западе.

Товарищи! Теперь, когда на пятом году войны всеобщий крах империализма наглядно показывает неправильность этого упрека, и социалисты-предатели теперь ясно видят неосновательность этого упрека, становится ясно, что независимо от тех успехов, которые мы имели, и которых мы добились в России, мы сделали за этот год революции так много, как никогда в мире не делала ни одна пролетарская партия. Мы ведем с успехом вперед революцию, существование которой буржуа считали не более трех или шести недель, и наша революция оказалась явлением мировым. О том, что большевики есть явление мировое, говорит вся буржуазия, и от этого признания становится очевидным, что наша революция поползла от востока на запад и встречает там все более подготовленную почву. Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии. Болгарские солдаты стали создавать Советы. Теперь приходят с каждым днем известия и о Сербии. Несмотря на то, что там хозяйничают державы Согласия, в Сербии мы видим такую же революцию, образование Советской власти и Советов Рабоч. и Солд. Деп. Мы знаем, что Кавказ отложился совершенно, и хотя англо-французское согласие обещает народам тысячи благ, если они восстанут и отойдут от Германии, хотя так много обещают самые богатые в мире и самые могущественные капиталисты Америки, Англии и Франции, становится очевидно, что буржуазия разных маленьких государств, на которые теперь Англия полагается, что эта буржуазия ни в коем случае не удержится, что ее господство, ее власть в этих государствах будет весьма кратким, преходящим явлением, потому что везде стучится в двери рабочая революция.

Буржуазия отдельных стран сознает, что ей придется держаться в своих государствах при помощи иностранных штыков, и не только в Австрии, но и в Германии, положение которых только недавно каза-

лось прочным, мы видим, началась революция¹⁷³); германская печать говорит уже об отставке кайзера, о партии независимых демократов; печать получила уже от канцлера разрешение говорить о германской республике. Это что-нибудь да значит! Мы знаем, что разложение войск усилилось, что там распространяются прямые призывы к восстанию войск. Мы знаем, что в восточной Германии образованы военно-революционные комитеты, они выпускают революционные издания, революционизирующие солдат, поэтому с полной определенностью можно говорить, что революция назревает не по дням, а по часам, и это не только говорим мы,—нет, это говорят именно все немцы из военной партии и буржуазии, которые чувствуют, что шатаются министры, что им народ не доверяет, что они продержатся в своем правительстве очень недолго. Это говорят все знающие положение дел и свидетельствуют поэтому о том, насколько неизбежна народная революция в Германии, а, может-быть, даже пролетарская революция.

Мы прекрасно знаем, какое громадное пролетарское движение создалось и в других странах. Мы видели, как появился Домьер в Италии и на деньги держав Согласия, при помощи всей итальянской буржуазии и социал-патриотов, объезжал все города Италии, проповедуя итальянским рабочим продолжать империалистическую войну. Мы видели, как в это время итальянская социалистическая печать помещала его заметки, в которых оставалось только имя Домьера, а все остальное выкидывалось цензурой, или помещались заметки, в которых смеялись: Домьер участвует в банкетах и болтает; а буржуазная пресса признала, что Домьера всюду освистали, буржуазная пресса писала: итальянские рабочие ведут себя так, что, кажется, они позволили бы ездить по Италии только Ленину и Троцкому. Итальянская социалистическая партия за время войны сделала громадный шаг вперед, т.-е. влево. Мы знаем, что во Франции слишком большое число патриотов было среди рабочих; им говорили, что Парижу и французской территории угрожает громадная опасность. На последнем съезде, когда читали письмо о том, что делают союзники, англо-французские империалисты, раздались крики: «да здравствует социалистическая республика», а вчера было известие, что в Париже был митинг, на котором было 2.000 металлистов, и который приветствовал Советскую Республику в России. Мы видим, что из трех социалистических партий в Англии только одна, независимая социалистическая партия, не становится открыто союзницей большевиков, а социалистические рабочие партии в Шотландии определенно заявляют себя сторонниками большевиков. В Англии тоже начинает распространяться большевизм, а испанские партии, которые стояли на стороне англо-фран-

цузского империализма, среди которых в начале войны можно было найти одного или двух человек, которые имели отдаленное представление об интернационалистах,— все эти партии на своем съезде приветствуют русских большевиков. Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата. (*Аплодисменты.*) Большевизм сделал то, что перед всем миром разыгралась стройная социалистическая революция, что фактически на деле по вопросу за большевиков или против большевиков возникли споры между всеми народами. Большевизм сделал то, что всюду ставится программа создания пролетарского государства. Рабочие, которые не знали, как обстоит дело в России, так как читали только полные лжи и клеветы буржуазные газеты, начали отдавать себе отчет, видя, что пролетарское правительство одерживает победу за победой над своими контр-революционерами, видя, что нет иного выхода из этой войны, кроме нашей тактики, кроме революционного образа действий нашего рабочего правительства. И если в прошлую среду в Берлине была демонстрация, и рабочие выражали свое негодование по отношению к кайзеру, стараясь пройти перед его дворцом, то потом они отправились к русскому посольству, стараясь выразить свою солидарность с действиями русского правительства. Вот к чему пришла Европа на пятом году войны. Поэтому мы и говорим, что никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество, и ясно, что за нами пойдут миллионы и десятки миллионов мирового пролетариата. Вот почему, повторяю, никогда мы не были так близки к международной революции, и никогда не было наше положение столь опасным, потому что раньше никогда с большевизмом не считались, как с мировой силой. Казалось, что он является только следствием усталости русских солдат, что он является взрывом недовольства утомленных войной русских войск, и как только пройдет это недовольство, и установится хотя бы самый насильственный мир, так всякие шаги к государственному творчеству и к социалистическим реформам будут подавлены. Все в этом были уверены, но оказалось, что как только от империалистической войны, которая закончилась самым насильственным миром, мы перешли к первым шагам государственного творчества, как только мы перешли к возможности дать крестьянам на деле пожить без помещиков и установить свои отношения вопреки помещикам, убедиться на деле, что они строят свою жизнь на отобранной земле не для кулаков и не для новых капиталистов, а действительно для самих трудящихся, как только рабочие увидели, что они получили возможность строить свою жизнь без капиталистов, учиться тому трудному, но

великому делу, без которого они никогда не избегнут эксплуатации,— так всем стало ясно, и на практике оказалось, что никакие силы, никакая контр-революция не свергнут Советскую власть.

Для того, чтобы в России мы пришли к этому убеждению, нам потребовались целые месяцы. Говорят, в деревне только летом 1918 г. и только к осени крестьяне разобрались в смысле и значении нашей революции. В городе это сознание было давно, но чтобы оно дошло до каждого уезда, в каждую захолустную волость и село, чтобы не из книжек и речей, а из своей собственной жизни крестьянин увидел, что землю должен получать трудящийся, но не кулак, и что с кулаком нужно вести борьбу, что кулака нужно победить своей организацией, что волну восстания, которая по всей стране пробежала летом этого года, поддерживали помещики, кулаки и белогвардейцы, чтобы собственным опытом, своим горбом, на своей спине испытать власть учредилки,— для этого нужны были долгие и долгие месяцы, и из этих месяцев деревня выходит закаленной, и массы крестьянской бедноты, которые чужого труда не грабят, только теперь увидели не из книжек, из которых никогда не получают твердых убеждений трудовые массы, а из собственного опыта, что Советская власть есть власть эксплуатируемых трудящихся, и что есть возможность каждой деревне приступить к этому заложению фундамента новой социалистической России. Нужны были долгие месяцы, чтобы и в остальной России после 1918 года мы могли сказать с уверенностью, опираясь на сообщения людей, исходящих из фактического опыта, что нет такого захолустья в деревне, где не знали бы, что такое Советская власть, и не отстаивали бы ее, потому что деревня видела всю опасность, грозящую со стороны капиталистов и помещиков, видела и трудность социалистического преобразования и не испугалась, а сказала себе: мы, десятки миллионов рук, к этой работе примкнем, мы за год многому научились и еще научимся. Это говорится теперь в России с полным убеждением, на основе своего собственного опыта, десятками и десятками миллионов. Только теперь это становится ясным и западно-европейской буржуазии, которая до этих пор не брала всерьез большевиков, не понимая, что тут создалась единственная прочная власть, которая с трудящимися массами идет, и которая может в них вызвать настоящий героизм самопожертвования. Теперь эта пролетарская власть стала заражать Европу, теперь оказалось, что это вовсе не какая-нибудь особенность России, и что во всем мире четырехлетняя война вызвала разложение армии, а прежде говорили, что только Россия по ее отсталости и неподготовленности дошла до того, что на четвертом году войны армия ее разбежалась,— разве это возможно было бы в цивили-

зованных парламентских странах? А теперь все видят, что после четырех лет мировой войны, когда миллионы людей перебиты и искалечены для того, чтобы капиталистам можно было нажиться, когда налицо десятки тысяч дезертиров,—это необычайное явление замечается не только в России и в Австрии, но и в хвастающейся своим порядком Германии, — вот когда это пришло, всемирная буржуазия увидела, что ей надо считаться с более серьезным врагом, и она сплывалась. Чем ближе мы подходили к международной пролетарской революции, тем больше сплывалась контр-революционная буржуазия.

В некоторых странах от революции продолжают еще отмахиваться, как от большевиков в октябре отмахивались министры коалиции, и говорили, что Россия до большевистской власти не дойдет. Во Франции, например, говорят, что большевики — кучка предателей, которые немцам продают свой народ. Что французские буржуа так говорят, — это простительно больше, чем левым с.-р., так как на то они и буржуа, чтобы тратить миллионы на лживые выдумки. Но когда французская буржуазия увидела развитие большевизма во Франции, и даже партии, которые не были революционными, выступили за большевиков с революционным лозунгом, то французская республика увидела, что перед ней более грозная опасность — крах империализма и перевес рабочих в революционной борьбе. Каждый знает, что пролетарской революции из-за империалистской войны в настоящее время грозит опасность и опасность эта для нас теперь особенно велика, потому что пролетарская революция растет во всех странах неравномерно, так как все страны стоят в разных условиях политической жизни, и в одной стране слишком ослаблен пролетариат, а в другой — он сильнее. Если в одной стране верхушечная группа пролетариата слаба, то в других странах бывает так, что на время буржуазии удастся не только разделить рабочих и отколоть от власти, как это случилось в Англии и Франции; вот почему пролетарская революция развивается неравномерно, и вот почему буржуазия увидела, что наиболее сильным врагом ее является революционный пролетариат. Она сплывалась, чтобы выдержать крах мирового империализма. Теперь положение для нас изменилось, и события развиваются с громадной быстротой. Первым делом были две группы империалистических хищников, которые старались друг друга уничтожить, но теперь они заметили, особенно на примере германского империализма, который недавно считал себя равновесным Англии и Франции, что главный враг их — революционный пролетариат. Теперь, когда Германию разлагает революционное движение, англо-французский империализм считает себя

владыкой мира. Там убеждены, что его главный враг—большевики и мировая революция. Чем сильнее развивается революция, тем сильнее сплачивается буржуазия. Поэтому многие из нас, особенно из широкой массы, которые, убедившись теперь, что они могут победить наших контр-революционеров, казачество, офицерство и чехо-словаков, полагают, что этим дело сделано,—не дают себе отчета в том, что этого теперь для нас мало,—есть **новый враг**, который гораздо более страшен: этот враг—англо-французский империализм. Он до сих пор имел не очень много успехов в России,—например, при высадке в Архангельске¹⁶²). Одни из французских писателей, который издавал газету и назвал ее «Победою»¹⁶¹), говорил, что Франции мало победы над немцами, что ей также нужно победить большевизм, и что поход на Россию—это не наступление на Германию, а поход против большевистского революционного пролетариата и против заразы, которая распространяется по всему миру.

Вот почему теперь появляется для нас новая опасность, которая еще не вся развернулась, и не вся видна, которую англо-французские империалисты готовят исподтишка, которую мы должны яснее сознать, чтобы через руководителей масс сознание этой опасности принести в массы, потому что англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха,—наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо сухим путем через Болгарию и Румынию. Так как эти люди действуют с соблюдением военных тайн, то мы не можем указать, насколько подготовлен этот поход, и который из этих двух планов, а может-быть, и третий ими выбран; в том-то и опасность, что мы точно знать не можем. Но мы совершенно точно знаем, что это готовится, что пресса этих стран иногда пишет не очень осторожно, какой-либо журналист открыто объявляет главные цели, отбрасывает все лживые слова о союзе наций.

В германских правящих кругах мы теперь ясно видим два течения, два плана спасения, если можно еще спастись. Одни говорят: выиграем время, оттянем до весны, может-быть, на линии укреплений мы еще в состоянии дать военный отпор; другие обращают внимание и говорят про германскую буржуазию, про германского кайзера, видят свое главное спасение в Англии и Франции; третьи все внимание обращают на то, чтобы достичь соглашения с Англией и Францией против большевиков, все их внимание устремлено на это, и если Вильсон отвечает сейчас на предложение мира грубым и пренебрежительным отказом, это еще не заставляет партию германских капиталистов, ищущих соглашения с Англией, отказаться от своих планов. Она

знает, что иногда согласие может существовать молчаливое, что, если они будут оказывать услуги английским и французским капиталистам против большевиков, за эти услуги вознаграждение может быть дано; в капиталистическом обществе так бывает, за услуги платят: может-быть, мы поможем английским и французским капиталистам что-нибудь ограбить, тогда кое-что из ограбленного они оставят у нас. Таковы мораль и правила капиталистического мира, и, мне кажется, претендуя на известную часть англо-французского капитала, люди эти считать умеют и рассчитывают не меньше, как на миллиарды; часть этих господ такой расчет понимает. Англо-французские капиталисты как бы говорят: «придем на Украину, оккупируем и разграбим, но вы, господа немцы, до тех пор ее держите, пока мы не придем, только тогда вы должны очистить часть Украины, когда наши оккупационные французские войска будут работать иначе и возьмут Украину себе». Вот как они рассуждают, потому что они понимают, что буржуазия всех оккупированных стран—Финляндии, Украины и Польши—знает, что этой национальной буржуазии не продержаться одного дня, если уйдут немецкие оккупационные войска, и поэтому буржуазия этих стран, которая вчера продавалась немцам, ездила на поклон к немецким империалистам и заключала с ними союз против своих рабочих, как делали украинские меньшевики и с.-р. в Тифлисе, которые теперь всем перепродают свое отечество. Вчера продавали его немцам, а ныне продают англичанам и французам. Вот что происходит за кулисами, какие переторжки; видя, что англо-французская буржуазия побеждает, они все идут на ее сторону и готовят сделки с англо-французским империализмом против нас, за наш счет.

Когда они говорят своему будущему англо-французскому барину-миллиардеру, что они встанут на их сторону, они говорят: ваше степенство победит большевиков, вы должны помочь нам, потому что немцы нас не спасут. Это—заговор буржуазии всех стран против революционных рабочих и большевиков. Заботы всех крупных международных империалистов направлены на нас; все это открыто, на виду, но этого еще широкие массы русских рабочих и крестьян знать не могут. Прямая обязанность, чтобы мы не просмотрели эту опасность, чтобы мы знали, что положение создалось особенно трудное.

Я для примера возьму Украину. Подумайте о положении ее, подумайте, как быть при теперешнем положении рабочим и сознательным коммунистам. С одной стороны, они видят возмущение против немецких империалистов, против страшного грабежа Украины, с другой—видят, что часть германских войск, и большая часть, может-быть, ушла; у них, может-быть, является мысль дать выражение наки-

певшим ненависти и злобе, и сейчас же, не считаясь ни с чем, напасть на германских империалистов, а другие говорят: мы—интернационалисты, мы должны смотреть с точки зрения и России и Германии; даже с точки зрения Германии мы знаем, что власть не удержится никогда, мы знаем твердо, что если украинская победа рабочих и крестьян пойдет рядом с укреплением власти России и с успехом, то социалистическая пролетарская Украина не только победит, но и будет непобедима. Такие сознательные украинские коммунисты говорят себе: мы должны быть очень осторожны; может-быть, завтра от нас потребуется напряжение всех сил и потребуется поставить все на карту ради борьбы против империализма и германских войск. Может-быть, будет так завтра, но не сегодня, а сегодня мы знаем, что войска германских империалистов разлагаются сами собой. В то же время наша главная задача—пропаганда в интересах украинского восстания. Это с точки зрения интернациональной и международной революции, потому что главное звено этой цепи есть звено германское, потому что германская революция уже назрела, и от нее зависит больше всего успех мировой революции.

Мы будем смотреть, как бы наше вмешательство не повредило их революции. Нужно понимать изменения и нарастания каждой революции. В каждой стране,—мы видели и переживали это, и знаем это лучше других,—в каждой стране революция идет особым путем, и настолько различны эти пути, что она может и на год и на два запоздать. Мировая революция не устроена так гладко, чтобы везде, во всех странах идти одним путем,—тогда мы уже давно победили бы. Революции происходят в разные политические эпохи, и везде мы видим такое же стремление соглашателей, их попытки вместе с буржуазией спасти народ от буржуазии, как это делали у нас Церетели ⁴⁴⁾ и Чернов ⁴⁵⁾, как в Германии это делают шейдемановцы; во Франции это делают по-своему. И теперь, когда революция подошла к Германии, к этой самой сильной стране рабочего движения, отличающейся организационной выдержкой, где рабочие дольше терпели, но, быть-может, накопили больше революционной ненависти и лучше сумеют расправиться со своими врагами, вмешательство в эти события людей, которые не знают темпа нарастания революции, может повредить тем сознательным коммунистам, которые говорят: я прежде всего обращаю внимание на то, чтобы этот процесс сделать сознательным. Теперь, когда немецкий солдат убедился, что его гонят на убой, говоря, что он идет защищать родину,—мы говорим, что они защищают немецких империалистов,—теперь близится время, когда революция разразится с такой силой, что разрешит старый международный вопрос.

Вот почему сознательные украинские коммунисты говорят: мы должны отдать все для победы международной революции, но мы должны сознавать, что обладаем будущим и должны идти нога в ногу с немецкой революцией. Вот те трудности, которые я хотел показать на примере рассуждения украинских коммунистов. Эти трудности отражаются и на положении Советской России. Теперь мы должны сказать, что в данное время международный пролетариат проснулся и делает громадные шаги, но положение наше тем более трудно, потому что наш вчерашний враг поднимается против нас, как против своего главного врага. Теперь он идет бороться не с неприятельскими войсками, а с международным большевизмом. Теперь, когда на южном фронте скопляются войска Краснова¹¹⁾, и мы знаем, что они получили снаряды от немцев, когда мы разоблачили империализм перед всеми народами, и люди, которые обвиняли нас в Брестском мире, посылали Краснова брать снаряды у немцев и ими забрасывали русских рабочих и крестьян, а теперь получают их от англо-французских империалистов и, получая, переторговываются и продают Россию тому миллионеру, который больше даст, вот почему теперь недостаточно общей уверенности, которая у нас сложилась, в том, что перелом наступил; у нас есть старые враги, а за их спиной как раз сейчас собирается еще новая помощь. Мы все это знаем и наблюдаем. В каком-нибудь феврале или марте, полгода назад, у нас армии не было. Армия не могла воевать. Армия, пережившая четырехлетнюю империалистическую войну, когда она не знала, за что воюет, и смутно чувствовала, что воюет за чужие интересы,—эта армия побежала, и никакие силы в мире не могли ее удержать.

Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться. Революция была пробуждением к новой жизни миллионов народов. В феврале и марте эти миллионы не знали, за что идут продолжать ту бойню, в которую их погнали цари и Керенские, и цель которой была разоблачена лишь в декабре большевистским правительством. Они ясно понимали, что это была не их война, и нужно было около полугода, чтобы наступил перелом. Теперь этот перелом наступил; он изменяет силу революции. Массы, истомленные, истерзанные четырехлетней войной, в феврале и марте требовали мира и прекращения войны; они не в состоянии были поставить вопроса, из-за чего война. Если эти массы теперь создали новую дисциплину в Красной армии, не дисциплину палки и помещичью, а дисциплину Советов Рабоч. и Кр. Депутатов, если они теперь идут на величайшее самопожертвование, если среди них сложилась новая сплоченность, то это потому, что в первый раз

в сознании десятков миллионов рождается и родилась новая социалистическая дисциплина, родилась Красная армия; она родилась только тогда, когда эти десятки миллионов людей на собственном опыте увидели, что помещиков и капиталистов они сбросили сами, что строится новая жизнь, что они начали ее сами строить, и что они эту жизнь построят, если не помешает иностранное нашествие.

Когда крестьяне увидели своего главного врага и начали борьбу с деревенскими кулаками, когда рабочие покинули фабриканта и начали строить заводы по пролетарскому плану народного хозяйства, они увидели всю трудность перестройки, но они с ней справились; нужны были месяцы, чтобы наладить работу. Эти месяцы прошли, и перелом прошел, прошел тот период, когда мы были бессильны, и мы пошли вперед гигантскими шагами; прошел период, когда у нас не было армии, когда не было дисциплины; создавалась новая дисциплина, и в армию пошли новые люди, которые тысячами отдают жизнь.

Это значит, что новая дисциплина, товарищеский союз перевоспитали нас в борьбе на фронте и в деревенской борьбе против кулака. Этот перелом, который мы переживаем, был трудным, но теперь мы чувствуем, что дело налаживается, и мы от социализма неустроенного переходим к истинному социализму. Перед нами главная задача—борьба с империализмом, и в этой борьбе мы должны победить. Мы указываем на всю трудность и опасность этой борьбы. Мы знаем, что перелом с сознанием Красной армии наступил, она начала побеждать, она выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс, и тысячи других, которые никаких курсов не проходили, кроме курса войны. Поэтому мы нисколько не преувеличиваем, сознавая опасность, но теперь мы говорим, что армия у нас есть, и эта армия создала дисциплину, стала беспособной. Южный наш фронт не есть фронт единичный,—это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире, но мы его не боимся, так как знаем, что ему самому не удастся справиться со своим внутренним врагом. Три месяца назад смеялись, когда говорили, что в Германии может быть революция, говорили, что только полусумасшедшие большевики могут верить в немецкую революцию. Называли не только вся буржуазия, но и меньшевики и левые эс-эры большевиков изменниками патриотизму и говорили, что в Германии революции не может быть, но мы знали, что там нужна наша помощь, и для этой помощи мы должны были жертвовать всем, вплоть до тяжелых условий мира. Несколько месяцев назад говорили нам и доказывали это, но Германия в несколько месяцев превратилась из могущественной империи в гнилое дерево. Эта сила, которая ее разрушила, дей-

ствуется и в Америке, и в Англии, она сегодня слаба, но с каждым шагом, которые попробуют сделать англо-французы в России, попробуют оккупировать Украину, как это сделали немцы,—с каждым шагом эта сила будет всплывать все больше и будет более страшной, чем испанская болезнь. Вот, товарищи, почему главной задачей, повторяю, каждого сознательного рабочего является теперь ничего не скрывать от широких масс, которые могут не знать всей остроты положения, а, наоборот, раскрывать всю правду. Рабочие созрели, чтобы знать эту правду. Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм. Мы должны победить и победим не только этого, но и более страшного врага. Для того Красная армия нужна более всего. Пусть каждая организация Крестьянской Советской России не перестает ставить на первом месте вопрос об армии. В настоящее время, когда все утвердилось, на первом плане вопрос о войне, об укреплении армии. У нас есть полная уверенность, что мы с контрреволюцией сладим. Мы знаем, что у нас есть силы, но мы также знаем, что англо-французский империализм сильнее нас, и хотим, чтобы это отчетливо сознавали рабочие массы. Мы говорим: надо усиливать армию в 10 раз и более, говорить о том, чтобы более укреплялась дисциплина, и чтобы сознательные, просвещенные, организованные настоящие вожди в 10 раз более уделяли внимания и заботы этому росту международной революции. Рост этот не ограничится теми странами, которые потерпели поражение. Теперь революция начинается уже и в тех странах, которые оказались победителями, и вот в этом росте Россия уже создала крупную силу, этот рост является для нас по-прежнему главной и полной гарантией того, что международный социализм победит.

«Протоколы ВЦИК 5-го созыва».

Издание ВЦИК. Москва 1919 г.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ

*Написано в сентябре—
октябре 1918 г. Издано
издательством „Комму-
нист“ в 1918 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вышедшая недавно в Вене брошюра Каутского ²⁷⁾ «Диктатура пролетариата» (Wien 1918, Ignaz Brad, стр. 63) представляет из себя нагляднейший пример того полнейшего и позорнейшего банкротства II Интернационала, о котором давно говорят все честные социалисты всех стран. Вопрос о пролетарской революции становится теперь практически в порядок дня в целом ряде государств. Поэтому разбор ренегатских софизмов и полного отречения от марксизма у Каутского является необходимым.

Но сначала надо подчеркнуть, что пишущему эти строки с самого начала войны приходилось многократно указывать на разрыв Каутского с марксизмом. Ряд статей 1914—1916 годов в заграничном «Социал-Демократе» и «Коммунисте» был посвящен этому. Статьи эти собраны в издании Петрогр. Совета—Г. Зиновьев и П. Ленин: «Против течения», Петр. 1918 г. ¹⁹²⁾ (стр. 550). В брошюре, изданной в Женеве в 1915 г. и переведенной тогда же на немецкий и французский языки, я писал о «каутскианстве».

«Каутский, наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или «брентанизм» (т.-е. в либерально-буржуазное учение, признающее неревolutionную «классовую» борьбу пролетариата, что особенно ярко выразили русский писатель Струве ¹⁹³⁾ и немецкий экономист Брентано ¹⁹⁴⁾). Мы видим это и на примере Плеханова ¹⁹⁵⁾). Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все, кроме* революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. д. Каутский, в 1909 году написавший целую книгу о приближении эпохи

революций и о связи войны с революцией *), Каутский, в 1912 году подписавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной цели, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство—не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле» (Г. Зиновьев и Н. Ленин: «Социализм и война», Женева 1915, стр. 13—14 **).

Далее, в написанной в 1916 году книге «Империализм, как новейший этап капитализма» (вышла в Петрограде в 1917 году ¹⁹⁶), я подробно разбирал теоретическую фальшь всех рассуждений Каутского об империализме. Я приводил определение империализма Каутским: «Империализм есть продукт высоко-развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической пации присоединить к себе или подчинить все большие *аграрные* (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены». Я показывал полнейшую неверность этого определения и «приспособленность» его к затушевыванию самых глубоких противоречий империализма, а затем к примирению с оппортунизмом. Я приводил свое определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополии и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». Я показывал, что критика империализма у Каутского стоит даже ниже буржуазной, мещанской критики его.

Наконец, в августе и сентябре 1917 года, т.-е. до пролетарской революции в России (25 октября—7 ноября 1917 года), я написал вышедшую в Петрограде в начале 1918 года брошюру «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» ***) и здесь, в главе VI, об «Опошлении марксизма оппортунистами», посвятил особое внимание Каутскому, доказывая, что он

*) «Путь к власти».

**) XIII том настоящего издания «Собрания сочинений».

***) См. XIV том, часть 2.

совершенно извратил учение Маркса, подделывал его под оппортунизм, «отрекался от революции на деле при признании ее на словах».

В сущности, основная теоретическая ошибка Каутского в его брошюре о диктатуре пролетариата состоит именно в тех оппортунистических извращениях учения Маркса о государстве, которые подробно вскрыты в моей брошюре «Государство и революция».

Эти предварительные замечания были необходимы, ибо они доказывают, что Каутский был открыто обвинен мной в ренегатстве *задолго* до того, как большевики взяли государственную власть и были за это осуждены Каутским.

Как Каутский превратил Маркса в дюжинного либерала.

Основной вопрос, затрагиваемый Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революции, именно о диктатуре пролетариата. Это вопрос, имеющий важнейшее значение для всех стран, особенно для передовых, особенно для воюющих, особенно в настоящее время. Можно сказать без преувеличения, что это—самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы. Поэтому необходимо на нем внимательно остановиться.

Каутский ставит вопрос таким образом, что «противоположность обоих социалистических направлений» (т.-е. большевиков и не-большевиков) есть «противоположность двух в корне различных методов: демократического и диктаторского» (стр. 3).

Отметим мимоходом, что, называя не-большевиков в России, т.-е. меньшевиков и эс-эров, социалистами, Каутский руководится их названием, т.-е. словом, а не тем действительным местом, которое они занимают в борьбе пролетариата с буржуазией. Великолепное понимание и применение марксизма! Но об этом подробнее ниже.

Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности демократического и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюр Каутского. И это—такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма что Каутский надо признать, далеко опередил Бернштейна¹⁸⁰⁾.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному государству, пролетарской демократии к буржуазной демократии. Казалось бы, это ясно как день. Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повто

рении учебников истории, упорно поворачивается задом в XX веку, лицом к XVIII, и в сотый раз, невероятно скучно, в целом ряде параграфов, жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью.

Поистине, точно во сне мочалку жует.

Ведь это же значит решительно не понять, что к чему! Ведь только улыбку вызывают потуги Каутского представить дело так, будто есть люди, проповедующие «презрение к демократии» (стр. 11) и т. п. Такими пустячками приходится затушевывать и запутывать вопрос Каутскому, ибо он ставит вопрос по-либеральному о демократии вообще, а не о буржуазной демократии, он избегает даже этого точного классового понятия, а старается говорить о «досоциалистической» демократии. Почти треть брошюры, 20 страниц из 63, занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции.

Но ведь заглавие брошюры Каутского есть все же «Диктатура пролетариата». Что в этом именно суть учения Маркса, это общеизвестно. И Каутскому пришлось, после всей болтовни не на тему, привести слова Маркса о диктатуре пролетариата.

Как это проделал «марксист» Каутский, это уже прямая комедия! Слушайте:

«На одно слово Карла Маркса опирается тот взгляд» (который Каутский объявляет презрением к демократии),—так буквально значится на стр. 20. А на стр. 60 это повторено даже в такой форме, что (большевики) «вспомнили во-время словечко» (буквально так: *das Wörtchen*) о диктатуре пролетариата, употребленное Марксом однажды в 1875 году в письме.

Вот это «словечко» Маркса:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Во-первых, назвать это знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению, «одним словом» или даже «словечком»—значит издеваться над марксизмом, значит отречься от него полностью. Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим

и удобнейшим для цитирования образом. Каутский *не может не знать*, что и Маркс и Энгельс и в письмах и в печатных произведениях говорили о диктатуре пролетариата *множественно*, и до и после Коммуны. Каутский не может не знать, что формула «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революции 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, *в течение сорока лет*.

Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским? Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектизмом и софистикой. Каутский—великий мастер такой подмены. Если говорить практически-политически, то дело сведется к лакейству перед оппортунистами, т.-е., в конце концов, перед буржуазией. С начала войны прогрессируя все быстрее, Каутский дошел до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии—на деле.

Еще более убеждаешься в этом, когда рассматриваешь, как замечательно «истолковал» Каутский «словечко» Маркса о диктатуре пролетариата. Слушайте:

«Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру»... (Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний, которые умышленно обходит начетчик в марксизме Каутский)... «Буквально» слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами. Единовластие, которое отличается от деспотизма тем, что оно мыслится не как постоянное государственное учреждение, а как преходящая мера крайности.

«Выражение «диктатура пролетариата», следовательно, не-диктатура одного лица, а одного класса, уже исключает, что Маркс имел в виду при этом диктатуру в буквальном смысле слова.

«Он говорил здесь не о *форме правления*, а о *состоянии*, которое по необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть. Что Маркс здесь не имел в виду формы правления, это доказывается уже тем, что он держался взгляда, что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим» (стр. 20).

Мы нарочно привели полностью все это рассуждение, чтобы читатель мог ясно видеть, какими приемами оперирует «теоретик» Каутский.

Каутский пожелал подойти к вопросу таким образом, чтобы начать с определения «слова» диктатура.

Прекрасно. Подойти любым образом к вопросу—священное право всякого. Надо только отличать серьезный и честный подход к вопросу от нечестного. Кто хотел бы серьезно отнестись к делу при данном способе подхода к вопросу, тот должен бы дать *свое определение* «слова». Тогда вопрос был бы поставлен ясно и прямо. Каутский этого не делает. «Буквально,—пишет он,—слово диктатура означает «уничтожение демократии».

Во-первых, это не определение. Если Каутскому угодно уклоняться от дачи определения понятию диктатуры, к чему было выбирать данный подход к вопросу?

Во-вторых, это явно неверно. Либералу естественно говорить о «демократии» вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «для какого класса». Всякий знает, например,—и «историк» Каутский знает это тоже,—что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуру рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию *среди рабовладельцев для них*? Всем известно, что нет.

«Марксист» Каутский сказал чудовищный вздор и неправду, ибо «забыл» о классовой борьбе...

Чтобы из либерального и лживого утверждения, данного Каутским, сделать марксистское и истинное, надо сказать: диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура.

Но как ни истинно это утверждение, а определения диктатуры оно не дает.

Рассмотрим следующую фразу Каутского:

«... Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами».

Подобно слепому щенку, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону, Каутский печально наткнулся здесь на *одну*

верную мысль (именно, что диктатура есть власть, не связанная никакими законами), но определения диктатуры *все же не дал* и сказал, кроме того, явную историческую неправду, будто диктатура означает власть одного лица. Это и грамматически неверно, ибо диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс, и т. д.

Дальше Каутский указывает отличие диктатуры от деспотизма, но, хотя его указание явно неверно, останавливаться на нем мы не будем, ибо это совершенно не относится к интересующему нас вопросу. Известна склонность Каутского от XX века поворачиваться к XVIII, а от XVIII к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории. От определения диктатуры пролетариата отлынивать посредством умствований о деспотизме есть либо крайняя глупость, либо весьма неискusstное мошенничество.

В итоге мы получаем, что, взявшись говорить о диктатуре, Каутский наговорил много заведомой неправды, но никакого определения не дал. Он мог бы, не полагаясь на свои умственные способности, прибегнуть к своей памяти и выложить из «ящичков» все случаи, когда Маркс говорит о диктатуре. Он получил бы, наверное, либо следующее, либо по существу совпадающее с ним определение:

Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией,—власть, не связанная никакими законами.

И вот эту-то простую истину, истину, ясную, как божий день, для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи, каковой являются социал-империалисты всех стран), эту очевидную для всякого представителя эксплуатируемых, борющихся за свое освобождение, эту бесспорную для всякого марксиста истину приходится «войной отвоевывать» у ученейшего господина Каутского. Чем объяснить это?—Тем духом лакейства, которым пропитались вожди II Интернационала, ставшие презренными сикофантами на службе у буржуазии.

Сначала Каутский совершил подтасовку, заявив явный вздор, будто буквальный смысл слова «диктатура» означает единоличного диктатора, а потом он, на основании этой подтасовки, заявляет, что у Маркса, «значит», слова о диктатуре класса *имеют* не буквальный смысл, а такой, при котором диктатура не означает революционного

насилия, а «мирное завоевание большинства при буржуазной,—это заметьте,—демократии».

Надо отличать, видите ли, «состояние» от «формы правления». Удивительно глубокомысленное различие, совсем вроде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей!

Каутскому *нужно* истолковать диктатуру, как «состояние господства» (это выражение буквально употреблено у него на следующей же, 21-й, странице), ибо тогда *исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция*. «Состояние господства» есть состояние, в котором бывает любое большинство при... демократии... Таким мошенническим фокусом *революция* благополучно *исчезает*.

Но мошенничество слишком грубое, и Каутского оно не спасет. Что диктатура предполагает и означает «состояние» неприятного для ренегатов *революционного насилия* одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь». Вздорность различения «состояния» и «формы правления» всплывает наружу. О форме правления говорить здесь втрое глупо, ибо всякий мальчик знает, что монархия и республика—разные формы правления. Господину Каутскому нужно доказывать, что обе эти формы правления, как и все переходные «формы правления» при капитализме, суть лишь разновидности *буржуазного государства*, т.-е. *диктатура буржуазии!*

Говорить о формах правления, наконец, есть не только глупая, но и аляповатая фальсификация Маркса, который яснее ясного говорит здесь о форме или типе *государства*, а не о форме правления.

Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее *новой*, которая, по словам Энгельса, «не является уже в собственном смысле государством».

Каутскому все это надо замазать и изолгать—этого требует его ренегатская позиция. Посмотрите, к каким жалким уверткам он прибегает.

Увертка первая: «Что Маркс не имел тут в виду формы правления, доказывается тем, что он считал возможным в Англии и Америке мирный переворот, т.-е. демократическим путем»...

Форма правления тут решительно не при чем, ибо бывают монархии, нетипичные для буржуазного *государства*, например, отличающиеся отсутствием военщины, и бывают республики вполне в этом отношении типичные, например, с военщиной и с бюрократией. Это общеизвестный исторический и политический факт, и Каутскому не удастся его сфальсифицировать.

Если бы Каутский хотел серьезно и честно рассуждать, он бы спросил себя: бывают ли исторические законы, касающиеся революции и не знающие исключения? Ответ был бы: нет, таких законов нет. Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что Маркс однажды назвал «идеальным» в смысле среднего, нормального, типичного капитализма.

Далее. Было ли в 70-х годах нечто такое, что делало из Англии и Америки исключение в *рассматриваемом отношении*? Всякому, сколько-нибудь знакомому с требованием науки в области исторических вопросов, очевидно, что этот вопрос необходимо поставить. Не поставить его—значит фальсифицировать науку, значит играть в софизмы. А поставив этот вопрос, нельзя сомневаться в ответе: революционная диктатура пролетариата есть *насилие* против буржуазии; необходимость же этого насилия *в особенности* вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), тем, что существуют *военщина и бюрократия*. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, *не было*. (А теперь они и в Англии и в Америке *есть*.)

Каутскому приходится буквально мошенничать на каждом шагу, чтобы прикрывать свое ренегатство.

И заметьте, как он показал здесь нечаянно свои ослиные уши. Он написал: «мирно», *т.-е. демократическим путем*»!!.

При определении диктатуры Каутский изо всех сил старался спрятать от читателя основной признак этого понятия, именно: революционное *насилие*. А теперь правда вылезла наружу: речь идет о противоположности *мирного и насильственного переворотов*. Здесь зарыта собака. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации для того и нужны Каутскому, чтобы *отговориться* от *насильственной* революции, чтобы прикрыть свое отречение от нее, свой переход на сторону *либеральной* рабочей политики, т.-е. на сторону буржуазии. Здесь зарыта собака.

«Историк» Каутский так бесстыдно фальсифицирует историю, что забывает основное: домонополистический капитализм—а апогеем его были именно 70-е годы XIX века—отличался, в силу *экономических* его коренных свойств, которые в Англии и Америке проявились особенно типично, наибольшими, сравнительно, миролюбием и свободолубием. А империализм, т.-е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по *экономическим* его коренным свойствам отличается *наименьшим* миролюбием

и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины. «Не заметить» этого при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот,—значит опуститься до самого дюжинного лакея буржуазии.

Увертка вторая: Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была *всеобщим* голосованием, т.-е. без лишения буржуазии ее избирательных прав, т.-е. «*демократически*». И Каутский торжествует: «... Диктатура пролетариата была для Маркса» (или по Марксу) «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство» (*bei ueberwiegendem Proletariat*, S. 21).

Этот довод Каутского настолько забавен, что, поистине, испытываешь настоящее *embarras des richesses* (затруднение от обилия возражений). Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан¹⁹⁷), что, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. При чем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции, то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»?

Право же, видно, что Каутский пишет в такой стране, в которой полиция запрещает людям «скопом» смеяться, иначе Каутский был бы убит смехом.

В-третьих. Позволю себе почтительно напомнить наизусть знающему Маркса и Энгельса господину Каутскому и следующую оценку Коммуны Энгельсом с точки зрения... «чистой демократии»:

«Видали ли когда-нибудь революцию эти господа (антиавторитаристы)? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет воору-

женного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»

Вот вам и «чистая демократия»! Как бы осмелел Энгельс того пошлого мещанина, «социал-демократа» (во французском смысле— 40-х годов ¹⁹⁹) и в общеевропейском— 1914— 1918 годов), который вздумал бы вообще говорить о «чистой демократии» в обществе, разделенном на классы!

Но довольно. Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства.

Маркс и Энгельс подробнейшим образом анализировали Парижскую Коммуну, показали, что ее заслугой была попытка *разбить, сломать* «готовую государственную машину». Маркс и Энгельс этот вывод считали столь важным, что *только* эту поправку внесли в 1872 году к «устарелой» (частями) программе «Коммунистического Манифеста». Маркс и Энгельс показали, что Коммуна уничтожала армию и чиновничество, уничтожала *парламентаризм*, разрушала «паразитический нарост—государство» и т. д., а премудрый Каутский, надев ночной колпак, повторяет то, что тысячу раз говорили либеральные профессора,—сказки про «чистую демократию».

Недаром сказала Роза Люксембург ¹⁹⁹) 4 августа 1914 г. ²⁰⁰), что немецкая социал-демократия теперь есть *смердящий труп*.

Увертка третья: «Если мы говорим о диктатуре, как форме правления, то мы не можем говорить о диктатуре класса. Ибо класс, как мы уже заметили, может только господствовать, но не управлять»... Управляют же «организации» или «партии».

Путаете, безбожно путаете, господин «путаницы советник»! Диктатура не есть «форма правления», это смешной вздор. И Маркс говорит не о форме правления, а о форме или типе *государства*. Это совсем не то, совсем не то. Совершенно неверно также, что не может управлять *класс*; такой вздор мог сказать только «парламентский кретин», ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме «правлящих партий». Любая европейская страна покажет Каутскому примеры управления ее господствующим *классом*, напр., помещиками в средние века, несмотря на их недостаточную организованность.

Итог: Каутский извратил самым неслыханным образом понятие диктатуры пролетариата, превратив Маркса в дюжинного либерала, т.-е. докатился сам до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии», прикрашивая и затушевывая классовое

содержание *буржуазной* демократии, чуждаясь всего более *революционного насилия* со стороны угнетенного класса. Когда Каутский «истолковал» понятие «революционной диктатуры пролетариата» таким образом, что исчезло революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями, то в деле либерального искажения Маркса был побит всемирный рекорд. Ренегат Бернштейн оказался щенком по сравнению с ренегатом Каутским.

Буржуазная и пролетарская демократия.

Вопрос, безбожно запутанный Каутским, представляется на деле в таком виде.

Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные *классы*, а можно говорить только о *классовой* демократии. (В скобках сказать, «чистая демократия» есть не только *невежественная фраза*, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демократия будет, перерождаясь и превращаясь в привычку, *отмирать*, но никогда не будет «чистой демократией».)

«Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, сменяющую средневековье, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной.

Если Каутский чуть не десятки страниц посвящает «доказательству» той истины, что буржуазная демократия прогрессивна по сравнению с средневековьем и что ее обязательно должен использовать пролетариат в своей борьбе против буржуазии, то это именно либеральная болтовня, одурачивающая рабочих. Не только в образованной Германии, но и в необразованной России это—труизм. Каутский просто пускает «ученый» песок в глаза рабочим, рассказывает с важным видом и о Вейтлинге ²⁰¹⁾, и об иезуитах в Парагвае, и о многом прочем, чтобы *обойти* буржуазную сущность современной, т.-е. *капиталистической, демократии*.

Каутский берет из марксизма то, что приемлемо для либералов, для буржуазии (критика средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма вообще и капиталистической демократии—в частности), и выкидывает, замалчивает, затушевывает в марксизме то, что *неприемлемо* для буржуазии (революционное насилие пролетариата против буржуазии для ее уничтожения). Вот почему Каутский и оказывается неизбежно, в силу его объективного положения

и какова бы ни была его субъективная убежденность, лакеем буржуазии.

Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остаеся—и при капитализме не может не оставаться—узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных. Вот этой истины, составляющей существеннейшую составную часть марксистского учения, «марксист» Каутский не понял. Вот в этом—коренном—вопросе Каутский преподносит «приятности» для буржуазии вместо научной критики тех условий, которые делают всякую буржуазную демократию демократией для богатых.

Напомним сначала ученойшему господину Каутскому те теоретические заявления Маркса и Энгельса, которые наш начетчик позорно «забыл» (в угоду буржуазии), а потом поясним дело наиболее популярно. Не только древнее и феодальное, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» (Энгельс в его сочинении о государстве). «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» (Энгельс в письме к Бебелю от 28 III 1875). «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» (Энгельс в предисловии к «Гражданской войне» Маркса). «Всеобщее избирательное право есть показатель зрелости рабочего класса. *Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве*» (Энгельс в его соч. о государстве). Господин Каутский разжевывает необычайно скучно первую часть этого положения, приемлемую для буржуазии. Вторую же, которую мы подчеркнули и которая для буржуазии неприемлема, регенат Каутский замалчивает. «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы... Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подвлять (*ver-und zertreten*) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному

в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому работодателю» (Маркс в соч. о Парижской Коммуне «Гражд. война во Франции»).

Каждое из этих положений, прекрасно известных ученойшему господину Каутскому, бьет ему в лицо, избличает все его ренегатство. Во всей брошюре Каутского нет ни капли понимания этих истин. Все содержание его брошюры есть издевательство над марксизмом.

Возьмите основные законы современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите равенство «граждан перед законом»,—и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка»,—на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски. Каутский бесстыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, напр., то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих.

О, мудрый и ученый Каутский об этом молчит! Он не понимает, этот ученый политический деятель, что молчание об этом есть подлость. Он предпочитает рассказывать рабочим детские сказки вроде того, что демократия означает «охрану меньшинства». Невероятно, но факт! В лето 1918 от рождества Христова, на пятом году всемирной империалистской бойни и удушения интернационалистических (т.-е. не предавших подло социализма, как Ренодели и Лонге, как Шейдеманы и Каутские, как Хендерсоны и Уэббы и т. п.) меньшинств во всех «демократиях мира», господин ученый Каутский сладеньким, сладеньким голосом воспекает «охрану меньшинства». Кто желает, может прочесть это на стр. 15 брошюры Каутского. А на стр. 16 сей ученый индивид расскажет вам о вигах и тори в XVIII веке в Англии.

О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Если бы я был Крупном ²⁰²⁾, или Шейдеманом, или Клемансо ²⁰³⁾, или Реноделем, я бы стал платить господину Каутскому миллионы, награждать его поцелуями Иуды, расхваливать его перед рабочими, рекомендовать «единство социализма» со столь «почтенными» людьми, как Каутский. Писать брошюры против диктатуры пролетариата, рассказывать о вигах и тори ²⁰⁴⁾ в XVIII веке в Ан-

глии, уверять, что демократия означает «охрану меньшинства», и умалчивать о *погромах* против интернационалистов в «демократической» республике—Америке,—разве это не лакейские услуги буржуазии?

Ученый господин Каутский «забыл», вероятно, случайно забыл... «мелочь»—именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой *буржуазной партии*, пролетариату же при всяком *серьезном, глубоком, коренном* вопросе вместо «охраны меньшинства» достаются военные положения или погромы. *Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне.* Этот «закон» буржуазной демократии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса ¹⁸⁷⁾ в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии ²⁰⁵⁾, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле 1917 г. в демократической республике Российской. Я нарочно беру примеры не только из времени войны, но также из довоенного, мирного времени. Слащавому господину Каутскому угодно закрыть глаза на эти факты XX века и зато рассказать рабочим удивительно новые, замечательно интересные, необыкновенные, поучительные, невероятно важные вещи про вигов и тори в XVIII веке.

Возьмите буржуазный парламент. Можно ли допустить, что ученый Каутский никогда не слышал о том, как биржа и банкиры *тем больше* подчиняют себе буржуазные парламенты, *чем сильнее* развита демократия? Из этого не следует, что не надо использовать буржуазный парламентаризм (и большевики так успешно использовали его, как едва ли другая партия в мире, ибо в 1912—1914 годах мы завоевали всю рабочую курию в 4-й Думе ²⁰⁶⁾). Но из этого следует, что только либерал может забывать *историческую ограниченность и условность* буржуазного парламентаризма, как забывает об этом Каутский. На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречаются угнетенные массы вопиющее противоречие между *формальным* равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и ухищрений, делающих пролетариев *наемными рабами*. Именно это противоречие раскрывает глаза массам на гниль, лживость, лицемерие капитализма. Именно это противоречие разоблачают постоянно агитаторы и пропагандисты социализма перед массами, *чтобы приготовить их к революции!* А когда началась эра революций, тогда Каутский по-

вернулся задом к ней и стал воспевать прелести умирающей буржуазной демократии.

Прометарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся. Написать целую книжку о демократии, как это сделал Каутский, говорящий на двух страничках о диктатуре и на десятках страниц о «чистой демократии»,—и не заметить этого. Это значит по-либеральному извратить дело совершенно.

Возьмите внешнюю политику. Ни в одной, самой демократической, буржуазной стране она не делается открыто. Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке и Англии во сто раз шире и утонченнее, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики. Каутский этого не заметил, он об этом молчит, хотя в эпоху грабительских войн и тайных договоров о «разделе сфер влияния» (т.-е. о разделе мира разбойниками-капиталистами) это имеет кардинальное значение, ибо от этого зависит вопрос о мире, вопрос о жизни и смерти десятков миллионов людей.

Возьмите устройство государства. Каутский хватается за «мелочь»—вплоть до того, что выборы «непрямые» (в советской конституции), но сути дела не видит. *Классовой* сущности государственного аппарата, государственной машины он не замечает. В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок—тем более искусных и верно действующих, чем развитее «чистая» демократия,—*отталкивают* массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д. Советская власть *первая* в мире (строго говоря—вторая, ибо то же самое начала делать Парижская Коммуна) *привлекает* массы, именно *эксплуатируемые* массы, к управлению. Участие в буржуазном парламенте (который *никогда* не решают серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решают биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загорожек, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент—*чужое* учреждение, *орудие угнетения* пролетариев буржуазией, учреждение враждебного класса, эксплуататорского меньшинства.

Советы—непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, *облегчающая* им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно. Именно авангард трудящихся и эксплуатируемых, городской пролетариат, получает то преимущество при этом, что он наилучше объединен *крупными* предприятиями; ему всего легче выбирать и следить за вы-

борами. Автоматически советская организация *облегчает* объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг их авангарда, пролетариата. Старый буржуазный аппарат—чиновничество, привилегии богатства, буржуазного образования, связей и проч. (эти фактические привилегии тем разнообразнее, чем развитее буржуазная демократия),—все это при советской организации отпадает. Свобода печати перестает быть лицемерием, ибо типография и бумага отбираются у буржуазии. То же самое с лучшими зданиями, дворцами, особняками, помещичьими домами. Советская власть многие и многие тысячи этих лучших зданий отняла сразу у эксплуататоров и таким образом сделала в миллион раз более «демократичным» право собраний для масс,—то право собраний, без которого демократия есть обман. Непрямые выборы в нелокальные, неместные советы облегчают съезды советов, делают *весь* аппарат дешевле, подвижнее, доступнее для рабочих и для крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требуется особенно быстро иметь возможность отозвать своего местного депутата или послать его на общий съезд советов.

Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек, совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за тьмы пыльных буржуазных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и тем превращающий себя, объективно, в лакея буржуазии.

Не заметить этого мог только человек, который не способен *поставить вопроса* с точки зрения *угнетенных* классов.

Есть ли хоть одна страна в мире, из числа наиболее демократических буржуазных стран, в которой *средний, массовый* рабочий, *средний массовый батрак* или деревенский полупролетарий вообще (т.-е. представитель угнетенной массы, громадного большинства населения) пользовался хоть приблизительно такой *свободой* устраивать собрания в лучших зданиях, такой *свободой* иметь для выражения своих идей, для защиты своих интересов, крупнейшие типографии и лучшие склады бумаги, такой *свободой* выдвигать именно людей своего класса на управление государством и на «устройство» государства, как в советской России?

Смешно и думать, чтобы господин Каутский нашел в любой стране хоть одного из тысячи осведомленных рабочих и батраков, которые усомнились бы в ответе на этот вопрос. Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира

сочувствуют советской республике именно потому, что видят в ней *пролетарскую демократию, демократию для бедных*, а не демократию для богатых, каковой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия.

Нами управляют (и наше государство «устраивают») буржуазные чиновники, буржуазные парламентарии, буржуазные судьи. Вот—простая, очевидная, бесспорная истина, которую знают по своему жизненному опыту, которую чувствуют и осязают ежедневно десятки и сотни миллионов людей из угнетенных классов во всех буржуазных странах, в том числе и самых демократических.

А в России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам: *их* советами заменили чиновников, или *их* советы поставили над чиновниками, *их* советы сделали избирателями судей. Одного этого факта достаточно, чтобы все угнетенные классы признали Советскую власть, т.-е. данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Каутский не понимает этой для всякого рабочего понятной и очевидной истины, ибо он «забыл», «разучился» ставить вопрос: *демократия для какого класса?* Он рассуждает с точки зрения «чистой» (т.-е. бесклассовой? или вне классовой?) демократии. Он аргументирует как Шейлок: «фунт мяса», больше ничего. Равенство всех граждан—иначе нет демократии.

Приходится ученому Каутскому, «марксисту» и «социалисту» Каутскому поставить вопрос:

Может ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?

Это чудовищно, это невероятно, что приходится ставить такой вопрос при обсуждении книги идейного вождя II Интернационала. Но «взялся за гуж, не говори, что не дюж». Взялся писать о Каутском,—разъясняя ученому человеку, почему не может быть равенства эксплуататора с эксплуатируемым.

Может ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?

Каутский рассуждает следующим образом:

1) «Эксплуататоры составляли всегда лишь небольшое меньшинство населения» (стр. 14 книжки Каутского).

Это бесспорная истина. Как следует рассуждать, исходя из этой истины? Можно рассуждать по-марксистски, социалистически; тогда надо взять за основу отношение эксплуатируемых к эксплуататорам. Можно рассуждать по-либеральному, буржуазно-демократически; тогда надо взять за основу отношение большинства к меньшинству.

Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идет о демократии, т.-е. об одной из форм государства) в орудие господства своего класса эксплуататоров—над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизменно будет демократией для эксплуататоров. Государство эксплуатируемых должно коренным образом отличаться от такого государства, должно быть демократией для эксплуатируемых и *подавлением эксплуататоров*, а подавление класса означает неравенство этого класса, изъятие его из «демократии».

Если рассуждать по-либеральному, то придется сказать: большинство решает, меньшинство повинует. Неповинующих наказывают. Вот и все. Ни о каком классовом характере государства вообще, «чистой демократии» в частности, рассуждать не к чему; к делу это не относится, ибо большинство есть большинство, а меньшинство есть меньшинство. Фунт мяса есть фунт мяса, и баста.

Каутский рассуждает именно так:

2) «По каким бы причинам надо было господству пролетариата принимать и необходимо принимать такую форму, которая несовместима с демократией?» (стр. 21). Следует пояснение того, что пролетариат имеет на своей стороне большинство, пояснение весьма обстоятельное и весьма многословное, и с цитатой из Маркса, и с цифрами голосов в Парижской Коммуне. Вывод: «Режим, который так сильно коренится в массах, не имеет ни малейшего повода посягать на демократию. Он не всегда сможет обойтись без насилия, в тех случаях, когда насилие пускается в ход, чтобы подавить демократию. На насилие можно отвечать только насилием. Но режим, который знает, что за ним массы, будет применять насилие лишь для того, чтобы *охранять* демократию, а не для того, чтобы *уничтожить* ее. Он совершил бы прямо-таки самоубийство, если бы захотел устранить свою самую надежную основу—всеобщее избирательное право, глубокий источник могучего морального авторитета» (стр. 22).

Вы видите: отношение эксплуатируемых к эксплуататорам из аргументации Каутского исчезло. Осталось только большинство вообще, меньшинство вообще, демократия вообще, уже знакомая нам «чистая демократия».

Заметьте, что это говорится *в связи с Парижской Коммуной!* Приведем же для наглядности, как Маркс и Энгельс говорили о диктатуре *в связи с Коммуной*:

Маркс: «Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру,... чтобы сломить сопротивление буржуазии... рабочие придают государству революционную и преходящую форму»...

Энгельс: «Победившая» (в революции) «партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»

Он же: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»...

Между Каутским и Марксом с Энгельсом расстояние, как небо от земли, как между либералом и пролетарским революционером. Чистая демократия и просто «демократия», о которой говорит Каутский, есть лишь пересказ того же самого «свободного народного государства», т.-е. чистая бессмыслица. Каутский с ученостью ученойшего кабинетного дурака или с невинностью десятилетней девочки вопрошает: зачем бы это нужна была диктатура, ежели есть большинство? А Маркс и Энгельс разъясняют:

- Затем, чтобы сломить сопротивление буржуазии.
- Затем, чтобы внушить реакционерам страх.
- Затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии.
- Затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников.

Каутский этих разъяснений не понимает. Влюбленный в «чистоту» демократии, не видящий ее буржуазности, он «последовательно» стоит на том, что большинству, раз оно большинство, не нужно «ломать сопротивления» меньшинства, не нужно «насильственно подавлять» его,—достаточно подавлять *случай* нарушения демократии.

Влюбленный в «чистоту» демократии, Каутский *нечаянно* совершает ту самую маленькую ошибку, которую всегда делают все буржуазные демократы: именно, он формальное равенство (насквозь лживое и лицемерное при капитализме) принимает за фактическое! Мелочь!

Эксплоататор не может быть равен эксплуатируемому.

Эта истина, как она ни неприятна Каутскому, составляет существеннейшее содержание социализма.

Другая истина: действительного, фактического равенства не может быть, пока совершенно не уничтожена всякая возможность эксплуатации одного класса другим.

Эксплоататоров можно разбить сразу, при удачном восстании в центре или возмущении войска. Но, за исключением разве совсем редких и особенных случаев, эксплуататоров нельзя уничтожить сразу. Нельзя сразу экспроприировать всех помещиков и капиталистов сколько-нибудь большой страны. Далее, одна экспроприация, как юридический или политический акт, далеко не решает дела, ибо нужно фактически *сместить* помещиков и капиталистов, фактически *заменить* их другим, рабочим, управлением фабриками и имениями. Не может быть равенства между эксплуататорами,—которые в течение долгих поколений выделялись и образованием, и условиями богатой жизни, и навыками,—и эксплуатируемыми, масса коих даже в самых передовых и наиболее демократических буржуазных республиках забита, темна, невежественна, запугана, разрозненна. Эксплоататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее.

Если эксплуататоры разбиты только в одной стране,—а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение,—то они остаются *все же сильнее* эксплуатируемых, ибо международные связи эксплуататоров громадны. Что часть эксплуатируемых из наименее развитых среднекрестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор *все* революции, Коммуна в том числе (ибо среди версальских войск, о чем «забыл» учнейший Каутский, были и пролетарии).

При таком положении вещей предполагать, что при сколько-нибудь глубокой и серьезной революции решает дело просто-напросто отношение большинства к меньшинству, есть величайшее тупоумие, есть самый глупенький предрассудок дюжинного либерала, есть *обман масс*, сокрытие от них заведомой исторической правды. Эта историческая правда состоит в том, что *правилом* является при всякой глубокой революции *долгое, упорное, отчаянное* сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми. Никогда — иначе как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского — эксплуататоры не подчиняются решению большинства эксплуатируемых, не испробовав в последней, отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества.

Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается в *попытки* реставрации. И после первого серьезного поражения свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь... как наши меньшевики и эс-эры.

И при таком положении вещей, в эпоху отчаянной, обостренной войны, когда историей ставятся на очередь дня вопросы о бытии или небытии вековых и тысячелетних привилегий, — толковать о большинстве и меньшинстве, о чистой демократии, о ненужности диктатуры, о равенстве эксплуататора с эксплуатируемым! Какая бездна тупоумия, какая пропасть филистерства нужна для этого!

Но десятилетия сравнительно «мирного» капитализма, 1871—1914 г.г., накопили в прилаживающихся к оппортунизму социалистических партиях авгиевы конюшни филистерства, узколобия, ренегатства...

Читатель заметил, вероятно, что Каутский в приведенной выше цитате из его книги говорит о посягательстве на всеобщее избира-

тельное право (называя его — в скобках будь замечено — глубоким источником могучего морального авторитета, тогда как Энгельс по поводу той же Парижской Коммуны и по поводу того же вопроса о диктатуре говорит об авторитете вооруженного народа против буржуазии; характерно сравнить взгляд филистера и революционера на «авторитет»...).

Надо заметить, что вопрос о лишении эксплуататоров избирательного права есть *чисто-русский* вопрос, а не вопрос о диктатуре пролетариата вообще. Если бы Каутский, не лицемера, озаглавил свою брошюру: «Против большевиков», тогда это заглавие соответствовало бы содержанию брошюры и тогда Каутский имел бы право говорить прямо об избирательном праве. Но Каутский захотел выступить прежде всего, как «теоретик». Он озаглавил свою брошюру: «Диктатура пролетариата» *вообще*. Он говорит о советах и о России специально лишь во второй части брошюры, начиная с 6-го параграфа ее. В первой же части (из которой мною и взята цитата) речь идет о *демократии и диктатуре вообще*. Заговорив об избирательном праве, Каутский *выдал себя*, как полемиста против большевиков, *ни в грош не ставящего теорию*. Ибо теория, т.-е. рассуждение об общих (а не национально-особых) классовых основах демократии и диктатуры, должна говорить не о специальном вопросе вроде избирательного права, а об общем вопросе: может ли быть демократия *сохранена и для богатых и для эксплуататоров* в исторический период свержения эксплуататоров и замены их государства государством эксплуатируемых?

Так и только так может ставить вопрос теоретик.

Мы знаем пример Коммуны, мы знаем все рассуждения основателей марксизма в связи с нею и по поводу нее. На основании этого материала, я разбирал, например, вопрос о демократии и диктатуре в своей брошюре «Государство и революция» *), написанной до октябрьского переворота. Об ограничении избирательного права я *не говорил ни слова*. И теперь надо сказать, что вопрос об ограничении избирательного права есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая *особые условия* русской революции, *особый путь* ее развития. В дальнейшем изложении это и будет сделано. Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии. Это может быть так. После войны

*) См. Собран. сочин., том. XIV, ч. 2, стр. 295—396.

и после опыта русской революции это, вероятно, **будет так, но это необязательно** для осуществления диктатуры, это не составляет *необходимого признака* логического понятия диктатуры, это не входит *необходимым условием* в историческое и классовое понятие диктатуры.

Необходимым признаком, обязательным условием диктатуры является *насильственное* подавление эксплуататоров, как класса, и, следовательно, *нарушение* «чистой демократии», т.-е. равенства и свободы, *по отношению к этому классу*.

Так и только так может быть поставлен вопрос теоретически. И Каутский тем, что он не поставил так вопроса, доказал, что выступает против большевиков не как теоретик, а как сикофант оппортунистов и буржуазии.

В каких странах, при каких национальных особенностях того или иного капитализма будет применено (исключительно или преимущественно) то или иное ограничение, нарушение демократии для эксплуататоров,—это вопрос о национальных особенностях того или иного капитализма, той или иной революции. Теоретически вопрос стоит иначе, он стоит так: возможна ли диктатура пролетариата *без нарушения демократии* по отношению к классу эксплуататоров?

Каутский именно этот, теоретически *единственно* важный и существенный, вопрос обошел. Каутский приводил всякие цитаты из Маркса и Энгельса, *кроме тех*, которые относятся к данному вопросу и которые приведены мной выше.

Каутский разговаривал обо всем, что угодно, обо всем, что приемлемо для либералов и буржуазных демократов, что не выходит из круга их идей,—кроме главного, кроме того, что пролетариат не может победить, *не сломив сопротивления буржуазии, не подавив насильственно своих противников*, и что там, где есть «насильственное подавление», где нет «свободы», *конечно, нет демократии*.

Этого Каутский не понял.

Перейдем к опыту русской революции и к тому расхождению между Совдепами и Учред. Собранием, которое (расхождение) привело к роспуску Учредилки и к лишению буржуазии избирательного права.

Советы не смеют превращаться в государственные организации.

Советы, это — русская форма пролетарской диктатуры. Если бы теоретик-марксист, пишущий работу о диктатуре пролетариата, действительно изучал это явление (а не повторял мелко-буржуазные

ламентации против диктатуры, как делает Каутский, перепевая меньшевистские мелодии), то такой теоретик дал бы общее определение диктатуры, а затем рассмотрел бы ее особую, национальную форму, советы, дал бы критику их, как одной из форм диктатуры пролетариата.

Понятно, что от Каутского, после его либеральной «обработки» учения Маркса о диктатуре, ждать чего-либо серьезного нельзя. Но в высшей степени характерно посмотреть, как же он подошел к вопросу о том, что такое советы, и как он справился с этим вопросом.

«Советы,—пишет он, вспоминая их возникновение в 1905 году,—создали такую форму пролетарской организации, которая была наиболее всеобъемлющей (umfassendste) из всех, ибо она обнимала всех наемных рабочих» (стр. 31). В 1905 году они были только местными корпорациями, в 1917 г. стали всероссийским объединением.

«Уже теперь,—продолжает Каутский,—советская организация имеет за собой великую и славную историю. А предстоит ей еще более могучая и притом не только в одной России. Везде оказывается, что против гигантских сил, которыми распоряжается в экономическом и политическом отношениях финансовый капитал, недостаточны» (versagen — это немецкое выражение немножко сильнее, чем «недостаточны», и немножко слабее, чем «бессильны») «прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата. От них нельзя отказаться, они остаются необходимыми для нормальных времен, но от времени до времени перед ними встают такие задачи, выполнить которые они не в силах, такие задачи, когда успех обещает только соединение всех политических и экономических орудий силы рабочего класса» (стр. 32).

Следует рассуждение о массовой стачке и о том, что «бюрократия профессиональных союзов», столь же необходимая, как профессиональные союзы, «не годится, чтобы руководить такими могучими массовыми битвами, которые все более становятся знаменем времени»...

«... Таким образом,—заключает Каутский,—советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу.

«Но вправе ли мы требовать от советов еще большего? Большевики, которые после ноябрьской (по новому стилю, т.-е., по нашему, октябрьской) революции 1917 года приобрели вместе с левыми социалистами-революционерами большинство в русских Советах Рабочих Депутатов, перешли после разгона Учредительного Собрания

к тому, чтобы из Совета, который был до тех пор *боевой организацией* одного класса, сделать *государственную организацию*. Они уничтожили демократию, которую русский народ завоевал в мартовской (по новому стилю, по-нашему, в февральской) революции. Соответственно этому, большевики перестали называть себя *социл-демократами*. Они называют себя *коммунистами*» (стр. 33, курсив Каутского).

Кто знает русскую меньшевистскую литературу, тот сразу видит, как рабски переписывает Каутский Мартова¹⁰⁹⁾, Аксельрода²⁰⁷⁾, Штейна²⁰⁸⁾ и К⁰. Именно «рабски», ибо Каутский до смешного искажает факты в угоду меньшевистским предрассудкам. Каутский не позаботился, напр., справиться у своих информаторов, вроде берлинского Штейна или стокгольмского Аксельрода, *когда* подняты были вопросы о переименовании большевиков в коммунисты и о значении советов, как государственных организаций. Если бы Каутский навел эту простую справку, он не написал бы строк, вызывающих смех, ибо оба эти вопроса подняты были большевиками *в апреле 1917 года*, например, в моих «тезисах» 4 апреля 1917 года^{*}), т.-е. *задолго до* октябрьской революции 1917 года (не говоря уж о разгоне Учредилки 5 января 1918 года).

Но выписанное мною полностью рассуждение Каутского есть *звондь* всего вопроса о советах. Гвоздь именно в том, должны ли Советы стремиться к тому, чтобы стать государственными организациями (большевики с апреля 1917 года выдвинули лозунг: «вся власть Советам», и на конференции партии большевиков в том же апреле 1917 года ^{**}) большевик изаявили, что не удовлетворяются буржуазной парламентарной республикой, а требуют рабоче-крестьянской республики типа Коммуны или типа Советов);—или Советы не должны стремиться к этому, не должны брать власти в руки, не должны становиться государственными организациями, а должны оставаться «боевыми организациями» одного «класса» (как выражался Мартов, благовидно прикрашивая своим невинным пожеланием тот факт, что советы были под меньшевистским руководством *орудием подчинения рабочих буржуазии*).

Каутский повторил рабски слова Мартова, взяв *обрывки* из теоретического спора большевиков с меньшевиками и перенеся эти обрывки, без критики и без смысла, на обще-теоретическую, обще-европейскую почву. Вышла такая каша, которая у каждого сознательного рус-

^{*}) См. XIV том, 1 часть, стр. 17 и след.

^{**}) Ее резолюции см. XIV том, часть 1, стр. 119—125, и часть 2, стр. 441—450.

ского рабочего, если бы он ознакомился с приведенным рассуждением Каутского, вызвала бы гомерический смех.

Таким же смехом будут встречать Каутского все европейские рабочие (кроме горстки закоренелых социал-империалистов), когда мы им объясним, в чем тут дело.

Каутский оказал Мартову медвежью услугу, доведя до абсурда, с необыкновенной наглядностью, ошибку Мартова. В самом деле, посмотрите, что вышло у Каутского.

Советы обнимают всех наемных рабочих. Против финансового капитала прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата недостаточны. Советам предстоит великая роль не только в России. Они сыграют решающую роль в великих решающих битвах между капиталом и трудом в Европе. Так говорит Каутский.

Прекрасно. «Решающие битвы между капиталом и трудом», не решают ли они вопроса в том, какой из этих классов завладеет государственной властью?

Ничего подобного. Боже упаси!

В «решающих» битвах союзы, охватывающие всех наемных рабочих, *не должны становиться государственной организацией!*

А что такое государство?

Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Итак, угнетенный класс, авангард всех трудящихся и эксплуатируемых в современном обществе, должен стремиться к «решающим битвам между капиталом и трудом», но *не должен трогать* той машины, посредством которой капиталом подавляется труд!—*Не должен ломать* этой машины!—*Не должен* своей всеобъемлющей организации *использовать для подавления эксплуататоров!*

Великолепно, превосходно, господин Каутский! «Мы» признаем классовую борьбу,—как ее признают все либералы, т.-е. без низвержения буржуазии...

Вот где полный разрыв Каутского и с марксизмом, и с социализмом становится явным. Это—переход фактически на сторону буржуазии, которая готова допустить все, что угодно, кроме превращения организаций угнетенного ею класса в государственные организации. Здесь уже Каутскому никак не спасти своей, все примиряющей, от всех глубоких противоречий отделивающейся фразой, позиции.

Либо Каутский отказывается от всякого перехода государственной власти в руки рабочего класса, либо он допускает, чтобы рабочий класс брал в руки старую, буржуазную государственную ма-

шину, но никоим образом не допускает, чтобы он сломал, разбил ее, заменив новою, пролетарскою. Так или этак «толковать» и «разъяснять» рассуждение Каутского,— в обоих случаях разрыв с марксизмом и переход на сторону буржуазии очевиден.

Еще в «Коммунистическом Манифесте», говоря о том, какое государство нужно победившему рабочему классу, Маркс писал: «Государство, т.-е. организованный, как господствующий класс, пролетариат». Теперь является человек с претензией, что он продолжает быть марксистом, и заявляет, что организованный поголовно и ведущий «решающую борьбу» с капиталом, пролетариат *не должен* делать своей классовой организации государственною. «Суеверная вера в государство», про которую Энгельс в 1891 году писал, что она «перешла в Германии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих»,— вот что обнаружил здесь Каутский.— Боритесь, рабочие,— «соглашается» наш филистер (на это «согласен» и буржуа, раз рабочие все равно борются, и приходится думать лишь о том, как сломать острие их меча),— боритесь, но *не смейте побеждать!* Не разрушайте государственной машины буржуазии, не ставьте на место буржуазной «государственной организации» пролетарскую «государственную организацию»!

Кто всерьез разделял марксистский взгляд, что государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, кто сколько-нибудь вдумался в эту истину, тот никогда не мог бы договориться до такой бессмыслицы, что пролетарские организации, способные победить финансовый капитал, не должны превращаться в государственные организации. Именно в этом пункте и сказался мелкий буржуа, для которого государство «все же таки» есть нечто внеклассовое, или надклассовое. Почему бы, в самом деле, позволено было пролетариату, «*одному классу*», вести решающую войну с *капиталом*, который господствует не только над пролетариатом, но над всем народом, над всей мелкой буржуазией, над всем крестьянством,— но не позволено было пролетариату, «*одному классу*», превращать свою организацию в государственную? Потому что мелкий буржуа *боится* классовой борьбы и не доводит ее до конца, до *самого главного*.

Каутский запутался совершенно и выдал себя с головой. Забудьте, он признал сам, что Европа идет навстречу к решающим битвам между капиталом и трудом и что прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата недостаточны. А эти методы как раз и состоят в использовании *буржуазной демократии*. Следовательно?..

Каутский побоялся подумать, что из этого следует.

...Следовательно, только реакционер, враг рабочего класса, прислужник буржуазии, может размалевывать теперь прелести буржуазной демократии и болтать о чистой демократии, поворачиваясь лицом к отжившему прошлому. Буржуазная демократия *была* прогрессивна по отношению к средневековью, и использовать ее надо было. Но теперь она *недостаточна* для рабочего класса. Теперь надо смотреть не назад, а вперед, к замене буржуазной демократии *пролетарскою*. И если подготовительная работа к пролетарской революции, обучение и формирование пролетарской армии были возможны (и необходимы) *в рамках* буржуазно-демократического государства, то, раз дошло дело до «решающих битв», ограничивать пролетариат этими рамками — значит быть изменником пролетарского дела, значит быть ренегатом.

Каутский попал в особенно смешной просак, ибо повторил довод Мартова, *не заметив*, что у Мартова этот довод опирается на *другой* довод, которого у Каутского нет! Мартов говорит (а Каутский за ним повторяет), что Россия еще не созрела до социализма, из чего естественно вытекает: рано еще превращать Советы из органов борьбы в государственные организации (читай: своевременно обращать Советы, при помощи меньшевистских вождей, в органы *подчинения* рабочих империалистской буржуазии). Каутский же *не может* сказать прямо, что Европа не созрела до социализма. Каутский писал в 1909 году, когда он еще не был ренегатом, что *преждевременной* революции теперь бояться нельзя, что изменником был бы тот, кто из боязни поражения отказался бы от революции. Отречься *прямо* от этого Каутский не решается. И выходит такая бессмыслица, которая всю глупость и трусость мелкого буржуа разоблачает до конца: с одной стороны, Европа созрела для социализма и идет к решающим битвам труда с капиталом, а с другой стороны, *боевую организацию* (т.-е. складывающуюся, растущую, крепнущую в борьбе), — организацию пролетариата, авангарда и организатора, вождя угнетенных, *нельзя* превращать в государственную организацию!

* * *

В практически политическом отношении идея, что Советы необходимы, как боевая организация, но не должны превращаться в государственные организации, еще бесконечно более нелепа, чем в теоретическом. Даже в мирное время, когда нет налицо революционной ситуации, **массовая борьба рабочих с капиталистами, например,**

массовая стачка, вызывает страшное озлобление с обеих сторон, чрезвычайную страстность борьбы, постоянные ссылки буржуазии на то, что она остается и хочет оставаться «хозяином в доме» и т. п. А во время революции, когда политическая жизнь кипит, такая организация, как советы, охватывающая *всех* рабочих *всех* отраслей промышленности, затем *всех* солдат и все трудящееся и беднейшее сельское население, такая организация сама собою ходом борьбы, простой «логикой» натиска и отпора неизбежно приходит к постановке вопроса *ребром*. Попытка занять серединную позицию, «примирить» пролетариат и буржуазию, является тупоумием и терпит жалкий крах: так было в России с проповедью Мартова и других меньшевиков, так же неизбежно будет и в Германии и в других странах, если Советы разовьются сколько-нибудь широко, успеют объединиться и укрепиться. Сказать Советам: боритесь, но не берите сами в руки всей государственной власти, не становитесь государственными организациями — значит проповедывать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией. Смешно и думать о том, чтобы такая позиция в ожесточенной борьбе могла привести к чему-либо, кроме позорного краха. Сиденье между двух стульев — вечная судьба Каутского. Он делает вид, что ни в чем не согласен с оппортунистами в теории, а на самом деле он во всем существенном (т.-е. во всем, что относится к революции) согласен с ними на практике.

Учредительное собрание и Советская республика.

Вопрос об Учредительном Собрании и его разгоне большевиками — гвоздь всей брошюры Каутского. К этому вопросу он возвращается постоянно. Кивками на то, как большевики «уничтожили демократию» (см. выше в одной цитате из Каутского), переполнено все произведение идейного вождя II Интернационала. Вопрос, действительно, интересный и важный, ибо соотношение буржуазной и пролетарской демократии здесь предстало перед революцией *практически*. Посмотрим же, как рассматривает этот вопрос наш «теоретик-марксист».

Он цитирует «тезисы об Учредительном Собрании», которые были написаны мною и опубликованы в «Правде» 26 декабря 1917 *). Казалось бы, лучшего доказательства серьезного подступа к делу со стороны Каутского, с документами в руках, и ожидать нельзя.

*) См. стр. 46—49 настоящего тома.

Но взгляните, *как* цитирует Каутский. Он не говорит, что этих тезисов было девятнадцать, он не говорит, что в них был поставлен вопрос как о соотношении обычной буржуазной республики с Учредительным Собранием и Республики Советов, так и об истории расхождения в нашей революции Учредительного Собрания с диктатурой пролетариата. Каутский обходит все это и просто заявляет читателю, что «особенно важны из них (из этих тезисов) два»: один — что эсеры раскололись после выборов в Учредительное Собрание, но до его созыва (Каутский молчит о том, что это тезис пятый), другой — что республика советов вообще более высокая демократическая форма, чем Учредительное Собрание. (Каутский молчит о том, что это — тезис третий.)

И вот, только из этого третьего тезиса Каутский цитирует полностью частицу его, именно, следующее положение:

«Республика Советов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с *обычной*, буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный *) переход к социализму» (Каутский опускает слово «обычной» и вступительные слова тезиса: «для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата»).

Прочитав эти слова, Каутский с великолепной иронией восклицает:

«Жаль только, что к этому выводу пришли лишь после того, как оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании. Раньше никто не требовал его более бурно, чем Ленин».

Так сказано буквально на стр. 31 книги Каутского. Ведь это же перл! Только сикофант буржуазии мог представить дело так лживо; чтобы читатель получил впечатление, будто все разговоры большевиков о более высоком типе государства суть выдумка, появившаяся на свет *после* того, как большевики оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании!! Столь гнусную ложь мог только

*) Между прочим. Это выражение «наиболее безболезненный» переход Каутский цитирует многократно, покушаясь, очевидно, на иронию. Но так как это покушение с негодными средствами, то Каутский через несколько страниц совершает передержку и цитирует фальшиво: «безболезненный» переход. Конечно, такими средствами подsunуть противнику бессмыслицу не трудно. Передержка помогает также обойти довод по существу: наиболее безболезненный переход к социализму возможен лишь при поголовной организации бедноты (Советы) и при содействии центра государственной власти (пролетариата) такой организации.

сказать негодяй, продавшийся буржуазии, или, что совершенно одно и то же, доверившийся П. Аксельроду и скрывающий своих информаторов.

Ибо всем известно, что я в первый же день своего приезда в Россию, 4 апреля 1917 г., прочел публично тезисы, в которых заявил о превосходстве государства типа коммуны над буржуазной парламентарной республикой. Я заявлял это потом неоднократно в печати, например, в брошюре о политических партиях, которая была переведена на английский язык и появилась в Америке в январе 1918 года, в нью-йоркской газете «Evening Post». Мало того, конференция партии большевиков в конце апреля 1917 года ²⁰⁹⁾ приняла резолюцию о том, что пролетарско-крестьянская республика выше буржуазной парламентарной республики, что наша партия последнюю не удовлетворится, что программа партии должна быть соответственно изменена.

Как назвать после этого выходку Каутского, уверяющего немецких читателей, будто я бурно требовал созыва Учредительного Собрания, и лишь после того, как большевики остались в нем в меньшинстве, стал «умалывать» честь и достоинство Учредительного Собрания? Чем можно извинить такую выходку? *) Тем, что Каутский не знал фактов? Но тогда зачем было ему браться писать о них? Или почему бы не заявить честно, что я, Каутский, пишу на основании сведений от меньшевиков Штейна, П. Аксельрода и К^о? Каутский желает претензией на объективность прикрыть свою роль прислужника обиженных на свое поражение меньшевиков.

Однако это только цветочки. Ягодки впереди будут.

Допустим, что Каутский не пожелал или не мог (!!) получить от своих информаторов перевода большевистских резолюций и заявлений по вопросу о том, удовлетворяются ли они буржуазной парламентарной демократической республикой. Допустим даже это, хотя это и невероятно. Но ведь тезисы-то мои от 26 декабря 1917 г. Каутский *прямо упоминает* на стр. 30 своей книги.

Эти-то тезисы знает Каутский полностью, или из них он знает только то, что ему перевели Штейн, Аксельрод и К^о? Каутский цитирует *третий* тезис по *коренному* вопросу о том, создавали ли большевики до выборов в Учредительное Собрание и говорили ли они народу, что республика Советов выше буржуазной республики? Но Каутский *умалчивает* о *втором тезисе*.

*) Кстати сказать: подобной меньшевистской лжи очень много в брошюре Каутского. Это—памфлет озлобленного меньшевика.

А второй тезис гласит:

«Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная с.-демократия с самого начала революции 1917 года *неоднократно подчеркивала, что республика советов является более высокой формой демократизма, чем обычная, буржуазная республика с Учредительным Собранием*» (курсив мой).

Чтобы представить большевиков беспринципными людьми, «революционными оппортунистами» (это выражение, не помню в какой связи, употребляет где-то в своей книге Каутский), господин Каутский *скрыл от немецких читателей*, что в тезисах есть прямая ссылка на «неоднократные» заявления!!

Таковы те мелкие, мизерные и презренные приемы, которыми оперирует господин Каутский. От *теоретического* вопроса он таким образом увернулся.

Верно это или нет, что буржуазно-демократическая парламентарная республика стоит *ниже*, чем республика типа Коммуны или типа Советов? В этом гвоздь, а Каутский это обошел. Все то, что дал Маркс в анализе Парижской Коммуны, Каутский «забыл». Он «забыл» и письмо Энгельса к Бебелю ²¹⁰⁾ от 28 марта 1875 г., в котором особенно наглядно и вразумительно выражена та же мысль Маркса: «Коммуна не была уже государством в собственном смысле слова».

Вот вам самый выдающийся теоретик II Интернационала, который в специальной брошюре о «Диктатуре пролетариата», специально рассуждая о России, где прямо и неоднократно поставлен вопрос о форме государства более высокой, чем демократически-буржуазная республика, замалчивает этот вопрос. Чем же это отличается *на деле* от перехода на сторону буржуазии?

(Заметим в скобках, что и здесь Каутский плетется в хвосте русских меньшевиков. У них людей, знающих «все цитаты» из Маркса и Энгельса, сколько угодно, но ни один меньшевик с апреля 1917 г. до октября 1917 г. и с октября 1917 г. до октября 1918 г. *ни разу* не попробовал разобрать вопроса о государстве типа Коммуны. Плеханов тоже обошел этот вопрос. *Пришлось, верно, помолчать.*)

Само собою разумеется, что разговаривать о разгоне Учредительного Собрания с людьми, которые называют себя социалистами и марксистами, но на деле переходят к буржуазии по *главному* вопросу, по вопросу о государстве типа Коммуны, значило бы метать бисер перед свиньями. Достаточно будет напечатать в приложении к настоящей брошюре мои тезисы об Учредительном Собрании полностью. Из них читатель увидит, что вопрос был поставлен 26 декабря 1917 г. и теоретически, и исторически, и практически-политически.

Если Каутский, как теоретик, совершенно отрекся от марксизма, то он мог бы, как историк, рассмотреть вопрос о борьбе Советов с Учредительным Собранием. Мы знаем из многих работ Каутского, что он *умел* быть марксистским историком, что *такие* работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство, но по данному вопросу Каутский и как историк *отворачивается* от истины, игнорирует *общеизвестные* факты, поступает как сикофант. Ему *хочется* представить большевиков беспринципными, и он рассказывает, как пробовали большевики *смягчить* конфликт с Учредительным Собранием, прежде чем разогнать его. Решительно ничего дурного тут нет, отрекаться нам не от чего; тезисы я печатаю полностью, но в них сказано яснее ясного: господа колеблющиеся мелкие буржуа, заседавшие в Учредительном Собрании, либо миритесь с пролетарской диктатурой, либо мы вас «революционным путем» победим (тезисы 18 и 19).

Так всегда поступал и так всегда будет поступать действительно революционный пролетариат по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

Каутский стоит в вопросе об Учредительном Собрании на формальной точке зрения. В тезисах у меня сказано ясно и многократно, что интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания (см. тезисы 16 и 17). Формально-демократическая точка зрения и есть точка зрения *буржуазного* демократа, который не признает, что интерес пролетариата и пролетарской классовой борьбы стоит выше. Каутский, как историк, не мог бы не признать, что буржуазные парламенты являются органами того или иного класса. Но теперь Каутскому понадобилось (для грязного дела отречения от революции) забыть марксизм, и Каутский *не ставит вопроса*, органом какого *класса* было Учредительное Собрание в России. Каутский не разбирает конкретной обстановки, ему не хочется посмотреть на факты, он ни слова не говорит немецким читателям о том, что в тезисах дано не только теоретическое освещение вопроса об ограниченности буржуазной демократии (тезисы №№ 1—3), не только конкретные условия, определившие несоответствие партийных списков половины октября 1917 года с действительностью в декабре 1917 года (тезисы №№ 4—6), но и история классовой борьбы и гражданской войны в октябре—декабре 1917 года (тезисы №№ 7—15). Из этой конкретной истории мы сделали вывод (тезис № 14), что лозунг «вся власть Учредительному Собранию» стал *на деле* лозунгом кадетов и калядинцев и их пособников.

Историк Каутский этого не замечает. Историк Каутский никогда не слышал о том, что всеобщее избирательное право дает иногда мелкобуржуазные, иногда реакционные и контр-революционные парламенты. Историк-марксист Каутский не слышал о том, что одно дело — форма выборов, форма демократии, другое дело — классовое содержание данного учреждения. Этот вопрос о классовом содержании Учредительного Собрания прямо поставлен и разрешен в моих тезисах. Возможно, что мое разрешение неверно. Ничто не было бы для нас так желательно, как марксистская критика нашего анализа со стороны. Вместо того, чтобы писать совсем глупые фразы (их много у Каутского) насчет того, будто кто-то мешает критике большевизма, Каутскому следовало бы приступить к такой критике. Но в том-то и дело, что критики у него нет. Он даже и не ставит вопроса о классовом анализе советов, с одной стороны, и Учредительного Собрания, с другой.—И поэтому нет возможности спорить, дискутировать с Каутским, а остается только показать читателю, почему нельзя Каутского назвать иначе как ренегатом.

Расхождение Советов с Учредительным Собранием имеет свою историю, которую не мог бы обойти даже историк, не стоящий на точке зрения классовой борьбы. Каутский и этой фактической истории не пожелал коснуться. Каутский скрыл от немецких читателей тот общеизвестный факт (который теперь скрывают лишь злостные меньшевики), что Советы и при господстве меньшевиков, т.-е. с конца февраля до октября 1917 года, расходились с «общегосударственными» (т.-е. буржуазными) учреждениями. Каутский стоит, в сущности, на точке зрения примирения, согласования, сотрудничества пролетариата и буржуазии; как бы Каутский ни отрекался от этого, но такая его точка зрения есть факт, подтверждаемый всей брошюрой Каутского. Не надо было разгонять Учредительного Собрания, это и значит: не надо было доводить до конца борьбу с буржуазией, не надо было свертать ее, надо было примириться пролетариату с буржуазией.

Почему же Каутский умолчал о том, что меньшевики занимались этим мало почтенным делом с февраля по октябрь 1917 года и ничего не достигли? Если было возможно помирить буржуазию с пролетариатом, почему же при меньшевиках примирение не удалось, буржуазия держалась в стороне от Советов, Советы назывались (*меньшевиками*) «революционной демократией», а буржуазия — «цензовыми элементами»?

Каутский скрыл от немецких читателей, что именно меньшевики в «эпоху» (февраля—октября 1917 г.) своего господства называли Советы революционной демократией, тем самым признавая их превосходство над всеми прочими учреждениями. Только благодаря

сокрытию этого факта, у историка Каутского вышло так, что расхождение Советов с буржуазией не имеет своей истории, что оно явилось сразу, внезапно, беспричинно, в силу дурного поведения большевиков. А на деле как раз *более чем полугодовой* (для революции это громадный срок) *опыт* меньшевистского соглашательства, попыток примирения пролетариата с буржуазией и убедил народ в бесплодности этих попыток и оттолкнул пролетариат от меньшевиков.

Советы — прекрасная, имеющая великое будущее, боевая организация пролетариата, — признается Каутский. Раз так, вся позиция Каутского разваливается, как карточный домик или как мечтание мелкого буржуа о том, чтобы обойтись без острой борьбы пролетариата с буржуазией. Ибо вся революция есть сплошная и притом отчаянная борьба, а пролетариат есть передовой класс *всех* угнетенных, фокус и центр всех стремлений всех и всяких угнетенных к своему освобождению. Советы — органы борьбы угнетенных масс — естественно отражали и выражали настроение и перемену взглядов этих масс неизмеримо быстрее, полнее, вернее, чем какие бы то ни было другие учреждения (в этом, между прочим, один из источников того, почему советская демократия есть высший тип демократии).

Советы успели с 28 февраля (старого стиля) по 25 октября 1917 года создать два всероссийских съезда гигантского большинства населения России, всех рабочих и солдат, семи или восемью десятыми крестьянства, не считая массы местных уездных, городских, губернских и областных съездов. За это время буржуазия не успела создать ни одного учреждения, представляющего большинство (кроме явно поддельного, издательского, озлобившего пролетариат, «демократического совещания»). Учредительное Собрание отразило *то же* настроение масс, *ту же* политическую группировку, что первый (июньский) Всероссийский Съезд Советов ²¹¹). Ко времени созыва Учредительного Собрания (январь 1918 года) ³⁷) состоялись второй Съезд Советов (октябрь 1917 года) и третий (январь 1918 г.) ⁵⁰), при чем оба они *показали яснее ясного*, что массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков и эс-эров, перешли на сторону большевиков, *то-есть* отвернулись от мелко-буржуазного руководства, от иллюзий соглашения с буржуазией и перешли на сторону пролетарской революционной борьбы за свержение буржуазии.

Следовательно, одна уже *внешняя история* советов показывает неизбежность разгона Учредительного Собрания и *реакционность* его. Но Каутский твердо стоит на своем «лозунге»: пусть гибнет революция, пусть буржуазия торжествует над пролетариатом, лишь бы процветала «чистая демократия»! Fiat justitia, pereat mundus!

Вот краткие итоги Всероссийских Съездов Советов в истории русской революции:

Всеросс. Съезды Советов.	Число делегатов.	Из них большевиков.	% большевиков.
1-й (3 июня 1917 г.)	790	103	13%
2-й (25 октября 1917 г.)	675	343	51%
3-й (10 января 1918 г.)	710	434	61%
4-й (14 марта 1918 г.)	1.232	795	64%
5-й (4 июля 1918 г.)	1.164	773	66%

Достаточно взглянуть на эти цифры ²¹²⁾, чтобы понять, почему защита Учредительного Собрания или речи (вроде речей Каутского) о том, что большевики не имеют за собой большинства населения, встречаются у нас только смехом.

Советская конституция.

Как я уже указывал, лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо партии, а *выросла* сама собой в ходе борьбы. Историк Каутский этого, конечно, не заметил. Он не понял, что буржуазия, еще при господстве меньшевиков (соглашателей с буржуазией) в советах, сама отделила себя от советов, бойкотировала их, противопоставляла себя им, интриговала против них. Советы возникли без всякой конституции и *большие года* (с весны 1917 до лета 1918) жили без всякой конституции. Озлобление буржуазии против самостоятельной и всемогущей (ибо всех охватывающей) организации угнетенных, борьба — притом самая беззастенчивая, корыстная, грязная — борьба буржуазии против советов, наконец, явное участие буржуазии (от кадетов до правых эс-эров, от Милокова ¹⁴⁾ до Керенского) в корниловщине ³³⁾, — все это подготовило формальное исключение буржуазии из советов.

Каутский о корниловщине слышал, но он плюет величественно на исторические факты и ход, формы борьбы, определяющие формы диктатуры: при чем тут факты, в самом деле, раз речь идет о «чистой» демократии? «Критика» Каутского, направленная против отнятия избирательных прав у буржуазии, отличается поэтому такой... сладенькой наивностью, которая была бы умилительна если бы исходила

от ребенка, и которая вызывает отвращение, когда исходит от лица, официально еще не признанного слабоумным.

«...Если бы капиталисты при всеобщем избирательном праве оказались незначительным меньшинством, то они скорее бы помирились со своей судьбой» (33)... Неправда ли, мило? Умный Каутский много раз видал в истории и вообще прекрасно знает из наблюдения живой жизни таких помещиков и капиталистов, которые считаются с волей большинства угнетенных. Умный Каутский твердо стоит на точке зрения «оппозиции», т.-е. на точке зрения внутри-парламентской борьбы. Он так и пишет буквально — «оппозиция» (стр. 34 и мн. др.).

О, ученый историк и политик! Не мешало бы вам знать, что «оппозиция» есть понятие мирной и только парламентской борьбы, т.-е. понятие, соответствующее не-революционной ситуации, — понятие, соответствующее *отсутствию революции*. В революции речь идет о беспощадном враге в гражданской войне — никакие реакционные перемиады мелкого буржуа, боящегося такой войны, как боится ее Каутский, не изменят этого факта. Рассматривать с точки зрения «оппозиции» вопросы беспощадной гражданской войны, когда буржуазия идет на все преступления — пример версальцев и их сделки с Бисмарком — говорят кое-что для всякого человека, который относится к истории не как гоголевский Петрушка, — когда буржуазия призывает на помощь иностранные государства и интригует с ними против революции, — это комизм. Революционный пролетариат должен, подобно «путаницы советнику» Каутскому, одеть ночной колпак и рассматривать буржуазию, которая организует дутовские, красновские и чешские контр-революционные восстания, которая платит миллионы саботажникам, рассматривать ее, как легальную «оппозицию». О, глубокомыслие!

Каутского интересует исключительно формально-юридическая сторона дела, так что, читая его рассуждения о советской конституции, невольно вспоминаешь слова Бебеля: юристы, это — насквозь реакционные люди. «В действительности, — пишет Каутский, — капиталистов одних нельзя сделать бесправными. Кто такой капиталист в юридическом смысле? Имущий? Даже в такой далеко ушедшей по пути экономического прогресса стране, как Германия, пролетариат которой столь многочислен, учреждение советской республики сделало бы политически бесправными большие массы. В 1907 году в Германской империи число занятых промысловым трудом и их семей в трех больших группах — сельское хозяйство, промышленность и торговля — составляло около 35 миллионов в группе служащих и наемных рабочих, а в группе самостоятельных — 17 миллионов. Следовательно,

партия вполне может быть большинством среди наемных рабочих, но меньшинством в населении» (стр. 33).

Вот один из образчиков рассуждений Каутского. Ну, разве же это не контр-революционное хныканье буржуа? Почему вы всех «самостоятельных» зачислили в бесправных, господин Каутский, когда вы прекрасно знаете, что громаднейшее большинство русских крестьян наемных рабочих не держит, значит, прав не лишается? Разве это не фальсификация?

Почему вы, ученый экономист, не привели хорошо известных вам и имеющихся в той же немецкой статистике 1907 года данных о наемном труде в сельском хозяйстве по группам хозяйств? Почему вы не показали немецким рабочим, читателям вашей брошюры, этих данных, из коих было бы видно, *сколько эксплуататоров*, как немного эксплуататоров из всего числа «сельских хозяев» по немецкой статистике? Потому, что ваше ренегатство сделало вас простым сикофантом буржуазии.

Капиталист, видите ли,—неопределенное юридическое понятие, и Каутский на нескольких страницах громит «произвол» советской конституции. Английской буржуазии этот «серьезный ученый» позволяет веками вырабатывать и разрабатывать новую (для средневековья новую) буржуазную конституцию, а нам, рабочим и крестьянам России, сей представитель лакейской науки не дает никаких сроков. От нас он требует до буквочки разработанной конституции в несколько месяцев...

...«Произвол!» Подумайте только, какая бездна самого грязного лакейства перед буржуазией, самого тупого педантизма обнаруживается *таким* упреком. Когда насквозь буржуазные и большею частью реакционные юристы капиталистических стран в течение веков или десятилетий разрабатывали детальнейшие правила, написали десятки и сотни томов законов и разъяснений законов, *притесняющих* рабочего, связывающих по рукам и ногам *бедняка*, ставящих тысячи придирок и препон любому простому трудящемуся человеку из народа,—о, тогда буржуазные либералы и господин Каутский не видят тут «произвола»! Тут «порядок» и «законность»! Тут все обдуманно и прописано, как можно «дожать» бедняка. Тут есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников (про них Каутский вообще молчит, вероятно, именно потому, что Маркс придавал громадное значение *развитию* чиновничьей машины...),—адвокатов и чиновников, умеющих истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов. Это — не «произвол» буржуазии, это — не диктатура корыстных и грязных,

напившихся народной крови эксплуататоров, ничего подобного. Это — «чистая демократия», с каждым днем становящаяся все чище и чище.

А когда трудящиеся и эксплуатируемые классы, впервые в истории, отрезанные империалистической войной от своих зарубежных братьев, составили *свои* советы, призвали к политическому строительству *те* классы, которые буржуазия угнетала, забивала, отупляла, и стали *сами* строить *новое*, пролетарское государство, стали в пылу бешеной борьбы, в огне гражданской войны *намечать* основные положения о государстве *без эксплуататоров*, — тогда все мерзавцы буржуазии, вся банда кровопийцев, с их подпевалой, Каутским, завопили о «произволе»! Ну, где же, в самом деле, этим неучам — рабочим и крестьянам, этой «черни» суметь истолковать свои законы? Где же им взять чувство справедливости, им, простым трудящимся, не пользующимся советами образованных адвокатов, буржуазных писателей, Каутских и мудрых старых чиновников?

Из моей речи 28 апреля 1918 г. *) Каутский цитирует слова: ...«Массы сами определяют порядок и сроки выборов»... И «чистый демократ» Каутский умозаключает:

«... Следовательно, дело обстоит, повидимому, так, что каждое собрание избирателей по своему усмотрению определяет порядок выборов. Произвол и возможность отделаться от неудобных оппозиционных элементов внутри самого пролетариата были бы таким образом доведены до высшей степени» (стр. 37).

Ну, чем это отличается от речей чернильного кули, нанятого капиталистами, который вопит по поводу угнетения массою, при стачке, «желающих трудиться» прилежных рабочих? Почему чиновничье-буржуазное определение порядка выборов в «чистой» буржуазной демократии *не* есть произвол? Почему чувство справедливости *у масс, поднявшихся на борьбу* с их вековыми эксплуататорами, у масс, просвещаемых и закаляемых этой отчаянной борьбой, должно быть ниже, чем у *горсток* воспитанных в буржуазных предрассудках чиновников, интеллигентов, адвокатов?

Каутский — истинный социалист, не смейте заподозривать искренность этого почтеннейшего отца семейства, этого честнейшего гражданина. Он — горячий и убежденный сторонник победы рабочих, пролетарской революции. Он только желал бы, чтобы сладенькие интеллигентишки-мещане и филистеры в ночном колпаке *сначала, до движения*

*) Речь об «Очередных задачах Советской власти», см. стр. 179—232 настоящего тома.

масс, до их бешеной борьбы с эксплуататорами и непременно без гражданской войны, составили умеренный и аккуратный *устав развития революции...*

С глубоким нравственным возмущением наш ученийший Иудушка Головлев рассказывает немецким рабочим, что 14 июня 1918 г. Всероссийский ЦИК Советов постановил исключить из советов представителей партии правых эс-эров и меньшевиков. «Это мероприятие,— пишет Иудушка Каутский, весь горя от благородного негодования,— направляется не против определенных лиц, которые совершили определенные наказуемые действия... Конституция советской республики ни слова не говорит о неприкосновенности депутатов — членов советов. Не определенные лица, а определенные партии исключаются здесь из советов» (стр. 37).

Да, это в самом деле ужасно, это нестерпимое отступление от чистой демократии, по правилам которой будет делать революцию наш революционный Иудушка Каутский. Нам, русским большевикам, надо было сначала обещать неприкосновенность Савинковым ¹⁰⁶⁾ и К^о, Либердана ¹⁸²⁾ с Потресовыми ¹⁸²⁾ («активистам») ²¹³⁾ и К^о, потом написать уголовное уложение, объявляющее «наказуемым» участие в чехо-словацкой контр-революционной войне ¹³⁹⁾ или союз на Украине, или в Грузии с немецкими империалистами *против* рабочих своей страны, и *только потом*, на основании этого уголовного уложения, мы были бы вправе, согласно «чистой демократии», исключать из советов «определенных лиц». Само собой разумеется при этом, что чехословаки, получающие через Савинковых, Потресовых и Либерданов (или при помощи их агитации) деньги от англо-французских капиталистов, а равно Красновы ¹¹⁾, имеющие снаряды от немцев при помощи украинских и тифлиских меньшевиков, смирно сидели бы до тех самых пор, пока мы изготовили бы правильное уголовное уложение, и, как самые чистые демократы, ограничивались ролью «оппозиции»...

Не менее сильное нравственное негодование вызывает у Каутского то, что советская конституция отнимает избирательные права у тех, кто «держит наемных рабочих с целью прибыли». «Работник на дому или маленький хозяйчик,— пишет Каутский,— с одним подмастерьем может жить и чувствовать вполне по-пролетарски, а у него нет избирательного права» (стр. 36).

Какое отступление от «чистой демократии»! Какая несправедливость! До сих пор все марксисты полагали, и тысячи фактов подтверждали, что мелкие хозяйчики — самые бессовестные и прижимистые эксплуататоры наемных рабочих, но Иудушка Каутский берет, разумеется, не *класс* мелких хозяйчиков (и кто это выдумал вредную теорию

классовой борьбы?), а отдельных лиц, таких эксплуататоров, которые «живут и чувствуют вполне по-пролетарски». Знаменитая «бережливая Агнесса», которую считали давно умершей, воскресла под пером Каутского. Эту бережливую Агнессу выдумал и пустил в ход в немецкой литературе несколько десятилетий тому назад «чистый» демократ, буржуа Евгений Рихтер²¹⁴). Он пророчил несказанные беды от диктатуры пролетариата, от конфискации капитала у эксплуататоров, он вопрошал с невинным видом, кто такой капиталист в юридическом смысле? Он брал пример бедной бережливой швеи («бережливая Агнесса»), у которой злые «диктаторы пролетариата» отнимают ее последние гроши. Было время, когда вся немецкая социал-демократия потешалась над этой «бережливой Агнессой» чистого демократа Евгения Рихтера. Но это было давно, так давно, когда еще жил Бебель, говоривший открыто и прямо правду, что-де в нашей партии много национал-либералов; это было так давно, когда еще Каутский не был ренегатом.

Теперь «бережливая Агнесса» воскресла в лице «вполне по-пролетарски живущего и чувствующего мелкого хозяйчика с одним подмастерьем». Злые большевики обижают его, отнимают у него избирательное право. Правда, «всякое избирательное собрание», как говорит все тот же Каутский, может в Советской Республике пустить к себе связанного, допустим, с данным заводом бедного мастера, если он, в виде исключения, не эксплуататор, если он *на деле* «живет и чувствует вполне по-пролетарски». Но разве можно положиться на знание жизни, на чувство справедливости неупорядоченного и действующего (о, ужас!) без устава заводского собрания простых рабочих? Разве не ясно, что лучше дать избирательное право *всем* эксплуататорам, *всем* нанимающим наемных рабочих, чем рисковать возможностью, что рабочие обидят «бережливую Агнессу» и «по-пролетарски живущего и чувствующего мастера»?

* * *

Пусть презренные негодяи ренегатства, приветствуемые буржуазией и социал-шовинистами *), поносят нашу советскую конституцию за то, что она отнимает избирательное право у эксплуататоров.

*) Я только что прочел передовицу в «Франкфуртской Газете» (22 октября 1918, № 293), с восторгом пересказывающую брошюру Каутского. Газета биржевиков довольна. Еще бы! А товарищ из Берлина пишет мне, что «Форвертс», газета Шейдеманов, в специальной статье заявил, что подписывается почти под каждой строчкой Каутского. Поздравляем, поздравляем!

Это хорошо, ибо это ускорит и углубит раскол революционных рабочих Европы с Шейдеманами и Каутскими, Реноделями и Лонгэ, Хендерсонами и Рамсэями Макдональдами¹⁷⁹), со старыми вождями и старыми предателями социализма.

Массы угнетенных классов, сознательные и честные вожди из революционных пролетариев будут за нас. Достаточно ознакомить таких пролетариев и эти массы с нашей советской конституцией, и они скажут сразу: вот где настоящие *наши люди*, вот где настоящая рабочая партия, настоящее рабочее правительство. Ибо оно не обманывает рабочих болтовней о реформах, как *обманывали нас все названные вожди*, а борется всерьез с эксплуататорами, проводит всерьез революцию, борется *на деле* за полное освобождение рабочих.

Если эксплуататоры лишены избирательного права советами после годовой «практики» советов, *значит* эти советы суть действительно организации угнетенных масс, а не продавшихся буржуазии социал-империалистов и социал-пацифистов. *Если* эти советы отняли избирательное право у эксплуататоров, *значит* советы не органы мелко-буржуазного соглашательства с капиталистами, не органы парламентской болтовни (Каутских, Лонгэ и Макдональдов), а органы действительно революционного пролетариата, ведущего борьбу не на живот, а на смерть с эксплуататорами.

«Книжка Каутского здесь почти неизвестна», пишет мне из Берлина на-днях (сегодня—30 октября) хорошо осведомленный товарищ. Я бы посоветовал нашим послам в Германии и в Швейцарии не пожалеть тысяч на скупку этой книги и на *раздачу ее даром* сознательным рабочим, чтобы втоптать в грязь ту «европейскую»—читай: империалистическую и реформистскую—социал-демократию, которая давно стала «смердящим трупом».

* * *

В конце своей книги, на стр. 61 и 63, господин Каутский горько плачет по поводу того, что «новая теория» (как он называет большевизм, боясь прикоснуться к анализу Парижской Коммуны Марксом и Энгельсом) «находит сторонников даже в старых демократиях, как, наприм., Швейцария». «Непонятно» для Каутского, «если эту теорию принимают немецкие социал-демократы».

Нет, это вполне понятно, ибо революционным массам становятся противны после серьезных уроков войны и Шейдеманы, и Каутские.

«Мы» всегда были демократы,—пишет Каутский,—и вдруг «мы» же откажемся от нее!

«Мы», оппортунисты социал-демократии, всегда были против диктатуры пролетариата, и Кольбы с К^о открыто говорили это *давно*. Каутский знает это и напрасно думает, что он скроет от читателей очевидный факт своего «возвращения в лоно» Бернштейнов и Кольбов.

«Мы», революционные марксисты, никогда не делали себе божка из «чистой» (буржуазной) демократии. Плеханов в 1903 г. был, как известно, революционным марксистом (до его печального поворота, приведшего его к позиции русского Шейдемана). И Плеханов говорил тогда на съезде партии ²¹⁵⁾, принимавшем программу, что пролетариат в революции отнимет, при надобности, избирательное право у капиталистов, *разгонит какой угодно парламент*, если он окажется контр-революционным. Что именно такой взгляд единственно соответствует марксизму, это увидит всякий хотя бы из приведенных мною выше заявлений Маркса и Энгельса. Это, очевидно, вытекает из всех основ марксизма.

«Мы», революционные марксисты, не говорили народу таких речей, с которыми любили выступать каутскианцы всех наций, лакействуя перед буржуазией, подделываясь под буржуазный парламент, замалчивая *буржуазный* характер современной демократии и требуя только *ее* расширения, *ее* доведения до конца.

«Мы» говорили буржуазии: вы, эксплуататоры и лицемеры, говорите о демократии, в то же время ставя на каждом шагу тысячи препоны участию *угнетенных масс* в политике. Мы ловим вас на слове и требуем, в интересах этих масс, расширения *вашей* буржуазной демократии, *дабы приготовить массы к революции* для свержения вас, эксплуататоров. И если вы, эксплуататоры, попытаетесь оказать сопротивление нашей пролетарской революции, мы вас подавим беспощадно, мы вас сделаем бесправными, мало того — мы не дадим вам хлеба, ибо в нашей пролетарской республике эксплуататоры будут бесправны, будут лишены огня и воды, ибо мы всерьез, а не по-шейдемановски и не по-каутскиански — социалисты.

Вот как говорили и будем говорить «мы», революционные марксисты, и вот почему угнетенные массы будут за нас и с нами, а Шейдеман и Каутские будут в помойной яме ренегатов.

Что такое интернационализм?

Каутский убежденнейшим образом считает и называет себя интернационалистом. Шейдеманов он объявляет «правительственными социалистами». Защищая меньшевиков (Каутский не говорит прямо, что солидарен с ними, но целиком проводит их взгляды), Каутский

обнаружил замечательно наглядно, какого сорта его «интернационализм». А так как Каутский — не одиночка, а представитель течения, неизбежно выросшего в обстановке II Интернационала (Лонгэ во Франции, Турати ¹⁹⁰) в Италии, Нобс и Гримм ²¹⁶), Грабер и Нен в Швейцарии, Рамсэй Макдональд в Англии и т. п.), то остановиться на «интернационализме» Каутского поучительно.

Подчеркивая, что меньшевики тоже были в Диммервальде ¹²⁷) (диплом, несомненно, по... диплом подгнивший), Каутский следующим образом рисует взгляды меньшевиков, с которыми он согласен:

«...Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. До тех пор, пока это не достигнуто, русская армия должна была, по этому взгляду, стоять в боевой готовности. Большевики же требовали немедленного мира во что бы то ни стало, они готовы были, в случае необходимости, заключить сепаратный мир, они старались силой вынудить его, усиливая и без того уже большую дезорганизацию армии» (стр. 27). Большевики должны были, по мнению Каутского, не брать власти и довольствоваться учредилкой.

Итак, интернационализм Каутского и меньшевиков состоит вот в чем: от империалистического буржуазного правительства требовать реформ, но продолжать его поддерживать, продолжать поддерживать ведомую этим правительством войну, пока все воюющие не приняли лозунга: без аннексий и контрибуций. Такой взгляд выражали неоднократно и Турати, и каутскианцы (Гаазе ²¹⁷) и др.), и Лонгэ с К⁰, заявлявшие, что мы-де за «защиту отечества».

Теоретически, это — полное неумение отделиться от социал-шовинистов и полная путаница в вопросе о защите отечества. Политически, это — подмена интернационализма мещанским национализмом и переход на сторону реформизма, отречение от революции.

Признание «защиты отечества» есть оправдание, с точки зрения пролетариата, данной войны, признание ее законности. А так как война остается империалистской (и при монархии, и при республике)—независимо от того, где стоят неприятельские войска в данный момент, в моей или чужой стране,—то признание защиты отечества есть *на деле* поддержка империалистской, грабительской буржуазии, полная измена социализму. В России и при Керенском, в буржуазно-демократической республике, война продолжала оставаться империалистской, ибо ее вела буржуазия, как господствующий класс (а война есть «продолжение политики»); и особенно наглядным выражением империалистского характера войны были тайные договоры о дележе мира и грабеже чужих стран, заключенные бывшим царем с капиталистами Англии и Франции.

Меньшевики гнусно обманывали народ, называя такую войну оборонительной или революционной, и Каутский, одобряя политику меньшевиков, одобряет обман народа, одобряет роль мелких буржуа, услужавших капиталу надувательством рабочих, привязыванием их к колеснице империалистов. Каутский проводит типично мещанскую, филистерскую политику, воображая (и внушая массам вздорную мысль), будто *выставление лозунга* меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело в том, чтобы *проверить* их искренность, чтобы со словами сопоставить дела, чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской *фразой*, а доискиваться *классовой реальности*. Империалистская война не тогда перестает быть империалистской, когда шарлатаны, или фразеры, или мещане-филистеры выдвигают сладенький «лозунг», а лишь тогда, когда *класс*, ведущий империалистскую войну и связанный с ней миллионами экономических нитей (а то и канатов), оказывается на деле *свергнутым*, и когда его заменяет у власти действительно революционный класс, пролетариат. *Иначе из империалистской войны,— а равно из империалистского грабительского мира,—вырваться нельзя.*

Одобряя внешнюю политику меньшевиков, объявляя ее интернационалистской и циммервальдистской, Каутский, во-первых, показывает этим всю гнилость циммервальдского, оппортунистического, большинства (недаром мы, *левая Циммервальда*, сразу отгородились от такого большинства!), а во-вторых,—и это самое главное,—Каутский переходит с позиции пролетариата на позицию мелкой буржуазии, с позиции революционной на позицию реформистскую.

Пролетариат борется за революционное свержение империалистской буржуазии, мелкая буржуазия — за реформистское «усовершенствование» империализма, за приспособление к нему, при *подчинении* ему. Когда Каутский был еще марксистом, напр., в 1909 году, когда он писал «Путь к власти», он отстаивал именно идею о неизбежности *революции* в связи с войной, он говорил о приближении *эры революций*. Базельский манифест 1912 года прямо и определенно говорит о *пролетарской революции* в связи с той самой империалистской войной между германской и английской группами, которая в 1914 году и вспыхнула. И в 1918 году, когда революции в связи с войной начались, вместо того, чтобы разьяснять их неизбежность, вместо того, чтобы обдумывать и продумывать до конца *революционную* тактику, способы и приемы подготовки к революции, Каутский стал называть интернационализмом реформистскую тактику меньшевиков. Разве это не ренегатство?

Меньшеви́ков хвалит Каутский за то, что они настаивали на сохранении боевой готовности армии. Большевик он порицает за то, что они усиливали и без того уже большую «дезорганизацию армии». Это значит хвалить реформизм и подчинение империалистской буржуазии, порицать революцию, отречься от нее. Ибо сохранение боевой готовности означало и было при Керенском сохранение армии с *буржуазным* командованием (хотя бы и республиканским). Всем известно,—и ход событий наглядно подтвердил,—что эта республиканская армия сохраняла *корниловский* дух, благодаря корниловскому командному составу. Буржуазное офицерство не могло не быть корниловским, не могло не тяготеть к империализму, к насильственному подавлению пролетариата. Оставить по-старому все основы империалистской войны, все основы *буржуазной* диктатуры, починить мелочи, подкрасить пустячки («реформы»), — вот к чему сводилась *на деле* меньшевистская тактика.

И наоборот. Без «дезорганизации» армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закоряченный инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся. Рядом с армией контр-революция никогда не терпела, не могла терпеть вооруженных рабочих. Во Франции,—писал Энгельс,—после каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих». Вооруженные рабочие были зачатком *новой* армии, организационной ячейкой *нового* общественного строя. Раздавить эту ячейку, не дать ей вырасти — было первой заповедью буржуазии. Первой заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой. Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию («дезорганизация», — вопят по этому поводу реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция); иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне, новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса. Историк Каутский прежде понимал это. Ренегат Каутский забыл это.

Какое право имеет Каутский называть Шейдеманов «правительственными социалистами», если он одобряет тактику меньшевиков в русской революции? Меньшевики, поддерживая Керенского, вступая в его министерство, были правительственными социалистами точно так же. От этого вывода никак не увернется Каутский, если только попробует поставить вопрос о *господствующем классе*, ведущем империалистскую войну. Но Каутский избегает поставить вопрос о господствующем классе, вопрос, обязательный для марксиста, ибо одна постановка такого вопроса разоблачила бы ренегата.

Каутскианцы в Германии, лонгэтисты во Франции, Турати и К^о в Италии рассуждают так: социализм предполагает равенство и свободу наций, их самоопределение; *поэтому*, когда на нашу страну нападают, или когда неприятельские войска вторгнулись в нашу землю, социалисты вправе и обязаны защищать родину. Но это рассуждение есть, теоретически, либо сплошная издевка над социализмом, либо мошенническая увертка, а практически-политически это рассуждение совпадает с рассуждением совсем темного мужичка, который не умеет и подумать о социальном, классовом характере войны и о задачах революционной партии во время реакционной войны.

Социализм против насилия над нациями — это бесспорно. Но социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного насилия*. Значит, говорить о «насилии» вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой.

То же самое относится и к насилию над нациями. Всякая война состоит в насилии над нациями, но это не мешает социалистам быть *за* революционную войну. Классовый характер войны — вот основной вопрос, стоящий перед социалистом (если он не ренегат). Империалистская война 1914—1918 годов есть война между двумя группами империалистской буржуазии за дележ мира, за дележ добычи, за ограбление и удушение мелких и слабых наций. Такую оценку войны дал Базельский манифест ⁹⁰⁾ в 1912 году, такую оценку подтвердили факты. Кто сходит с этой точки зрения на войну, тот не социалист.

Если немец при Вильгельме или француз при Клемансо говорят: я вправе и обязан, как социалист, защищать родину, если неприятель вторгся в мою страну, то это рассуждение не социалиста, не интернационалиста, не революционного пролетария, а *мещанина-националиста*. Ибо в этом рассуждении исчезает классовая революционная

борьба рабочего против капитала, исчезает оценка *всей* войны в целом, с точки зрения мировой буржуазии и мирового пролетариата, т.-е. исчезает интернационализм, остается убогий, заскорузлый национализм. Мою страну обижают, мне до большего нет дела, — вот к чему сводится такое рассуждение, вот в чем его мещански-националистическая узость. Это все равно, как если бы по отношению к индивидуальному насилию над одним лицом кто-либо рассуждал: социализм против насилия, поэтому я лучше пойду на предательство, чем сидеть в тюрьме.

Француз, немец или итальянец, который говорит: социализм против насилия над нациями, *потому* я защищаюсь, когда враг вторгся в мою страну, *предает* социализм и интернационализм. Ибо такой человек *видит только* свою «страну», выше всего ставит «свою»... буржуазию, не думая об *интернациональных связях*, делающих войну империалистскою, делающих *его* буржуазию звеном в цепи империалистского грабежа.

Все мещане и все тупые и темные мужички рассуждают именно так, как рассуждают ренегаты каутскианцы, лонгэтисты, Турати и К^о, именно: в моей стране враг, а больше мне ни до чего нет дела *).

Социалист, революционный пролетарий, интернационалист рассуждает иначе: характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и в чьей стране стоит «враг», а от того, какой класс ведет войну, какая политика продолжается данной войной. Если данная война есть реакционная империалистская война, т.-е. ведомая двумя мировыми группами империалистской, насильнической, грабительской, реакционной буржуазии, то всякая буржуазия (даже малой страны) превращается в участника грабежа, и моя задача, задача представителя революционного пролетариата, готовить *мировую пролетарскую* революцию, как единственное спасение от ужасов мировой войны. Не с точки зрения «своей» страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он — игрушка в руках

*) Социал-шовинисты (Шейдеманы, Ренодели, Хендерсоны, Гомперсы ²¹⁸) и К^о отказываются от всяких речей об «Интернационале» во время войны. Они считают «изменниками»... социализму врагов «своей» буржуазии. Они за завоевательную политику своей буржуазии. Социал-пацифисты (то-есть социалисты на словах, мещанские пацифисты на деле) выражают всякие «интернационалистские» чувства, восстают против аннексий и проч., но на деле продолжают поддерживать свою империалистскую буржуазию. Разница между двумя типами несерьезная, вроде как разница между капиталистом со злыми и капиталистом со сладкими речами на устах.

империалистской буржуазии), а с точки зрения *моего участия* в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции.

Вот что такое интернационализм, вот какова задача интернационалиста, революционного рабочего, действительного социалиста. Вот какую *азбуку* «забыл» ренегат Каутский. И его ренегатство становится еще более наглядным, когда он от одобрения тактики мелкобуржуазных националистов (меньшевиков в России, лонгэтистов во Франции, Турати в Италии, Гаазе и К^о в Германии) переходит к критике большевистской тактики. Вот эта критика:

«Большевистская революция была построена на предположении, что она послужит исходным пунктом для всеобщей европейской революции; что смелая инициатива России побудит пролетариев всей Европы подняться.

«При таком предположении было, разумеется, безразлично, какие формы примет русский сепаратный мир, какие тяжести и потери территории (буквально: членовредительства или калечения, *Verstümmelungen*) принесет он русскому народу, какое истолкование самоопределения наций он даст. Тогда безразлично было также, способна Россия защищаться или нет. Европейская революция, по этому взгляду, составляла наилучшую защиту русской революции, она должна была принести всем народам на прежней российской территории полное и настоящее самоопределение.

«Революция в Европе, которая принесла бы там социализм и укрепила его, должна была также стать средством для устранения тех помех, которые ставились в России осуществлению социалистического производства экономической отсталостью страны.

«Все это было логично и хорошо обосновано, если только допустить основное предположение: что русская революция неминуемо должна развязать европейскую. Ну, а как же в том случае, если этого не случится?

«До сих пор это предположение не оправдалось. И теперь пролетариев Европы обвиняют, что они покинули и предали русскую революцию. Это — обвинение против неизвестных, ибо кого же сделать ответственным за поведение европейского пролетариата?» (стр. 28). И Каутский разжевывает дополнительно, что Маркс, Энгельс, Бебель ошибались не раз насчет наступления ожидавшейся ими революции, но что они никогда не строили своей тактики на ожидании революции в «*определенный срок*» (стр. 29), тогда как, дескать, большевики «поставили все на одну карту всеобщей европейской революции».

Мы нарочно выписали столь длинную цитату, чтобы показать читателю наглядно, как «ловко» подделывает Каутский марксизм, подменяя его пошлым и реакционным мещанским взглядом.

Во-первых, приписывать противнику явную глупость и потом опровергать ее есть прием не очень-то умных людей. Если бы большевики построили свою тактику на ожидании революции в других странах к *определенному сроку*, это была бы бесспорная глупость. Но большевистская партия этой глупости не сделала: в моем письме к американским рабочим (20 августа 1918 г. *) я прямо отгораживаюсь от этой глупости, говоря, что мы рассчитываем на американскую революцию, но не к определенному сроку. В моей полемике против левых эс-эров и «левых коммунистов» (январь—март 1918 г. **) я неоднократно развивал ту же самую мысль. Каутский совершил маленькую... совсем маленькую передержку, на которой и построил свою критику большевизма. Каутский смешал воедино тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в более или менее близкий, но не в определенный срок, и тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в определенный срок. Маленький подлог, совсем маленький!

Вторая тактика есть глупость. Первая *обязательна* для марксиста, для всякого революционного пролетария и интернационалиста, — *обязательна*, ибо только она марксистски-правильно учитывает объективное положение во всех европейских странах, порождаемое войной, только она отвечает интернациональным задачам пролетариата.

Подменивши крупный вопрос об основах революционной тактики вообще — мелким вопросам о той ошибке, которую могли бы сделать революционеры-большевики, но которой они не сделали, Каутский благополучно отрекся от революционной тактики вообще.

Ренегат в политике, он в теории *не умеет даже поставить вопроса* об объективных предпосылках революционной тактики.

И здесь мы подошли ко второму пункту.

Во-вторых. Расчет на европейскую революцию обязателен для марксиста, если есть на-лицо *революционная ситуация*. Это — азбучная истина марксизма, что тактика социалистического пролетариата не может быть одинакова тогда, когда есть на-лицо революционная ситуация, и тогда, когда ее нет.

*) См. стр. 373 настоящего тома.

**) Статьи «Очередные задачи Советской власти», «Левое ребячество» — см. стр. 179—258 настоящего тома.

Если бы Каутский поставил этот обязательный для марксиста, вопрос, он увидел бы, что ответ получается безусловно против него. Задолго до войны все марксисты, все социалисты были согласны в том, что европейская война создаст революционную ситуацию. Когда Каутский еще не был ренегатом, он ясно и определенно признавал это—и в 1902 году («Социальная революция») и в 1909 году («Путь к власти») ²¹⁹). Базельский манифест от имени всего II Интернационала признал это: не даром социал-шовинисты и каутскианцы («центровики», люди колеблющиеся между революционерами и оппортунистами) всех страп, как огня. боятся соответствующих заявлений Базельского манифеста.

Следовательно, ожидание революционной ситуации в Европе было не увлечением большевиков, а *общим мнением* всех марксистов. Если Каутский отделяется от этой бесспорной истины такими фразами, что-де большевики «всегда верили во всемогущество насилия и воли», то это именно пустозвонная фраза, *прикрывающая* бегство — и позорное бегство — Каутского от постановки вопроса о революционной ситуации.

Далее. Наступила революционная ситуация на деле или нет? И этого вопроса Каутский не сумел поставить. На него отвечают экономические факты: голод и разорение, созданные войной повсюду, означают революционную ситуацию. На данный вопрос отвечают также политические факты: уже с 1915 года ясно обнаружился во *всех* странах процесс раскола старых, сгнивших социалистических партий, процесс *отхода масс* пролетариата от социал-шовинистских вождей налево — к революционным идеям и настроениям, к революционным вождям.

5 августа 1918 года, когда писал свою брошюру Каутский, не видеть этих фактов мог лишь один человек, боящийся революции, изменяющий ей. А теперь, в конце октября 1918 года, революция в *ряде* стран Европы растет на глазах у всех и весьма быстро. «Революционер» Каутский, который желает, чтобы его считали по-прежнему марксистом, оказался таким близоруким филистером, который — подобно филистерам 1847 г., осмеянным Марксом — не видел приближающейся революции!!!

Мы подошли к третьему пункту.

В-третьих. Каковы особенности революционной тактики при условии, что есть на-лицо европейская революционная ситуация? Каутский, став ренегатом, побоялся поставить этот обязательный для марксиста вопрос. Каутский рассуждает, как типичный филистер-мещанин или темный крестьянин: наступила «всеобщая евро-

пейская революция» или нет? Если наступила, тогда *и он* готов стать революционером! Но тогда — заметим мы — всякая сволочь (вроде тех негодяев, которые иногда примазываются теперь к победившим большевикам) станет объявлять себя революционером!

Если нет, тогда Каутский отворачивается от революции! У Каутского нет и тени понимания той истины, что революционера-марксиста отличает от обывателя и мещанина умение *проповедывать* отсталым массам необходимость назревающей революции, *доказывать* ее неизбежность, *разъяснять* ее пользу для народа, *готовить* к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Каутский приписал большевикам бессмыслицу, будто они ставили все на одну карту, рассчитывая, что европейская революция наступит в определенный срок. Эта бессмыслица обратилась против Каутского, ибо у него как раз вышло: тактика большевиков была бы правильна, если бы европейская революция наступила к 5 августа 1918 года! Именно это число упоминает Каутский, как время писания его брошюры. И когда через несколько недель после этого 5 августа стало ясным, что революция в ряде европейских стран наступает, то все ренегатство Каутского, вся его фальсификация марксизма, все его неумение рассуждать революционно и даже ставить вопросы революционно обнаружилось во всей своей прелести!

— Когда пролетариев Европы обвиняют в измене, — пишет Каутский, — то это обвинение против неизвестных.

Ошибаетесь, господин Каутский! Посмотрите в зеркало, и вы увидите тех «неизвестных», против коих это обвинение направлено. Каутский прикидывается наивным, он делает вид, что не понимает, *кто* такое обвинение направлял и *какой* смысл оно имеет. На самом же деле Каутский прекрасно знает, что обвинение это выставляли и выставляют немецкие «левые», спартаковцы¹⁷⁾, Либкнехт и его друзья. Обвинение это выражает *ясное сознание* того, что немецкий пролетариат совершал предательство русской (и международной) революции, когда душил Финляндию, Украину, Латвию, Эстляндию. Обвинение это направляется прежде всего и больше всего не против массы, которая всегда забита, а против тех *вождей*, которые, подобно Шейдеманам и Каутским, *не исполняли* своего долга революционной агитации, революционной пропаганды, революционной работы в массах против их косности, которые действовали фактически *наперерез* революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетенного класса. Шейдеманы прямо, грубо, цинично, большей частью корыстно предавали пролетариат и переходили на сторону буржуазии. Каутскианцы и донгэтисты делали то же самое,

колеблясь, шатаясь, трусливо озираясь на тех, кто силен в данную минуту. Каутский всеми своими писаниями во время войны *угашал* революционный дух вместо того, чтобы поддерживать, развивать его.

Это останется прямо-таки историческим памятником мещанского отупения «среднего» вождя немецкой официальной социал-демократии, что Каутский даже не понимает, какое гигантское *теоретическое значение*, какое еще большее агитационное и пропагандистское значение имеет «обвинение» пролетариев Европы в том, что они предали русскую революцию! Каутский не понимает, что это «обвинение» есть — при цензурных условиях германской «империи» — едва ли не единственная форма, в которой не предавшие социализма немецкие социалисты, Либкнехт и его друзья, выражают *свой призыв к немецким рабочим* сбросить Шейдеманов и Каутских, оттолкнуть таких «вождей», освободиться от их отупляющей и опошляющей проповеди, подняться, *вопреки* им, *мимо* них, через них к революции, на революцию!

Каутский не понимает этого. Где же ему понять тактику большевиков? Можно ли ожидать от человека, который отрекается от революции вообще, чтобы он взвесил и оценил условия развития революции в одном из наиболее «трудных» случаев?

Тактика большевиков была правильной, была единственно интернационалистической тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко-националистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать», — она была основана на правильном (до войны, до ренегатства социал-шовинистов и социал-пацифистов общепризнанном) *учете* европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*. Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия *масс* повсюду тактике, революционной на деле) стал *мировым* большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм *добыл* старый, гнилой Интернационал Шейдеманов и Каутских, Реноделей и Лонгэ, Хендерсонов и Макдональдов, которые будут теперь путаться в ногах друг у друга, мечтая о «единстве» и воскрешая труп. Большевизм *создал* идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи, и опыт *начавшейся эпохи революций*.

Большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на *все* языки мира, показав на примере *Советской власти*, что рабочие и беднейшие крестьяне *даже* отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, *в состоянии* были целый год, среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплуататорами (коих поддерживала буржуазия *всего* мира), сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, *начать* творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма.

Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать. В то время как рабочим всего мира с каждым днем становится яснее, что тактика Шейдеманов и Каутских не избавляла от империалистской войны и от наемного рабства у империалистской буржуазии, что эта тактика не годится в образец для всех стран,—в это время массам пролетариев всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм указал *верный* путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм *годится, как образец тактики для всех*.

Не только обще-европейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России. Этого всего мало для полной победы социализма? Конечно, мало. Одной стране большего сделать нельзя. Но эта одна страна, благодаря Советской власти, сделала все же столько, что даже, если бы русскую Советскую власть завтра раздавил мировой империализм, допустим, путем соглашения германского империализма с англо-французским,—даже в этом, худшем из худых случаев, большевистская тактика оказалась бы принесшей громадную пользу социализму и поддерживавшей рост непобедимой мировой революции.

Прислужничество буржуазии под видом „экономического анализа“.

Как уже было сказано, книге Каутского следовало бы назваться, если бы заглавие правильно передавало содержание, не «Диктатура пролетариата», а «Перепев буржуазных нападок на большевиков».

Старые «теории» меньшевиков о буржуазном характере русской революции, т.-е. старое искажение марксизма меньшевиками (в 1905 г

отвергнутое Каутским!), теперь вновь подогреты нашим теоретиком. Придется остановиться на этом вопросе, как ни скучен он для русских марксистов.

Русская революция — буржуазная, говорили все марксисты России перед 1905 годом. Меньшевики, подменяя марксизм либерализмом, выводили отсюда: следовательно, пролетариат не должен идти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней. Большевики говорили, что это либерально-буржуазная теория. Буржуазия стремится совершить преобразование государства по-буржуазному, *реформистски*, а не революционно, сохраняя, по возможности, и монархию, и помещичье землевладение и т. д. Пролетариат должен вести буржуазно-демократическую революцию до ее конца, не давая себя «связать» реформизмом буржуазии. *Классовое* соотношение сил при буржуазной революции большевики формулировали так: пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либеральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековое, помещичье землевладение.

В союзе пролетариата с крестьянством *вообще* и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь *полупролетариат* (всех эксплуатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и *ниспровергает* буржуазию: в этом состоит социалистическая революция, в отличие от буржуазно-демократической (см. мою брошюру 1905 года: «Две тактики», перепечатанную в сборнике: «За 12 лет», Петербург 1907 года) ²²⁰).

Каутский принял косвенное участие в этом споре в 1905 г., высказавшись, по запросу тогдашнего меньшевика, Плеханова, по существу дела против Плеханова, что вызвало тогда особые насмешки большевистской печати. Теперь Каутский ни *словечком* не вспоминает тогдашних споров (боится разоблачения его же заявлениями!) и тем лишает немецкого читателя всякой возможности понять суть дела. Господин Каутский не *мог* рассказать немецким рабочим в 1918 году о том, как в 1905 году он был за союз рабочих с крестьянами, а не с либеральной буржуазией, и на каких условиях он защищал этот союз, какую программу проектировал для этого союза.

Попытившись назад, Каутский под видом «экономического анализа», с горделивыми фразами об «историческом материализме», защищает теперь подчинение рабочих буржуазии, разжевывая, при помощи цитат из меньшевика Маслова¹⁸¹), старые либеральные взгляды меньшевиков; при этом цитатами доказывается новая мысль об отста-

лости России, а вывод из этой новой мысли делается старый, в том духе, что-де при буржуазной революции не идти дальше буржуазии! И это вопреки всему тому, что говорили Маркс и Энгельс, сравнивая буржуазную революцию 1789—1793 г.г. во Франции с буржуазной революцией в Германии в 1848 году!

Прежде, чем переходить к главному «доводу» и главному содержанию «экономического анализа» у Каутского, отметим, что первые же фразы обнаруживают курьезную путаницу мыслей или непродуманность мыслей автора.

«Экономической основой России,—вещает наш «теоретик»,—является донныне сельское хозяйство и притом именно мелкое крестьянское производство. Им живет около $\frac{4}{5}$, может быть, даже $\frac{5}{6}$ населения» (стр. 45). Во-первых, любезный теоретик, подумали ли вы, сколько может быть эксплуататоров среди этой массы мелких производителей? Конечно, не более $\frac{1}{10}$ всего их числа, а в городах еще меньше, ибо там крупное производство более развито. Возьмите даже невероятно высокую цифру, допустите, что $\frac{1}{5}$ мелких производителей — эксплуататоры, теряющие избирательное право. И тогда вы получите, что 66% большевиков на V Съезде Советов ¹⁵²⁾ представляли *большинство населения* ²¹²⁾. А к этому надо еще добавить, что среди левых эс-эров всегда была внушительная часть за Советскую власть, т.-е. принципиально *все* левые эс-эры были за Советскую власть, а когда часть левых эс-эров пошла на восстание-авантюру в июле 1918 года, то от них отделились из их бывшей партии две новые партии — «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов» ²²¹⁾ (из видных эс-эров, коих еще старая партия выдвигала на важнейшие государственные посты; к первой принадлежит, например, Закс, ко второй Колегаев). Следовательно, Каутский сам опроверг — нечаянно! — смехотворную сказку, будто за большевиками стоит меньшинство населения.

Во-вторых, любезный теоретик, подумали ли вы о том, что мелкий крестьянский производитель *неизбежно* колеблется между пролетариатом и буржуазией? Эту марксистскую истину, подтвержденную всей новейшей историей Европы, Каутский «забыл» очень кстати, ибо она разбивает в пух и прах всю меньшевистскую «теорию», им повторяемую! Если бы Каутский не «забыл» этого, он не мог бы отрицать необходимость пролетарской диктатуры в стране с преобладанием мелких крестьянских производителей.

Рассмотрим главное содержание «экономического анализа» нашего теоретика.

Что Советская власть есть диктатура, это бесспорно, говорит Каутский. «Но есть ли это диктатура *пролетариата*?» (стр. 34). Кресть-

яне составляют, по советской конституции, большинство населения, имеющего права участвовать в законодательстве и управлении. То, что нам выставляют, как диктатуру *пролетариата*, оказалось бы, если бы это было проведено последовательно и если бы один класс, вообще говоря, мог непосредственно осуществлять диктатуру, что осуществимо лишь для партии,—это оказалось бы диктатурой *крестьянства*» (стр. 35).

И, чрезвычайно довольный столь глубокомысленным и остроумным рассуждением, добрый Каутский пытается острить: «Выходит как будто бы, что наиболее безболезненное осуществление социализма обеспечено тогда, когда оно отдастся в руки крестьян» (стр. 35).

Подробнейшим образом, с рядом чрезвычайно ученых цитат из полулиберального Маслова, наш теоретик доказывает новую мысль о заинтересованности крестьян в высоких ценах на хлеб, в низкой заработной плате городским рабочим и т. д., и т. п. Эти новые мысли, кстати сказать, тем скучнее изложены, чем меньше обращено внимания на действительно новые явления после-военного времени, например, на то, что крестьяне требуют за хлеб не денег, а товаров, что у крестьян нехватает орудий, которых нельзя достать в необходимом числе ни за какие деньги. Об этом еще особо ниже.

Итак, Каутский обвиняет большевиков, партию пролетариата, в том, что она отдала диктатуру, отдала дело проведения социализма в руки мелко-буржуазного крестьянства. Прекрасно, господин Каутский! Каковы же должны были быть, по вашему просвещенному мнению, отношения пролетарской партии к мелко-буржуазному крестьянству?

Об этом наш теоретик предпочел помолчать,—должно быть, вспомнив пословицу: «слово—серебро, молчание—золото». Но Каутский выдал себя следующим рассуждением:

«В начале Советской Республики Крестьянские Советы представляли из себя организации *крестьянства* вообще. Теперь Республика эта провозглашает, что Советы представляют организации пролетариев и *бедных* крестьян. Зажиточные теряют избирательное право в Советы. Бедный крестьянин признается здесь постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы при «диктатуре пролетариата» (стр. 48).

Какая убийственная ирония! Ее можно услышать в России от любого буржуа: они все злорадствуют и смеются, что Советская Республика открыто признается в существовании беднейших крестьян. Они смеются над социализмом. Это их право. Но «социалист», который смеется над тем, что после разорительнейшей четырехлетней

войны у нас остаются—и надолго останутся—беднейшие крестьяне, такой «социалист» мог родиться только в обстановке массового ренегатства.

Слушайте дальше:

«... Советская Республика вмешивается в отношения между богатыми и бедными крестьянами, но не посредством нового распределения земли. Чтобы устранить нужду горожан в хлебе, в деревни посылаются отряды вооруженных рабочих, которые отнимают у богатых крестьян излишки хлеба. Часть этого хлеба отдается городскому населению, другая—беднейшим крестьянам» (стр. 48).

Разумеется, социалист и марксист Каутский глубоко возмущен мыслью о том, что такая мера могла бы распространяться дальше, чем на окрестности больших городов (а она у нас распространяется на всю страну). Социалист и марксист Каутский наставительно замечает, с бесподобным, несравненным, восхитительным хладнокровием (или тупоумием) филистера: «они (экспроприации зажиточных крестьян) вносят новый элемент беспокойства и гражданской войны в процесс производства»... (гражданская война, вносимая в «процесс производства»,—это уже нечто сверхестественное!)... «который для своего оздоровления настоятельно нуждается в спокойствии и безопасности» (49).

Да, да, насчет спокойствия и безопасности для эксплуататоров и спекулянтов хлебом, «которые прячут его излишки, срывают законы о хлебной монополии, доводят до голода население городов»,—насчет этого марксисту и социалисту Каутскому, конечно, следует вздохнуть и пролить слезу. Мы все социалисты-марксисты и интернационалисты,—кричат хором господ Каутские, Гейнрихи Веберы (Вена), Лонгэ (Париж), Макдональды (Лондон) и т. п.!—мы все за революцию рабочего класса, только... только так, чтобы не нарушать спокойствия и безопасности спекулянтов хлебом! И это грязное прислужничество капиталистам мы прикрываем «марксистской» ссылкой на «процесс производства»... Если это марксизм, то что же называется лакейством перед буржуазией?

Посмотрите, что получилось у нашего теоретика. Он обвиняет большевиков в том, что они выдают диктатуру крестьянства за диктатуру пролетариата. И в то же время он обвиняет нас в том, что мы вносим гражданскую войну в деревню (мы это считаем своей *заслугой*), что мы посылаем в деревни отряды вооруженных рабочих, которые открыто провозглашают, что они осуществляют «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», помогают этому последнему, экспроприируют у спекулянтов, богатых крестьян, излишки хлеба, укрываемые ими в нарушение закона о хлебной монополии.

С одной стороны, наш марксист-теоретик стоит за чистую демократию, за подчинение революционного класса, вождя трудящихся и эксплуатируемых, большинству населения (включая, следовательно, и эксплуататоров). С другой стороны, он *против* нас разъясняет неизбежность буржуазного характера революции, буржуазного потому, что крестьянство в целом стоит на почве буржуазных общественных отношений, и в то же время претендует на отстаивание им пролетарской, классовой, марксистской точки зрения!

Вместо «экономического анализа», это — каша и путаница первого сорта. Вместо марксизма, это — обрывки либеральных учений и проповедь лакейства перед буржуазией и перед кулаками.

Запутанный Каутским вопрос большевики уже в 1905 году разъяснили полностью. Да, революция наша буржуазная, *пока* мы идем *вместе* с крестьянством, как целым. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали. Потуги Каутского «изобличать» нас по этому пункту изобличают только путаницу его взглядов и боязнь его вспомнить то, что он писал в 1905 году, когда он не был еще ренегатом.

По в 1917 году, с *апреля* месяца, задолго до октябрьской революции, до взятия власти нами, мы говорили открыто и разъясняли народу: остановиться на этом революция теперь не сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед к социализму. Ибо иначе идти вперед, иначе спасти страну, истерзанную войной, иначе *облегчать* муки трудящихся и эксплуатируемых *нельзя*.

Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со «всеми» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем* вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми *против капитализма*, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистической*. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом. Это значило бы посредством квази-ученых ссылок на прогрессивность буржуазии по отношению к средневековью

протаскивать реакционную защиту буржуазии по отношению к социалистическому пролетариату.

Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, объединяя и втягивая в политику *массу рабочих и крестьян*, они дают самый близкий к «народу» (в том смысле, в котором Маркс говорил в 1871 году о действительно народной революции), самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс. Советская конституция не писалась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция *вырастала* из хода развития *классовой борьбы*, по мере созревания *классовых противоречий*. Именно те факты, которые вынужден признать Каутский, доказывают это.

Сначала советы объединяли крестьянство в целом. Неразвитость, отсталость, темнота именно беднейших крестьян отдавали руководство в руки кулаков, богатеньких, капиталистов, мелкобуржуазных интеллигентов. Это была пора господства мелкой буржуазии, меньшевиков и социалистов-революционеров (считать тех и других социалистами могут только глупцы или ренегаты вроде Каутского). Мелкая буржуазия неминуемо, неизбежно колебалась между диктатурой буржуазии (Керенский, Корнилов, Савинков) и диктатурой пролетариата, ибо ни на что самостоятельное мелкая буржуазия неспособна, по коренным свойствам ее экономического положения. К слову сказать, Каутский полностью отрекается от марксизма, отделяясь при анализе русской революции юридическим, формальным, служащим буржуазии для прикрытия ее господства и для обмана масс понятием «демократия» и *забывая* о том, что «демократия» выражает на деле иногда *диктатуру буржуазии*, иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре, и т. д. У Каутского выходит, что в капиталистической стране были буржуазные партии, была пролетарская, ведущая за собой большинство пролетариата, его массу (большевики), *но не было* мелкобуржуазных партий! Не было *классовых корней*, мелкобуржуазных корней у меньшевиков и эс-эров!

Колебания мелкой буржуазии, меньшевиков и эс-эров, просветили массы и оттолкнули громадное большинство их, все «низы», всех пролетариев и полупролетариев, от таких «вождей».

В советах получили преобладание (в Питере и Москве к октябрю 1917 года) большевики, среди эс-эров и меньшевиков усилился раскол.

Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до октябрьской революции оно *не было* разрушено). Бур-

жузная революция была нами доведена *до конца*. Крестьянство шло за нами *в целом*. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы объединяли крестьянство *вообще*. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918 года. Чехо-словацкое контр-революционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а *из жизни* училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии. «Левые эс-эры», как всякая мелко-буржуазная партия, отражали колебания масс, и именно летом 1918 года они раскололись: часть пошла вместе с чехо-словаками (восстание в Москве, когда Прощьян ²²²), захватив телеграф—на час!—оповещал Россию о свержении большевиков, затем измена главнокомандующего армией против чехо-словаков, Муравьева ²²³), и т. д.); часть, названная выше, осталась с большевиками.

Обострение продовольственной нужды в городах ставило все резче вопрос о хлебной монополии (про которую «забыл» теоретик Каутский в своем экономическом анализе, повторяющем зады, вычитанные десять лет назад у Маслова).

Старое, помещичье и буржуазное, даже демократически-республиканское, государство посылало в деревню вооруженные отряды находившиеся фактически в распоряжении буржуазии. Этого господин Каутский не знает! В этом он не видит «диктатуры буржуазии», боже упаси! Это—«чистая демократия», особенно, если это одобрялось бы буржуазным парламентом! О том, как Авксентьев ⁴⁷) и С. Маслов ²²⁴) в компании Керенских, Церетели ⁴⁴) и т. п. публики эс-эров и меньшевиков арестовывали летом и осенью 1917 года членов земельных комитетов, об этом Каутский «не слышал», об этом он молчит!

Все дело в том, что государство буржуазное, осуществляющее диктатуру буржуазии чрез посредство демократической республики, не может признаться перед народом в том, что оно служит буржуазии, не может сказать правды, вынуждено лицемерить.

А государство типа Коммуны, государство советское, открыто и прямо говорит народу *правду*, заявляя, что оно есть диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, привлекая к себе именно этой правдой десятки и десятки миллионов новых граждан, забитых при любой демократической республике, втягиваемых в политику, в *демократию*, в управление государством советами. Советская республика посылает в деревни отряды вооруженных рабочих, в первую голову

более передовых, из столиц. Эти рабочие несут социализм в деревню, привлекают на свою сторону бедноту, организуют и просвещают ее, помогают ей *подавить сопротивление буржуазии*.

Все, знающие дело и бывшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает *сама* «октябрьскую (т.-е. пролетарскую) революцию». Наступает перелом. Волна кулацких восстаний сменяется подъемом бедноты, ростом «комитетов бедноты»¹⁵⁷). В армии растет число комиссаров из рабочих, офицеров из рабочих, командиров дивизиями и армиями из рабочих. В то время, как Каутский, напуганный июльским (1918 г.) кризисом и воплями буржуазии, бежит за ней «петушком» и пишет целую брошюру, проникнутую убеждением, что большевики накануне их свержения крестьянством, в то время, как Каутский усматривает «сужение» (стр. 37) круга тех, кто поддерживает большевиков, в отколе левых эс-эров,— в это время *действительный* круг сторонников большевизма *вырастает необъятно*, ибо просыпаются к *самостоятельной* политической жизни десятки и десятки миллионов деревенской бедноты, освобождаясь от опеки и от влияния кулаков и деревенской буржуазии.

Мы потеряли сотни левых эс-эров, бесхарактерных интеллигентов и кулаков из крестьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты *).

Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила Советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет сил против него.

Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии.

Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы «целым», т.-е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии,

*) На VI съезде Советов (7—9 ноября 1918) было с решающим голосом 967 депутатов, из них 950 большевиков, да с совещательным 351, из них 335 большевиков. Итого 97%, большевиков ²²⁵).

тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции. (Но и этим, в скобках сказать, не было бы доказано, что пролетариат не должен был брать власти, ибо только пролетариат довел действительно до конца буржуазно-демократическую революцию, только пролетариат сделал кое-что серьезное для приближения мировой пролетарской революции, только пролетариат создал советское государство, второй шаг, после Коммуны, в направлении к социалистическому государству.)

С другой стороны, если бы большевистский пролетариат попробовал сразу, в октябре—ноябре 1917 года, не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев *подготовить* и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п.,—тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная и что *без ряда переходов, переходных ступеней* сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя.

Каутский *все* перепутал в важнейшем теоретическом и политическом вопросе и на практике оказался просто прислужником буржуазии, вопящим против диктатуры пролетариата.

* * *

Такую же, если не бóльшую, путаницу внес Каутский в другой интереснейший и важнейший вопрос, именно: была ли принципиально правильно поставлена, а затем была ли целесообразно проведена *законодательная* деятельность Советской Республики в аграрном преобразовании, этом труднейшем и в то же время важнейшем социалистическом преобразовании? Мы были бы несказанно благодарны всякому западно-европейскому марксисту, если бы он, ознакомившись хотя бы с важнейшими документами, дал *критику* нашей политики, ибо этим он помог бы нам чрезвычайно, помог и назревающей революции во всем мире. Но Каутский дает вместо критики невероятную теоретическую путаницу, превращающую марксизм в либерализм, а на практике пустые, злобные, мещанские выходки против большевиков. Пусть судит читатель:

«Крупного землевладения нельзя было удержать. Это сделала революция. Это стало ясным тотчас же. Его нельзя было не передать

крестьянскому населению»... (Неверно, господин Каутский: вы подставляете «ясное» для вас на место отношения разных *классов* к вопросу; история революции доказала, что коалиционное правительство буржуа с мелким буржуа, меньшевиками и эс-эрами, вело политику сохранения крупного землевладения. Это особенно доказал закон С. Маслова и аресты членов земельных комитетов. Без диктатуры пролетариата «крестьянское население» не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом.)

...«Однако насчет того, в каких *формах* должно это произойти, единства не было. Мыслимы были различные решения»... (Каутского больше всего заботит «единство» «социалистов», кто бы себя ни называл этим именем. О том, что основные классы капиталистического общества должны приходить к различным решениям, он забывает.) ...«С социалистической точки зрения самым рациональным было бы передать крупные предприятия в государственную собственность и предоставить крестьянам, которые до сих пор были заняты в них, как наемные рабочие, обработку крупных имений в *формах* товарищества. Но это решение предполагает таких сельских рабочих, которых в России нет. Другим решением могла бы быть передача крупного землевладения в государственную собственность, с разделом его на мелкие участки, сдаваемые в аренду малоземельным крестьянам. Тогда было бы еще осуществлено кое-что от социализма»...

Каутский отделяется, как всегда, знаменитым: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. Он ставит *рядом* различные решения, не задаваясь мыслью — единственно реальной, единственно марксистской мыслью — о том, каковы должны быть *переходы* от капитализма к коммунизму в таких-то *особых условиях*. В России есть наемные сельские рабочие, но их немного, и *поставленного* Советской властью вопроса о том, как перейти к коммунальной и товарищеской обработке земли, Каутский не коснулся. Курьезнее всего, однако, что Каутский хочет видеть «кое-что от социализма» в раздаче мелких участков земли в аренду. На самом деле это *мелкобуржуазный* лозунг, и «от социализма» тут *ничего* нет. Если «государство», сдающее земли в аренду, *не* будет государством типа Коммуны, а будет парламентарной буржуазной республикой (именно таково постоянное предположение Каутского), то сдача земли мелкими участками будет типичной *либеральной реформой*.

О том, что Советская власть отменила *всякую* собственность на землю, Каутский молчит. Хуже того. Он совершает невероятную подтасовку и цитирует декреты Советской власти так, что опускается наиболее существенное.

Заявив, что «мелкое производство стремится к полной частной собственности на средства производства», что учредилка была бы «единственным авторитетом», способным помешать разделу (утверждение, которое вызовет хохот в России, ибо все знают, что рабочие и крестьяне авторитетными считают *только* советы, а учредилка стала лозунгом чехо-словаков и помещиков),— Каутский продолжает:

«Один из первых декретов советского правительства постановил: 1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. 2) Помещичьи имения, равно как все земли, удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов, уездных советов крестьянских депутатов, впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле».

Прочитывая *только эти два пункта*, Каутский заключает: «Ссылка на Учредительное Собрание осталась мертвой буквой. Фактически крестьяне отдельных волостей могли делать с землею, что хотели» (стр. 47).

Вот вам образцы «критики» Каутского! Вот вам «ученая» работа, больше всего похожая на подлог. Немецкому читателю внушается, что большевики капитулировали перед крестьянством по вопросу о частной собственности на землю! Что большевики предоставили крестьянам враздробь («отдельным волостям») делать, что хотят!

А на самом деле цитируемый Каутским декрет — первый декрет, изданный 26 октября 1917 года (ст. ст.) состоит не из двух, а из пяти статей, *плюс* восемь статей «наказа», при чем про наказ сказано, что он «должен служить для руководства».

В 3-й статье декрета говорится, что хозяйства переходят «к народу», что обязательно составление «точной описи всего конфискуемого имущества» и «строжайшая революционная охрана». А в наказе говорится, что «право частной собственности на землю отменяется навсегда», что «земельные участки с высоко-культурными хозяйствами» «не подлежат разделу», что «весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа», что «вся земля поступает в общенародный земельный фонд».

Далее, одновременно с роспуском Учредительного Собрания (5 января 1918 г.), Третьим Съездом Советов принята «*декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа*»⁵⁰), вошедшая теперь

в основной закон Советской Республики. В этой декларации, в статье II, 1 говорит, что «частная собственность на землю отменяется» и что «образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием».

Следовательно, ссылка на Учредительное Собрание не осталась мертвой буквой, ибо другое общенародное представительное учреждение, неизмеримо более авторитетное в глазах крестьян, взяло на себя решение аграрного вопроса.

Далее, 6 (19) февраля 1918 года опубликован закон о социализации земли, который еще раз подтверждает отмену всякой собственности на землю, передает распоряжение и землей и *всем частновладельческим* инвентарем советским властям *под контролем федеральной советской власти*, в задачи распоряжения землей ставит:

«развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству» (ст. 11, пункт д).

Вводя *уравнительное* землепользование, этот закон на основной вопрос: «кто имеет право пользоваться землей?», отвечает:

(Ст. 20). «Отдельными участками поверхности земли для общественных и личных надобностей в пределах Российской Советской Федеративной Республики могут пользоваться: 1) А) В целях культурно-просветительных: государство, в лице органов Советской власти (федеральной, областной, губернской, уездной, волостной и сельской). 2) Общественные организации (под контролем и с разрешения местной Советской власти) В) Для занятия сельским хозяйством: 3) Сельско-хозяйственные коммуны. 4) Сельско-хозяйственные товарищества. 5) Сельские общества. 6) Отдельные семьи и лица»...

Читатель видит, что Каутский совершенно извратил дело и представил немецкому читателю в абсолютно фальшивом виде аграрную политику и аграрное законодательство пролетарского государства в России.

Теоретически важных, основных вопросов Каутский даже не сумел поставить!

Эти вопросы следующие:

1) Уравнительность землепользования.

2) Национализация земли,— отношение той и другой меры к социализму вообще и к переходу от капитализма к коммунизму — в частности.

3) Общественная обработка земли, как переход от мелкого раздробленного земледелия к крупному общественному; удовлетворяет ли

постановка этого вопроса в советском законодательстве требованиям социализма?

По первому вопросу необходимо установить прежде всего два следующие основные факта: а) большевики и при учете опыта 1905 г. (сошлюсь, например, на свою работу об аграрном вопросе в первой русской революции)²²⁶) указывали на демократически-прогрессивное, демократически-революционное значение лозунга уравнительности и в 1917 году до октябрьской революции вполне определенно говорили об этом; б) проводя закон о социализации земли,—закон, «душой» которого является лозунг уравнительного землепользования,—большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требования большинства трудящихся должны быть *изжитыми ими самими*: ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем *помогать* крестьянству изжить мелко-буржуазные лозунги, *перейти* от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим.

Теоретик-марксист, который хотел бы помочь рабочей революции своим научным анализом, должен бы был ответить, во-первых, верно ли, что идея уравнительности землепользования имеет демократически-революционное значение, значение доведения до конца *буржуазно-демократической* революции? Во-вторых, правильно ли поступили большевики, проводя своими голосами (и лойяльнейшим образом соблюдая) мелко-буржуазный закон об уравнительности?

Каутский не сумел даже *заметить*, в чем состоит, теоретически, гвоздь вопроса!

Каутскому никогда не удалось бы опровергнуть того, что идея уравнительности имеет прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте. Дальше этот переворот идти не может. Доходя до конца, он тем *яснее*, тем *скорее*, тем *легче* обнаруживает перед массами *недостаточность* буржуазно-демократических решений, необходимость выйти за их рамки, перейти к *социализму*.

Сбросившее царизм и помещиков крестьянство мечтает об уравнительности, и никакая сила не могла бы помешать крестьянам, избавленным и от помещиков, и от *буржуазно-парламентарного*, республиканского государства. Пролетарии говорят крестьянам: мы вам поможем дойти до «идеального» капитализма, ибо уравнительность землепользования есть идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя. И в то же время мы вам покажем

недостаточность этого, необходимость перехода к общественной обработке земли.

Интересно бы посмотреть, как бы попробовал Каутский опровергнуть правильность *такого* руководства крестьянской борьбой со стороны пролетариата!

Каутский предпочел уклониться от вопроса...

Далее, Каутский прямо обманул немецких читателей, скрыв от них, что *в законе* о земле Советская власть дала *прямое* преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место.

С крестьянством до конца буржуазно-демократической революции, — с беднейшей, пролетарской и полупролетарской частью крестьянства вперед к социалистической революции! Такова была политика большевиков, и это была единственная марксистская политика.

А Каутский путается, не умея поставить ни одного вопроса! С одной стороны, он *не смеет* сказать, что пролетарии должны были разойтись с крестьянством в вопросе об уравнительности, ибо он чувствует нелепость подобного расхождения (да притом в 1905 году Каутский, когда он не был еще ренегатом, ясно и прямо отстаивал союз рабочих и крестьян, как условие победы революции). С другой стороны, Каутский цитирует сочувственно либеральные пошлости меньшевика Маслова, который «доказывает» утопичность и реакционность мелко-буржуазного равенства *с точки зрения социализма* и умалчивает о прогрессивности и революционности мелко-буржуазной борьбы за равенство, за уравнительность *с точки зрения буржуазно-демократической революции*.

У Каутского выходит путаница без конца: заметьте, что Каутский (1918 года) *настаивает* на *буржуазном* характере русской революции. Каутский (1918 года) требует: не выходите из этих рамок! И тот же Каутский усматривает «кое-что *от социализма* (для *буржуазной* революции) в *мелко-буржуазной* реформе — сдаче мелких участков земли *бедным* крестьянам (т.-е. в приближении к уравнительности)!!!

Пойми, кто может!

Каутский, сверх того, обнаруживает филистерское неумение считаться с действительной политикой определенной партии. Он цитирует *фразы* меньшевика Маслова, *не желая видеть* *действительной* политики партии меньшевиков в 1917 году, когда она, в «коалиции» с помещиками и кадетами, отстаивала фактически *либеральную аграрную реформу и соглашение с помещиками* (доказательство: аресты членов земельных комитетов и законопроект С. Маслова).

Каутский не заметил, что фразы П. Маслова о реакционности и утопичности мелко-буржуазного равенства прикрывают на деле

меньшевистскую политику *соглашения* крестьян с помещиками (т.-е. обдурания крестьян помещиками) вместо революционного свержения помещиков крестьянами.

Ну, и «марксист» Каутский!

Именно большевики строго учили различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доводя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это — единственно революционная и единственно марксистская политика.

И напрасно повторяет Каутский беззубые либеральные остроты: «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству» (50).

Очень остроумно!

Нигде и никогда мелкие крестьяне большой страны не были под влиянием пролетарского государства.

Нигде и никогда мелкие крестьяне не приходили к открытой классовой борьбе беднейших крестьян с богатыми, вплоть до гражданской войны между ними, *при условии* пропагандистской, политической, экономической и военной поддержки беднейших пролетарской государственной властью.

Нигде и никогда не было такого обогащения спекулянтов и богачей от войны, при таком разорении массы крестьян.

Каутский повторяет старье, пережевывает старую жвачку, боясь и подумать о новых задачах пролетарской диктатуры.

А что, любезный Каутский, если у крестьян *нехватает* орудий для мелкого производства, а пролетарское государство *помогает* им доставать машины для коллективной обработки земли. есть ли это «теоретическое убеждение»?

Перейдем к вопросу о национализации земли. Наши народники, в том числе все левые эс-эры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, положение, подготовку перехода к социализму.

Каково же должно было быть отношение марксистов к национализации земли?

Каутский и здесь не умеет даже поставить теоретического вопроса или — что еще хуже — умышленно обходит вопрос, хотя из русской литературы известно, что Каутский знает о давних спорах среди русских марксистов по вопросу о национализации земли, о муниципализации земли (передача крупных имений местным самоуправлениям), о разделе.

Прямой насмешкой над марксизмом является утверждение Каутского, что передача крупных имений государству и сдача их мелкими участками в аренду малоземельным крестьянам осуществляла бы «нечто от социализма». Мы уже сказали, что тут нет никакого социализма. Но этого мало: тут нет и *буржуазно-демократической* революции, доведенной до конца.

С Каутским случилось большое несчастье, что он доверился меньшевикам. От этого произошел курьез: защищающий буржуазный характер нашей революции Каутский, обвиняющий большевиков за то, что они вздумали идти к социализму, *сам* дает либеральную реформу под видом социализма, *не доводя этой реформы* до полной чистки всего средневековья в отношениях землевладения! У Каутского, как и у его советчиков-меньшевиков, получилась защита либеральной буржуазии, боящейся революции, вместо защиты последовательной буржуазно-демократической революции.

В самом деле. Почему бы в государственную собственность превращать только крупные имения, а не все земли? Либеральная буржуазия достигает этим наибольшего сохранения старины (т.-е. наименьшей последовательности в революции) и наибольшей легкости возврата к старому. Радикальная, т.-е. доводящая до конца буржуазную революцию, буржуазия выставляет лозунг *национализации земли*.

Каутский, который в давно-давно прошедшие времена, почти 20 лет тому назад, написал прекрасный марксистский труд об аграрном вопросе ²²⁷⁾, не может не знать указаний Маркса на то, что национализация земли является именно *последовательным* лозунгом *буржуазии*. Каутский не может не знать полемики Маркса с Родбертусом ²²⁸⁾ и замечательных разъяснений Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», где особенно наглядно показано и революционное в буржуазно-демократическом смысле значение национализации земли.

Меньшевик П. Маслов, которого Каутский так неудачно выбрал в советчики себе, отрицал, чтобы русские крестьяне могли пойти на национализацию всей (в том числе и крестьянской) земли. До известной степени этот взгляд Маслова мог стоять в связи с его «оригинальной» теорией (повторяющей буржуазных критиков Маркса), именно отрицанием абсолютной ренты и признанием «закона» (или «факта», как выражался Маслов) «убывающего плодородия почвы».

На деле уже в революции 1905 года обнаружилось, что громадное большинство крестьян России, и общинников, и подворников, стоит за национализацию всей земли. Революция 1917 года подтвердила это и, после перехода власти к пролетариату, осуществила это. Большевики остались верны марксизму, не пытаясь (вопреки Каутскому, который

нас в этом обвиняет — без тли доказательств) «перескочить» через буржуазно-демократическую революцию. Большевики прежде всего помогли наиболее радикальным, наиболее революционным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства, именно левым эс-эрам, провести то, что фактически явилось национализацией земли. Частная собственность на землю в России с 26/X—1917 г., т.-е. с первого дня пролетарской, социалистической революции, отменена.

Этим создан фундамент, наиболее совершенный с точки зрения развития капитализма (не разрывая с Марксом, Каутский не сможет отрицать этого), и в то же время создан земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму. С точки зрения буржуазно-демократической, революционному крестьянству в России *дальше идти некуда*: ничего «идеальнее», с этой точки зрения, как национализация земли и равенство землепользования, ничего «радикальнее» (с этой же точки зрения) *быть не может*. Именно большевики, только большевики, только в силу победы *пролетарской* революции, помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую революцию действительно до конца. И только этим они сделали максимум для облегчения и ускорения перехода социалистической революции.

Можно судить по этому, какую невероятную путаницу преподносит читателю Каутский, который обвиняет большевиков в непонимании буржуазного характера революции и который сам обнаруживает такое отступление от марксизма, что *молчит* о национализации земли и выставляет наименее революционную (с буржуазной точки зрения) либеральную аграрную реформу, как «нечто от социализма»!

Мы подошли здесь к третьему из поставленных выше вопросов, — к вопросу о том, насколько учла пролетарская диктатура в России необходимость перехода к общественной обработке земли. Каутский совершает здесь опять-таки нечто весьма похожее на подлог: он цитирует только «тезисы» одного большевика, говорящие о задаче перехода к коллективной обработке земли! Прочитав один из этих тезисов, наш «теоретик» победоносно восклицает:

«Тем, что известная вещь объявляется задачей, задача, к сожалению, не решается. Коллективное сельское хозяйство в России осуждено пока на то, чтобы оставаться на бумаге. Нигде еще и никогда мелкие крестьяне не переходили к коллективному производству на основании теоретических убеждений» (стр. 50).

Нигде еще и никогда не было такого литературного мошенничества, до которого опустился Каутский. Он цитирует «тезисы», умалчивая о *законе* Советской власти. Он говорит о «теоретическом убеждении»,

умалчивая о пролетарской государственной власти, имеющей в руках и заводы, и товары! Все то, что писал марксист Каутский в «Аграрном вопросе» в 1899 году по вопросу о средствах, имеющихся в руках пролетарского государства, для постепенного перевода мелких крестьян к социализму, забыто ренегатом Каутским в 1918 году.

Конечно, несколько сот поддерживаемых государством сельскохозяйственных коммун и советских хозяйств (т.-е. за счет государства обрабатываемых товариществами рабочих крупных хозяйств),— этого очень мало. Но разве можно назвать «критикой» обход этого факта Каутским?

Национализация земли, проведенная в России пролетарской диктатурой, наиболее обеспечила доведение до конца буржуазно-демократической революции,— даже на случай, что победа контр-революции повернула бы от национализации назад к разделу (этот случай специально разобран был мною в книжке об аграрной программе марксистов в революции 1905 г.). А, кроме того, национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии.

Итог: Каутский дал нам, теоретически, невероятную кашу, с полным отречением от марксизма, а на практике — лакейство перед буржуазией и ее реформизмом. Нечего сказать, хороша критика!

* *

«Экономический анализ» промышленности начинается у Каутского следующим великолепным рассуждением:

В России есть крупная капиталистическая промышленность. Нельзя ли на этой основе построить социалистическое производство? «Так можно бы думать, если бы социализм состоял в том, чтобы рабочие отдельных фабрик и рудников брали их себе в собственность» (буквально: присвоивали их себе), «чтобы отдельно вести хозяйство на каждой из фабрик» (стр. 52). «Как раз сегодня, 5 августа, когда я пишу эти строки,— добавляет Каутский,— из Москвы сообщают об одной речи Ленина от 2 августа *), в которой он, как передают, сказал: «Рабочие крепко держат фабрики в своих руках, а крестьяне не отдадут земли помещикам». Пароль — фабрика — рабочим, земля — крестьянам был до сих пор не социал-демократическим, а анархо-синдикалистским» (стр. 52 — 53).

*) Речь на Всеросс. съезде по народн. образованию (стр. 385 настоящего тома).

Мы выписали целиком это рассуждение, чтобы русские рабочие, которые прежде уважали Каутского, и уважали за дело, сами увидали приемы перебежчика к буржуазии.

Подумайте только: 5 августа, когда на-лицо была уже масса декретов о национализации фабрик в России, при чем ни одна фабрика не была «присвоена рабочими», а *все* передавались в собственность республики, 5 августа Каутский, на основании явно мошеннического толкования одной фразы из моей речи, внушает немецким читателям мысль, будто в России фабрики передаются отдельным рабочим! И Каутский после этого на протяжении десятков и десятков строк жует жвачку про то, что фабрики нельзя передавать по-одиночке рабочим!

Это не критика, а прием лакея буржуазии, который нанят капиталистами, чтобы оболгать рабочую революцию.

Фабрики надо передавать государству, или общине, или потребительным обществам,—пишет еще и еще раз Каутский и наконец добавляет:

«На этот путь и попытались теперь вступить в России»... Теперь!! т.-е. что же это значит? В августе? Что же, Каутский не мог заказать своим Штейпу, Аксельроду или другим друзьям русской буржуазии перевода хотя бы одного декрета о фабриках?

...«Как далеко это зашло, этого еще не видно. Эта сторона Советской Республики во всяком случае представляет наибольший интерес для нас, но она остается еще целиком во мраке. В декретах недостатка нет»... (Поэтому Каутский их *содержание* игнорирует, или скрывает от своих читателей!), «но недостает надежных сведений о действии этих декретов. Социалистическое производство невозможно без всесторонней, детальной, надежной и быстро информирующей статистики. Таковой Советская Республика до сих пор создать не могла. То, что мы узнаем об ее экономических действиях, крайне противоречиво и не поддается никакой проверке. Это тоже один из результатов диктатуры и подавления демократии. Нет свободы прессы и слова»... (стр. 53).

Вот как пишется история! От «свободной» прессы капиталистов и дутовцев Каутский получил бы сведения о фабриках, переходящих к рабочим... Поистине великолепен этот надклассовый «серьезный ученый»! Ни одного из бесконечного количества фактов, свидетельствующих, что фабрики передаются только Республике, что распоряжается ими составленный с преобладающим участием выборных от профессиональных союзов рабочих—орган Советской власти, Высший Совет Народного Хозяйства, — ни одного из таких фактов Каутский

не желает и касаться. Он упорно, с упрямством человека в футляре, твердит одно: дайте мне мирную демократию, без гражданской войны, без диктатуры, с хорошей статистикой (Советская Республика создала статистическое учреждение и привлекла все лучшие статистические силы России, но, конечно, скоро идеальной статистики получить нельзя). Одним словом, революции без революции, без бешеной борьбы, без насилий, — вот чего требует Каутский. Это все равно, как если бы требовали стачек без бурной страстности рабочих и хозяев. Отличите-ка подобного «социалиста» от дюжинного либерального чиновника!

И, опираясь на такой «фактический материал», т.-е. умышленно обойдя с полным презрением многочисленные факты, Каутский «заключает»:

«Сомнительно, получил ли русский пролетариат в смысле действительных практических завоеваний, не декретов, в Советской Республике больше, чем он получил бы от Учредительного Собрания, в котором, точно так же, как и в Советах, преобладали социалисты, хотя и другой окраски» (стр. 58).

Перл, не правда ли? Это изречение мы советуем почитателям Каутского распространить пошире среди русских рабочих, ибо лучшего материала для оценки своего политического падения Каутский дать бы не мог. Керенский тоже был «социалист», товарищи рабочие, только «другой окраски»! Историк Каутский довольствуется кличкой, званием, которое себе «присвоили» правые эс эры и меньшевики. О фактах, говорящих, что при Керенском меньшевики и правые эс-эры поддерживали империалистическую политику и мародерство буржуазии, историк Каутский и слышать не хочет, о том, что Учредительное Собрание давало большинство именно этим героям империалистской войны и буржуазной диктатуры, он скромно умалчивает. И это называется «экономическим анализом»!..

В заключение еще один образчик «экономического анализа»:

...«Советская Республика, через девять месяцев своего существования, вместо того, чтобы распространить всеобщее благосостояние, оказалась вынужденной объяснять, от чего происходит всеобщая нужда» (стр. 41).

Кадеты приучили нас к таким рассуждениям. Прислужники буржуазии все так рассуждают в России: дайте-ка, дескать, через 9 месяцев всеобщее благосостояние — после 4-летней разорительной войны, при всесторонней помощи иностранного капитала саботажу и восстаниям буржуазии в России. Решительно никакой разницы, ни тени разницы между Каутским и контр-революционным буржуа на деле

не осталось. Сладенькие речи, подделанные «под социализм», повторяют то, что грубо, без обиняков, без прикрас, говорят корниловцы и дутовицы и красновцы в России.

*

Предыдущие строки были написаны 9 ноября 1918 г. В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и других северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета ¹⁷³).

Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним.

10 ноября 1918 .

П Р И Л О Ж Е Н И Е I.

Тезисы об Учредительном Собрании.

Напечатаны в настоящем томе на 46—49 страницах.

П Р И Л О Ж Е Н И Е II.

Новая книга Вандервельде о государстве.

Мне довелось лишь после прочтения книги Каутского ознакомиться с книгой Вандервельде ²²⁹): «Социализм против государства» (Париж 1918). Сопоставление обеих этих книг напрашивается невольно. Каутский—идейный вождь Второго (1889—1914) Интернационала, Вандервельде—формальный представитель его, как председатель Межд. Соц. Бюро. Оба представляют полное банкротство II Интернационала, оба «искусно», со всей ловкостью опытных журналистов, прикрывают марксистскими словечками это банкротство, свой собственный крах и переход на сторону буржуазии. Один особенно наглядно показывает нам типичное в немецком оппортунизме, тяжеловесном, теоретичном, грубо фальсифицирующем марксизм посредством отсечения от марксизма того, что для буржуазии неприемлемо. Другой типичен для романской— в известной мере, можно сказать: западно-европейской (в смысле: к западу от Германии лежащей)—разновидности господствующего оппортунизма, более гибкой, менее тяжеловесной, тоньше фальсифицирующей марксизм посредством того же основного приема.

Оба извращают в корне как учение Маркса о государстве, так и учение его о диктатуре пролетариата, при чем Вандервельде больше останавливается на первом вопросе, Каутский на втором. Оба затуше- вывают теснейшую, неразрывную связь того и другого вопросов. Оба на словах революционеры и марксисты, на деле — ренегаты, направ- ляющие все усилия на то, чтобы *отговориться* от революции. У обоих нет и тени того, что пронизывает насквозь все произведения Маркса и Энгельса, того, что отличает социализм на деле от буржуазной карикатуры на него, именно: выяснения задач революции *в отличие* от задач реформы, выяснения революционной тактики *в отличие* от реформистской, выяснения роли пролетариата *в уничтожении* системы или порядка, строя наемного рабства, *в отличие* от роли пролетариата «великих держав», делящегося с буржуазией частичкой ее империалист- ской сверхприбыли и сверхдобычи.

Приведем несколько существеннейших рассуждений Вандервельде в подтверждение такой оценки.

Вандервельде цитирует Маркса и Энгельса чрезвычайно усердно, подобно Каутскому. И, подобно Каутскому, он цитирует из Маркса и Энгельса все, что угодно, *кроме* того, что совершенно неприемлемо для буржуазии, что отличает революционера от реформиста. О завоевании политической власти пролетариатом—сколько угодно, ибо это уже вве- дено практикой в исключительно парламентарские рамки. О том, что Маркс и Энгельс, после опыта Коммуны, сочли необходимым дополнить устарелый отчасти «Комм. Манифест» разъяснением той истины, что ра- бочий класс не может просто овладеть готовой государственной маши- ной, что он должен *разбить* ее,—об этом *ни единого словечка!* Вандер- вельде, как и Каутский, точно сговорившись, обходит полным молча- нием как раз наиболее существенное из *опыта* пролетарской революции, как раз то, что отличает революцию пролетариата от реформ буржуазии.

Как и Каутский, Вандервельде говорит о диктатуре пролетариата, чтобы отговориться от нее. Каутский это проделал путем грубых фаль- сификаций. Вандервельде то же самое осуществляет потоньше! В соот- ветственном параграфе, параграфе 4, о «завоевании политической власти пролетариатом», он посвящает подразделение *в* вопросу о «кол- лективной диктатуре пролетариата», «цитирует» Маркса и Энгельса (повторяю: опуская как раз то, что относится к самому главному, к *развитию* старой, буржуазно-демократической государственной ма-шины) и заключает:

...«В социалистических кругах обыкновенно так себе представляют социальную революцию: новая коммуна, на этот раз побеждающая, и не в одном пункте, а в главных центрах капиталистического мира»

«Гипотеза; но гипотеза, не имеющая в себе ничего невероятного в такое время, когда уже становится видным, что послевоенный период во многих странах увидит неслыханные антагонизмы классов и социальные конвульсии».

«Только, если неудача Парижской Коммуны — не говоря о трудностях русской революции — доказывает что-либо, то это именно невозможность покончить с капиталистическим строем до тех пор, пока пролетариат не подготовится достаточно к использованию той власти, которая в силу обстоятельств могла бы достаться в его руки» (стр. 73).

И больше ровно ничего по сути дела!

Вот они, вожди и представители II Интернационала! В 1912 году они подписывают Базельский манифест, в котором прямо говорят о связи именно той войны, которая в 1914 году вспыхнула, с пролетарской революцией, прямо *грозят* ею. А когда пришла война и создавалась революционная ситуация, они начинают, эти Каутские и Вандервельде, отговариваться от революции. Извольте видеть: революция по типу Коммуны есть только невероятная гипотеза! Это совершенно аналогично рассуждению Каутского о возможной роли Советов в Европе.

Но ведь так рассуждает всякий образованный *либерал*, который, несомненно, согласится теперь, что новая коммуна «не невероятна», что Советам предстоит большая роль и т. п. Пролетарский революционер отличается от либерала тем, что, как теоретик, анализирует именно новое *государственное* значение Коммуны и Советов. Вандервельде *умалчивает* обо всем, что подробно излагают на эту тему Маркс и Энгельс, анализируя опыт Коммуны.

Как практик, как политик, марксист должен бы выяснить, что только изменники социализма могли бы теперь отстраниться от задачи: выяснить необходимость пролетарской революции (типа Коммуны, типа Советов или, допустим, какого-либо третьего типа), разъяснять необходимость подготовки к ней, пропагандировать в массах революцию, опровергать мещанские предрассудки против революции и т. д.

Ничего подобного ни Каутский, ни Вандервельде не делают, — именно потому, что они сами изменники социализма, желающие среди рабочих сохранить репутацию социалистов и марксистов.

Возьмите теоретическую постановку вопроса.

Государство и в демократической республике есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Каутский эту истину знает, признает, разделяет, — но... но обходит самый коренной вопрос, какой же класс, почему и какими средствами должен подавлять пролетариат, когда он завоеует пролетарское государство.

Вандервельде знает, признает, разделяет, цитирует это основное положение марксизма (стр. 72 его книги), но... ни словечка о «неприятной» (для господ капиталистов) теме насчет *подавления сопротивления эксплуататоров!*

Вандервельде, как и Каутский, эту «неприятную» тему совершенно обошел. В этом и состоит их ренегатство.

Вандервельде, как и Каутский, великий мастер по части замены диалектики эклектизмом. С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. С одной стороны под государством можно понимать «совокупность нации» (смотри словарь Литтре,— труд ученый что и говорить,— стр. 87 у Вандервельде), с другой стороны, под государством можно понимать «правительство» (там же). Эту ученую пошлость Вандервельде выписывает, одобряя ее *рядом* с цитатами из Маркса.

«Марксистский смысл слова «государство» отличается от обычного, — пишет Вандервельде. — Возможны «недоразумения» в силу этого. Государство у Маркса и Энгельса, это не государство в широком смысле, не государство, как орган ведения, предствитель общих интересов общества (*interêts généraux de la société*). Это — государство-власть, государство — орган авторитета, государство — орудие господства одного класса над другим» (стр. 75—76 у Вандервельде).

Об уничтожении государства Маркс и Энгельс говорят только во втором смысле... «Утверждения слишком абсолютные рисковали бы оказаться неточными. Между государством капиталистическим, основанным на господстве исключительно одного класса, и государством пролетарским, преследующим цель уничтожения классов, есть много переходных ступеней» (стр. 156).

Вот вам «манера» Вандервельде, лишь чуточку отличающаяся от манеры Каутского, по существу же тождественная с ней. Диалектика отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории. Эклектик не хочет «слишком абсолютных» утверждений, чтобы просунуть свое мещанское, свое филистерское пожелание «*переходными ступенями*» заменить революцию.

О том, что переходной ступенью между государством, органом господства класса капиталистов, и государством, органом господства пролетариата, является именно *революция*, состоящая в *свержении* буржуазии и в *ломке*, в разбитии *ее* государственной машины, об этом Каутские и Вандервельде молчат.

О том, что диктатура буржуазии должна смениться диктатурой *одного* класса, пролетариата, что за «переходными ступенями» *революции*

последуют «переходные ступени» постепенного отмирания пролетарского государства, это Каутские и Вандервельде затушевывают.

В этом и состоит их политическое ренегатство.

В этом и состоит, теоретически, философски, подмена диалектики эклектизмом и софистикой. Диалектика конкретна и революционна, «переход» от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от «перехода» демократического пролетарского государства к не-государству («отмирание государства»). Эклектика и софистика Каутских и Вандервельде, в угоду буржуазии, смазывают все конкретное и точное в классовой борьбе, подставляя общее понятие «перехода», куда можно запрятать (и куда *девять десятых* официальных *социал-демократов* нашей эпохи *прячет*) отречение от революции!

Вандервельде, как эклектик и софист, поискуснее, потоньше чем Каутский, ибо посредством *фразы*: «переход от государства в узком смысле к государству в широком смысле» можно обойти все какие бы то ни было вопросы революции, обойти все различие между революцией и реформой, даже различие между марксистом и либералом. Ибо какой же европейски образованный буржуа вздумает отрицать «вообще» «переходные ступени» в таком «общем» смысле?

— Я согласен с Гэдом ²³⁰), — пишет Вандервельде, — в том, что невозможно социализировать средства производства и обмена без предварительного выполнения двух следующих условий:

«1. Превращение теперешнего государства, органа господства одного класса над другим, в то, что Менгер ²³¹) называет народным государством труда, посредством завоевания пролетариатом политической власти.

«2. Отделение государства, органа авторитета, и государства, органа ведения, или, употребляя сен-симонистское выражение, управления людьми от администрирования вещами» (стр. 89).

Это пишет Вандервельде курсивом, особенно подчеркивая значение таких положений. Но ведь это чистейшая эклектическая каша, полный разрыв с марксизмом! Ведь «народное государство труда» есть лишь пересказ старого «свободного народного государства», которым щеголяли немецкие социал-демократы в 70-х годах и которое Энгельс клеймил, как бессмыслицу. Выражение «народное государство труда» есть фраза, достойная мелко-буржуазного демократа (вроде нашего левого эс-эра), — фраза, заменяющая классовые понятия *вне-классовыми*. Вандервельде ставит рядом и завоевание *пролетариатом* (одним *классом*) государственной власти, и «народное» государство, не замечая того, что получается каша. У Каутского с его «чистой демократией» получается такая же каша, такое же антиреволюционное,

мещанское игнорирование задач классовой революции, классовой, пролетарской диктатуры, *классового* (пролетарского) государства.

Далее. Управление людьми исчезнет и уступит место администрированию вещами лишь тогда, когда отомрет *всякое* государство. Этим сравнительно отдаленным будущим Вандервельде загромождает, затеняет задачу *завтрашнего* дня: *свержение* буржуазии.

Такой прием опять-таки равняется прислужничеству либеральной буржуазии. Либерал согласен поговорить о том, что будет тогда, когда людьми не надо будет управлять. Отчего же не заняться столь безвредными мечтами? А вот о подавлении пролетариатом сопротивления буржуазии, сопротивляющейся ее экспроприации, — об этом помолчим. Этого требует классовый интерес буржуазии.

«Социализм против государства». Это — поклон Вандервельде пролетариату. Поклониться нетрудно, всякий «демократический» политик умеет кланяться своим избирателям. А под прикрытием «поклона» проводится антиреволюционное, антипролетарское содержание.

Вандервельде подробно пересказывает Острогорского насчет того, сколько обмана, насилия, подкупа, лжи, лицемерия, притеснения бедных прячется под цивилизованной, прилизанной, приглаженной внешностью современной буржуазной демократии. Но вывода из этого Вандервельде не делает. Того, что буржуазная демократия подавляет трудящуюся и эксплуатируемую массу, а *пролетарская демократия* должна будет *подавлять буржуазию*, он не замечает. Каутский и Вандервельде слепы к этому. Классовый интерес буржуазии, за которой плетутся эти мелко-буржуазные изменники марксизму, *требует* обхода этого вопроса, замалчивания его или прямого отрицания надобности в таком подавлении.

Мещанский эклектизм против марксизма, софистика против диалектики, филистерский реформизм против пролетарской революции, — вот как надо бы было озаглавить книгу Вандервельде.

Написана в ноябре 1918 г. Издана отдельной брошюрой в 1918 г. книгоиздательством «Коммунист» в Москве.

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ
СЪЕЗД СОВЕТОВ
Р., К., К. и К. Д.

6—9 ноября 1918 г.

VI Всероссийский Съезд Советов ²²⁵⁾.

Годовщина пролетарской революции.

(Речь на заседании 6 ноября 1918 года.)

Товарищи! Годовщину нашей революции нам приходится чествовать в такой момент, когда разыгрываются самые крупные события международного рабочего движения, и когда даже наиболее скептическим, даже наиболее сомневающимся элементам рабочего класса и трудящихся стало очевидным, что мировая война не окончится соглашениями или насилиями старого правительства и старого господствующего класса буржуазии, что она ведет не только Россию, но и весь мир ко всемирной пролетарской революции, к победе рабочих над капиталом, который залил кровью землю и показывает после всех насилий и зверств германского империализма ту же политику со стороны англо-французского империализма, поддерживаемого Австрией и Германией.

В тот день, когда мы чествуем годовщину революции, следует бросить взгляд на тот путь, который прошла она. Нам пришлось начинать нашу революцию в условиях необыкновенно трудных, в которых не будет находиться ни одна из дальнейших рабочих революций мира, и поэтому особенно важно, чтобы мы попытались осветить в целом пройденный нами путь, посмотреть, что за это время достигнуто и насколько мы подготовились за этот год к нашей главной, настоящей, к нашей решающей, основной задаче. Мы должны быть частью отрядов, частью всемирной пролетарской и социалистической армии. Мы всегда отдавали себе отчет в том, что если бы нам пришлось начать революцию, нарастающую из всемирной борьбы, то вовсе не в силу каких-либо заслуг русского пролетариата, или в силу того, что он был впереди других, напротив, только особенная его слабость, отсталость и особенно стеснительные военно-стратегические обстоятельства создали то, что нам пришлось ходом событий занять место впереди других отрядов, дожидаясь, пока эти отряды пойдут, поднимутся. Мы теперь дали себе

отчет, чтобы узнать, насколько мы подготовились, чтобы подойти к тем битвам, которые теперь предстоят в нашей грядущей революции. И вот, товарищи, задавая себе вопрос, что мы сделали в крупном масштабе за этот год, мы должны сказать, что сделано следующее: от рабочего контроля, этих начальных шагов рабочего класса, от хозяйничанья всеми средствами страны мы подошли вплотную к созданию рабочего правления промышленности; от общекрестьянской борьбы за землю, от борьбы крестьян с помещиками, от борьбы, которая носила общенациональный, буржуазный, демократический характер, мы пришли к тому, что в деревне выделились пролетарские и полупролетарские элементы, выделились те, которые особенно трудятся, те, которых эксплуатируют, они поднялись на строительство новой жизни; наиболее угнетенная часть деревни вступила в борьбу до конца с буржуазией, в том числе со своей деревенской кулацкой буржуазией.

Дальше, от первых шагов советской организации, мы пришли к тому, как справедливо заметил открывавший съезд товарищ Свердлов ²³²), что нет в России такого захолустья, где бы советская организация не упрочилась, не составляла бы цельной части советской конституции, выработанной на основе долгого опыта борьбы всех трудящихся и угнетенных.

От нашей полной беззащитности, от последней 4-летней войны, которая оставила в массах не только ненависть угнетенных людей, но и отвращение, и страшную усталость, и измученность, которая осудила революцию на самый трудный, тяжелый период, когда мы были беззащитны перед ударами германского и австрийского империализма,—от этой беззащитности мы пришли к могучей Красной армии и, наконец, самое важное, мы пришли от международного одиночества, от которого мы страдали и в октябре и в начале текущего года, к такому положению, когда наш единственный, но прочный союзник трудящихся и угнетенных всех стран, когда он, наконец, поднялся, когда вожди западно-европейского пролетариата, как Либкнехт и Адлер ²³³) — вожди, которые долгими месяцами каторги заплатили за свои смелые, геройские попытки поднять голос против империалистической войны,—мы видим, что эти вожди на свободе, потому что их заставила освободить венская и берлинская рабочая революция, которая растет не по дням, а по часам. От одиночества мы пришли к тому положению, когда мы стоим рука об руку, плечом к плечу с нашими международными союзниками. Вот основное, что достигнуто за этот год. И я позволю себе вкратце остановиться на этом пути, остановиться на этом переходе.

Товарищи! Нашим лозунгом вначале был рабочий контроль. Мы говорили: несмотря на все обещания правительства Керенского, капитал продолжает саботировать производство страны, разрушая его все дальше и дальше. Мы видим теперь, что дело шло к разложению, и первым основным шагом, который обязателен для всякого не только социалистического, но и рабочего правительства, должен быть рабочий контроль. Мы не декретировали сразу социализма во всей нашей промышленности потому, что социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс. Без этого социализм есть только пожелание. Поэтому мы ввели рабочий контроль, зная, что это шаг противоречивый, шаг не полный, но необходимо, чтобы рабочие сами взялись за великое дело строительства промышленности громадной страны без эксплуататоров, против эксплуататоров, и, товарищи, кто принимал непосредственное или даже косвенное участие в этом строительстве, кто пережил весь гнет и зверства старого капиталистического режима, тот научится многому и многому. Мы знаем, что добыто мало. Мы знаем, что в стране наиболее отсталой и разоренной, где рабочему классу ставили столько препон и рогаток, чтобы научиться управлять промышленностью, ему нужен долгий срок. Мы считаем самым важным и ценным то, что за это управление взялись сами рабочие, что с рабочего контроля, который должен был оставаться хаотическим, раздробленным, кустарным, неполным во всех главнейших отраслях промышленности, мы подошли к рабочему управлению промышленности, в обще-национальном масштабе.

Рабочие и профессиональные союзы переменили свое положение. Главной задачей их стало то, что они выдвигали представителей во все главки и центры, во все те новые организации, которые приняли от капитализма разоренную, умышленно саботирующую промышленность, и взялись за нее не при помощи всех тех интеллигентских сил, которые ставили с самого начала своей задачей использовать знание и высшее образование (этот результат приобретения человечеством запаса наук). Все это они использовали для того, чтобы сорвать дело социализма, использовать науку не для того, чтобы она помогла массам в устройстве общественного, народного хозяйства без эксплуататоров. Эти люди ставили задачей использовать науку для того, чтобы бросать камни под колеса, мешать рабочим, наименее подготовленным к этому делу, которые брались за дело управления, и мы можем сказать, что основная в этом помеха сломлена. Это было необычайно трудно. Саботаж всех тяготеющих к буржуазии элементов сломлен. Несмотря на то

громадные препятствия, рабочим удалось сделать этот основной шаг, который подвел фундамент социализму. Мы нисколько не преувеличиваем и не боимся сказать правду. Да, сделано мало с точки зрения достижения конца, но сделано много, необыкновенно много, с точки зрения упрочения фундамента. Говоря о социализме, нельзя говорить о строительстве фундамента сознательного в самых широких рабочих массах в том смысле, чтобы они взяли книжки, прочли брошюру, а сознательность—это то, что они взялись собственной энергией, собственными руками за необыкновенно трудное дело, наделали тысячи ошибок, и от каждой ошибки сами страдали, и каждая ошибка выковывала и закаляла в той работе по организации управления промышленности, которая теперь создана и стоит теперь на прочном фундаменте. Они довели работу свою до конца. Теперь эта работа будет делаться не так, как тогда,—теперь вся рабочая масса, а не только вожди и передовики, а действительно широчайшие слои знают, что они сами собственной рукой строят социализм, фундамент построили, и никакая сила внутри страны не помешает довести это дело до конца. Если по отношению к промышленности встретились такие большие трудности, если там мы должны были пережить этот кажущийся многим долгий, а на самом деле короткий путь, приведший от рабочего контроля к рабочему управлению, то в наиболее отсталой деревне нам пришлось проделать гораздо больше подготовительной работы. И тот, кто наблюдал деревенскую жизнь, кто соприкоснулся с крестьянскими массами в деревне, говорит: октябрьская революция городов для деревни стала настоящей октябрьской революцией только летом и осенью 1918 г. И здесь, товарищи, когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть, они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо идти более постепенно, что здесь пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае не обгоняя развитие масс, а дожидаясь, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед. Мы ограничились в октябре тем, что старого векового врага крестьян, помещика-крепостника, собственника латифундий, смели сразу. Это была обще-крестьянская борьба. Тут еще внутри крестьянства не было деления между пролетариатом, полупролетариатом, беднейшей частью крестьянства и буржуазией. Мы, социалисты, знали, что без этой борьбы социализма

нет, но мы знали также, что недостаточно нашего знания, что необходимо, чтобы оно проникло в миллионы не из пропаганды, а из собственного опыта этих миллионов, и поэтому мы, когда все крестьянство в целом представляло себе переворот лишь на началах уравнительного землепользования,— мы открыто сказали в нашем декрете от 26 октября 1917 года, что мы берем в основу крестьянский наказ о земле. Мы открыто сказали, что он не отвечает нашим взглядам, что это не есть коммунизм, но мы не навязывали того, что не соответствовало его взглядам, а соответствовало лишь нашей программе. Мы заявили, что мы идем с ними, как с трудовыми товарищами, уверенные, что ход революции приведет к той же самой обстановке, к которой мы пришли сами, и в результате мы видим крестьянское движение. Аграрная реформа началась с той самой социализации земли, которую мы проводили сами своими голосами, говоря открыто, что она не соответствует нашим взглядам, зная, что идею уравнительного землепользования разделяет громадное большинство, не желая ему ничего навязывать, дожидаясь, когда крестьянство само изживет это и пойдет дальше вперед. И мы дожидались и сумели подготовить наши силы.

Закон, который мы тогда приняли, исходя из общедемократических начал, из того, что объединяет богатого мужика-кулака с бедным — ненависть к помещику, из общей идеи равенства, которая являлась, безусловно, революционной идеей против старого порядка монархии, от этого деления должен был перейти к делению внутри крестьян. Мы провели закон о социализации земли с общего согласия. Он был единогласно принят и нами и теми, которые не разделяли взглядов большевиков. Мы в вопросе о том, кому владеть землею — предоставили первое место в решении этого вопроса сельско-хозяйственным коммунам. Мы оставили дорогу свободной для того, чтобы земледелие могло развиваться на социалистических началах, прекрасно зная, что оно сейчас, в октябре 1917 года, вступить на эту дорогу не в состоянии. Нашей подготовкой мы дождались того, что достигли гигантского всемирно-исторического шага, который не сделан еще ни в одном из самых демократических, республиканских государств. Этот шаг нынешним летом сделан был всей массой даже в наиболее захолустных русских деревнях. Когда дело дошло до продовольственных неурядиц, до голода, когда вследствие старого наследия и проклятых четырех лет войны, когда усилиями контр-революции и гражданской войны был отнят самый хлебный район, когда все это дошло до высшей точки, и голод грозил опасностью городам,— тогда единственный и вернейший, прочный оплот нашей власти — передовой рабочий городов и промышленных районов — двинулся объединенно в деревню. Клевещут те, которые

говорят, что рабочие двинулись, чтобы внести вооруженную борьбу между рабочими и крестьянами. Эту клевету опровергают события. Они шли для того, чтобы дать отпор эксплуататорским элементам деревни — кулакам, которые нажили неслыханные богатства в спекуляции с хлебом в то время, когда народ умирал с голода. Они шли на помощь трудящейся бедноте, большинству деревень, и что они шли не напрасно, что они протягивали руку союза, что их подготовительная работа слилась с массой,— это полностью показал июль...

Этот июльский кризис, когда кулацкое восстание ¹⁴²⁾ пробежало по всей России,— июльский кризис закончился тем, что в деревнях повсюду поднялись трудовые эксплуатируемые элементы, поднялись с пролетариатом городов. Сегодня тов. Зиновьев ²³⁴⁾ сообщал мне по телефону, что в Питере областной съезд комитетов бедноты ¹⁵⁷⁾ достиг 18.000 чел. и что там господствует необыкновенный энтузиазм и воодушевление. По мере того, как вкладывается в более наглядную форму то, что происходит во всей России, когда поднялась деревенская беднота, она увидела борьбу с кулаками на собственном опыте, увидела, что для того, чтобы обеспечить продовольствие в городе, чтобы восстановить товарообмен, без которого деревня жить не может, нельзя идти вместе с деревенской буржуазией и с кулаками. Нужно организоваться отдельно. И нами теперь сделан первый и величайший шаг социалистической революции в деревне. В октябре этого сделать мы не могли. Мы поняли этот момент, когда могли идти к массам, и мы достигли теперь того, что социалистическая революция в деревнях начата, что нет такой захолустной деревни, где не знали бы, что свой брат—богачей, свой брат—кулак, если он спекулирует с хлебом, смотрит на все происходящие события со старой захолустной точки зрения. И вот деревенское хозяйство, деревенская беднота, сплываясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства. Только теперь социалистическое строительство начнется в деревнях. Только теперь образуются те советы и хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере, к использованию знаний, науки и техники, что на основах старого, реакционного темного времени даже простой, элементарной, человеческой культуры дать не может. Тут еще более трудная работа, чем в промышленности. Тут еще больше ошибок делается нашими местными комитетами и советами на местах. На ошибках они учатся. Мы не боимся ошибок, когда их делают массы, сознательно относящиеся к строительству, потому что мы полагаемся только на собственный опыт и на собственное приложение рук. И вот

величайший переворот, который в такое короткое время привел нас к социализму в деревне, показывает, что вся эта борьба увенчалась успехом. Это наиболее наглядно доказывает Красная армия. Вы знаете, в каком положении мы оказались во всемирной империалистической войне, когда Россия оказалась в таком положении, что народные массы не могли этого вынести. Мы знаем, что мы тогда оказались в положении самом беспомощном. Мы открыто сказали рабочей массе всю правду. Мы разоблачили тайные империалистические договоры той политики, которая служит величайшим орудием обмана, которая теперь в Америке, самой передовой демократической республике буржуазного империализма, обманывает массы как никогда, водит за нос массы. Когда война, ее империалистический характер, стал наглядным для всех, в это время единственной страной, которая тайную буржуазную внешнюю политику сломала до основания, была Российская Советская республика. Она разоблачила тайные договоры и сказала через тов. Троцкого, обращаясь к странам всего мира: мы зовем вас на окончание этой войны демократическим путем без аннексий и контрибуций и говорим открыто и гордо тяжелую правду, но все-таки правду, что для того, чтобы окончить эту войну, нужна революция против буржуазного правительства. Наш голос остался одиноким. За это мы должны были расплачиваться тем невероятно тяжелым и трудным миром, который был навязан насильническим Брестским договором, который среди многих сочувствующих людей посеял уныние и отчаяние. Это было потому, что мы одиноки. Но мы исполняли долг свой, мы перед всеми сказали: таковы цели войны. И если на нас обрушилась лавина германского империализма, то это потому, что требовался большой промежуток времени, пока наши рабочие и крестьяне пришли к твердой организации. Тогда мы армии не имели; у нас была старая дезорганизованная армия империалистов, которую гнали в войну за те цели, которых солдаты не держались, которым они не сочувствовали. Тут оказалось, что нам пришлось переживать весьма мучительный переворот. Это был период, когда массы должны были отдохнуть от мучительнейшей империалистской войны и сознать, что начинается новая война. Мы вправе назвать нашей войной ту войну, когда мы будем отстаивать свою социалистическую революцию. Это нужно было понять миллионам и десяткам миллионов людей из своего опыта. На это пошли месяцы. Долгим и тяжелым путем пробивалось это сознание. Но летом нынешнего года стало ясным для всех, что оно, наконец, пробилось, что перерождение наступило, что армия, которая есть продукт народной массы, потому что она выражает собой усталость и отчаяние, армия, которая жертвует собой, которая после

четырёхлетней кровавой бойни идет опять на войну, чтобы такая армия шла за Советскую республику нашей страны, нужно, чтобы усталость и отчаяние в массе, идущей в эту бойню, сменились ясным сознанием того, что они идут умирать, действительно, за свое дело—за рабочие и крестьянские Советы, за социалистическую республику. Это достигнуто. Те победы, которые мы летом одерживали над чехословаками ¹³⁹), и те сведения о победах, которые получаются и которые достигают очень больших размеров, доказывают, что перерождение наступило, и что самая трудная задача,—задача создания сознательной социалистической организованной массы после четырёхлетней мучительной войны,—эта задача достигнута. Это сознание проникло глубоко в массы. Десятки миллионов поняли, что они заняты трудным делом. В этом залог того, что хотя теперь на нас и собираются силы всемирного империализма, которые сильнее нас в данный момент, что хотя нас теперь окружают солдаты империалистов, которые поняли опасность Советской власти и горят желанием ее задушить, несмотря на то, что мы правду говорим сейчас, не скрываем, что они сильнее нас, мы не предаемся отчаянию. Мы говорим: «Советская республика растет!». Дело пролетарской революции растет скорее, чем приближаются силы империалистов. Мы полны надежды и уверенности, что мы защищаем интересы не только русской социалистической революции, но мы ведем войну, защищая всемирную социалистическую революцию. Наши надежды на победу растут быстрее, потому что растет сознание наших рабочих. Чем была советская организация в октябре прошлого года? Это были первые шаги. Мы не могли ее приспособить, чтобы ее довести до настоящего положения,—а теперь мы имеем Советскую конституцию. Мы знаем, что эта Советская конституция, которая в июле утверждена, что она не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны и во всем мире. У нас есть запас опыта в борьбе. И этот запас опыта дал нам наглядное подтверждение того, что организованные рабочие создавали Советскую власть без чиновников, без постоянной армии, без привилегий, фактически делаемых для буржуазии,—делали эту борьбу в основе своей не хуже их и создавали на фабриках и заводах фундамент нового строительства. Мы приступаем к работе, привлекая новых сотрудников, которые необходимы для проведения Советской конституции. У нас есть теперь готовый кадр новобранцев, молодых крестьян, которых мы должны привлечь к работе, чтобы они могли войти в эти новые кадры и помочь нам довести дело до конца.

И теперь последний пункт, на котором я хочу остановиться, это — вопрос о международном положении. Мы стоим плечо с плечом с нашими международными товарищами и теперь мы убедились, как решительно и энергично выражают они уверенность, что русская пролетарская революция пойдет вместе с ними, как международная революция.

По мере того, как росло международное значение революции, также росло и усиливалось бешеное сплочение империалистов всего мира. В октябре 1917 года они считали нашу республику курьезом, на который не стоило обращать внимания; в феврале они считали ее социалистическим экспериментом, с которым не стоило считаться. Но армия республики росла, укреплялась, она разрешила самую трудную задачу создания социалистической Красной армии. В силу роста и успеха нашего дела, росли бешеное сопротивление и бешеная ненависть империалистов всех стран, которые пришли к тому, что англо-французские капиталисты, кричавшие, что они враги Вильгельма, близки к тому, чтобы соединиться с тем же самым Вильгельмом в борьбе за удушение социалистической Советской республики, так как они видели, что она перестала быть курьезом и социалистическим экспериментом, а стала очагом, настоящим, фактическим очагом всемирной социалистической революции. Вот почему по мере того, как росли успехи нашей революции, росло число наших врагов, и мы должны дать себе отчет, нисколько не скрывая тяжести нашего положения, отчет о том, что нам предстоит впереди. Но на это мы пойдем, и мы идем уже не одни, а вместе с рабочими Вены и Берлина, которые поднимаются на ту же борьбу и внесут в нее, быть может, большую дисциплинированность и сознательность в наше общее дело.

Товарищи, чтобы показать вам, как сгущаются тучи против нашей Советской республики и какие опасности нам грозят, позвольте прочесть вам полный текст ноты, которую сообщило нам через свое консульство германское правительство (*читает* *).

Товарищи! Мы все прекрасно помним, что германское правительство превосходно знало, что русское посольство с самого начала войны пользовалось гостеприимством германских социалистов, а те, кто

*) Текст ноты к стенограммам Съезда, изданным ВЦИК., не приложен. Речь идет о ноте императорского германского правительства, уведомлявшей народный комиссариат иностранных дел о высылке из Германии полномочного представителя РСФСР тов. Иоффе. Высылка последовала отчасти из боязни установления связей между Советской Россией и развертывавшейся в Германии революцией, отчасти в угоду Антанте, для соглашения с которой нащупывала почву обанкротившаяся империя.

стоял за германский империализм, такие люди порога русского посольства не переступали. Другими их были те социалисты, которые были против войны, которые сочувствовали Карлу Либкнехту. Они с самого начала существования посольства были его гостями и только с ними были мы в общении. Это германское правительство великолепно знало. Они за каждым представителем нашего правительства следят с таким же тщанием, с каким правительство Николая II следило за нашими товарищами. И если теперь правительство делает этот жест не только потому, чтобы что-нибудь изменилось, а потому, что оно раньше считало себя более сильным и не боялось, чтобы из-за одного дома, зажженного на улицах Берлина, загорелась вся Германия. Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом.

Это только смешно. Если германское правительство собирается объявить разрыв дипломатических сношений, то мы скажем, что это мы знали, что оно всеми силами стремится к союзу с англо-французскими империалистами. Мы знаем, что правительство Вильсона засыпало телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лифляндии потому, что хотя вы и враги германского империализма, но эти войска делают ваше дело: они подавляют большевиков. Дайте уйти им только тогда, когда появятся антантофильские освободительные войска, чтобы душить большевиков.

Это мы прекрасно знаем; с этой стороны для нас здесь нет ничего неожиданного. Мы говорили только, что теперь, когда Германия загорелась, а Австрия¹⁷³) вся горит, когда им пришлось выпустить Либкнехта и предоставить ему возможность поехать в русское посольство, что было решено общим собранием социалистов, с Либкнехтом во главе,—теперь подобный шаг со стороны германского правительства не столько свидетельствует, что они хотят воевать, сколько о том, что они совершенно потеряли голову, что они мечутся между различными решениями, потому что на них надвинулся жесточайший враг—англо-американский империализм, который подавил Австрию в сто раз более насильническим миром, чем был Брестский мир. Германия видит, что ее также хотят эти освободители душить, терзать, мучить, и, вместе с тем, поднимается рабочий Германии, что германская армия не потому оказалась негодной, небоеспособной, что была слаба дисциплина, а потому, что солдаты, отказавшиеся сражаться, с восточного фронта перенесены на западный немецкий фронт, и они перенесли с собою то, что буржуазия называет мировым большевизмом

Вот почему германская армия оказалась небоеспособной, и вот почему этот документ больше всего доказывает это метание. Мы говорим, что он поведет к разрыву дипломатических сношений, а может быть, повел бы к войне, если бы у них оказывались силы вести белогвардейские войска. Поэтому мы дали телеграмму всем совдепам, которая кончается тем, чтобы быть на-чеку, приготовиться, надо напрячь все силы, это одно из проявлений того, что международный империализм своей главной задачей ставит свержение большевизма. Это не значит победить только Россию,—это значит победить своих собственных рабочих в каждой стране. Этого им не удастся сделать, какие зверства и насилия ни последовали бы за этим решением. И они, эти звери, готовятся, они готовят поход на Россию с юга, через Дарданеллы, или Болгарию, или Румынию. Они ведут переговоры, чтобы в Германии образовать белогвардейские войска и бросить на Россию. Эту опасность мы прекрасно сознаем и открыто говорим:

«Товарищи, мы работали год недаром: мы подвели фундамент, мы подошли к решительным битвам, которые действительно будут решительными». Но мы идем не одни: пролетариат западной Европы поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии. Тамошнее правительство отличается той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время к концу февраля 1917 года правительство Николая Романова. Нашим лозунгом должно быть: еще и еще раз напрячь все свои силы, памятуя, что мы подходим к последней решительной битве, не за русскую, а за международную социалистическую революцию.

Мы знаем, что звери империализма еще сильнее масс, они могут еще нам и нашей стране причинить массу насилий, зверств и мучений, но они не могут победить международную революцию. Они полны дикой ненависти, и поэтому мы говорим себе: «Будь, что будет, а каждый рабочий и крестьянин России исполнит свой долг и пойдет умирать, если это требуется в интересах революции». Мы говорим: «Будь, что будет, но какие бы бедствия ни накликali еще империалисты, они этим себя не спасут». Империализм погиб, а международная социалистическая революция, несмотря ни на что, победит.

«Протоколы VI съезда Советов».
Изд. В. Ц. И. К. Москва 1919 г.

О международной революции:

(Речь на заседании 8 ноября 1918 года.)

Товарищи, с самого начала октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях стал перед нами, как самый главный вопрос, не только потому, что империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему,— чтобы не сказать, в один грязный кровавый комок,— а потому, что полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем. Вот почему вопрос о том, насколько мы достигнем расширения революции и в других странах и насколько нам удастся до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции. Я самым кратким образом позволю себе напомнить вам главные этапы нашей международной политики за истекший год. Как мне уже случалось указывать в речи по поводу годовщины революции, главным признаком нашего положения год тому назад было наше одиночество, как ни прочно было наше убеждение в том, что во всей Европе создается и создалась революционная сила, что война не кончится без революции, но признаков начавшейся или начинающейся революции тогда не было. В этом положении нам ничего не оставалось, как направить усилия нашей внешней политики на просвещение рабочих масс западной Европы,— просвещение не в том смысле, чтобы мы претендовали на большую подготовку, чем они, а в том смысле, что, пока не свергнута буржуазия одной страны, господствует военная цензура и тот неслыханный кровавый туман, который сопровождает всякую войну, особенно реакционную. Вы прекрасно знаете, что в самых демократических республиканских странах война означает военную цензуру и неслыханные методы, употреблявшиеся буржуазией вместе с буржуазными штабами для того, чтобы обманывать парод. Нашей задачей было поделиться тем, что в этом отношении завоевано, с другими народами. Мы сделали в этом отношении все, что могли, когда мы сорвали и опубликовали те грязные тайные договоры, которые бывший царь заключил к выгоде капиталистов с капиталистами Англии и Франции. Вы знаете, что договоры были насквозь грабительскими. Вы знаете, что правление Керенского и меньшевиков сохранило эти договоры в тайне и подкрепило их. Нам случается в виде исключения встречать в сколько-нибудь честной прессе Англии и Франции указания, что лишь благодаря русской революции они,

французы и англичане, узнали многое существенное,— касающееся их дипломатической истории.

Конечно, мы сделали очень мало с точки зрения социальной революции в целом, но то, что мы сделали, было одним из крупнейших шагов к ее подготовке.

Если теперь попытаться окинуть общим взглядом те результаты, которые дало нам разоблачение германского империализма, то мы увидим, что теперь трудящимся всех стран стал наглядным и ясным факт, что их заставляли вести войну кровавую и грабительскую, и в конце этого года войны начинается такое же разоблачение поведения Англии и Америки, потому что масса открывает глаза и начинает разбираться в сущности их замыслов. Вот все, что мы сделали, и свою лепту мы внесли. Разоблачение таких договоров было ударом для империализма; условия мира, который мы принуждены были подписать, были в смысле пропаганды и агитации таким могучим оружием и ими мы сделали так много, как не сделало ни одно правительство, ни один народ. Если попытка, которая была предпринята нами,— разбудить массы,—не дала результатов сразу, то мы никогда и не предполагали, что революция начнется немедленно или же все потянуло. В течение последних 15 лет мы провели две революции, и мы видели ясно, какой период они должны пройти, пока овладеют массами. Подтверждение этому мы находим в последних событиях в Австрии и Германии. Мы говорили, что мы рассчитываем не на то, чтобы в союзе с хищниками стать такими же хищниками,—нет, мы рассчитывали на то, чтобы будить пролетариат враждебных стран. Нам отвечали насмешками, говоря, что мы собираемся будить пролетариат Германии, который удушит нас, пока мы собираемся выступить против него с пропагандой. А факты показали, что мы были правы, когда рассчитывали, что трудящиеся массы во всех странах одинаково враждебны империализму. Надо только дать им известный период для подготовки, ибо в русском народе, несмотря на воспоминания о революции 1905 года, потребовался также продолжительный период прежде, чем мы поднялись снова на революцию.

Перед Брестским миром мы сделали все, что могли, чтобы нанести империализму удар. Если история нарастания пролетарской революции этого не вычеркнула, и если Брестский мир заставил нас отступить перед империализмом, то это произошло потому, что в январе 1918 года мы не были еще достаточно подготовлены. Судьба осудила нас на одиночество, и мы пережили мучительную эпоху после Брестского мира. Нам говорили: «Лучше новый союз с империалистами, только не подписание такого мира».

Когда люди готовы были притти в отчаяние, мы говорили себе: лучше новая война с англо-французами, лишь бы не подчиняться насильническому миру. Мы говорили, если бы мы обращались к международным рабочим, мы бы продолжали свою работу. Товарищи, 4 года, которые мы прожили в международной войне, дали мир, но мир насильнический. Но и этот насильнический мир в конечном итоге показал, что мы правы и что наши надежды построены не на песке. С каждым месяцем мы укреплялись, а западно-европейский империализм ослабевал. Теперь мы видим в результате, что Германия, которая полгода тому назад совершенно не считалась с нашим посольством, которая думала, что там не может быть ни одного красного дома, по крайней мере, в последнее время, слабеет ¹⁷³). Последняя телеграмма сообщает о воззвании германского империализма к массам, чтобы они сохранили спокойствие, что мир близок. Мы знаем, что значит, когда императоры обращаются с призывом о сохранении спокойствия и обещают в близком будущем то, что исполнить они не могут. Если Германия получит скоро мир, то этот мир будет для них Брестским миром, который вместо мира принесет трудящимся массам больше мучений, чем они вынесли до сих пор. Так сложились итоги нашей международной политики, что через полгода после Брестского мира мы с точки зрения буржуазии представляли собою страну разбитую, но с точки зрения пролетарской мы пришли к пути быстрого роста и стоим во главе пролетарской армии, которая начала колебать Австрию и Германию. Этот успех подтвердил собой и вполне оправдал в глазах всякого представителя пролетарских масс все жертвы, которые были принесены. Если бы случилось, что нас вдруг смело бы,—предположим, что наступил бы конец нашей деятельности, но этого не может быть: чудес не бывает, но если бы это случилось,—мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции. Мы все сделали для трудящихся масс России, и нами сделано больше, чем кем бы то ни было, для мировой пролетарской революции. Товарищи, вот во время последних месяцев, последних недель международное положение стало резко меняться, пока германский империализм не оказался почти разрушенным. Все надежды на Украину, которой германский империализм кормил своих трудящихся, оказались лишь обещаниями ¹⁴¹). Оказалось, что американский империализм подготовился, и Германии был нанесен удар. Наступило совершенно иное положение. Мы ни в чем не делали себе иллюзий. После октябрьской революции мы были гораздо слабее империализма, и теперь мы слабее, чем международный империализм,—мы

это и сейчас должны повторять, чтобы не впадать в самообман; после октябрьской революции мы были слабее и не могли принимать боя. И сейчас мы слабее и должны сделать все необходимое, чтобы избежать боя с ним.

Но если нам удалось просуществовать год после октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла, а, конечно, они обе направили бы на нас эти силы, если бы могли. Война, ее кровавый туман застилал глаза. Материальные жертвы, которые нужны были для войны, требовали напряжения сил до последней степени. Им было не до нас, не благодаря тому, что мы были каким-либо чудом сильнее империалистов,— нет, это пустяк, а только благодаря тому факту, что международный империализм раскололся на две группы хищников, которые душили друг друга. Только этим мы обязаны тому, что Советская республика открыто провозгласила борьбу империалистам всех стран, отняв у них капиталы в виде заграничных займов, бивши их по лицу, открыто задевая по разбойничьему карману. Период заявлений, которые мы делали в то время по поводу той переписки, которую заводили немецкие империалисты, и несмотря на то, что всемирный империализм не мог так броситься, как он должен был по его вражде и жажде капиталистической прибыли, неслыханно увеличенной войной,— этот период кончился. С того момента, когда англо-американские империалисты оказались победителями второй группы, они целиком заняты борьбой между собой и тем самым должны отвлекаться от решительного похода против Советской республики. Второй группы больше нет: осталась одна группа победителей. Это совершенно изменило наше международное положение, и мы должны считаться с этой переменой. В каком отношении стоит эта перемена к развитию международной перемены,—на это отвечают факты. Страны, потерпевшие поражение, переживают теперь победу рабочей революции, ибо ясно для всех ее громадное развитие. Когда мы брали власть в октябре, мы в Европе были ничем больше, как отдельной искрой. Правда, искры умножались, и эти искры шли от нас. Это—величайшее дело, которое нам удалось сделать, но все же это были отдельные искры, и теперь мы видим, там горит пожар и охвачено большинство стран: Америка, Германия, Англия. Мы знаем, что после Болгарии перекинулась революция на Сербию. Мы знаем, как эти рабоче-крестьянские революции прошли через Австрию и дошли до Германии. Целый ряд стран объят

пожаром рабочей революции. В этом отношении наши усилия и те жертвы, которые мы приносили, оправдались. Они оказались не авантюрой, как клеветали враги, а необходимым переходом к международной революции, который должна была пережить страна, поставленная впереди, несмотря на свою неразвитость и отсталость.

Это один результат — самый важный с точки зрения окончательного исхода империалистической войны. Другой результат — тот, на который я указывал вначале, — что англо-американский империализм стал теперь так же изобличать себя, как в свое время австро-германский. Мы видим, что если бы во время Брестских переговоров Германия оказалась бы сколько-нибудь владеющей собой, сколько-нибудь хладнокровной, способной воздерживаться от авантур, — она могла бы удержать свое господство, могла бы завоевать себе, несомненно, выгодное положение на Западе. Она этого не сделала потому, что такую машину, как война миллионов и десятков миллионов, — война, которой разожжены до последней степени шовинистические страсти, война, которая связана с интересами, измеряемыми капиталистическими сотнями миллиардов рублей, — такую машину, раз ее разогнали, никаким тормозом остановить нельзя. Эта машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели. И вот теперь у нас на глазах в этом весьма некрасивом, но с точки зрения революционного пролетариата весьма полезном состоянии оказался английский и американский империализм. Можно было думать, что они имеют гораздо больше политического опыта, чем Германия. Здесь люди, привыкшие к управлению демократическому, где не управляют какие-нибудь юнкера, и уже сотни лет пережившие самый тяжелый период своей истории. Можно было думать, что эти люди сохраняют хладнокровие. И если бы мы рассуждали с точки зрения индивидуальной, способны ли они быть хладнокровными с точки зрения демократии вообще, как филистеры буржуазии профессора, которые ничего не поняли в борьбе империализма и рабочего класса; если бы мы рассуждали с точки зрения демократии вообще, — мы должны были бы сказать, что Англия и Америка — страны, где демократия воспитана веками, что там буржуазия сумеет удержаться. Если бы она теперь удержалась какими-либо мероприятиями, то это было бы, во всяком случае, на довольно продолжительный срок. Но оказывается, что с ними повторяется то же самое, что случилось с военно-деспотической Германией. В этой империалистической войне громадное различие между Россией и республиканскими странами. Империалистическая война такая кровавая, хищническая,

зверская, что она даже эти важнейшие различия стерла; она приравняла свободнейшую демократию Америки и полувоенно-деспотическую Германию.

В итоге мы видим, как Англия и Америка,—страны, имевшие больше других возможность остаться демократическими республиками,—так же дико, безумно зарвались, как Германия в свое время, и поэтому они так же быстро, а может быть и еще быстрее, приближаются к тому концу, который так успешно проделал германский империализм. Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние. И к этому концу мчится теперь английский и американский империализм. Чтобы в этом убедиться, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на те условия перемирия и мира, который теперь освободители народов от германского империализма—англичане и американцы—шлут побежденным народам. Возьмите Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять годову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. Там теперь, где провозглашена крестьянская республика, в Софии, этом важном железнодорожном пути, все железные дороги заняты англо-американскими войсками. Им приходится бороться с крестьянской республикой маленькой страны. С точки зрения военной, это—пустяки. Люди, которые стоят на точке зрения буржуазии старого господствующего класса, старых военных отношений, они только презрительно улыбаются: «Ну, что значит этот пигмей—Болгария против англо-американских сил!». С военной точки зрения—ничто, а с точки зрения революционной—очень много. Это не колония, где привыкли побежденных вырезать миллионами и миллионами. Ведь англичане и американцы считают это только водворением порядка, внедрением цивилизации и христианства в недра диких африканцев. Это им не центральная Африка; тут солдаты—как ни сильна была бы их армия,—тут солдаты разлагаются, когда они встречают революцию. Что это не фраза,—это доказывает Германия. В Германии, во всяком случае, в смысле дисциплины, солдаты были образцом. Когда германцы шли на Украину, то здесь, кроме дисциплины, действовали другие факты. Изголодавшийся немецкий солдат шел за хлебом, и требовать от него, чтобы он не слишком грабил хлеб, а по человеческим условиям, неправдоподобно. Тем более мы знаем, что в этой стране они больше всего заразились духом русской революции. Это отлично поняла буржуазия Германии, и это

заставило Вильгельма метаться из стороны в сторону. Ошибаются Гогенцоллерны, если воображают, что Германия прольет хоть каплю крови за их интересы. Вот каков был результат политики вооруженного до зубов немецкого империализма. И это повторяется теперь и с Англией. Уже начинается разложение среди англо-американской армии, оно началось с тех пор, когда она стала свирепствовать по отношению к Болгарии. А ведь это только начало. За Болгарией пошла Австрия. Позвольте вам прочесть несколько пунктов из тех условий, которые диктуют победители англо-американского империализма. Это люди, которые больше всего накричали трудящимся массам, что они ведут освободительную войну, что их главная цель—раздавить прусский милитаризм, который грозит распространить казарменный строй на все страны. Они накричали, что они ведут освободительную войну. Это был обман. Вы знаете, когда буржуазные адвокаты, эти парламентареры, которые всю жизнь учились, как надувать, не краснея, когда им приходилось надувать друг друга, это легко, но когда приходится таким образом надувать рабочих, этот обман не проходит даром. Политиканы, парламентареры, эти деятели Англии и Америки, они в этом искусны. Их обман не тронет нисколько: рабочие массы, которые они разжигали во имя свободы, опомнятся сразу, и это еще скажется, когда они в массовом масштабе, не из прокламаций, которые содействуют, но не двигают настоящим образом революции, а из собственного опыта увидят, кто их обманывает, когда они увидят условия мира с Австрией.

Вот мир, который навязывают теперь государству сравнительно слабому, уже сейчас распадающемуся, те, которые кричали, что большевики изменники, потому что подписывают Брестский мир. Когда немцы хотели послать сюда в Москву своих солдат, мы сказали, что лучше ляжем все в боях, по никогда на это не согласимся. Мы говорили себе, что тяжелы будут жертвы, которые должны будут принести оккупированные области, но все знают, как Советская Россия помогала и снабжала их необходимым. А теперь демократические войска Англии и Франции должны будут служить «для поддержания порядка»,—и это говорится, когда в Болгарии и Сербии Советы Рабочих Депутатов, когда в Вене и Будапеште Советы Раб. Депутатов. Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции.

Товарищи, когда русские крепостные войска в 1848 году шли душить венгерскую революцию²³⁵), это могло им сойти, потому что эти войска были крепостными; это могло сойти по отношению к

Польше²³⁶), но чтобы народ, который свободой владел уже в течение столетия, в котором разжигали ненависть против германского империализма, говоря, что это зверь, которого необходимо удушить, не понял, что авгло-американский империализм такой же зверь, по отношению к которому справедливость может быть только в том, чтобы удушить его равным образом, этого быть не может!

И вот история теперь со злобной иронией, которая истории свойственна, дошла до того, что после разоблачения германского империализма пришла очередь англо-французскому, который разоблачает себя до конца, и мы заявляем перед русскими, германскими, австрийскими рабочими массами—это не русские крепостные войска 1848 года. Им это даром не пройдет; они идут подавлять народ,—переходящий к свободе от капитализма,—душить революцию, и мы говорим с абсолютной уверенностью, что теперь этот обожравшийся зверь так же свалится в пропасть, как свалился зверь германского империализма. Товарищи, я коснусь теперь той стороны дела, которая более всего касается нас. Я перейду к тем условиям мира, которые предстоит теперь подписать Германии. Товарищи, из комиссариата иностранных дел говорили мне, что в «Таймсе»,—главном органе неслышанно богатой буржуазии Англии, которая фактически вершит всю политику,—уже были помещены условия, на которые Германия должна будет согласиться. От нее требуется отдать остров Гельголанд²³⁷), Вильгельмсгафенский канал, отдать г. Эссен, в котором производится почти все военное оборудование, уничтожить торговый флот, отдать сразу Эльзас-Лотарингию и выплатить 60 миллиардов контрибуции, в том числе значительную часть золотом, так как деньги всюду подешевели и английские купцы тоже начали считать на другую валюту. Мы видим, что для Германии они готовят мир, полный настоящего удушения, мир более насильнический, чем мир Брестский. С точки зрения материальной и своих сил, они это сделать смогут, если бы на свете не было столь неприятного для них большевизма. Они себе готовят гибель этим миром. Ведь это происходит не в центральной Африке, но в XX веке в цивилизованных странах. Если украинское население безграмотно, если дисциплинированный немецкий солдат давил украинцев, то теперь германский солдат похоронил свою дисциплину. Тем больше похоронит себя английский и американский империализм, когда он поведет такую авантюру, которая доведет их до политического краха, когда он обращает свои войска в положение душителей и жандармов всей Европы. Они давно стараются устранить Россию, и подход против нее был задуман давно. Стоит только вспомнить занятие Мурмана и то, как они миллионы выкинули чехо-сло-

вакам и заключили договор с Японией, а теперь Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душиť нас, отняв у нас сырье.

Английские войска готовы начать поход на Россию, с юга или с Дарданелл, либо через Болгарию и Румынию. Они кольцом сжимают Советскую республику, они стараются порвать экономическую связь между республикой и всем миром. Для этого они заставили Голландию прервать дипломатические сношения. Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтоб они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам. Товарищи, мы должны себе сказать, что главный итог международного положения можно охарактеризовать так, как мне на днях удалось это сделать, что никогда мы не были столь близки к международной пролетарской революции, как теперь. Мы им доказали, что, ставя ставку на международную пролетарскую революцию, никакие жертвы не могут быть слишком малы. Мы величайшие жертвы,—национальные и экономические,—приносили недаром. В этом отношении мы достигли успеха. Но если мы никогда не были так близки к международной революции, то никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душиť мировой большевизм, душиť его главную ячейку—Российскую Советскую республику. Для этого они собираются построить китайскую стену, чтобы оградиться, как карантинном от чумы,—от большевизма. Эти люди стараются карантинном избавиться от большевизма, но этого быть не может. Если господам англо-французского империализма, этим обладателям совершеннейшей в мире техники, если им удастся построить точно китайскую стену вокруг республики, то бацилла большевизма пойдет через стены и заразит рабочих всех стран. Пресса западно-европейского, англо-французского империализма старается изо всех сил замалчивать свое положение.

Нет той лжи и клеветы, которую они не посылали бы против Советской власти. Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов,—а она ворочает миллиардами,—что она действует вся как один, чтобы замалчивать правду о Советской России, чтобы распространить ложь и клевету против нас. И несмотря на то, что военная цензура свирепствует уже год, им удалось добиться, чтобы в прессе демократических стран не пропускать ни слова правды про Советскую республику, тем не менее нет ни одного

большого рабочего собрания ни в одной стране, где бы не обнаружилось, что рабочие массы на стороне большевиков, потому что нельзя скрывать правду. Если враг обвиняет нас в том, что мы осуществляем диктатуру пролетариата, да—мы этого не скрываем. И тем, что Советское правительство не боится и говорит открыто, оно привлекает на свою сторону новые миллионы трудящихся, потому что осуществляет диктатуру против эксплуататоров, и трудящиеся массы видят и почерпают убеждение в том, что борьба с эксплуататорами была серьезна и что она будет доведена до серьезного конца. Несмотря на этот заговор молчания, которыми нас окружает европейская печать, они до сих пор указывали на свою обязанность, указывали, что они идут на Россию потому, что Россия дала себя захватить Германии, что Россия фактически германский агент, несмотря на то, что там, в России, люди, стоящие во главе правительства,—по их мнению,—немецкие агенты, и там каждый месяц появляются новые фальсификаторы документов, которые получают хорошую мзду, доказывая, что Ленин и Троцкий сплошь предатели и немецкие люди. Несмотря на все это, они не могут скрыть правды и там прорываются, нет-нет, и прорываются откровенные признаки того, что эти господа империалисты не могут чувствовать себя прочно. Потому что у них официальная перспектива такова, что они с Россией войны не ведут, в военные дела не вмешиваются, а только борются против германского засилия. Наши французские интернационалисты, которые публикуют в Москве газету «Третий Интернационал», привели эту цитату, и хотя нас отрезали от Парижа и Франции, хотя тут китайская стена возведена чрезвычайно искусно, а мы говорим своей буржуазии: «господа французские империалисты, вы защищаться не можете». И, разумеется, сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают и не одну эту, и видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь. Их собственная буржуазия проговаривается; они признают: мы хотим сломить власть большевиков. После четырехлетней кровавой войны они должны сказать своему народу: «идите еще воевать против России, чтобы сломить власть большевиков», которых мы ненавидим за то, что они нам должны 17 миллиардов и не хотят их уплачивать, за то, что они невежливо обращаются с капиталистами, помещиками и царями. Цивилизованные народы, которые довели себя до такого положения, что им приходится говорить это, обнаруживают прежде всего то, что их политика идет прахом, и как они сильны ни были бы в военном отношении, мы с полным спокойствием смотрим на эту силу и говорим: «а у нас в вашем тылу есть еще более грозный враг—это те народные массы, которые вы до сих пор обманывали, и у вас язык

иссяк от лжи и клеветы на Советскую Россию». Другое подобное сведение из английской буржуазной газеты от 23 октября. Это пишет буржуазная английская газета: «если союзные армии тоже остаются в России и будут продолжать военные операции,—единственной целью является вызвать внутренний переворот в России».

Союзные правительства должны поэтому либо положить конец своим военным операциям, либо заявить, что они находятся в войне с большевиками. Повторяю, важность этой маленькой цитаты, которая звучит для нас как революционный призыв, как самое сильное революционное воззвание, важность в том, что пишет буржуазная газета, которая сама является врагом социалистов, но она чувствует, что дальше скрыть правды нельзя. Если буржуазные газеты говорят так, вы можете себе представить, что говорят и как думают английские рабочие массы. Вы знаете, как у нас во время существования царизма, до революции 1905 или 1917 г.г., каким языком говорили либералы. Вы знаете, что этот язык либералов означал приближение взрыва в пролетарских революционных массах. Поэтому из языка этих буржуазных английских либералов вы сделаете заключение о том, что делается в настроении, умах и сердцах английских французских, и американских рабочих. Вот почему вы должны без всяких прикрытий сказать себе ту тяжелую правду,—которая характеризует наше международное положение. Международная революция близка, но таких расписаний, по которым революция развилась бы, не существует; мы, пережившие две революции, хорошо знаем это, но что быстрее подойдет к концу, мы не знаем. Но мы знаем, что если империалистам международной революции не задержать, то поражения отдельных стран и еще более тяжелые жертвы возможны. Они знают, что Россия в муках пролетарской революции, но они ошибаются, если думают, что, задавив один очаг революции, они задавят революцию в других странах. Что касается нас, мы должны сказать, что положение более опасное, чем когда бы то ни было, что нужно еще и еще раз напрячь свои силы. После того, как мы создали за год прочный фундамент, создали социалистическую Красную армию на основе новой дисциплины, после этого мы с уверенностью говорим себе, что мы можем и должны продолжать эту работу и должны говорить на всех собраниях, в любом советском учреждении, в профессиональных союзах, на собраниях комитетов бедноты: «Товарищи, мы прожили год и достигли успеха, но это еще мало по сравнению с тем могучим врагом, который идет на нас. Этот враг всемирный, победивший весь мир, англо-французский империализм. Мы идем в борьбу с ним не потому, чтобы мы думали в политическом и техническом отношениях сравняться с передовыми

странами Европы. Нет, но мы знаем, что этот враг идет в той же плоскости, к какой пришел англо-французский империализм, который теперь окутал Турцию, захватил Болгарию и занят тем, чтобы оккупировать всю Австро-Венгрию и водворить царский, жандармский порядок. Мы знаем, что он идет к гибели. Мы знаем, что это исторический факт, и вот почему мы, нисколько не задаваясь целями, явно несообразными, говорим себе: англо-французскому империализму мы отпор дать можем. Каждый шаг укрепления нашей Красной армии будет иметь эхом 10 шагов разложения и революции в этом кажущемся столь сильным противнике. Поэтому нет ни малейшего основания предаваться отчаянию или пессимизму. Мы знаем, что опасность велика. Может быть, нам судьба готовит еще более тяжелые жертвы. Положим, одну страну раздавить могут, но они никогда не раздавят международной пролетарской революции, они еще больше ее разожгут и они все в ней погибнут».

*«Протоколы VI Всероссийского Съезда
Советов Р., К., К. и К. Д.».
Издание В. Ц. И. К. Москва 1919 г.*

Ценные признания Питирима Сорокина.

«Правда» поместила сегодня замечательно интересное письмо Питирима Сорокина²³⁸), на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в «Известиях Северодвинского Исполнительного Комитета», Питирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эс-эров и о сложении им с себя звания члена Учредительного Собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому «отказывается от всякой политики». «Иstekший год революции,—пишет Питирим Сорокин,—научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу»... Подпись под письмом: «Приват-доцент Петербургского Университета и Психо-Неврологического Института, бывш. член Учредительного Собрания и бывший член партии эс-эров Питирим Сорокин».

Это письмо заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный «человеческий документ». Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев

политики, убеждавшиеся в неправильности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, «выдумать» какие нибудь более или менее посторонние мотивы и т. п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питирим Сорокин неправ, когда пишет, что работа в области науки «всегда полезна». Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны, открытое заявление видного, т.-е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики—*есть то же политика*. Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы.

Политическое значение письма Питирима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико. Оно дает нам всем «урок», который надо хорошенько продумать и усвоить.

Всякому марксисту давно известна та истина, что *решающими* силами во всяком капиталистическом обществе могут быть только пролетариат и буржуазия, тогда как все социальные элементы, стоящие между этими классами и подходящие под экономическую рубрику мелкой буржуазии, *неизбежно* колеблются между этими решающими силами. Но от книжного признания этой истины до умения делать вытекающие из нее выводы в сложной обстановке практической действительности—дистанция огромного размера.

Питирим Сорокин—представитель чрезвычайно широкого общественного и политического течения, меньшевистско-эс-эровского. Что это—одно течение, что разница между меньшевиками и эс-эрами, с точки зрения их отношения к борьбе между буржуазией и пролетариатом, несущественная, это доказали особенно убедительно и особенно наглядно события русской революции с февраля 1917 года. Меньшевики и эс-эры—разновидности мелко-буржуазной демократий, такова экономическая сущность и основная политическая характеристика данного течения. Из истории передовых стран известно, как часто это течение, в его молодости, окрашивается в «социалистический» цвет.

Спрашивается, что оттолкнуло особенно сильно представителей этого течения от большевиков, от пролетарской революции, несколько месяцев тому назад и что вызывает у них теперь поворот от враждебности к нейтральности? Совершенно очевидно, что причиной поворота явился, во-первых, крах германского империализма, связанный с революцией в Германии и других странах, а равно с разоблачением англо-

французского империализма; во-вторых, разоблачение буржуазно-демократических иллюзий.

Остановимся на первой причине. Патриотизм—одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира. Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны, и само собою разумеется, что мы, марксисты, могли ждать только от сознательного авангарда пролетариата понимания той истины, что мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции. Идеологам, не принадлежащим к марксизму, и широким массам трудящихся, не принадлежащим к вышколенному долгой стачечной и революционной школой пролетариату, неоткуда было взять ни твердого убеждения в назревании этой революции, ни безусловной преданности ей. В лучшем случае наша тактика казалась им фантастикой, фанатизмом, авантюрой, принесением в жертву очевиднейших реальных интересов сотен миллионов народа отвлеченной утопической или сомнительной надежде на то, что будет в других странах. А мелкая буржуазия, по ее экономическому положению, более патриотична и по сравнению с буржуазией, и по сравнению с пролетариатом.

А вышло так, как мы говорили.

Германский империализм, который казался единственным врагом, рухнул. Германская революция, которая казалась «грезофарсом» (употребляя известное выражение Плеханова), стала фактом. Англо-французский империализм, который фантазия мелкобуржуазных демократов рисовала в виде друга демократии, защитника угнетенных, оказался на деле зверем, навязавшим Германской республике и народам Австрии условия, хуже брестских,—зверем, использующим войска «свободных» республиканцев, французов и американцев, для роли жандармов и палачей, душителей независимости и свободы малых и слабых наций. Всемирная история с беспощадной основательностью и откровенностью разоблачила этот империализм. Русским патриотам, ничего не желавшим знать, кроме непосредственных (и по-старому понимаемых) выгод своего отечества, факты мировой истории показали, что превращение нашей русской революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью, ибо *много выбора не оказалось*: англо-французский и американский империализм неизбежно задушит независимость и свободу

России, *если* не победит всемирная социалистическая революция, всемирный большевизм.

Факты—упрямая вещь,—говорит английская пословица. А нам пришлось за последние месяцы пережить такие факты, которые означают величайший перелом всей мировой истории. Эти факты заставляют мелко-буржуазных демократов России, несмотря на их ненависть к большевизму, воспитанную историей нашей внутрипартийной борьбы, повернуть от враждебности к большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его. Миновали те объективные условия, которые особенно резко оттолкнули от нас таких демократов-патриотов. Наступили такие мировые объективные условия, которые *заставляют их* повернуть в нашу сторону. Поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота *целого класса*, всей мелко-буржуазной демократии. Тот не марксист, тот плохой социалист, кто не сумеет учесть и использовать этого.

Далее. Вера в универсальное, всеспасающее действие «демократии» *вообще*, непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости, такая вера и такое непонимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуазии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа *знает* это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами *всякой* буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает «чистую демократию», «свободное народное государство», внеклассовое или надклассовое пародоглание, чистое проявление всенародной воли и так далее и тому подобное. Прочность этих предрассудков мелко-буржуазного демократа неизбежно вызывается тем, что он дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от «настоящей» политики, и было бы совершенно немарксистским ожидать, будто одной пропагандой и в скорое время можно искоренить эти предрассудки.

Но всемирная история несется теперь с такой бешеной быстротой и разрушает все привычное, все старое молотом такой необъятной мощности, кризисами такой невиданной силы, что самые прочные предрас-

судки не выдерживают. Естественно и неизбежно возникла у «демократа» вообще наивная вера в Учредилку, наивное противоположение «чистой демократии» «пролетарской диктатуре». Но то, что пережили «учредилловцы» в Архангельске и в Самаре, в Сибири и на юге не могло не разрушить самых прочных предрассудков. Идеализированная демократическая республика Вильсона *оказалась* на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов. Средний «демократ» вообще, меньшевик и эс-эр думал: «куда уж нам какой-то высший, якобы, тип государства, какая-то Советская власть! Дай бы нам бог обыкновенную демократическую республику!» И, конечно в «обыкновенное», сравнительно мирное время такой «надежды» хватило бы на долгие десятилетия.

А теперь ход мировых событий и жесточайшие уроки союза всех монархистов России с англо-французским и американским империализмом показывают *на деле*, что демократическая республика есть буржуазно-демократическая республика, которая уже устарела, с точки зрения вопросов, поставленных империализмом в порядок дня истории;—что никакого *много* выбора нет: *или* Советская власть побеждает во всех передовых странах мира, *или* самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстанавливающий реакцию во всем мире англо-американский империализм, великомерно научившийся использовать форму демократической республики.

Или—или.

Середины нет. Совсем недавно такой взгляд считали ослепленным фанатизмом большевиков.

А вышло именно так.

Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена У. С., это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся удушить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эс-эровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке их, есть одна из насущных задач текущего момента.

Всякий лозунг, бросаемый партией в массы, имеет свойство застыть, делаться мертвым, сохранять силу свою для многих даже тогда, когда изменились условия, создавшие необходимость этого лозунга. Это зло неизбежное, и, не научившись бороться с ним и побеждать его,

нельзя обеспечить правильную политику партии. Тот период нашей пролетарской революции, когда она особенно резко разошлась с меньшевистской и эс-эровской демократией, был исторически необходим; без острой борьбы против таких демократов, когда они колебнулись в стан наших врагов и занялись восстановлением *буржуазной и империалистской* демократической республики, обойтись было нельзя. Лозунги этой борьбы сплошь да рядом застыли и окостенели теперь, мешая правильно учесть и целесообразно использовать новый момент, когда начался новый поворот среди такой демократии, поворот в нашу сторону, поворот не случайный, а коренящийся в самых глубоких условиях всей международной обстановки.

Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающих к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелко-буржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины. Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем надо—когда и как—уметь заключать соглашение. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями, продающим Россию иностранным «союзным» империалистам. Было бы комедией пытаться «убеждать» и вообще «психологически влиять» на них. Но так же—если не более—нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мелко-буржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам.

А с такой демократией пролетариат встречается повсюду. В деревне наша задача—уничтожить помещика, сломить сопротивление эксплуататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно *только* на полупролетариев, на «бедноту». Но средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться: задача воздействия на колеблющихся *не одинакова* с задачей низвержения эксплуататора и победы над активным врагом. Уметь достигать соглашения с средним крестьянином—ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту—это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен в силу вышеизложенных причин.

То же относится и к кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелко-буржуазные условия или сохранявшему наиболее мелко-буржуазные взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам, и—в особенности—к интеллигенции вообще. Нет со-

мнения, что в нашей партии нередко замечается неумение использовать поворот среди них и что это неумение можно и должно преодолеть, превратить его в умение.

Мы имеем прочную уже опору в громадном большинстве профессионально-организованных пролетариев. Надо уметь привлечь к себе, включить в общую организацию, подчинить общепролетарской дисциплине наименее пролетарские, наиболее мелко-буржуазные слои *трудящихся*, которые поворачивают к нам. Тут лозунг момента—не борьба с ними, а привлечение их, умение наладить воздействие на них, убеждение колеблющихся, использование нейтральных, воспитание,—обстановкой массового пролетарского влияния,—тех, кто отстал или совсем недавно еще начал отделяться от «учредилловских» или «патриотически-демократических» иллюзий.

Мы имеем достаточно уже прочную опору в трудящихся массах. Шестой съезд Советов особенно наглядно показал это. Нам не страшны буржуазные интеллигенты, а со злостными саботажниками и белогвардейцами из них мы ни на минуту не ослабим борьбы. Но лозунг момента—уметь использовать поворот среди них в нашу сторону. У нас еще не очень мало осталось «примазавшихся» к Советской власти худших представителей буржуазной интеллигенции: выкинуть их вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральна, такова одна из важнейших задач теперешнего момента, задача всех советских деятелей, соприкасающихся с «интеллигенцией», задача всех агитаторов, пропагандистов и организаторов.

Разумеется, соглашение с средним крестьянином, с вчерашним меньшевиком из рабочих, с вчерашним саботажником из служащих или из интеллигенции требует умения, как и всякое политическое действие в сложной и бурно изменяющейся обстановке. Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно дальше*, добиваться *непрерывно большего*, переходить непрерывно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве.

У меня были на днях представители съезда уполномоченных кредитных кооператоров. Они показали мне резолюцию их съезда, направленную *против слияния* кредитно-кооперативного банка с народным банком республики. Я сказал им, что стою за соглашение с средним крестьянином и глубоко ценю даже начало поворота от враждебности к нейтральности по отношению к большевикам со стороны кооператоров, но почва для соглашения дается лишь их согласием на полное

слияние, особенно банка, с единым банком республики. Представители съезда тогда заменили свою резолюцию другой, провели через съезд другую резолюцию, в которой вычеркнули все, что говорилось против слияния, *но... но* выдвинули план *особого* «кредитного союза» кооператоров, ничем на деле не отличающегося от *особого* банка! Это было смешно. Перекрашиванием слов можно, разумеется, накормить или обмануть только дурака. Но «неудача» одной из таких... «попыток» нисколько не колеблет нашей политики; с кооператорами, с средним крестьянством мы осуществляли и будем осуществлять политику соглашения, отсекая всякие попытки изменить *линию* Советской власти и советского социалистического строительства.

Колебания мелко-буржуазных демократов неизбежны. Достаточно было немногих побед чехо-словаков, и эти демократы впали в панику, сеяли панику, перебежали к «победителям», готовы были раболепно встречать их. Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь—достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилятся паника, умножатся случаи распространения паники, случаи измен и перелетов на сторону империалистов и так далее, и тому подобное.

Это мы знаем. Этого мы не забудем. Завоеванная нами чисто пролетарская основа Советской власти, поддерживаемой полупролетариями, останется неизменно прочной. Наша рать не дрогнет, наша армия не колебнется,—это мы знаем уже из опыта. Но когда глубочайшие всемирно-исторические перемены вызывают неизбежный поворот в нашу сторону среди масс беспартийной, меньшевистской, эс-эровской демократии, мы должны научиться, и мы научимся, использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах и слоях, осуществить все возможное в деле соглашения с этими элементами, облегчить тем работу социалистического строительства, ослабить тяжесть мучительной разрухи, темноты, неумелости, замедляющих победу социализма.

«Правда» № 252

21 ноября 1918 г.

О мелко-буржуазных партиях.

(Речь на собрании партийных работников 27 ноября 1918 г.)

Товарищи! Я бы хотел побеседовать о тех задачах, которые ложатся на нашу партию и на Советскую власть, в связи с вопросом об отношении пролетариата к мелко-буржуазной демократии. Послед-

ние события, несомненно, ставят этот вопрос на очередь, потому что гигантская перемена в международном положении, вроде уничтожения Брестского договора, революции в Германии, краха германского империализма и разложения англо-американского империализма не могла не подорвать целого ряда буржуазно-демократических положений, которые составили теоретическое основание мелко-буржуазной демократии. Военное положение России, натиск англо-французского и американского империализма не могли не толкнуть часть этой мелко-буржуазной демократии более или менее на нашу сторону. Вот об этих изменениях, которые мы должны внести в нашу тактику, о тех новых задачах, которые возникают перед нами, я и хотел бы сегодняшний вечер побеседовать.

Позвольте мне начать с некоторых основных теоретических положений. Нет сомнения, что главным социальным слоем, который дает экономическую основу мелко-буржуазной демократии, является в России среднее крестьянство. Нет сомнения в том, что социалистический переворот и переход от капитализма к социализму неизбежно должен принять особые формы в стране, в которой численность крестьянского населения значительна. Поэтому я хотел бы прежде всего напомнить вам, каким образом заложились основные положения марксизма об отношении пролетариата к среднему крестьянству. Для того, чтобы напомнить это вам, я прочту несколько заявлений, сделанных Энгельсом в его статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Статья эта вышла отдельной брошюрой, написана в 1895 или 1894 г., когда вопрос об аграрной программе социалистической партии и отношении к крестьянству практически стал на очередь дня, в связи с обсуждением программы немецкой социал-демократии на Бреславском съезде этой партии. Вот как отзывался тогда Энгельс об отношении пролетариата: «Каковы же наши отношения к мелкому крестьянству? Во-первых, безусловно правильно предложение французской программы. Мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но мы ни в коем случае не призваны устранять ее своим вмешательством. Во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильем экспроприировать мелкого крестьянина,—за вознаграждение или нет—безразлично. Мы вынуждены сокрушить крупного землевладельца—это наша задача. По отношению к мелкому крестьянину она состоит прежде всего в том, чтобы его частное производство, собственность перенести в товарищество, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели».

Далее по этому вопросу Энгельс говорил: «Мы никогда не можем обещать мелкому крестьянину поддерживать в его единоличном хозяйстве собственность против превосходных сил капиталистического производства. Мы можем облегчать его в том, что не будем против его воли вмешиваться в его хозяйственные отношения».

Наконец, последнее изречение, которое я хотел напомнить вам,— это рассуждение о богатых крестьянах, о крупных крестьянах (порусски выражаясь, о «кулаках»), о таких, значит, крестьянах, которые не обходятся без употребления наемной рабочей силы. Если эти крестьяне не поймут неизбежности гибели их теперешнего производства и не сумеют сделать для себя необходимых выводов, то марксисты ничего для них сделать не могут. Наша обязанность только облегчить им переход в новое производство.

Вот те положения, которые мне хотелось бы напомнить вам и которые, нет сомнения, известны всякому коммунисту. Из этого положения мы видим, что задача пролетариата, овладевшего государственной властью, никоим образом не может быть одинакова в странах, где преобладает крупный капиталистический строй, или в странах, где отсталое мелкое, среднее и крупное крестьянство. Мы видим, что мы совершенно точно излагали задачи марксизма, когда говорили, что по отношению к помещику-эксплуататору война была нашей обязанностью.

В отношении к среднему крестьянину мы говорим: «никоим образом никакого насилия». В отношении к крупному крестьянину мы говорим: «наш лозунг—их подчинение хлебной монополии; борьба с ними, когда нарушена хлебная монополия, когда они прячут хлеб». Мне недавно приходилось повторять эти положения на собрании в несколько сот человек—представителей комитетов деревенской бедноты, которые съехались в Москве одновременно с VI съездом. В нашей партийной литературе, в пропаганде и в агитации мы всегда подчеркивали эту разницу наших отношений к крупной буржуазии и мелкой буржуазии. Но, будучи теоретически все согласны, далеко не все и далеко не достаточно быстро делали соответственные политические выводы. И я нарочно начал, так сказать, издавека, чтобы показать вам, какими экономическими понятиями о взаимоотношениях классов должны мы руководствоваться для того, чтобы на бесспорных основаниях поставить вопрос о нашей политике по отношению к буржуазной демократии. Нет сомнения, что этот мелкий крестьянский класс (мы называем средним такого, который не продает своей рабочей силы), этот крестьянин в России, во всяком случае есть главный экономический класс, который является основой мирового разнообразия поли-

тических течений в буржуазной демократии. У нас, в России, эти течения больше всего связаны с партиями меньшевиков и эс-эров. История социализма в России знает длительную борьбу большевиков с этими партиями, при чем западно-европейские социалисты постоянно смотрели на эту борьбу, как на борьбу внутри социализма, т.-е. раскол социализма в России. В скобках сказать, этот взгляд высказывается сплошь и рядом в выступлениях даже хороших социал-демократов.

Сегодня как раз мне передали письмо Фридриха Адлера, человека, известного по своему революционному поведению в Австрии. Письмо его, писанное в конце сентября и сегодня полученное, содержит в себе только просьбу: «нельзя ли освободить меньшевиков из тюрьмы».

Больше ничего он не нашел написать в такой момент, кроме этой просьбы. Правда, он оговорился, что он не осведомлен о нашем движении и т. д., но все-таки это характерно. Эта смешная ошибка западно-европейских социалистов объясняется тем, что они смотрят назад, а не вперед, и не понимают, что ни меньшевики, ни эс-эры (которые проповедуют социализм) не являются тем, чтобы их относить к социалистам. Меньшевики и эс-эры все время революции 1917 г. только и делали, что колебались между буржуазией и пролетариатом, никогда не могли занять правильной позиции и точно нарочно иллюстрировали положение Маркса о том, что мелкая буржуазия ни на какую самостоятельную позицию в коренных битвах не способна.

Пролетариат с самого начала, когда он создавал Советы, проявлял инстинктивно определенную классовую позицию уже тем, что он создал Советы..

Меньшевики и эс-эры все время колебались.

И если их называли их же собственные друзья весной и летом 1917 года «полубольшевиками», то это была не только острота, но и верная характеристика. По всякому вопросу (возьмите вопрос о Советах, о революционном движении в деревне, о непосредственном захвате земли, о братании на фронте, о поддержке или неподдержке империализма), во всех этих коренных вопросах меньшевики и эс-эры говорили сегодня «да», а завтра «нет». С одной стороны помогали, а с другой стороны—нет, и представляли собой образец бесхарактерности и беспомощности. А с другой стороны, когда они бросали населению фразы «за Советы» (ведь, они все время называли Советы «революционной демократией» и противоплакали тому, что называли ценовым элементом), у них это было только хитрым политическим построением. Проповедь меньшевиков частью служила и нам.

Это вопрос очень сложный, имеющий очень богатую историю, и мне достаточно его кратко указать. И вот эта политика меньшеви-

ков и эс-эров в наших глазах доказывает окончательно наше положение, что считать их социалистами — ошибка. Социалисты они были только, пожалуй, по фразеологии и по воспоминаниям. На деле это есть мелкая русская буржуазия.

Я начал с того, как должны марксисты относиться к среднему крестьянину, иначе говоря, к мелко-буржуазным партиям. Мы подходим теперь к такой полосе, когда предыдущие наши лозунги предшествующего периода революции должны измениться, чтобы правильно учесть настоящий перелом. Вы знаете, что в октябре—ноябре эти элементы колебались.

Партия большевиков тогда оказалась непримиримой и поступила правильно; мы сказали себе, что нам предстоит уничтожить врагов пролетариата, нам предстоят битвы по основным вопросам о войне и мире, о буржуазном представительстве, о Советской власти. Во всех этих вопросах мы могли опираться только на свои силы, и мы поступили вполне правильно, когда не пошли на компромисс с мелко-буржуазной демократией. Дальнейший ход событий поставил перед нами вопрос о мире и заключении Брестского мира. Вы знаете, что Брестский мир оттолкнул от нас мелко-буржуазные элементы.

Из этих двух обстоятельств, из нашей внешней политики, приведшей к заключению Брестского мира, и из нашей беспощадной борьбы с демократическими иллюзиями части мелко-буржуазной демократии, из нашей беспощадной борьбы за Советскую власть, из этих двух обстоятельств вытекало то, что от нас резко отшатнулась мелко-буржуазная демократия. Вы знаете, что после Брестского мира среди левых эс-эров начались колебания. Часть из них пошла на авантюру, другая часть кололась между собой и колетя до сих пор. Но факт остается фактом. Мы, конечно, ни минуты, ни капли не можем сомневаться в том, что наша политика была тогда абсолютно правильна. Теперь доказывать это—значит, повторять зады, потому что немецкая революция доказала больше всего правильность наших взглядов. В чем больше всего нас упрекали после Брестского мира, и что чаще всего приходилось слышать от малосознательных рабочих масс, это о том, что мы напрасно возлагаем надежду на немецкую революцию и что ее все нет. Немецкая революция опровергла все эти упреки и доказала правильность наших взглядов о том, что она должна притти, что мы должны бороться против немецкого империализма не только путем национальной войны, но и путем пропаганды и разложения его внутри. События нас так подтвердили, что тут доказывать нечего. Равным образом, относительно учредилки, колебания были здесь неизбежны, и ход событий настолько подтвердил правильность наших

взглядов, что теперь все начавшиеся на Западе революции идут под лозунгом Советской власти и создают эту Советскую власть. Советы— вот что характеризует революцию везде. Они перекинулись из Австрии и Германии в Голландию и Швейцарию (страны с наиболее старой демократической культурой, которые называют себя Западной Европой по сравнению даже с Германией). В них выставляется лозунг Советской власти. Значит, исторический крах буржуазной демократии не был выдумкой большевиков, а был абсолютной исторической необходимостью. В Швейцарии и Голландии политическая борьба имела место уже сотни лет тому назад, и сейчас лозунг Советской власти выставляется там не ради прекрасных глаз большевиков. Значит, мы верно учли настоящее. Ход событий настолько подтвердил правильность нашей тактики, что останавливаться дольше на этом вопросе не следует. Надо только понять, что это вопрос серьезный, вопрос самого глубокого предрассудка мелко-буржуазной демократии. Припомните общую историю буржуазной революции и развития парламентаризма во всех западно-европейских странах, и вы увидите, что такого рода предрассудки царили во всех странах у старых социал-демократов. Во Франции эти взгляды держались дольше всего. Иначе быть не может. Мелкая буржуазия в вопросах о парламентаризме наиболее патриотична, она наиболее патриотична, если сравнить ее с пролетариатом и крупной буржуазией. Последняя более интернациональна, потому что мелкая буржуазия менее подвижна, не связана так с другими народами и не втянута в мировой торговый оборот. Потому нужно было ожидать, что именно в вопросе о парламентаризме всего больше должна проявиться мелкая буржуазия. Так это было и в России. Большую роль в этом отношении сыграло то, что наша революция боролась с патриотизмом. Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма. Мы говорили: «если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придет, которой еще нет, но в которую ты должен верить, если ты интернационалист».

И понятно, что мы могли, говоря так, привлечь на свою сторону только передовые отряды рабочего класса. Понятно, что большинство мелкой буржуазии не стояло на нашей точке зрения. Этого мы ждать не могли. И откуда было мелкой буржуазии перейти на нашу точку зрения? Нам пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме. Мы пережили эпоху увлечения иллюзиями в несколько месяцев. А если вы возьмете историю западно-европейских стран, там не изжили той иллюзии в десятки лет. Возьмите историю Голландии, Франции, Англии и т. д. Нам пришлось разбить мелко-

буржуазную иллюзию о том, что народ есть нечто единое и что народная воля может быть выражена в чем-либо ином, вне классовой борьбы. Мы были совершенно правы, что мы в этом вопросе ни на какие компромиссы не пошли. Если бы мы сделали поблажки мелко-буржуазным иллюзиям, учредилловской иллюзии, мы бы погубили все дело пролетарской революции в России. Мы бы принесли в жертву узко-национальным интересам интересы международной революции, которая оказалась идущей по большевистской тропе, потому что она была не национальной, а чисто пролетарской. Вот в этих условиях и создавалось то, что и меньшевистские и эс-эровские мелко-буржуазные массы от нас отшатнулись. Они пошли по ту сторону баррикад, они очутились на стороне наших врагов. Когда началось восстание дутовцев, мы наглядно убедились, что в составе дутовцев, красновцев и скоропадцев находились те политические силы, которые с нами боролись. На нашей стороне оказался пролетариат и беднейшее крестьянство. Вы знаете, что по всей России во время чехо-словацкого выступления, когда оно проходило с наибольшим успехом, в это время по всей России шли кулацкие восстания. Только сближение городского пролетариата с деревней укрепило нашу власть. Пролетариат, при помощи деревенской бедноты, только он выдерживал борьбу против всех врагов. И меньшевики и эс-эры в громадном большинстве были на стороне чехо-словаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточенной борьбы и террористических методов этой войны. Как бы люди с различных точек зрения ни осуждали этого терроризма (а это осуждение мы слышали от всех колеблющихся социал-демократов), для нас ясно, что террор был вызван обостренной гражданской войной. Он был вызван тем, что вся мелко-буржуазная демократия повернула против нас. Они вели с нами войну различными приемами—путем гражданской войны, подкупом, саботажем. Вот такие условия создали необходимость террора. Поэтому раскаиваться в нем, отречься от него мы не должны. Мы должны только ясно понять, какие условия нашей пролетарской революции вызвали остроту борьбы. Эти особые условия состояли в том, что нам пришлось действовать против патриотизма, что нам пришлось заменять Учредительное Собрание лозунгом «Вся власть Советам».

Когда же настал поворот в международной политике, тогда неизбежно наступил поворот в положении мелко-буржуазной демократии. В воззвании меньшевиков мы видим призыв отказаться от союза с имущими классами, призыв, с которым меньшевики обращаются к своим друзьям—людям из мелко-буржуазной демократии, которые с дутовцами, чехо-словаками, англичанами заключили союз. Они к ним обра-

щаются с воззванием, чтобы они шли бороться против англо-американского империализма. Теперь для каждого ясно, что нет такой силы, кроме англо-американского империализма, которая могла бы что-нибудь противопоставить большевистской власти. Такого рода колебания идут среди эс-эров и среди интеллигенции, которая больше всего разделяет предрассудки буржуазной демократии, которая больше всего была полна патриотических предубеждений. Среди нее идет тот же самый процесс.

Теперь задача нашей партии состоит в том, чтобы при выборе своей тактики руководиться классовыми отношениями, чтобы мы в этом вопросе точно разобрались, что это такое—случайность, проявление бесхарактерности, колебания, которые не имеют под собой никакой почвы, или, наоборот, это процесс, который имеет глубокие социальные корни. Если мы взглянем на этот вопрос в целом с точки зрения теоретически установленных отношений пролетариата к среднему крестьянству, с точки зрения истории нашей революции, мы увидим, что сомневаться в ответе нельзя. Это поворот не случайный, не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства, или соответствующее среднему крестьянству. Поворот касается всей мелко-буржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходившим до бешенства, потому что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе, как иностранными штыками. Если до сих пор надеялись, что англичане, французы и американцы—это настоящая демократия, если до сих пор сохранилась эта иллюзия, то теперь мир, который они дают Австрии и Германии, разоблачает эту иллюзию полностью. Англичане ведут себя так, как будто они занялись специальной целью доказать правильность большевистских взглядов на международный империализм.

Поэтому из среды партий, которые боролись с нами, например, из Плехановского лагеря, раздаются голоса, которые говорят: «мы ошиблись, мы думали, что германский империализм—наш главный враг, а западные страны—Франция, Англия, Америка—несут нам демократический строй». Оказалось, что мир, который эти западные страны дают,—во 100 раз более унижительный, грабительский, хищнический, чем наш Брестский мир. Оказалось, что англичане и американцы выступают в качестве палачей и жандармов русской свободы, как эта роль выяснилась при российском палаче Николае I, не хуже королей, которые исполняли роль палачей, когда они душили венгерскую рево-

людию. Теперь эту роль взяли агенты Вильсона. Они душат революцию в Австрии, они играют роль жандармов, они ставят ультиматум Швейцарии: «Не дадим хлеба, если вы не вступите в борьбу с большевистским правительством». Они заявляют Голландии: «Не смейте допускать к себе советских послов, иначе—блокада». У них орудие простое—веревка голода. Вот чем они душат народ.

История в последнее время, в эпоху войны и после войны отличается необыкновенной быстротой развития и доказывает положение, что англо-французский империализм есть такой же гнусный империализм, как и немецкий.

Не забывайте, что в Америке мы имеем самую свободную республику, самую демократическую, по это нисколько не мешает тому, что империализм там действует так же зверски, что там не только линчуют интернационалистов, но что толпа вытаскивает их на улицу, раздевает донага, обливает смолой и зажигает.

События разоблачают империализм с необыкновенной силой и ставят вопрос: либо Советская власть, либо полное удушение революции англо-французскими штыками. Здесь нет уже речи о соглашении с Керенским. Вы знаете, что Керенского они выбросили вон, как выжатый лимон. Они шли вместе с Дутовым и Красновым. Теперь мелкая буржуазия через этот период перешла. Патриотизм толкает их теперь к нам,—так вышло, так заставила их действовать история. И всем нам надо учесть этот массовый опыт,—всей всемирной истории.

Нельзя защищать буржуазию, нельзя защищать учредилку, потому что она фактически оказалась на руку Дутовым и Красновым. Это кажется смешно: как Учредительное Собрание могло стать их лозунгом? Но так вышло, потому что Учредительное Собрание собралось, когда еще буржуазия была наверху. Учредительное Собрание оказалось органом буржуазии, а буржуазия оказалась на стороне империалистов, ведущих политику против большевиков. Она готова была на все, чтобы удушить Советскую власть самыми подлыми способами—предать Россию кому угодно, только чтобы уничтожить власть Советов. Вот политика, которая привела к гражданской войне, которая заставила повернуть мелко-буржуазную демократию. Конечно, колебания в этой среде всегда неизбежны. Когда пошли первые победы чехо-словаков, эта буржуазная интеллигенция пыталась распространить слухи, что чехо-словацкая победа неизбежна. Печатали телеграммы из Москвы, что Москва накануне падения, что она окружена. И мы прекрасно знаем, что, в случае даже самых незначительных побед англо-французов, мелко-буржуазная интеллигенция прежде всего потеряет голову, впадет в панику и начнет распускать всякие

слухи об успехах наших противников. Но революция показала неизбежность восстания против империализма. И теперь наши союзники оказались главными врагами русской свободы и русской самостоятельности. Россия не может быть и не будет независимой, если не будет укреплена Советская власть. Вот почему произошел такой переворот. В связи с ним на нас лежит теперь задача—определить свою тактику.

Очень ошибся бы тот, кто задумал бы механически перенести теперь лозунги нашей революционной борьбы того периода, когда между нами не могло быть никакого примирения, когда мелкая буржуазия была против нас, когда наша непоколебимость требовала от нас применения террора. Теперь это была бы не непоколебимость, а просто глупость, недостаточное понимание тактики марксизма. Когда мы должны были заключить Брестский мир, этот шаг с точки зрения узко-патриотической казался изменой России; с точки зрения мировой революции—это был правильный стратегический шаг, оказавший больше всего помощи мировой революции. Мировая революция разъигралась именно теперь, когда Советская власть стала всенародным учреждением. И теперь, хотя буржуазная демократия все еще продолжает колебаться, иллюзии ее подорваны. И, конечно, мы должны учесть это положение, как и все остальные условия. Если прежде у нас наблюдалась другая точка зрения, то мелкая буржуазия стояла на стороне чехо-словаков, и насилие было неизбежно, ибо война есть война, и нужно действовать, как на войне. А теперь, когда эти люди начинают поворачиваться к нам, мы не должны отворачиваться от них только потому, что наш лозунг в листовках и газетах раньше был другим. Когда мы видим, что они делают полуоборот к нам, мы должны написать наши листовки заново, потому что изменились отношения этой мелко-буржуазной демократии к нам. Мы должны сказать: «Милости просим, мы вас не боимся». Если вы думаете, что мы умеем действовать только насилием, то вы ошибаетесь. Мы могли бы достигнуть соглашения. И те элементы, которые полны традиций буржуазных предрассудков, все кооперативы, все части трудящихся, которые больше всего связаны с буржуазией, могут пойти к нам.

Возьмите всю интеллигенцию. Она жила буржуазной жизнью, она привыкла к известным удобствам. Поскольку она колебалась в сторону чехо-словаков, нашим лозунгом была *беспоощадная борьба—террор*. Ввиду того, что теперь этот поворот в настроении мелко-буржуазных масс наступил, нашим лозунгом должно быть *соглашение*, установление добрососедских отношений. Когда нам случается встретить заявление группы мелко-буржуазной демократии, что она хочет быть нейтральной по отношению к Советской власти,—мы должны

сказать: «Нейтральность и добрососедские отношения—это старый хлам, который никуда не годится с точки зрения коммунизма. Это старый хлам и больше ничего, но мы должны обсудить этот хлам с точки зрения дела». Мы всегда так смотрели и никогда не надеялись, что эти мелко-буржуазные элементы станут коммунистами. Но деловые предложения мы должны обсудить. Мы говорили о диктатуре пролетариата, что пролетариат должен быть господствующим над всеми остальными классами. Мы не можем уничтожить различия между классами до полного проведения коммунизма. Классы останутся, пока мы не уничтожили экспроприаторов и крупную буржуазию: помещиков, которых мы беспощадно экспроприируем. Но по отношению к среднему и мелкому крестьянству приходится говорить иначе. Беспощадно подавляя буржуазию и помещиков, мы должны привлекать к себе мелко-буржуазную демократию. Когда они говорят, что хотят быть нейтральными и быть с нами в добрососедских отношениях, мы отвечаем: этого только нам и надо. Мы никогда не ожидали, что вы станете коммунистами. Мы продолжаем стоять на почве беспощадной экспроприации помещиков и капиталистов.

Тут мы беспощадны, и тут мы не можем вступить ни на какой путь примирения или соглашательства. Но мы знаем, что мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно, ходом событий убеждать в неизбежности социализма. Эти элементы никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми, настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет. Теперь они видят: Европа так развилась, империализм дошел до такого положения, что никакая буржуазная демократия не спасет, что только Советская власть может спасти. Вот почему нам теперь этот нейтрализм, эти добрососедские отношения со стороны мелко-буржуазной демократии не только не страшны, а желательны. Вот почему, если мы смотрим на дело с точки зрения представителей класса, осуществляющего диктатуру, мы говорим: мы на большее никогда не рассчитываем со стороны мелко-буржуазной демократии. С нас этого достаточно. Вы будете с нами в добрососедских отношениях, а у нас будет государственная власть. Мы вас господа меньшевики, после вашего выступления о союзниках, охотно легализуем. Это будет сделано Центральным Комитетом нашей партии. Но мы не забудем того, что в вашей партии остались меньшевики-активисты, и по отношению к ним наши методы борьбы остаются старыми, потому что активисты—это друзья чехо-словаков, и пока чехо-словаки не изгнаны из России, вы представляете таких же врагов. Мы оставляем за собой государственную власть, *только за собой.*

С теми, кто с нами вступает в отношении нейтральности, мы рассуждаем, как класс, который держит в своих руках политическую власть, направляет всю остроту своего оружия против помещиков и капиталистов и говорит мелко-буржуазной демократии: если вам угодно переходить на сторону чехо-словаков и красновцев—мы показали, как мы боролись, мы будем и впредь бороться. Если вам угодно, мы вступаем на путь соглашения с вами, зная, что иначе, как целым рядом соглашений, которые мы будем испытывать, проверять, сопоставлять, страна не может перейти к социализму. Мы на этот путь вступили с самого начала, например, тем, что голосовали закон о социализации земли и превратили его постепенно в ту меру, благодаря которой удалось деревенскую бедноту объединить вокруг себя и повернуть против кулаков. Лишь по мере победы пролетарского движения в деревнях, мы будем переходить систематически к коллективному общественному землевладению и к общественной обработке земли. Эту задачу нельзя было осуществить иначе, как опираясь на чисто пролетарское движение в деревне, и в этом отношении предстоит еще очень много сделать. Нет сомнения, что здесь только практический опыт, только действительность покажет, как следует поступить.

Различны задачи соглашения со средним крестьянином, с мелко-буржуазными элементами, с кооператорами. Видоизменения будет переживать эта задача, если мы будем ставить ее по отношению к тем буржуазным союзам, которые сохраняли мелко-буржуазные традиции и привычки. Еще некоторое видоизменение эта задача переживает, если мы говорим о мелко-буржуазной интеллигенции. Она колеблется, но она нам для нашего социалистического переворота также нужна. Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупно-капиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех демократов и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию для социализма, ту интеллигенцию, которая не социалистична, которая никогда не будет коммунистична, но которую сейчас объективный ход событий и соотношений настраивает по отношению к нам нейтрально, по-соседски. Опирайтесь на интеллигенцию мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может. Но одно дело опираться на класс, представляющий собой диктатуру, а другое дело господствовать над другими классами.

Вы помните, что Энгельс даже по отношению к тем крестьянам, которые пользуются наемным трудом, сказал: «Может быть, и не всех придется экспроприировать». Мы экспроприируем по общему правилу, и у нас кулака нет. Мы давим его. Подавляем его физически, когда он проникает в Совет и пытается задушить там деревенского бедняка. Вы видите, как здесь проводится господство одного класса. Один пролетариат может господствовать. Но по-одному это применяется к мелкому крестьянину, по-другому—к среднему, иначе к помещику, иначе к мелкому буржую. Вся задача состоит в том, чтобы этот поворот, который вызван международными условиями, чтобы мы сумели его понять, понять неизбежность того, что лозунги, к которым привыкли за истекшие полгода истории революции,—неизбежно должны быть видоизменимы, поскольку речь идет о мелко-буржуазной демократии. Мы должны сказать: мы власть оставляем за тем же классом. По отношению к мелко-буржуазной демократии наш лозунг был соглашение, но нас заставили применить террор. Если вы действительно согласны жить в добрососедских отношениях с нами, то потрудитесь исполнить те или другие задания, господа кооператоры и интеллигенты. А если не исполните,—вы будете нарушителями закона, нашими врагами, и мы будем с вами бороться. А если вы стоите на почве добрососедских отношений и исполните эти задачи, этого нам с избытком достаточно. Опора у нас прочная. В вашей дряблости мы никогда не сомневались. Но, что вы нам нужны—этого мы не отрицаем, потому что вы являетесь единственным культурным элементом. Если бы нам пришлось строить социализм не из элементов, оставленных нам в наследие капитализмом,—задача была бы легка. Но в том-то и трудность социального строительства, что нам приходится строить социализм из элементов, насквозь испорченных капитализмом. В том-то и трудность перехода, что он связан с диктатурой, которой может руководить один только класс—пролетариат. Из этого вытекает, что мы говорим себе, что линию будет определять пролетариат, который вышколен и обращен в боевую силу, способную разбить буржуазию. Между буржуазией и пролетариатом стоит масса переходных ступеней, и по отношению к ним наша политика теперь должна стать на те рельсы, которые нами предусмотрены теоретически и которые мы теперь можем осуществлять. Нам предстоит целый ряд задач, целый ряд соглашений, технических заданий, которые мы, господствующая пролетарская власть, должны суметь дать. Мы должны суметь дать среднему крестьянину одно задание, помочь в товарообмене, в разоблачении кулака. Кооператорам другое: они обладали аппаратом для распределения продуктов в массовом размере; этот аппарат мы должны взять

себе. Интеллигенции мы должны дать совсем другое задание; она не в силах продолжать саботаж и настроена так, что теперь она занимает позицию, по отношению к нам самую добрососедскую, и мы должны брать эту интеллигенцию, ставить ей определенные задачи, следить и проверять их выполнение, относиться к ним, как Маркс говорил по отношению к служащим Парижской Коммуны: «каждый отдельный наниматель умеет выбирать себе подходящих помощников, бухгалтеров и, когда они ошибаются, умеет исправлять их ошибки, а если они не годятся,—заменять их новыми, хорошими». Мы строим власть из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано. Если ход событий нас толкнул на борьбу,—мы ответили по правилу: на одного разбойника—три разбойника. Теперь мы можем отнестись к мелкой буржуазии, как к доброму соседу, находящемуся под строгим контролем государственной власти. Тут задачей сознательного пролетариата является понять, что господство не означает того, что он сам выполнит все эти задачи. Тот, кто так думает, тот понятия не имеет о социальном строительстве, тот за год революции и диктатуры ничему не научился. Таким господам лучше отправиться в школу и там кое-чему поучиться, а кто чему-нибудь за истекшее время научился—тот скажет себе: вот эту-то интеллигенцию я и использую теперь на строительство. Для этого у меня есть достаточная опора в крестьянстве. И мы должны помнить, что только в ходе этой борьбы, в ряде соглашений и опытов, соглашений пролетариата с мелко-буржуазной демократией выработается то строительство, которое приведет к социализму.

Вспомним, что Энгельс говорил, что мы должны действовать примером. Никакая форма не будет окончательной, пока не будет достигнут полный коммунизм. Мы не претендовали на то, что мы знаем точную дорогу. Но мы идем к коммунизму неизбежно, неминуемо. В настоящее время каждая неделя дает больше, чем десятки лет мирного времени. Полгода, пережитые со времени Брестского мира были эпохой колебаний против нас. Западно-европейская революция—пример, начинающий повторять нас, должен укрепить нас. Мы должны учесть происшедшие перемены, учесть все элементы, не делая никаких иллюзий, зная, что колеблющиеся останутся колеблющимися, пока не победит полностью всемирная социалистическая революция. Это, может быть, будет и не так скоро, хотя ход событий германской революции обнадеживает, что это будет скорее, чем многие предполагают. Немецкая революция развивается так, как развивалась и наша, но более ускоренным темпом. Во всяком случае, задача, которая перед нами

стоит—это отчаянная борьба с англо-американским империализмом. Он почувствовал, что большевизм стал мировой силой, и именно потому старается удушить нас с максимальной быстротой, желая сначала расправиться с русскими большевиками, а потом со своими собственными. Мы должны те элементы, из колеблющихся, которых зверства империалистов толкают к нам, использовать. И мы это сделаем. Вы прекрасно знаете, что в войне нельзя пренебрегать никакой помощью, даже косвенной. В войне даже положение колеблющихся классов имеет громадное значение. Чем более остра война, тем больше мы должны приобрести влияния на колеблющиеся элементы, которые приходят к нам. Отсюда вытекает, что тактика, которую мы вели полгода, должна быть видоизменена сообразно новым задачам в отношении к различным слоям мелко-буржуазной демократии. Если мне удалось обратить внимание партийных работников на эту задачу и побудить их путем систематического опыта притти к ее правильному решению, я могу считать свою задачу исполненной.

*«Правда» № № 264 и 265
от 5 и 6 декабря 1918 г.*

О рабочей кооперации.

(Речь на III Съезде рабочей кооперации 7 декабря 1918 г.).

Товарищи! Перед рабочей кооперацией стоит теперь чрезвычайно важная задача в области хозяйственной, а также и в области политической. Те и другие задачи теперь ясно и неразрывно связаны между собой в смысле экономической и политической борьбы. Что касается ближайших задач кооперации, то я хочу подчеркнуть значение «соглашательства с кооперацией». То соглашательство, о котором говорилось так много за последнее время в печати, существенно расходится с понятием соглашательства с буржуазией, которое представляет собою измену. То соглашательство, о котором говорим мы сейчас, есть соглашательство совершенно особого рода. Есть громадная разница между соглашательством Советского правительства с Германией, которое дало одни результаты, и соглашательством, вреднейшим и гибельнейшим для страны,—соглашательством рабочего класса с буржуазией. Я говорю о полной измене под видом этого соглашательства как классовой борьбе, так и основным принципам социализма. Для социалистов, ставящих своей определенной задачей борьбу с буржуазией и борьбу с капиталом, само собой понятно это различие.

Мы все прекрасно знаем, что для нашей классовой борьбы может быть одно единое решение: это признание или власти капитала, или

власти рабочего класса. Мы знаем, что все попытки мелко-буржуазных партий создавать и проводить свою политику в стране заранее обречены на полнейшую неудачу. Мы ясно видели, пережили ряд попыток тех или других мелко-буржуазных партий или групп, стремящихся проводить свою политику, и мы видим, что эти промежуточные попытки должны потерпеть неудачу. В силу вполне определенных условий, только две центральные силы, стоящие на совершенно противоположных полюсах, могут провести свое господство в России, могут повернуть ее судьбу в ту или другую сторону. Я даже скажу больше: весь мир создается и управляется одной или другой из этих центральных сил. Относительно России определенно можно сказать, что только одна из этих сил может, в силу тех или иных экономических условий жизни, стать во главе движения. Остальные промежуточные силы—их много, но они никогда не могут сыграть решающего значения в жизни страны.

В настоящий момент перед Советской властью должен стать вопрос *о соглашении кооперации с Советской властью*. В апреле мы отступили от своих намеченных целей и пошли на уступку. Конечно, классовая кооперация не должна существовать в стране, в которой уничтожаются все классы, но я повторяю, что условия времени требовали некоторой задержки, и мы произвели ее в виде оттяжки на несколько месяцев. Но тем не менее мы все знаем, что с той позиции, на которой стоит сейчас власть в стране, она никогда не сойдет. Мы должны были сделать эту уступку, потому что мы были в то время одиноки в целом мире, и наша уступка объясняется трудностью нашей работы. В силу экономических задач, взятых на себя пролетариатом, мы должны были примирить и сохранить известные привычки мелко-буржуазных слоев. Здесь главная речь идет о том, что каким бы то ни было путем, но нужно достигнуть того, чтобы была направлена и согласована деятельность всей массы трудящихся и эксплуатируемых. Мы все время должны помнить, что пролетариат требует от нас. Народная власть должна считаться с тем, что различные слои мелкой буржуазии будут соединяться все сильнее и сильнее с правящим рабочим классом, когда жизнь, в конце концов, покажет, что выбора нет, что все надежды на среднее разрешение вопроса государственной жизни страны окончательно разрушены. Все те прекрасные лозунги, как народная воля, Учредительное Собрание и т. п., которыми прикрывались все полумеры, тотчас же были сметены, когда заговорила действительная народная воля. Вы видите сами, что произошло, как все эти лозунги, лозунги полумер, полетели вдребезги. В данный момент мы видим, что это происходит не только в России, что это происходит в масштабе всей мировой революции.

Я хочу установить разницу между тем соглашательством, которое вызвало такую страшную ненависть во всем рабочем классе, и тем соглашательством, которого мы теперь требуем, соглашения со всем мелким крестьянством, со всей мелкой буржуазией. Во время Брестского мира, когда мы принимали тяжкие условия этого мира, нам говорили, что надежды на мировую революцию нет, и ее быть не может. Мы были совершенно одиноки во всем мире. Мы знаем, что многие партии в то время, благодаря Брестскому миру, оттолкнулись от нас и стали на сторону буржуазии. В тот момент нам пришлось перенести целый ряд ужаснейших переживаний. Через несколько месяцев после этого жизнь показала, что выбора нет и быть не может, что нет середины.

Когда наступила германская революция¹⁷³), всем стало ясно, что революция идет по всему миру, что Англия, Франция и Америка тоже идут по пути к тому же самому—по нашему пути. Когда наши мелко-буржуазные демократические слои шли за своими заступниками, они не понимали, куда те ведут их, они не понимали, что их ведут по пути капитализма. Сейчас мы видим на примере германской революции, что эти представители демократии, эти заступники ее, эти господа Вильсоны и компания навязывают свои договоры побежденному народу похуже того Брестского договора, который был навязан нам. Мы ясно видим, что, в силу двинувшихся событий на Западе, в силу изменившейся ситуации, международной демагогии теперь пришел крах. Теперь определенно выяснилась физиономия каждой нации. Теперь маски сорваны, все иллюзии разбиты тем тяжелым тараном, как таран мировой истории.

Естественно, что при таких колеблющихся элементах, которые бывают всегда в переходное время, Советская власть должна использовать все свое значение и свое влияние, для того, чтобы провести в жизнь задачи, которые мы ставим теперь, задачи, которыми мы поддерживаем свою политику, начатую еще в апреле. Тогда мы отложили намеченные нами цели на некоторое время, тогда мы сделали сознательно и открыто ряд уступок.

Здесь поднимался вопрос о том, в какой именно точке пути мы находимся. Сейчас вся Европа определенно видит, что над нашей революцией уже не производится никакого опыта, и у них, у цивилизованных народов, изменилось к нам отношение. Они поняли, что в этом смысле мы делаем новое огромное дело, что в этом деле нам особенно трудно потому, что почти все время мы стояли совершенно одинокими и совершенно забытыми всем международным пролетариатом. В этом смысле на нашу долю легло много серьезных ошибок,

которых мы совершенно и не скрываем. Конечно, мы должны были стремиться к объединению всего населения, не производить никакой розни. Если мы не сделали этого до сих пор, то мы должны когда-нибудь начать это делать. Мы уже произвели слияние со многими организациями. Теперь должно быть проведено слияние между рабочей кооперацией и советскими организациями. С апреля месяца текущего года *) мы приступили к организации, чтобы начать действовать путем опыта, чтобы приложить к жизни то накопление общественных политических сил, которое у нас есть. Мы приступили к организации снабжения и распределения предметов между всем населением. Проверая каждый свой шаг, мы приступили к этой организации, что особенно было трудно провести в нашей отсталой в хозяйственном отношении стране. Соглашение с кооперацией мы начали с апреля месяца, и декрет, который был издан о полном слиянии и организации снабжения и распределения, стоит на той же самой почве. Мы знаем, что трения, на которые указывалось в речи предыдущего оратора, когда он ссылаясь на Петербург, существуют почти всюду. Мы знаем, что эти трения совершенно неизбежны, потому что наступает тот момент, когда встречаются и сливаются два совершенно различных аппарата, но тем не менее мы также знаем, что это неизбежно и что через это мы должны пройти. Точно так же и вы должны понять, что так долго встречающееся сопротивление со стороны рабочей кооперации, в конце концов, вызвало к себе недоверие, и недоверие вполне законное, со стороны Советской власти. Вы говорите: мы хотим независимости.

Вполне естественно, что всякий, кто выдвигает такой лозунг, может вызвать недоверие. Если жаловаться на трения и желать от них избавиться, то прежде всего нужно распрощаться с идеей независимости, потому что всякий, кто стоит на этой точке зрения, уже является противником Советской власти в то время, когда все стремится к более и более тесному слиянию. Как только у рабочей кооперации произойдет слияние, совершенно ясное, честное и открытое с Советской властью, эти трения начнут исчезать. Я очень хорошо знаю, что когда две группы соединяются в одну, то первое время в работе происходят некоторые шероховатости, но, тем не менее, с течением времени, когда привлеченная группа заслужит доверие привлекающей, все эти трения постепенно исчезнут. Между тем, если эти две группы останутся разделенными, возможны постоянные междо-ведомственные трения. Я не понимаю одного,—при чем здесь «независимость»? Ведь мы стоим на той точке зрения, что все общество как

*) Т.-е. 1918 года.

в смысле снабжения, так и в смысле распределения, должно представлять собой один общий кооператив. Все мы стоим на той точке зрения, что кооперация есть одно из завоеваний социалистической партии. В этом состоит великая трудность социалистических завоеваний. В этом состоят трудность и задача победы. Капитализм умышленно разъединял слои населения. Это разъединение должно исчезнуть окончательно и бесповоротно, и все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся. Ни о какой независимости отдельных групп не может и не должно быть речи.

О таком кооперативе я говорил сейчас, как о задаче победы социализма. Вот почему мы говорим, что, каково бы ни было расхождение наше по частным вопросам, мы не пойдем ни на какие соглашения с капитализмом, мы не сделаем шага, отступающего от принципов нашей борьбы. То соглашение, на которое мы идем сейчас с прослойками общественных классов,—это есть соглашение не с буржуазией и не с капиталом, а с отдельными отрядами пролетариата и демократии. Этого соглашения нечего бояться, потому что вся рознь между этими слоями исчезнет совершенно и бесследно в огне революции. Сейчас нужно одно, чтобы только было единодушное стремление идти с открытой душой в этот единый мировой кооператив. То, что сделано Советской властью, и то, что сделано до сих пор кооперациями, должно быть слито. Таково содержание последнего декрета Советской власти. Таков подход во многих местах представителей Советской власти, не дождавшихся наших декретов. Громадное дело, сделанное кооперацией, должно быть непременно слито с тем громадным делом, которое сделано Советской властью. Все слои населения, борющиеся за свою свободу, должны быть слиты в одну крепкую организацию. Мы знаем, что много ошибок сделали мы, особенно в первые месяцы после Октябрьской революции. Но теперь, с течением времени, мы будем стремиться к тому, чтобы среди населения было полное единение и соглашение. А для этого необходимо, чтобы все было подчинено Советской власти и все иллюзии о какой-то «независимости» как отдельных слоев, так и рабочей кооперации были возможны скорее изжиты. Эта надежда на «независимость» может существовать только там, где еще может быть надежда на какой-нибудь возврат к прежнему.

Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез. Они говорили: «Пусть себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!»...

Вот этот «чудной русский народ» показал всему миру, что значит его «баловство».

В настоящее время, когда подошло начало немецкой революции, один из иностранных консулов говорил Зиновьеву: «Да, еще не известно, кто больше использовал Брестский мир, вы или мы».

Это говорил он потому, что все говорят то же самое. Все увидели, что это только начало всемирной Великой революции. Это начало Великой революции положили мы, отсталый, русский «чудной» народ... Нужно сказать, что история идет странными путями; на долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения. Это движение видит и понимает буржуазия всего мира. Этим пожаром захвачены: Германия, Бельгия, Швейцария, Голландия...

С каждым днем все сильнее и сильнее разрастается это движение, с каждым разом растет и крепнет Советское революционное правительство. И потому теперь буржуазия встала на совершенно иной путь своих отношений к вопросам. Потому о независимости отдельных партий в то время, когда мировой топор занесен над капитализмом, не может быть никакой речи. Пример самый крупный дает нам Америка. Америка—это одна из самых демократических стран, громадная демократическая социальная республика. Где же, если не там, в этой стране, имеющей все избирательные права, все права свободного государства, правильно должны быть разрешаемы все правовые вопросы?

Что Вильсоны делают теперь с побежденной Германией? Вот как развертываются перед нами картины мировых отношений! Те картины, из которых мы черпаем содержание того, что господа Вильсоны предлагают своим друзьям, они в миллион и триллион раз убедительнее. Наше дело Вильсоны довели бы до конца моментально. Эти господа—свободные миллиардеры, гуманнейшие во всем свете люди—своих друзей сумели бы отучить моментально не только говорить, но даже и думать о какой бы то ни было «независимости». Они прямо и определенно поставили бы перед вами дилемму: или вы за капиталистический строй, или вы за Советы. Они сказали бы: «Вы должны поступать так, потому что это говорим вам мы, ваши друзья,—англичане, американцы—Вильсоны и французы—друзья Клемансо»²⁰³).

Поэтому у нас не может быть абсолютно никаких надежд на то, что может быть сохранена хоть какая-нибудь независимость. Этого не будет, и мечтать об этом безнадежно. Когда определенно стал вопрос об охране своей собственности, с одной стороны, и пролетариат нашел свою полосу, с другой стороны,—уже не может быть середины. Жизнь должна силести свои ветви или крепко с капиталом, или еще крепче с Советской республикой. Для всех совершенно ясно, что социализм вступил в эпоху своего осуществления. Для всех ясно, что отстоять

или сохранить мелко-буржуазные положения совершенно нельзя, если дать всему населению избирательное право. Может быть, господа Вильсоны и питаются этими надеждами, точнее, стараются прикрасить свои собственные цели проведением подобных иллюзий, но только я должен сказать, что людей, которые в эти сказки поверят, вы не много теперь найдете; если такие люди и остались, то они являются исторической редкостью, курьезом, которому место в музее.

Я должен сказать, что разногласия, которые у нас начались еще с самого начала относительно сохранения «независимости» кооперации,—это только попытки, которые должны окончиться без всякой надежды на положительное разрешение. Эта борьба несерьезна. Забывают, что те резолюции, которые ежедневно выносит сильнейший класс мира, которые, несомненно, единогласно вынесет и наше собрание съезда, приветствуют диктатуру только одного пролетариата во всем мире. Вынося эту резолюцию, наш съезд вступил на такую дорогу, с которой никакого моста на ту «независимость», о которой здесь говорится сегодня, уже не осталось и остаться не может. Вы знаете, как Карл Либкнехт не только встал в определенную оппозицию к крестьянству мелко-буржуазному, но он стал также в оппозицию кооперации. Вы знаете, что его за это Шейдеман ¹¹⁵⁾ и компания считают фантазером и фанатиком, и тем не менее вы сами выразили ему приветствие, точно так же, как выразили приветствие и Маклину ¹⁴⁶⁾. Выражением этой солидарности в вопросах с великими мировыми вождями вы сожгли все свои корабли. Вы должны твердо стоять на своих позициях, так как в данный момент вы отстаиваете не только себя, не только свои права, но и права Либкнехта и Маклина. Не раз я слышал, как русские меньшевики осуждали соглашательство, как громили они тех, которые договаривались с лакеями кайзера. И не одни только русские меньшевики грешны в этом. Весь мир указывал на нас, бросая нам сурово—«соглашатели». А теперь, когда началась мировая революция, когда им приходится разговаривать с Гаазе ²¹⁷⁾ и Каутским, теперь на нашей стороне право сказать, характеризуя наше положение хорошей русской пословицей: «Отойдем, да поглядим, как мы хорошо сидим»...

Мы знаем свои недочеты, и на них легко указывать. Но со стороны все это кажется не так, как оно существует в действительности. Вы знаете, что был момент, когда не было ни одного человека, который не осуждал бы нашего поведения и нашей политики, а теперь мы знаем целые партии, которые пришли к нам, которые хотят работать вместе с нами. Мировое кольцо революционного движения повернулось теперь таким образом, что нам не страшны решительно никакие соглашательства.

Я думаю, что и наш съезд найдет свой правильный выход из создавшегося положения. А выход этот—один—слияние кооперации с Советской властью. Вы знаете, что Англия, Франция, Америка, Испания смотрели на наши действия, как на эксперименты, а теперь они смотрят иначе: они смотрят, все ли благополучно в их-то собственных государствах. Конечно, с точки зрения физической, материальной, финансовой—они значительно сильнее нас, но, несмотря на их внешний блеск, мы знаем, что внутри они гниют; они сильнее нас в настоящий момент той самой силой, той мощью, которой была сильна Германия в момент заключения Брестского мира. Что же мы видим теперь? Тогда от нас откачнулись решительно все. А теперь каждый месяц, в который мы отстаиваем укрепление Советской республики, мы отстаиваем не только себя, но и дело, начатое Либкнехтом и Маклингом, и мы уже видим, как Англия, Франция, Америка и Испания заражаются тем же недугом, загораются тем же огнем, как и Германия, огнем всеобщей и всемирной борьбы рабочего класса и империализма.

Издано в начале 1919 г. отдельной брошюрой под заглавием: «Речи Н. Ленина, В. Милютина и В. Ногина на III съезде рабочей кооперации».

Речь на I Всеросс. съезде земельных отделов, комитетов бедноты ²³⁹⁾ и коммун.

(Заседание 11 декабря 1918 г.)

Товарищи! Уже самый состав настоящего съезда указывает, по моему мнению, на ту серьезную перемену и тот крупный шаг вперед, который сделан нами, Советской Республикой, в деле социалистического строительства, в особенности, в области сельско-хозяйственных, земельных отношений, самых важных для нашей страны. Настоящий съезд соединяет в себе представителей земельных отделов, комитетов бедноты и сельско-хозяйственных коммун, и это соединение показывает, что наша революция за короткий срок, в один год, успела шагнуть далеко в области перестройки тех отношений, которые всего труднее перестройке поддаются, которые во всех прежних революциях больше всего тормозили дело социализма, и которые необходимо глубже всего перестроить, чтобы обеспечить победу социализма.

Первая стадия, первая полоса в развитии нашей революции после октября—была посвящена, главным образом, победе над общим врагом всего крестьянства, победе над помещиками.

Вы все прекрасно знаете, товарищи, как еще февральская революция—революция буржуазии, революция соглашателей—эту победу над помещиками крестьянам обещала, как она своего обещания не выполнила. Только октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только Советская власть дала возможность, на деле, очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крестьянской эксплуатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, над всеми крестьянами без различия.

На эту борьбу против помещиков не могли не подняться, и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба объединила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплуатацией чужого труда. Эта борьба объединила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда.

Пока еще наша революция была занята этой задачей, пока нам приходилось еще напрягать все силы на то, чтобы самостоятельным движением крестьян, при помощи городского движения рабочих, власть помещиков была действительно сметена и окончательно уничтожена,—до тех пор революция оставалась общекрестьянской и поэтому не могла выйти из рамок буржуазных.

Она еще не трогала более сильного, более современного врага всех трудящихся—капитала. Она грозила поэтому кончиться так же половинчато, как кончалось большинство революций в Западной Европе, где временным союзом городских рабочих и всего крестьянства удавалось смести монархию, смести остатки средневековья, смести более или менее дочиста помещичье землевладение или помещичью власть, но никогда не удавалось подорвать самих основ власти капитала.

И вот к этому, гораздо более важному и более трудному, делу стала переходить с лета и осени текущего года наша революция. Волна восстаний контр революционеров, которая поднялась летом текущего года, когда к походу на Россию западно-европейских империалистов, к походу их наемников—чехо-словаков, присоединилось все, что есть эксплуататорского и угнетательного в русской жизни. И эта волна пробудила новые веяния и новую жизнь в деревне.

Все эти восстания объединили на практике, в отчаянной борьбе против Советской власти, и европейских империалистов, и их наемников—чехо-словаков, и все, что оставалось в России еще на стороне помещиков и капиталистов. А за ними восстали и все деревенские кулаки.

Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возникли два лагеря—

лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими твердо продолжало идти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян. Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплуататорские классы, перевела нашу революцию полностью на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в октябре, но на которые он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо сплоченной поддержки в деревнях.

Вот в чем значение переворота, который произошел в нынешнее лето и в нынешнюю осень по самым глухим закоулкам деревенской России, который не был шумен, не был так наглядно виден и не бросался так всем в глаза, как октябрьский переворот прошлого года, но который имеет еще несравненно более глубокое и важное значение.

Образование в деревне комитетов бедноты¹⁵⁷⁾ было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, объединившийся в октябре со всем крестьянством для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков—от этой задачи пошел вперед, к гораздо более трудной и исторически более высокой и действительной социалистической задаче—и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу, и в деревне пробудить сознание, что величайший земельный переворот—провозглашение в октябре отмены частной собственности на землю, провозглашение социализации земли, что этот переворот остался бы неизбежно на бумаге, если бы городские рабочие не пробудили к жизни деревенский пролетариат, деревенскую бедноту, трудящееся крестьянство, которое составляет громадное большинство, которое вместе со средним крестьянством не эксплуатирует чужого труда, не заинтересовано в эксплуатации, и которое способно, поэтому, идти, и пошло теперь дальше, от совместной борьбы против помещиков к общепролетарской борьбе против капитала, против власти эксплуататоров, опирающихся на силу денег, на силу движимого имущества, пошло от очистки России от помещиков к образованию социалистического порядка.

Этот шаг, товарищи, представлял из себя самую большую трудность. Относительно этого шага все те, кто сомневался в социалистическом характере нашей революции, пророчили нам неизбежный неуспех, и от этого шага зависит теперь все дело социалистического строительства в деревне. Образование комитетов бедноты, широкая

сеть этих комитетов, которая раскинулась по России, предстоящее теперь и частью уже начатое преобразование их в полновластные сельские Советы депутатов, которые должны провести в деревне основные начала советского строительства—власти трудящихся,—вот где настоящий залог того, что мы не ограничились своей работой тем, чем ограничивались обычные буржуазно-демократические революции в западно-европейских странах. Уничтожив монархию и средневековую власть помещиков, мы переходим теперь к делу подлинного социалистического строительства. Дело это в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное. Работа эта самая благодарная. Если удалось в самой деревне пробудить сознательность в трудящейся части крестьянства, если она именно волною капиталистических восстаний окончательно отделена от интересов класса капиталистов, если трудящееся крестьянство, в комитетах бедноты и в преобразовываемых Советах, все теснее и теснее сливается с городскими рабочими,—то в этом видим мы единственный и в то же время вернейший и несомненно прочный залог того, что дело социалистического строительства стало в России теперь прочнее. Теперь оно приобрело основу и в громадной массе земледельческого деревенского населения.

Нет сомнения, что в такой крестьянской стране, как Россия, социалистическое строительство представляет из себя задачу очень трудную. Нет сомнения, что смести врага вроде царизма, вроде власти помещиков, вроде помещичьего землевладения можно было сравнительно легко. Можно было в центре решить эту задачу в несколько дней, можно было по всей стране решить ее в несколько недель, но задача, к которой мы теперь приступаем, по самой сути своей может быть решена только чрезвычайно упорным и длительным трудом. Тут нам предстоит борьба, шаг за шагом, вершок за вершком придется отвоевывать завоевания новой социалистической России, бороться за общественную обработку земли.

И само собой понятно, что такого рода переворот — переход от мелких единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли — требует долгого времени, что он ни в коем случае не может быть совершен сразу.

Мы прекрасно знаем, что в странах с мелким крестьянским хозяйством переход к социализму невозможен без целого ряда постепенных предварительных ступеней. В сознании этого, октябрьский переворот первой **этой** задачей поставил только сметение и уничтожение помещичьей власти. Февральский основной закон о социализации земли, который, как вы знаете, проведен был единогласным решением и коммунистов и тех участников Советской власти, которые на **точке зрения**

коммунистов не стояли, этот закон является в то же время и выражением воли и сознания громадного большинства крестьян и доказательством того, что рабочий класс, рабочая коммунистическая партия, сознавая свою задачу, настойчиво, терпеливо, рядом постепенных переходов пробуждая сознание трудящейся части крестьянства и идя вперед лишь в меру пробуждения этого сознания, лишь в меру самостоятельной организации крестьянства, двигается по пути к новому социалистическому строительству.

Мы прекрасно знаем, что такие величайшие перевороты в жизни десятков миллионов людей, касающихся наиболее глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единичного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь.

А после отчаянной, длительной войны во всем мире мы явственно видим начало социалистической революции; во всем мире, даже и для более отсталых стран, создалась эта необходимость, которая говорит—независимо от каких бы то ни было теоретических взглядов или социалистических учений,—говорит внушительнейшим языком всякому и каждому, что по-старому жить нельзя.

Когда страна потерпела такое гигантское разорение и такой крах, когда мы видим, что этот крах распространяется на весь мир, что завоевания культуры, науки и техники, которые приобретены человечеством за много веков, сметены за четыре года этой преступной, разорительной и грабительской войной, и что вся Европа, а не только Россия, возвращается к состоянию варварства,—тогда перед самыми широкими массами и в особенности перед крестьянством, которое больше всего, может быть, от этой войны страдало, наглядно встает сознание того, что нужны чрезвычайные усилия, что нужно напряжение всех сил, чтобы избавиться от этого наследия проклятой войны, оставившей нам только разорение и нужды. Жить по-старому, как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда; вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному.

Разорение, оставленное нам в наследство войной, прямо-таки не позволяет восстановить это старое, мелкое крестьянское хозяйство. Мало того, что крестьян в их массе пробудила война, мало того, что война показала им, какие чудеса техники существуют в настоя-

щее время, и что эти чудеса техники приспособлены к истреблению людей, по она пробудила мысль, что чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование самого общественного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства — земледельческого. Мало того, что это сознание пробуждено, но люди убедились на чудовищных ужасах современной войны, какие силы создала современная техника, и как растрачиваются эти силы в ужаснейшей, бессмысленнейшей войне, и что единственным средством спасения от этих ужасов являются те же самые силы техники. Наша обязанность и долг направить их на то, чтобы самое отсталое производство, земледельческое, сельско-хозяйственное, поставить на новые рельсы, чтобы его преобразовать, и превратить земледелие из промысла, ведущегося бессознательно, по-старинке, в промысел, который основан на науке и завоеваниях техники. Война пробудила это сознание неизмеримо больше, чем каждый из нас может судить. Но, кроме того, что война пробудила это сознание, она также отняла возможность восстановить производство по-старому.

Те, кто мечтает, что можно будет после этой войны добиться восстановления того положения, которое было до войны, восстановления системы и устройства хозяйства при старых приемах, — те ошибаются и с каждым днем все более видят свою ошибку. Война вызвала такое страшное разорение, что отдельные мелкие хозяйства у нас не имеют теперь ни рабочего скота, ни инвентаря, ни орудий. Мы на такое расхищение народного труда идти дальше не можем. Трудящееся, беднейшее крестьянство, которое больше всего принесло жертв для революции и больше всего потерпело от войны, отняло землю у помещиков не для того, чтобы эти земли попались к новым кулакам. Перед этим трудящимся крестьянством сама жизнь ставит теперь в упор вопрос о переходе к общественной обработке земли, как единственному средству восстановить ту культуру, которая теперь разорена и разрушена войной, как единственному средству выйти из той темноты, забитости и подавленности, на которую всю массу деревенского населения осуждал капитализм, той темноты и подавленности, которая позволяла капиталистам четыре года давить человечество войной, и от которой теперь, во что бы то ни стало, все трудящиеся во всех странах с революционной энергией и страстью решают избавиться.

Вот, товарищи, какие условия должны были создаться в мировом масштабе, чтобы вопрос об этой труднейшей и в то же время самой главной социалистической реформе, об этом самом главном и коренном социалистическом преобразовании, чтобы он был поста-

влен на очередь дня, и он поставлен в России на очередь дня. Образование комитетов бедноты, теперешний совместный съезд земельных отделов, комитетов бедноты и сельско-хозяйственных коммун,— все это показывает нам в связи с той борьбой, которая внутри деревни происходила летом и осенью настоящего года, все это показывает нам, что сознание в самых широких массах трудящегося крестьянства произошло и что стремление к установке общественной обработки земли есть в самом крестьянстве, в большинстве трудящегося крестьянства. Конечно, повторяю, к этому величайшему из преобразований мы должны подходить с постепенностью. Немедленно ничего нельзя здесь сделать, но я должен напомнить вам, что и в том основном законе о социализации земли, который был предрешен на другой же день после переворота 25 октября, в первом же заседании первого же органа Советской власти, II Всероссийского Съезда Советов, издан был закон не только о том, что частная собственность на землю отменяется навсегда, не только о том, что помещичья собственность уничтожается, но и, между прочим, о том, что инвентарь, рабочий скот и орудия, переходящие во владение народа и во владение трудящихся хозяйств, тоже должны перейти в общественное достояние, тоже должны перестать быть частной собственностью отдельных хозяйств, и в законе о социализации земли, который принят в феврале 1918 года, и в этом законе по основному вопросу о том, какие цели ставим мы теперь себе, какие задачи распоряжения землей хотим мы осуществить и что призываем мы сторонников Советской власти, трудящееся крестьянство, осуществить по этому вопросу,— на этот вопрос закон о социализации земли в ст. 11 отвечает, что такой задачей является развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству.

Товарищи, у нас, когда мы принимали этот закон, отнюдь не было полного единодушия и согласия коммунистов с другими партиями, напротив, мы принимали этот закон тогда, когда в Советской власти и советском правительстве существовало единение коммунистов с партией левых эс-эров, не разделявших коммунистических взглядов, и тем не менее мы пришли к единодушному и единогласному решению, на почве которого мы остались, и теперь, памятуя, что такой переход от единоличных хозяйств к общественной обработке земли, еще раз скажу, не может быть осуществлен сразу, что борьба, которая завязалась в городах, она ставила вопрос проще. Там против тысячи рабочих стоял один капиталист и снести его не стоило большого труда. Борьба же, которая завязалась в деревне, была гораздо сложнее.

Вначале был общий натиск крестьян против помещиков, вначале было полное уничтожение помещичьей власти таким образом, чтобы она не могла и воссоздаться, затем борьба внутри крестьянства, где в лице кулаков, в лице эксплуататоров и спекулянтов, пользовавшихся излишками хлеба, чтобы наживаться за счет голодной иеземледельческой части России, восстановились новые капиталисты. Тут предстояла новая борьба, и вы все знаете, как летом этого года борьба эта довела до вспышек целого ряда восстаний. Но, затем, еще оставались отношения беднейшей части трудящегося крестьянства к среднему крестьянству. По отношению к кулаку мы не говорим так, как по отношению к помещику-капиталисту, что он должен быть лишен всей собственности. Мы говорим, что должно быть сломлено сопротивление этого кулака против необходимых мер, как, например, хлебной монополии, которую он не выполняет, чтобы наживаться на спекулятивной продаже излишков хлеба, в то время, когда рабочие и крестьяне иеземледельческих местностей мучительно голодают. По отношению к среднему крестьянству наша политика была всегда — союз с ним. Оно никоим образом не враг советских учреждений, и не враг пролетариата, и не враг социализма. Оно будет, конечно, колебаться и согласится перейти к социализму лишь тогда, когда оно увидит прочный, на деле показательный пример того, что этот переход необходим. Этого среднего крестьянства, конечно, нельзя убедить теоретическими рассуждениями или агитационными речами, на это мы не рассчитываем, но его убедит пример и сплоченность трудящейся части крестьянства, его убедит союз этого трудящегося крестьянства с пролетариатом, и здесь мы рассчитываем на длительное, постепенное убеждение, на ряд переходных мер, осуществляющих соглашение пролетарской социалистической части населения, соглашение коммунистов, ведущих решительную борьбу против капитала во всех его формах, соглашение их со средним крестьянством.

Вот, учитывая эту обстановку, учитывая то, что мы имеем дело в деревне с задачей несравненно более трудной, мы и ставим вопрос так, как он поставлен в законе о социализации земли. Вы знаете, что там провозглашена отмена частной собственности на землю, провозглашено уравнилельное разделение земли, вы знаете, что таким образом и начато осуществление этого закона и что мы провели его в большинстве крестьянских местностей, и в то же время, по общему единодушному согласию и коммунистов и всех, кто тогда взглядов коммунизма еще не разделял, в законе стоит то положение, которое я вам сейчас прочитал и которое говорит, что нашей общей задачей, нашей общей целью является переход к социалистическому хозяй-

ству, к коллективному землевладению, общественной обработке земли. Чем дальше идет период строительства, тем яснее становится теперь и для крестьян, уже осевших на земле, и для тех военнопленных, которые сотнями тысяч и миллионами возвращаются теперь измученные и истерзанные из плена, все яснее и яснее становится перед ними весь гигантский размер того, что мы должны сделать для восстановления хозяйства, для того, чтобы вывести крестьян навсегда из старого положения заброшенности, забитости и темноты, и все яснее становится, что выходом, действительно прочным и приближающим массу крестьян к культурной жизни, действительно ставящим их на положение, равное с другими гражданами,— этим выходом является только общественная обработка земли, и к этой общественной обработке земли постепенными мерами стремится теперь Советская власть систематически. Во имя этой общественной обработки земли образуются коммуны и советские хозяйства. Значение такого рода хозяйств указано в законе о социализации земли, в той части его, где становится вопрос, кто может пользоваться землей; вы прочтете, что на первом месте среди лиц и учреждений, которые могут пользоваться землей, стоит государство, на втором — общественные организации, дальше — сельско-хозяйственные коммуны и на четвертом месте — сельско-хозяйственные товарищества. Опять-таки я обращаю ваше внимание на то, что эти основные положения закона о социализации земли составлены тогда, когда коммунистическая партия проводила не только свою волю, когда она сознательно делала уступки тем, кто так или иначе выражал сознание и волю среднего крестьянства. Мы сделали и делаем такого рода уступки. Мы вступили и вступаем в этого рода соглашение, потому что переход к этой коллективной форме землевладения, к общественной обработке земли, к советским хозяйствам, к коммунам невозможен сразу; тут требуется упорное и настойчивое воздействие Советской власти, которая ассигновала один миллиард рублей на улучшение сельского хозяйства, под условием перехода к общественной обработке земли. Этот закон показывает, что мы хотим больше всего силой примера, силой привлечения к улучшению хозяйства действовать на массу средних крестьян, и рассчитываем лишь на постепенное действие такого рода мер для этого глубокого и важнейшего переворота в хозяйстве земледельческой России.

Союз комитетов бедноты, сельско-хозяйственных коммун и земельных отделов, союз, который мы имеем на настоящем съезде, он нам показывает и дает полную уверенность, что дело теперь поставлено правильно, в настоящем социалистическом масштабе, этим переходом к общественной обработке земли. Этой неуклонной и систематической

работой должно быть достигнуто повышение производительности труда. Для этого мы должны применить наилучшие приемы земледелия и привлечь агрономические силы России так, чтобы мы могли использовать все наилучше поставленные хозяйства, которые до сих пор служили лишь источником обогащения отдельных лиц, служили источником возрождения капитализма, новой кабалы, нового закрепощения наемных рабочих и которые теперь, при законе о социализации и при полной отмене частной собственности на землю, должны служить источником сельско-хозяйственного знания и культуры и повышения производительности для всех миллионов трудящихся. В этом союзе городских рабочих с трудящимся крестьянством, в этом образовании комитетов бедноты и в перевыборе их в советские учреждения лежит залог того, что земледельческая Россия стала теперь на путь, на который позднее нас, но зато вернее нас, вступают одно за другим западно-европейские государства. Им было гораздо труднее начать переворот, потому что врагом их было не гнилое самодержавие, а наиболее культурный и объединенный капиталистический класс, но вы знаете, что этот переворот начался, и вы знаете, что революция не ограничилась пределами России, что наша главная надежда, наш главный устой — это пролетариат западно-европейский, более передовых стран, что эта главная опора всемирной революции пришла к сближению, и мы твердо уверены, и ход немецкой революции показывает это на деле, что там переход к социалистическому хозяйству, использование более высокой земледельческой техники, более быстрое объединение трудящегося населения деревни, — там оно пойдет быстрее и будет совершаться легче, чем у нас. В союзе с рабочими городов, в союзе с социалистическим пролетариатом всего мира, русское трудящееся крестьянство может быть уверено теперь, что оно поборет все невзгоды, все натиски империалистов и осуществит дело, без которого освобождение трудящихся быть не может, дело общественной обработки земли, дело постепенного, но неуклонного перехода от мелких единоличных хозяйств к общественной обработке земли.

*Труды I Всероссийского съезда
земельных комитетов и коммун,
вып. I, изд. Наркомзема 1918 г.*

О хозяйственных задачах.

(Речь на II Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства
19 декабря 1918 года.)

Товарищи! Позвольте мне сказать прежде всего несколько слов о международном положении Советской Республики. Конечно, все вы знаете, что главным вопросом международного положения является победа англо-французско-американского империализма и его попытка завладеть окончательно всей землей, а, главным образом,— погубить Советскую Россию.

Вы знаете, что в начале октябрьского переворота не только большинство представителей западно-европейской буржуазии, но и некоторая часть буржуазии российской смотрели на дело таким образом, что у нас совершается некоторый социалистический эксперимент, который не может иметь существенного и серьезного значения с мировой точки зрения. Особенно наглые и близорукие представители буржуазии неоднократно высказывались в том духе, что коммунистические эксперименты в России ничего, кроме удовольствия германскому империализму, доставить не могут. И были, к сожалению, люди, которые позволяли ослеплять себя этими выходками и оценивали, между прочим, под таким углом зрения невероятно тяжелые и невероятно насильнические условия Брестского мира. В сущности говоря, эти люди сознательно и бессознательно возбуждали классовый мелко-буржуазный патриотизм и оценивали ухудшающееся положение не с точки зрения мирового значения, не с точки зрения развития событий в мировом масштабе, а с той точки зрения, будто германский империализм является главным врагом и что будто этот насильнический, необыкновенно грабительский мир является торжеством германских империалистов.

Действительно, если рассматривать события того времени в смысле положения России, то более губительных условий нельзя и представить. Но вздорность выводов немецких империалистов обнаружилась через несколько месяцев, когда немцы, завоевывая Украину, хвалились перед немецкой буржуазией, а еще более перед немецким пролетариатом, что наступил момент жатвы плодов империалистической политики, что на Украине они достанут все необходимое для Германии. Это была самая недалёковидная и близорукая оценка событий.

Но вскоре обнаружилось, что те, которые рассматривали события с точки зрения влияния их на развитие мировой революции, оказались единственно правыми. Именно, пример Украины, претерпевшей неслы-

ханные страдания, показал, что единственно правильной оценкой событий была та, которая основывалась на изучении, на внимательном наблюдении международной пролетарской революции: империализм оказался задушенным трудящимися массами, поставленными в невыносимо тяжкие условия. И теперь мы видим, что эпизод с Украиной был одним из звеньев в процессе нарастания всемирной революции.

Германские империалисты гораздо меньше смогли получить от Украины материальных благ, чем рассчитывали. Между тем, это превращение войны в грабительскую подорвало всю германскую армию, а соприкосновение с Советской Россией внесло в эту армию трудящихся масс Германии то разрушение, которое сказалось через несколько месяцев. И теперь, когда англо-американский империализм еще более обнаглел и рассматривает себя, как владыку, которому никто не может оказать сопротивление, мы не закрываем глаз на то чрезвычайно трудное положение, перед которым мы находимся. Державы Согласия сейчас перешли грань возможной для буржуазии политики и зарвались так же, как зарвались германские империалисты в феврале и марте 1918 г., заключая Брестский мир. Та же причина, которая привела к гибели германский империализм, явно вырисовывается перед нами и в отношении англо-французского империализма. Последний навязал Германии условия мира гораздо более худшие, более тяжелые, чем те, которые были навязаны Германией нам при заключении мира Брестского. Этим англо-французский империализм перешел ту грань, которая и окажется потом роковой для него. За этой гранью империализм теряет надежду удержать в повиновении трудящиеся массы.

Несмотря на шум, поднятый шовинистами по поводу победы и разрушения Германии, несмотря на то, что война официально еще не закончена, мы уже теперь имеем во Франции и Англии признаки чрезвычайно высокого роста рабочего движения и перемену позиции тех политиков, которые стояли на шовинистской точке зрения, а теперь выступают против своего правительства из-за попытки вмешательства в русские дела. Если же сопоставить с этим известия, появившиеся за последнее время в газетах, о начале братания англо-американских солдат, если помнить, что империалистические войска состоят из граждан, к которым применяют обман и угрозы, то мы можем признать, что почва Советской России достаточно крепка. Учитывая эту общую картину мировой войны и революции, мы совершенно спокойны, с абсолютной уверенностью смотрим на будущее и говорим, что англо-французский империализм настолько зарвался, что перешел все грани мира, которые были в пределах осуществимости для империалистов, что ему грозит полнейший крах.

Удушение революции, захват и раздел всех стран, — вот задачи, которые поставлены державами Согласия, продолжающими империалистическую войну. Но, несмотря на то, что Англия и Америка гораздо больше стояли в стороне от ужасов войны, чем Германия, что демократическая организованная буржуазия у них гораздо более дальновидна, чем германская буржуазия, английские и американские империалисты потеряли голову, и сейчас, в силу объективных условий, вынуждены взяться за такую задачу, которая им не под силу, вынуждены держать войска для «успокоения» и умирения.

Однако условия, в которых мы сейчас находимся, требуют полнейшего напряжения наших сил. И теперь мы все еще должны каждый месяц ценить больше, чем прежде десятилетие, потому что мы делаем во сто раз больше: мы не только охраняем российскую республику, но и творим великое дело для мирового пролетариата. От нас требуется большое напряжение, большая работа по составлению организационного плана и выработке общих отношений.

Переходя к вопросу о ближайших наших задачах, должен сказать, что основа уже сделана, и за время между первым и вторым съездами Совнархозов основной тип работ намечен. Общий план управления промышленностью, национализированными предприятиями, управления целыми отраслями промышленности, выработан и поставлен на твердую основу, при участии профессиональных союзов, при чем со всякими синдикалистскими, сепаратистскими, местническими и областническими попытками, приносящими делу вред, мы будем и в дальнейшем бороться так же, как боролись до сих пор.

Военное положение возлагает на нас особую ответственность и тяжелые задачи. Коллегиальное управление ²⁴⁰⁾ необходимо при участии профессиональных союзов. Коллегии необходимы, но коллегиальные управления не должны обращаться в помеху практическому делу. И когда теперь мне, в частности, приходилось наблюдать за проведением в жизнь экономических задач нашими предприятиями, особенно бросается в глаза, что исполнительная часть нашей работы, связанная с коллегиальным обсуждением, иногда тормозит исполнение. Этот переход от коллегиального исполнения к личной ответственности составляет задачу дня.

От совнархозов, главков и центров мы будем безусловно требовать, чтобы коллегиальная система управления не выражалась в болтовне, в писании резолюций, в составлении планов и областничестве. Этот недопустимо. Мы неуклонно будем требовать, чтобы каждый работник совнархоза, каждый член главка знал, за какую отрасль хозяйства, в узком смысле, он отвечает. Когда мы получаем сведения о том,

что имеется сырье, но люди не знают, сколько сырья, не сумели этого определить, когда доносятся вопли, что склады с товарами стоят закрытыми, и в то же время крестьяне требуют товарообмена, требуют справедливо, отказываясь отдавать хлеб за обесцененные бумажки, мы должны знать, какой член какого именно коллегиального управления занимается волокитой, и мы должны сказать, что этот член за волокиту отвечает и будет отвечать с точки зрения обороны, т.-е. с точки зрения немедленного ареста и военного суда, хотя бы он был представителем самого важного союза в наиважнейшем главке. Этот человек должен отвечать за то, насколько практически проведены в жизнь простейшие элементарные вещи,— учет продуктов на хозяйственных складах и правильное их использование. С выполнением таких именно элементарных задач у нас большей частью происходит затор.

С исторической точки зрения это не вызывает никаких опасений, потому что в строительстве новых и невиданных до сих пор форм надо известное время потратить для того, чтобы наметить общий план организации, который разовьется в процессе работы. Наоборот, надо удивляться тому, как много сделано в этой области за такое короткое время. Но с точки зрения военной, с точки зрения социалистической, когда пролетариат требует с нашей стороны проявления максимальной энергии, чтобы хлеб и полушубки были, чтобы рабочие меньше нуждались в обуви, продуктах и т. п., необходимо увеличить товарооборот в 10 раз, чем он идет сейчас. Эта сторона дела должна явиться ближайшей задачей совнархозов.

Нам нужна практическая работа людей, ответственных за то, чтобы хлеб обменивался на продукты, чтобы хлеб не залеживался, чтобы в каждом складе сырья было не только на учете, но и не залеживалось, чтобы оказывалась действительная помощь в области производства.

Что касается кооперативов, то и к ним необходимо подойти с деловой стороны. Когда я вижу членов совнархозов, заявляющих, что кооперация — дело лавочное, что там стоят меньшевики, что там стоят белогвардейцы, и потому от них надо держаться подальше,— я утверждаю, что эти люди проявляют полное непонимание дела. Они абсолютно не понимают задачи момента, когда вместо того, чтобы указывать годных кооператоров, как специалистов, указывают на них, как на людей, протягивающих руку белогвардейцам. Я утверждаю, что они занимаются не своим делом,— для уловления белогвардейцев у нас есть чрезвычайкомы, им и следует предоставить делать свое дело. Кооперативы же — единственный аппарат, созданный империалистическим обществом, который мы и должны использовать. Поэтому всякую попытку заменить дело рассуждениями, представляющими вопло-

щение близорукости и самого грубого тупоумия, интеллигентского самомнения, мы будем преследовать путем беспощадных репрессий по военному положению.

Если до сих пор, год спустя, дело не налажено, как следует, если в то время, когда перед нами стоят задачи практические, мы все еще продолжаем обсуждение планов, страна же требует хлеба, вальной обуви, своевременного распределения предметов сырья, подобная волокита и вторжение в чужую область нетерпимы...

При нашем аппарате иногда стоят элементы, склоняющиеся к белогвардейцам, но, при наличии во всех наших учреждениях коммунистического контроля, эти люди не могут получить политического значения и руководящей роли. Об этом не может быть и речи. Нам же они нужны, как практические работники, и бояться их нечего. Я не сомневаюсь, что коммунисты — превосходнейшие люди, среди них имеются превосходные организаторы, но, чтобы получить этих организаторов в большом числе, нужны годы и годы, а нам ждать нельзя.

Сейчас мы можем получить таких работников в среде буржуазии, в среде специалистов и интеллигенции. И мы будем спрашивать с каждого товарища, работающего в совнархозе: что вы, господа, сделали для того, чтобы привлечь к работе опытных людей, что вы сделали для того, чтобы привлечь специалистов, чтобы привлечь приказчиков, дельных буржуазных кооператоров, которые должны работать у вас несколько не хуже, чем они работали у каких-нибудь Колупаевых и Разуваевых? Пора нам отказаться от прежнего предрассудка и призвать всех нужных нам специалистов к нашей работе. Это должны знать все наши коллегиальные управления, все наши коммунистические работники. В таком отношении к делу — залог нашего успеха.

Достаточно всевозможных праздных разговоров, теперь настало время перейти к практическому делу, которое может вывести нашу страну из того круга, в который ее замыкают империалисты. На этой точке зрения должны стоять все советские, все кооперативные аппараты. Нам нужно делать дело и дело. Если пролетариат, взяв власть в свои руки, не сумеет воспользоваться своей властью, не сумеет практически поставить вопрос и практически же его разрешить, он потеряет очень многое. Пора оставить тот предрассудок, будто только коммунисты, среди которых, несомненно, есть и весьма хорошие люди, могут проводить определенную работу. Пора оставить этот предрассудок: нам нужны работники дела и дела, и мы должны всех их привлечь к работе.

Капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми мы должны непременно воспользо-

зоваться и воспользоваться в широком, массовом размере, пустив всех их в ход. Тратить время на подготовку специалистов из наших коммунистов нам совершенно некогда, потому что сейчас все дело в практической работе, в практических результатах.

Нужно поставить вопрос так, чтобы каждый член коллегии, каждый член ответственного учреждения взял в свои руки дело, отвечая за него целиком. Непременнo нужно, чтобы всякий, взявший на себя определенную отрасль, отвечал бы за все: и за производство, и за распределение. Я должен вам сказать, что положение нашей Советской Республики таково, что при правильном распределении хлеба и других продуктов мы можем продержаться очень и очень долго. Но для этого непременно нужна правильная политика решительного разрыва со всякой волокитой, нужно действовать быстро и решительно, нужно назначить определенных лиц на определенную ответственную работу, нужно, чтобы каждый из этих лиц знал определенно свое дело, определенно отвечал за него, будучи ответственным вплоть до расстрела. Вот политика, которую мы ведем и в Совнаркоме, и в Совете обороны, и этой политике необходимо подчинить всю деятельность совнархозов и кооперативов. Вот тот путь, по которому должна идти политика пролетариата.

Нужно поставить вопрос так, чтобы у нас правильно вертелось колесо товарообмена. В этом сейчас вся задача, в этой области нам предстоит большая работа, и к этой работе я позволяю себе, в заключение того, что говорю сейчас, настоятельно всех вас призвать.

«Правда» № 283

27 декабря 1918 года.

Памяти Прошьяна ²²²).

Мне пришлось познакомиться с тов. Прошьяном и оценить его во время совместной работы в Совнаркоме в конце прошлого и в начале текущего года, когда левые эс-эры шли в союзе с нами. Прошьян выделялся сразу глубокой преданностью революций и социализму. Не про всех левых эс-эров можно было сказать, что они социалисты, даже, пожалуй, про большинство из них сказать этого было нельзя. Но про Прошьяна это надо было сказать, ибо, несмотря на верность его идеологии русских народников, идеологии несоциалистической, в Прошьяне виден был глубоко убежденный социалист. По-своему, не через марксизм, не от идей классовой борьбы пролетариата этот человек сделался социалистом, и мне не раз доводилось наблюдать, при совместной работе в Совнаркоме, как тов. Прошьян становился решительно на сторону

большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров, когда они выражали точку зрения мелких хозяйчиков и относились отрицательно к коммунистическим мероприятиям в области сельского хозяйства.

Особенно запомнился мне разговор с тов. Прошьяном незадолго до Брестского мира. Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных уже не осталось. Прошьян стал говорить мне о необходимости слияния наших партий, о том, что наиболее далекие от коммунизма (когда этого слова не было еще в ходу) левые эс-эры заметно и очень сильно сблизились с ним за время общей работы в Совнаркоме. Я отнесся сдержанно к предложению Прошьяна, назвал его преждевременным, но сближения между нами на практической работе отнюдь не отрицал.

Полное расхождение принес Брестский мир, а из расхождения, при революционной последовательности и убежденности Прошьяна, не могла не произойти прямая, даже военная борьба. Чтобы дело могло дойти до восстания или до таких фактов, как измена главнокомандующего Муравьева²²³), левого эс-эра, этого я, должен признаться, никак не ожидал. Но пример Прошьяна показал мне, как глубоко, даже в наиболее искренних и убежденных социалистах из левых эс-эров, засел *патриотизм*, — как разногласия в общих основах мирозерцания с неизбежностью проявили себя при трудном повороте истории. Субъективизм народников привел к роковой ошибке даже лучших из них, которые дали ослепить себя призраком чудовищной силы, именно германского империализма. Иная борьба против этого империализма, кроме повстанческой, и притом непременно в данную минуту, без всякого учета объективных условий нашего международного положения, казалась, с точки зрения долга революционера, прямо-таки недопустимой. Тут сказалась та самая ошибка, которая в 1907 году сделала социалистов-революционеров безусловными «бойкотистами» столыпинской Думы. Только в обстановке горячих революционных битв ошибка более жестоко отомстила за себя и толкнула Прошьяна на путь вооруженной борьбы с Советской властью.

А все-таки Прошьяну довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва. И в международной обстановке, создавшейся после немецкой революции, новое — более прочное, чем прежде, — сближение Прошьяна с коммунизмом было бы неизбежно, если бы этому сближению не помешала преждевременная смерть

О «демократии» и диктатуре.

Немногочисленные номера берлинского «Красного Знамени» и венского «Клича» (Weckruf), органа коммунистической партии немецкой Австрии, дошедшие до Москвы, показывают нам, что предатели социализма, поддерживавшие войну хищников империалистов, все эти Шейдеманы и Эберты²⁴¹⁾, Австерлицы и Реннеры²⁴²⁾, встречают достойный отпор от истинных представителей революционных пролетариев Германии и Австрии. Мы горячо приветствуем оба органа, знаменующие жизненность и рост III Интернационала.

Повидимому, главным вопросом революции и в Германии и в Австрии является теперь вопрос: Учредительное Собрание или власть Советов? Представители обанкротившегося II Интернационала, все, от Шейдемана до Каутского, стоят за первое и называют свою точку зрения защитой «демократии» (Каутский даже договорился до «чистой демократии») в противоположность диктатуре. Взгляды Каутского я разобрал подробно в только что вышедшей в Москве и Петрограде брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Попытаюсь вкратце изложить суть спорного вопроса, который стал теперь практически на очередь дня для всех передовых капиталистических стран.

Шейдеманы и Каутские говорят о «чистой демократии» или о «демократии» вообще, чтобы обмануть массы и скрыть от них *буржуазный* характер *современной* демократии. Пусть буржуазия продолжает сохранять в своих руках весь аппарат государственной власти, пусть горстка эксплуататоров продолжает пользоваться прежней, буржуазной, государственной машиной. Выборы, производимые при таких условиях, буржуазия, понятное дело, любит называть «свободными», «равными», «демократическими», «всенародными», ибо эти слова служат для сокрытия правды, для сокрытия того, что собственность на средства производства и политическая власть остаются у эксплуататоров, что поэтому о действительной свободе, о действительном равенстве для эксплуатируемых, т.-е. для громадного большинства населения, не может быть и речи. Буржуазии выгодно и необходимо скрывать от народа *буржуазный* характер современной демократии, изображать ее демократией вообще или «чистой демократией», и Шейдеманы, а также Каутские, повторяя это, на деле покидают точку зрения пролетариата и переходят на сторону буржуазии.

Маркс и Энгельс, когда они последний раз вдвоем подписывали предисловие к «Коммунистическому Манифесту» (это было в 1872 г.), считали необходимым особо обратить внимание рабочих на то, что пролетариат не может просто овладеть готовой (т.-е. буржуазной)

государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что он должен сломать, разбить ее. Ренегат Каутский написал целую брошюру о «Диктатуре пролетариата», скрыв от рабочих эту важнейшую марксистскую истину, извратив в корне марксизм, и понятно, что похвалы, которые господа Шейдеманы и К^о расточали этой брошюре, были вполне заслужены, как похвалы агентов буржуазии тому, кто переходит на сторону буржуазии.

Говорить о чистой демократии вообще, о равенстве, о свободе, о всенародности, когда рабочие и все трудящиеся голодны, раздеты, разорены, измучены не только капиталистическим наемным рабством, но и 4-хлетней грабительской войной, а капиталисты и спекулянты продолжают владеть своей награбленною «собственностью» и «готовым» аппаратом государственной власти, это значит издеваться над трудящимися и эксплуатируемыми.

Это значит бить в лицо основным истинам марксизма, который учил рабочих: вы должны использовать буржуазную демократию, как громадный исторический прогресс по сравнению с феодализмом, но ни на минуту не забывайте буржуазного характера этой «демократии», ее исторической условности и ограниченности, не разделяйте «суеверной веры» в «государство», не забывайте, что государство и при самой демократической республике, а не только при монархии, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией вообще, или «чистой демократией» буржуазную демократическую республику, на деле представляющую из себя диктатуру буржуазии, диктатуру эксплуататоров над трудящимися массами. Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры (теперь, к сожалению, при помощи Фридриха Адлера) поддерживают эту ложь и это лицемерие. А марксисты, коммунисты, разоблачают его и говорят рабочим и трудящимся массам прямую и открытую правду: на деле демократическая республика, учредительное собрание, всенародные выборы и т. п. есть диктатура буржуазии, и для освобождения труда от ига капитала нет иного пути, как смена этой диктатуры *диктатурой пролетариата*.

Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала, от лжи, фальши, лицемерия буржуазной демократии, этой демократии *для богатых*, в состоянии установить демократию *для бедных*, т. е. сделать блага демократии доступными, *фактически*, для рабочих и беднейших крестьян, тогда как теперь (даже и при самой демократической—*буржуазной*—республике) эти блага демократии, *фактически*, недоступны громадному большинству трудящихся.

Возьмем, например, свободу собраний и свободу печати. Шейдемапы и Каутские, Австерлицы и Реннеры уверяют рабочих, что теперешние выборы в учредительное собрание в Германии и в Австрии происходят «демократически». Это — ложь, ибо *на деле* капиталисты, эксплуататоры, помещики, спекулянты держат в своих руках девять десятых лучших зданий, которые пригодны для собраний, и $\frac{9}{10}$ запаса бумаги, типографий и проч. Рабочий в городе, батрак и поденщик в деревне *на деле* отстранены от демократии как этим «священным правом собственности» (охраняемым господами Каутскими и Реннерами, к которым перешел, к сожалению, и Фридрих Адлер), так и буржуазным аппаратам государственной власти, т.-е. буржуазными чиновниками, буржуазными судьями и проч. Теперешняя «свобода собраний и печати» в «демократической» (буржуазно-демократической) республике немецкой есть ложь и лицемерие, ибо *на деле* это есть *свобода для богачей* покупать и подкупать прессу, *свобода богачей* спаивать народ сивухой буржуазной газетной лжи, *свобода богачей* держать в своей «собственности» помещичьи дома, лучшие здания и т. п.

Диктатура пролетариата *отнимает* у капиталистов в пользу трудящихся помещичьи дома, лучшие здания, типографии, склады бумаги.

Это будет замена «всемирной», «чистой» «демократии» «диктатурой одного класса» — вопят Шейдемапы и Каутские, Австерлицы и Реннеры вместе с их заграничными единомышленниками, Гомперсами ²¹³), Хендерсонами ¹⁷⁴), Реноделями ¹⁷⁷), Вандервельдами ²²⁹) и К^о.

Неправда, — ответим мы. Это будет заменой фактической диктатуры буржуазии (каковую диктатуру лицемерно прикрывают формы демократической буржуазной республики) диктатурой пролетариата. Это будет заменой демократии для богатых демократией для бедных. Это будет заменой свободы собраний и печати для меньшинства, для эксплуататоров, свободой собраний и печати для *большинства* населения, для трудящихся.

Это будет гигантским всемирно-историческим *расширением* демократии, превращением ее из лжи в правду, освобождением человечества от оков капитала, искажающего и урезающего всякую даже самую «демократическую» и республиканскую *буржуазную* демократию. Это будет заменой буржуазного государства *пролетарским* государством, каковая замена есть единственный путь к отмиранию государства вообще.

Почему же нельзя достигнуть такой цели без диктатуры одного класса? Почему нельзя прямо перейти к «чистой» демократии? — спрашивают лицемерные друзья буржуазии или наивные клейнбюргеры и филистеры, одураченные ею.

Мы отвечаем: потому, что во всяком капиталистическом обществе решающее значение могут иметь либо буржуазия, либо пролетариат, а мелкие хозяйчики неизбежно остаются колеблющимися, бессильными, глупыми мечтателями о «чистой», т.-е. внеклассовой или надклассовой, демократии. Потому, что из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса. Потому, что победить буржуазию, свергнуть ее в состоянии только пролетариат, ибо это единственный класс, который объединен и «вышкочлен» капитализмом и который в состоянии увлечь за собой колеблющуюся массу трудящихся, живущих по-мелкобуржуазному — увлечь ее за собой, или, по крайней мере, «нейтрализовать» ее. Потому, что только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного *подавления сопротивления* эксплуататоров. В Германии и Австрии это сопротивление пока еще не развернулось открыто, ибо пока еще не началась экспроприация эксплуататоров. Это сопротивление будет отчаянным, бешеным, когда такая экспроприация начнется. Скрывая это от себя и от рабочих, Шейдеман и Каутские, Австерлицы и Реннеры совершают предательство интересов пролетариата, переходят в самый решительный момент от позиции классовой борьбы и свержения ига буржуазии на позицию соглашения пролетариата с буржуазией, на позицию «социального мира» или примирения эксплуататоров с эксплуатируемыми.

Революция — локомотив истории, говорил Маркс. Революции быстро учат. Рабочие городов, батраки деревень Германии и Австрии быстро поймут измену делу социализма со стороны Шейдеманов и Каутских, Австерлицев и Реннеров. Пролетариат отбросит прочь этих «социал-предателей», социалистов на словах, предателей социализма на деле, как отбросил он в России таких же мелких буржуа и филистеров, меньшевиков и «социалистов-революционеров».

Пролетариат увидит, — тем скорее, чем полнее будет господство названных «вождей», — что только замена буржуазного государства, будь то самая демократическая буржуазная республика, государством типа Парижской Коммуны (о которой так много говорил Маркс, искаженной и преданной Шейдеманами и Каутскими) или государством типа Советов в состоянии открыть дорогу к социализму. Диктатура пролетариата избавит человечество от ига капитала и от войны.

Написано 23 декабря 1918 г.

Напечатано в «Правде» № 2

3 января 1919 г.

I.

Позиция Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) в вопросе о сепаратном и об аннексионистском мире *).

Безусловная необходимость подписания в данный момент (24/II 1918) захватного, невероятно тяжелого мира с Германией вызывается прежде всего тем, что у нас нет армии, что мы обороняться не можем.

Все знают, почему после 25/X 1917 г., после победы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, мы все стали оборонцами, за защиту отечества. Недопустимо, с точки зрения защиты отечества, давать себя вовлечь в военную схватку, когда не имеешь армии и когда неприятель вооружен до зубов, подготовлен великолепно.

Негоже Советской Социалистической Республике вести войну, имея заведомо огромное большинство выбирающих в Советы рабочих, крестьянских и солдатских масс против войны. Это было бы авантюрой. Другое дело, если война эта закончится хотя бы архитяжким миром, и германский империализм потом опять пожелает вести наступательную войну против России,— тогда большинство Советов, наверное, будет за войну.

Вести войну теперь значит, объективно, поддаваться на провокацию русской буржуазии. Она прекрасно знает, что Россия сейчас беззащитна и будет разгромлена даже ничтожными силами германцев, которым достаточно перерезать главные ж.-д. линии, чтобы голодом взять Питер и Москву. Буржуазия хочет войны, ибо хочет свержения Советской власти и соглашения с немецкой буржуазией. Триумф буржуев в Двинске и Режице, в Вендене и Галсале, в Минске и в Дриссе, при вступлении немцев, яснее ясного подтверждает это.

Защита революционной войны в данный момент неминуемо сбивается на революционную фразу. Ибо без армии, без серьезнейшей экономической подготовки вести современную войну против передо-

* Настоящая декларация принадлежит Н. Ленину. Редакция получила ее текст, когда первые листы т. XV «Собр. сочин.» были уже напечатаны, вследствие чего она помещена в «дополнении». Ее место в хронологическом порядке находится после статьи «К истории вопроса о несчастном мире».

вого империализма для разоренной крестьянской страны вещь явно невозможная. Сопротивление германскому империализму, который раздал нас, взял в плен, безусловно необходимо. Но пустой фразой было бы требование: сопротивляйся именно посредством вооруженного восстания и именно сейчас, когда такое сопротивление заведомо безнадежно для нас, заведомо выгодно и для германской и для русской буржуазии.

Такой же фразой становится защита революционной войны сию минуту доводами о поддержке международного социалистического движения. Если мы обеспечим германскому империализму своим несвоевременным принятием боя с ним разгром Советской Республики, то повредим, а не поможем германскому и международному рабочему движению и делу социализма. Надо всесторонней, настойчивой, систематической работой помогать только революционным интернационалистам внутри всех стран, но идти на авантюры вооруженного восстания, когда оно заведомо есть авантюра, — недостойно марксиста.

Если Либкнехт победит в 2—3 недели (это возможно), он, конечно, выпутает нас из всех трудностей. Но было бы просто глупостью и превращением в издевку великого лозунга солидарности трудящихся всех стран, если бы мы вздумали ручаться перед народом, что Либкнехт непременно и обязательно победит в ближайшие недели. Именно рассуждая так, превращают в пустейшую фразу великий лозунг: «Мы ставим карту на мировую революцию».

Положение дела объективно похоже на лето 1907 г. Тогда нас задавил и взял в плен русский монархист Столыпин, теперь — немецкий империализм. Тогда лозунг немедленного восстания оказался пустой фразой, охватившей, к сожалению, всю партию эс-эров. Теперь, в данную минуту, лозунг революционной войны явно есть фраза, увлекающая левых эс-эров, которые повторяют доводы правых эс-эров. Мы в плену у германского империализма, нам предстоит трудная и долгая борьба за свержение этого застрельщика всемирного империализма; эта борьба есть, бесспорно, последний и решительный бой за социализм, но начать эту борьбу с вооруженного восстания в данный момент против застрельщика империализма есть авантюра, на которую никогда не пойдут марксисты.

Систематическая, неуклонная, всесторонняя подготовка оборонспособности страны, самодисциплины везде и повсюду, использование тяжелого поражения для повышения дисциплины трудящихся во всех областях жизни, в целях экономического подъема страны и упрочения Советской власти, — вот задача дня, подготовка революционной войны на деле, а не на словах.

Из архива ЦК РКП (б.).

II

Предисловие *) к сборнику „Против течения“ ¹⁹²).

Большинство статей, собранных в настоящем издании, помещено было в заграничном «Социал-Демократе» Центр. орг. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), который выходил с конца 1914 года до начала 1917 года в Швейцарии. Только одна большая журнальная статья взята из журнала «Коммунист» (вышел один выпуск в 1916 г., в Швейцарии).

Для правильного понимания связи между отдельными статьями надо иметь в виду хронологическую последовательность их помещения в газете.

Статьи делятся на две основные категории. Часть посвящена оценке войны и вытекающих из этой оценки задач политики. Другая часть рассматривает внутрипартийные отношения, ту борьбу фракций, которая долго казалась близоруким людям «хаосом» или «личным конфликтом» и которая на деле привела теперь, как видит всякий, к размежеванию действительных социалистов от лакеев буржуазии, господ Либерданов ¹³²), Мартовых и К^о.

Понятно, что первая часть или первая категория статей имеет несравненно большее значение. Без знакомства с этими статьями не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий *понять* развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25 октября 1917 года.

Написано в 1918 г.

Напечатано в сборнике «Против течения».

Изд. 1918 г.

*) Время написания не установлено, поэтому печатается в «Дополнении».

Ц. К. Р. К. П. и Брестский мир.

(По материалам архива Ц. К. Р. К. П. составлено г. Овсянниковым.)

Октябрьская революция готовилась и проходила в значительной степени под лозунгом борьбы за мир. Одним из первых актов Советской власти был «декрет о мире», вотируемый 26 октября 1917 г. II Съездом Советов.

После отказа верховного главнокомандующего генерала Духонина подчиниться приказу Совета Народных Комиссаров и вступить в переговоры с германским главнокомандованием о перемирии (см. переговоры с ним Н. Ленина и друг. по прямому проводу), последний был смещен. До действительного устранения от власти Духонина Совнарком был лишен фактической возможности проводить на деле свою мирную политику и принужден был апеллировать к солдатской массе, предложив ей взять дело мира в свои руки и вступить в переговоры с противником через голову верховного командования. Отказавшийся повиноваться Совету Народных Комиссаров Духонин вскоре, однако, был смещен; Крыленко, назначенный главверхом, подчинил себе ставку и через нее весь армейский аппарат.

14 ноября Крыленко послал к немецкому командованию парламентариев для предварительных переговоров о мире. 16 ноября было получено согласие Германии и Австрии вступить в переговоры. 20 ноября последовала в Брест-Литовске первая встреча русской делегации во главе с Иоффе и Каменевым с представителями германской коалиции. 22 ноября был объявлен перерыв переговоров и подписан акт о прекращении военных действий.

Еще задолго до начала переговоров с Германией, Совет Народных Комиссаров неоднократно обращался к державам Антанты с предложением вступить в общие переговоры о мире. Такие обращения были адресованы к Франции и Англии 8 ноября, и в тот же день была послана нота правительствам нейтральных государств, предлагавшая воздействовать на воюющие страны. 14 ноября предложение «союзникам» вступить в переговоры о всеобщем мире было повторено. Правитель-

ства держав Антанты предпочли уклониться от прямого ответа, но обратились с протестом к генералу Духонину, к тому времени уже смещенному с поста верховного главнокомандующего — ввиду отказа подчиниться Совету Народных Комиссаров. В период ноябрьского перерыва Брестских переговоров Совет Народных Комиссаров выпустил новое обращение к державам Антанты и только после того, как оно вновь осталось без всякого ответа, счел возможным приступить без участия «союзников» к переговорам о сепаратном мире.

Переговоры возобновились 29 ноября и тянулись с перерывами до 3 марта 1918 г., когда Советская Россия была принуждена силой штыков пойти на неимоверно тяжелые Брестские условия. Разразившаяся в Германии январская всеобщая стачка и волнения в Австрии, вызванные аннексионистскими требованиями германского командования и последовавшим вследствие этих требований отъездом русской делегации, усилили надежду выйти из империалистической бойни революционным путем, сделав популярной в среде советских партий тактику, характеризовавшуюся лозунгом: «ни мир — ни война» и имевшую агитационное значение, рассчитанное на немедленную революцию в Германии.

Вплотную вопрос о мире перед Ц. К. встал в первых числах января 1918 г., за несколько дней до III Съезда Советов. Н. Ленин с самого начала стоял на той точке зрения, что, в целях сохранения базы пролетарской революции в России, необходимо заключить с Германией мир даже на тяжелых для нас условиях, допуская возможность заключения и сепаратного мира, если «союзники» не пойдут на мирные переговоры, добиваясь «победы, во что бы то ни стало». 7 января были написаны «тезисы о мире с Германией» (см. стр. 63), опубликованные в «Правде» только 24 февраля, когда обострившаяся борьба в партии по вопросу о мире заставила спор перенести на страницы печати.

Эти тезисы были оглашены Н. Лениным и подвергнуты обсуждению 8 января на частном совещании наиболее видных большевистских делегатов, съехавшихся на III Съезд Советов *).

9 января Ц. К. вновь подверг подробной дискуссии вопрос о мире.

Архив Ц. К. сохранил ряд секретарских записей, набросанных рукою Е. Д. Стасовой на отдельных листках. В протоколе 9 января имеется следующая запись речи Н. Ленина.

«Первым берет слово тов. Ленин, который указывает, что на собрании 8 января по этому вопросу наметилось три точки зрения, и

*) Протоколов этого собрания не сохранилось,

ставит вопрос о том, обсуждать ли вопрос по пунктам тезисов, изложенных им, или же открыть общую дискуссию. Принимается последнее, и слово предоставляется тов. Ленину.

Он начинает с изложения трех точек зрения, наметившихся на предыдущем собрании: 1) сепаратный аннексионистский мир, 2) революционная война и 3) объявление войны прекращенной, демобилизовать армию, но мира не подписывать. На предыдущем собрании первая точка зрения собрала 15 голосов, вторая — 32 и третья — 16. Тов. Ленин указывает, что большевики никогда не отказывались от обороны, но только эта оборона и защита отечества должны были иметь определенную, конкретную обстановку, которая есть в настоящее время на-лицо, а именно: защита социалистической республики от необыкновенно сильного международного империализма. Вопрос состоит только в том, как должны мы защищать отечество — социалистическую республику. Армия чрезмерно утомлена войной; конский состав таков, что артиллерию мы не сможем увезти при наступлении; положение германцев на островах Балтийского моря настолько хорошо, что при наступлении они смогут взять Ревель и Петербург голыми руками. Продолжая в таких условиях войну, мы необыкновенно усилим германский империализм, мир придется все равно заключать, но тогда мир будет худший, так как его будем заключать не мы. Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством. Сейчас мы опираемся не только на пролетариат, но и на беднейшее крестьянство, которое отойдет от нас при продолжении войны. Затягивание войны входит в интересы французского, английского и американского империализма, чему служит, например, доказательством предложение, сделанное в ставке Крыленко о 100 руб. за каждого русского солдата, предложенное американцами. Стоящие на точке зрения революционной войны, указывают, что мы этим самым будем находиться в гражданской войне с германским империализмом и что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну. В наших руках есть циркулярное письмо германских с.-д., имеются сведения об отношении к нам двух течений центра, из которых одно считает, что мы подкуплены и что сейчас в Бресте происходит комедия с заранее распределенными ролями. Эта часть нападает на нас за перемирие. Другая часть, каутскианцев, заявляет, что личная честность вождей большевиков вне всякого сомнения, но что поведение большевиков

является психологической загадкой. Мнения левых с.-д. мы не знаем. Английские рабочие поддерживают наше стремление к миру. Конечно, тот мир, который мы заключим, будет похабным миром, но нам необходима отсрочка для проведения в жизнь социальных реформ (взять хотя бы один транспорт); нам необходимо упрочиться, а для этого необходимо время. Нем необходимо додуть буржуазию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки и тогда мы сможем вести революционную войну с международным империализмом. Созданные в настоящее время эшелоны революционной добровольческой армии — это офицеры нашей будущей армии.

То, что излагает тов. Троцкий: прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии — это интернациональная политическая демонстрация. Своим уводом войск мы достигаем того, что отдаем немцам Эстляндскую социалистическую республику. Говорят, что, заключая мир, мы этим самым развязываем руки японцам и американцам, которые тотчас же завладевают Владивостоком. Но, пока они дойдут только до Иркутска, мы сумеем укрепить нашу социалистическую республику. Подписывая мир, мы, конечно, предаем самоопределившуюся Польшу, но мы сохраняем социалистическую Эстляндскую республику и даем возможность окрепнуть нашим завоеваниям. Конечно, мы делаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлев, но мы должны его сделать. Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим. Для спасения социалистической республики три миллиарда контрибуции не слишком дорогая цена. Подписывая мир теперь, мы воочию показываем широким массам, что империалисты (Германия, Англия и Франция), взявши Ригу и Багдад, продолжают драться, а мы развиваемся, развивается социалистическая республика».

Бухарин, Троцкий и Урицкий защищали точку зрения «ни мир, ни война». Оппоков (Ломов) поддерживал революционную войну. Сталин и Зиновьев в целом присоединились к Ленину.

Слово второй раз берет Ленин, который доказывает, что он не согласен в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым. С одной стороны, конечно, на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако если бы в силу этого мы изменили свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму. С Зиновьевым он не согласен в том, что заключение мира на время ослабит движение на Западе.

Если мы верим в то, что германское движение может развиваться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны пожертвовать собою, ибо германская революция гораздо выше нашей. Но суть в том, что там движение еще не началось, а у нас оно уже имеет новорожденного и громко кричащего ребенка, и если мы в настоящий момент не скажем ясно, что мы согласны на мир, то мы погибнем. Нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, этого мы можем достигнуть, только заключив мир.

Дзержинский и представитель Петербургского Комитета, Кассиор, возражали Ленину. Сергеев (Артем) и Сокольников поддерживали последнего. Крестинский высказался за революционную войну.

Голосование дало следующие результаты:

За революционную войну — 2, против — 11, воздержался — 1.

За затяжку переговоров с Германией — 12, против — 1. За формулу Троцкого «ни мир, ни война» — 9, против — 9. Таким образом Ц. К. 9 января постановил: войны не вести, переговоры с Германией затягивать, но не дал точных директив для дальнейшей нашей тактики.

На III Съезд Советов, который происходил с 10 по 18 января, докладчиком по вопросу о мире выступал Троцкий, а среди ораторов — Каменев и Зиновьев. Левые эс-эры поддерживали точку зрения «мира не подписывать, войны не вести». Съезд принял резолюцию, близкую к вышеуказанной, но в ней не было прямого запрещения подписать мир 29 января, срок, до которого были отсрочены переговоры с немцами. Совету Народных Комиссаров, однако, были предоставлены неограниченные полномочия по вопросу о мире. Эта резолюция, а также речь Зиновьева на Съезде вызвали протест сторонников революционной войны. Петербургский Комитет и группа партийных работников (Оппоков-Ломов, Оболенский-Осинский, В. Яковлева, В. Смирнов, М. Васильев, М. Савельев, Швердин-Максименко, Пятаков, Бухарин и Преображений) подали в Ц. К. заявление с требованием созыва партийной конференции в недельный срок.

Ц. К. это требование обсуждал 19 января. О позиции Ленина в архиве Ц. К. имеется следующая запись секретаря Ц. К., Стасовой:

«Ленин ставит вопрос, какую конференцию созывать. Следует, по его мнению, объясниться на-чистоту со сторонниками революционной войны, так как в их заявлениях можно усмотреть обвинение в том, что в партии одна группа подозревает другую в дипломатии по вопросу о мире. На самом деле никакой дипломатии нет, так как

совершенно открыто заявлено в решении о перемирии, что всякая сторона, желая прекратить его, должна заявить об этом за семь дней до начала военных действий. Мы тянем с миром на этом основании. Как принято решение на III Съезде? Так, как это предложено Ц. И. К.; Ц. И. К. же вынес решение согласно решению фракции, а фракция приняла его согласно решению Ц. К.

Ленин полагает, что для разубеждения товарищей, сторонников революционной войны, самое лучшее было бы им съездить на фронт и там воочию убедиться в полной невозможности ведения войны. Не видит он смысла в конференции и потому, что решения ее не могут быть обязательными для Ц. К. Возможно, что в силу этого нам для получения точных директив от партии необходимо созвать партийный съезд.

Затягивая мирные переговоры, мы даем возможность продолжать братание, а заключая мир, мы сможем сразу обменять военнопленных, и этим самым в Германию мы перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии. Кроме того, он считает, что для точного установления того, что делается в Германии, нам следовало бы послать в Берлин авиаторов, что, по их словам, вполне выполнимо».

Ц. К. после прений принял следующее предложение Ленина: «Созвать совещание 20 января; состав его таков: 1) Ц. К., 2) представители тех мнений, которые ясно выражены, а именно: Ленин, Сокольников, Бухарин, Оболенский, Стуков. Если у Смирнова, Оболенского, Стукова и Пятакова есть разногласия их положений, то они посылают двух представителей, а то одного; 3) П. К. в лице Фенигштейна, 4) латыш. Всякая группа представляет свои тезисы».

Партийный съезд постановлено было созвать на 20 февраля.

Совещание Ц. К. с партийными работниками состоялось 21 января. Поименное голосование дало следующие результаты (см. таблицу на стр. 579).

10 февраля в Бресте мирные переговоры были прерваны. Троцкий от имени русской делегации заявил, что Россия насильнический мир отказывается подписать, но войны продолжать не будет и демобилизует армию.

Вечером 17 февраля Ц. К. вновь обсуждал военный вопрос. В архиве Ц. К. протоколов заседания не сохранилось. Имеется лишь следующая таблица поименного голосования (см. табл. на стр. 580).

	Допустим ли вообще мир между социалистическими и империалистическими государствами?	Допустимо ли сейчас подписать германский аннексионистский мир?	Затягивать ли переговоры или нет?	Дотягивать ли их до разрыва их немцами?	Разрывать ли переговоры немедленно?	Допустимо ли подписать германский аннекс. мир в случае разрыва переговоров и ультиматума?	Нужно ли в таком случае подписать мир?	Нужно ли подписать мир, если Кюльман, под давлением революционного движения внутри, согласится на первоначальные условия нашей делегации?	Нужно ли создавать Красную армию?	Допустимы ли экономич. договоры социалистическ. государств с империалистическими?
I группа.										
Ленин	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+
Сталин										
Муралов										
Артем										
Сокольников										
Зиновьев	ушел		до		го		лосования			
II группа.										
Ломов	+	—	+	+	—	+	возд.	возд.	+	+
Крестинский										
Бубнов										
Кассиор										
Бухарин										
Урицкий	ушли		до		го		лосования			
III группа.										
Оболенский	—	—	возд.	—	—	—	—	—	+	—
Стуков	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—
IV группа.										
Преображенский	+	—	+	+	—	+	возд.	—	+	+
Спундэ	+	—	—	возд.	—	+	возд.	возд.	+	+
Фенигштейн	+	—	+	+	—	+	возд.	—	+	+

Троцкий на заседании не присутствовал.

	За немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира.	За революционную войну *).	За то, чтобы оказывать всяческое содействие в случае начала наступления со стороны Германии	За то, чтобы выждать с возобновлением переговоров о мире, пока в достаточной степени не прекратится наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение.	Готово ли в принципе подписание мира с империалистической Германией при известных условиях?	Что ответить Ставкеверху? За отпротавление и уничтожение всего имущества и военных материалов, в случае нашего отступления.	Если мы будем иметь, как раз, немешое наступление, и революц. подтема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?	Если после наступления мы не предлагаем мира, объявляем ли состояние войны возобновленным?
Бухарин . . .	---	В такой постановке отказались от голосования	++	++	++	++	ВОЗД.	ВОЗД.
Ломов . . .	---		++	++	++	++	ВОЗД.	ВОЗД.
Троцкий . . .	---	---	++	++	++	++	+	---
Урицкий . . .	---	---	++	++	++	++	ВОЗД.	---
Иоффе . . .	---	Так же, как и Бухарин.	++	++	++	++	+	---
Крестинский	---		++	++	++	ВОЗД.	ВОЗД.	---
Ленин . . .	++	---	++	---	++	ВОЗД.	+	ВОЗД.
Сталин . . .	++	---	++	---	++	Не участ. в голосов.	+	---
Свердлов . .	++	---	++	---	++	ВОЗД.	+	---
Сокольников	++	---	++	---	++	ВОЗД.	+	---
Смилга . . .	++	---	++	---	++	ВОЗД.	+	---

Если судить по постановке вопросов при голосовании, поводом к заседанию послужил запрос главковерха Крыленко, предусматривавшего возобновление германского наступления. Характерным в голосовании оказалось, что за революционную войну на этот раз, по тем или другим формальным мотивам или дефектам постановки вопросов, никто не голосовал. Замечательны также результаты голосования по предпоследнему вопросу: «Заключать ли мир при условии немецкого наступления и отсутствия революционного движения в германском тылу?» Впервые за мир в этой предположительной форме высказалось 6 человек, при одном — против и четырех воздержавшихся сторонников революционной войны.

Уже 17 февраля явились первые реальные признаки готовящегося немецкого наступления. Германские аэропланы появились над Двинском. На русский фронт оказались переброшенными с западного четыре дивизии. Немцы разослали радио, заявляя, что они берут на себя охрану цивилизованного мира от большевистской заразы.

*) Повидимому, этот вопрос ставился не конкретно, но в принципе (примерно: «за революционную войну принципиально»), вследствие чего как сторонники, так и противники подписания аннексионист. мира голосовали против, а Бухарин, Ломов и Иоффе отказались от голосования, протестуя против постановки вопроса.

Троцкий доложил об этом на заседании Ц. К. 18 февраля, который вновь рассматривал вопрос о войне. Были допущены только по два фракционных оратора с каждой стороны с ограничением времени до 5 минут и притом только по вопросу о посылке или непосылке телеграммы с предложением мира.

Против посылки телеграммы говорили Троцкий и Бухарин. За — Зиновьев и Ленин.

Ленин сказал следующее: «Вчера особенно характерным голосованием было, когда все признали необходимость мира, если движения в Германии не произойдет, а наступление будет. Существует сомнение, не хотят ли немцы наступления для того, чтобы сбросить советское правительство. Мы стоим перед положением, когда необходимо действовать. Если совершенно явно будет наступление империализма, тогда мы все будем за оборону, и тогда можно будет объяснить это народу. Если теперь начнется наступление, и мы после этого будем разъяснять массам, то мы внесем больше путаницы, нежели когда будем сейчас вести переговоры о продлении перемирия, тут ни одного часа терять нельзя, ибо массы такой постановки вопроса не поймут. Либо мы ведем революционную войну за социализацию земли, и тогда нас массы поймут, либо мы ведем переговоры о мире».

Предложение Ленина немедленно обратиться к Германии с телеграммой о возобновлении мирных переговоров было отклонено, собрав 6 голосов против 7.

Следующее заседание состоялось в тот же день, 18 февраля, вечером.

Троцкий доложил о занятии немцами Двинска и о слухах об их движении на Украину. Троцкий предложил запросить германцев и австрийцев об их требованиях. (В действительности наступала одна Германия, Австрия от наступления воздержалась.) Урицкий предложил или засчитать голоса отсутствующих двух сторонников мира, или подчиниться другой части чекистов.

Ленин произнес следующую речь:

«Вопрос коренной. Предложение Урицкого удивительно. Ц. К. голосовал против революционной войны, а мы не имеем ни войны, ни мира и втягиваемся в революционную войну. Шутить с войной нельзя. Мы теряем вагоны, и ухудшается наш транспорт. Теперь невозможно ждать, ибо положение определено вполне. Народ не поймет этого: раз война, так нельзя было демилитаризовать; немцы теперь будут брать все. Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен, если дальше занимать позицию среднюю. Иоффе писал из Бреста, что в Германии нет и начала революции; если так, то германцы могут

получить награду, двигаясь дальше. Теперь нет возможности ждать. Это значит сдавать русскую революцию на слом. Если бы немцы сказали, что требуют свержения большевистской власти, тогда, конечно, надо воевать; теперь никакие оттяжки дальше невозможны. Теперь дело идет не о прошлом, а о настоящем. Если запросить немцев, то это будет только бумажка. Это не политика. Единственное — это предложить немцам возобновить переговоры. Теперь среднее решение невозможно. Если революционная война, то надо ее объявить, прекратив демобилизацию, а так нельзя. Бумажки мы пишем, а они пока берут склады, вагоны, и мы околеваем. Теперь на карту поставлено то, что мы, играя свободой, отдаем революцию немцам.

История скажет, что революцию вы отдали. Мы могли подписать мир, который не грозил нисколько революции. У нас нет ничего, мы даже взрывать не умеем; отступая, мы сделали что могли, по-могли революции в Финляндии, а теперь не можем. Теперь не время обмениваться нотами, а надо перестать выжидать. Теперь поздно «прощупывать», так как теперь ясно, что немец может наступать. Спорить против сторонников революционной войны невозможно, но против сторонников выжидания — можно и должно. Нужно предложить немцам мир».

После Ленина вновь высказывались Урицкий и Троцкий, затем Сталин и Бухарин. Ленин второй раз взял слово:

«Бухарин не заметил, что он перешел на позицию революционной войны. Крестьянин не хочет войны и не пойдет на войну. Можно ли теперь сказать крестьянину, чтобы он пошел на революционную войну? Но если ее хотеть, тогда нельзя было демобилизовать армию. Перманентная крестьянская война — утопия. Революционная война не должна быть фразой. Если мы не подготовлены, мы должны подписать мир. Раз демобилизовали армию, то смешно говорить о перманентной войне. Сравнивать с гражданской войной нельзя. На революционную войну мужик не пойдет и сбросит всякого, кто открыто ее скажет. Революция в Германии еще не началась, а мы знаем, что и у нас наша революция не сразу победила. Здесь немцы возьмут Лифляндию и Эстляндию, но мы можем их отдать во имя революции. Если они потребуют вывода войск из Финляндии — пожалуйста, пусть они возьмут революционную Финляндию. Если мы отдадим Финляндию, Лифляндию и Эстляндию, революция не потеряна. Все перспективы, которыми вчера вас пугал тов. Иоффе, ни малейшим образом не губят революции.

Я предлагаю заявить, что мы подписываем мир, который вчера нам предлагали немцы, если они к этому присоединят невмешатель-

ство в дела Украины, Финляндии, Лифляндии и Эстляндии,— и это безусловно надо принять. Наши солдаты никуда не годятся; немцы хотят хлеба — они его возьмут и пойдут назад, сделав невозможной Советскую власть. Сказать, что демобилизация прекращена — это значит смешить людей».

После речи Ломова голосуется предложение Ленина: «Немедленно обратиться к германскому правительству с предложением немедленного заключения мира». Предложение принимается 7 головами (Ленин, Смилга, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий, Зиновьев); против голосуют 6 (Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский и Дзержинский). Воздерживается Стасова. Рассматривается содержание радио. Решено составить его из следующих частей: «Заявить протест (голосами всех, 2 воздержавшихся), указать вынужденность нашего согласия (за — все, 2 воздерж.); готовность подписать старые условия с указанием, что нет отказа от принятия худших предложений (за — 7; против — 4; воздержавшихся — 2)». Выработка текста радио поручена была Ленину и Троцкому. Постановлено немедленно сообщить левым эс-эрам о решении Ц. К., однако последние остались на своей прежней позиции, отказываясь идти на подписание аннексионистского мира даже при риске погубить дело всей революции.

Нота Совета Народных Комиссаров Германии была отправлена по радио 19 февраля. До получения ответа государственного секретаря иностранных дел фон-Кюльмана прошло три томительных дня. Германское наступление продолжалось по всему фронту, австрийцы в наступлении участия не принимали. Истощенная трехлетней войной русская армия нигде сопротивления не оказывала и уходила с фронта. Немцы продвигались без всяких боев, следуя просто на поездах по железным дорогам. Совет Народных Комиссаров не знал, какой будет ответ, призывал страну к защите социалистического отечества, но все попытки организовать сопротивление не удавались.

Московский Комитет, несмотря на трагическое положение Советской Республики, основываясь на решении общегородской конференции 11—13 января, в экстренном заседании утром 20 февраля заявил протест против решения Ц. К. Заявления о своих отставках со всех ответственных постов подали в Ц. К. Ломов (Опшюков), В. М. Смирнов, А. Спундэ, Д. Боголепов, Урицкий, Пятаков, Бубнов и В. Яковлева, «оставляя за собой свободу агитации как внутри партии, так и вне ее», т.-е. объявляя формальный раскол партии. Заявления сторонников революционной войны в печати оглашены не были, и их отставки не опубликованы.

Подавшие в отставку цекисты продолжали принимать участие в заседаниях.

Следующее заседание Ц. К. состоялось 22 февраля. Сторонники революционной войны поняли, что, оставляя за собой право агитации против мира вне партии, они начинают раскол, и подали новое заявление в Ц. К., в котором они оставляют за собою право агитировать внутри партии и апеллировать к съезду (Оппоков-Ломов, Урицкий, Бухарин, Бубнов, В. Смирнов, Стуков, Бронский, В. Яковлева, Спундэ, М. Покровский и Пятаков). Иоффе, Крестинский и Дзержинской присоединились к протестантам, оговорив, однако, что они воздержатся от агитации, считая ее шагом к расколу.

22 февраля на заседании Ц. К. Троцкий доложил ноту французской военной миссии с предложением Франции и Англии оказать нам поддержку в войне с Германией и высказался за принятие их предложения при условии полной независимости нашей внешней политики и заявил о том, что он слагал с себя обязанности Народного Комиссара иностранных дел. Бухарин настаивал на отказе от предложений «союзных» империалистов. Ц. К. принял предложение Троцкого 6 голосами против 5. Отсутствовавший на заседании Ленин прислал в Ц. К. следующую записку на клочке бумаги чернилами, но сильно неразборчивым почерком: «Прошу присоединить мой голос за *) взятие поддержки и оружия у разбойников англо-фр. империализма. Ленин».

Наконец, был получен по радио ответ Кюльмана на русскую ноту от 19 февраля о согласии германского правительства подписать мир на новых ухудшенных условиях, из которых главнейшими были:

§ 2. Территории, которые лежат к западу от линии, указанной русским представителем в Брест-Литовске и которые принадлежали к Российскому государству, не будут более находиться под территориальным покровительством России. Линия отодвигается в окрестностях Двинска до восточной границы Курляндии. Из прежней принадлежности этих земель к Всероссийскому государству не вытекает для них никаких обязательств по отношению в России. Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние отношения этих земель. Германия и Австро-Венгрия предполагают определить судьбу этих земель в согласии с желанием их населения. Германия готова, как только будет закончен всеобщий мир и будет вполне проведена русская демобилизация, очистить земли, лежащие к востоку от

*) Курсив подлинника.

вышеупомянутой линии, поскольку из § 3 не вытекает чего-либо иного».

«§ 3. Лифляндия и Эстляндия немедленно очищаются от русских войск и Красной гвардии, и в них вводится германская полиция, пока не будет гарантирована безопасность местным установлениям и не будет восстановлен государственный порядок».

«§ 4. Россия тотчас же заключает мир с Украинской республикой. Украина и Финляндия очищаются без всякого промедления от русских войск и Красной гвардии».

«§ 6а. Полная демобилизация русской армии, включая и вновь образованные нынешним правительством войсковые части, должна быть проведена немедленно».

«§ 10. Вышеизложенные условия должны быть приняты в 48 часов. Русские уполномоченные должны немедленно прибыть в Брест-Литовск и там в трехдневный срок подписать мир, который должен быть ратифицирован в течение двух недель».

Ц. К. ответ Кюльмана обсуждал 23 февраля. Свердлов огласил германские условия. Троцкий разъяснил, что 48-часовой срок для ответа истекает в 7 час. утра 24 февраля. «Ленин считает, что политика революционной фразы окончена. Если эта политика теперь будет продолжаться, то он выходит из правительства и из Ц. К. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия».

Троцкий, мотивируя тем, что революционной войны при распаде партии вести невозможно — а таковой раскол на-лицо — высказывается за германские условия. Бухарин настаивает на войне. После Сталина и Дзержинского слово вновь взял Ленин:

«Некоторые упрекали меня в ультиматуме. Я его ставлю в крайнем случае. Если наши цекисты говорят о международной гражданской войне, то это издевка. Гражданская война есть в России, но ее нет в Германии. Наша агитация остается, мы агитируем не словом, но революцией. И это остается. Сталин *) неправ, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели. Эти условия Советской власти не трогают. У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы. Немецкая революция еще не созрела. Это требует месяцев. Нужно принимать условия. Если потом будет новый ультиматум, то он будет в новой ситуации».

*) Повидимому, в протокольную запись Стасовой вкралась ошибка. Фамилия Сталина указана ошибочно, так как последний все время без малейших колебаний настаивал на подписании.

Затем высказываются Урицкий, Свердлов, Бухарин, Ломов, Дзержинский и вновь Урицкий, Троцкий, Сокольников и вновь Ленин. Последний сказал:

«Я тоже считаю необходимым готовить революционную войну. Договор можно «толковать», и мы будем его «толковать». Демобилизация здесь в чисто-военном смысле. До войны у нас тоже была армия. К революционной войне нужно серьезно готовиться. Я ни секунды не колеблюсь, что масса за мир».

Затем получает слово Зиновьев.

Голосование предложенных Лениным трех вопросов дает следующую картину:

	Принять ли немедленно германские предложения.	Готовить ли немедленно революционную войну?	Производить ли немедленно опрос советских избирателей Петербурга и Москвы?
Троцкий	воздержался		
Ленин	за		
Бубнов	против		
Крестинский	воздержался		
Дзержинский	воздержался	за	за 11,
Иоффе	воздержался		
Стасова	за	едино-	
Урицкий	против	глас-	против 0,
Зиновьев	за		
Свердлов	за	но.	воздерж. 4.
Бухарин	против		
Сталин	за		
Ломов	против		
Сокольников	за		
Смилга	за		

Таким образом Ц. К. семью голосами из 15 присутствовавших при 4 воздержавшихся решил немедленно принять германские условия*).).

*) Решение ЦК было доведено до сведения партии Организационным Бюро ЦК, которое в своем обращении писало между прочим:

«Орг. Бюро считает необходимым указать, что единогласия в ЦК по вопросу о подписании условий мира не было. Но раз принятое решение должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд, и на нем лишь можно будет разрешить вопросы, насколько правильно ЦК выражал действительную позицию всей партии. До съезда все члены партии во имя

На следующем заседании Ц. К. рассматривал два вопроса: 1) о составе делегации в Бресте, во главе которой решено было поставить Сокольников, прибавив к нему Иоффе в качестве консультанта, 2)* о заявленной отставке четырех цекистов, в том числе Бухарина. Последний вопрос был разрешен одновременным принятием трех резолюций, предложенных Троцким, Лениным и Крестинским.

Резолюция Ленина, принятая 5 против 1 при остальных воздержавшихся, гласила: 1) признавая законным требование четверки, Ц. К. просит их обсудить предложение Ц. К. и отсрочить свое заявление как ввиду близости съезда, так и ввиду сложности политической обстановки, и, 2) гарантируя товарищам напечатание их заявления в «Правде», Ц. К. просит их рассмотреть их заявление и обсудить, не находят ли они возможным остаться как на ответственных постах, так и в Центральн. Комитете».

Резолюция Троцкого была принята единогласно: «Считая, что, после сложения четырьмя членами Ц. К. ответственных *политических* функций, выход их из Ц. К. не вытекает из сложившегося положения и грозит стать точкой отправления раскола партии, Ц. К. предлагает им оставаться в составе руководящего учреждения партии, сохраняя за ними право свободной агитации против принятого Ц. К. решения».

Резолюция Крестинского говорила: «Ц. К. предлагает товарищам, подавшим заявление, остаться пока на местах, не неся политической ответственности, при полной свободе отстаивания своей точки зрения в партии, в печати и на собраниях».

партийного долга, во имя сохранения единства в наших собственных рядах проводят в жизнь решения своего центрального руководящего органа, ЦК партии.

В заключение Орг. Бюро считает необходимым указать, что, насколько до сих пор наступление германского империализма не прекращено, все члены партии должны организовать вооруженный отпор.

Если нельзя подписанием мира, хотя бы и крайне тягостного, получить время для подготовки к новым битвам, наша партия должна указывать на необходимость напряжения всех сил для самого активного сопротивления. Если можно выиграть время, получить хотя бы и короткую передышку для организационной работы, мы обязаны добиться этого. Если отсрочки нам не дано, наша партия должна призывать массы к борьбе, к самой энергичной самозащите.

Мы уверены, что все члены партии исполнят свой долг перед партией, перед рабочим классом своей страны, перед международным пролетариатом. Сохраняя Советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неимоверно трудной тяжелой борьбе против своей буржуазии. Большого удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти, в России нет и не может быть». (Из архива ЦК РКП (б.). Составлено, по всей вероятности, Я. М. Свердловым.)

25 февраля от лица «левых коммунистов», подавших заявление об уходе с ответственных постов, поступило в Ц. К. следующее заявление, подписанное В. М. Смирновым, Урицким и Ломовым: «До тех пор, пока Ц. К. и Совет Народных Комиссаров вынуждены вести линию обороны, мы откладываем приведение в исполнение нашего решения».

24 февраля Иоффе, сначала отказавшийся решительно принять какое-либо участие в подписании мира, даже в качестве консультанта, подал заявление, в котором он сообщал, что подчиняется Ц. К. во имя единства партии, но, будучи с самого начала решительным противником аннексионистского мира, слагает с себя всякую политическую ответственность.

Вопрос о ратификации Брестского договора рассматривался 6—8 марта 1918 г. на VII Съезде Р. К. П. и затем 14—16 марта на IV Чрезвычайном Съезде Советов. VII партийный Съезд высказался за ратификацию договора 28 голосами против 12 голосовавших против. В большевистской фракции IV Съезда Советов, насчитывавшей 795 членов, сторонники революционной войны, с разрешения Центрального Комитета сохранившие полную свободу защиты своего мнения, собрали менее одной десятой части всех голосов.

15 марта 1918 г. Съезд Советов ратифицировал договор 784 голосами против 261, при 115 воздержавшихся. Среди последних были 64 «левых коммуниста», выступивших с особой декларацией по мотивам воздержания. Все остальные группы и фракции, представленные на Съезде, кроме большевиков, голосовали против ратификации Брестского договора. Левые эс-эры вышли из Совета Народных Комиссаров.

Ноябрьская революция 1918 года в Германии аннулировала Брестский договор, целиком оправдав тактическую линию Ленина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ II Всероссийский съезд Советов был открыт от имени президиума ЦИК первого состава меньшевиком Даном в день победы пролетарской революции в Петербурге 25 октября 1917 г. в 10 час. 40 мин. вечера, в то время, когда еще вокруг Зимнего Дворца кипела борьба. Дан, открыв съезд, немедленно передал председательство Л. Б. Каменеву. Съезд проходил очень бурно. На съезде присутствовало 670 делегатов, из них: большевиков — 390, левых эс-эров — 179, с.-д. интернационалистов — 35, украинцев — 21, кроме того, мандаты имели правые эс-эры, бунд, поалей-цион, анархисты, меньшевики, беспартийные. Президиум был составлен из большевиков и левых эс-эров во главе с Каменевым. Меньшевики и правые эс-эры демонстративно покинули заседание, но многие из их депутатов не подчинились решению своих фракций и остались на съезде. Число покинувших съезд депутатов колеблется, по различным подсчетам, от 25 до 51. Заседание 25 октября, продолжавшееся до 6 час. утра, целиком ушло на декларативные заявления и борьбу с правым крылом.

Второе и последнее заседание 26 октября, продолжавшееся с 9 час. вечера до 7 час. утра, было посвящено важнейшим декретам о мире и земле.

Н. Ленин выступал по обоим вопросам. Приведенные в настоящем томе его речи не являются стенографическими записями, но внесены в протокол секретарями съезда в сокращенном виде. Так называемый «декрет о мире» был принят единогласно всем съездом (при отсутствовавших меньшевиках и правых эс-эрах). Декрет о земле — всеми против одного при 8 воздержавшихся и тех же отсутствующих. Вопрос о власти и организации правительства вызвал большие прения. С.-д. и интернационалисты настаивали на передаче власти в руки «демократии», т.-е. коалиции социалистов. От имени левых эс-эров Карелин дал запутанную мотивировку, в которой заявил, что они считают необходимым поддерживать большевиков, «ибо их гибель будет гибелью революции», но тем не менее они голосуют «против образования власти Советов».

Съезд выбрал новый ЦИК в составе 102 членов, составленный пропорционально числу депутатов фракций, оставшихся до конца на съезде и пожелавших принять участие в выборах, и предоставил право крупным фронтовым частям послать дополнительно своих представителей. В числе избранных были 62 большевика, 20 левых эс-эров, с.-д. интернационалисты и др. мелкие фракции. В Совет Народных Комиссаров первоначально вошли одни большевики в следующем составе: председатель В. И. Ульянов (Ленин), народ. комисс. по внутренним делам — А. И. Рыков, земледелия — В. П. Милютин, труда — А. Г. Шляпников, по делам военным и морским — комитет в составе: В. А. Овсенко (Антонов), Н. В. Крыленко и Дыбенко, народного просвещения — А. В. Луначарский, финансов — И. И. Скворцов, по делам иностранным — Л. Д. Троцкий, юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов), по делам продовольствия — И. А. Теодорович, почт и телеграфов — Н. П. Авилов (Глебов), председатель

совета по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин). Пост народн. комиссара по делам железнодорожным временно остался незамененным.

Протоколы II съезда Советов представляют простую, сильно сокращенную секретарскую запись. Стенограмм речей не велось, так как стенографистки, приглашенные президиумом ЦИК 1-го созыва, вместе с меньшевиками и эс-эрами покинули съезд.

2) *Исключительный закон против социалистов* был проведен Бисмарком в германском рейхстаге 19 октября 1878 года и существовал до 1890 г., когда был отменен ввиду явной своей бесплодности. Закон поручал полиции запрещать всякого рода с.-д. союзы и общества, товарищеские кассы, социалистическую печать, собрания, сборы и взносы для с.-д. организаций, давал право административной высылки, устанавливал в некоторых случаях малое осадное положение и т. п. Немецкая с.-д. партия сумела частью приспособить свое существование к требованиям закона, частью организовать свою работу нелегально. За все время существования исключительного закона силы германской с.-д. росли, и на выборах в 1890 г. она получила полтора миллиона голосов против 437 тысяч в 1878 г.

3) *В воззвании Петербургского Совета Р. и С. Д.* от 14 марта 1917 г. меньшевики и эс-эры призывали германских и австрийских рабочих к социальной революции, предлагая в то же время русским рабочим поддерживать буржуазное Временное Правительство кн. Г. Е. Львова (текст воззвания смотри т. XIV, прим. 162).

4) *Восстание в германском флоте*, находившемся в крепости Киль, произошло в сентябре 1917 г., имело одним из своих требований смягчение жесткой военной дисциплины и скорейшее окончание войны, но было подавлено военной силой и закончилось расстрелами.

5) *Авксентьевский Совет* — ЦИК Советов крестьянских депутатов, выбранный первым съездом крестьянских депутатов в мае 1917 г. и состоявший под председательством правого эс-эра Авксентьева, позднее министра в коалиционном кабинете Керенского (см. об Авксентьеве, том XIV, прим. 196).

Дановский Совет — ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, выбранный на первом съезде Советов в июне 1917 г. и состоявший под политическим руководством меньшевиков (см. о Дане, том XIV, прим. 159).

6) *Карелин*, левый социалист-революционер, на заседании ЦИК 4 ноября 1917 года протестовал против закрытия буржуазных газет, так как «нельзя надевать намордник на мысль», ибо «честь и достоинство народного движения требуют, чтобы была прекращена гражданская война».

7) *Л. Д. Троцкий* — см. XIV т., прим. 79.

8) *Переход власти к Советам* 25 октября 1917 г. произошел в Петербурге почти бескровно вследствие того, что вся солдатская и рабочая масса была на стороне революции, и самый переворот был прекрасно технически подготовлен Петербургским Советом путем назначения своих комиссаров во все воинские части. Небольшие столкновения были только при взятии Зимнего Дворца, где забаррикадировалось Временное Правительство. Бежавший накануне из Петербурга Керенский привел ряд казачьих и контр-революционных полков с фронта, которые частью перешли на сторону революции, частью были разбиты под Гатчиной. В решительный момент наступления Керенского одновременно было организовано восстание юнкеров Михайловского и др. военных училищ, располагавших броневиками, имевшее целью отвлечь советские силы от гатчин-

ского фронта. Этот момент был одним из самых опасных моментов русской революции за все время существования Советской власти. Восстание было ликвидировано, главным образом, благодаря энергии и энтузиазму петербургских рабочих. Взятые в плен юнкера были освобождены и, бежав на Дон, составили кадры контр-революционных армий последовательно: Каледина, Краснова, Алексеева, Деникина и Врангеля.

⁹⁾ В то время как октябрьская победа в Петербурге далась пролетариату почти бескровно, в Москве большевикам пришлось выдерживать недельный бой (25 октября — 2 ноября 1917 г. ст. ст.). Защита Временного Правительства была организована Комитетом общественной безопасности, созданным эс-эровской городской думой из представителей «общественных организаций» во главе с городским головой эс-эр Рудневым и командующим войсками меньшевиков Рябцевым (расстрелян в Харькове Деникиным в 1919 г.). Против Военно-Революционного Комитета, избранного Московским Советом рабочих депутатов и руководившего действиями Красной гвардии и солдат, Комитет общественной безопасности двинул ударников и юнкеров Александровского и др. училищ, укрепившихся в центре города вместе с белой гвардией, организованной из студентов и гимназистов. В восстании принял участие весь московский гарнизон. Захваченный обманным путем в плен юнкерами, расположенный в кремлевских казармах полк подвергся массовому расстрелу из пулеметов в Кремле, во дворе арсенала. Во избежание затяжной борьбы Военно-Революционный Комитет, после долгих колебаний и попыток переговоров, вплоть до перемирия, принужден был пустить в ход артиллерию; 2 ноября 1917 г. Комитет общественной безопасности сдался, подписав письменный договор о передаче власти Совету. Все арестованные юнкера и офицеры были отпущены на свободу, сохранив лично им принадлежащее оружие. Большинство их бежало на Дон, к Каледину, послужив кадрами для добровольческой армии.

¹⁰⁾ «Викжель» — Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожного союза. Железнодорожный союз объединял всех служащих и рабочих жел. дорог и, вследствие этого, был лишен ясной классовой линии. Викжель, в который входили в большинстве меньшевики и эс-эры, частью объединенцы-интернационалисты и в меньшинстве — большевики, во время и после Октябрьской революции, вплоть до образования Викжедора (другое сокращение того же названия союза), занимал «буферную» позицию, препятствуя передвижению войск обеих борющихся сторон, задерживая военные грузы, и настаивал на соглашении. В Москве, сначала временное перемирие В.-Р. Комитета с юнкерами, потом договор от 2 ноября о сдаче последних были подписаны при энергичных стараниях Викжеля. В первых числах ноября, по инициативе Викжеля велись переговоры между Совнаркомом и другими социалистическими группами об образовании коалиционного социалистического правительства; однако переговоры не дали практического результата (см. прим. 18).

¹¹⁾ *Генерал Краснов* — начальник военных отрядов, двинутых Керенским в октябре 1917 г. против восставшего Петербурга. Был разбит петербургскими рабочими и солдатами под Гатчиной, попал в плен, но отпущен большевиками под «честное слово», обязавшись не принимать участия в военных действиях против Советской власти. Бежал на Дон, где заменил Каледина, поднял новое казачье восстание против пролетарской революции, достигнув некоторых успехов при помощи оккупационных немецких войск, захватив Дон и юг Воронеж-

ской губернии. Придерживался германской ориентации, войдя в соглашение с Вильгельмом и «всеукраинским гетманом» Скоропадским — ставленником Германии. После ноябрьской революции 1918 г. в Германии, с открытием общего наступления Красной армии на юг, был разбит и бежал за границу, где является видным участником монархических организаций.

¹²⁾ *Генерал Каледин* в августе 1917 г. был избран казачьим войсковым кругом наказным атаманом войска Донского. Во время августовского, 1917 г. выступления Корнилова пытался оказать ему поддержку выступлением на Дону, но опоздал. После октября начал гражданскую войну против Советов, был разбит партизанскими отрядами красновардейцев, по преимуществу сформированными московскими рабочими, и застрелился. Во время борьбы от него откололась часть казаков-фронтовиков, признавших на съезде в станице Каменской Советскую власть.

¹³⁾ *«Речь»* — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге при ближайшем участии П. Н. Милюкова и являвшаяся центральным органом к.-д. партии.

¹⁴⁾ *П. Н. Милюков* — см. том XIV прим. 2.

¹⁵⁾ *Декретом о монополии на газетные объявления* в ноябре 1917 г. было запрещено всем частным периодическим изданиям печатать платные объявления, служившие для них главным денежным источником; объявления были переданы исключительно советским газетам (но не партийным), т.-е. были признаны государственной монополией. С окончанием гражданской войны и переходом к новому курсу, по инициативе Московского Совета, монополия в 1921 году была отменена, а все платные объявления обложены налогом.

¹⁶⁾ *«Русское Слово»* — весьма распространенная либеральная газета, издававшаяся в Москве Сытиным, под редакцией Дорошевича и Благова, превратившаяся, подобно всей кадетской прессе, в 1917 г. в контр-революционный орган, закрыта Моск. Советом на другой день после Октябрьской революции, и типография ее конфискована для рабочих изданий. В начале 1918 года газета Сытина выходила в течение нескольких месяцев под названием «Наше Слово», пока окончательно не была прекращена после июльского лево-эс-эровского мятежа в 1918 г.

¹⁷⁾ *Группа «Спартак» и Карл Либкнехт* — см. т. XIV, прим. 62

¹⁸⁾ *Вопрос о создании коалиционного социалистического правительства* был выдвинут Викжелем (см. прим. 10) сейчас же после победы Октябрьской революции в Петербурге, когда еще не определился исход уличных боев в Москве и не выяснилось положение в действующей армии. Левые эс-эры были склонны к коалиции: По их настоянию состоялся в Викжеле ряд совещаний представителей большевиков с соглашательскими социалистическими группами, на которых был выдвинут проект создания «социалистической власти» путем расширения состава ЦИК до 150 чел., к которым добавляется 75 делегатов от губ. крестьянских советов: 80 — от армии и флота, 40 — от профессиональных союзов (25 — от всеросс. професс. объединений, 10 — от Викжеля, 5 — от почтово-телеграфного союза) и 70 депутатов социалистической части петерб. городской Думы. Расширенный состав ЦИК предполагалось обеспечить в итоге 60% голосов большевикам. В правительстве, ответственном перед ЦИК, не менее половины мест отдается большевикам, в том числе за ними должны были остаться министерства труда, внутренних и иностранных дел. Этот проект ЦК РС-ДРП (большевики) рассматривал 2 ноября и отверг, признав возможной коалицию только с левыми эс-эрами. Меньшинство ЦК, настаивая на соглашении и считая необходимым

апеллировать к партии, подало в отставку. Из ЦК ушли: Зиновьев, Милютин, Каменев, Ногин и Рыков, из Совета Народных Комиссаров: Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович Рязанов и Дербышев. Шляпников принципиально присоединился к защитникам коалиции. Почти одновременно по частному поводу подал в отставку нарком просвещения Луначарский. Развитие событий скоро сняло с порядка дня вопрос о коалиции. Победа советского крыла на II крестьянском съезде (см. прим. 26) и вступление в Совет Народных Комиссаров левых эс-эров, ранее отказывавшихся войти в него без других «социалистических партий», закрепили завоевания пролетарской революции.

Вопрос о коалиции не рассматривался на пленарных заседаниях ЦИК. Он обсуждался на его фракционных собраниях. Заседанию 4 ноября предшествовало собрание большевистской фракции, посвященное «кризису Советской власти» и заявленным отставкам народных комиссаров. Отзвуки этого события чувствуются во всех прениях ЦИК 4 ноября, но единственным прямым указанием на кризис является фраза Ленина: «отказываются отдельные интеллигенты».

¹⁹⁾ *Калегаев*, левый социалист-революционер, позднее народный комиссар земледелия, подавший в отставку после Брестского мира.

²⁰⁾ *И. В. Сталин* — см. XIV т., прим. 169.

²¹⁾ *Н. В. Крыленко* окончил юрид. фак. петербургского университета, был широко известен в студенчестве в 1905—1908 г.г., как лидер студенческого политического движения; одновременно работал в петербургской организации большевиков. Февральская революция его застала на фронте в чине прапорщика. Участник I съезда Советов в мае и июне 1917 г., был арестован на фронте за большевистскую агитацию. В ноябре 1917 г., после отказа главковерха Духонина подчиниться приказу о начале переговоров о перемирии, был назначен Совнаркомом главковерхом. Провел ликвидацию белогвардейщины на фронте и выборы командного состава. Уступил свое место Троцкому после Брестского мира (в марте 1918 г.). В настоящее время деятель Народного Комиссариата Юстиции и Верховного Трибунала.

²²⁾ *Генерал Духонин* исполнял обязанности главковерха с августа по октябрь 1917 г. После Октябрьской революции сделался центром контр-революции на фронте, действуя по указаниям военных представителей союзных держав. Потерпевшие поражение в Петербурге и Москве кадеты, эс-эры и меньшевики пытались опереться на фронт, где Общеармейский Комитет, находившийся в руках соглашателей, готовил провозглашение «социалистического» коалиционного правительства под руководством В. Чернова. Духонин отказался подчиняться приказу Совета Народных Комиссаров, которым ему предписывалось вступить с немецким командованием в переговоры о перемирии, и был заменен Н. В. Крыленко. Последний, по прибытии в ставку (Могилев), его арестовал. Сопровождаемый под конвоем на вокзал Духонин был убит ненавидевшими его солдатами. Крыленко и конвой, несмотря на все принятые меры, оказались бессильными его спасти.

²³⁾ *Генерал Маниковский* — товарищ военного министра (Верховского) в последнем кабинете Керенского, и. д. военного министра после отставки Верховского в начале октября 1917 г.

²⁴⁾ *Г. И. Чудновский* — старый партийный работник, первоначально меньшевик, в годы реакции и разгар меньшевистского «ликвидаторства» остался верен партии, примыкая к группе Плеханова, находившегося в то время в «блоке»

с Лениным против ликвидаторов. Подвергался неоднократным преследованиям царской полиции. В 1913 г. бежал из ссылки и поселился в Вене, вернулся в Россию после февральской революции. Интернационалист с начала войны. Примкнул к большевикам летом 1917 г., приняв самое горячее участие сначала в подготовке, потом в защите пролетарской революции. Убит в апреле 1918 г. на украинском фронте в бою с немецко-украинскими войсками под г. Изюмом.

Речь Чудновского на заседании ВЦИК 10 ноября 1917 г. в «Протоколах» изложена следующим образом: «Тов. Чудновский считает, что нельзя передавать дело заключения мира солдатам: если один полк заключит мир с соседним полком, то возможно, что рядом, благодаря провокаторам командного состава, немцы будут расстреливать другие полки, мира еще не заключившие».

25) *Каменев* на заседании ВЦИК 10 ноября 1917 г., находя недостатки в обращении СНК («Радио всем»), предложил избрать комиссию для выработки воззвания от имени ВЦИК, в котором считал необходимым указать, «что заключение мира должно быть произведено от имени государственной власти в общероссийском масштабе» и что необходимы гарантии, чтобы «перемирие не было использовано для переброски войск с русского фронта на французский и итальянский». Предложение Каменева было принято, но ВЦИК не счел нужным обязать комиссию включить указанные Каменевым формулировки.

О. Л. Б. Каменев см. т. XIV, прим. 32.

26) *Первый съезд Советов крестьянских депутатов* открылся в Петербурге 4 мая 1917 г. Участвовали депутаты с мест и представители фронтовых организаций. Съезд целиком прошел под руководством Авксентьева и правых эс-эров. Резолюция по аграрному вопросу, предложенная Н. Лениным (см. ч. I т. XIV, стр. 170) не встретила сочувствия депутатов и собрала ничтожное число голосов. Съезд единогласно высказался за передачу земли народу и всеми голосами против группы большевиков высказался за эс-эровский план уравнительного землепользования («социализация»), однако проведение своей программы по настоянию эс-эров отложил до Учредительного Собрания. Съезд высказался за полное доверие Временному Правительству, одобрил коалицию с буржуазией и одобрил «оборону» и готовившееся на фронте наступление. Но уже к июлю настроение крестьян на местах резко изменилось. Участились захваты помещичьих земель и конфискация инвентаря. Прокуратура стала привлекать к суду крестьян. Земельные комитеты зачастую попадали в тюрьму Самарский и Пензенский крестьянские Советы приняли резолюцию о немедленной конфискации помещичьей земли. Происходивший в Петербурге в начале августа съезд крестьянских армейских организаций подверг резкой критике Временное Правительство и предъявил к нему ряд требований, которые Керенский принял, но не исполнил. В сентябре состоялся съезд Губернских Советов крестьянских депутатов, почти половина которого требовала однородного социалистического министерства, немедленной передачи земли земельным комитетам и ускорения созыва Учредительного Собрания, обвиняя Временное Правительство и Исполнительный Комитет, в частности его президиум, в защите буржуазии и измене крестьянству. Во главе оппозиции съезда стояли левые эс-эры — Натансон и Спиридонова. С. Л. Маслов, от имени партии социалистов-революционеров вступивший во Временное Правительство в качестве министра земледелия, под давлением съезда, взял на себя обязательство добиться освобождения арестованных за аграрное движение и передачи земли в ведение земельных комитетов, на что было

получено принципиальное согласие Временного Правительства. Однако оба требования крестьянства не были исполнены. Аграрников освободила из тюрем только Октябрьская революция. Землю крестьянам дал «декрет о земле», принятый 26 октября вторым Съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Выбранный в мае на первом крестьянском съезде право-эс-эровский ЦИК оказал бешеное сопротивление Октябрьской революции, поддерживая Керенского, участвуя в контр-революционном Комитете Спасения родины и революции и всячески препятствуя созыву второго крестьянского съезда, поэтому второй Съезд Советов крестьянских депутатов был назначен ЦИК, выбранным вторым Съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, на 5 ноября. Право-эс-эровский крестьянский ЦИК, со своей стороны, назначил его на 25 ноября, но, под давлением с мест, должен был перенести на 10 ноября. Съехавшиеся в этот день депутаты в подавляющем большинстве оказались на стороне революции, и Съезд прошел под руководством левых эс-эров. Выступивший на Съезде Ленин был встречен овациями. Его речь на съезде в печати, повидимому, не была опубликована, и так как подлинных протоколов пока отыскать не удалось, она не вошла в настоящий том. Съезд выразил полное доверие Советской власти, одобрил ее декреты, переизбрал ЦИК и со знаменами и оркестром музыки пришел в Смольный, приветствуя Совет Народных Комиссаров. От левых эс-эров в состав рабоче-крестьянского правительства вошли Калегаяев, Прошьян и Штейнберг. Спиридонова на третьем Съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была избрана председателем крестьянской секции ВЦИК. Торжественное заседание ЦИК Советов и ЦИК крестьян, состоявшееся в Смольном 15 ноября, приняло резолюцию, в которой выражало «твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян, этот братский союз всех трудящихся и эксплуатируемых, укрепляя завоеванную ими государственную власть и принимая со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс в других более передовых странах, обеспечит таким образом прочную победу делу справедливого мира и делу социализма».

Лишенный доверия своими избирателями право-эс-эровский ЦИК не сложил своих полномочий и к концу ноября организовал новый съезд из опоздавших к 10 ноября избирателей. Этот съезд раскололся на две части, правую и левую, заседавшие отдельно; левая часть присоединилась к раньше съехавшимся депутатам, выбравшим крестьянский ЦИК, слившийся с ЦИК Советов.

²⁷⁾ *Каутский* — см. т. XIV, прим. 45.

²⁸⁾ *Партия социалистов-революционеров*, организационно сложившаяся очень поздно (ее первый съезд состоялся только 28 декабря 1905 — 3 января 1906 г., т.-е. после разгрома московского вооруженного восстания) и пытавшаяся вместить в себя сразу пролетариат, крестьянство и интеллигенцию, в период как первой, так и второй революции подвергалась неоднократным расколам. На ее первом съезде справа откололась группа «Русского Богатства» (Мякотин, Пешехонов и др.), образовавшая народно-социалистическую партию (Н.-С.). Дальнейшие отколы были большей частью слева. Весною 1906 г. в Москве откололась так называемая «оппозиция», в Петербурге — «максималисты»; обе группы занимались по преимуществу экспроприациями. После февральской революции П. С.-Р. впитала в себя самые разнородные элементы, начиная с крупно-буржуазной интеллигенции и сельских кулаков и кончая деревенской беднотой и частью городских пролетариев. На третьем съезде, состоявшемся в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г., организовались две оппозиции: правая «воле-

народовцы» (газета «Воля Народа»), отстаивавшая ультрапатриотическую позицию по отношению к войне и полную капитуляцию перед крупной буржуазией, и левая, еще неоформленная, но близкая по настроению к Циммервальду. При поддержке правых восторжествовал на съезде черновский центр. Левые в ЦК не прошли, но им удалось провалить выставленную в ЦК кандидатуру Керенского. Постепенно раскол углублялся. Левые во главе с Камковым, Спиридоновой и Натансоном откололись и на выборах в Петербургскую Городскую Думу поддерживали большевистский список. В эс-эровской фракции Московской Городской Думы выделилась группа левых, которая, не раскалываясь с партией, выговорила себе право воздерживаться при голосованиях в случае своего несогласия с общefракционными решениями. На Всеросс. съезде губернских крестьянских Советов Натансон и Спиридонова руководили борьбой почти половины съезда против эс-эровского цекиста Авксентьева, защищавшего официальную политику партии (см. прим. 26). На Демократическом Совещании (см. т. XIV, прим. 232) левые организовались как самостоятельная фракция и голосовали против коалиции с буржуазией, в то время как правая часть эс-эров голосовала за нее. Однако к первым числам октября, когда, согласно положению о выборах в Учредит. Собрание, происходили составление и официальная заявка кандидатских списков, раскол еще не оформился. Левые эс-эры подали общие списки с черновцами и «воленародовцами». В большинстве губерний на первых местах стояли имена правых, как более заслуженных и популярных внутри партии, но совершенно непопулярных в массах. Так, например, в Москве список начинался следующими именами: Руднев (правый), Минор (правый), Биценко (левая) и далее группа левых. Избиратели, привлекаемые именами левых, вотируя за эс-эровский список, на деле отдавали свои голоса правым, В Учред. Собрание по эс-эровскому списку избранными оказались Руднев и Минор, левые не получили ни одного места. То же было и в провинции. Октябрьская революция ускорила раскол в эс-эровских рядах, левые организационно обособились, вошли в Совет Народных Комиссаров, но, ввиду краткости оставшегося срока до выборов в Учредительное Собрание, исправить списков не могли. Избирательная система Керенского отразилась на составе Учредительного Собрания. Правые эс-эры приобретали искусственное большинство, не соответствовавшее их влиянию в стране, однако большевики вместе с левыми эс-эрами получили треть общего числа депутатских полномочий. Декрет о пере-выборах и праве отзыва депутатов Учредительного Собрания, внесенный Лениным и принятый ЦИК, имел по преимуществу в виду исправление неправильности избирательного закона, но не был проведен в жизнь, так как борьба пошла по революционному, а не конституционному пути.

Раскол П. С.-Р. был оформлен на IV съезде партии, происходившем в Петербурге 26 ноября — 5 декабря 1917 года, когда черновское большинство сочло нужным исключить левых, еще в октябре фактически покинувших партию. Расколы у эс-эров на этом не остановились. После убийства германского посла Мирбаха и попытки восстания левые эс-эры разделились на три группы: «левых», «народных коммунистов» и «революционных коммунистов». Черновский центр и «воленародовцы» продолжают формально оставаться в одной партии, но ведут самостоятельную политику и имеют за границей собственные органы печати, ведущие между собою борьбу.

²⁹⁾ *Саботаж и забастовка чиновников* были организованы на другой день после Октябрьской революции охвостьем Временного Правительства (оста-

вленные на свободе товарищи министров и трое министров-социалист. в, освобожденные из Петропавловской крепости) и Комитетом спасения родины и революции, сорганизовавшимся из социалистов-соглашателей и кадетов. Участники забастовки получили поддержку из оставшихся на руках у кадетов и эс-эров правительственных и общественных сумм (процесс графини Паниной — члена кадетского ЦК в Петербургском трибунале, член Московской Городской управы эс-эр Студенецкий и др.). В Петербурге старое чиновничество покинуло все министерства, банки и др. учреждения. В Москве забастовка по преимуществу охватила служащих Городской Думы. Учителя покинули школы, врачи — больницы, инженеры — трамваи и т. д. Муниципальное хозяйство спас от разрушения Союз городских рабочих вместе с Бюро Совета районных дум взявший на себя руководство городским самоуправлением и предприятиями. Прекратившуюся вскоре забастовку сменил во многих учреждениях организованный саботаж. Забастовка чиновников облегчила Советской власти смену враждебного ей служебного персонала, но лишила ее надолго опытных служащих и специалистов.

³⁰⁾ *Григорий Распутин-Новых* — см. том XIV, ч. II, прим. 104.

³¹⁾ *Третий конный корпус*, состоявший по преимуществу из казачьих частей и двинутый Корниловым в августе 1917 г. на Петербург с целью контрреволюционного переворота, Керенский после ликвидации корниловщины разместил в пределах северного фронта, в непосредственной близости к столице. Когда выяснилось, что на стороне Временного Правительства в Петербурге нет ни одной воинской части, Керенский отдал приказ о движении с фронта ударных частей и в 10 часов утра 25 октября бежал во Псков навстречу ожидаемым корпусам, но не встретил никакого к себе доверия у командующего фронтом ген. Черемисинова, отказавшего в содействии. Только ген. Краснов, бывший корниловец и командир 3-го конного корпуса, повиновался его приказу и попытался двинуть свои войска. Краснову удалось сначала в Луге, а потом в Гатчине сосредоточить несколько казачьих частей и броневой поезд. Остальные казачьи полки отказались сражаться против народа. С налету Краснов захватил Гатчино, но после поражения близ Колпина, где его встретили матросы, рабочие-красногвардейцы и солдаты, принужден был заключить перемирие. Во время перемирия казаки окончательно разложились и готовились арестовать Керенского. Кто-то из его ближайших друзей уговорил его бежать в автомобиле и переодел в матросскую форму. Казаки сдались и были эвакуированы на Дон.

³²⁾ *И. З. Штейнберг* — помощник присяжного поверенного в Москве до революции, один из лидеров левых эс-эров после октября, недолгое время деятель Советской юстиции, после Брестского мира разорвавший с Советской властью и оставшийся в рядах правоверных левых эс-эров, входящих в Венский 2½ Интернационал.

³³⁾ *Корнилов* — см. том XIV, ч. II, прим. 225.

³⁴⁾ *Речь Авилова*, выступавшего от с.-д. интернац. (объедин.) на заседании ЦИК 14 декабря 1917 г. по вопросу о национализации банков, в протоколах ЦИК 2-го созыва изложена следующим образом: «Банковское дело наиболее трудное и запутанное из всех современных вопросов. Нужно сначала выработать план, наметить пути, пригласить знающих, опытных, компетентных людей и затем уже приступить к национализации банков. Таким примитивным подхождением к вопросу, желанием все решить одним ударом топора вы только подорвете хрупкий организм кредита, понизите курс рубля, и, утверждаю, ничего, кроме величайшего развала, не получится».

³⁵⁾ *Трутовский* (левый эс-эр, позднее член лево-эс-эровского ЦК и участник лево-эс-эровского восстания в июле 1918 г.) на заседании ЦИК 14 декабря от имени своей фракции заявил: «Мы присутствуем при начале экспроприации экспроприаторов. Здесь не может быть двух мнений. Мы готовы всемерно поддерживать товарищей-большевиков. В тот момент, когда капиталистическая эра достигла своего высшего напряжения, для нас ясно, что кроме обобществления средств производства и финансов нет иного пути. Однако при практическом проведении декретов в жизнь нужно быть сугубо осторожным. Необходимо избрать комиссию и лишь после детальной разработки в ней предполагаемых предприятий приступить к их осуществлению».

³⁶⁾ «*Тезисы об Учредительном Собрании*», составленные в декабре 1917 г. для выяснения отношения партии к У. С., перепечатаны Н. Лениным в его книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной осенью 1918 г. и вошедшей в настоящий том «Собрания сочинений».

³⁷⁾ «*Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа*» была предложена от имени ВЦИК Учредительному Собранию Я. М. Свердловым, открывшим его первое заседание 5 января 1917 г. Учредительное Собрание, в виде протеста против «захватчиков большевиков», отказалось обсудить декларацию и тем самым, отвергнув завоевания Октябрьской революции, осудило себя на роспуск.

В печати не имеется суммированных официальных данных, характеризующих состав У. С. Наиболее полные (но далеко не объективные) цифры можно найти в статье правого эс-эра И. В. Святицкого в сборнике «Год русской революции» (изд. «Земля и Воля». Москва 1918 г.). Но его подсчету, эс-эры всех оттенков получили 58% поданных голосов и провели 338 депутатов, из которых 239 принадлежало к правым, 69 — к украинским и 39 — к левым. Меньшевики получили 2% голосов (без Закавказья) и имели 1 место. Народные социалисты — 1% и 2 депутатских мандата. Кадеты — 5% и 14 депутатов. Большевики — 25% и 156 депутатских мест. Небольшая часть голосов разбилась между некоторыми национальными группами, кооператорами, союзом земельных собственников и др. правыми организациями и плехановским союзом «Единство». Если из состава 601 члена У. С., избранных по обследованному Святицким району, исключить 69 украинских эс-эров, воздержавшихся при всех вотумах, не желая себя связывать голосованиями во *Всероссийском Учредительном Собрании*, и 14 кадетов, не явившихся на его заседание, то на заседании 5 января 323 голосам, стоявшим на почве контр-революции и буржуазной демократии, противостояли 195 голосов большевиков и левых эс-эров, боровшихся за Советы (или соответственно в процентах: 61% буржуазных голосов и 39% сторонников Советов). Анализ выборов в У. С. — см. статью Н. Ленина: «Выборы в У. С. и диктатура пролетариата», вошедшую в XVI том «Собрания сочинений».

Первое определяющее голосование произошло при выборах председателя. Правые группы выставили своим кандидатом Чернова, и левые, блок большевиков и левых эс-эров — Спиридонову. Голоса распределились, приблизительно, согласно вышеуказанной схеме. Прочитанная Свердловым декларация была снята с порядка дня и не допущена для обсуждения по существу. Большевицкая фракция потребовала перерыва и, после фракционного совещания, огласив декларацию, покинула собрание. Левые эс-эры сочли нужным еще раз обратиться к своим правым единомышленникам с ультиматумом, предложив принять

декреты о мире и о земле и, встретив вторичный отказ, ушли вслед за большевиками. Оставшаяся часть депутатов, с целью укрепить свое положение, в спешном порядке вотировала передачу земли народу и признала необходимым вступить в мирные переговоры с германской коалицией. Заседание правой части У. С. затянулось до 4 часов ночи, пока охранявшие здание Таврического Дворца матросы, наскучив ожиданием, не заявили, «что пора расходиться». ВЦИК в ночь с 6 на 7 января декретировал роспуск У. С. и передачу всей полноты государственной власти Советам. Третий съезд Советов 14 января 1918 г. из титула «Временное Рабоче-Крестьянское Правительство» удалил слово «временное», «декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» закрепив победу пролетарской революции. Охвостье У. С. пыталось организовать летом 1918 г. в Самаре под защитой чехо-словацких штыков, но принуждено было уступить власть «Уфимской Директории».

Н. Ленин хотя и присутствовал на заседании У. С. 5 января, но не выступал. В качестве фракционного оратора большевиками был выдвинут И. И. Скворцов, имевший депутатские полномочия от г. Москвы.

Во имя «защиты Учредит. Собрания» правыми эс-эрами совместно с белогвардейскими офицерами велась контр-революционная подготовка в гвардейских и казачьих полках. В Петербурге и в Москве 5 января теми же группами были организованы демонстрации с участием офицеров эс-эровских боевых отрядов, вооруженных бомбами и револьверами. Демонстранты, по плану эс-эровского ЦК, должны были инсценировать народное восстание, прорваться в Таврический Дворец, захватить правительств. учреждения и вокзалы. Отсутствие рабочих и солдат среди демонстрантов и резко враждебное отношение масс к демонстрантам, состоявшим сплошь из буржуазии, интеллигенции и офицерства, заставили эс-эров отказаться от контр-революционных планов.

³⁸⁾ *Независимость Финляндии* и ее полное отделение от России были признаны Советом Народных Комиссаров сейчас же после Октябрьской революции, в ноябре 1917 г., и Н. Лениным был лично вручен Свинхувуду, главе финляндского правительства, соответствующий декрет. ВЦИК одобрил действия СНК 22 декабря 1917 г.

³⁹⁾ *Договором 1907 г. между Россией и Англией* Персия была фактически разделена между последними. Вся северная и большая часть центральной Персии вошла в русскую «сферу влияния». Россия закрепила за собой право организовать через своих военных инструкторов персидскую армию и жандармерию. Во время империалистической войны Северная Персия, под предлогом ее защиты от турок, была оккупирована Россией. Совет Народных Комиссаров в декабре 1917 года приказал вывести русские оккупационные войска из Персии, отказавшись от всякого вмешательства в ее дела.

⁴⁰⁾ Одной из целей войны царское правительство провозглашало освобождение армянского народа от турецкого ига (под протекторатом России), умалчивая о судьбе русской части Армении. Точно такой же была политика министра иностр. дел Врем. Прав. Милюкова и его преемника Терещенко (см. статью П. Н. Милюкова «Территориальные приобретения России», а также карту турецкой Армении в сборнике «Чего ждет Россия от войны», изд. «Прометей», 1915 г.). Совет Народных Комиссаров ликвидировал все империалистические проекты и в декабре 1917 г. объявил свободу самоопределения армянского народа, не исключая и тех частей армянской территории, которые входили ранее в состав Российской империи.

⁴¹⁾ *Конституционно-демократическая партия (к.-д.)* на своем съезде в марте 1917 г. отказалась от конституционной монархии, которая стояла в ее программе с 1905 г., и высказалась, под давлением событий, за республику и Учредительное Собрание.

⁴²⁾ *События 20 апреля 1917 г.* — см. том XIV, ч. II, прим. 92.

⁴³⁾ *Чернов* — см. том XIV, прим. 105.

⁴⁴⁾ *Церетели* — см. том XIV, прим. 24.

⁴⁵⁾ *Рябушинский* — см. том XIV, прим. 239.

⁴⁶⁾ *Керенский* — см. том XIV, прим. 134.

⁴⁷⁾ *Авксентьев* — см. том XIV, прим. 196.

⁴⁸⁾ *Происхождение «тезисов о мире»*, историю мирных переговоров, постановку вопроса в ЦК РС-ДРП (большевиков) и речи Ленина на его заседаниях по этому вопросу — см. очерк «ЦК РКП (больш.) и Брестский мир», помещенный в приложении настоящего тома стр. 575. К очерку приложены таблицы поименованных голосований совещания ЦК с «левыми коммунистами» 21 января и заседания ЦК 17 февраля 1913 г.

⁴⁹⁾ *Киевская Рада*, состоявшая из украинских эс-эров, меньшевиков и других мелко-буржуазных националистических групп и вследствие народного восстания вынужденная бежать в западные уезды Украины, сыграла предательскую роль во время брестских переговоров. Ее делегация, во главе с эс-эром Голубовичем, не только заключила с Германией сепаратный по отношению к России мир, но и вступила с Германией в наступательный союз против русской революции. Рада возвратилась в Киев под защитой немецких штыков, оккупировавших Украину. Вскоре, однако, Германия мелко-буржуазной «демократической» Раде предпочла диктатуру «гетмана» Скоропадского, оказав помощь последнему при разгоне Киевской Рады (см. прим. 134).

⁵⁰⁾ *III съезд Советов* состоялся 10—18 января 1918 г. в Петербурге, в Таврическом Дворце. Полных стенографических протоколов съезда не издано, в печати имеется лишь краткий отчет о нем, содержащий частью в сокращении, часть в пересказе главнейшие речи докладчиков и резолюции. Речи Н. Ленина на III съезде, вошедшие в настоящий том, являются сокращенной секретарской записью. На съезде присутствовало 1.046 делегатов, из них с решающим голосом — 942 и с совещательным — 104. Отчет не содержит цифр, характеризующих партийной принадлежности депутатов, но о ней можно судить по следующим данным, касающимся распределения мест в ВЦИК, выборы которого съездом производились на пропорциональной основе: коммунисты получили — 160 мест левые эс-эры — 125, правые эс-эры — 7, эс-эры-максималисты — 7, анархисты-коммунисты — 3, меньшевики — 2, с.-д.-интернационалисты («новожизненцы») — 2.

Главными пунктами порядка дня съезда были: 1) организация Советской власти, 2) мирные переговоры с германской коалицией и 3) рассмотрение основного закона о земле. По докладу председателя Совета Народных Комиссаров Н. Ленина, была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», содержавшая основные положения Советской конституции. Первый параграф ее говорил: «Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит эти Советам... Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». Целью Советской власти является: «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, бес-

пощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах». Декларация провозглашала отмену частной собственности на землю, подтверждала декрет ЦИК о рабочем контроле, как первый шаг к полному переходу орудий производства в собственность государства, санкционировала аннулирование государственных займов, национализацию банков, введение всеобщей трудовой повинности, образование Красной армии и разоружение имущих классов. Декларация одобряла опубликование тайных международных договоров, заключенных царским правительством, разрывала с колониальной политикой империалистической России и приветствовала «политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии и объявившего свободу самоопределения Армении». В заключение декларация предоставляла право «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решения на своем собственном полномочном советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеративном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».

Народный комиссар иностранных дел Троцкий дал съезду подробный доклад о ходе мирных переговоров в Бресте, дополненный Л. Каменевым, одним из участников советской делегации. После выступлений представителей всех партий, участвовавших на съезде, и повторной реплики Троцкого, съезд принял подавляющим большинством объединенную резолюцию большевиков и левых эс-эров, в которой, провозглашая снова перед лицом всего мира стремление русского народа к немедленному прекращению войны, Всероссийский съезд поручил своей делегации «отстаивать принципы мира на основах программы русской революции», т. е. вотирует резолюцию, в которой давал Совету Народных Комиссаров и брестской делегации самые широкие полномочия.

По докладу Сталина о национальном вопросе, съезд принял декларацию о федеральных учреждениях Российской Республики, в которой провозглашалось, что «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов». Народный комиссар земледелия Калегаев (левый эс-эр) огласил основной закон о земле, который был принят съездом без прений.

⁵¹⁾ *Генерал Корнилов* — см. том XIV, прим. 225.

⁵²⁾ *Чхеидзе* — см. том XIV, прим. 23.

⁵³⁾ *4 апреля 1917 г.*, на другой день после своего возвращения из эмиграции, Н. Ленин на собрании большевиков — делегатов Всеросс. Совещания Советов р. и с. д. — выступил с докладом о тактике, в котором высказал положения (тезисы), определившие всю дальнейшую тактику РКП во второй русской революции. В тот же день Ленин повторил свой доклад на собрании большевиков и меньшевиков, делегатов того же совещания, желавших обсудить вопрос об объединении РС-ДРП (см. статьи Н. Ленина в 1 ч. XIV т.: «О задачах пролетариата в данной революции», стр. 17, и «Письма о тактике», стр. 26).

⁵⁴⁾ *О тактике большевиков в революции 1905 года* — см. статьи Н. Ленина, вошедшие в томы VI и VII «Собрания сочинений», в том числе «Две тактики русской с. д. » и «Победа кадетов и задача пролетариата» и др.

⁵⁵⁾ *«Новая Жизнь»* — ежедневная газета, издававшаяся в 1917 г. в Петербурге и с апреля 1918 года в Москве под редакцией Горького, Н. Суханова, В. Базарова, Авилова и друг. и постоянно скатывавшаяся к защите мелкобуржуазного соглашательства.

56) В январе и феврале 1918 года вся Финляндия была охвачена советской революцией. Восстание рабочих, начавшееся в Гельсингфорсе и крупных городских центрах, было поддержано большей частью крестьянства. Буржуазное правительство, разбитое в ряде сражений, принуждено было эвакуироваться в северную часть Финляндии, в которой оно еще имело влияние. Вся остальная Финляндия провозгласила Советскую власть. Революция развертывалась победоносно, пока не была задавлена немецкими войсками, оккупировавшими Финляндию по соглашению с буржуазным ее правительством, в марте — апреле 1918 г., после Брестского договора. Поддержанная немецкими штыками, белая гвардия финляндского диктатора ген. Маннергейма залила страну потоками пролетарской крови, тысячами расстреливая рабочих. Тюремь белой Финляндии переполнены пролетариями и коммунистами.

57) В течение ноября и декабря 1917 г. на Украине победила революция; собравшийся 13 декабря в Харькове I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Советскую власть, и Рада принуждена была бежать из Киева. Съезд Донских казаков в станице Каменской высказался за Советскую власть, Ростов-на-Дону и Новочеркасск были заняты Красными войсками. Атаман войска Донского Каледин покончил самоубийством. «Добровольческая армия», предводительствуемая ген. Корниловым, принуждена была искать спасения в степях, безуспешно пытаясь захватить Екатеринодар. Только немецкая оккупация Украины и Дона дала возможность укрепиться там контр-революции. Возвратившуюся в Киев Раду сменил гетман Скоропадский. На Дону водворился ген. Краснов. Убитого при штурме Екатеринодара Корнилова во главе добровольцев заменил ген. Деникин.

58) В январе 1918 г. Германию охватила стачка, близкая ко всеобщей, вызванная медленностью и перерывом мирных переговоров с Россией.

59) Полковник Дутов — атаман Оренбургского казачьего войска. В течение 1918 и 1919 г.г. вел упорную войну с Советской властью в южном Заволжье и Урале. После чехо-словацкого восстания на Волге координировал свои действия с эс-эровским комитетом членов Учредительного Собрания в Самаре, формально признав его власть, и получил от него генеральский чин. Колчаковский переворот был энергично поддержан Дутовым. Дутовцы после того, как Поволжье и Урал были возвращены Советам, долго еще держались в Оренбурге, отрезав Советский Туркестан от остальной Советской России. Выбитые из своей столицы дутовцы рассеялись в юго-восточных степях, откуда постепенно были вытеснены Красной армией. Последние их отряды были ликвидированы в пределах Китайского Туркестана, где они пытались искать прибежища.

60) Бойкот III Государственной Думы отстаивался большинством большевистской части объединенной в то время РС-ДРП. Одновременно с роспуском второй Государственной Думы, арестом и каторгой для с.-д. фракции, 3 июня 1908 г. был изменен Столыпиным избирательный закон, чрезвычайно сузивший избирательное право рабочих и сведший их возможное представительство к шести депутатским мандатам. Точно так же было сокращено число уполномоченных и для крестьян. Ленин, несмотря на это, считал необходимым использовать для с.-д. революционной работы думскую трибуну, как одну из немногих легальных возможностей в эпоху черной реакции. На общепартийной конференции, опираясь на меньшевистское крыло партии, он провел резолюцию об участии в выборной кампании и Государственной Думе вопреки большевистским голосам. Последующая деятельность большевиков в III и IV Государственных Думах

(насчитывавших всего по 6 депутатов-рабочих) блестяще оправдала тактику Ленина, дав возможность организовать с.-д. массовое рабочее движение вокруг фракции и легальных большевистских газет («Звезда», «Правда» и др.). Часть большевиков, склонных к увлечениям бойкотизмом, организовалась позднее вокруг журнала «Вперед» во главе с Богдановым, настаивая на отзыве думской с.-д. фракции («отзовисты») или же предъявлении ей ультиматума («ультиматисты»). Невлиятельная группа «впередовцев» постепенно распалась.

⁶¹⁾ *Демократическое Сопецаание* — см. том XIV, прим. 232.

⁶²⁾ *«Новый Луч»* — меньшевистская газета.

«Дело Народа» — орган правых эс-эров.

«Новая Жизнь» — см. прим. 55.

⁶³⁾ *Тильзитский мир* заключен в г. Тильзите в 1807 г. между Наполеоном, с одной стороны, и Александром I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом, — с другой. Договор был чрезвычайно тяжел и унизителен для Пруссии. Последняя потеряла более половины своих владений. Провинции на берегу Эльбы, принадлежавшие Пруссии, были отданы брату Наполеона Иерониму, бывшие польские области отошли к королю Саксонскому. За Пруссией оставались Бранденбург, Померания и Силезия и то только «в знак уважения к русскому императору». Прусская армия была численно сильно сокращена, и прусский король был обязан по требованию Наполеона выставлять особый вспомогательный корпус в его войнах с другими державами. Пруссия принуждена была пойти на Тильзитский договор, но она продолжала работать над улучшением своей малочисленной армии и проводить внутренние реформы в стране, и в период войн против Наполеона, последовавших в 1813 — 1815 г.г., вышла победительницей, не только вернув свои потери, но и сделав новые приобретения.

⁶⁴⁾ *«Коммунист»* — орган «левых коммунистов», противников Брестского мира, выходил первоначально с 5 по 19 марта ежедневно в Петербурге в качестве официального органа Петербургского Окружного Комитета РС-ДРП (больш.) под редакцией Бухарина, Радека и Урицкого; позднее был возобновлен в Москве с 20 апреля по июнь 1918 г. в качестве еженедельника под редакцией Бухарина, Оболенского (Осинского), Радека и В. М. Смирнова. В «Коммунисте» участвовали: Бокий, Бубнов, Боголепов, Бронский, С. Кассиор, В. Антонов (Н. Лукин), Ломов (Оппоков), М. Покровский, Е. Преображенский, Пятаков, Солыц, Стуков, Спундз, Уншлих, Штернберг, В. Яковлева, Барышников, Инесса Арманд, Коллонтай, В. Куйбышев, Максимовский, Сапронов, Сафаров, Усиевич, Феништейн, Ярославский и др. В Петербурге вышло 11 номеров, в Москве—4.

⁶⁵⁾ *Карл Радек* — см. том XIV, прим. 73.

⁶⁶⁾ *Н. И. Бухарин* — см. том XIV, прим. 250.

⁶⁷⁾ *Ин. Стуков* род. в 1887 г. в Иркутской губ. В период первой революции работал в Киеве, в годы реакции — сначала в Восточной, потом в Западной Сибири, после ареста провел три года в тюрьме, в 1916 г. был сослан на поселение. В 1917 г. работал в Петербурге, но вскоре перешел в Московское Областное Бюро. В период Брестского мира был самым «левым» из «левых коммунистов», настаивая на совещании ЦК с партийными работниками 1 ноября 1917 года на немедленном разрыве переговоров с немцами и революционной войне. Позднее принимал участие в борьбе на западном и восточном фронтах, будучи членом Реввоенсовета 5-й армии.

⁶⁸⁾ *В. В. Оболенский (И. Осинский)* родился в 1885 г. Окончил экономическое отделение Московского университета. Один из руководителей студенческого

движения, состоял членом коалиционного совета Моск. университета. Вместе с покойным Н. Н. Яковлевым и Максимовским в 1912 г. редактировал в Москве легальную большевистскую газету «Наш Путь», которая выходила около месяца, но был предан Малиновским и подвергнут высылке. Вернулся в Москву в апреле 1917 г. и вошел в Московское Областное Бюро. Принимал горячее участие в подготовке октябрьского восстания, автор первого декрета Московского Совета, опубликованного за неделю до открытой борьбы. В 1917—1918 г.г. одно время состоял председателем ВСНХ. Противник Брестского мира и защитник «революционной войны», член редакции журнала «Коммунист», органа «левого коммунизма». Один из авторов «тезисов по текущему моменту», напечатанных в № 1 «Коммуниста» (см. примеч. 123). В 1920—1921 г.г. лидер «группы демократического централизма», одной из внутрипартийных группировок. Одно время состоял заместителем народного комиссара земледелия. Литератор. Экономист.

⁶⁹⁾ *Ломов (Г. И. Оплоков)* первоначально работал в Москве и в Саратове, был в ссылке в Архангельск. губ., где принял участие в научной полярной экспедиции, и в Сибири, откуда его возвратила февральская революция 1917 г. До октября работал в Московском Областном Бюро, в период октябрьской борьбы входил в Московский Военно-Революционный Комитет, позднее работал в экономических советских органах в Москве и на Украине. В период споров о мире с Германией был деятельным противником Брестского мира, примыкая к «левым коммунистам».

⁷⁰⁾ *М. С. Урицкий*, род. в 1875 г. В искровский период работал в качестве профессионала на юге, был арестован в Киеве и выслан в Вологодскую губ., откуда выехал за границу. В 1912 г. по окончании срока высылки вернулся в Россию, был арестован и вновь сослан в Якутскую область. Меньшевик-плекхановец, боровшийся за партию против ликвидаторов. С начала империалистической войны разорвал с Плехановым, оставшись интернационалистом. С февраля по июнь 1917 г. состоял в «межрайонной организации Петербурга», вместе с которой вошел в РКП на VI съезде в июльские дни и был выбран в ЦК. По вопросу о Брестском мире защищал «левую» позицию, считая мир «предательством» и «позором» революции. Будучи председателем петербургской ЧК, был предательски убит социалистами-революционерами 30 авг. 1918 года.

⁷¹⁾ *М. Н. Покровский*. В 1905—1906 г.г. член литературной группы при МК РС-ДРП (большевиков) (Скворцов-Степанов, Покровский, Рожков, Фриче, Шулятиков, Канель, Геллерт и друг.). Эмигрировал за границу вскоре после Лондонского съезда, на который был делегирован от Московской организации. Вернулся в Россию осенью 1917 г. После октябрьских дней сменил Ногина в качестве председателя Московского Совета. Позднее—зам. народного комиссара просвещения. Автор выдающихся марксистских работ по русской истории. В 1918 П. был противником Брестского мира и примыкал к «левым коммунистам».

⁷²⁾ *Условия мирного договора*, подписанного русской делегацией в Бресте, были много тяжелее первоначальных, выставленных германской коалицией до отказа русской делегации подписать договор и до начала февральского германского наступления.

Кроме новых аннексий на Кавказе (Батум), договор закреплял за Германией до подписания всеобщего мира оккупацию захваченных при наступлении территорий (Минск, Орша, Псков, Ревель и др.) и содержал некоторые другие весьма тяжелые для русской революции условия, которые отсутствовали в первоначальном германском проекте.

⁷³⁾ Когда в феврале 1918 г., вследствие отказа Совет Народных Комиссаров подписать Брестский договор, немецкое командование начало наступление на Петербург и Москву, союзные посольства предложили свою помощь через наркома иностр. дел Троцкого. Это предложение рассматривалось на заседании ЦК 22 февраля 1918 года в тот момент, когда еще не выяснилось, согласится ли Германия приступить к новым переговорам и остановить наступление. «Ленинская группа» сторонников подписания договора голосовала «за взятие поддержки и оружия у разбойников англо-французского империализма», «Бухаринская группа» противников «похабного» мира с Германией голосовала против этого «компромисса» с антантовскими империалистами. Подробнее об этом см. в очерке «ЦК РС-ДРП (больш.) и Брестский мир», стр. 575 настоящего тома.

⁷⁴⁾ VII съезд РКП происходил в Петербурге 6—8 марта 1917 г. и был созван ЦК для решения вопроса о подписании мира с Германией. Норма представительства была сокращена по расчету один делегат от 5 тысяч членов партии. В президиум оказались избранными Ленин, Бухарин, Свердлов, Крестинский, Шелавин и Соловьев. В порядок дня входили: 1) отчет ЦК, 2) вопрос о Брестском мире, 3) изменение программы и наименования партии. Отчет об организационной стороне деятельности ЦК был прочитан Свердловым, политический отчет дал Ленин, который его посвятил, главным образом, вопросу о мире, вследствие чего съезд немедленно после доклада Ленина перешел ко второму вопросу порядка дня. Содокладчиком выступил Бухарин, отстаивавший точку зрения революционной войны. Прениям были посвящены вечернее заседание 7 марта и утреннее 8 марта. Ораторы «фракций» выступали в шахматном порядке. Со стороны защитников «передышки» говорили Зиновьев, Смилга, Свердлов, Сокольников, Шелавин, Артем и друг. Точку зрения «левых коммунистов» отстаивали Урицкий, Бубнов, Радек, Оболенский (Осинский), Коллонтай и проч. Всего было заслушано свыше 20 ораторов. Троцкий, отстаивая точку зрения революционной войны, заявил, что он, однако, не считает ее возможной вследствие разногласий в партии и возможности партийного раскола, почему принужден присоединиться к сторонникам мира. После заключительных реплик Ленина и Бухарина 28 голосами против 12 съезд принял резолюцию, предложенную Лениным и одобрявшую ЦК, который дал директиву подписания мира.

По вопросу о пересмотре программы были заслушаны только доклады Ленина и Бухарина. Прения не были открыты. Бухарин считал необходимой коренную переработку программы, склоняясь к отмене разграничения программ минимум и максимум. Ленин находил, что такая переделка преждевременна. Съезд постановил переименовать партию, назвав ее: «Российская Коммунистическая Партия (большевиков)» и избрал комиссию для изменения программы в составе Ленина, Бухарина, Троцкого, Зиновьева и друг.

В начале Съезда чувствовалось большое напряжение ввиду возможности раскола, к концу его вероятность раскола значительно ослабела, однако избранный в состав ЦК лидер «левых коммунистов» Бухарин сначала отказался принимать участие в его работах. Впоследствии, когда Октябрьская революция 1918 г. в Германии полностью оправдала точку зрения Ленина по вопросу о Брестском мире, Бухарин откровенно признал свою ошибку.

⁷⁵⁾ *Русская революция в январе 1918 г. перекинулась в Румынию*, отрезанную болгаро-австрийским фронтом от западно-европейских капиталистических стран. Румынское правительство, заключив с германской коалицией сепаратный мир, сумело подавить революционное движение.

⁷⁶⁾ *Генерал Гофман* — глава германской делегации и председатель делегаций германской коалиции в Бресте.

⁷⁷⁾ *Путиловский завод* в Петербурге — один из самых крупных заводов в России, «Русский Крупн». Его рабочие всегда являлись наиболее передовыми и неизменно шли за партией большевиков с начала первой русской революции 1905 г. В дни немецкого наступления в феврале 1918 г. они послали на фронт несколько красногвардейских отрядов.

⁷⁸⁾ *«Псковское соотношение сил»*. — К моменту подписания мирного договора с Германией, вследствие нашего отказа подписать первоначальные условия, немецкая армия оккупировала Псков, Ревель, Ямбург, Оршу и ряд других городов на путях к Петербургу и Москве.

⁷⁹⁾ *Подвойский* — один из старейших партийных работников. Член первоначальной коллегии народного комиссариата по военным делам, в начале 1919 г. один из вождей Красной армии на Украине в период освобождения ее от немцев и Скоропадского, позднее руководитель Всеобуча.

⁸⁰⁾ *С. И. Бубнов* («Химик») род в 1887 г. в Иванове-Вознесенске, слушал лекции в Московском университете и техническом училище, работал в Москве, Иванове-Вознесенске и друг. городах центрального промышленного района, делегат Лондонского съезда, агент ЦК в России. Арестовывался в 1908, 1910 и 1913 г.г. После февраля 1917 г. член Моск. Областного Бюро ЦК. Во время споров на поводу Брестского мира примкнул к «левым коммунистам». Литератор.

⁸¹⁾ *Заявление «левых» цекистов* об отставке — см. очерк «Брестский мир и ЦК РКП», помещенный в приложении к настоящему тому.

⁸²⁾ *Винниченко В. К.* — украинский с.-д. меньшевистско-националистического толка. В годы реакции, после подавления революции 1905 г., получил довольно широкую известность своими беллетристическими произведениями, воспевавшими отход интеллигенции от революции и ее упадочное настроение. В 1917—1918 гг. один из вождей Украинской Рады, которая через своего делегата в Бресте с.-р. Голубовича вступила в военное соглашение с Германией против Советских России и Украины и с помощью немецкой армии, оккупировавшей Украину, подавила советскую революцию и восстановила свою власть. После разгона немцами Рады и провозглашения гетмана Скоропадского, В. постепенно эволюционировал влево.

⁸³⁾ *Изменение названия партии* Ленин первоначально предложил в своих «тезисах» от 4 апреля 1917 г. Этот же вопрос обсуждался на Всероссийской апрельской конференции 1917 г., на которой, однако, не было вынесено никакого решения, так как предложение Ленина не встретило сочувствия большинства делегатов. Победоносная Октябрьская революция и отход с.-д. в лагерь контрреволюции поставили вопрос ребром. Первоначально Ленин склонялся к наименованию: «Коммунистическая партия» без добавления Российская. VII съезд на заседании 8 марта 1918 г., по докладу Ленина, принял новое название партии: «Российская Коммунистическая партия (большевиков)».

⁸⁴⁾ *Вопрос об изменении партийной программы* впервые Ленин поставил в своих «тезисах» 4 апреля 1917 г., предложив ряд частичных поправок. Апрельская конференция выделила секцию по вопросу о программе, которая составила свой проект изменений, несколько разошедшийся с ленинским. VI съезд РС-ДРП (большевиков) в июле 1917 г. рассматривал программный вопрос. На VII съезде был только заслушан доклад Ленина о программе, но не был подвергнут дискуссии, и вопрос отложен. Новую программу принял VIII съезд

РКП в апреле 1919 г. В первоначальных проектах изменения программы речь шла лишь об отдельных исправлениях и дополнениях. VIII съезд стал на другой путь и написал программу заново.

Материалы, касающиеся истории вопроса об изменении партийной программы, см. «Собран. сочинений», XIV том, часть I: «Проект изменений теоретич., полит. и некоторых др. частей программы», стр. 113, и часть II: «К пересмотру партийной программы», стр. 147, и «Материалы к пересмотру партийной программы», стр. 451.

⁸⁵⁾ *«Просвещение»* — двухнедельный журнал, выходивший в Петербурге в 1917 г.

⁸⁶⁾ *«Спартак»* — двухнедельный журнал, издававшийся под редакцией Н. И. Бухарина в Москве с мая по 25 октября 1917 г., орган Моск. Областного Бюро и Московского Окружного Комитета РС-ДРП (большевиков). Всего вышло 12 номеров.

⁸⁷⁾ *Черновой набросок проекта партийной программы*, предложенный Лениным VII партийному съезду, является формулировкой ряда поправок к его «Проекту изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы», написанному в апреле 1917 г., напечатанному в 1 части XIV тома «Собрания сочинений» (стр. 113 — 117) и являющемся, в свою очередь, рядом поправок к программе РС-ДРП, принятой на II съезде партии в 1903 г. В брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы», вышедшей в мае 1917 г., Ленин дает общую сводку проектируемой программы, соединяя и печатая разными шрифтами ее старый и новый тексты. Эта сводка напечатана на стр. 452 и сл. 2 ч. XIV т. настоящего издания. При чтении «чернового наброска» читателю следует руководствоваться указанной сводкой. Редакция позволила себе ссылки автора на страницы брошюры, в которой первоначально была напечатана сводка, заменить соответствующими страницами той же сводки, помещенной во 2-й части XIV т. «Собрания сочинений».

⁸⁸⁾ *Сокольников* — старый партийный работник, вернулся из эмиграции после февральской революции, нес партийную работу в Москве, на VI съезде партии вошел в ЦК, в течение всей гражданской войны работал в Красной армии, преимущественно на фронтах, в настоящее время народный комиссар финансов и член ЦК РКП.

⁸⁹⁾ *В. М. Смирнов* — старый большевик, после февральской революции 1917 г. работал в Москве, один из редакторов «Социал-Демократа», органа Московского Областного Бюро, МК и МОКРС-ДРП (больш.), член Военно-Революционного Комитета Московского Совета в октябрьские дни; будучи прапорщиком артиллерии, непосредственно участвовал в уличных боях, член реввоенсовета одной из армий на Восточном фронте, действовавшей против чехо-словаков и Колчака, командир бригады. Позднее — деятель экономических органов Советской власти. В период разногласий и споров по поводу Брестского мира примыкал к «левым коммунистам», принимая участие в редактировании их органа «Коммунист».

⁹⁰⁾ *Базельский конгресс* — см. том XIV, прим. 7.

⁹¹⁾ *«Государство и революция»* — см. том XIV, часть 2 «Собрания сочинений» Н. Ленина, стр. 295—396.

⁹²⁾ *Таврический дворец* в Петербурге, некогда принадлежавший Пртемкину, с 1906 г. служил помещением Государственной Думы.

⁹³⁾ *Черновой набросок проекта программы* был составлен Н. Лениным в срочном порядке для VII съезда РКП и роздан делегатам, как материал для дискуссии. Текст его был опубликован в газете «Коммунист» № 5 от 9 марта 1918 г., уже после съезда.

⁹⁴⁾ *Речь 13 марта 1918 г.* в Московском Совете р., к. и кр. д. является первым выступлением Н. Ленина в Москве и произнесена на другой день после приезда в Москву Совета Народных Комиссаров и ЦК РКП. Полного стенографического отчета не сохранилось. Печатаемый текст, переданный хроникером по телефону, взят из Петербургского «Коммуниста».

Дата 13 марта по новому стилю соответствует 28 февраля по старому, дню победы Февральской революции в Петербурге.

⁹⁵⁾ *IV Чрезвычайный Съезд Советов* состоялся в Москве 14—16 марта 1918 г. (нового стиля) в помещении Дома Союзов.

Всего присутствовало 1.172 делегата с решающими голосами и 80 с совещательными. Большевиков было 814, левых эс-эров — 238, анархистов — 14, объединенных меньшевиков — 24, с.-д.-интерн. — 16, максималистов — 24, эс-эров правых — 15 и пр. В порядке дня съезда стояли два вопроса: 1) о ратификации Брестского мира и 2) перенесение столицы в Москву. По первому вопросу были сделаны доклады Чичериным, Лениным и содоклад Камковым от имени левых эс-эров, протестовавших против «позорного» мира. «Левые коммунисты», противники Брестского мира, отстаивали свою точку зрения внутри большевистской фракции, среди которой собрали около одной десятой части всех голосов, но на съезде не выступали, ограничившись прочтением декларации (насчитывавшей 64 подписи) и от голосования воздержались. Поименное голосование по вопросу о мире дало за ратификацию договора 784, против — 261, воздержалось — 115.

По второму вопросу порядка дня, съезд постановил временно перенести столицу в Москву.

⁹⁶⁾ *Наступление 18 июня 1917 года* — см. том XIV, прим. 153.

⁹⁷⁾ *3—5 июля 1917 г.* — см. том XIV, прим. 167.

⁹⁸⁾ *Закрытие буржуазных и социал-соглашательских газет* последовало не сразу. В момент движения Керенского с казаками Краснова на Петербург в октябре 1917 г. и восстания юнкеров против Советов были закрыты некоторые петербургские газеты, призывавшие к поддержке восстания. После октябрьской победы революции в Москве было закрыто буржуазное «Русское Слово», его типография национализирована и передана «Известиям Московского Совета Р. и С. Д.». Только в момент лево-эс-эровского восстания и убийства германского посла Мирбаха (июнь 1918 г.) последовала общая мера закрытия буржуазных и мелко-буржуазных газет. Меньшевистский орган, издававшийся в Москве, продолжал свое существование до весны 1919 г. Лево-эс-эровский орган «Знамя» продолжает выходить до настоящего времени. Об отношении большевиков к так называемой «свободе печати» — см. статью Ленина в настоящем томе, стр. 23.

⁹⁹⁾ *Камков* — см. том XIV, прим. 139.

¹⁰⁰⁾ *Опубликование тайных договоров*, заключенных правительством Николая II с его империалистическими союзниками, было одним из боевых требований большевиков в эпоху керенщины. После победы пролетариата договоры были опубликованы в советской печати и установили документально перед всем миром империалистический характер войны как со стороны царского правительства, так и его союзников.

¹⁰¹⁾ Речь идет об участии во второй Государственной Думе и о подписке — «присяге» депутатов. См. прим. 60.

¹⁰²⁾ *Перевыборы Московского Совета* происходили в апреле 1918 года. Правые соглашательские партии, используя ухудшение продовольственного положения Москвы и тяжелый Брестский договор, имея в то время еще сильную легальную прессу, прилагали все усилия к поражению большевиков. Выборы в результате усилили коммунистов в Московском Совете по сравнению с предыдущим его составом. Меншевицкая газета «Вперед» объясняла победу большевиков тем обстоятельством, что они располагали «казенными автомобилями», а меньшевики принуждены были пользоваться трамваем.

¹⁰³⁾ *Резолюция IV Чрезвычайного Съезда Советов о Брестском договоре* — см. стр. 170 настоящего тома.

¹⁰⁴⁾ *Кишкин* — см. том XIV, прим. 265.

¹⁰⁵⁾ *Богавский* — наказной атаман войска Донского, сподвижник последовательно Каледина, Корнилова, Деникина и Врангеля.

¹⁰⁶⁾ *Б. В. Савинков* — см. том XIV, прим. 197.

¹⁰⁷⁾ *А. Р. Гоц* — правый социалист-революционер черновского толка. В 1906 году состоял участником «Боевой организации ПС-Р», возглавляемой Азефом и Савинковым, принимал участие в подготовке к (не состоявшемуся) покушению на Дурново и в других террористических предприятиях. Февральская революция возвратила его из Сибири, где он находился на поселении. Член ЦИК оборонческого состава, после I Съезда Советов в июне 1917 г. Член совета Российской республики (октябрь 1917 г.) и лидер эс-эр. фракции. Социал-патриот оборонец. Член ЦК ПС.-Р после октябрьского переворота и организатор вооруженной борьбы и террористических актов против Сов. власти. Характерный представитель мелко-буржуазных политических групп, в союзе с буржуазией, своей и иностранной, боровшийся против пролетарской революции.

¹⁰⁸⁾ *Гегечкори* — меньшевик, член III Государственной Думы от Кутаисской губ., где был адвокатом, один из лидеров меньшевицкой думской фракции. После Октябрьской революции — сначала председатель Кавказской рады, объявившей независимость Кавказа, позднее министр иностранных дел Грузинской республики, ориентировавший ее политику в сторону Англии и Деникина против Советской России.

¹⁰⁹⁾ *Л. Мартов* — см. том XIV, прим. 13.

¹¹⁰⁾ *Белоруссов* (Белевский) — парижский корреспондент кадетских «Русских Ведомостей». Правый народник с сильным белогвардейским уклоном после октября 1917 г. Эмигрант, был в ссылке.

¹¹¹⁾ *Генерал Кавеньяк* — военный министр Временного правительства «Французской Социальной республики» после Февральской революции 1848 г.; в июньские дни, обладая диктаторскими полномочиями, разгромил восстание парижских рабочих. Член Учредительного Собрания и президент Совета министров в 1849 г. Кандидат республиканцев в президенты второй республики, забаллотированный в пользу принца Луи Наполеона.

¹¹²⁾ «*Вперед*» — орган Московского Комитета РС-ДРП (меньшевиков) в 1917 и 1918 г.г. В состав первоначальной редакции входили: С. Кац, А. Малкин, Югов; в 1918 г., после перенесения столицы в Москву, «Вперед» стал органом ЦК, и в редакцию вошли Мартов, Дан и Мартынов.

¹¹³⁾ «*Наш Век*» — ежедневная московская газета, близкая к кадетам.

¹¹⁴⁾ 17 октября 1905 г. русские рабочие одержали первую победу над царизмом, который принужден был пойти на частичное самоограничение, издать манифест о созыве законодательной Государственной Думы и обещать проведение гражданских свобод. Всероссийская октябрьская стачка, охватившая весь пролетариат России, началась в Москве и примыкает непосредственно к стачкам московских пекарей и печатников, начавшимся в сентябре. 7 октября забастовала Московско-Казанская ж. д. 9-го бастовал весь Московский узел. 10-го стачка охватила весь город. Всероссийский железнодорожный союз объявил всеобщую стачку железных дорог, проведение которой послужило толчком для стачки всего русского пролетариата, вплоть до работников почты, телеграфа, водосвета и проч. К стачке примкнули чиновники государственных учреждений, врачи, инженеры, адвокаты. Сначала в Петербурге, затем в Москве и в провинциальных фабричных центрах организовались Советы рабочих депутатов. Манифест 17 октября отколол мелко-буржуазные и интеллигентские слои от революции. 19 октября в Москве и Петербурге Советы прекратили стачки, призвав рабочих к дальнейшей борьбе и вооружению. Октябрьская стачка и декабрьское вооруженное восстание 1905 г. послужили могучим толчком к международному революционному движению, особенно отразившись на рабочем движении Австрии и Англии. Русская революция 1905 г. вызвала ряд национальных революций на Востоке, в Турции, Персии и Китае и подготовила Великую русскую революцию 1917 года, впервые в истории дав такой образец массовой организации, как Советы.

¹¹⁵⁾ *Шейдеман* — см. том XIV, прим. 5.

¹¹⁶⁾ *И. С. Тургенев* (1818—1883 г.г.), выдающийся русский писатель распылчато-либерального направления, жестоко высмеянный Достоевским в его романе «Бесы» под именем Кармазинова. Уходящие типы русского дворянства написаны Тургеневым с большой любовью и силой, типы разночинной интеллигенции и революционеров часто страдают натянутостью, ходульностью, просвечивает невольно скептическое отношение автора к революционному движению («Отцы и дети», «Рудин», «Новь» и др. романы).

¹¹⁷⁾ *Н. А. Добролюбов* (1836—1861 г.г.). Выдающийся русский критик народнического направления, оказавший глубокое влияние на русскую литературу и разночинную интеллигенцию шестидесятих годов. Основатель так называемой «публицистической критики». Особенную известность получили его «Темное царство» и «Что такое обломовщина». Сотрудник Некрасовского «Современника». Находился под сильным влиянием Чернышевского.

¹¹⁸⁾ *Н. Г. Чернышевский* (1828—1889 г.г.) — выдающийся социолог и экономист. Родился в Саратове в семье священника, по окончании историко-философского факультета Петербургского университета служил в Саратове учителем гимназии, в 1853 г. перешел преподавателем русского языка во 2-й кадетский корпус в Петербурге. Первоначально выступил в качестве литературного критика в «Отечественных Записках» и «Современнике» («Очерки гоголевского периода», «Лессинг», статьи о Пушкине, Гоголе и пр.). Допущенная к защите в 1855 г. его диссертация не была одобрена представителями официальной профессуры. В 1858—1862 г.г. перевел «Основания политической экономии» Дж.-Ст. Милля, снабдив ее своими примечаниями, в которых развил собственную социологическую теорию, и написал большой труд «Очерки политической экономии». Первое издание перевода Милля, сделанное Ч., могло появиться только в 1874 г., но без имени переводчика и примечаний. 12 июня 1862 г. Ч. был арестован и

заключен в Петропавловскую крепость, в которой провел два года. Сенат приговорил его к 14 годам каторжных работ, которые, по конфирмации приговора, были сокращены до 7 лет. По окончании срока каторги был отправлен на поселение в Вилуюск. В 1883 г. получил возможность поселиться в Астрахани, откуда переселился в 1889 г. в Саратов, где вскоре умер.

Ч. оказал огромное влияние на развитие русской общественной мысли, дав философское и социологическое обоснование народническому движению 60-х и 70-х г.г. Являясь сторонником Фурье, он одновременно был последователем материалистической философии Фейербаха и Бюхнера, заимствовал у Милля его утилитарную теорию нравственности. В области политической экономии Ч. — продолжатель классической школы и противник манчестерства. Идеолог крестьянской общины, которая должна послужить зачатком социалистического общества. В предисловии ко второму изданию «Капитала» К. Маркс отозвался о Ч., как о «великом русском ученом и критике, мастерски осветившем банкротство буржуазной экономии».

¹¹⁹⁾ *Чхенкели* — депутат 4-й Государственной Думы, меньшевик. Позднее один из деятелей грузинского правительства.

¹²⁰⁾ *Генерал Алексеев* — см. XIV том, прим. 234.

¹²¹⁾ *И. А. Исув* — меньшевик-ликвидатор и оборонец. В 1900-х годах — член Екатеринославского Комитета РС-ДРП, состоял в оппозиции «Искре», будучи близок к «Рабочему Делу», в 1905 г. участник Московской группы РС-ДРП (меньшевицкая организация), в 1906 г. работал в Петербурге. На Лондонском съезде И. вошел от меньшевиков в состав ЦК («Михаил»), от работы в котором вскоре отказался, примыкая к ликвидаторам. В первый период после Февральской революции 1917 г. играл видную роль в Московском Совете, будучи лидером меньшевистской фракции. Умер в 1920 г.

¹²²⁾ В «*Протоколах заседаний ВЦИК 4-го созыва*» стенограмма сильно искажена и местами утратила смысл. Поэтому текст речи «об очередных задачах» редакцией подвергнут обработке и местами заменен текстом, напечатанным в «Правде».

Соответствующая часть речи в «Протоколах» изложена следующим образом: «Здесь мы не удивимся этому, если со страниц лево-эс-эровской печати мы встречаем такие заявления, которые я встретил в «Знамени Труда» от 25 апреля. А вот что в ней пишется: «Правые большевики-ратификаторы» (ужасно презрительная кличка!). Как быть, если поставить обратно кличку правояк. (?). Ну вот, если приходится сталкиваться с такими течениями в большевизме, то это кое-что говорит. Мне пришлось именно 25 апреля взглянуть на тезисы в одной газете, которая дала нам политическую характеристику. Когда я прочитал этот тезис, то я подумал: нет ли здесь кого-нибудь из газеты левых коммунистов «Коммунист» или из их журнала, так много тут похожего; но мне пришлось разочароваться, потому что оказалось, что это — тезис Исува, напечатанный в газете «Вперед».

¹²³⁾ «*Тезисы о текущем моменте*» «левых коммунистов» были подвергнуты обсуждению на собрании «левых» и сторонников ЦК 4 апреля 1918 г. и напечатаны в «Коммунисте» № 1 от 20 апреля 1918 г. с весьма характерным предисловием, в котором говорилось: «Возможно, что разногласия будут изжиты в порядке товарищеской дискуссии. Возможно также, что они углубятся еще больше. Во всяком случае, левое крыло не считает нужным и полезным их скрывать. С этой целью Московское Областное Бюро РКП, стоящее на позиции левого

крыла партии, открыло страницы своего органа, выходящего ныне в свет, для обсуждения этих разногласий».

Первые 6 тезисов из 15 посвящены Брестскому миру и критике политики «передышки». Решающее большинство организации рабочих, солдат и крестьян пошло на договор в Бресте. «Это большинство», утверждают авторы тезисов, «составилось из представителей усталой и деклассированной массы, из представителей части рабочих северной промышленной полосы России, где оторванность от нужных источников сырья, угля и хлеба, в связи с общей хозяйственной разрухой, создала голодание, усиленный распад промышленности, безработицу, перерывы в правильной производительной работе, а следовательно, и тенденцию к деклассированию пролетариата (к ослаблению его классового единства и сознательности и, во всяком случае, к понижению его классовой боеспособности); наконец, из представителей отошавшего, благодаря войне, неурожаю, продовольственным ватруднениям и расстройству городской промышленности крестьянства северной и центральной промышленной области. Рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга, юго-востока и Урала были в большинстве случаев за принятие боя, но они не дали перевеса. Ради сохранения промышленного севера, который в предшествующее время был центром революции, был заключен мир за счет фактического отделения промышленного Севера от хлебобродного и промышленного Юга», — говорил 2-й параграф «тезисов», имевший целью дать «классовый» анализ «психологии мира».

Параграф 3-й был посвящен отмежеванию от левых эс-эров, проповедывавших «принципиальное неприятие» мира, и оканчивался следующим положением: «закрепление в массах бездейственной психологии мира есть объективный факт политического момента». Параграф 4-й и последующие учитывали последствия Брестского договора для международной революции, развитие которых, с точки зрения «левых коммунистов», задерживалось этим актом, но, тем не менее, неуклонно шло вперед. «Заключение мира ослабило, пока что, стремления империалистов к международной сделке». «Поэтому заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами». Хотя «заключение мира отрицательно влияет на духовное, идеологическое развязывание международной революции», но все же «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистской системы, которое, в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны, может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах».

Параграф 9-й тезисов посвящен анализу «новых классовых группировок, создавшихся на территории России вследствие мира». Применительно в местных условиях «мир должен был спасти красную столицу, но он спас только территорию Петербурга и обескровил его, как революционную силу... Заключение захватного мира подрывает, хотя и в меньшей степени, другой передовой промышленный район — Московский», отрезанный миром от сырья... Отрицательно влияет заключение аннексионистского мира также на экономическое положение и политическую активность (боеспособность) усталого и голодного беднейшего крестьянства северных и центральных промышленных губерний... пролетаризация крестьянства будет частью возбуждать революционные стремления и ненависть к германским захватчикам... «Беднейшее и трудовое крестьянство земледельческих губерний, занятое дележом земли и неимеющее возможности в эпоху упадка буржуазного строя, а также упадка производительных сил во

всех странах организовать крепкое собственническое хозяйство, будет продолжать поддерживать Советскую власть... Сравнительно здоровым, хозяйственным районом... является Уральский горнозаводский район в связи с Приуральем, Западной Сибирью и их промышленными центрами. Среди рабочих и беднейших крестьян этих мест рабоче-крестьянская революция и Советская власть также найдут себе опору»... (последнее предсказание оправдалось еще менее других, если принять во внимание роль Приуралья в первый период чехо-словацчины: Ижевский завод и пр.).

«Пролетариат юга должен, несмотря на разруху и истощение, именно благодаря боевому классовому воспитанию в огне гражданской войны, сохранить значительную классовую боеспособность. Вместе с украинским беднейшим крестьянством, стоящим под угрозой возвращения помещиков и германско-гайдамацкого ограбления, он составит постоянную опору для восстания против империалистических захватчиков и их буржуазных украинских приказчиков». (Последний анализ оправдался также с большими поправками, если вспомнить роль Махно и различных атаманов, вплоть до Петлюры, явившихся опорой или буржуазного национализма или агентами антантовского империализма на Украине.)

Параграф 9 устанавливал, что имеется достаточная «почва для укрепления и развития диктатуры пролетариата и беднейших крестьян и начатого ими социалистического преобразования общества»... Энергичная организация производства на социалистических началах, с одной стороны, должна укрепить экономическую базу пролетариата, как революционной силы, и, с другой стороны, быть для него новой школой классовой организации и активности».

Политика подавляющего большинства партии, руководимого ЦК, пошедшего на тяжелые условия Брестского мира и не стоявшего еще весной 1918 г. на точке зрения немедленной национализации всей промышленности и социализации производства (то, что в 1921 и 1922 г.г. получило название «военного коммунизма»), оценивалась следующим образом:

«В связи с ближайшими непосредственными последствиями мира: понижением классовой активности и увеличившимся деклассированием пролетариата, в главных революционных центрах, в связи с увеличившимся классовым сближением пролетариата и беднейших крестьян (которые после подписания мира под давлением их требований и влияния должны стать оплотом Советской власти), весьма возможной становится тенденция к уклонению большинства коммунистической партии и руководимой ею Советской власти в русло мелкобуржуазной политики нового образца.

«В случае, если такая тенденция получит осуществление, рабочий класс перестанет быть руководителем, гегемоном социалистической революции, ведущим беднейшее крестьянство к уничтожению господства финансового капитала и помещиков, он оказывается силой, вкрапленной в ряды полупролетарско-мелкобуржуазной массы, которая ставит себе задачей не пролетарскую борьбу в союзе с западно-европейским пролетариатом за низвержение империалистской системы, а оборону фермерского отечества от тягот империализма, что возможно достигнуть и путем компромисса с ним. В случае отказа от активной пролетарской политики, завоевания рабоче-крестьянской революции начнут застывать в систему государственного капитализма и мелко-буржуазных хозяйственных отношений».

Далее тезисы развивали следующие положения:

«Перед партией пролетариата стоят открытыми два пути. Один из них — путь охраны и укрепления уцелевшей части Советского государства, которое сейчас со стороны экономической, при незавершенности революционного процесса, является лишь переходной к социализму организацией при незаконченной национализации банков, при капиталистической форме финансирования предприятий, при частичной национализации предприятий, при господстве в деревне мелкого хозяйства и мелкой собственности, при стремлении крестьян разрешить земельный вопрос разделом земли, а со стороны политической, из оболочки диктатуры пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, может превратиться в орудие политического господства полупролетарско-мелко-буржуазной массы и оказаться только переходной стадией к полному господству финансового капитала.

«Этот путь на словах может быть оправдан стремлением во что бы то ни стало сберечь для международной революции революционные силы и Советскую власть, хотя бы только в «Великороссии». В этом случае все силы будут обращены на укрепление и развитие производительных сил, на «органическое строительство», при отказе от дальнейшей ломки капиталистических производственных отношений и даже при частичном восстановлении их.

«Возможная экономическая и политическая программа, которая рисуется в случае последовательного проведения этого курса и некоторые части которой были выдвинуты представителями правого крыла партии, а отчасти и партийного большинства, — такова:

«Во внешней политике наступательная тактика разоблачения сменяется дипломатическим маневрированием российского государства среди империалистских держав. Советская республика не только заключает с ним торговые сделки, но может завязывать и органические связи, экономические и политические, пользоваться их военно-политической поддержкой (соглашение о помощи военными инструкторами, может быть, заключение займов с допущением контроля внутри страны, соглашение о согласовании политических выступлений и т. п.).

«Хозяйственная политика, соответствующая такому курсу, должна развиваться в сторону соглашения с капиталистическими дельцами, как «отечественными», так и стоящими за их спиной международными, и с представителями «крепких» слоев деревни («кооператоры»). Денационализация банков, хотя бы в прикрытой форме, логически связана с такими соглашениями. Она может проводиться путем образования специальных (наполовину частных, наполовину государственных) банков и отдельных отраслей промышленности...

«Вместо перехода от частичных национализаций к общей социализации крупной промышленности, соглашения с «капитанами промышленности» должны привести к образованию больших, руководимых ими и охватывающих основные отрасли промышленности трестов, которые с внешней стороны могут иметь вид государственных предприятий. Такая система организации производства дает социальную базу для эволюции в сторону государственного капитализма и является переходной ступенью к нему.

«С политикой управления предприятиями на принципе широкого участия капиталистов и полубюрократической централизации, естественно, соединяется рабочая политика, направленная на водворение среди рабочих дисциплины под флагом «самодисциплины», введение трудовой повинности и для рабочих (соответствующий проект предлагается правыми большевиками) сдельной платы, удлинения рабочего дня и т. п.

«Форма государственного управления должна развиваться в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющихся с низов «государственных коммун».

«В оболочку агитации за оборону социалистического отечества волеется при таких условиях пропаганда идеи и мелко-буржуазной родины и национальной войны против германского империализма.

«Описанный выше путь, взятый в целом, равно и тенденция уклонения на этот путь, представляются в высшей степени опасными для дела российского и международного пролетариата. Этот путь закрепит начатое Брестским миром отделение «Великорусской» Советской республики от революционного движения общероссийского и международного, замыкая ее в рамки национального государства с переходным мелкохозяйственным и буржуазным порядком.

«Во внешней политике, при неизбежной слабости как советской дипломатии, так и советского влияния на арене международной империалистской борьбы, он подчинит Советскую республику империалистским связям, отрывая от связей с революционным пролетариатом всех стран. Он ослабит еще более международное революционное значение Советской власти и русской революции.

«Внутри страны он укрепит экономическое и политическое влияние российской и международной буржуазии, а потому и силы контр-революции, а также интеллигентских групп, саботировавших Советскую власть. При мировом упадке производительных сил уступки буржуазии не могут создать быстрого подъема народного хозяйства в капиталистической форме. В то же время они устраняют возможность того наиболее экономного и планомерного использования уцелевших средств производства, которое мыслимо только при самом решительном обобществлении.

«Введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов производством, не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Оно грозит закрепощением рабочего класса, возбудит недовольство как отсталых слоев, так и авангарда пролетариата. Для проведения этой системы в жизнь, при господствующей в пролетарской среде острой классовой ненависти против «саботажников-капиталистов», коммунистической партии пришлось бы опереться на мелкую буржуазию против рабочих и тем погубить себя, как партию пролетариата.

«Бюрократическая централизация Советской республики и кабинетные сделки с буржуазными и мелко-буржуазными дельцами также могут способствовать упадку классовой активности и сознательности пролетариата и охлаждению рабочих партий...

«Линия политики, очерченная выше, может усилить в России влияние внешних и внутренних контр-революционных сил, расстроить революционную мощь рабочего класса и, отрывая российскую революцию от международной, гибельно отразится на интересах обеих.

«Пролетарские коммунисты считают необходимым иной путь политики. Не путь сохранения Советского оазиса на севере России при помощи уступок, перерождающих его в мелко-буржуазное государство. Не переход к «органической» внутренней работе, подкрепляемой тем соображением, что «острый период» гражданской войны закончен.

«Острый период гражданской войны закончен только в смысле отсутствия объективной надобности в преобладающем применении наиболее острых физических методов революционного насилия. Раз буржуазия разбита и уже неспособна к открытому бою, «военные» методы большею частью отпадают. Но острота классового противоречия между пролетариатом и буржуазией не может ослабеть: как и прежде, позиция пролетариата по отношению к буржуазии сводится к полному отрицанию, уничтожению ее, как класса. Окончание острого периода гражданской войны не может обозначать возможности сделки с уцелевшими силами буржуазии, и «органическое строительство» социализма может совершаться только силами самого пролетариата при участии квалифицированных техников и администраторов, а не в том или ином сотрудничестве с «цензовыми элементами», как таковыми.

«Российская рабочая революция не может «сберечь себя», сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая в период натиска международного капитала, делая уступки отечественному капиталу.

«С этой точки зрения необходимы: решительная классовая международная политика, соединяющая международную революционную пропаганду словом и делом, и укрепление органической связи с международным социализмом (а не с международной буржуазией); решительный отпор всякого вмешательства империалистов во внутренние дела Советской республики; отказ от политических и военных соглашений, делающих Советскую республику орудием империалистических лагерей.

«В международной экономической политике допустимы только торговые сделки, займы, снабжение техническими силами без подчинения русского капитала руководящему контролю иностранного финансового капитала...

«Не капитуляция перед буржуазией и ее мелко-буржуазными интеллигентскими приспешниками, а отбивание буржуазии и окончательная ломка саботажа. Окончательная ликвидация контр-революционной печати и контр-революционных буржуазных организаций. Введение трудовой повинности для квалифицированных специалистов и интеллигентов. Организация потребительских коммун, ограничение потребления **зажиточных классов** и конфискация их излишнего имущества. Организация в деревне натиска **беднейших крестьян** на богатых, развитие крупного общественного сельского хозяйства и поддержка переходных к общественному хозяйству форм обработки беднейшими крестьянами.

«Предоставление широкой самостоятельности местным Советам и отказ от укорачивания **их** деятельности комиссарами, посылаемыми центральной властью. Советская власть и партия пролетариата должны искать себе опору в классовой самостоятельности широких масс, на развитие которой должны быть направлены все силы.

«Свое отношение к большинству партии пролетарские коммунисты определяют, как позицию левого крыла партии и авангарда российского пролетариата, сохраняющего с партией полное единство, поскольку политика большинства не создает неустрашимого раскола в рядах самого пролетариата. Свое отношение к Советской власти они определяют, как позицию всемерной поддержки этой власти, в случае надобности путем участия в ней, поскольку утверждение мира сняло с очереди вопрос об ответственности за это решение и создало новое объективное положение. Это участие возможно лишь на основе определенной политической программы, которая предотвратила бы уклонение Советской

власти и большинства партии на гибельный путь мелко-буржуазной политики. В случае такого уклонения левое крыло партии должно будет стать в положение деловой и ответственной пролетарской оппозиции».

¹²⁴⁾ *Атаман Семенов*, монархист, предводитель белогвардейско-бандитской военной организации на Дальнем Востоке, опиравшейся на японские штыки.

¹²⁵⁾ *Вопрос о государственном капитализме*, как средстве предотвратить промышленный кризис и регулировать промышленность, частично затронут Лениным в брошюре «Грозящая катастрофа», вошедший в XIV том «Собрания сочинений» (стр. 175—214).

¹²⁶⁾ Цитаты из книги «Государство и революция», приведенные Лениным в его речи на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г., очевидно, не были застенографированы и в «Протоколах заседаний ВЦИК 4-го созыва» не имеется даже никаких указаний на их прочтение. Поэтому настоящий абзац заимствован из отчета, помещенного в «Правде».

¹²⁷⁾ *Циммервальдская конференция* и циммервальдская левая — см. XIV том, прим. 61.

¹²⁸⁾ *Ге* — анархист-коммунист, сторонник Советской революции, член ВЦИК 4-го созыва.

¹²⁹⁾ *Большая часть ст. «О левом ребячестве и о мелко-буржуазности»* цитируется Н. Лениным в брошюре «О продовольственном налоге» («Значение новой политики и ее условия»), вышедшей перед майской всероссийской конференцией РКП 1921 г. (см. XVIII том «Собрания сочинений»). Брошюра «О продналоге», дающая принципиальное обоснование «новой экономической политике», возвращается к той постановке вопроса о «государственном капитализме», как переходной стадии к коммунизму, которую дал Н. Ленин в апреле 1918 г. в его полемике с «левыми коммунистами».

¹³⁰⁾ *Клаузевиц* (1780—1831) — прусский военный писатель, в произведениях которого заметно влияние гегелевской диалектики. Участник кампаний против Наполеона и начальник штаба прусской армии в польской войне 1831 г. В 1812—1813 годах состоял на русской службе.

¹³¹⁾ 8 июня 1917 г. ЦК Р.С.-Д.Р.П. (больш.) назначил демонстрацию против политики коалиции и затягивания войны с лозунгом: «Долой министров-капиталистов — вся власть Советам». Оборонческий и соглашательский первый съезд Советов, заседавший в то время в Петербурге, демонстрацию запретил. Церетели, лидер оборонческого ЦИК, произнес речь, поддержанную меньшевиками, в которой требовал разоружения рабочих. Демонстрация состоялась 18 июня и прошла под большевистскими лозунгами, сорвав реакционные замыслы Церетели (см. XIV том, прим. 153).

¹³²⁾ «*Либерданы*» — прозвище меньшевиков (Либер+Дан), широко распространенное летом 1917 г. после появления в «Правде» шуточного стихотворения Демьяна Бедного под тем же названием.

¹³³⁾ *Международная ориентация русской буржуазии*, в отличие от ультраправых аграрных кругов, в течение всей империалистической войны, как при Николае II, так и при Временном правительстве, была всецело антантовской. С момента подписания Брестского мира и одновременно выяснившегося наступления германцев на Украину и Балтийское побережье, имевшего своим результатом уничтожение Советской власти и подавление революции в этих областях, ориентация русской буржуазии начинает колебаться.

В марте 1918 г. в оккупированном немцами Пскове русские офицеры предлагали свои услуги германскому коменданту против русской армии. Украинская рада, вытесненная революцией из своей столицы, возвратилась в Киев под охраной немецких штыков. В захваченном немцами Ревеле сложилось буржуазное правительство белой Латвии. Пролетарская революция в Финляндии при содействии германских штыков была потоплена в крови. Наконец, мелко-буржуазная и демократическая Украинская Рада, по соглашению немецкого главнокомандования с великорусскими буржуазно-дворянскими кругами, была заменена гетманством Скоропадского. В результате этих событий среди русской буржуазии происходит раскол. Часть кадетов во главе с Милюковым возлагает свои упования на победоносную кайзерскую Германию, которая одна только, ибо «союзники» далеко, может подавить русскую революцию. Мелко-буржуазные слои, идеологию которых отражали эс-эры, продолжали придерживаться англо-французской «демократической» ориентации. Совет П. С.-Р., имевший место в мае 1918 г., опираясь на соглашение с миссиями держав Антанты, решил организовать борьбу за Учредительное Собрание, используя вооруженные силы чехо-словацкого корпуса.

¹³⁴⁾ *Всеукраинский гетман Скоропадский* — бывший командир одного из гвардейских полков в Петербурге, близкий ко двору Николая II, монархист. Немецкое командование на Украине, не встретив достаточного содействия со стороны мелко-буржуазной Рады по выкачке хлеба из деревни, инсценировало государственный переворот и заменило Раду гетманством. Единственной организацией, если не считать великороссийских кадетов милюковского типа, поддерживавшей Скоропадского, был «союз хлеборобов» (кулаков и помещиков). После ноябрьской революции в Германии и эвакуации немецких войск с Украины, Скоропадский был вытеснен петлюровцами, в свою очередь через несколько дней вытесненными Советской революцией.

¹³⁵⁾ *Шаллеников* — коммунист, в годы империалистской войны работавший частью в Петербурге по поручению ЦК, частью за границей, устанавливая связи с заграничным большевистским центром, Народный Комиссар труда после Октябрьской революции 1917 г., в 1921 и 1922 годах лидер так называемой «рабочей оппозиции» (см. том XVIII).

¹³⁶⁾ *Череванин* (ранний псевдоним — Нежданов) — меньшевик-ликвидатор и оборонец. Литератор. Начал с.д. деятельность в Харькове в конце 90-х годов. Сотрудник легального марксистского журнала «Жизнь», выходившего в Петербурге в начале 900-х г. под ред. Поссе. В 1906—1907 г.г. участник всех литературных предприятий меньшевиков в Москве и участник Стокгольмского и Лондонского съездов партии. В 1917 г. состоял одним из редакторов «Рабочей Газеты», меньшевистского органа в Петербурге. Член меньшевистского (объединенного) ЦК после августовского съезда 1917 г.

¹³⁷⁾ *В. Г. Громан* (Горн) — меньшевик. Статистик и экономист. Литератор и деятель кооперации.

¹³⁸⁾ *П. Н. Колокольников* (литер. псевдоним Дмитриев) — правый меньшевик, ликвидатор и оборонец. Один из основателей Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 90-х годах. Деятель правого крыла профессионального движения. Член ЦК Р.С.-Д.Р.П. после Стокгольмского съезда в 1906 г. Товарищ министра труда (Гвоздева) в последнем коалиционном министерстве Керенского

¹³⁹⁾ Чехо-словацкий мятеж был организован на деньги англо-французской биржи и при прямом содействии союзнических посольств, имевших пребывание в 1918 г. в Москве и позднее переселившихся в Вологду. Совет партии социалистов-революционеров, заседавший в мае 1918 г., постановил при помощи Антанты начать борьбу за Учредительное Собрание, распущенное ВЦИК 5 января. Чехо-словацкий корпус, организованный еще военным министром Керенским из австрийских военнопленных летом 1917 г., отступил с западного фронта с боями против немцев, оккупировавших Украину по договору с Радой после Брестского мира, и, по соглашению Совнаркома с чешским командованием, подлежал эвакуации через Сибирь на западный фронт, во Францию, сохраняя свою организацию и оружие. Когда чешские эшелоны растянулись по сибирской магистрали от Пензы до Иркутска, чешским командованием был дан приказ о «восстании». Захватившие Пензу чешские отряды были вытеснены в Самару после трехдневного боя. Одновременно чехами были захвачены Златоуст, Уфа, Самара, Челябинск, Иркутск и другие города по пути следования. В этот момент на Волге и в Сибири Советы не имели достаточно воинских сил. Опираясь на наемные чехо-словацкие штыки, правые эс-эры, при энергичном содействии Антанты, создали в Самаре «орган всероссийской демократической власти» — Комитет членов Учредительного Собрания, и приступили к организации «народной армии». Восстание было поддержано буржуазной и деревенским кулачеством, которое было недовольно хлебной монополией, но которое к осени уже вновь склонилось на сторону Советской власти, вследствие далеко зашедшей буржуазно-помещичьей реакции в захваченных контр-революцией областях. Чехо-словакам и Самарской учредилке удалось летом 1918 г. захватить Урал и Поволжье, вплоть до Казани, в которой чехо-словаками и «народной армией» при участии Бориса Савинкова (см. том XIV, прим. 197) была произведена поголовная резня коммунистов и массовые расстрелы рабочих. Лево-эсэровский мятеж в Москве 6 июля и измена главнокомандующего фронтом Муравьева, открывшего чехо-словакам фронт, немало способствовали первоначальным успехам мятежа. Однако уже в конце лета Казань была занята Красной армией, и Волга постепенно очищена от захватчиков. Самарский Комитет членов Учредительного Собрания не мог справиться с им же созданной реакцией и принужден был отступить перед так называемой «директорией» (Авксентьев, Вологодский, Зензинов, ген. Болдырев и др.), созданной на Уфимском «Государственном совещании». Директория вскоре была разогнана ее военным министром, адмиралом Колчаком, которого к этому моменту Антанта предпочла социалистам-революционерам и которого она поспешила признать верховным правителем. Социалисты-революционеры после арестов, частью с согласия Колчака, выехали за границу (Авксентьев, Зензинов), частью (деятели Самарского Комитета) предпочли возвратиться в Советскую Россию и составили группу «меньшинства партии правых социалистов-революционеров» (Вольский, Буревой, Ракитников, Святицкий и др.), издававшую в Москве свой периодический орган «Народ».

Борьба с Колчаком продолжалась до 1919 г.

¹⁴⁰⁾ IV конференция фабзавкомов и профсоюзов Москвы состоялась 27 июня — 2 июля 1918 года. Присутствовало 380 делегатов, из которых было: 246 коммунистов, 15 меньшевиков, 8 правых эс-эров, 7 интернационалистов, 75 беспартийных, остальные остались невыясненными. Главными вопросами порядка дня были: продовольственный вопрос, всеобщее военное обучение и мобилизация, трудовая дисциплина, биржа труда и пр.

¹⁴¹⁾ *Одной из главных целей оккупации Украины немцами являлось пополнение скудных продовольственных запасов германской коалиции. Рада, получив поддержку германских штыков против Советов, обязалась снабжать Германию хлебом, но, не обладая реальной властью в деревне, не могла выполнить своих обязательств. Немецкое командование принуждено было прибегнуть к посылке военных отрядов и системе реквизиции. Результатом этой политики явилось крестьянское повстанческое движение (махновщина в своем первом периоде). Несмотря на все усилия, хлеба с Украины удалось перекачать в Германию ничтожное количество. Провозглашение «твердой» власти не помогло, ибо Скоропадский еще более нуждался в иностранной военной поддержке, чем Винниченко, Петлюра и Голубович из Украинской Рады.*

¹⁴²⁾ *Ряд белогвардейских заговоров и кулацких восстаний имел место летом 1918 года. Белогвардейцам удалось на время захватить Ярославль, в то время как их попытки выступить в Рыбинске и др. городах верхней Волги были вовремя подавлены. Чехо-словаки на несколько дней завладели Пензой, но были вытеснены оттуда местными советскими силами. Была попытка заговора в Саратове. «Союзные» миссии в России вступили в сношения с белогвардейскими организациями, всячески их поддерживая, иногда пытались организовать мятежи и собственными силами, пробую действовать подкупом на командный состав воинских частей, верных революции (неудавшаяся попытка подкупить латышей), не отказывались они также от взрыва мостов, пороховых погребов и продовольственных складов (дело Локкарта и др.).*

В Тамбовской, отчасти Рязанской и некоторых уездах других губерний выхивали кулацкие восстания, возглавляемые бывшими офицерами и правыми эс-ерами, агитировавшими среди зажиточной части крестьянства против хлебной монополии. Эти восстания всюду встречали энергичное противодействие деревенской бедноты, организованной в комитеты («комбеды»), и городских рабочих. Контр-революции удавалось организоваться только там, где она оказывалась под защитой иностранных штыков (немцев — на Украине, на Дону и в Финляндии; турок — на Кавказе; чехо-словаков — на Волге и в Сибири; японцев — на Дальнем Востоке; англичан — на севере, в Красноводске и Баку и пр.).

¹⁴³⁾ *Падерин — с.-д.-интернационалист, позднее член РКП, деятель профессионального движения*

¹⁴⁴⁾ *9 января 1905 года считается началом первой русской революции. Возникшая на Путиловском заводе экономическая забастовка постепенно разрослась во всеобщую стачку петербургских рабочих, принявшую политический характер. Во главе движения стал зубатовец, священник Гапон. Начальник Московского охранного отделения, бывший революционер Зубатов, желая отвлечь рабочих от политической борьбы, пытался создать экономические рабочие организации и захватить их руководство в свои руки («полицейский социализм»). Движение, первоначально возглавляемое зубатовцами, переросло полицейские рамки и получило революционный характер (Одесса, Минск, отчасти Москва). То же самое случилось и в Петербурге. В петицию царю, выработанную Гапоном, под давлением петербургских пролетариев, пришлось ввести такие требования, как восьмичасовой рабочий день, четырехчленная избирательная формула, гражданские свободы и прекращение войны с Японией. Гапон предложил всей массой итти к Зимнему Дворцу и подать петицию царю. Были собраны сотни тысяч подписей. Рабочие слепо верили Гапону. Речи с.-д., доказывавших неизбежность расстрела, прерывались слушателями. 9 января*

от всех застав рабочие двинулись к дворцу, но были встречены залпами войск и сабельными ударами конницы. Пострадавших насчитывалось свыше 3.000 человек. Сам Гапон, шедший в священническом облачении во главе крестного хода, попав под залп, был спасен преданными ему рабочими. В этот день были расстреляны остатки слепой народной веры в царя. По всей России пронеслась волна политических стачек, послуживших прологом к октябрьской всеобщей забастовке 1905 года. Гапон эмигрировал за границу, где завязал связи с социалистами-революционерами. Возвратившись в 1907 г. в Россию, вступил в сношения с департаментом полиции, вследствие чего был убит эс-эром Рутенбергом, бывшим гапоновцем, действовавшим по постановлению эс-эровского ЦК. Последний, однако, не решился признать убийство Гапона партийным актом (сравни разоблачения Семенова-Васильева о террористической деятельности П.С.-Р. в 1918 году и шатаниях эс-эровского ЦК).

¹⁴⁵⁾ *Клара Цеткин* родилась в 1856 г., вошла в немецкую с.-д. партию в годы исключительного закона против социалистов и скоро заняла выдающееся положение. В период развития ревизионистских идей принимала энергичное участие в борьбе левого крыла против Бернштейна. Когда, незадолго до начала империалистической войны, наметилось в германской партии левое крыло, примкнула к последнему и работала в тесном сотрудничестве с Розой Люксембург и Фр. Мерингом. Во время войны, будучи редактором газеты «Gleichheit» («Равенство») Ц. боролась против шейдемановцев и социал-патриотов, позднее примкнула к коммунистическому союзу «Спартак» и вместе с последним вошла в Герман. Объедин. Коммун. Партию и ее ЦК. На третьем конгрессе Коммун. Интернационала выбрана в Исполнительный Комитет и является одним из авторитетнейших вождей мирового коммунистического движения.

¹⁴⁶⁾ *Мак-Лин* — см. том XIV, прим. 211.

¹⁴⁷⁾ *М. М. Литвинов* в начале девятисотых годов работал в качестве агента «Искры», по преимуществу, на юге России. В 1903 году бежал из Киевской тюрьмы («побег одиннадцати»). После раскола партии примкнул к большевикам. В 1905 г. участвовал на III съезде Р. С.-Д. Р. П. от Рижской организации. В «период свобод» руководил технической стороной издания большевистской «Новой Жизни», легальной петербургской газеты. Вынужденный эмигрировать в годы реакции, долго прожил в Англии, где принимал активное участие в рабочем движении. В настоящее время является одним из ответственных руководителей Наркоминдел.

¹⁴⁸⁾ *Раскольников* (Ф. Ф. Ильин), партийный подпольный работник, в годы империалистической войны был мобилизован и состоял офицером флота, был арестован правительством Керенского в июльские дни 1917 года за руководство выступлением кронштадтских матросов, деятель Октябрьской революции в Петербурге, позднее один из вождей красного флота, очистивший Волгу и Каспийское море от белогвардейских судов и заставивший англичан эвакуироваться из персидского порта Энзели. Полномочный представитель СССР в Афганистане.

¹⁴⁹⁾ *Резолюция о деревенской бедноте* на четвертой конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов г. Москвы была составлена и предложена Лениным. Конференция приняла ее подавляющим большинством против голосов меньшевиков и эс-эров.

¹⁵⁰⁾ *Тридцатилетняя война* (1618—1648 г.г.) была вызвана отчасти религиозными причинами (борьба католичества с реформацией), отчасти политическими (борьба за преобладание в Германии и на берегах Балтийского моря). Войну

делят на четыре периода: чешско-пфальцский, нижнесаксонско-датский, шведский, французско-шведский. В течение всей войны Германия подвергалась неоднократному нашествию неприятельских войск и разграблению. После Вестфальского мира, положившего окончание войне, Германия оказалась надолго разоренной и обезлюженной. Население Вюртемберга уменьшилось с 400 тысяч человек до 48 тысяч; население Баварии уменьшилось в 10 раз. Культура упала, поля оставались невозделанными, наблюдались случаи людоедства; развитие Германии на много десятилетий отстало от соседних стран.

¹⁵¹⁾ «Записки врача» Вересаева — беллетристическое произведение, посвященное сомнениям и колебаниям молодого врача-практика. Одна из тем «Записок» — противоречия физиологической организации человека и несовершенная приспособленность его органов к условиям существования и культуры, одним из многих примеров чего является болезненность процесса родов.

¹⁵²⁾ V съезд Советов происходил 4—10 июля 1918 г. в Москве. На съезде присутствовало 1.164 депутата, из них 66% большевиков; почти вся остальная масса депутатов принадлежала к левым эс-эрам. С самого начала съезда чувствовалась тревожная атмосфера и попытки противопоставить лево-эс-эровских крестьян большевикам. В первый день съезда Камков выдвинул заведомо ложное обвинение, заявив, что большевики искусственно увеличили свое представительство. Лево-эс-эровский делегат с Украины, оккупированной немцами, в демагогической речи призывал рабочих и крестьян России возобновить войну с Германией, но встретил отпор от украинца Скрынника, заявившего, что украинские рабочие, терпя величайшую тяжесть оккупации и скоропадчины, понимают, что только развитие революции в Германии приобщит их к Советской федерации. Речь Троцкого о необходимости дисциплинирования пограничных партизанских отрядов, произведших повальный обыск членов Советской миссии, ехавших на Украину, и своими стычками с немцами на нейтральной полосе угрожавших срывом мирного договора, была встречена свистом левых эс-эров, составлявших третью часть всего съезда. Камков в своей речи призывал партизанские отряды не подчиняться революционной дисциплине и поддерживать столкновения с германцами. Когда же съезд принял резолюцию по этому вопросу, предложенную Троцким, эс-эры демонстративно покинули заседание.

На другой день в своем двухчасовом докладе, от имени крестьянской секции ВЦИК Спиридонова упрекала большевиков в игнорировании интересов крестьянства, приведя ложные факты, документально опровергнутые Лениным, и совершенно ложно утверждала, что Совнарком тайно от народа отправляет золото, хлеб и мануфактуру в Германию. Провоцируемые лево-эс-эровским ЦК, рядовые лево-эс-эровские депутаты неоднократно прерывали шумом речь Ленина, мешая ему говорить, что вызывало необходимость вмешательства председателя Свердлова.

7 июля левые эс-эры Блюмкин и Андреев явились в особняк в Денежном переулке, занимаемый германским посольством, добились личного свидания с германским послом гр. Мирбахом, бросили в него бомбу, убили и скрылись в отряд ВЧК, находившийся под командой левого эс-эра Попова и расположенный в Трехсвятительском переулке, куда одновременно перекочевал весь лево-эс-эровский ЦК. Явившийся туда для ареста убийц председатель ВЧК Дзержинский сам подвергся аресту. Одновременно отряд Попова разослал по ближайшим к нему улицам патрули, которые арестовали председателя Московского Совета Смидовича, даркома почт и телеграфа Подбельского, члена коллегии ВЧК Лациса

и др., захватили почту и телеграф. Лево-эс-эровский ЦК разослал по России и на чехо-словацкий фронт сообщение о восстании в Москве, призывая к войне с Германией. Вследствие предпринятых левыми эс-эрами военных действий, Совет Народных Комиссаров открыл, в свою очередь, военные действия против отряда Попова, насчитывавшего около 2.000 человек пехоты, 8 орудий и броневик. 8 июля утром Трехсвятытельский переулоч был окружен со всех сторон и подвергнут артиллерийскому обстрелу. Эс-эры пытались ответить обстрелом Кремля; несколько снарядов попало на его двор. После недолгого сопротивления отряд Попова отступил и бросился по Владимирскому шоссе, где вскоре рассеялся. В плен было взято около 300 человек.

Эс-эровская провокация нигде не встретила поддержки. Московские рабочие дружно поддерживали Совет Народных Комиссаров и V съезд Советов. Направлявшиеся к Москве из Петербурга мелкие отряды в несколько десятков человек и отряд с западного фронта в 300 человек были задержаны в дороге. Отдельные, организованные левыми эс-эрами отряды в Петербурге были разоружены без труда. С отрядом, расквартированным в помещении Пажеского корпуса, произошла небольшая перестрелка, повлекшая за собой несколько жертв.

Главнокомандующий чехо-словацким фронтом на Волге, левый эс-эр Муравьев, получив телеграмму своего ЦК, отдал приказ войскам о движении на Москву и войне с Германией, чем дезорганизовал красные войска и открыл чехо-словацкий фронт; неподдержанный, однако, фронтом, принужден был застрелиться. Измена Муравьева и смятение на фронте ухудшили положение Красной армии и увеличили ее жертвы в борьбе с чехо-словаками.

Германия, в которой уже начинала чувствоваться развивавшаяся революция, на войну с Советской Россией не пошла и, после неудачной попытки добиться ввода своего батальона для охраны посольства, ограничилась переводом посольства из Москвы в Псков, оккупированный ею.

После июльской авантюры, организованной лево-эс-эровским ЦК, партия левых эс-эров разложилась. Часть образовала новую партию «народных коммунистов» (Закс, Рославец, Устинов и др.), которая после новых расколов в большинстве вошла в РКП. Активистская часть левых эс-эров ушла в подполье, превратившись в партию саботажа и контр-революции, спустившись до анархических покушений на большевистских деятелей и рабочих (взрыв Московского Комитета РКП в сентябре 1919 г., организованный лево-эс-эровским цекистом Черепановым вместе с «анархистами подполья»). Левые эс-эры, объединенные ЦК, входят в 2^{1/2}-й соглашательский Интернационал (Шрейдер).

V съезд Советов, вынужденный вследствие мятежа прервать на два дня занятия, возобновив 9 июля свои заседания, рассмотрел вопрос об организации Красной армии и утвердил Советскую конституцию.

¹⁵³⁾ *«Предыдущая речь возбужденного оратора»* принадлежала Спиридоновой, получившей слово для доклада от имепи крестьянского отдела ВЦИК.

М. А. Спиридонова — см. том XIV, прим. 223.

¹⁵⁴⁾ 26 октября 1917 г. во время II съезда Советов, организовавшего Советскую власть, левым эс-эрам было предложено войти в правительство. Они отказались. настаивая на коалиционном составе Совета Народных Комиссаров, вследствие чего последовали переговоры с меньшевиками и правыми эс-эрами в «Викжеле» (см. прим. 18).

В Совет Народных Комиссаров левые эс-эры (Калегает, Штейнберг, Спиридонова, Прошьян) вошли только в ноябре, когда выяснилась полная победа

оветской власти в крупнейших центрах страны и на фронтах и когда невозможность «социалистической» коалиции стала очевидной. После подписания Брестского договора левые эс-эры вышли в отставку.

¹⁵⁵⁾ *«Трудовое Крестьянство»* — лево-эс-эровская газета, издававшаяся в Москве в 1918 г.

¹⁵⁶⁾ *Резолюция ВЦИК от 29 апреля 1918 года* была принята по докладу Н. Ленина об «Очередных задачах Советской власти» (см. 179 стр.) и воспроизводила главные положения доклада.

¹⁵⁷⁾ *Комитеты бедноты*, «комбеды», были учреждены декретом ВЦИК весной 1918 с целью расслоения деревни, борьбы с кулаками, защиты хлебной монополии и проведения пролетарской диктатуры. Они сыграли крупную роль в развитии революции, освободив беднейшие и средние слои деревни от гнета кулачества. Комбеды были уничтожены постановлением VI съезда Советов в ноябре 1918 г. и заменены сельскими и волостными советами, избираемыми всем населением, не эксплуатирующим чужого труда.

¹⁵⁸⁾ *Франц Меринг* (1846—1919 г.г.) родился в прусской буржуазной семье и получил буржуазное воспитание. В начале своей публицистической деятельности вел борьбу с немецкими социал-демократами; однако, будучи либеральным демократом, протестовал в 1871 г. против аннексии Эльзаса и Лотарингии; в эпоху «исключительного закона» боролся против последнего. В конце 80-х годов М. примкнул к с.-д. партии, сразу заняв в ней выдающееся положение. В 90-х годах вместе с К. Каутским энергично выступил против ревизионистов. Годы литературного расцвета М. совпали с его работой в «Лейпцигской Народной Газете», которую он вскоре поднял на первое место в мировой социалистической прессе. Позднее совместно с Каутским М. редактировал теоретический орган «*Neue Zeit*». По мере того как в Каутском начали проявляться первые колебания, М. порвал с ним и, войдя в «лево-радикальную группу» (Р. Люксембург, К. Цеткин, позднее К. Либкнехт), объявил войну каутскианству (вопросы о всеобщей стачке, антимиитаризме, «парламентском кретинизме», участии с.-д. в буржуазной прессе и пр.). С самого начала империалистической войны М. без колебания солидаризировался с К. Либкнехтом, 4 августа 1914 г. голосовавшим в рейхстаге против военных кредитов. Вместе с Р. Люксембург и К. Цеткин М. выпустил манифест, приветствуя английский пролетариат и рабочих других стран. За редактирование журнала «*Интернационал*», боровшегося с социал-патриотическим угаром, семидесятилетний М. после первого же номера был заключен в тюрьму, по выходе из которой он примкнул к группе «Спартак» и сотрудничал в ее нелегальном органе, будучи одним из главных теоретиков и руководителей группы. После победы пролетарской революции в России приветствовал первую победу пролетариата; после Брестского поражения России написал статью, в которой санкционировал тактику русских большевиков, вынужденных подписать договор, и пророчески предсказал близость германской революции; в период борьбы с чехо-словаками и эс-эрами из Самарской учредилки признал необходимость применения террористических методов. С образованием германской коммунистической партии М. вошел в ее ряды.

Главнейшие научные и публицистические труды Ф. Меринга: «История германской с.-д.», биография К. Маркса, ряд историко-критических работ по немецкой литературе («Легенда о Лессинге», о Шиллере и др.), ряд блестящих политических памфлетов против Штекера, Евгения Рихтера и пр.

¹⁵⁹⁾ *Константин Ладзари* — см. том XIV, прим. 71.

¹⁶⁰⁾ *Международная социалистическая конференция в Циммервальде* 9—12 сентября 1915 года — см. том XIV, прим. 61.

¹⁶¹⁾ *Требование германского правительства* о пропуске батальона немецких солдат в Москву для охраны посольства было вызвано убийством левыми эсэрами германского посла графа Мирбаха (прим. 152). ВЦИК одобрил действия народного комиссариата иностранных дел, категорически отклонившего германские требования. Несколько недель Советская Россия была на волосок от новой войны с Германией, пока не выяснилось, что последняя, отчасти под давлением немецких рабочих, отчасти вследствие напряженных боев на западном фронте, принуждена отказаться от нападения. Однако германское посольство объявило, что оно подвергается опасности, оставаясь в Москве, и перенесло свое пребывание в пределы германской оккупации (Псков).

¹⁶²⁾ *Весною 1918 г.*, под предлогом борьбы с Германией и защиты России от вторжения в нее немецких войск, Антанта решила создать внутри России противобольшевистский гражданский фронт. Незадолго до начала чехо-словацкого мятежа на Волге, при содействии эсэров, были высажены англичанами десанты сначала на Мурмане, потом в Архангельске. В состав десантной армии, кроме англичан, входили французы, сербы и российские белогвардейцы. Постепенно создавался северный фронт, на западе упиравшийся в границы белой Финляндии, на линии Мурманской железной дороги, спускавшийся почти до Петрозаводска и восточнее охватывавший северную часть Вологодской губернии. В Архангельске было организовано «правительство» во главе с бывшим народником Чайковским (см. прим. 177—XIV тома). На Северную Двину англичане двинули свои канонерки для захвата Вологды и соединения с захватившими Ярославль белогвардейцами (см. прим. 165), но были разбиты красной флотилией в речном бою. С ликвидацией ярославского мятежа, северный фронт потерял свое первенствующее значение, но в течение почти двух лет отвлекал силы Красной армии от других белогвардейских фронтов и в момент наибольших успехов Колчака грозил постоянной опасностью соединения (через Вологду и Вятку) с восточным фронтом и перенесения коммуникационной линии последнего с Владивостока на Архангельск. Получив серьезный отпор и убедившись в трудности поставленных задач, англичане принуждены были, под давлением Красной армии, эвакуировать свои войска, подвергшиеся значительному разложению. В конце 1919 года Архангельск и Мурманск были возвращены, и созданное англичанами правительство бежало на английском миноносце.

¹⁶³⁾ *Казачьи области на юго-востоке России*, Дон, Кубань и Терек, с начала революции служили оплотом контр-революционных сил. Советская власть утвердилась прочно на Кубани 14 марта 1918 г., когда красными войсками, опиравшимися на Северный Кавказ, был занят Екатеринодар. Вытесненный из Ростова Корнилов тщетно пытался занять его, но потерпел поражение и был убит во время штурма города 18 апреля. Оккупация немцами Украины и юго-востока укрепила контр-революционные силы, вследствие чего Краснову удалось захватить 24 июля Екатеринодар и сделать его белогвардейским центром. Рабочие Екатеринодара и крестьяне («иногородние»), героически боровшиеся в течение нескольких месяцев с «добровольческой армией» и казаками, будучи отрезаны германскими войсками от связи с Советской Россией, были подавлены превосхождением сил противника. К концу 1918 г. белогвардейцам удалось распространить свою власть на весь Северный Кавказ и Дон, дойдя до Царицына и подвергнув его осаде. Однако захватить красный Царицын удалось только летом 1919 г.

Борьба на южном фронте продолжалась до весны 1920 г., когда загнанный Красной армией на Кубань Деникин принужден был эвакуировать свои войска из Новороссийска и Сочи в Крым, передав главное командование барону Врангелю.

¹⁶⁴⁾ *Объявившая себя самостоятельной Грузия* первоначально не признала Брестского договора, по которому переходили к Турции черноморский порт Батум и бассейн р. Чороха. Турки перешли границу и последовательно оккупировали Грузию, Армению и Азербейджан угрожая самому Баку, в котором управлял Совет, опиравшийся на блок большевиков и дашнакцутюнов (армянские националисты с мнимо-социалистической идеологией). Англичане, вслед за эвакуировавшей северную Персию старой русской армией, проникшие на южный берег Каспийского моря, предложили через Бичерахова свою помощь Бакинскому Совету против турок. В пользу английского предложения в Совете составилось большинство в 30 голосов из дашнаков, правых эс-эров и меньшевиков. В Баку были допущены отряды англичан и бичераховцев, произведших погром большевиков. Помощь оказалась бесполезной, английский отряд оказался слишком малочисленным и был принужден через несколько дней эвакуироваться в Красноводск на Туркестанском берегу, захватив с собой русские торговые суда, стоявшие в Бакинском порту. Баку был оккупирован турецкой армией. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и крушение средне-европейской коалиции заставило турок эвакуировать Закавказье. Сорганизовавшееся в Баку муссаватистское правительство (муссаватисты — буржуазно-помещичья партия Азербейджана), отгороженное от Советской России рядом белогвардейских фронтов, при содействии возвратившихся англичан, сохранило свое существование до мая 1920 г., когда накануне вступления в Баку разгромившей Деникина Красной армии было сметено бакинскими рабочими, создавшими Азербейджанскую советскую республику.

¹⁶⁵⁾ *Ярославское восстание*, летом 1918 года, было подготовлено «союзными» миссиями, переселившимися из Москвы в Вологду, и организовано Б. Савиновым. Офицеры, служившие в качестве спецов в ярославских советских учреждениях и воинских частях, опираясь на буржуазную часть населения, захватили внезапно центральную часть города, произвели массовые избиения коммунистов и рабочих и укрепились. Город был окружен кольцом красных войск и после двухнедельных боев очищен от белогвардейцев. Организаторы мятежа, во главе с полковником Перхуровым, бежали на пароходе. Часть белогвардейского офицерства добровольно «сдалась в плен» германским военнопленным, находившимся в Ярославле после империалистической войны. Ярославский мятеж одновременно с неудавшимися мятежами в других городах, расположенных по верхней Волге (Рыбинск, Муром и др.), был организован с целью создать соединительное звено между северным (см. прим. 162) и чехословацким восточным (см. прим. 139) фронтами и базировать чехов на Архангельск

¹⁶⁶⁾ *Война за освобождение Америки* (1775—1783 г.г) началась восстанием части английских колонистов Сев. Америки против метрополии. Повстанцы сумели использовать вековое соперничество Англии и Франции и привлекли на свою сторону последнюю. Франция сначала оказывала помощь Америке посылкой волонтеров (Лафайет), деньгами и оружием, но уже в 1778 г. объявила войну Англии. В 1779 г. последовало вмешательство Испании. В 1783 г. Англия по мирному договору была вынуждена признать независимость Соед. Штатов

Северной Америки. 4 марта 1789 г. организатор борьбы за независимость Вашингтон был избран первым президентом Соедин. Штатов.

¹⁶⁷⁾ *Испано-американская война 1898 г.* — типичная империалистическая война была начата Соедин. Штатами с целью захвата испанских колоний в Америке — островов Кубы и Филиппин и окончилась полным разгромом отсталой Испании и присоединением к Соединенным Штатам обеих колоний.

¹⁶⁸⁾ *Жак Садуль* (род. в 1881 г.) происходит из социалистич. семьи (мать — участница Коммуны), очень рано вступил во француз. социал. партию, состоял адвокатом в Париже. Будучи мобилизован во время войны, С. в качестве сотрудника А. Тома, министра снабжения, ведал сношениями с профес. организациями. В сентябре 1917 г. Тома откомандировал его во французскую миссию в Россию, в целях информации о русской революции. Уже вскоре после 25 октября С. успел выяснить положение в России и перешел на сторону пролетариата, оказывая ценные услуги Советской власти. Резкий отзыв Ленина о С. является результатом недостаточного в то время знакомства с ним. Перехваченные ВЧК донесения С. французскому правительству подтвердили его ранний и вполне искренний переход на сторону коммунизма, и Ленин через несколько дней признал свою ошибку. К сентябрю 1918 г. С. разорвал последние связи с французской миссией и выступил в качестве активного коммуниста. В марте 1919 г. он участвовал в качестве представителя Франции на первом конгрессе Коммунистического Интернационала. В течение того же 1919 г. С. трижды заочно приговорен французскими и антантовскими военными судами к смертной казни за государственную измену и пропаганду среди французских моряков (военные суды в Аккермане, Константинополе и Париже).

¹⁶⁹⁾ *Гражданская война в Сев. Америке (1861—1865 г.г.)* была вызвана экономическими причинами. Северные и западные промышленные штаты не могли примириться с гегемонией южных земледельческих штатов, сохранивших рабовладение. Северо-американская федерация распалась на два враждебных лагеря. Первоначально успех был на стороне юга, однако вследствие своего промышленного перевеса в дальнейшей борьбе победил север, разгромивший войска южан. 1 февраля 1865 г. конгресс отменил рабство, освободив негров. Гражданская война в Америке расчистила почву для капиталистического развития, ликвидировав пережитки феодализма, и выполнила ту же роль для Соед. Штатов, которую революция 1848 г. сыграла в Западн. Европе.

¹⁷⁰⁾ *Ев. Дебо* — член американской социалистической партии и один из основателей социалистического движения в Америке, по профессии кочегар. В 80-х годах Д. организовал союз кочегаров, позднее — союз железнодорожных рабочих. В 1895 г. железнодорожный союз, руководивший стачкой, был разбит, и Д. заключен в тюрьму, где он сделался с.-д. Д. является самым популярным социалист. деятелем среди американского пролетариата, и его кандидатура неоднократно выставлялась на президентских выборах. В годы империалистической войны Д. остался верен Интернационалу и энергично боролся против вступления Соедин. Штатов в войну, вследствие чего в 1917 г. был присужден к 20 годам каторжных работ, но по отбытии нескольких лет заключения амнистирован. С образованием в Америке коммунистической партии Д. не вошел, однако, в последнюю.

¹⁷¹⁾ *Статья «О характере наших газет»* написана Н. Лениным во время болезни, вследствие ранения 30 августа 1918 г. Каплан, членом боевой дружины П. С.-Р.

¹⁷²⁾ *Письмо Н. Ленина о развертывающейся германской революции*, адресованное ВЦИК, было оглашено на заседании 4 октября 1918 г. Н. Ленин, еще не оправившийся от ран, не мог лично присутствовать на заседании ВЦИК и поэтому был вынужден прибегнуть к форме краткого письменного заявления. Впервые он смог выступить публично с большой речью 22 октября 1918 г. на заседании ВЦИК на ту же тему о германской и международной революции.

¹⁷³⁾ *Ноябрьская революция 1918 г. в Германии* была подготовлена всем ходом капиталистического развития страны и ускорена империалистической войной и примером русских рабочих. К. Либкнехт вместе с Р. Люксембург и Ф. Мерингом еще осенью 1914 г. призывали немецких рабочих и солдат обратить штыки против собственной буржуазии. Первыми проявлениями массового революционного движения в Германии следует считать Кильское восстание осенью 1917 г. и январскую стачку 1918 г., близкую ко всеобщей, возникшую как отклик на декларацию русской делегации в Брест-Литовске. Последовавшая оккупация Украины не облегчила тяжелого продовольственного положения масс. Требование мира стало всеобщим народным требованием. Под влиянием разраставшегося революционного движения в октябре 1918 г. Вильгельм принужден был назначить новое министерство с участием с.-д. шейдемановцев. 1 ноября началось восстание во флоте, в крепости Киле, к 5 ноября движение перекинулось в Берлин и другие города, вылившись в форму, по преимуществу, всеобщей забастовки и уличных демонстраций. 9 ноября Вильгельм был принужден подписать отречение и бежал в Голландию. Попытка Шейдемана и Эберта увести рабочих с революционного пути на путь соглашения с монархией потерпела поражение. 9 ноября Карл Либкнехт во главе восставших рабочих и солдат провозгласил *Социалистическую Республику* с балкона императорского дворца. Организационным центром движения служил *Совет революционных уполномоченных крупных заводов*, вскоре конструировавшийся как *Берлинский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов*. Ноябрьская революция поставила у власти *Совет народных уполномоченных* в составе трех шейдемановцев (Шейдеман, Фр. Эберт, Ландсберг) и трех независимых (Гаазе, Диттман, Барт). К. Либкнехт отказался войти в правительство вместе с шейдемановцами. Общегерманский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (17—25 декабря) в Берлине доставил победу с.-д. правого крыла, вследствие чего независимые 28 декабря вышли из Совета уполномоченных. Январское восстание 1919 г. берлинских рабочих закончилось их поражением и кровавыми репрессиями. К. Либкнехт и Р. Люксембург были убиты офицерами при молчаливом попустительстве шейдемановцев. Напуганная призраком социальной революции мелкая буржуазия бросилась в объятия реакции и на выборах в Национальное Собрание 17 января обеспечила большинство за буржуазными партиями. Продолжавшаяся революционная борьба пролетариата, выдающимися событиями которой являются февральское восстание в Берлине и победа Советской революции в Баварии, была задушена в пролетарской крови военным министром с.-д. большинства Носке. Последовавшее вскоре подписание разбойничьего Версальского договора и оккупация французскими войсками левого берега Рейна затруднили дальнейшую борьбу германского пролетариата, который потерпел в 1919 г. временное поражение, но до настоящего времени не складывает оружия.

¹⁷⁴⁾ *Хендерсон* — см. том XIV, прим. 215.

¹⁷⁵⁾ *Сидней и Беатриса Уэбб* — см. том XIV, прим. 318.

¹⁷⁶⁾ *Альбер Тома* — см. том XIV, прим. 140.

¹⁷⁷⁾ *П. Ренодель* — см. том XIV, прим. 37.

¹⁷⁸⁾ *Отто Бауэр* — см. том XIV, прим. 20.

¹⁷⁹⁾ *Рамсей Макдональд* — см. том XIV, прим. 52.

¹⁸⁰⁾ *Эдуард Бернштейн* — см. том XIV, прим. 180

¹⁸¹⁾ *П. П. Маслов* — см. том XIV, прим. 335.

¹⁸²⁾ *А. Потресов* (Старовер) — см. том XIV, прим. 222.

¹⁸³⁾ *Эд. Давид* — см. том XIV, прим. 5.

¹⁸⁴⁾ *Кольб* — немецкий с.-д. правого крыла.

¹⁸⁵⁾ *Фабианское общество* — см. том XIV, прим. 294.

¹⁸⁶⁾ *Дан* — см. том XIV, прим. 159.

¹⁸⁷⁾ *Дело Дрейфуса* возникло в 1894 г. и тянулось в течение нескольких лет. Офицер французского генерального штаба Дрейфус, еврей, был осужден за государственную измену и шпионство. Антисемиты воспользовались делом Д. для усиления своей пропаганды. Националисты и монархисты развернули свою агитацию и подготавливали государственный переворот. Вскоре, однако, для многих стала очевидной невинность Дрейфуса, осужденного на основании подложных, сфабрикованных в генеральном штабе документов. Радикальные и социалистические круги подняли агитацию в пользу пересмотра дела Дрейфуса. Особенно горячее участие в ней приняли Золя, Жорес и Клемансо. Реакция сопротивлялась всеми средствами, но была сломлена. После ряда процессов, вызванных делом Дрейфуса, последний был помилован президентом, а позднее суд установил его невинность.

¹⁸⁸⁾ *Лонге* — см. том XIV, прим. 48.

¹⁸⁹⁾ *Независимая рабочая партия* — см. том XIV, примеч. 52.

¹⁹⁰⁾ *Турати* — см. том XIV, прим. 54.

¹⁹¹⁾ *Г. Эрве* — французский анархо-социалист, до войны принадлежал к «крайнему левому» крылу, проповедуя антимиитаризм и апатриотизм, издавал газету «*La guerre sociale*» («Социальная война»); в момент объявления войны стал крайним социал-патриотом, отстаивая полный разгром Германии и переименовал свой орган «*La Victoire*» («Победа»). Ярый враг Советской России после Октябрьской революции, ближайший единомышленник Бурцева в «русском вопросе».

¹⁹²⁾ *Г. Зинovieв и Н. Ленин, «Против течения*», сборник статей из «Социал-Демократа» «Коммуниста» и «Сборника Социал-Демократа» (большевистских заграничных изданий периода империалистской войны). Издание Петерб. Совета Р. и С. Д. 1918 г. Статьи указанного периода вошли в XIII том «Собрания сочинений».

¹⁹³⁾ *П. Б. Струве* — с.-д. с 90-х годов прошлого столетия, один из авторов «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.» (1898 г.), представитель «легального марксизма», особого течения в русской с.-д. ревизионистского оттенка. «Легальный марксизм» получил свое название вследствие того, что его представители (Струве, Булгаков, Бердяев и др.) выступали в легальных «толстых» журналах («Новое Слово» и др.). Необходимость пользоваться «эзоповским» языком и невозможность в подцензурной печати отчетливо ставить вопросы сделали на короткий срок «легальных марксистов» сотрудниками подпольных революционных с.-д. Однако Струве очень рано был разоблачен Лениным (см. «Собрание сочинений», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве»). Историческая роль «легальных марксистов» свелась к тому, что они использовали метод Маркса в борьбе против народнической идеологии, господствовав-

шей в то время среди русской интеллигенции, в целях укрепления буржуазного мировоззрения. Струве в начале 900-х годов окончательно отошел от марксизма и издавал в Штуттгарте журнал «Освобождение», вокруг которого сложился «Союз Освобождения», нелегальная либеральная организация, имевшая по преимуществу влияние в земских и профессорских кругах и послужившая позднее ядром кадетской партии. С созданием последней Струве вошел в ее ЦК. В период гражданской войны С. принимал участие в правительстве ген. Деникина («Особое Собрание»), после поражения белогвардейцев бежал за границу и возобновил в Софии издание ежемесячного журнала «Русская мысль», органа, объединяющего право-кадетские круги с октябристами и монархистами.

¹⁹⁴⁾ Л. Брентано (род в 1844 г.), — немецкий политико-эконом, состоял профессором политических наук в Бреславле, катедер-социалист, сторонник примирения классовых интересов, один из инициаторов «Союза социальной политики», ученого общества представителей «социально-этической школы» в эконо. науке, основанного в 1872 г. в Эйзенахе.

¹⁹⁵⁾ Г. В. Плеханов (1855—1918 г.г.) — см. том XIV, прим. 193. В указанном примечании XIV тома неверно обозначен год рождения; следует исправить: родился в 1855 г.

¹⁹⁶⁾ Н. Ленин *«Империализм как новейший этап капитализма»*. Петербург 1917 г. Книга была написана Лениным в 1915 г. в Цюрихе и предназначалась первоначально для подцензурного издания в царистской России, чем объясняется «осторожность» изложения и чисто теоретическая постановка вопроса. «Империализм» входит в XIII том «Собрания сочинений».

¹⁹⁷⁾ Луи Блан — см. том XIV, прим. 25.

¹⁹⁸⁾ Социал-демократическая партия во Франции в 40-х годах прошлого столетия — см. том XIV, прим. 181.

¹⁹⁹⁾ Роза Люксембург — см. том XIV, прим. 64.

²⁰⁰⁾ 4 августа 1914 г. германская с.-д. фракция голосовала в рейхстаге за военные кредиты. Против — голосовали только два ее члена. Карл Либкнехт и Отто Рюлле.

²⁰¹⁾ Вильгельм Вейтлинг (1806—1871 г.г.) — предшественник марксовского коммунизма. Будучи портновским подмастерьем, явился организатором немецких рабочих и пропагандистом коммунизма в конце тридцатых и первой половине сороковых годов прошлого столетия. Руководитель «Союза справедливых», рабочего общества, переименованного позднее в «Союз Коммунистов», для которого в 1847 г. Марксом и Энгельсом был написан «Коммунистический манифест». В половине сороковых годов В., первоначально с восторгом встреченный Марксом, разошелся с ним и уехал в Америку, где поселился в коммунистической земледельческой колонии в штате Иова и умер в страшной бедности. Ученики Вейтлинга в Германии были в числе первых последователей Лассалля и его «Всеобщего Немецкого Рабочего Союза», после слияния с эйзенахцами (последователями Маркса) превратившегося в германскую с.-д. партию.

²⁰²⁾ Фирма Крупн владеет величайшими сталелитейными и пушечными заводами, находящимися в Рейнской области, близ г. Эссена, и основанными в 1810 году.

²⁰³⁾ Клемансо — один из руководителей французского империализма и непримиримый враг коммунизма и Советской России, бывший премьер-министр французской республики.

²⁰⁴⁾ *Виги и торы*—английские политические партии, борьба которых играла определяющую роль в политической жизни Англии XVII века. Начало этих партий восходит ко второй английской революции 1688 г.

²⁰⁵⁾ *Ирландия* в продолжение нескольких десятилетий тщетно добивается от великобританского правительства независимости. В министерстве Гладстона парламентский вождь ирландской оппозиции Парнэлл, которому удалось организовать сильную группу депутатов, прибег к тактике обструкции. Одновременно фении (ирландские революционные националисты) использовали на местах тактику бойкота английских лендлордов, пользуясь временами и террористическими актами. Гладстон, вынужденный обещать ирландцам гомруль (самоуправление), вышел в отставку вследствие откола от либеральной партии значительной группы ее, противников гомруля. Второй раз ирландский вопрос чрезвычайно обострился во время министерства Ллойд-Джорджа, незадолго до империалистической войны. Ллойд-Джордж вынужден был внести в палату проект гомруля, но реформа была сорвана правым крылом консерваторов, потребовавшим выделения из автономной Ирландии Ульстера, графства, населенного наполовину не-католиками, каковыми являются ирландцы. Ульстерские (читай великобританские) националисты угрожали гражданской войной и погромами, демонстративно вооружаясь. Империалистическая война, бросившая Англию, подобно другим государствам Европы, в объятия реакции, вопрос о гомруле сняла с порядка дня. Группой крайних ирландских националистов при поддержке Германии была предпринята попытка восстания во время войны, окончившаяся неудачей. После войны ирландский вопрос крайне обострился. Ирландцы прибегли одновременно к террору и вооруженным восстаниям. Борьба приняла кровавый и затяжной характер. Английское правительство отвечало объявлением военного положения, расстрелами и полицейскими погромами. Ульстерцы, со своей стороны, противились всяким попыткам примирения и обостряли положение. В Дублине собрался нелегальный ирландский «парламент», и образовалось республиканское правительство Ирландии. Ллойд-Джордж вынужден был пойти на уступки и вступить в переговоры с ирландцами, которые до настоящего времени еще не привели к окончательному решению.

²⁰⁶⁾ Согласно *столыпинскому избирательному закону* о выборах в Государственную Думу, введенному 3 июня 1908 г. в 6 губерниях: Московской, Петербургской, Костромской, Владимирской, Харьковской, Екатеринославской — рабочие-выборщики, при трехстепенных выборах, были выделены в особые избирательные курии, выбиравшиеся ими уполномоченные входили в общие губернские избирательные собрания, которые обязаны были избрать в числе других депутатов по одному представителю от рабочей курии каждой из перечисленных губерний. В других губерниях рабочие фактически были лишены избирательных прав. На выборах в IV Государственную Думу в 1912 г. (точно так же, как и в третью в 1908 г.) во всех шести указанных губерниях по рабочей курии победили большевики. Меньшевики провели своих депутатов или от общих курий Кавказа, или от далеких окраин голосами мелко-буржуазных избирателей.

²⁰⁷⁾ *П. Б. Аксельрод* — см. том XIV, прим. 59.

²⁰⁸⁾ *Штейн* (псевдоним) — меньшевик, старый эмигрант, постоянно проживающий в Германии и близкий к немецким «независимым»; вместе с Л. Мартовым и П. Аксельродом, также жившими за границей, являлся источником «информации» для деятелей 2-го и 2½-го Интернационалов по делам русской революции.

²⁰⁹⁾ *Апрельская конференция 1917 г.* Р. С.-Д. Р. П. (б.) — см. том XIV прим. 329.

²¹⁰⁾ *Август Бебель* — см. том XIV, прим. 301.

²¹¹⁾ *I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов* открылся в Петербурге 3 июня 1917 г. и продолжался несколько недель. Всего присутствовало 790 делегатов, большая часть которых принадлежала к меньшевикам, меньшая — к социалистам-революционерам. Большевиков было только 103 делегата, что составляет 13% общего числа всех делегатов. Съезд прошел целиком под руководством меньшевиков (Церетели, Дан) и эс-эров, высказавшись за участие социалистов в буржуазном Временном Правит., за «оборону отечества», «заем свободы» и поддержку наступления на фронте по требованию Антанты. Съезд воспретил большевистскую демонстрацию 8 июня в Петербурге, но демонстрация, назначенная самим съездом на 18 июня, прошла целиком под большевистскими лозунгами. Двукратное выступление П. Ленина на съезде не встретило поддержки делегатов (его речи на съезде, см. «Собр. сочин. т. XIV, часть I, стр. 255 и 300). Съезд выбрал ЦИК из меньшевиков и эс-эров, просуществовавший до II съезда Советов и принужденный против своей воли сложить полномочия по требованию делегатов последнего.

²¹²⁾ *Состав Всероссийских съездов Советов* за последующие годы является еще более коммунистическим, если судить по данным, приведенным Н. Лениным, за 1917 и 1918 г.г. Если пополнить приводимую Лениным таблицу данными 6, 8 и 9 съездов (протоколы VII съезда не изданы), таблица приобретает следующий вид:

Всеросс. с'езды советов	Число депутатов.	Из них коммунистов.	% коммунистов.
1-й—3 июня 1917 г. . . .	790	103	13%
2-й—25 октября 1917 г. .	675	343	51%
3-й—10 января 1918 г. . .	710	434	61%
4-й—14 марта 1918 г. . . .	1.232	795	64%
5-й—4 июля 1918 г.	1.164	773	66%
6-й—7 ноября 1918 г. . . .	967	950	97%
8-й—22 декабря 1920 г. . .	1.728	1.614	93%
9-й—23 декабря 1921 г. . .	1.631	1.522	93%

Сокращение числа депутатов на шестом съезде объясняется оккупацией немецкой армией западной России и Украины и чехо-эс-эровским восстанием на Волге и в Сибири. Восьмой и девятый съезды являются наиболее полными съездами из всех других как по числу депутатов, так и по количеству и территории представленных областей. 114 депутатов не-коммунистов на восьмом съезде принадлежали к беспартийным, соответствующая цифра для девятого съезда — 109

²¹³⁾ *Меньшевики-активисты* — правое крыло меньшевиков, активно борющееся с Советской властью, участвуя в гражданской войне и поддерживая противосоветские контр-революционные правительства

²¹⁴⁾ *Евгений Рихтер* (род. в 1838 г.) — депутат рейхстага и лидер партии «свободомыслящих». Деятельный противник социал-демократии и автор многочисленных памфлетов, направленных против нее.

²¹⁵⁾ *II съезд Р. С.-Д. Р. П.* был создан по инициативе редакции «Искры» в 1903 г. и выработал партийную программу. В конце съезда произошел раскол на почве организационных вопросов (членство в партии, состав партийных центров и др.). Речи Н. Ленина на съезде, см. том IV «Собрания сочинений», стр. 261 и последующие.

²¹⁶⁾ *Р. Grimm* — см. том XIV, прим. 57.

²¹⁷⁾ *Гаазе* — см. том XIV, прим. 46.

²¹⁸⁾ *Сам. Гомперс*, председатель американской Федерации Труда, которым состоит 37 лет, социал-империалист и сторонник «гармонии классовых интересов», «рабочий лейтенант класса капиталистов» в Америк. рабоч. движении, по профессии—сигарщик. По его инициативе была основана Гражданская Федерация Труда, — организация, проповедующая классовую гармонию и борющаяся против стачек; президентом Федерации состоит миллиардер Морган, вице-президентом—Гомперс.

²¹⁹⁾ *К. Каутский*, «Путь к власти». Перевод с немецкого под редакцией Н. Мещерякова. Москва. Изд. «Волна». 1918 г.

²²⁰⁾ «*Две тактики социал-демократии в демократической революции*» — брошюра Н. Ленина, первоначально была издана в Женеве в июне 1905 г. Текст, вошедший в Петербургское издание сборника «За двенадцать лет» 1907 г., подвергался цензурным искажениям. То же относится и к петербургскому изданию 1918 г. В России впервые точный женеvский текст воспроизведен в издании Московского Совета. «Две тактики» входят в VI том «Собрания сочинений» И. Ленина.

²²¹⁾ *Народники-коммунисты* — группа, отколовшаяся от левых социалистов-революционеров после организованного лево-эс-эровским ЦК убийства германского посла графа Мирбаха и сохранившая верность первоначальной политической линии левых эс-эров первого периода русской революции, когда они активно поддерживали Советскую власть.

Революционные коммунисты — лево-эс-эровская группа, отколовшаяся от партии, подобно народникам-коммунистам, но отказавшаяся от народнических предрассудков и идеологии и очень скоро целиком вошедшая в РКП.

²²²⁾ *Прошьян*, — левый социалист-революционер, был народным комиссаром почт и телеграфов до подписания Брестского мира, когда вместе со своими единомышленниками Штейнбергом и Калегаевым вышел в отставку. И., подчиняясь своему ЦК, принял участие в лево-эс-эровском мятеже 6 июля 1918 г. в Москве. Позднее активной политической роли не играл и хотя официально не вышел из партии, но не поддерживал контр-революционной политики ее активистского крыла (Спиридонова, Камков, Тамара и др.). Умер в 1918 году. Н. Ленин посвятил ему теплый некролог (см. стр. 606 настоящего тома).

²²³⁾ *Муравьев*, — бывший офицер генерального штаба, левый эс-эр. Во время движения войск генерала Краснова и Керенского на Петербург в конце октября 1917 г. (см. прим. 31) командовал Красной гвардией и отразил нападение. Будучи назначен главнокомандующим советских войск, действовавших против чехо-словаков, по приказу лево-эс-эровского ЦК предпринял в июле 1918 г. попытку мятежа против Советской власти, но, оставшись одиноким, покончил самоубийством (см. прим. 152).

²²⁴⁾ *С. Маслов* — см. том XIV, прим. 122.

²²⁵⁾ *VI Всеросс. Чрезвычайный съезд Советов* состоялся в Москве 6 — 9 ноября 1918 г. и был приурочен к празднованию первой годовщины октябрь-

ской революции. Депутатов присутствовало 1.296, из которых 963 пользовались решающими голосами. Последние распределялись следующим образом: коммунистов — 946, револ. коммунистов — 8, левых эс-эров — 4, народных коммунистов — 2, максималистов — 1, анархистов — 1, беспартийных — 1. Порядок дня съезда: 1) Годовщина революции. 2) Международное положение. 3) Военное положение. 4) Строительство Советской власти в центре: Комитеты бедноты и Советы на местах. Одним из важнейших решений съезда является постановление об упразднении Комитетов бедноты и о замене их волостными и сельскими Советами.

²²⁶⁾ *Н. Ленин (Вл. Ульянов), «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»*. написан в 1908 г., напечатан в 1918 г. книгоиздательством «Жизнь и Знание».

В. Ильин, «Из истории с.-д. аграрной программы» (статьи 1901—1906 г.г.), книгоиздательство «Жизнь и Знание», Петерб. 1917 г. Оба издания входят в IX т. «Собрания сочинений».

²²⁷⁾ *К. Каутский, «Аграрный вопрос»* написан в 1899 г., на русском языке впервые появился в 1906 г. в переводе Н. А. Рожкова, в издании Петровской библиотеки в Москве.

²²⁸⁾ *Родбертус* — см. том XIV, прим. 253.

²²⁹⁾ *Вандервельде* — см. том XIV, прим. 76.

²³⁰⁾ *Ж. Гад* — см. том XIV, прим. 38.

²³¹⁾ *К. Менгер* (род. в 1840 г.), — профессор политич. экономии Венского университета, в общем стоял на почве взглядов Дж.-Ст. Милля.

²³²⁾ *Я. М. Свердлов* (1885—1919 г.г.) — родился в Нижнем-Новгороде, первоначальную профессию фармацевта очень рано сменил на профессию революционера. Впервые был арестован в 1902 г. за участие в демонстрации. В 1903 г. был подвергнут гласному надзору полиции вследствие его участия в с.-д. работе. Последовательно работал в Нижнем, Казани, Саратове и на Урале. Арестованный в Перми в 1907 году, был приговорен Казанской судебной палатой к двум с половиной годам крепости. По окончании срока тюремного заключения принимал участие в работе Московского Комитета, был вновь арестован в конце 1909 г. и выслан на четыре года в Нарымский край, откуда вскоре бежал. Арестованный в Петербурге, вновь был сослан в Нарым, откуда, за участие в демонстрации, устроенной ссыльными, С. был выслан в Максимкин Яр, один из самых отдаленных поселков Нарымской ссылки. С. снова пытается бежать, что ему, наконец, удается после шести безуспешных попыток, но вскоре подвергается аресту в Петербурге и водворению обратно. После нового побега в 1912 г. С. принимает энергичное участие в с.-д. работе в Петербурге. Выданный Малиновским, подвергается новой ссылке в Туруханский округ, откуда его освобождает Февральская революция. На апрельской конференции 1917 г., на которую он имел мандат от уральских организаций, С. вошел в ЦК, деятельнейшим членом и секретарем которого оставался до самой смерти. В ноябре 1917 года, после отставки Каменева, последовавшего вследствие его разногласий с политической линией ЦК, С. был избран председателем ВЦИК, на каковом посту самым энергичным образом содействовал закреплению победы пролетариата и организации Советской власти на всем протяжении Республики.

²³³⁾ *Фридрих Адлер* — см. том XIV, прим. 75.

²³⁴⁾ *Г. Е. Зиновьев* — см. том XIV, прим. 187.

²³⁵⁾ *Венгерская революция 1848 г.*, принявшая форму национального восстания, первоначально достигла больших успехов и грозила самому существо-

ванию Габсбургской империи. Николай I пришел на помощь гибнущей монархии, двинув в Венгрию русские войска, и в море крови подавил восстание (венгерская война 1848—1849 г.г.).

²³⁶⁾ *Польское восстание 1863—1864 г.г.* является последним эпизодом борьбы старой Польши против царистской России, аннексировавшей Польшу. Во главе восстания, подготовленного рядом революционных конспиративных кружков («троек») и начавшегося 10—22 января 1863 г. одновременным нападением на русские войска в 16 польских городах и местечках, стал Ржонд Народовый (Временное Правительство). Восстание приняло форму партизанской войны с русскими войсками. Чтобы привлечь на свою сторону крестьянство, Ржонд Народовый был принужден издать декрет о наделении крестьян землею. К началу 1864 г. восстание было подавлено, и 11 февраля был рассеян последний отряд. Польша была превращена в «Привислииский край», разбитый на ряд губерний, управляемых русской администрацией. Четыре члена Ржонда Народового были казнены. По далеко неполным официальным сведениям, поляки во время борьбы потеряли до 30 тысяч человек; 3.343 повстанца были повешены (из них ранены 2.169).

²³⁷⁾ *Гельголанд* небольшой островок в Северном Немецком море, необычайно сильно укрепленный Германией, прикрывал подступы к морской крепости Килу и Вильгельмсгафенскому каналу, соединяющему Балтийское и Северное Немецкое моря и доступному для самых крупных военных судов.

В г. *Эссене* находятся самые большие в мире металлургические и военные заводы, принадлежащие германской фирме Крупп.

²³⁸⁾ *Питирум Сорокин* — правый социалист-революционер, деятель Исполнительного Комитета Первого Крестьянского съезда в 1917 году, депутат Уч. Собрания и член бюро эс-эровской фракции, позднее активный деятель чехо-эс-эровской контр-революции.

²³⁹⁾ *I Всероссийский съезд земельных отделов коммун и комитетов бедноты* состоялся в Москве 11—20 декабря 1918 года, был посвящен обсуждению ряда деловых вопросов и работал по преимуществу секционным порядком. Пленарные заседания имели место только 11, 17, 19 и 20 декабря. Н. Ленин выступал с программной речью на первом из них. На съезде присутствовало 550 делегатов от 38 губерний, из них 457 решающих и 93 совещательных. Решающие голоса распределились по партиям следующим образом: коммунистов — 364, сочувствующих — 68, беспартийных — 14, левых эс-эров — 8, меньшевиков-интернационалистов — 1 и анархистов — 4. Делегаты имели полномочия от следующих организаций: от губернских земельных отделов — 147, от комитетов бедноты — 63, от сельско-хозяйственных коммун — 28 и от уездных земельных отделов — 312.

²⁴⁰⁾ *Коллегиальное управление промышленными предприятиями* было отменено IX съездом РКП в 1920 г., который постановил перейти к «единоличию». См. по этому вопросу речь Н. Ленина и примечания к ней в XVII томе «Собрания сочинений».

²⁴¹⁾ *Эберт* — немецкий с.-д. из шейдемановской партии, президент Германской республики.

²⁴²⁾ *Реннер* — австрийский с.-д. правого крыла.

Летопись важнейших событий.

1917 год.

- 25 октября. Победа пролетариата в Петербурге. Занятие Зимнего Дворца. Арест Временного Правительства.
- 25—26 октября. II Всероссийский Съезд Советов.
- 26 октября. Образование Совета Народных Комиссаров. Декреты о мире и о земле. Образование В.-Р. Комитета в Москве.
- 27 октября. Движение конного корпуса ген. Краснова во главе с Керенским на Петербург. Начало вооруженной борьбы в Москве.
- 29 октября. Восстание юнкеров в Петербурге. Сдача Краснова. Бегство Керенского.
- 27 октября — 2 ноября. Переговоры по инициативе Викжеля об образовании коалиционной «социалистической» власти. Конфликт в ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б.) по тому же вопросу.
- 2 ноября. Победа Военн.-Революционного Комитета в Москве. Капитуляция юнкеров в городской думе.
- 9 ноября. Смещение Духонина и назначение Главковерхом Крыленко.
- 15 ноября. Слияние Советов крестьянских депутатов с ЦИК Советов Р. и С. Д.
- 16 ноября. Согласие Германии и Австрии вступить в мирные переговоры. Роспуск Петербургской городской думы.
- 20—22 ноября. Первая встреча русской делегации с делегатами германской коалиции в Бресте.
- 22 ноября. Подписание договора о перемирии с германской коалицией.
- 26 ноября. Первые бои с корниловцами на Дону.
- 26 ноября. IV съезд партии соц.-революционеров в Петербурге.
- 31 ноября. Бои с польскими legionами под Рогачевым.
- » » Поражение Корнилова, занятие Таганрога и Ростова.
- 5 декабря. Поражение Дутова, занятие Оренбурга.
- 13 декабря. I Всукраинский Съезд Советов в Харькове.
- 22 декабря. Признание ВЦИК независимости Финляндии.

1918 год.

- 5 января. Заседание Учредительного Собрания.
- 7 января. Декрет ВЦИК о роспуске Учр. Собр. Составление Н. Лениным «Тезисов о мире».

- 8 января.** Совещание ЦК, Р. С.-Д. Р. П. (б.) с партийными работниками по вопросу о мире.
- Начало января.** Стачки в Германии и Австрии с требованиями мира.
- 10—18 января.** III Съезд Советов.
- 21 января.** Совещание ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б.) с партработниками по вопросу о мире.
- Январь—март.** Рабочая революция в Финляндии.
- 1 (14) февраля.** Введение нового стиля. 1 февраля считалось за 14 февраля.
- 10 февраля.** Заявление Троцкого в Бресте о прекращении состояния войны. Демобилизация армии и отказ подписать аннексионистский мир.
- 18 февраля.** Возобновление немецкого наступления. Занятие Двинска. Решение ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б.) возобновить переговоры.
- 19 февраля.** Радио Совета Народных Комиссаров Германии с предложением возобновить переговоры.
- 22 февраля.** Согласие Германии на возобновление переговоров.
- 23 февраля.** Решение ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б.) подписать брестские требования Германии.
- 24 февраля.** Опубликование ленинских «Тезисов о мире».
- 2 марта.** Подписание Брестского договора.
- 6—8 марта.** VII Съезд РКП в Петербурге, санкционировавший Брестский договор.
- 12 марта.** Переезд правительства в Москву.
- 14—18 марта.** IV Чрезвычайный Съезд Советов в Москве.
- 15 марта.** Ратификация IV Съездом Советов Брестского договора.
- 22 марта.** Основные декреты о Красной армии.
- 29 марта.** Приглашение Владивостокской гор. думой (меньшевики и эс-эры) японцев.
- Март—апрель.** Подавление немецкими оккупационными войсками рабочей революции в Финляндии.
- Март—Июнь.** Борьба на Кубани с белыми.
- 6 апреля.** Оккупация Владивостока Японией.
- 9 апреля.** Переход русского флота из Свеаборга в Кронштадт. Провозглашение сеймом независимости Закавказья.
- 20 апреля.** Приезд в Москву германского посла гр. Мирбаха.
- 29 апреля.** Провозглашение Скоропадского Всеукраинским гетманом.
- 1 мая.** Грандиозные первомайские демонстрации в Советской России.
- 5 мая.** Установление демаркационной линии на украинском фронте.
- 6—14 мая.** VIII Совет партии соц.-рев. в Москве, решивший «восстановить восточный фронт».
- 26 мая.** Роспуск Закавказского сейма и образование Грузинской республики. Захват чехо-словацкими войсками Челябинска.

- p>28 мая. Захват чехо-словаками Мариинска, Миас, Пензы и ст. Ртищево.
p>30 мая. Наступление атамана Дутова за Волгой.
p>8 июня. Захват чехами Самары.
p>11 июня. Образование Реввоенсовета Вост. фронта.
p>14 июня. Исклучение эс-эров и меньшевиков из ВЦИК.
p>20 июня. Убийство Володарского.
p>23 июня. Занятие чехами Уфы.
p>Конец июня. Продвижение немцев на Дон и Кубань. Затопление Черноморского флота в Новороссийске. Начало крестьянских восстаний на Украине. Появление атамана Семенова на Дальнем Востоке.
p>4—10 июля. V Всеросс. Съезд Советов.
p>7 июля. Лево-эс-эровский мятеж в Москве. Убийство графа Мирбаха левыми эс-эрами.
p>9 июля. Утверждение Советской конституции V Съездом Советов.
p>11 июля. Белогвардейское восстание в Ярославле.
p>17 июля. Расстрел Николая II.
p>22 июля. Занятие чехами и «пародной армией» Симбирска.
p>28 июля. Занятие чехами и «народной армией» Екатеринбурга.
p>2 августа. Английский десант в Архангельске. Образование эс-эровского Северного правительства.
p>10 августа. Занятие чехами и «народной армией» Казани. Массовые расстрелы казанских рабочих и коммунистов.
p>14 августа. Падение Советской власти и появление англичан в Баку.
p>27 августа. Заключение дополнительных соглашений с Германией, обусловленных Брестским договором.
p>30 августа. Убийство Урицкого. Покушение на Ленина.
p>4—5 сентября. Переворот в Архангельске. Отставка эс-эров. Образование правительства Чайковского.
p>7 сентября. Занятие Красной армией Самары.
p>10 сентября. Занятие Красной армией Казани.
p>12 сентября. Занятие Красной армией Симбирска.
p>23 сентября. Образование Всеросс. Директории на Уфимском совещании.
p>26 октября. Начало массовых демонстраций в Берлине.
p>30 октября. Массовые демонстрации в Вене.
p>31 октября. Перемирие Антанты с Турцией.
p>1 ноября. Появление флота Антанты в Черном море. Восстание германского военного флота в г. Киле.
p>5 ноября. Начало забастовки в Берлине и др. городах Германии.
p>6—9 ноября. VI Всеросс. Съезд Советов.
p>9 ноября. Падение монархии в Германии. Отречение Вильгельма.
p>10 ноября. Образование Временного Правительства Германской Социалистической Республики. Совет народных уполномоченных (3 шейдемановца и 3 «независимца»).

- 11 ноября. Перемирие Антанты с Германией. Брожение во французской армии. Всеобщая забастовка в Швейцарии.
- 12 ноября. Окончание всеобщей забастовки в Германии.
- 13 ноября. ВЦИК аннулировал Брестский договор.
- 18 ноября. Колчаковский переворот в Омске.
- 20 ноября. Занятие Красной армией Пскова.
- 22 ноября. Занятие Красной армией Жлобина.
- 28 ноября. Занятие Красной армией Нарвы.
- 3 декабря. Занятие Красной армией Валук.
- 6 декабря. Занятие Красной армией Двинска.
- 14 декабря. Занятие Красной армией Минска.
- 17—25 декабря. Общегерманский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в Берлине.
- 18 декабря. Занятие Красной армией ст. Лиски на Красновском фронте.
- 20 декабря. Занятие Красной армией Ревеля.
- 21 декабря. Занятие Красной армией Купянска.
- 28 декабря. Выход «независимых» из Совета Народных Уполномоченных Герм. Соц. Республики.
-

XV том Собрания сочинений Н. Ленина (В. И. Ульянова)
подготовлен к печати

К. Новицким и Н. Овсянниковым
под редакцией **Л. Каменева.**

Примечания составлены
Н. Овсянниковым.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Вместо введения, <i>Л. Каменева</i>	5

1917 г.

Октябрь.

Об Октябрьской революции. (Речь на заседании Петербургского Совета 25 октября 1917 г.).	11
О мире. (Речь на II Всеросс. съезде Советов 26 октября 1917 г.).	12
Декрет о мире. (Собрание узакон. и распоряж. Рабоч.-Крестьян. Правительства. Изд. 1918 г.).	13
Заключительное слово при обсуждении декрета о мире.	16
О земле. (Речь на II Всеросс. съезде Советов 26 октября 1917 г.).	18
Декрет о земле.	20

Ноябрь.

Речь о свободе печати. (Речь на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 г.).	23
Ответ на запрос левых эс-эров.	24
Реплика левому эс-эру.	26
Разговор с ген. Духониним. («Протоколы ВЦИК 2-го созыва». Изд. 1918 г.).	27
Радио «всем» о смещении ген. Духонина. («Протоколы ВЦИК 2-го созыва». Изд. 1918 г.).	30
О генерале Духонине. (Речь на засед. ВЦИК 10 ноября 1917 г.) («Протоколы ВЦИК 2-го созыва». Изд. 1918 г.).	31
Реплика по тому же вопросу. («Протоколы ВЦИК 2-го созыва». Изд. 1918 г.).	32
Союз рабочих с трудящимися и экспл. крестьянств. (Листок).	33
О праве отзыва и перевыборов членов Учр. Собрания. (Речь на заседании ВЦИК 21 ноября 1917 г.).	35
Речь на Всеросс. съезде военного флота 22 ноября 1917 г. («Известия Петербургского Совета Р. и С. Д.». № 235, 25/XI 1917 г.).	37

Декабрь.

Объявление кадетов врагами народа. (Речь на заседании ВЦИК 1 дек. 1917 г.).	41
О национализации банков. (Речь на заседании ВЦИК 14 дек. 1917 г.).	44
«Тезисы об Учредительном Собрании». («Правда» 26/XII 1917 г.).	46

1918 г.

Стр.

Январь.

Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа. («Правда» № 3, 5/1 1918 г.).	50
Декларация фракции Р. С.-Д. Р. П. (б.), оглашенная на засед. Учред. Собрания 5 января 1918 г. «Учредительное Собрание». Стенографич. отч. Изд. 1918 г.	52
О роспуске Учр. Собрания. (Речь на заседании ВЦИК 6 янв. 1918 г.). . .	53
Декрет о роспуске Учредительн. Собрания. («Правда» № 5, 8/1 1918 г.). .	57
«Тезисы о мире». («Правда» № 34, 24/II 1918 г.).	58
<i>III Всероссийский съезд Советов. (11—18 января 1918 г.).</i>	<i>65—87</i>
Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров. («Третий Всеросс. съезд Советов». Изд. 1918 г.).	67
Заключительное слово по докладу. («Третий Всероссийский съезд Советов». Изд. 1918 г.).	81
Заключительная речь. («Третий Всероссийский съезд Советов». Изд. 1918 г.).	84
Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию. («Правда» № 18, 24/1 1918 г.).	88

Февраль.

О революционной фразе. («Правда» № 31, 21/II 1918 г.).	92
К истории вопроса о несчастном мире. («Правда» № 34, 24/II 1918 г.).	100
Позиция ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б.) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире.	—
Странное и чудовищное. («Правда» № 37, 28/II 1918 г.).	101

Март.

Серьезный урок и серьезная ответственность. («Правда» № 42, 6/III 1918 г.).	107
<i>VII съезд РКП (6—8 марта 1918 г.).</i>	<i>113—151</i>
Доклад о Брестском мире. («Из архива ЦК РКП»).	115
Заключительное слово по докладу. («Из архива ЦК РКП»).	131
Доклад об изменении партийной программы и названия партии. («Из архива ЦК РКП»).	136
Черновой набросок проекта новой программы. («Коммунист» № 5, 9/III 1918 г.).	147
Главная задача наших дней. (Речь в Моск. Совете 13 марта 1918 г.) («Известия ВЦИК» № 84, 12/III 1918 г.).	152
Годовщина Февральской революции. («Коммунист» № 8, 14/III 1918 г.). .	156
<i>IV Всероссийский съезд Советов (14—16 марта 1918 г.).</i>	<i>159—171</i>
Доклад о Брестском мире. (Стенографич. отчет IV Чрезвычайн. съезда Советов, Госиздат. 1920 г.).	161
Заключительное слово к решениям о Брестском мире. (Стенографич. отчет IV Чрезвычайн. съезда Советов. Госизд. 1920 г.).	166
Резолюция съезда. (Стенографич. отчет IV Чрезвычайн. съезда Советов. Госиздат 1920 г.).	170

Апрель.

Стр.

Речь в Московском Совете. (Заседание 23 апреля 1918 г.). («Правда» № 79, 21/IV 1918 г.).	172
Очередные задачи Советской власти. (Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.). («Известия ВЦИК» № 85, 29/IV 1918 г.).	179
Доклад об очередных задачах Сов. власти. («Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва». Изд. 1920 г.).	209
Заключительное слово по докладу об очередных задачах Совет. власти. («Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва». Изд. 1920 г.).	226

Май.

О «левом» ребячестве и о мелко-буржуазности. («Правда» № 84 — 86, 9 — 11/III 1918 г.).	235
Предисловие к брошюре «К. Маркс».	259
О международном положении. (Речь на заседании ВЦИК 14 апреля 1918 г.).	—
Речь на съезде Комиссаров труда. («Правда» № 101, 24/V 1918 г.).	269
О голоде. (Письмо питерским рабочим.)	273
Речь на I съезде Советов Народного Хозяйства. (Труды Всеросс. съезда Советов Народн. Хозяйства». Изд. 1918 г.).	279

Июнь.

Борьба за хлеб. (Речь на соедин. заседании ВЦИК и Моск. Совета 4 июня 1918 г.).	285
Заклучительное слово.	300
Доклад IV Конференции фаб.-завкомов и профсоюзов Москвы. (Речь на заседании 27 июня 1918 г.).	305
Заклучительное слово. (Речь на заседании 28 июня 1918 г.).	320
Резолюция по докладу.	330
Пророческие слова. («Правда» № 133, 2/VI 1918 г.).	—

Июль.

V Всероссийский съезд Советов (4 июля 1918 г.).	337—355
Доклад о деятельности Совета Нар. Комиссаров. (Речь на заседании 5 июля 1918 г.). (Стенограф. отчет «Пятый Всеросс. съезд Советов». Изд. 1918 г.).	339
Заклучительное слово по докладу («Пятый Всероссийский съезд Советов». Стенограф. отчет. Изд. 1918 г.).	354
Речь на заседании ВЦИК по поводу предложения германок. правительства о вводе батальона солдат для охраны посольства. («Протоколы ВЦИК 5-го созыва». Изд. 1918 г.).	356
Речь на съезде председателей губернских исполкомов. («Известия ВЦИК». 30/VII 1918 г.).	359
О положении Советской Республики. (Речь на заседании ВЦИК, 29 июля 1918 г.).	361

Август.

Письмо к американским рабочим. Изд. отдельн. брошюрой в 1918 г.	373
Речь на I Всеросс. съезде по народному образованию. («Правда» № 184, 30/VIII 1918 г.).	385

Октябрь.

	Стр.
О характере наших газет. («Правда» № 200, 20/IX 1918 г.).	387
О германской революции. (Письмо в ВЦИК.).	389
Пролетарская революция и ренегат Каутский. («Правда» № 219, 11/X 1918 г.).	391
О международной революции. (Речь 22 октября 1918 г. на соединенном заседании ВЦИК, Моск. Совета и профсоюзов).	398
Пролетарская революция и ренегат Каутский (брошюра).	411—493

Ноябрь.

<i>VI Всероссийский съезд Советов (6—9 ноября 1918 г.).</i>	<i>495—540</i>
Годовщина пролетарской революции.	497
О международной революции.	508
Ценные признания Питирима Сорокина («Правда» № 252, 21/IX 1918 г.).	519
О мелко-буржуазных партиях. (Речь на собрании партийных работников 27 ноября 1918 г.).	526

Декабрь.

О рабочей кооперации. (Речь на III съезде рабочей кооперации 7 дек. 1918 г.).	540
Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун. (Заседание 11 дек. 1918 г.).	547
О хозяйственных задачах. (Речь на II Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства 19 декабря 1918 г.).	557
Памяти Прошьяпа («Правда» № 278, 20/XII 1918 г.).	562
О «демократии» и диктатуре («Правда» № 2, 3/I 1919 г.).	564

Дополнения.

Позиция ЦК РС-ДРП (б.) в вопросе о сепаратном и об аннексионистском мире.	569
Предисловие к сборнику «Против течения».	571
Приложение: ЦК РКП и Брестский мир. (По материалам архива ЦК РКП составлено Н. Овсянниковым).	573
Примечания.	589
Летопись важнейших событий.	638

ЛЕНИН, о ЛЕНИНЕ и ЛЕНИНИЗМЕ.

Адоратский, В. О теории и практике ленинизма (Революционного марксизма.) М.—Л. „Красная Новь“. 1924. 137 стр. Ц. 75 к. (Распродано).

Бухарин, Н. Революционный теоретик. Изд. Л. ГИЗ. 1924. 12 стр. Ц. 5 к.

Воронский, А. Ленин и человечество. Изд. Л. ГИЗ. 1924. 64 стр. Ц. 20 к.

Гиринис, С. Ленин о специалистах науки и техники. М.—Л. „Кр. Новь“. 1924. 38 стр. Ц. 20 к.

Деборин, А. Ленин как мыслитель. М.—Л. Изд. „Кр. Новь“. 1924. 87 стр. Ц. 45 к.

Еремеев, К. И. Ленин и рабочий класс.—П. Встречи с ним. 2-е изд. Л. ГИЗ. 1924. 30 стр. Ц. 10 к.

Зиновьев, Г. Ленин. Л. ГИЗ. 1924. 310 стр. Ц. 2 р. (Распродано).

Зиновьев, Г. Мировая партия ленинизма. М. „Кр. Новь“. 1924. 226 стр. Ц. 70 к.

Зиновьев, Г. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. Л. ГИЗ. 1924. 31 стр. Ц. 15 к.

Зиновьев, Г. На смерть Ленина. Л. ГИЗ. 1924. Ц. 15 к.

Зиновьев, Г. В. И. Ленин. Гений, учитель, вождь и человек. (Речь на заседании Ленинград. Совета 7 февраля 1924 г.). Л. ГИЗ. 1924. 61 стр. Ц. 20 к.

Зиновьев, Г. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. М. ГИЗ. 31 стр. Ц. 20 к.

Керженцев, П. М. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. С предисл. Н. К. Крупской. 3-е изд. М. ГИЗ. 1925. Ц. 1 р. 15 к.

Кржижановский, Г. О Владимире Ильиче. М. „Кр. Новь“. 1924. Ц. 18 к.

Крупская, Н. К. О Владимире Ильиче. 2-е изд. М. ГИЗ. 1925. 24 стр. Ц. 10 к.

Лелевич, Г. Ленин как историк партии и революции.

Ленин, Н. Задачи союза молодежи. (Речь на III Всероссийском съезде РКСМ). Л. ГИЗ. 1924. 36 стр. Ц. 15 к.

Ленин и Брестский мир. Статьи и речи Н. Ленина в 1918 году о Брестском мире. С вводной статьей и примечаниями Н. Овсянникова. 2-е изд. М. ГИЗ. 117 стр. Ц. 40 к. (Распродано).

Ленин, В. И. О новой экономической политике. Статьи и речи. 2-е изд. М. ГИЗ. 1924. 227 стр. Ц. 75 к.

Ленин, Н. Карл Маркс. (Биографический очерк и изложение марксизма.) М. ГИЗ. 1925. Ц. 15 к.

Ленин, Н. (Н. Тулин). Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе.) 2-е изд. М. ГИЗ. 171 стр. Ц. 65 к.

Ленин, Н. и Плеханов, Г. Против А. Богданова. М. „Кр. Новь“. 1923. 168 стр. Ц. 60 к.

Ленин, В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата и революции. 2-е изд. М. ГИЗ. 1924. 127 стр. Ц. 35 к.

Ленин, Н. (В. И. Ульянов). Задачи рабочей печати. Предислов. и примечания К. П. Новицкого. М.—Л. „Кр. Новь“. 1924. 95 стр. Ц. 45 к.

Ленин, Н. (В. И. Ульянов). Коммунистический Интернационал. Статьи и речи. Предисловие Н. Н. Попова. Примечание К. П. Новицкого. М. „Кр. Новь“. 1924. 344 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Ленин, Н. (В. И. Ульянов). Крах II Интернационала. Сборник статей. Предисл. и примеч. К. П. Новицкого. М. „Кр. Н.“. 1924. 283 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Ленин, Н. (В. Ульянов). О войне 1914—1918 г.г. Избр. статьи и речи. Сборник составлен Н. Н. Поповым. М.—Л. ГИЗ. 1924. 318 стр. Ц. 1 р. 45 к.

Ленин о национальном вопросе. М. „Кр. Н.“. 1924. 160 стр. Ц. 60 к.

Ленин, Н. Основные задачи партии при эппе. 1921—1923. (Статьи и речи). 2-е изд. М. „Кр. Н.“. 168 стр. (в перепл.) Ц. 80 к.

Ленин, Н. Подготовка большевизма. М. „Кр. Н.“. 1924. 487 стр. Ц. 1 р. 70 к.

Ленин, Н. Речи и статьи. Пособие для школ политграмоты и совпартшкол. М. „Кр. Н.“. 1924. 605 стр. Ц. 2 р.

Ленин, Н. Исторический материализм. Составитель Адоратский.

Ленин, Н. Политическая экономия. Составитель Дволайцкий.

Ленин, Н. О пролетарском государстве. Составители Вегер и Стучка.

Ленин, Н. Экономическая политика. Составитель Г. Крумин.

Ленин, Н. Империализм как новейший этап капитализма.

Ленинизм в лозунгах и диалог-тивах. М. ГИЗ. 1924. 30 стр. Ц. 10 к.

Луначарский, А. Ленин. (Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы). Л. ГИЗ. 1924. 32 стр. Ц. 10 к.

Луначарский, А. Ленин и просвещение. М. „Кр. Н.“. 1924. 77 стр. Ц. 35 к.

Мартынов, А. С. Ленин и аграрный вопрос в России. М. „Кр. Н.“. 1924. 82 стр. Ц. 35 к.

Молотов. Ленин и партия за время революции. 2-е изд. М. „Кр. Н.“. 1924. 51 стр. Ц. 25 к.

Мысли В. И. Ленина об экономической политике. (Выдержки из статей и речей). Л. ГИЗ. 1924. Ц. 20 к.

Невский, В. И. В. И. Ленин. М. ГИЗ. 1924. 39 стр. Ц. 10 к.

Озол-Преднек. Дни памяти В. И. Ленина в школе II ступени. М. ГИЗ. 115 стр. Ц. 50 к.

Павлович, М. (Вольтман). Ленин. (Материалы к изучению ленинизма). М. „Кр. Н.“. 1924. 202 стр. Ц. 1 р.

Письма Ленина к Макс. Горькому. 1903—1913 г.г. Л. ГИЗ. 1924. 78 стр. Ц. 30 к.

Полянский, В. (Лебедев). Ленин и литература. Л. ГИЗ. 1924. 18 стр. Ц. 10 к.

Попов, Н. и Яковлев, Я. Жизнь Ленина и ленинизм. 2-е доп. изд. М. „Кр. Н.“. 1924. 157 стр. Ц. 60 к.

Преображенский, Е. А. В. И. Ленин. (Социологический набросок). М. „Кр. Н.“. 1924. 51 стр. Ц. 22 к.

Радек, К. О Ленине. М. „Кр. Н.“. 1924. Ц. 20 к.

Сборник воспоминаний о Ленине. Том I и II, под ред. Мещерякова.

Сейфуллина, Л. Мужичий сказ о Ленине. Л. ГИЗ. 1924. 15 стр. Ц. 6 к.

Соболев, Ю. Ленин и современники. Л. ГИЗ. 1924. 12 стр. Ц. 5 к.

Сталин, И. О Ленине и ленинизме. 2-е изд. М. ГИЗ. 92 стр. Ц. 35 к.

Сталин, И. Организатор и вождь РКП. М. ГИЗ. 13 стр.

Троцкий, Л. Ленин и старая „Искра“. (Материалы для биографа). М. ГИЗ. 48 стр. Ц. 15 к.

Троцкий, Л. О Ленине. (Материалы для биографа). 2-е изд. М. ГИЗ. 1924. 168 стр. Ц. 35 к.

Фридлянд, Ц. Ленин о войне и революции. М. ГИЗ. 1924. 184 стр. Ц. 1 р.

Ходоровский, И. Ленин. Популярный очерк для рабочих и крестьян. М.—Л. ГИЗ. 1924. 32 стр. Ц. 10 к.

Цикл лекций - бесед и художественных иллюстраций по изучению ленинизма. Вып. I. М. ГИЗ. 1924. 180 стр. Ц. 80 к.

Якубовский, Е. Гений революции. Л. ГИЗ. 8 стр. Ц. 5 к.

Ярославский, Ем. Мысли Ленина о религии. М. ГИЗ. 1925. Изд. 2-е.

Ярославский, Ем. Жизнь и работа Ленина. М. ГИЗ. 300 стр. Ц. 90 к. (Распущено).

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 3-71-37 и 2-22-24.

Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28. Тел. 1-32-44 и 5-70-41.

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ

Тверская, 28, уг. Советской пл. Тел. 3-63-14.

Моховая, 17. Тел. 2-95-19.

Моховая, 22. Тел. 2-31-20.

„Дом Книги“, Тверская, 51. Тел. 3-92-07 и 4-62-16.

Серпуховская пл., 1/43. Тел. 3-79-65.

Кувшицкий Мост, 12. Тел. 4-42-39.

Покровка, Лялин пер., 11. Тел. 5-91-29.

Мясницкая (уг. Ковдовского пер.), 46/2. Тел. 5-98-76.

Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 2-67-03.

1-я Тверская-Ямская ул., 26. Тел. 5-04-53.

„Серп и Молот“, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов. Тел. 2-91-62.

Таганская пл., 5/7. Тел. 3-14-47.

Ул. Герцена, 13. Тел. 2-64-95.

Никольская, 3. Тел. 2-86-37.

МАГАЗИНЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

Проект 25 Октября, 28, „Дом Книги“. Тел. 1-32-44.

Проект 25 Октября, 13. Тел. 5-71-21.

Проект Володарского, 53/а. Тел. 5-71-35.

Проект Володарского, 51/а.

Проект 25 Октября, 66.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА исполняет быстро и аккуратно заказы на все книги Госиздата бандеролью и небольшими почтовыми посылками наложенным платежом. При высылке денег вперед, непосредственно в Отдел (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4), **ПЕРЕСЫЛКА И УПАКОВКА БЕСПЛАТНО.**

W/

